

Печ. со стали Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ

Мин. Генералъ

ФАКСИМИЛЕ

Утис (Греша)
(Ветина)

Моу и чдога
Дуб - и адубица,
Дуб и мурат,
Дуб - и сеженбана,
Малкума рур!

Кор адимбт снфенне
Сердце свободное,
Зубофо, зоромо!
Сердце народное!

Сина народная,
Сина мурат!
Соборная снхннннн,
Дрпалга снубрус!

Сина ес неправо
Неуспеласе
Дурк - не право
Невнзблаете

Н. А. НЕКРАСОВА.

Он и не пѣ-сердцу
Русь и не губитъ
А зародитъ вѣкъ
А сирѣ сиротѣ

Снам есѣно перфелъ
Русь негубитъ
А зародитъ вѣкъ
Векра негубитъ -

Векра - не дурна
Вѣкъ - не промена
Севедре-силь
~~Добрѣ не сѣр негубитъ~~
Сирѣ сиротѣ негубитъ!

Равно негубитъ
Равно негубитъ!
Сирѣ в сирѣ сиротѣ
Негубитъ!

Твои и губитъ
Твои и обливаетъ
Твои и губитъ
Твои и губитъ
Твои и губитъ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Н. А. НЕКРАСОВА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

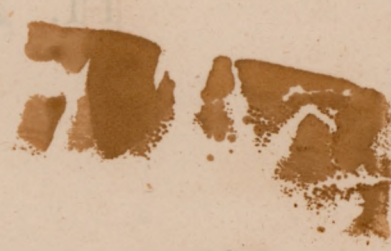
Н. А. НЕКРАСОВЪ

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE EAST ASIAN LIBRARY

J. W. HERRICK & CO. INC.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. А. НЕКРАСОВА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ВЪ ОДНОМЪ ТОМЪ.

1842 — 1877.

И выстрадаанный стихъ, пронзительно унылый,
Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой...

А Пушкинъ.

Примиритесь же съ Музой моею!
Я не знаю другого напѣва.
Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчины своей...

Н. Некрасовъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 2 л., 7.

1882

СТУДЕНЧЕСКАЯ

Н. А. НЕКРАСОВА

ВОЕННО-ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

(685)

102916

L=R

Визитная карточка
Листок в память о выдаче книги
Университет св. Елизаветы
в Кіеві
Листок в память о выдаче книги
Университет св. Елизаветы
в Кіеві

УНИВЕРСИТЕТ

1001

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Посмертное изданіе, вышедшее въ свѣтъ, въ февралѣ 1879 г., въ количествѣ 6000 экземпляровъ, разошлось менѣе, чѣмъ въ два года. Это изданіе состояло изъ четырехъ томовъ, съ примѣчаніями. Въ новомъ компактномъ изданіи, 1881 года, всѣ четыре тома стихотвореній были соединены вмѣстѣ, исключая примѣчаній къ нимъ, — а біографическія свѣдѣнія помѣщены въ сокращеніи. Стихотворенія размѣщены въ томъ же хронологическомъ порядкѣ, съ раздѣленіемъ ихъ на тѣ же два отдѣла, изъ которыхъ главный обнимаетъ собою первые три тома посмертнаго изданія, а второй — образуетъ „Приложенія“, помѣщенные въ концѣ тома. Кромѣ общаго содержанія тома въ хронологическомъ порядкѣ, это изданіе было снабжено двумя указателями: предметнымъ и алфавитнымъ. Какъ и посмертное въ четырехъ томахъ, оно могло быть названо полнымъ только въ томъ смыслѣ, что въ него вошло все, что поэтъ самъ допустилъ въ послѣднее собраніе своихъ стихотвореній 1873 года, и что явилось въ „Послѣднихъ Пѣсняхъ“ 1877 года. С. И. Пономаревъ, составившій примѣчанія къ посмертному изданію, прибавилъ къ этому только тѣ, впрочемъ, немногія стихотворенія, которыя, видимо, были опущены авторомъ по забывчивости, и на которыя онъ однако сдѣлалъ указаніе въ своихъ бумагахъ; кромѣ того, приведены всѣ стихотворенія, появлявшіяся въ періодическихъ изданіяхъ непосредственно послѣ смерти Некрасова, въ теченіе всего 1878 года. Но при этомъ сдѣлано было два отступленія отъ прежняго порядка, а именно: въ стихотвореніи „Уныніе“ и въ траги-комедіи „Герои времени“, нѣсколько строфъ, отнесенныхъ въ посмертномъ изданіи въ примѣчанія, возстановлены въ самомъ текстѣ, — и одно значительное дополненіе: къ поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо“ присоединена новая глава, не вошедшая въ посмертное изданіе и изданная въ февральской книгѣ „Отечественныхъ Записокъ“, 1881 года. Это изданіе, въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ, разошлось ранѣе конца того же года.

Въ настоящемъ, второмъ компактномъ изданіи воспроизведено сполна первое, — съ приложеніемъ портрета Н. А. Некрасова и его факсимиле, заимствованныхъ изъ посмертнаго изданія.

ИПЕДИТОРИЕ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ принадлежалъ къ помѣщичьему роду Ярославской губерніи, нѣкогда очень богатому, но впоследствии обѣднѣвшему. Отецъ поэта, Алексѣй Сергѣевичъ, служилъ въ арміи. Большую часть своей службы онъ состоялъ въ адъютантскихъ должностяхъ, которыя соединялись съ постоянными разъѣздами, такъ что Алексѣй Сергѣевичъ очень часто бывалъ то въ Кіевѣ, то въ Одессѣ, то въ Варшавѣ. По однимъ извѣстіямъ, въ Варшавѣ, а по другимъ въ Херсонской губерніи, онъ случайно познакомился съ семействомъ богатаго польскаго магната Андрея Закревскаго и женился на старшей дочери его Александрѣ Андреевнѣ, противъ воли родителей. Жизнь изнѣженной и привыкшей къ роскоши польской панны съ перваго же дня потянулась среди всякаго рода лишеній и дразгъ походной армейской жизни. Пространствовалъ еще нѣсколько лѣтъ съ полкомъ, дослужившись до чина капитана, Алексѣй Сергѣевичъ вышелъ въ отставку и поселился съ семействомъ въ родовомъ своемъ имѣніи Ярославской губерніи и уѣзда, въ сельцѣ Грешневѣ, на почтовомъ трактѣ, по Владимірской дорогѣ.

Николай Алексѣевичъ родился еще во время походной жизни отца, въ 1821 году 22 ноября, въ подольской губерніи, въ Винницкомъ уѣздѣ, въ какомъ-то еврейскомъ

мѣстечкѣ. Онъ очень рано началъ помнить себя.

Но не веселыя картины дѣтства сохранились въ этой, такъ рано пробудившейся памяти. Въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ Н. А. Некрасовъ даетъ намъ ясное представленіе о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ родительскаго дома. Такъ, лирическое стихотвореніе: «Родина», всецѣло посвящено печальнымъ воспоминаніямъ дѣтства. Въ поэмѣ «Несчастные» подобныя же дѣтскія воспоминанія рисуются еще въ болѣе подробныхъ и рѣзкихъ чертахъ.

Началомъ своего умственнаго развитія Некрасовъ былъ обязанъ матери. Рано, съ семилѣтняго возраста, началъ мальчикъ писать стихи, и у матери его сохранились первыя его безсвязныя младенческія вирши, начинавшіяся такъ:

Любезна маменька, примите
Сей слабый трудъ
И разсмотрите,
Годится ли куда-нибудь.

Что же касается первоначальнаго обученія, то имъ занимались съ дѣтьми наемные учителя изъ ярославскихъ семинаристовъ, а въ 1832 году Н. А. Некрасовъ былъ опредѣленъ въ ярославскую гимназію. Изъ-подъ суроваго гнета родительскаго дома одиннадцатилѣтній мальчикъ попалъ

вдругъ на безграничную свободу почти вполнѣ самостоятельной жизни.

Ученье шло при этомъ, разумѣется, незавидно. Особенно не удавались Н. А. Некрасову древніе языки. Однакожь все-таки въ теченіи шести лѣтъ онъ дотянулъ кое-какъ до 5-го класса. По всей вѣроятности, онъ прошелъ бы и весь курсъ, но, къ несчастію, примѣшались весьма нагянутыя отношенія къ начальству. Продолжая неуклонно писать стихи, Н. А. Некрасовъ, между прочимъ, написалъ нѣсколько шуточныхъ и скабрѣзныхъ сатиръ на товарищей и на гимназическое начальство. Сатиры эти съ восторгомъ читались и заучивались наизусть товарищами, но когда, наконецъ, дошли онѣ до начальства, оставаться долѣе въ гимназіи было невысказано.

Отецъ Некрасова, послѣ неудачи сына въ гимназіи, рѣшился послать его, въ 1839 г., доканчивать ученіе въ Петербургъ въ дворянской полкъ (одинъ изъ тогдашнихъ корпусовъ, бывший на Петербургской сторонѣ). Этимъ исполнялось всегдѣшнее желаніе его, чтобы сынъ шелъ по его пути въ военную службу. И вотъ, съ родительскимъ письмомъ отъ пріятеля отца, ярославскаго прокурора Полозова, къ начальнику III округа корпуса жандармовъ, генералу Полозову, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ тетрадкою стиховъ, отправился 15-лѣтній мальчикъ одинъ-одинехонекъ, скудно снабженный матеріальными средствами, изъ деревенской глуши въ омутъ столичной жизни.

Въ первые дни по прибытіи въ Петербургъ, Некрасовъ не покидалъ еще намѣренія поступить въ дворянской полкъ, явился къ Полозову съ рекомендательнымъ письмомъ, былъ имъ представленъ Я. И. Ростовцову, и дѣло было почти рѣшено. Но случайная встрѣча съ ярославскимъ товарищемъ, студентомъ Андреемъ Глушицкимъ, перерѣшила всю судьбу юноши. Глушицкій вмѣстѣ съ двумя другими студен-

тами Ильенковымъ и Коссовымъ (впослѣдствіи извѣстными учеными технологами и заслуженными профессорами) начали отговаривать Некрасова отъ поступленія въ корпусъ и развивать передъ нимъ всѣ преимущества университетскаго образованія, и такъ увлекли его, что Некрасовъ рѣшился во что бы то ни стало идти въ университетъ. Остановка была за вступительными экзаменами, такъ какъ Некрасовъ былъ слабъ въ древнихъ языкахъ и въ математикѣ, но Глушицкій познакомилъ своего товарища съ профессоромъ духовной семинаріи Д. И. Успенскимъ, и они вдвоемъ взялись приготовить Некрасова въ университетъ. Тогда Некрасовъ сообщилъ Полозовымъ о своемъ намѣреніи промѣнять дворянской полкъ на университетъ. Они одобрили это намѣреніе и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили о томъ въ Ярославль своему родственнику. Когда, наконецъ, узналъ объ этомъ отецъ Некрасова, онъ воспыпалъ сильнымъ гнѣвомъ на ослушнаго сына и отписалъ ему, что если онъ не отложитъ своего намѣренія идти въ университетъ и не покорится родительской волѣ, то пусть онъ впредь не рассчитываетъ ни на одну копейку родительской помощи, а существуетъ—какъ и чѣмъ знаетъ.

Такимъ образомъ, шестнадцатилѣтній мальчикъ очутился безъ всякихъ средствъ къ жизни и безъ всякаго положенія съ 150 рублями въ карманѣ и съ паспортомъ «недоросля изъ дворянъ», по которому Н. А. Некрасовъ жилъ до конца своихъ дней.

Онъ поселился съ какимъ-то неизвѣстнымъ товарищемъ по университету на Малой-Охтѣ. Довольствоваться имъ приходилось очень немногимъ: у сожителя былъ еще крѣпостной мальчикъ, приставленный къ нему родителями—и они не могли тратить болѣе 15 коп. на троихъ на обѣдъ, который брали изъ какой-то ужасающей кухмистерской. Пріятныя, должно быть,

впечатлѣнія оставили на себѣ эти пятнадцати-копѣечные обѣды на троихъ, когда Некрасовъ, будучи уже на смертномъ одрѣ, серьёзно говорилъ, что именно этимъ обѣдамъ онъ былъ обязанъ зародышемъ той болѣзни, которая сводила его, 40 лѣтъ спустя, въ гробъ. Потомъ Некрасовъ перешелъ къ профессору Успенскому, у котораго ему было все-таки немного посытнѣе, хотя и довольно иногда беспокоино. Это былъ человѣкъ добрый и очень усердно занимался со своимъ ученикомъ классическими языками.

Пришелъ экзаменъ. Приготовление Успенскаго оказалось такимъ успѣшнымъ, что извѣстный тогда профессоръ римской словесности Фрейтагъ, очень требовательный латинистъ, поставилъ ему на приемномъ экзаменѣ изъ латинскаго языка — 5 «съ плюсомъ»; «но въ физическихъ наукахъ,— читаемъ мы въ биографіи при «Русской Библіотекѣ», т. VII, г. Стасюлевича,—самъ почтенный филологъ Успенскій былъ слабъ, и это отразилось роковымъ образомъ на его ученикѣ: Некрасовъ чувствовалъ, что изъ физики онъ не можетъ получить отмѣтки выше единицы. Это бы еще ничего, такъ какъ одна единица въ то время не была препятствіемъ къ поступленію въ университетъ; но бѣда заключалась въ томъ, что льготная единица была уже приобретена на экзаменѣ изъ географіи у профессора Касторскаго.

«Въ виду такого печальнаго обстоятельства, Некрасовъ рѣшился явиться къ ректору П. А. Плетневу и откровенно высказать ему свое положеніе: онъ противъ воли отца поступаетъ въ университетъ—и теперь, если его не примутъ въ число студентовъ, его положеніе будетъ отчаянное. Плетневъ справился о прочихъ отмѣткахъ, отлично рекомендовавшихъ юношу, желавшаго притомъ поступить на философскій факультетъ (нынѣ — историко-филологиче-

скій), и обнадежилъ Некрасова обѣщаніемъ ходатайствовать за него въ совѣтѣ. На основаніи этого обѣщанія, Некрасовъ совсѣмъ не явился на экзаменъ изъ физики, и вслѣдствіе того въ совѣтѣ о немъ не было и рѣчи. Потому же и Плетневъ не вспомнилъ о немъ, но послѣ, при свиданіи, убѣждалъ его все-таки не оставлять университета и поступить вольнослушателемъ. Некрасовъ сначала не рѣшался. Нѣсколько дней спустя, на старомъ исаакіевскомъ мосту онъ видитъ, что кто-то догоняетъ и идетъ съ нимъ рядомъ, всматриваясь въ него. Это былъ Плетневъ. Онъ снова сталъ убѣждать его, и Некрасовъ подалъ прошеніе. Такъ началась университетская жизнь Некрасова, продолжавшаяся въ теченіи 1839—1841 годовъ».

Матеріальное положеніе Некрасова во все это время было самое отчаянное: приходилось пробиваться кое-какъ грошовыми уроками и случайными журнальными работами, которые не всегда были подъ рукою. «Ровно три года,—говорилъ Некрасовъ,—я чувствовалъ себя постоянно, каждый день, голоднымъ. Приходилось ѣсть не только плохо, не только въ проголодь, но и не каждый день. Не разъ доходило до того, что я отправлялся въ одинъ ресторанъ въ Морской, гдѣ дозволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросилъ себѣ. Возьмешь, бывало, для виду газету, а самъ пододвинешь къ себѣ тарелку съ хлѣбомъ и ѣшь»... Силы Некрасова постоянно надрывались, и, наконецъ, онъ сильно заболѣлъ. Доктора объяснили причину болѣзни продолжительнымъ голоданіемъ и приговорили уже его къ смерти. Однакоже, молодой и крѣпкій организмъ вынесъ болѣзнь, оставившую все-таки, по убѣжденію Некрасова, свои слѣды на всю жизнь его.

Нужно ли говорить о томъ, что матеріальное положеніе, и безъ того незавидное, было окончательно подорвано этою

болѣзнію. Приходилось пользоваться милостію квартирныхъ хозяевъ, какого-то отставнаго унтеръ-офицера и его жены, у которыхъ онъ нанималъ комнату на Разъѣзжей-Улицѣ. Задолжалъ имъ Некрасовъ во время болѣзни рублей сорокъ. «Хозяинъ,—разсказываетъ онъ,—еще ничего, но хозяйка сильно безпоконлась, что я умру и деньги пропадутъ. За перегородкою постоянно слышались разговоры по этому поводу. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, ко мнѣ явился хозяинъ, объяснилъ свои опасенія съ полною откровенностію и просилъ меня написать ему росписку въ томъ, что я оставляю ему за долгъ свой чемоданъ, книги и остальные вещишки. Я написалъ. Думаю: чего добраго, не станутъ и хоронить, да и люди они были дѣйствительно бѣдные. Черезъ нѣсколько времени мнѣ стало, однако, лучше, и я вскорѣ настолько уже оправился, что рѣшился пойти съ Разъѣзжей на Выборгскую-Сторону, къ одному знакомому студенту-медику. Добравшись кое-какъ до него, я тамъ засидѣлся до поздняго вечера. Возвращаясь ночью домой, сильно прозябъ, такъ какъ на мнѣ было холодное пальтишко, а дѣло было осенью—въ октябрѣ или ноябрѣ. Прихожу къ дверямъ, звоню разъ, другой... Не пускаютъ, говорятъ, что въ моей комнатѣ поселился уже другой жилецъ. Что же касается до моего долга, то хозяева считаютъ себя вполне удовлетворенными моимъ имуществомъ, которое я имъ отдалъ за долгъ, въ чемъ и выдалъ росписку. Скверно стало мнѣ. Я остался одинъ на улицѣ, остался безъ ничего, въ плохомъ пальтишкѣ въ осеннюю холодную ночь. Побрелъ я, куда глаза глядятъ, не сознавая куда и зачѣмъ, пробрался на Невскій и сѣлъ тамъ на скамеечку, какія выставляются у ресторановъ для посѣтителей. Прозябъ. Чувствовалъ сильную усталость и упадокъ силъ. Наконецъ, уснулъ. Разбудилъ меня какой-то

старикъ, оказавшійся нищимъ, который, проходя мимо, сжалился надо мною и пригласилъ меня съ собою куда-то ночевать. Я пошелъ. Пришли на Васильевскій Островъ, въ 15-ю линію. Тамъ, въ самомъ концѣ улицы, стоялъ деревянный, полуразвалившійся домикъ, въ который мы и вошли. Въ домѣ оказалось много народу. Все это были нищіе, которые собирались здѣсь ночевать. Не помню я всѣхъ разговоровъ, которые велись здѣсь, помню только, что я написалъ кому-то прошеніе и получилъ за это 15 коп.».

Замѣчательно, что тутъ же, почти рядомъ съ такою страшною ницетою, голодомъ и трущобными сценами притона нищеты, Н. А. Некрасовъ видалъ передъ собою картины сытой и праздною роскоши и даже самъ порою участвовалъ въ ея утонченныхъ пирахъ. «Въ тѣ времена, — читаемъ мы въ вышеупомянутой біографіи «Русской Библіотеки,» — преимущественно въ университетѣ сосредоточивалась молодежь изъ знати, и университетскіе товарищескіе кружки смѣшивали въ себѣ всѣ состоянія и званія. Бѣдный молодой чело-вѣкъ, съ бюджетомъ чуть не въ нѣсколько копѣекъ въ день, легко сближался съ юношами высихъ и богатыхъ классовъ, — и не только сближался, но, благодаря своимъ личнымъ талантамъ, способностямъ и веселому характеру, могъ даже первенствовать между ними; на студенческихъ собраніяхъ и пирушкахъ, устраиваемыхъ въ то время на подобіе нѣмецкихъ кнейповъ и коммершей, предводительствовалъ не тотъ, кто знатнѣе всѣхъ, но кто лучше дрался на эспадронахъ и рапирѣ, кто былъ мужественнѣе и физически ловче. Въ такихъ-то веселыхъ и разгульныхъ товарищескихъ кружкахъ внезапно очутился провинціальный юноша, взроспій въ деревнѣ, и тутъ-то ознакомился впервые съ обыденною жизнію и нравами другихъ общественныхъ

классовъ, которые безъ университетской жизни остались бы ему извѣстными только по слухамъ. Эта новая обстановка, какъ и прежняя деревенская, не осталась безъ вліянія въ будущемъ на поэзію Некрасова и на самый его характеръ, а также и на условія дальнѣйшей жизни: завязанныя имъ тогда связи сохранились и впоследствии; недостатки и слабая сторона жизни высшихъ общественныхъ слоевъ стали ему знакомы изъ первыхъ рукъ — и хорошо знакомы».

При такой тяжелой борьбѣ за существованіе, Некрасову, конечно, нечего было и думать о правильномъ развитіи таланта путемъ свободнаго и несрочнаго творчества. Онъ долженъ былъ приняться почти сряду по приѣздѣ въ Петербургъ (15-ти лѣтъ) за черный литературный трудъ въ видѣ разныхъ срочныхъ журнальных работъ, на вертывавшихся ему случайно. Работалъ онъ такимъ образомъ и въ «Литературныхъ прибавленіяхъ» къ «Инвалиду», и въ «Литературной Газетѣ» А. Краевского, и въ «Сынѣ Отечества» Н. А. Полевого, съ которымъ познакомилъ его какой-то профессоръ университета, и въ «Пантеонѣ», и въ «Отечественныхъ Запискахъ»; писалъ водевили для Александринскаго театра, былъ поставщикомъ у книгопродавца Полякова азбукъ и сказокъ по его заказу (такова, на примѣръ, сказка «Баба-Яга», лѣтъ черезъ тридцать вновь изданная по какому-то праву г. Печаткинымъ съ громкимъ именемъ автора). Такимъ образомъ, по собственнымъ его словамъ, онъ написалъ въ своей жизни до 300 печатныхъ листовъ прозы. Отъ этой массы написаннаго особенно большая доля выпала на рецензіи. «Разбирать приходилось, — рассказывалъ Николай Алексѣевичъ, — всякія книги, какія только попадались подъ руки, не однѣ художественныя, но подъ-часъ и самыя ученые. Собственныхъ-то благопріобрѣтенныхъ знаній на это,

конечно, не хватало: за то выручала публичная бібліотека. Пойдешь туда, подымешь всю ученость по предмету книги, ну, и ничего, сходило съ рукъ».

Особенно помогъ ему встать на ноги и избавиться отъ крайностей нищеты Григорій Францовичъ Венецкій, бывшій тогда наставникомъ-наблюдателемъ въ пажескомъ корпусѣ и преподавателемъ въ дворянскомъ полку. Гдѣ и какъ познакомился съ нимъ Некрасовъ — неизвѣстно. Это былъ очень хорошій человекъ, судя по словамъ Некрасова, и послѣдній всегда вспоминалъ о немъ съ любовью и уваженіемъ. Онъ содержалъ что-то въ родѣ пригготовительнаго пансіона для поступающихъ въ пажескій корпусъ или дворянскій полкъ и предоставилъ Н. А. Некрасову занятія при этомъ пансіонѣ по всѣмъ русскимъ предметамъ. Это избавило юношу, по крайней мѣрѣ, отъ прелестей ночлеговъ подъ открытымъ небомъ. Венецкому же былъ обязанъ Некрасовъ и появленіемъ изданія своихъ дѣтскихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Мечты и Звуки». Матеріальное положеніе его въ 1840 году вообще настолько уже улучшилось, что онъ могъ даже скопить нѣсколько деньжонокъ для этого изданія. Но онъ все-таки, по всей вѣроятности, не рѣшился бы на это дѣло, если бы его не склонилъ къ тому Венецкій, обязавшись продать по билетамъ заранѣе рублей на 500. Принявшись за изданіе, Некрасовъ все-таки колебался, и на него нашло однажды такое раздумье, что онъ готовъ былъ отказаться отъ дѣла: но было уже поздно: Венецкій успѣлъ продать до сотни билетовъ, и деньги были прожиты. Какъ тутъ быть? Въ раздумьи Н. А. Некрасовъ рѣшился пойти за совѣтомъ къ Жуковскому. «Меня принять, — рассказывалъ Некрасовъ, — сѣденькій, согнутый старичокъ, взялъ книгу и велѣлъ придти черезъ нѣсколько дней. Когда я пришелъ, онъ похвалилъ одно изъ этихъ стихотво-

реній, сказаль, что у меня есть талантъ, но къ этому прибавиль:

— Вы потомъ пожалѣете, если выпустите эту книгу.

Я сказаль ему на это, что теперь уже поздно, и объяснилъ почему.

Тогда снимите съ книги ваше имя, — посовѣтоваль Жуковскій».

Некрасовъ послушался этого совѣта, и книжка вышла лишь съ заглавными буквами его фамиліи Н. Н.

Съ 1841 по 1845 годъ, слѣдуетъ періодъ жизни Некрасова,—самый темный въ біографическомъ отношеніи. Это былъ важнѣйшій періодъ во всей его жизни, потому что въ продолженіи его окончательно сформировались все его и умственные, и нравственные силы, и подъ конецъ его онъ является уже передъ нами такимъ, какимъ оставался почти неизмѣнно во всю свою послѣдующую жизнь. Въ это время, продолжая жить литературнымъ трудомъ, онъ вращался въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ, великосвѣтскихъ, чиновныхъ, литературныхъ, театральныхъ, студенческихъ и пр. Къ этому же времени относится и знакомство его съ кружкомъ Бѣлинскаго, который, безъ сомнѣнія, и былъ главнымъ двигателемъ умственнаго развитія Некрасова и виновникомъ переворота, опредѣлившаго всю дальнѣйшую литературную дѣятельность его.

«Въ началѣ 40-хъ годовъ,—говорить объ этомъ И. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—къ числу сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» присоединился Некрасовъ; нѣкоторыя его рецензіи обратили на него вниманіе Бѣлинскаго, и онъ познакомился съ нимъ.

«Литературная дѣятельность Некрасова до того времени не представляла ничего особеннаго. Бѣлинскій полагаль, что Некрасовъ навсегда останется не болѣе, какъ полезнымъ журнальнымъ сотрудникомъ,

но когда онъ прочель ему свое стихотвореніе: «На дорогѣ», у Бѣлинскаго засверкали глаза, онъ бросился къ Некрасову, обняль его и сказаль чуть не со слезами на глазахъ:

— «Да знаете-ли вы, что вы поэтъ—и поэтъ истинный?»

«Съ этой минуты Некрасовъ еще болѣе возвысился въ глазахъ его... Его стихотвореніе: «Къ Родинѣ», привело Бѣлинскаго въ восторгъ. Онъ выучиль его наизусть и послаль его въ Москву къ своимъ пріятелямъ... У Бѣлинскаго были эпохи, какъ я уже говорилъ, когда онъ особенно увлекался кѣмъ-нибудь изъ своихъ друзей... Въ эту эпоху онъ былъ увлеченъ Некрасовымъ и только и говорилъ о немъ. Некрасовъ съ этихъ поръ сдѣлался постояннымъ членомъ нашего кружка».

Журнальную дѣятельность Некрасова, начиная съ основанія «Современника», можно раздѣлить на три періода: первый періодъ—отъ 1847 по 1855 годъ—представляется самой тяжелой эпохой, какъ въ его журнальной дѣятельности, такъ и вообще въ жизни. Бѣлинскій умеръ въ 1848 году. Наступилъ періодъ реакціи, ударившейся въ панику подъ впечатлѣніемъ европейскихъ событій 1848 года. Ко всему этому присоединилась тяжелая болѣзнь, которая была слѣдствіемъ частію ненормальной жизни въ молодости, частію неустанной, изнурительной работы, такъ какъ въ это время весь журналъ лежалъ на его плечахъ. Это была упорная, неподдавшаяся никакимъ леченіямъ болѣзнь горловыхъ органовъ. Лучшіе доктора русскіе и иностранные опредѣлили горловую чахотку и присудили его къ неизбѣжной смерти. Видя передъ собою приближеніе могилы, поэтъ, какъ это было и впоследствии лѣтъ черезъ двадцать, началъ писать свои послѣднія пѣсни:

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно.
Привычки, прежде милыя, постылы
И горекъ дымъ сигары. Рѣшено!
Не ты горька, любимая подруга
Ночныхъ трудовъ и одинокихъ думъ—
Мой жребій горекъ. Жаднаго недуга
Я не избѣгъ. Еще мой свѣтель умъ,
Еще въ надеждѣ глупой и послушной
Не ищетъ онъ отрады малодушной.
Я вижу все... А рано смерть идетъ,
И жизни жаль мучительно. Я молодъ,
Теперь поменьше мелочныхъ заботъ,
И рѣже въ дверь мою стучится голодъ;
Теперь бы могъ я сдѣлать что нибудь.
Но поздно!.. И т. д.

Въ сущности же, было не только не поздно, но, напротивъ того, рано: настоящая дѣятельность Некрасова, наиболѣе, благотворная и широкая, предстояла ему еще впереди. Какъ ни мрачны были тучи, со всѣхъ сторонъ сгустившіяся надъ его головою, и какъ ни казалось, что и конца имъ не будетъ, что его ждетъ впереди одна неминуемая гибель, но вдругъ повѣяло отраднымъ тепломъ, тучи разсѣялись, засіяло солнышко, бури какъ не бывало, и новою жизнью и энергіею преисполнился совсѣмъ-было увядшій поэтъ. Во-первыхъ, болѣзнь вовсе не оказалась такою смертельною, какъ предрекли медики. Профессоръ медико-хирургической академіи Шупулинскій опредѣлилъ ее совсѣмъ иначе и предписалъ сообразно своему опредѣленію леченіе, шедшее въ полный разрѣзъ со всѣми мнѣніями знаменитостей, и выздоровленіе Некрасова, тщетно проведеннаго передъ тѣмъ зиму въ Римѣ и забнувшаго тамъ немилосердно въ холодныхъ отеляхъ, пошло такъ быстро, что вскорѣ отъ мнимой чахотки не осталось и слѣда, кромѣ нѣкоторой слабости голоса. А затѣмъ кончилась крымская война, началась эпоха либерализма и реформъ. «Современникъ» ожилъ: къ нему начали приливать новыя могучія литературныя силы, и ко-

личество подписчиковъ съ каждымъ годомъ начало возрастать тысячами.

Здѣсь начинается второй періодъ журнальной дѣятельности Некрасова, который слѣдуетъ считать съ 1856 по 1865 годъ. Это былъ періодъ наибольшаго развитія силъ и дѣятельности Некрасова. Умственный и нравственный горизонтъ поэта значительно раздвинулся подъ вліяніемъ того сильнаго движенія, какое началось въ обществѣ и тѣхъ новыхъ людей, которые окружили его. Прежніе идеалы оттѣсняются новыми, и, подобно тому, какъ Бѣлинскій не любилъ, когда ему напоминали объ его прежнихъ статьяхъ, въ родѣ «Бородинской годовщины» или «Менцеля», такъ и Некрасовъ неохотно потомъ вспоминалъ о грѣхахъ своей молодости, въ родѣ «Трехъ странъ свѣта». Это просвѣтленіе отразилось и въ творчествѣ поэта. Изъ прежде горячаго, но крайне неопредѣленнаго протеста противъ пошлости, насилія, рабства и всяческаго угнетенія, онъ теперь обращается въ пѣвца народнаго горя—въ широкое и глубокое, но вполне опредѣленномъ смыслѣ. Все лучшее и наиболѣе сильное написано имъ въ этотъ второй періодъ его журнальной дѣятельности: «Размышленія у параднаго подъѣзда», «Морозъ Красный-носъ», «Коробейники», «Желѣзная дорога», «Крестьянскія дѣти» и проч. Въ то же время не перестаетъ онъ принимать дѣятельное участіе и въ изданіи журнала: и своимъ руководствомъ, и своими практическими совѣтами, и связями, и, наконецъ, личными трудами. Такъ, между прочимъ, ему принадлежитъ мысль о приложеніи «Свистка» къ «Современнику». Мысль эта явилась у него еще во время пребыванія въ Римѣ въ 1856 году. Ему тамъ часто попадалась въ руки одна изъ мѣстныхъ сатирическихъ газетъ и, подъ впечатлѣніемъ ея, онъ вознамѣрился завести «Свистокъ» при «Совре-

менникѣ». Въ «Свисткѣ» этомъ было помѣщено не мало его сатирическихъ куплетовъ, изъ которыхъ нѣкоторые вошли въ приложение ко 2-й части полнаго собранія его сочиненій. Между прочимъ, ему принадлежитъ «Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ», приписанная Добролюбову и напечатанная въ IV томѣ сочиненій Добролюбова (см. стр. 518. изд. 1871 г.). Добролюбовъ написалъ лишь одни примѣчанія къ этимъ куплетамъ. Въ то же время, и матеріальное благосостояніе Некрасова окончательно упрочилось лишь въ этотъ второй періодъ его жизни. Кромѣ успѣха «Современника», Некрасовъ не мало былъ обязанъ этимъ и изданію своихъ стихотвореній, которое было ему разрѣшено въ 1860 году, вслѣдствіе ходатайства графа А. В. А.

Прекращеніемъ «Современника», въ 1866 году, кончается второй періодъ журнальной дѣятельности Некрасова и затѣмъ слѣдуютъ два года переходнаго состоянія, весьма тяжелаго. Съ 1868 года начинается третій періодъ, въ которомъ Некрасовъ является уже во главѣ «Отечественныхъ Записокъ», и періодъ этотъ длится до его смерти.

Въ эти послѣднія десять лѣтъ своей жизни, Некрасовъ былъ все также дѣятеленъ и бодръ духомъ, талантъ его стоялъ все на той же высотѣ, и творчество его ознаменовалось рядомъ произведеній, неуступающихъ прежнимъ — каковы: «Русскія женщины», «Кому на Руси жить хорошо» и проч.; но въ то же время физическія силы начали измѣнять ему съ каждымъ годомъ, онъ замѣтно старѣлъ, хилѣлъ, а въ послѣднія пять лѣтъ часто началъ и прихварывать.

Жизнь въ послѣдніе годы велъ онъ довольно однообразную. Зимы проводилъ въ своей городской квартирѣ, на Литейной, въ домѣ Краевского, въ которой онъ про-

жилъ лѣтъ двадцать. Зимой писалъ онъ весьма мало. Лѣтомъ уѣзжалъ или къ брату, въ ярославское имѣніе послѣдняго, или же въ Чудово, гдѣ онъ имѣлъ охотничью дачу. Тутъ-то обыкновенно, среди сельской обстановки и природы, и возбуждалось въ немъ поэтическое творчество, и рѣдкая осень обходилась безъ того, чтобы, по возвращеніи въ городъ, онъ не привозилъ чего-либо новаго, чтó читалъ обыкновенно друзьямъ и обрабатывалъ для печати, пока столичная жизнь не втягивала его въ свое колесо. Большое вліяніе на его творчество имѣла врожденная и унаслѣдованная отъ отца страсть къ охотѣ. Объ этомъ предметѣ вотъ какія свѣдѣнія сообщаетъ сестра покойнаго:

«Братъ мой всю жизнь любилъ охоту съ ружьемъ и лягавой собакой. Десяти лѣтъ онъ убилъ утку на Пчельскомъ озерѣ. Былъ октябрь; окранны озеро уже заволокло льдомъ; собака не шла въ воду. Онъ поплылъ самъ за уткой и досталъ ее. Это стѣдло ему горячки, но отъ охоты не отвалило. Отецъ бралъ его на свою псовую охоту, но онъ не любилъ ея. Приучили его къ верховой ѣздѣ очень оригинально и не особенно нѣжно. Онъ самъ рассказывалъ, что однажды восемнадцать разъ въ день упалъ съ лошади. Дѣло было зимой—мягко. За то послѣ всю жизнь онъ не боялся никакой лошади и смѣло садился на клячу и на бѣшенаго жеребца. Но ѣздить любилъ шагомъ и хорошо стрѣлялъ съ лошади.

«По мѣрѣ того, какъ средства его росли и онъ дѣлался самостоятельнымъ, онъ придавалъ охотѣ своей характеръ, по своему вкусу и своимъ планамъ. Охота была для него не одною забавою, но и средствомъ знакомиться съ народомъ. Каждое лѣто періодически повторялось одно и то же. Поработавъ нѣсколько дней, братъ начиналъ собираться. Это значило, подавали къ крыльцу простую телѣгу, которую на-

гружали провизіей и порохомя. Затѣмъ, вечеромъ, или рано утромъ на другой день, братъ отправлялся самъ въ легкомъ экипажѣ съ любимой собакой, рѣдко съ товарищемъ. Товарища на охотѣ братъ не любилъ. Онъ пропадалъ на нѣсколько дней, иногда на недѣлю и болѣе. По рассказамъ происходило вотъ что: въ разныхъ пунктахъ охоты у него были уже знакомцы—мужики-охотники. Онъ до каждаго доѣзжалъ и охотился въ его мѣстности. Поѣздъ, сперва изъ двухъ троекъ, доходилъ до пяти, брались почтовые лошади, ибо братъ собиралъ своихъ провожатыхъ и уже не отпуская ихъ до извѣстнаго пункта.

«По окончаніи утренней охоты, выбиралось удобное мѣсто; братъ со всей компаніей завтракалъ, говорилъ самъ мало или дремалъ. Компанія, которая получала не мало водки и сколько угодно мяса, была разговорчива—братъ слушалъ, или нѣтъ! это—его дѣло.

«Онъ говаривалъ, что самый талантливый процентъ изъ русскаго народа отдѣляется въ охотники; рѣдкій разъ не привозилъ онъ изъ своего странствія какого-либо запаса для своихъ произведеній. Такъ, однажды, при мнѣ онъ вернулся и засѣлъ за «*Коробейниковъ*», которыхъ потомъ при мнѣ читалъ крестьянину Кузьмѣ. Въ другой разъ засѣлъ на два дня—и явились «Крестьянскія дѣти». Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно выдумать форму этой идилліи? этотъ сарай съ цвѣтными глазками:

Чу! пощотъ какой-то.. а вотъ вереница
Вдоль щели внимательныхъ глазъ!
Все сѣрыя, каріе, синіе глазки—
Смѣшались, какъ въ полѣ цвѣты.. И т. д.

«Орина, мать солдатская, сама ему рассказывала свою ужасную жизнь. Онъ говорилъ, что нѣсколько разъ дѣлалъ крюкъ, чтобы поговорить съ нею; а то боялся сфальшивить. Одно стихотвореніе, о которомъ сожалѣлъ, что не написалъ его, это—

эпитафію. Съ однимъ изъ своихъ друзей-охотниковъ, онъ однажды переходилъ кладбище. Гаврило рассказывалъ ему о покойникахъ, могилы которыхъ обращали на себя вниманіе брата. Я помню только эпитафію:

Зимой игралъ въ картишки
Въ уѣздномъ городишкѣ,
А лѣтомъ жилъ на волѣ,
Травилъ зайчишекъ груди,
И умеръ пьяный въ полѣ
Отъ водки и простуды.

«На зимней охотѣ съ нимъ, однажды, былъ казусъ. Онъ набралъ до восьмидесяти человекъ и ѣхалъ на медвѣдя. Мужики шли впереди. Увидалъ братъ зарево пожара и всю свою команду повернулъ отъ медвѣдя туда. Деревню спасли, но охота на тотъ день пропала. Мужики не жалѣли медвѣдя, и убить его брату не пришлось, а деньги отдалъ. Надували его мужики много, но часто поступали съ нимъ честно. Кругъ его лѣтней охоты—луга смежныхъ губерній—Ярославской, Костромской, Владимірской. Онъ ихъ хорошо зналъ, и большая часть его типовъ принадлежитъ средней Россіи. Память у него была удивительная; онъ записывалъ *однимъ словечкомъ* цѣлый рассказъ и помнилъ его всю жизнь по одному записанному слову. При работѣ, тетради эти съ непонятными никому отмѣтками были передъ его глазами».

Первые признаки болѣзни, сведшей Некрасова въ могилу, появились уже въ началѣ 1875 года, но Некрасовъ перемогался больше года, продолжая вести прежнюю жизнь и не обращая особеннаго вниманія на болѣзнь, которую приписывалъ геморроидальнымъ припадкамъ, и былъ увѣренъ, что они не представляютъ никакой серьезной опасности. Но къ веснѣ 1876 г., болѣзнь начала заявлять себя такъ сильно и мучительно, что потребовала уже серьез-

наго леченія. Лѣто провелъ Некрасовъ въ Гатчинѣ, въ упорной борьбѣ со своею болѣзнію, а осенью долженъ былъ ѣхать въ Крымъ, сильно уже ослабѣвшій и изнемогшій. Воротился онъ изъ Крыма, гдѣ пользовалъ его докторъ Боткинъ, зимою въ Петербургъ—и уже почти не вставалъ съ постели, изрѣдка только прогуливаясь по комнатѣ. Жестокія нервныя боли, увеличиваясь день ото дня, къ веснѣ 1877 г. дошли до нестерпимыхъ, чисто адскихъ мукъ. Въ рѣдкія минуты успокоенія Некрасовъ не переставалъ слѣдить за литературою и жизнію, читалъ газеты, корректуры, писалъ свои послѣднія пѣсни. Такъ во время пребыванія своего въ Крыму онъ написалъ, по словамъ докт. Н. А. Бѣлоголова («Болѣзнь Н. А. Некрасова», Отеч. Зап., 1878 г., № 10), поэму въ 1800 стиховъ, посвятивъ ее лечившему его тогда С. П. Боткину. Препятствія, встрѣтившіяся къ напечатанію этой поэмы, были послѣдними литературными неприяностями Некрасова. Жестоко пораженный этою неудачею, Некрасовъ встрѣтилъ однажды Бѣлоголова слѣдующими словами:

— Вотъ оно, наше ремесло литератора! Когда я началъ свою литературную дѣятельность и написалъ первую свою вещь, то тотчасъ же встрѣтился съ ножницами; прошло съ тѣхъ поръ 37 лѣтъ, и вотъ, я, умирая, пишу свое послѣднее произведеніе, и опять-таки сталкиваюсь съ тѣми же ножницами!

Сознаніе близости смерти не покидало его еще съ осени 1876 года. Уже тогда, вспоминая свою прежнюю болѣзнь (50-хъ годовъ) и сравнивая ее съ настоящей, онъ говорилъ:

— Тогда всѣ доктора въ одинъ голосъ приговорили меня къ смерти, а у меня внутри не переставало жить убѣжденіе, что я останусь жить, а теперь совсѣмъ

наоборотъ: доктора все обнадеживаютъ, а я убѣжденъ, что мнѣ не встать...

Каково было положеніе Некрасова весною 1877 года, можно судить по слѣдующему листочку, сохранившемуся въ его бумагахъ:

«*Мартъ, 77 г.*—Худо мнѣ! Мой домъ—постель. Мой міръ—двѣ комнаты: пока освѣжаютъ одну—лежу въ другой. Польрюмки кипрскаго меня опьяняютъ; грань опіума дѣлаетъ меня идиотомъ, не всегда давая сонъ. Стиховъ уже писать не могу, но днями нападаетъ на меня самоубѣженіе. На-дняхъ муза моя на прощанье пропѣла мнѣ такую пѣснь:

Пускай чуть слышенъ голосъ твой,
Не громки тѣмъ пѣснопѣнья,
Но ты воспрянешь за чертой
Неотразимаго забвенья!»

12-го апрѣля 1877-го года, была сдѣлана надъ Некрасовымъ вѣнскимъ хирургомъ, Бильротомъ, операція, которая спасла его отъ неминуемо-угрожавшей смерти, въ нѣкоторой степени облегчила его страданія и продлила его существованіе на восемь съ половиною мѣсяцевъ.

Но незавидно было это—не столько существованіе, сколько постепенное угасаніе. Больной былъ такъ уже слабъ, что лѣтомъ, не смотря на всю необходимость для него сухого, здороваго и свѣжаго воздуха, его могли едва перевезти на Черную-Рѣчку, гдѣ онъ провелъ лѣто на дачѣ графа Строгонова. Какъ онъ страдалъ и что онъ чувствовалъ въ это время, объ этомъ можно судить по слѣдующему, сохранившемуся въ его бумагахъ, листочку его дневника, который онъ принялся-было писать во время своей дачной жизни:

«*14-го іюня.*— Буду писать, что приходится въ голову: надо же убивать время.

Онъ не былъ злобенъ и коваренъ,
Но былъ мучительно ревнивъ,
Но былъ въ любви неблагодаренъ
И къ дружбѣ нерадивъ.

«Сибиряки обнаружили особенную симпатію ко мнѣ со времени моей болѣзни. Много получаю стиховъ, писемъ и телеграммъ. Было двѣ съ двумя десятками подписей. Я хотѣлъ сдѣлать на это намекъ въ стихотвореніи «Баюшки-баю» — и было тамъ четыре стиха:

И ужъ несетъ изъ дебрей снѣжныхъ
На гробъ твой лавры и вѣнецъ
Друзей невѣдомыхъ и ибжныхъ
Хранимый Богомъ посланецъ.

— да побоялся, не глупо ли будетъ. А теперь этого вопроса рѣшить не могу и по-давно.

«Вообще, изъ страха и нерѣшительности и за потерю памяти, я, передъ операціей, испортилъ въ поэмѣ «Мать» много мѣстъ, замѣнилъ точками инныя строки.

«Очень тяжело растревоживать мысли — сейчасъ боли, какъ и въ эту минуту.

15-е іюня, за полдень.

16-го іюня. — Любимое стихотвореніе Бѣлинскаго было:

Въ стени мірской, широкой и безбрежной
(Пушкинъ).

«Я же когда-то очень любилъ стих, Лермонтова «Бѣлѣтъ парусъ одинокій» и т. д. А теперь все повторяю:

Когда для смертнаго умолкнуть шумный день
(Пушкинъ).

16-го іюня, 7-й часъ.

«Хотѣлъ-было анализировать свое положеніе и свои ощущенія, но слишкомъ это мрачная работа, прибавишь себѣ муки — а ея много!

«Не забыть отвѣтить Ир...ву (поэтъ-юноша грамотный, но дарованія не замѣтно); пишетъ, что прибылъ въ Петербургъ на занятія деньги.

«Всего болѣе страшно, чтобы мое теперешнее положеніе не затянулось — или хоть немного бы получше, или поскорѣй бы конецъ.

«Ничего не понимаю, что со мной дѣ-

лается. Очень тяжело. Дождь! (Воскресенье)».

Такъ изнывалъ поэтъ, борясь со своею смертью, и единственнымъ отраднымъ утѣшеніемъ для него въ это время было скорбное участіе въ его болѣзни всего русскаго общества. Со всѣхъ концовъ Россіи, изъ самыхъ дальнихъ ея участковъ стекались къ нему письма, стихотворенія, телеграммы, выражавшія глубокое, искреннее сочувствіе къ нему, какъ къ поэту народной скорби, вмѣстѣ съ пожеланіями избавленія отъ болѣзни и долготѣней жизни. «При всей скрытности своего характера, — говоритъ д-ръ Бѣлоголовый, — и необыкновенномъ умѣнни владѣть собой, онъ не могъ не выражать ясно, какъ всѣ эти манифестаціи его трогали и возвышали въ собственныхъ глазахъ. Разъ какъ-то, показывая мнѣ двѣ телеграммы, полученныя имъ въ это утро изъ Ирбита, онъ сказалъ: «Часто намъ приходилось въ журналистикѣ говорить, что мы не знаемъ совѣмъ нашего подписчика, и какого онъ мнѣнія о нашей дѣятельности, а вотъ онъ теперь для меня и открывается!» Возбужденный этими манифестаціями, онъ сдѣлался гораздо разговорчивѣе, охотно сталъ вспоминать и рассказывать различные эпизоды своей жизни, свои отношенія къ различнымъ нашимъ знаменитостямъ; подъ вліяніемъ наплыва этихъ воспоминаній, онъ остановился на мысли составить свою біографію и лихорадочно приступилъ къ этому такимъ образомъ: частью онъ диктовалъ самъ, пользуясь всякимъ свободнымъ отъ боли часомъ, то брату Константину Алексѣвичу, то сестрѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, иногда даже ночью будилъ ихъ и заставлялъ писать подъ свою диктовку; частью же передавалъ устно тотъ или другой эпизодъ своей жизни кому-нибудь изъ друзей. Въ то же самое время онъ редактировалъ и выпустилъ въ свѣтъ отдѣльное изданіе

своихъ «Послѣднихъ Пѣсенъ»; наконецъ, онъ тогда же сочинилъ (впрочемъ, начало было имъ написано нѣсколько лѣтъ раньше) свою поэму «Мать» и стихотвореніе «Баюшки-баю», появившееся въ мартовской книжкѣ (1877 г.) «Отечественныхъ Записокъ», изъ котораго публика, какъ изъ бюллетеня, могла усмотрѣть, что здоровье поэта все плохо, и что опасность близкой смерти его не устранена. Оно такъ и было на самомъ дѣлѣ»...

Дни поэта были сочтены.

«Около 20-го ноября, по словамъ доктора Вѣлоголоваго («Новое Время», 1878 г., № 661),—стали появляться приступы изнурительной лихорадки съ небольшими ознобами и пѣтами, но настолько не рѣзкими, что больной не измѣнялъ обычный распорядокъ своего дня, хотя его крайнее исхуданіе и слабость еще замѣтно усилились за это время. Такъ продолжалось до 14-го декабря; въ этотъ день, въ седьмомъ часу вечера, онъ всталъ съ кровати и перешелъ въ столовую, чтобы посидѣть и пить чай, но съ первымъ же глоткомъ съ нимъ сдѣлался потрясающій ознобъ; его тотчасъ же перевели и уложили въ постель; ознобъ продолжался около четверти часа и, подъ исходъ его, началась рвота, во время которой, безъ видимой потери сознанія, онъ сталъ несвязно говорить и, затѣмъ, лишился употребленія правой руки и ноги. Когда, черезъ полчаса, я пришелъ къ нему, то нашелъ его въ видимо возбужденномъ состояніи, какъ-бы подъ вліяніемъ страха; тѣмъ не менѣе, онъ удивился, увидавъ меня въ неположенное время, и прежде всего сказалъ: «Зачѣмъ это васъ тревожили?» Затѣмъ, менѣе ясно сталъ жаловаться на чай съ лимономъ, который онъ пилъ, говорилъ, что было кисло и что это возбудило въ немъ рвоту. Рвота при мнѣ была уже нѣсколько тише, а къ утру, подъ вліяніемъ холоднаго шампанскаго, почти

совсѣмъ прекратилась. Всю ночь онъ провелъ безпокойно, но не произнесъ ни одного слова, такъ что окружающіе думали, что онъ лишился совсѣмъ языка; но когда я пришелъ утромъ, то онъ сталъ просить, чтобы его подняли съ постели, надѣли на него сапоги и повели его по комнатѣ. Въ виду неотступныхъ просьбъ, ему помогли подняться, и, опираясь на двухъ человекъ, онъ два раза прошелся по комнатѣ, волоча правую ногу и, очевидно, не понимая происшедшей съ нимъ перемѣны, и только постоянно повторяя одну и ту же фразу: «ну, что это?»—Затѣмъ его уложили, и съ этого времени онъ уже болѣе не вставалъ съ постели, хотя параличныя явленія обнаружили быструю склонность къ улучшенію; рѣчь стала гораздо чище, движеніе въ ногѣ восстанавливалось все болѣе и болѣе, только правая рука оставалась до конца жизни совершенно парализована. Съ этого же дня больной все ослабѣвалъ, очень мало ѣлъ, но много страдалъ отъ жажды и разныхъ болей, преимущественно въ лѣвой ногѣ, на которой стали появляться ограниченные инфильтраты въ клѣтчаткѣ, особенно на бедрѣ. 26-го декабря слабость достигла крайнихъ предѣловъ, рѣчь стала менѣе внятной и односложной, глотанье затруднительнымъ; около 5 часовъ этого дня, у больного явилось какъ-бы желаніе проститься съ окружающими: онъ каждаго изъ нихъ подозвалъ къ себѣ и произнесъ какое-то односложное слово, какъ-бы: «простите». Часа черезъ три послѣ этого, я нашелъ его уже въ начавшейся агоніи, которая развивалась въ теченіи всего 27-го числа. Эти послѣднія сутки тѣло его оставалось совершенно неподвижнымъ: мышцы лица не выражали никакого признака страданія и какъ-бы застыли, равно и самый взглядъ, не фиксировавшій уже предметовъ; работала только грудная клѣтка, и лѣвая рука все время находилась въ по-

стоянномъ движеніи; онъ то поднималъ ее къ головѣ, то подносилъ къ губамъ, то клалъ на грудь. Такъ было еще въ 5 часовъ вечера, но когда я пріѣхалъ три часа спустя, то эти движенія руки уже прекратились, пульсъ почти исчезъ, дыханье стало нѣсколько рѣже и шумнѣе, и такъ продолжалось до самаго конца, передъ которымъ вылетѣлъ легкій, короткій хрипъ изъ груди — и въ 8 часовъ 50 минутъ Некрасова не стало».

Похороны происходили 30-го декабря въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. День былъ ясный, но чрезвычайно морозный, и это, конечно, было главною причиною, что толпа,

шедшая за гробомъ, не привышала четырехъ тысячъ человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, похороны Некрасова все-таки представляли собою видъ торжественной и трогательной оваціи въ память почившаго поэта. Послѣ отпѣванія въ церкви Новодѣвичьяго монастыря было произнесено протоіереемъ Горчаковымъ надгробное слово, съ глубокимъ чувствомъ и умомъ. Когда гробъ былъ опущенъ въ могилу и зарытъ, было произнесено еще нѣсколько теплыхъ словъ надъ могилою поэта; и затѣмъ толпа тихо разошлась, унося въ сердцахъ глубокую скорбь и вѣчную память о своемъ дорогомъ поэтѣ.

СОВРЕМЕННАЯ ОДА.

Украсяють тебя добродѣтели,
До которыхъ другимъ далеко,
И — беру небеса во свидѣтели —
Уважаю тебя глубоко...

Украсяють тебя добродѣтели,
До которыхъ другимъ далеко,
И — беру небеса во свидѣтели —
Уважаю тебя глубоко...

Не обидишь ты даромъ и гадины,
Ты помочь и злодѣю готовъ,
И червонцы твои не украдены
У сиротъ беззащитныхъ и вдовъ.

Въ дружбу къ сильному влѣзть не желаешь ты,
Чтобъ успѣху дѣлишекъ помочь,
И безъ умыслу съ нимъ оставляешь ты
Съ глазу на глазъ красавицу дочь.

Не гнушаешься темной породю:
„Братья намъ по Христу мужички!“
И родню свою длинно-бородую
Не гоняешь съ порога въ толчки.

Не спрошу я, откуда лвилоса,
Что теперь въ сундукахъ твоихъ есть;
Знаю: съ неба къ тебѣ все свалилося
За твою добродѣтель и честь!..

Когда изъ мрака заблужденья
Горячимъ словомъ убѣжденья
Я душу надшую извлекъ,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавшій порокъ;

Когда забывчивую совѣсть
Воспоминаніемъ казня,
Ты мнѣ передавала повѣсть
Всего, что было до меня;

И вдругъ, закрывъ лицо руками,
Стыдомъ и ужасомъ полна,
Ты разрѣшилася слезами,
Возмущена, потрясена,—

Вѣрь: я внималъ не безъ участя,
Я жадно каждый звукъ ловилъ...
Я понялъ все, дитя несчастья!
Я все простилъ и—все забылъ.

Зачѣмъ же тайному сомнѣнью
Ты ежечасно предача?
Толпы безсмысленному мнѣнью
Ужель и ты покорена?

Не вѣрь толпѣ—пустой и лживой,
Забудь сомнѣнїя свои,
Въ душѣ болѣзненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и безплодно,
Не пригрѣвай змѣи въ груди,
И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

*
**

Отрадно видѣть, что находить
Порой хандра и на глупца,
Что иногда въ морщины сводить
Черты и пошлаго лица
Бѣсъ благородный скуки тайной,
И на искривленныхъ губахъ
Какой-то думы чрезвычайной
Печать ложится; что въ сердцахъ
И тѣхъ, чьихъ дѣлъ позорныхъ повѣсть
Пройдетъ лишь въ позднихъ племенахъ,
Не все же спитъ мертвецки совѣсть,
И, чуждый насъ, не дремлетъ страхъ.
Что всѣмъ одно въ дали грядущей,—
Идемъ къ безвѣстному концу,
Что ты, подлець, меня гнетущій,
Самъ лижешь руки подлецу.
Что лопнуть можешь ты, обжора!
Что ты, великій человѣкъ,

Чьего презрительнаго взора
Не выносилъ никто во-вѣкъ,
Ты любовь, какъ говорится, мѣдный,
Къ кому всѣ завистью полны—
Дрожишь, какъ листъ на вѣткѣ бѣдной,
Подъ башмакомъ своей жены.

ПЬЯНИЦА.

Жизнь въ трезвомъ положеніи
Куда не хороша!
Въ томительномъ бореніи
Сама съ собой душа,
А умъ въ тоскѣ мучительной...
И хочется тогда
То славы соблазнительной,
То страсти, то труда.
Все та же хата бѣдная —
Становится бѣднѣй,
И мать — старуха блѣдная —
Еще блѣднѣй, блѣднѣй.
Запуганный, задавленный,
Съ поникшей головой,
Идешь какъ обезславленный,
Гнушаясь самъ собой;
Стараешь злобой тайною...
На скудный твой нарядъ
Съ насмѣшкой не случайно
Всѣ, кажется, глядятъ.
Все, что во снѣ мерещится,
Какъ будто бы на зло,
Въ глаза вотъ такъ и мечется
Роскошно и свѣтло!
Все—поводъ къ искушенію,
Все дразнить и лязвить
И руку къ преступленію
Нетвердую манить...
Ахъ! еслибъ часть ничтожную!
Старушку полечить,

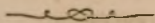
Сестрамъ бы не роскошную
Обновку подарить!
Страхнуть ярмо тяжелаго,
Гнетущаго труда, —
Быть-можетъ, буйну голову
Сносишь бы я тогда!
Покинувъ путь губительный,
Нашель бы путь иной,
И въ трудъ иной—свѣжительный —
Поникъ бы всей душой,
Но мгла отвсюду чернал
На встрѣчу бѣдняку...
Одна открыта торная
Дорога къ кабаку.

* *

Пускай мечтатели осмѣяны давно,
Пускай въ нихъ многое дѣйствительно
смѣшно;
Но все же я скажу, что мнѣ въ часы разлуки
Отрадиѣ всего, среди душевной муки,
Воспоминать о ней: усилиемъ мечты
Изъ мрака вызывать знакомыя черты,
Въ минуты горькаго раздумья и печали
Бродить по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ вмѣстѣ мы
гуляли—

И даже иногда вечернею порой,
Любуясь блѣдною и грустною луной,
Припоминать тотъ садъ, ту темную аллею,
Откуда мы луной плѣнились вмѣстѣ съ нею,
Но, больше нашею любовію полны,
Чѣмъ тихимъ вечеромъ и прелестью луны,
Влюбленные глаза другъ къ другу обращали
И въ долгій подѣлуй уста свои сливали...

ВЪ ДОРОГѢ.

Скучно! скучно!.. Ямщикъ удалой,
Разгони чѣмъ-нибудь мою скуку!
Пѣсню, чтѣ-ли, пріятель, запой
Про рекрутскій наборъ и разлуку;
Небылицей какой посмѣши,
Пли чтѣ ты видалъ, Расскажи —
Буду, братецъ, за все благодаренъ. —

„Самому мнѣ не весело, баринъ:
Сокрушила злодѣйка-жена!..
Слышь ты, съ молоду, сударь, она
Въ барскомъ домѣ была учена
Вмѣстѣ съ барышней разнымъ наукамъ,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варганѣ играть и читать —
Всѣмъ дворянскимъ манерамъ и штукамъ.
Одѣвалась не то, что у насъ
На селѣ сарафанныцы наши,
А примѣрно представить, въ атласъ;
Ѣла вдоволь и меду, и каши.
Видь вальяжный имѣла такой,
Хоть бы барынь, слышь ты, природной,
И не то что нашъ братъ крѣпостной,
То-ись сватался къ ней благородный—
(Слышь, учитель-ста врѣзавшись былъ,
Баить кучеръ, Иванычъ Торопка),
Да знать, счастья ей Богъ не судилъ:
Не нужна-ста въ дворянствѣ холопка!

„Вышла замужъ господская дочь
Да и въ Питерь... А справивши свадьбу,
Самъ-ать, слышь ты, вернулся въ усадьбу,
Захворалъ и на Троицу въ ночь
Отдалъ Богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Черезъ мѣсяць пріѣхалъ зятѣкъ —
Перебралъ по ревизіи души
И съ запашки ссадилъ на оброкъ,
А потомъ добрался и до Груши,
Знать, она согрubiла ему
Въ чемъ-нибудь, али на-просто тѣсно
Вмѣстѣ жить показалось въ дому,
Понимаешь-ста, намъ неизвѣстно, —

Воротилъ онъ ее на село —
 Знай-де мѣсто свое ты, мужичка!
 Взыла дѣвка—крутенъко пришло:
 Бѣлоручка, вишь ты, бѣлоличка!

„Какъ на грѣхъ, девятнадцатый годъ
 Мнѣ въ ту пору случись... посадили
 На тягло—да на ней и женили...
 То-ись, сколько я нажилъ хлопотъ!
 Видъ такой, понимаешь, суровый...
 Ни косить, ни ходить за коровой!..
 Грѣхъ сказать, чтобъ лѣнива была,
 Да вишь дѣло въ рукахъ не спорилось!
 Какъ дрова или воду несла,
 Какъ на барщину шла—становилось
 Инда жалко подъ часъ... да куды! —
 Не утѣшить ее и обновкой:
 То натерли ей ногу коты,
 То, слышь, ей въ сарафанѣхъ целовко.
 При чужихъ и туда, и сюда,
 А украдкой реветъ, какъ шальная...
 Погубили ее господа,
 А была бы бабѣнка лихал!

„На какой-то патреть все глядить,
 Да читаетъ какую-то книжку...
 Инда страхъ меня, слышь ты, щемить,
 Что погубить она и сынишку:
 Учитъ грамотѣ, моетъ, стрижетъ,
 Словно барченка каждый день чешетъ,
 Бить не бьетъ — бить и мнѣ не даетъ...
 Да недолго пострѣла потѣшить!
 Слышь, какъ щепка худа и блѣдна,
 Ходить то-ись совсѣмъ черезъ силу,
 Въ день двухъ ложекъ не съѣсть толокна—
 Чай, свалимъ черезъ мѣсяцъ въ могилу...
 А съ чего?.. Видитъ Богъ, не томилъ
 Я ее безустанной работой...
 Одѣвалъ и кормилъ, безъ пути не бранилъ,
 Уважалъ, то-ись вотъ какъ, съ охотой...
 А, слышь, бить — такъ почти не бивалъ,
 Развѣ только подъ пьяную руку...“

—Ну, довольно, ямщикъ! Разогналъ
 Ты мною неотвязную скуку!..

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

[Подражаніе Лермонтову].

Спи пострѣль, пока безвредный!
 Баюшки-баю.

Тускло смотритъ мѣсяцъ мѣдный
 Въ колыбель твою.
 Стану сказывать не сказки —
 Правду пропою;
 Ты-жь дремли, закрывши глазки,
 Баюшки- баю.

По губерніи раздался
 Всѣмъ отрядный кликъ:
 Твой отецъ подъ судъ попался —
 Явныхъ тьма уликъ.
 Но отецъ твой — плуть извѣстный —
 Знаетъ роль свою.
 Спи, пострѣль, покуда честный!
 Баюшки-баю.

Подростешь — и міръ крещеный
 Скоро самъ поймешь,
 Купишь фракъ темнозеленый
 И перо возьмешь.
 Скажешь: „я благонамѣренъ;
 За добро стою!“
 Спи—твой путь грядущій вѣренъ!
 Баюшки-баю.

Будешь ты чиновникъ съ виду
 И подлець душой,
 Провожать тебя я выду—
 И махну рукой!
 Въ день привыкнешь ты картинно
 Спину гнуть свою...
 Спи, пострѣль, пока невинный!
 Баюшки-баю.

Тихъ и кротокъ, какъ овечка,
 И крѣпокъ лбомъ,
 До хорошаго мѣстечка
 Доползешь ужомъ—
 И охулки не положишь
 На руку свою.

Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

Купишь домъ многоэтажный,
Схватишь крупный чинъ
И вдругъ станешь баринъ важный,
Русскій дворянищъ.
Заживешь и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновникъ мой прекрасный!
Баюшки-баю.

ПЕРЕДЪ ДОЖДЕМЪ.

Завывный вѣтеръ гонить
Стаю тучъ на край небесъ.

Ель надломленная стонеть,
Глухо шепчетъ темный лѣсъ.

На ручей, рябой и пестрый,
За листкомъ летитъ листокъ,
И струей сухой и острой
Набѣгаетъ холодокъ.

Полумракъ на все ложится;
Налетѣвъ со всѣхъ сторонъ,
Съ крикомъ въ воздухъ кружится
Стая галокъ и воронъ.

Надъ проѣзжей таратайкой
Спущень вверхъ, передъ закрыть;
И „пошелъ!“ — привставъ съ нагайкой,
Ямщику деньщикъ кричить...

ОГОРОДНИКЪ.

Не гулялъ съ кистенемъ я въ дремучемъ
лѣсу,
Не лежалъ я во рву въ непроглядную ночь,—

Я свой вѣкъ загубилъ за дѣвицу-красу,
За дѣвицу-красу, за дворянскую дочь.

Я въ нѣмецкомъ саду работалъ по веснѣ,
Вотъ однажды сгребаю сучки да пою,
Глядь, хозяйская дочка стоитъ въ сторонѣ,
Смотрить въ оба, да слушаетъ пѣсню мою.

По торговымъ селамъ, по большимъ городамъ
Я не даромъ живалъ, огородникъ лихой,
Раскрасавицъ дѣвицъ насмотрѣлся я тамъ,
А такой не видалъ, да и нѣту другой.

Черноброва, статна, словно сахаръ бѣла!..
Стало жутко, я пѣсни своей не допѣлъ.
А она — ничего, постояла, прошла,
Оглянулась: за ней, какъ шальной я глядѣлъ.

Я слыхалъ на селѣ отъ своихъ молодежи,
Что и самъ я пригожь, не уродомъ рожденъ,—
Словно соколъ гляжу, круглолицъ, бѣлолицъ,
У меня-ль молодца кудри—чесанный лень...

Разыгралась душа на часокъ, на другой...
Да какъ глянулъ я вдругъ на хоромы ее —
Посвисталъ и махнулъ молодецкой рукой,
Да скорѣй за мужицкое дѣло свое!

А частенько она приходила съ тѣхъ поръ
Погулять, посмотреть на работу мою,
И смѣялась со мной и вела разговоръ:
Отчего приунылъ? что давно не пою?

Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
Только буйную голову свѣшу на грудь...
„Дай-ка яблоньку я за тебя посажу,
Ты усталъ, чай пора ужъ тебѣ отдохнуть“.

—Ну, пожалуй, изволь, госпожа, поучись,
Пособи мужику, поработай часокъ —
Да какъ заступъ брала у меня, смѣючись,
Увидала на правой рукѣ перстенекъ:

Очи стали темнѣй непогоднаго дня,
 На губахъ, на щекахъ разыгралася кровь.
 „Что съ тобой, госпожа? Отчего на меня
 Непривѣтно глядишь, хмуришь черную бровь?“

— Отъ кого у тебя перстенёкъ золотой? —
 „Скоро старость придетъ, коли будешь все
 знать“.
 — Дай-ка я погляжу, несговорный какой! —
 И за палець меня бѣлой рученькой хватя!

Потемнѣло въ глазахъ, душу кинуло въ дрожь,
 Я давалъ—не давалъ золотой перстенёкъ...
 Я вдругъ вспомнилъ опять, что и самъ я
 пригожь,
 Да не знаю ужъ какъ — въ щеку дѣвицу
 чмокъ!..

Много съ ней скороталъ невозвратныхъ ночей
 Огородникъ лихой... Въ ясны очи глядѣлъ,
 Расплеталъ, заплеталъ русу косынку ей,
 Цѣловаль-миловаль, пѣсни волжскія пѣлъ.

Мигомъ лѣто прошло, ночи стали свѣжѣй,
 А подъ утро морозъ подъ ногами хруститъ.
 Вотъ однажды, какъ я крался въ гореньку
 къ ней,
 Кто-то цапъ за плечо: „держи вора?“ кричить.

Со стыдомъ молодца на допросъ привели,
 Я стоялъ да молчалъ, говорить не хотѣлъ...
 И красу съ головы острой бритвой снесли,
 И желѣзный уборъ на ногахъ зазвенѣлъ.

Постегали плетями, и уводятъ дружка
 Отъ родной стороны и отъ лаушки прочь
 На печаль и страду!.. Знать, любить не рука
 Мужьку-вахлаку да дворянскую дочь!

ТРОЙКА.

Что ты жадно глядишь на дорогу
 Въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ?
 Знать, забило сердечко тревогу —
 Все лицо твое вспыхнуло вдругъ.

И зачѣмъ ты бѣжишь торопливо
 За промчавшейся тройкой во слѣдъ?..
 На тебя, подбоченясь красиво,
 Заглядѣлся проѣзжій корнетъ.

На тебя заглядѣться не диво.
 Полюбить тебя всякій не прочь:
 Вьется алая лента игриво
 Въ волосахъ твоихъ, черныхъ какъ ночь.

Сквозь румянецъ щеки твоей смуглой
 Пробивается легкій пушокъ,
 Изъ-подъ брови твоей полукруглой
 Смотритъ бойко лукавый глазокъ.

Взглядъ одинъ черпобровой дикарки,
 Полный чаръ, зажигающихъ кровь,
 Старика разорить на подарки,
 Въ сердце юноши кинетъ любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
 Будетъ жизнь и полна, и легка...
 Да не то тебѣ пало на долю:
 За нераху пойдешь мужика.

Завязавши подъ мышки передникъ,
 Перетянешь уродливо грудь,
 Будетъ бить тебя мужъ-привередникъ,
 И свекровь въ три погибели гнуть.

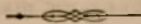
Отъ работы и черной и трудной
 Отцвѣтешь, не успѣвши расцвѣсть,
 Погрузишься ты въ сонъ непробудный,
 Будешь нянчить, работать и ѣсть.

И въ лицѣ твоёмъ, полномъ движенья,
 Полномъ жизни—появится вдругъ
 Выраженье тупого терпѣнья
 И бессмысленный вѣчный испугъ.

И схоронять въ сырую могилу,
Какъ пройдешь ты тяжелый свой путь,
Безполезно угасшую силу
И ничѣмъ не согрѣтую грудь.

Не гляди же съ тоской на дорогу
И за тройкой во слѣдъ не слѣши,
И тоскливую въ сердцѣ тревогу
Поскорѣй навсегда заглуши!

Не нагнать тебѣ бѣшеной тройки:
Кони крѣпки, и сыты, и бойки, —
И ямщикъ подѣ хмѣлькомъ, и къ другой
Мчится вихремъ корнетъ молодой...

ПСОВАЯ ОХОТА.

Провидѣнію угодно было чело-
вѣка создать такъ, что ему нужны
внезапныя потрясенія, восторгъ,
порывъ и хотя мгновенное заб-
веніе отъ житейскихъ заботъ: иначе,
въ уединеніи, грубоетъ яравъ и
вселяются равные пороки.

Рѣчь. Псовая охота.

1

Сторожъ вокругъ дома господскаго ходить,
Злобно зѣваешь и въ доску колотить.

Мракомъ задернуты небо и даль,
Вѣтеръ осенній наводитъ печаль;

По небу тучи угрюмыя гонить,
По полю листья—и жалобно стонеть...

Баринъ проснулся, съ постели вскочилъ,
Въ туфли обулся и въ рогъ затрубилъ.

Вздروгнули сонныя Ваньки и Гришки,
Вздروгнули всѣ—до грудного мальчишки.

Вотъ, при дрожащемъ огнѣ фонарей,
Двигутся длинныя тѣни псарей.

Крикъ, суматоха!.. ключи зазвенѣли,
Ржавыя петли уныло заплѣли;

Съ громомъ выводятъ, поятъ лошадей.
Время не терпитъ — сѣдай поскорѣй!

Въ синихъ венгеркахъ, на заячьихъ лапкахъ,
Въ остроконечныхъ, неслыханныхъ шапкахъ,

Слуги толпой подѣзжаютъ къ крыльцу.
Любо глядѣть—молодецъ къ молодцу!

Хоть и худѣнки у многихъ подошвы —
Да въ сертукахъ за то желтыя прошвы,

Хоть съ толокна животы подвело —
Да въ позументахъ подѣ каждымъ сѣдло,

Конь — заглядѣнье, собачекъ двѣ своры,
Поясъ черкесскій, арапникъ и шпоры.

Вотъ и помѣщикъ. Долой картузы!
Молча онъ крутитъ сѣдые усы,

Грозень осанкой и пышень нарядомъ,
Молча поводитъ властительнымъ взглядомъ.

Слушаетъ важно обычный докладъ:
„Змѣйка издохла, въ забойкѣ Набатъ,

Соколы сбѣсился, Хандра захромала“.
Гладить, нагнувшись, любимца-Нахала,

И, сладострастно волнуясь, Нахаль
На спину легъ и хвостомъ завилалъ.

2

Въ строгомъ порядкѣ, ускѣреннымъ шагомъ
Бѣдутъ псары по холмамъ и оврагамъ.

Стало свѣтать; проѣзжаютъ селомъ —
Дымъ поднимается къ небу столбомъ,

Гонится стадо, съ мучительнымъ стономъ
Очень скрипитъ (запрещенный закономъ);

Бабы изъ оконъ пугливо глядятъ,
„Глянъ-ко, собаки!“ ребята кричатъ...

Вот поднимаются медленно въ гору.

Чудная даль открывается взору:

Рѣчка внизу, подъ горою, бѣжитъ,

Инеемъ зелень долины блеститъ,

А за долиной, слегка бѣловатой,

Лѣсъ, освѣщенный зарей полосатой.

Но равнодушно встрѣчаютъ псаря

Яркую ленту огнистой зари,

И пробужденной природы картиной

Не насладился изъ нихъ не единый.

„Въ Банники“, крикнулъ помѣщикъ: „набрось!“

Борзовщики развѣзжаются врозь,

А предводитель команды собачьей,

Въ островѣ скрылся крикунъ-доѣзжачій.

Горло завидное далъ ему Богъ:

То затрубитъ оглушительно въ рогъ,

То закричитъ: „добирайся, собачки!

Да не давай ему, вору, потачки!“

То заоретъ: „го-го-го!—ту!-ту!!-ту!!!“

Вотъ и нашли—залились на слѣду.

Варомъ-варить закипѣвшая стая,

Внемлетъ помѣщикъ, восторженно тая,

Въ мощной груди занимается духъ,

Дивной гармоніей нѣжится слухъ!

Однопометниковъ лай музыкальный

Душу уноситъ въ тотъ міръ идеальный,

Гдѣ ни уплатъ въ Опекунскій Совѣтъ,

Ни безпокойныхъ исправниковъ нѣтъ!

Хоръ такъ пѣвучъ, мелодиченъ и ровень,

Что твой Россини! что твой Бетховень!

3

Ближе и лай, и порсканье, и крикъ —

Вылетѣлъ бойкій русакъ-материкъ!

Гикнулъ помѣщикъ и ринулся въ поле...

То-то раздолье помѣщичьей волѣ!

Черезъ ручьи, буераки и рвы

Бѣшенно мчится: не жаль головы!

Въ бурныхъ движеньяхъ—величіе власти.

Голосъ проникнуть могуществомъ страсти,

Очи горятъ благороднымъ огнемъ —

Чудное что-то свершилося въ немъ!

Здѣсь онъ не струситъ, онъ здѣсь не уступитъ,

Здѣсь его Крезъ за миллионы не купитъ!

Буйная удалъ не знаетъ преградъ,

Смерть иль побѣда—ни шагу назадъ!

Смерть иль побѣда! (Но гдѣ-жъ, какъ не въ бурѣ,

И развернутся славянской натурѣ?)

Звѣрь отсѣдаетъ—и въ смертной тоскѣ

Плачетъ помѣщикъ, принавши къ лукѣ.

Звѣря поймали—онъ дико кричитъ.

Мигомъ отпѣзончилъ, самъ торочить,

Гордый удачей любимой потѣхи,

Въ заячій хвостъ отираетъ доспѣхи,

И замираетъ, главу преклоня

Къ шеѣ покрытаго пѣной коня.

4

Много травы, и много скакали,

Гончихъ изъ острова въ островъ бросали,

Вдругъ неудача: Свирѣпъ и Терзай

Кинулись въ стадо, за ними Ругай,

Слѣдомъ за ними Угаръ и Замашка —

И растерзали въ минуту барашка!

Баринъ велѣлъ возмутителей сѣчь,

Самъ же держалъ къ нимъ суровую рѣчь.

Прыгали псы, огрызались и выли
И разбѣжались, когда ихъ пустили.

Рѣвма-реветъ злополучный пастухъ,
За лѣсомъ кто-то ругается вслухъ.

Баринъ кричить: „замолчи, животное!“
Не понимаетъ бойкій дѣтина.

Баринъ озлился и скачетъ на крикъ,
Струсилъ—и валится въ ноги мужикъ.

Баринъ отѣхалъ — мужикъ встрепенулся,
Снова ругается; баринъ вернулся,

Баринъ арапникомъ злобно махнулъ —
Гаркнулъ буинь: „вараулъ, караулъ!“

Долго преслѣдовалъ паренъ побитый
Барина бранью своей ядовитой:

„Мы-ста тебя взбутетенимъ дубьёмъ,
Вмѣстѣ съ горластымъ твоимъ халуёмъ!“

Но уже баринъ сердитый не слушалъ,
Къ стогу подсѣвши, онъ рябчика кушалъ,

Кости Нахалу кидаль, а псарямъ
Передалъ фляжку, отвѣдавши самъ.

Пили псари—и угрюмо молчали,
Лошади сѣно изъ стога жевали,

И въ обогранные кровью усы
Зайцевъ лизали голодные псы.

5

Такъ отдохнувъ, продолжаютъ охоту.
Скачутъ, порскаютъ и травятъ безъ счету.

Время межъ тѣмъ незамѣтно идетъ,
Песъ измѣняется и конь устааетъ.

Падаетъ сизый туманъ на долину,
Красное солнце зашло вполонину,

И показался съ другой стороны
Очеркъ безжизненно-бѣлой луны.

Слѣзли съ коней; поджидаютъ у стога,
Гончихъ сбиваютъ сзываютъ въ три рога,

И повторяются эхомъ лѣсовъ
Дикіе звуки нестройныхъ роговъ.

Скоро стемнѣетъ. Ускореннымъ шагомъ
Ѣдутъ домой по холмамъ и оврагамъ.

При переправѣ черезъ мутный ручей,
Кинувъ поводья, поятъ лошадей —

Рады борзья, довольны тавкуши:
Въ воду залѣзли по самыя уши!

Въ полѣ завидѣвъ табунъ лошадей,
Ржетъ жеребецъ подъ однимъ изъ псарей...

Вотъ, наконецъ, добрались до ночлега.
Въ сердцѣ помѣщика радость и нѣга —

Много загублено заячьихъ душъ.
Слава усердному гону тавкушъ!

Изъ лѣсу робкихъ звѣрей выбивая,
Честно служила ты, вѣрная стая!

Слава тебѣ, неизмѣнный Нахаль —
Ты словно вѣтеръ пустынный металь!

Слава тебѣ, рѣзвопожка-Побѣдка!
Бойко скакала, ловила ты мѣтко!

Слава усерднымъ и бурнымъ конямъ!
Слава выжлятнику, слава псарямъ!

6

Выпивъ изрядно, поужинавъ плотно,
Баринъ отходить ко сну беззаботно,

Завтра велитъ себя раньше будить.
Чудное дѣло — скакать и травить!

Чуть не полмира въ себѣ совмѣщая,
Русь широко протянулась, родная!

Много у насъ и лѣсовъ, и полей,
Много въ отечествѣ нашемъ звѣрей!

Нѣтъ намъ запрета по чистому полю
Тѣшить степную и буйную волю.

Благо тому, кто предается во власть
Ратной забавѣ: онъ вѣдаетъ страсть,

И до сѣдинъ молодые порывы
Въ немъ сохраняются, прекрасны и живы,

Черная дума къ нему не зайдетъ,
Въ праздномъ покоѣ душа не заснетъ.

Кто же охоты собачьей не любить,
Тотъ въ себѣ душу заспитъ и погубитъ.

* *

[Подражаніе Лермонтову]

Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полу-
дикой

Я росъ средь буйныхъ дикарей,
И мнѣ дала судьба, по милости великой,
Въ руководители псарей.

Вокругъ меня кипѣлъ развратъ волною гряз-
ной,

Боролись страсти нищеты,
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубыя черты.

И прежде, чѣмъ понять разсудкомъ нераз-
витымъ,

Ребенокъ, могъ я что-нибудь,
Проникъ уже порокъ дыханьемъ ядови-
тымъ

Въ мою младенческую грудь.
Застигнутый враслохъ, стремительно и
шумно

Я въ мутный ринулся потокъ,
И молодость мою постыдно и безумно
Въ развратѣ безобразномъ сжегъ...
Шли годы. Оторвавъ привычныя объятія
Отъ негодующихъ друзей,
Напрасно посылалъ я позднія проклятія
Безумству юности моей.

Не вспыхнули въ груди растроченныя силы —
Мой ропотъ ихъ не пробудилъ;
Пустынной тишиной и холодомъ могилы
Смѣнился юношескій пылъ,
И въ новый путь, съ хандрой, болѣзненно
развитой,

Пошелъ безъ цѣли я тогда,
И думалъ, что душѣ, довременно убитой,
Ужъ не воскреснуть никогда.
Но я тебя узналъ... Для жизни и волненій
Въ груди проснулось сердце вновь:
Вліянье раннихъ бурь и мрачныхъ впе-
чатлѣній

Съ души изгладила любовь...
Во мнѣ опять мечты, надежды и желанья...
И пусть меня не любишь ты,
Но мнѣ избытокъ слезъ и жгучаго страданья
Отрадишь мертвой пустоты...

РОДИНА.

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, бесплодна и
пуста,
Текла среди пировъ, бессмысленнаго чван-
ства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ
псовъ,
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но, ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ иногда бывалъ помѣщикомъ и я;
Гдѣ отъ души моей, доременно-растлѣнной,
Такъ рано отлегло покой благословенный,
И не ребяческихъ желаній и тревогъ
Огонь томительный до срока сердце жогъ...
Воспоминанія дней юности — извѣстныхъ
Подъ громкимъ именемъ роскошныхъ и чу-
десныхъ, —

Наполнивъ грудь мою и злобой, и хандрой,
Во всей своей красѣ проходить предо мной!..

Вотъ темный, темный садъ... Чей ликъ въ
аллеѣ дальной
Мелькаетъ межъ вѣтвей, болѣзненно-печаль-
ной?

Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубилъ... о! знаю, знаю я!..
На вѣки отдана угрюмому невѣждѣ,
Не предавалась ты несбыточной надеждѣ —
Тебя пугала мысль возстать противъ судьбы,
Ты жребій свой несла въ молчаніи рабы...
Но знаю: не была душа твоя безстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И все, что вынести въ тебѣ достало силъ,
Предсмертный шопотъ твой губителю про-
стилъ!..

И ты, дѣлившая съ страдальцей безгласной
И горе, и позоръ судьбы ея ужасной,
Тебя ужъ также нѣтъ, сестра души моей!
Изъ дома крѣпостныхъ любовницъ и царей
Гонимая стыдомъ, ты жребій свой вручила
Тому, котораго не знала, не любила...
Но матери своей печальную судьбу
На свѣтѣ повторивъ, лежала ты въ гробу
Съ такой холодною и строгою улыбкой,
Что дрогнулъ самъ палачъ, заплакавшій ошиб-
кой.

Вотъ сѣрый, старый домъ... Теперь онъ пустъ
и глухъ:

Ни женщинъ, ни собакъ, ни гаеровъ, ни
слугъ,

А встарь?.. Но помню я: здѣсь что-то всѣхъ
давило,

Здѣсь въ маломъ и въ большомъ тоскливо
сердце ныло.

Я къ нянѣ убѣгала... Ахъ, няня! сколько
разъ

Я слезы лилъ о ней въ тяжелой сердцу
часъ;

При имени ея впадая въ умиленье,
Давно ли чувствовалъ я къ ней благого-
вѣнье?..

Ея безмысленной и вредной доброты
На память мнѣ пришли немногія черты,
И грудь моя полна враждой и злостью по-
вой!..

Нѣтъ! въ юности моей, мятежной и суровой,
Отраднато душѣ воспоминанья нѣтъ;
Но все, что жизнь мою опутавъ съ первыхъ
лѣтъ,

Проклятемъ на меня легло неотразимымъ —
Всему начало здѣсь, въ краю моемъ роди-
момъ!..

И съ отвращеніемъ кругомъ кидала взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ темный
боръ —

Въ томящій лѣтній зной зацита и прохлада, —
И нива выжжена, и праздно дремлетъ стадо,
Понутивъ голову надъ высохшимъ ручьемъ,
И на бокъ валится пустой и мрачный домъ,
Гдѣ вторилъ звонѣ чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ стра-
даній,

И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой да-
вилъ,

Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ!..

СЕКРЕТЬ.

[Опытъ современной баллады].

1

Въ счастливой Москвѣ, на Неглинной,
Со львами, съ рѣшеткой кругомъ,
Стоитъ одиноко старинный,
Гербами украшенный домъ.

Онъ съ роскошью барской построенъ
Какъ будто вѣкамъ на показъ;
А нынѣ въ немъ нѣсколько боенъ
И съ юфтью просторный лабазъ.

Картофель да кочни капусты
 Растутъ передъ нимъ на грядкахъ;
 Въ немъ лучшія комнаты пусты;
 И мебель, и бронза въ чехлахъ.

Не вѣдаетъ мудрый владѣлецъ
 Тщеславья и роскоши нѣтъ;
 Онъ въ собственномъ домѣ пришелецъ,
 Занявшій въ конурѣ ночлегъ...

Въ его деревянной пристройкѣ
 Свѣча одиноко горитъ;
 Скупецъ умираетъ на койкѣ,
 И дѣтямъ своимъ говоритъ:

2

„Огни зажигались вечерніе,
 Вылъ вѣтеръ и дождикъ мочилъ,
 Когда изъ Полтавской губерніи
 Я въ городъ столичный входилъ.

„Въ рукахъ была палка предлинная,
 Котомка пустая на ней,
 На плечахъ шубѣнка овчинная,
 Въ карманѣ пятнадцать грошей.

„Ни денегъ, ни званья, ни племени,
 Маль ростомъ и съ виду смѣшонъ,
 Да сорокъ лѣтъ минуло времени—
 Въ карманѣ моемъ миллионъ!

„И самъ я теперь благоденствую,
 И счастье вокругъ себя лью:
 Я правы людей совершенствую,
 Полезный примѣръ подаю.

„Я сдѣлался важной персоною,
 Пожертвовавъ тысячу въ годъ:
 Имѣю и Анну съ короною,
 И званіе „друга сиротъ“.

„Но дни наступили унылые,
 Смерть близко—спасенія нѣтъ!
 И время вамъ, дѣтушки милые,
 Узнать мой великій секретъ.

„Квартиру я нанялъ у дворника.
 Дрова къ постояльцамъ таскалъ;
 Подбился я къ дочери шорника
 И съ нею отца обокралъ;

„Потомъ и ее, безтолковую,
 За нужное счелъ обокрасть,
 И въ практику бросился новую,—
 Запрегся въ питейную часть.

„Потомъ...“

3

Вдругъ лицо потемнѣло,
 Раздался мучительный крикъ—
 Лежить, словно мертвое тѣло,
 И больше ни слова старикъ!

Но, видно, секретъ былъ угаданъ,
 Сынки угодили въ отца:
 Старикъ еще дышетъ на ладанъ,
 И ждетъ боязливо конца,

А дѣти гуляютъ съ ключами.
 Вотъ старшій въ шкатулку проникъ!
 Старикъ осадилъ бы словами—
 Нѣтъ словъ: непокоренъ языкъ!

Въ меньшомъ родилось подозрѣнье,
 И ссора кипитъ о ключахъ—
 Не слухъ бы тутъ нуженъ, не зрѣнье,
 А сила въ рукахъ и ногахъ:

Воспрянулъ бы, словно изъ гроба,
 И словомъ и дѣломъ могучъ—
 Смирились бы дерзкіе оба
 И отдали-бъ старому ключъ.

Но братъ поднимаетъ на брата
 Преступную руку свою...
 И вотъ тебѣ, коршунъ, награда
 За жизнь воровскую твою!

ПРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

1

Живя согласно съ строгою моралью,
 Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла.
 Жена моя, закрывъ лицо вуалью,
 Подъ вечерокъ къ любовнику пошла:
 Я въ домъ къ нему съ полиціей прокрался
 И уличилъ... Онъ вызвалъ: я не дрался!
 Она слегла въ постель и умерла,
 Истерзана позоромъ и печалью...
 Живя согласно съ строгою моралью,
 Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла.

2

Пріятель въ срокъ мнѣ долга не представилъ.
 Я, намекнувъ по-дружески ему,
 Закону разсудить насъ предоставилъ:
 Законъ приговорилъ его въ тюрьму.
 Въ ней умеръ онъ, не заплативъ алтыпа,
 Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
 Я долгъ ему простилъ того-жъ числа,
 Почтивъ его слезами и печалью...
 Живя согласно съ строгою моралью,
 Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла.

3

Крестьянина я отдалъ въ повара:
 Онъ удался; хоропій поваръ—счастье!
 Но часто отлучался со двора
 И званью неприличное пристрастье
 Имѣлъ: любилъ читать и разсуждать.
 Я, утомясь грозить и распекать,
 Отчески посѣкъ его, каналью,
 Онъ взялъ да утопился: дурь нашла!
 Живя согласно съ строгою моралью,
 Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла.

4

Имѣлъ я дочь; въ учителя влюбилась
 И съ нимъ бѣжать хотѣла сгоряча.

Я погрозилъ проклятьемъ ей: смирилась
 И вышла за сѣдого богача.
 Ихъ домъ блестящъ и полонъ былъ, какъ
 чаша,
 Но стала вдругъ блѣднѣть и гаснуть Маша
 И черезъ годъ въ чахоткѣ умерла,
 Сразивъ весь домъ глубокою печалью...
 Живя согласно съ строгою моралью,
 Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла...

*
*
*

Если, мучимый страстью мятежной,
 Позабылся ревнивый твой другъ,
 И въ душѣ твоей, кроткой и нѣжной,
 Злое чувство проснулося вдругъ—

Все, что вызвано словомъ ревнивымъ,
 Все, что подняло бурю въ груди,
 Переполнено гнѣвомъ правдивымъ,
 Безпощадно ему возврати.

Отвѣчай негодующимъ взоромъ,
 Оправданья и слезы осмѣй,
 Порази его жгучимъ укоромъ—
 Всю до капли досаду излей!

Но когда, отдохнувъ отъ волненья,
 Ты поймешь его грустный недугъ,
 И дождется минуты прошенья
 Твой безумный, но любящій другъ—

Позабудь ненавистное слово,
 И упрекомъ своимъ не буди
 Угрызеній мучительныхъ снова
 У воскресшаго друга въ груди!

Вѣрь: постыдный порывъ подозрѣнья
 Безъ того ему много принесъ,
 Полныхъ муки, тревогъ сожалѣнья
 И раскаянья поздняго слезъ...

*
**

Ѣду ли ночью по улицѣ темной,
Бури заслушаюсь въ пасмурный день—
Другъ беззащитный, больной и бездомный,
Вдругъ предо мной промелькнетъ твоя тѣнь!
Сердце сожмется мучительной думой.
Съ дѣтства судьба не влюбила тебя:
Бѣденъ и золь былъ отецъ твой угрюмый.
Замужъ пошла ты—другого любя.
Мужъ тебѣ выпалъ недобрый на долю:
Съ бѣшеннымъ нравомъ, съ тяжелой рукой;
Не покорилась—ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

Помнишь ли день, какъ больной и голодный
Я унывалъ, выбивался изъ силъ?
Въ комнатѣ нашей, пустой и холодной,
Наръ отъ дыханья волнами ходилъ.
Помнишь ли трубъ заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвѣтъ, полутьму?
Плакалъ твой сынъ, и холодныя руки
Ты согрѣвала дыханьемъ ему.
Онъ не смолкалъ—и пронзительно звонокъ
Былъ его крикъ... Становилось темнѣй;
Вдоволь поплакалъ и умеръ ребенокъ...
Бѣдна! слезъ безразсудныхъ не лей!
Съ горя да съ голоду завтра мы оба
Также глубоко и сладко заснемъ;
Купить хозяйинъ, съ проклятьемъ, три гроба—
Вмѣстѣ свезуть и положить рядкомъ...

Въ разныхъ углахъ мы сидѣли угрюмо.
Помню, была ты блѣдна и слаба,
Зрѣла въ тебѣ сокровенная дума,
Въ сердцѣ твоемъ совершалась борьба.
Я задремалъ. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, какъ будто къ вѣнцу,
И черезъ часъ принесла торопливо
Гробикъ ребенку и ужинъ отцу.
Голодь мучительный мы утолили,
Въ комнатѣ темной зажгли огонекъ,
Сына одѣли и въ гробъ положили..
Случай насъ выручилъ? Богъ ли помогъ?
Ты не смѣшила печальнымъ признаньемъ.

Я ничего не спросилъ,
Только мы оба глядѣли съ рыданьемъ,
Только угрюмъ и озлобленъ я былъ...

Гдѣ ты теперь? Съ ницетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной,
И роковая свершится судьба?
Кто-жъ защититъ тебя? Всѣ безъ изъятя
Именемъ страшнымъ тебя назовутъ,
Только во мнѣ шевельнутся проклятья—
И бесполезно замрутъ!

*
**

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я ушлъ и угрюмъ,
Оживляется такъ вдохновенно
Твой веселый, насмѣшливый умъ;

Ты хохочешь такъ бойко и мило,
Такъ враговъ моихъ глухихъ бранишь,
То, понутивъ головку уныло,
Такъ лукаво меня ты смѣшишь;

Такъ добра ты, скуная на ласки,
Поцѣлуй твой такъ полонъ огня,
И твои ненаглядныя глазки
Такъ голубятъ и глядятъ меня;—

Что съ тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу,
И впередъ—въ это темное море—
Безъ обычного страха гляжу...

* *

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу—день за днем бесполезно губя;

Что я—силы своей не пытавъ ни на чемъ—
Осудилъ самъ себя беспощаднымъ судомъ,

И, лѣниво твердя: я ничтоженъ, я слабъ!
Добровольно всю жизнь пресмыкался какъ
рабъ;

Что, доживши кой-какъ до тридцатой весны,
Не скопилъ я себѣ хотъ богатой казны,

Чтобъ глупцы у моихъ пресмыкалися ногъ,
Да и умникъ подъ часъ позавидовать могъ!

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратилъ свой вѣкъ, никого не любя,

Что любить я хочу... что люблю я весь мѣръ,
А брожу дикаремъ — безирютенъ и сирь,

И что злоба во мнѣ и сильна, и дика,
А до дѣла дойдетъ — замираетъ рука!

ВИНО.

1

Не водись-ка на свѣтѣ вина,
Тошень былъ бы мнѣ свѣтъ,
И пожалуй — силенъ сатана! —
Натворилъ бы я бѣдъ.

Безъ вины меня баринъ посѣкъ,
Самъ не знаю, что стало со мной?
Я не то, чтобъ большой человекъ,
Да вишь дѣло-то было впервой.

Какъ подумаю, весь задрожу,
На душѣ все чернѣй да чернѣй.
Какъ теперь на людей погляжу?
Какъ приду къ ненаглядной моей?
И я долго лежалъ на печи,
Все молчалъ, не отвѣдывалъ щей;
Нашенталъ мнѣ нечистый въ ночи
Неразумныхъ и буйныхъ рѣчей,
И на утро я сумраченъ всталъ;
Помолиться хотѣлъ, да не могъ,
Ни словечка ни съ кѣмъ не сказалъ
И пошелъ, не крестясь, за порогъ.
Вдругъ: „не хочешь ли, братиэкъ, вина?“
Мнѣ во-слѣдъ закричала сестра.
Цѣлый штофъ осушилъ я до дна
И въ тотъ день не ходилъ со двора.

2

Не водись-ка на свѣтѣ вина,
Тошень былъ бы мнѣ свѣтъ,
И пожалуй — силенъ сатана! —
Натворилъ бы я бѣдъ.

Зазнобила меня молодца
Степанида, сосѣдская дочь,
Я посваталъ ее у отца —
И старикъ да и дѣвка не прочь.
Да, знать, старостѣ вплоть до земли
Поклонился другой молодецъ,
И съ немилымъ ее повели
Мимо окопъ моихъ подъ вѣнецъ.
Не изъ камня душа! Не втерпѣжъ!
Расходилась, что буря, она,
Наточилъ я на старосту ножъ
И для смѣлости выпилъ вина.
Да попался Петруха, свой братъ.
Въ кабагѣ: назвался угостить;
Даровому лѣнивый не радъ —
Я остался полигофа роспить.
А за первымъ — другой; въ куражѣ
Отъ души невзначай отлегло,
Позабылъ я въ тотъ день объ ножѣ,
А на утро раздумье пришло...

3

Не водись-ка па свѣтѣ вина,
Тошень былъ бы мнѣ свѣтъ,
И пожалуй — силенъ сатана! —
Натворилъ бы я бѣдъ.

Я съ артелью взялся у купца
Передѣлать всѣ печи въ дому,
Въ мѣсяцъ дѣло довелъ до конца
И пришелъ за расчетомъ къ нему.
Обсчиталъ, воровская душа!
Я корить, я судомъ угрожать:
„Такъ не будетъ тебѣ ни гроша!“
И велѣлъ меня въ шею прогнать.
Я ходилъ къ нему восемь недѣль,
Да застать его дома не могъ;
Разсчитать было нѣчѣмъ артель,
И меня, слышь, потянуть въ острогъ...
Наточивши широкой топоръ,
„Пропадай!“ самъ себѣ я сказала;
Побѣжалъ, притаился, какъ воръ,
У знакомага дома — и ждалъ.
Да прозябъ, а напротивъ кабакъ,
Разсудилъ: отчего не зайти?
На послѣдній хватилъ четвертакъ,
Подрался — и проснулся въ части...

ИЗВОЩИКЪ.

1

Дарень былъ Ванюха ражий,
Рослый человекъ,—
Не поддайся силѣ вражей,
Жилъ бы долгий вѣкъ.
Полусонный по природѣ,
Знай зѣвалъ въ кулакъ,
И прозваніе въ народѣ
Получилъ: вахлакъ!
Правда, съ нимъ случилось диво,
Какъ въ Грязной стоялъ:

Ѣлъ онъ мало и лѣниво,
По ночамъ не спалъ...
Все глядитъ, бывало, въ оба
Въ супротивный домъ:
Тамъ жила его зазноба —
Кралечка лицомъ!
Подъ ворота словно птичка
Вылетитъ съ гиѣзда,
Бѣлоручка, бѣлоличка...
Жаль одно: горда!
Прокативъ ее, учтиво
Онъ ей разъ сказалъ:
„Вишь ты больно тороплива“,
И за ручку взялъ...
Разсердилась: „Не позволю!
Полно—не замай!
Прежде выкупись на волю,
Да потомъ хватай!“
Поглядѣлъ за нею Ваня,
Головой тряхнулъ:
„Не про насъ ты—молвилъ—Таня“,
И рукой махнулъ...
Скоро лѣто наступило,
Съ барыней своей
Таня въ Тулу укатила.
Ванька сталъ умнѣй:
Онъ по прежнему порядку
Полюбилъ чаекъ,
Наблюдалъ свою лошадку,
Добывалъ оброкъ,
Пилъ умѣренно горѣлку,
Зналъ копѣйки вѣсъ,
Да какую же продѣлку
Сочинилъ съ нимъ бѣсъ!..

2

Разъ купецъ ему попался
Изъ родимыхъ мѣстъ;
Ванька съ нимъ съ-утра катался
До вечернихъ звѣздъ.
А потомъ наѣлся плотно,
Обрядилъ коня,
И улегся беззаботно
До другого дня...

Спать и слышать стукъ въ ворота.
 Чу! шумять, встають...
 Не пожаръ ли? вотъ забота!
 Чу! къ нему идутъ.
 Онъ вскочилъ, какъ заяцъ согнпый,
 Видить: съ фонаремъ
 Передъ нимъ хозяинъ сонный
 Съ сѣдокомъ-купцомъ.
 „Сапки гдѣ твои, дѣтина?
 Покажи ступай!“
 Говорить ему купчина —
 И ведетъ въ сарай...
 Помутился умъ у Вани,
 Онъ какъ листь дрожалъ...
 Поглядѣлъ купчина въ сани
 И, крестясь, сказалъ:
 „Слава Богу, слава Богу!
 Цѣль мѣшокъ-то мой!
 Не взыщите за тревогу —
 Капиталь большой.
 Понимаете, съ походомъ
 Будетъ тысячъ пять...“
 И купецъ передъ народомъ
 Деньги сталъ считать...
 И пока рубли звенѣли,
 Поднялся весь домъ —
 Ваньки сонные глядѣли,
 Оступя кругомъ.
 „Цѣло все!“ сказалъ купчина,
 Парня подозвалъ:
 „Вотъ на чай тебѣ полтина!
 Благо, ты не зналъ:
 Серебро-то не бумажки,
 Нѣтъ примѣты, братъ;
 Мнѣ ходить бы безъ рубашки,
 Ты бы сталъ богатъ —
 Да Господь-то справедливый
 Попугаль шутя...“
 И ушелъ купецъ счастливый,
 Подъ мѣшкомъ кряхтя...
 Надъ розиней поглумились
 И опять легли,
 А какъ утромъ пробудились
 И въ сарай пришли,

Глядь — и обмерли съ испугу...
 Ни гу-гу — молчатъ;
 Показали вверхъ другъ другу
 И пошли назадъ...
 Прибѣжалъ хозяинъ блѣдный,
 Вся сошлась семья:
 „Что такое?..“ Ванька бѣдный —
 Богъ ему судья! —
 Совладать съ лукавымъ бѣсомъ
 Видно не сумѣлъ:
 Надъ санями подъ навѣсомъ
 На возжахъ висѣлъ!
 А вѣдь былъ дѣтина ражій,
 Рослый человекъ, —
 Не поддайся силѣ вражей,
 Жилъ бы долгій вѣкъ...

*
**

Поражена потерей невозвратной,
 Душа моя уныла и слаба:
 Ни гордости, ни вѣры благодатной —
 Постыдное безсиліе раба!

Ей все равно — холодный сумракъ гроба,
 Позоръ ли, слава, ненависть, любовь, —
 Погасла и спасительная злоба,
 Что долго такъ разогрѣвала кровь.

Я жду... но ночь не близится къ разсвѣту
 И мертвый мракъ кругомъ... и та,
 Которая воззвать могла бы къ свѣту —
 Какъ будто смерть сковала ей уста!

Лицо безъ мысли, полное смятенья,
 Сухіе, напряженные глаза —
 И, кажется, зарею обновленья
 Въ нихъ никогда не заблеститъ слеза.

*
**

Я посвятилъ твое кладбище,
 Подруга трудныхъ, трудныхъ дней!
 И образъ твой свѣтлѣй и чище
 Рисуется душѣ моей.
 Бывало, натерпѣвшись муки,
 Уставъ и тѣломъ, и душой,
 Подъ игомъ молчаливой скуки
 Встрѣчался грустно я съ тобой.
 Ни смѣхъ, ни говоръ твой веселый
 Не прогоняли темныхъ думъ:
 Они бѣсили мой тяжелый,
 Больной и раздраженный умъ.
 Я думалъ: нѣтъ въ душѣ безпечной
 Сочувствія душѣ моей,
 И горе въ глубинѣ сердечной
 Держалось дольше и сильнѣй...
 Увы, то время невозвратно!
 Въ ошибкахъ юность не вольна:
 Безъ слезъ ей горе непонятно,
 Безъ смѣху радость не видна...
 Ты умерла... Смирились грозы.
 Другую женщину я зналъ,
 Я поминутно видѣлъ слезы
 И часто смѣхъ твой вспоминалъ.
 Теперь мнѣ дороги и милы
 Тѣ грустно прожитые дни, —
 Какъ много нѣжности и силы
 Душевной вызвали они!
 Твержу съ упрекомъ и тоскою:
 „Зачѣмъ я не цѣнилъ тогда?“
 Забудусь, ты передо мною
 Стоишь — жива и молода:
 Глаза блистають, локонъ вьется,
 Ты говоришь: „будь веселѣй!“
 И звонкій смѣхъ твой отдается
 Больнѣе слезъ въ душѣ моей...

*
**

Я не люблю ироніи твоей.
 Оставь ее отжившимъ и не жившимъ,
 А намъ съ тобой, такъ горячо любившимъ,
 Еще остатокъ чувства сохранившимъ —
 Намъ рано предаваться ей!

Пока еще застѣнчиво и нѣжно
 Свиданіе продлить желаешь ты,
 Пока еще кипятъ во мнѣ мятежно
 Ревнивыя тревоги и мечты —
 Не торопи развязки неизбѣжной!

И безъ того она не далека:
 Кишимъ сильнѣй, послѣдней жаждой полны,
 Но въ сердцѣ тайный холодъ и тоска...
 Такъ осенью бурливѣе рѣка,
 Но холоднѣй бующія волны.

НА УЛИЦѢ.

1

ВОРЪ.

Снѣгъ ша на званный пиръ по улицѣ прегразной,
 Вчера былъ пораженъ я сценой безобразной:
 Торгашъ, у коего украденъ былъ калачъ,
 Вздрогнувъ и поблѣднѣвъ, вдругъ поднялъ
 вой и плачь
 И, бросающъ отъ лотка, кричалъ: „держите вора!“
 И воръ былъ окруженъ и остановленъ скоро.
 Закушенный калачъ дрожалъ въ его рукъ;
 Онъ былъ безъ сапоговъ, въ дырявомъ сер-
 тукѣ;

Лицо являло слѣдъ недавняго недуга,
 Стыда, отчаянья, моленья и испуга...
 Пришелъ городской, подчаска подозвалъ,
 По пунктамъ отобралъ допросъ отмѣнно
 строгій,

И вора повели торжественно въ кварталъ.
Я крикнулъ кучеру: „пошелъ своей дорогой!“
И Богу поспѣшилъ молебствіе принести
За то, что у меня наслѣдственное есть...

2

ПРОВОДЫ.

Мать касатикомъ сына зоветъ,
Сынъ любовно глядитъ на старуху;
Молодая бабѣнка реветъ
И все просить остаться Ванюху;
А старикъ непреклонно молчитъ:
Напряженная строгость во взорѣ,
Словно самъ на себя онъ сердитъ
За свое бесполезное горе.

Сивка дернула дровнишки слегка —
Чуть съ дровней не свалилась старуха.
Ну! нагрѣлъ же онъ сивкѣ бока,
Да помочь старику и Ванюха...

3

ГРОБОКЪ.

Вотъ идетъ солдатъ. Подъ мышкою
Дѣтскій гробъ несетъ, дѣтинушка.
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.
А какъ было живо дитяtko,
То-и-дѣло говорилося:
„Чтобъ ты лопнуло проеблятое!
Да зачѣмъ ты и родилося?“

4

ВАНЬКА.

Смѣшная сцена! Ванька-дуралей,
Чтобъ сѣдока промыслить побогаче,
Украдкой чиститъ бляхи на своей
Ободранной и заморенной клячѣ.
Не такъ ли ты, продажная краса,

Себѣ придать желая блескъ фальшивый,
Старательно взбиваешь волоса
На головѣ давно полуплѣшивой?
Но оба вы—извозчикъ-дуралей
И ты, смѣшно причесанная дама, —
Вы пробуждаете не смѣхъ въ душѣ моей —
Мерещится мнѣ всюда драма.

*
*
*

Мы съ тобой безтолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди —
Неразумное, рѣзкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Все, что душу волнуетъ и мучитъ!
Будемъ, другъ мой, сердиться открыто:
Легче миръ—и скорѣе наскутить.

Если проза въ любви неизбѣжна,
Такъ возьмемъ и съ нея долю счастья:
Послѣ ссоры такъ полно, такъ нѣжно
Возвращеніе любви и участья...

МУЗА.

Нѣтъ, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладко-
гласной!

Въ небесной красотѣ, неслышимо, какъ духъ,
Слетая съ высоты, младенческій мой слухъ
Она гармоніи волшебной не учила,
Въ пеленкахъ у меня свирѣли не забыла,
Среди забавъ моихъ и отроческихъ думъ

И безгрѣшныя даже доходы
Называлъ воровствомъ, либераль!

Лучше жить бы хотѣлъ онъ попроче,
Не франтить, не тинуться бы въ свѣтъ,—
Да обидно покажется тѣщѣ,
Да осудить богатый сосѣдъ!

Все бы вздоръ... только съ Машей не сладишь,
Не толкуешь—глупа, молода!
Скажетъ: „такъ за любовь мою платишь!“
Нѣтъ! упреки тошнѣе труда!

И кипить-поспѣваетъ работа,
И болитъ-надрывается грудь...
Наконецъ, наступила суббота:
Вотъ и праздникъ—пора отдохнуть!

Онъ лелѣетъ красавицу-Машу,
Выпивъ полную чашу труда,
Наслажденія полную чашу
Жадно пьетъ... и онъ счастливъ тогда!

Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,
Но и самая радость едва-ли
Не вредна для усталой души.

Скоро въ гробъ его Маша уложить,
Проклянетъ свой сиротскій удѣлъ,
И, бѣдняжка! ума не приложить,
Отчего онъ такъ скоро сгорѣлъ?

НОВЫЙ ГОДЪ.

Что новый годъ, то новыхъ думъ,
Желаній и надеждъ
Исполненъ легковѣрный умъ

И мудрыхъ, и невѣждъ.

Лишь тотъ, кто подъ землей со-
крытъ,

Надежды въ сердцѣ не таетъ!..

Давно ли ликовалъ народъ
И радовался миръ,
Когда рождался прошлый годъ
При звукахъ чашъ и лиръ?
И чье суровое чело
Лучомъ надежды не цвѣло?

Но меньше-ль видѣлъ онъ могиль,
Вражды и нищеты?
Въ немъ каждый день убійцей былъ
Какой-нибудь мечты;
Не пощадилъ онъ никого,
И не далъ людямъ ничего!

При звукахъ тѣхъ же чашъ и лиръ,
Обычной чередой
Безстрастный гость вступаетъ въ миръ
Безстрастною стопой—
И въ тѣхъ лишь нѣтъ надежды
вновь,
Въ комъ навсегда застыла кровь!

И благо!.. Съ чашами въ рукахъ
Да будетъ встрѣченъ гость,
Да разлетится горе въ прахъ,
Да умирится злость—
И въ обновленные сердца
Да снидетъ радость безъ конца!

Насъ давить времени рука,
Насъ изнуряетъ трудъ,
Всесилень случай, жизнь хрупка,
Живемъ мы для минутъ,
И то, что съ жизни взято разъ,
Не въ силахъ рокъ отнять у насъ!

Пускай кипитъ веселый рой
Мечтаній молодыхъ—
Имъ предадимся всей душой...
А время скоситъ ихъ?—
Что нужды! Снова въ свой чередъ
Въ насъ воскреситъ ихъ новый
годъ...

*
*
*

Блаженъ незлобивый поэтъ,
 Въ комъ мало желчи, много чувства:
 Ему такъ искрененъ привѣтъ
 Друзей спокойнаго искусства;

Ему сочувствіе въ толпѣ,
 Какъ ропотъ волнъ, ласкаетъ ухо;
 Онъ чуждъ сомнѣнія въ себѣ—
 Сей пытки творческаго духа;

Любя безопасность и покой,
 Гнушаясь дерзкою сатирой,
 Онъ прочно властвуетъ толпой
 Съ своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
 Его не гонять, не злословятъ,
 И современники ему
 При жизни памятники готовятъ...

Но нѣтъ пощады у судьбы
 Тому, чей благородный гений
 Сталъ обличителемъ толпы,
 Ея страстей и заблужденій.

Питая ненавистью грудь,
 Уста вооруживъ сатирой,
 Проходитъ онъ тернистый путь
 Съ своей карающею лирой.

Его преслѣдуютъ хулы:
 Онъ ловитъ звуки одобренья
 Не въ сладкомъ ропотѣ хвалы,
 А въ дикихъ крикахъ озлобленья.

И вѣря, и не вѣря вновь
 Мечтѣ высокаго призванья,
 Онъ проповѣдуетъ любовь
 Враждебнымъ словомъ отрицанья,—

И каждый звукъ его рѣчей
 Плодитъ ему враговъ суровыхъ,
 И умныхъ, и пустыхъ людей,
 Равно клеймитъ его готовыхъ.

Со всѣхъ сторонъ его клянутъ,
 И только грусть его увидя,
 Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
 И какъ любилъ онъ—ненавидя!

ЗАСТѢНЧИВОСТЬ.

Ахъ ты, страсть роковая, бесплодная,
 Отвяжись, не туманъ головы!
 Осмѣетъ насъ красавица модная,
 Вкругъ нея увиваются львы:

Поступь гордая, голосъ увѣренный,
 Чтó ни скажутъ—ихъ рѣчь хороша,
 А вотъ я-то войду, какъ потерянный,—
 И ударится въ пятки душа!

На ногахъ словно гири желѣзныя,
 Какъ свинцомъ налита голова,
 Странно руки торчатъ бесполезныя,
 На губахъ замираютъ слова.

Улыбнусь—непроворная, жесткая,
 Не въ улыбку улыбка моя,
 Пошутить захочу—шутка плоская:
 Покраснѣю мучительно я!

Помѣшусь, молчаливо досадуя,
 Въ дальній уголь... уныло смотрю
 И сижу неподвиженъ, какъ статуя,
 И судьбу потихоньку кѣрю:

„Для чего-де меня горемычнаго
 Дуракомъ ты на свѣтъ создала?
 Ни умишка, ни виду приличнаго,
 Ни довольства собой не дала?..“

Ахъ! судьба-ль меня полно обидѣла?
 Отчего-жъ, какъ домой ворочусь
 (Удивилась бы, еслибъ увидѣла),
 И уменъ, и пригожъ становлюсь?

Все припомню, что́ было ей сказано,
Вижу: самъ бы сказалъ не глупѣй..
Нѣтъ! мнѣ въ божьихъ дарахъ не отказано,
И лицомъ я не хуже людей!

Малодушье пустое и дѣтское,
Не хочу тебя знать съ этихъ поръ!
Я пойду въ ея общество свѣтское,
Я тамъ буду уменъ и остеръ!

Пусть пойметъ, что свободно и молодо
Въ этомъ сердцѣ волнуется кровь,
Что подъ маской наружнаго холода
Безконечная скрыта любовь...

Полно роль-то играть сумасшедшаго,
Въ сердцѣ искру надежды беречь!
Не страхнуть рокового прошедшаго
Мнѣ съ моихъ невыносимыхъ плечъ!

Придавила меня бѣдность грозная,
Запугалъ меня съ дѣтства отецъ,
Безталанная долюшка слезная
Извела, доканала въ конецъ!

Знаю я: сожалѣнье постыдное,
Что́ какъ червь копошится въ груди,
Да сознанье безсилья обидное
Мнѣ осталось одно впереди...

ПРЕКРАСНАЯ ПАРТІЯ.

1

У хладныхъ невскихъ береговъ,
Въ туманномъ Петроградѣ,
Жилъ нѣкто господинъ Долговъ
Съ женой и дочкой Надей.

Простой и добрый семьянинъ,
Чиновникъ непроданный,
Онъ нажилъ только домъ одинъ —
Но домъ пяти-этажный.

Учась на мѣдныя гроши,
Не вѣдалъ по-французски,
Былъ добръ по слабости души,
Но какъ-то не по-русски:

Есть русскихъ множество семей,
Онѣ какъ будто добры,
Но имъ у крѣпостныхъ людей
Считать не стыдно ребры.

Не отличался нашъ Долговъ
Такой рукою бойкой,
И только колотить тузовъ
Любилъ козырной двойкой.

За то Господь его взыскалъ
Своею благодатью:
Онъ городъ за женою взялъ
И породнился съ знатью.

И такъ, жена его была
Наклонна къ этикету
И домъ, какъ слѣдуетъ, вела
Подъ стать большому свѣту:

Сама не сходить на базаръ
И въ кухню ни ногою;
У дома ихъ стоялъ швейцаръ
Съ огромной булавою;

Лакеи чинною толпой
Тѣснились въ прихожей,
И между ними ни одной
Кривой и пьяной рожи.

Всегда сервированъ обѣдъ
И чай весьма прилично,
Въ парадныхъ комнатахъ паркетъ
Такъ вылощенъ отлично.

Они давали вечера
И даже въ годъ два бала:
Играли старцы до утра,
А молодежь плясала;

Гремѣла музыка всю ночь,
По требованью глядя.

Царицей тутъ была ихъ дочь —
Красивенькая Надя.

2

Ни преждевременнѣмъ умомъ,
Ни красотой нимаго
Въ невинномъ возрастѣ своемъ
Она не поражала.

Была лѣнивой въ десять лѣтъ
И милою рѣзвухой:
Цвѣтушъ и ясенъ, Божій свѣтъ
Казался ей игрушкой.

Въ семнадцать — сверстницъ и сестрицъ
Всѣхъ красотой затмила,
Но нашихъ чопорныхъ дѣвицъ
Собой не повторила:

Въ глазахъ природный умъ игралъ,
Румянецъ въ кожѣ смуглой,
Она любила шумный балъ
И не была тамъ куклой.

Въ веселомъ обществѣ гостей
Жеманно не молчала,
И строгой маменьки своей
Глазами не искала.

Любила музыку она
Не погому, что въ модѣ;
Не исключительно луна
Ей правилась въ природѣ.

Читать любила иногда,
И съ книгой не скучала,
Напротивъ, и гостей тогда,
И танцы забывала;

Но также *синяго чулка*
Въ ней не было примѣты:
Не трактовала свысока
Ученые предметы,

Разбору строгому еще
Не предавала чувства,
И не трещала горячо
О святости искусства.

Ну, словомъ: глядя на нее,
Поэтъ сказалъ бы съ жаромъ:
„Цвѣти, цвѣти, дитя мое!
Ты создана не даромъ“!..

Ужъ ей врала про жениховъ
Услужливая няня.
Не мало ей писалъ стиховъ
Кузенъ какой-то Ваня.

Мамаша повторяла ей:
„Ужъ ты давно невѣста“.
Но въ сердцѣ береглось у ней
Незанятое мѣсто.

Дѣвичій сонъ еще былъ тихъ.
И крѣпокъ благотворно.
А между-тѣмъ давно женихъ
Къ ней сватался упорно...

3

То былъ гвардейскій офицеръ,
Воитель черноокій.
Блесталъ онъ свѣтскостью манеръ
И лобъ имѣлъ высокій;

Былъ очень тонкаго ума,
Воспитанъ превосходно,
Читалъ Фудраса и Дюма
И мыслилъ благородно;

Хоть книги рѣдко покупалъ,
Но читилъ литературу,
И даже анекдоты зналъ
Про русскую цензуру.

Въ Шекспирѣ признавалъ талантъ
За личность Дездемону,
И строго осуждалъ Жоржъ Сандъ,
Что носить панталоны;

Былъ отъ Рубини безъ ума,
Пѣлъ басомъ „sago mio“,
И къ другу при концѣ письма
Приписывалъ: „addio“.

Его любимый идеаль
Былъ Александръ Марлинскій,
Но онъ всему предпочиталъ
Театръ Александринскій.

Здѣсь пиши онъ искалъ уму,
Отхлопывалъ ладони,
И были по сердцу ему
И Кукольникъ, и Кони.

Когда главою помавалъ,
Какъ нѣкій древній магикъ,
И дикимъ звѣремъ завывалъ
Широкоплечій трагикъ,

И вдругъ влетала, какъ зефиръ,
Воздушная Сюзета—
Тогда онъ забывалъ весь міръ,
Вникая въ смыслъ куплета.

Слѣдилъ за нею чуть дыша,
Не отрывая взора,
Казалось, вылетитъ душа
Съ его взглясомъ: фора!

Въ немъ бурно поднимала кровь
Всѣ силы молодя.
Счастливый юноша! любовь
Онъ познавалъ впервые!

Отрада юношескихъ лѣтъ,
Подруга идеаламъ,
О, сцена, сцена! не поэтъ,
Кто не было театраломъ,

Кто не сдавался въ милый плѣнъ,
Не рвался за кулисы
И не платилъ громадныхъ цѣнъ
За кресла въ бенефисы,

Кто по часамъ не поджидалъ
Зеленую карету,

И водевилей не писалъ
На бенефисъ „предмету!“

Блаженъ, кто успокоилъ кровь
Обычной чередою:
Успѣхомъ увѣнчалъ любовь
И завелся семьею;

Но тотъ, кому не удалось
Исканья—не въ накладѣ:
Прелестны граціи кулись—
Покуда на эстрадѣ:

Тамъ вся поэзія души,
Тамъ мѣста нѣтъ для прозы;
А дома сплетни, барыши,
Упреки, зависть, слезы.

Такъ отдастъ въ наймы другимъ
Свой домъ владѣлецъ жадный,
А самъ, нечистъ и нелюдимъ,
Живетъ въ канурѣ смрадной.

Но ты, къ кому души моей
Летятъ воспоминанья,
Я безкорыстнѣй и свѣтлѣй
Не видывалъ созданья!

Блестящъ и кратокъ былъ твой путь...
Но я на эту тѣму
Вамъ напишу когда-нибудь
Особую поэму...

Въ молодые годы нашъ герой
Къ театру былъ прикованъ,
Но нынѣ онъ отцвѣлъ душой—
Усталъ, разочарованъ!

Когда при тысячѣ огней
Въ великолѣпной залѣ,
Кумиръ дѣвицъ, гроза мужей,
Онъ танцевалъ на балѣ,—

Когда являлся въ маскарадѣ
Во всей парадной формѣ,
Когда садился въ первый рядъ
И дико хлопалъ „Нормѣ“,—

Когда по Невскому скакаль
 Съ усмѣшкой губъ румяныхъ
 И кучерь бѣшено кричалъ
 На пару шведокъ рыняныхъ—

Никто-бъ, конечно, не узналъ
 Въ немъ поваго Манфреда...
 Но, ахъ! онъ жизнию скучаль—
 Пока лишь до обѣда.

Являль онъ Байрона черты
 Въ характерѣ усталомъ:
 Не вѣрилъ въ книги и мечты,
 Не увлекался баломъ.

Онъ зналъ: фортуны колесо
 Плѣняетъ толтко младость;
 Онъ въ ресторации Дюсо
 Давно утратилъ радость!

Не вѣрилъ истинѣ въ друзьяхъ,
 Имъ вѣрятъ лишь невѣжды,—
 Съ кіемъ и картами въ рукахъ
 Позналъ тщету надежды!

Онъ буйно молодость убилъ,
 Взявъ образецъ въ Ловласѣ,
 И рано сердце остудилъ
 У Кессенихъ въ танц-классѣ!

Разстроилъ тысячу крестьянъ,
 Чтобъ какъ нибудь забыться...
 Пуста душа и пусть карманъ—
 Пора, пора жениться!

4

Не долго въ дѣвѣ молодой
 Таилося раздумье...
 „Прекрасной партией такой
 Пренебрегать—безумье“,

Сказала плачущая мать,
 Дочь по головкѣ глядя,
 И не могла ей отказать
 Растроганная Надя.

Ихъ сговорили чередой
 И обвѣчали вскорѣ.
 Какъ думаешь, читатель мой,
 На радость, или горе?..

ВЛЮБЛЕННОМУ.

Какъ вѣсти о дорогѣ трудной,
 Когда-то пройденной самимъ,
 Внимаю рѣчи безразсудной,
 Надеждамъ розовымъ твоимъ.
 Любви безумными мечтами
 И я по-твоему кипѣлъ,
 Но я дѣлать ихъ не хотѣлъ
 Съ моими праздными друзьями.
 За счастье сердца моего
 Томимъ боязнью ревнивой,
 Не допускалъ я никого
 Въ тайникъ души моей стыдливой.
 За то теперь, когда угасъ
 Въ груди тотъ пламень благодатный,
 О прошломъ счастья разговоръ
 Твержу съ отрадой непонятной.
 Такъ проникаемъ мы легко
 И въ недоступное жилище,
 Когда хозяинъ далеко,
 Или почіетъ на кладбищѣ.

* *

Р, письма женщины намъ милой!
 Отъ васъ восторгамъ нѣтъ числа,
 Но въ будущемъ душѣ унылой
 Готовите вы больше зла.
 Когда погаснетъ пламя страсти,
 Или послушаетесь вы

Благоразумья строгой власти
И чувству скажете: увы!
Отдайте ей ея посланья
Иль не читайте ихъ потомъ,
А то нѣтъ хуже наказанья,
Какъ заднимъ горевать числомъ.
Начнешь съ усмѣшкою лѣнливой,
Какъ бредъ невинный и пустой,
А кончишь злобою ревнивой
Или мучительной тоской...

О, ты, чьихъ писемъ много, много
Въ моемъ портфельѣ берегу!
Подъ часъ на нихъ гляжу я строго,
Но бросить въ печку не могу.
Пускай мнѣ время доказало,
Что правды въ нихъ и проку мало,
Какъ въ праздномъ лепетѣ дѣтей,
Но и теперь они мнѣ милы —
Поблекшіе цвѣты съ могилы
Погибшей юности моей!

* * *

[изъ гейне]

Ахъ, были счастливыя годы!
Жилъ шумно и весело я,
Имѣлъ я большіе доходы,
Со мной пировали друзья;
Я съ ними послѣднимъ дѣлился,
И не было дружбы нѣжнѣй,
Но мой кошелекъ истощился —
И нѣтъ моихъ милыхъ друзей!

Теперь у постели больного —
Какъ зимняя вьюга шумитъ —
Въ ночной своей кофтѣ, сурово
Старуха-Забота сидитъ.

Скрипя, раздираетъ мнѣ ухо
Ея табакерка порой.
Какъ страшно киваетъ старуха
Сѣдою своей головой!

Случается, снова мнѣ снится
Тѣ полное счастья, житье,
И станеть отрадиѣ биться
Изнывшее сердце мое...

Вдругъ скрипъ, раздирающій ухо —
И мигомъ исчезла мечта!
Сморкается громко старуха,
Зѣваетъ и креститъ уста!

ПОСЛѢДНІЯ ЭЛЕГИИ.

1

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно.
Привычки, прежде милыя, постылы,
И горекъ дымъ сигары. Рѣшено!
Не ты горька, любимая подруга
Ночныхъ трудовъ и одинокихъ думъ —
Мой жребій горекъ. Жаднаго недуга
Я не избѣгъ. Еще мой свѣтель умъ,
Еще въ надеждѣ глупой и послушной
Не ищетъ онъ отрады малодушной,
Я вижу все... А рано смерть идетъ,
И жизни жаль мучительно. Я молодъ,
Теперь поменьше мелочныхъ заботъ,
И рѣже въ дверь мою стучится голодъ:
Теперь бы могъ я сдѣлать что-нибудь.
Но поздно!... Я, какъ путникъ безразсуд-
ный,
Пустившійся въ далекій, долгій путь,
Не соразмѣривъ силъ съ дорогой трудной:
Кругомъ все чуждо, нѣгдѣ отдохнуть
Стоитъ онъ, блѣдный, средь большой дороги.

Никто его не призрѣлъ, не подвѣзъ:
Промчалась тройка, проскрипѣлъ обозъ —
Все мимо, мимо!... Подкосились ноги,
И онъ упалъ... Тогда къ нему толпой
Сойдутся люди—смущены, улылы,
Почтять его ненужною слезой
И подвезутъ охотно—до могилы...

2

Я рано всталъ, не долги были сборы,
Я вышелъ въ путь, чуть занялась заря;
Переходилъ я пропасти и горы,
Переплывалъ я рѣки и моря;
Боролся я, одинъ и безоруженъ,
Съ толпой враговъ; не унывалъ въ бѣдѣ
И не ропталъ. Но сталъ мнѣ отдыхъ ну-
женъ—

И не нашелъ пріюта я нигдѣ!
Не разъ, упавъ лицомъ въ сырую землю,
Съ отчаяньемъ, голодный, я твердилъ:
«По силамъ ли, о, Боже! трудъ подъемлю?»
И снова шелъ, собравъ остатокъ силъ.
Все ближе и знакомѣ дорога,
И пройдено все трудное въ пути!
Главы церквей сіяютъ впереди—
Не далеко до отчаго порога!
Насмѣшливо сгибаясь и кряхтя
Подъ тяжестью сумы своей дыривой,
Алчбы и жажды блѣдное дитя,
Голодный трудъ, попутчикъ мой лукавый,
Ужъ прочь идетъ: теперь намъ розный путь.
Впередъ, впередъ! Но измѣнили силы—
Очнулся я на рубежѣ могилы...
И нѣкому и нѣчѣмъ помянуть!
Настанетъ утро—солнышко освѣтитъ
Бездушный трупъ; все будетъ рѣшено!
И въ цѣломъ мірѣ сердце лишь одно—
И то едва ли—смерть мою замѣтитъ...

3

Пышна въ разливѣ гордая рѣка,
Плывутъ суда, колеблясь величаво,
Просмолены ихъ черные бока,

Надъ ними флагъ, на флагѣ надпись: слава!
Толпы народа берегомъ бѣгутъ,
Къ нимъ приковавъ досужее вниманье,
И шляпами, размахивая, шлютъ
Пловцы родному берегу прощанье, —
И въ мигъ оно подхвачено толпой,
И дружно берегъ весь ему отвѣтитъ.
Но тутъ же, опрокинутый волной,
Погибни чолнъ—и кто его замѣтитъ?
А если и раздастся дикій стонъ
На берегу—внезапный, одинокій,
За криками не будетъ слышенъ онъ
И не дойдетъ на дно рѣки глубокой...
Подруга темной участи моей!
Оставь скорѣе берегъ, озаренный
Горячимъ блескомъ солнечныхъ лучей
И пестрою толпою оживленный —
Чѣмъ солнце ярче, люди веселѣй,
Тѣмъ сердцу сокрушенному больнѣй!

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

1

Д право, не клубъ ли вороньяго рода
Около нашего нынче прихода?
Вотъ и сегодня... ну, просто бѣда!
Глупое карканье, дикіе стоны...
Кажется, съ цѣлаго свѣта вороны
По вечерамъ прилетаютъ сюда.
Вотъ и еще, и еще эскадроны...
Рядышкомъ сѣли на куполь, на крестъ,
На колокольнѣ, на ближней избушкѣ, —
Вонъ у плетня покачнувшійся шесть:
Двѣ умѣстились на самой верхушкѣ,
Крыльями машутъ... Все то же опять,
Что и вчера... посидятъ, и въ дорогу!
Полно лѣниться! воронъ наблюдать!
Черныя тучи ушли, слава Богу,
Вѣтеръ смирился! пройдуся до полей.

Съ самага утра унылый, дождливый
 Выдался нынче денёкъ несчастливый:
 Даромъ въ болотѣ промокъ до костей,
 Вздумалъ работать, да трудъ не дается,
 Глядь, ужъ и вечеръ—вороны летять...
 Двѣ старушонки сошлись у колодца,
 Дай-ка послушаю, что говорятъ...

2

— Здравствуй, родная. — „Какъ можется,
 кумушка?

Все еще плачешь никакъ?
 Ходить, знать, по сердцу горькая думушка,
 Словно хозяинъ-большакъ?“

— Какъ же не плакать? Пропала я, грѣшная!
 Душенька ноетъ, болитъ...

Умеръ, Касьяновна, умеръ, сердешная,
 Умеръ и въ землю зарытъ!

— Вѣдь наскочилъ же на экую гадину!
 Сынъ ли мой не былъ удалъ?

Сорокъ медвѣдей поддѣлъ на рогатину —
 На сорокъ-первомъ сплосалъ!

Росту большого, рука что желѣзная —
 Плечи—косая сажень;

Умеръ, Касьяновна, умеръ, болѣзная —
 Вотъ ужъ тринадцатый день!

— Шкуру съ медвѣдя-то содрали, продали;
 Деньги—семнадцать рублей —

За душу бѣднаго Савушки подали,
 Царство небесное ей!

Добрая барыня Марья Романовна
 На панихиду дала...

Умеръ, голубушка, умеръ, Касьяновна —
 Чуть я домой добрела.

— Вѣтеръ шатаетъ избѣнку убогую,
 Весь развалился овинъ...

Словно шальная пошла я дорогою:
 Не попадется ли сынъ?

Взялъ бы топорикъ—бѣда поправимая —
 Мать бы утѣшилъ свою...

Умеръ, Касьяновна, умеръ, родимая —
 Надо-ль? топоръ продаю.

— Кто приголубить старуху безродную?
 Вся обнищала въ конецъ!

Въ осень ненастную, въ зиму холодную
 Кто запасетъ мнѣ дровецъ?

Кто, какъ доносится теплая шубушка,
 Зайчиковъ новыхъ набьетъ?

Умеръ, Касьяновна, умеръ, голубушка —
 Даромъ ружье пропадетъ!

— Вѣришь, родная: съ тоской да съ заботами
 Такъ опостылѣлъ мнѣ свѣтъ!

Лягу въ коморку, покроюсь тенѣтами
 Словно какъ саваномъ... Нѣтъ!

Смерть не приходитъ... Брожу нелюдимая,
 По-пусту жалоблю всѣхъ...

Умеръ, Касьяновна, умеръ родимая —
 Эхъ! кабы только не грѣхъ...

— Ну, да и такъ... дай Богъ зиму промаяться,
 Свѣжей травы мнѣ не мять!

Скоро избѣнка совсѣмъ распатается,
 Нѣкому поле вспахать.

Въ городъ собирается Марья Романовна,
 По-миру силъ нѣтъ ходить...

Умеръ, голубушка, умеръ Касьяновна,
 И не ведѣлъ долго жить! —

3

Плачетъ старуха. А мнѣ что за дѣло?
 Что и жалѣть, коли нѣчѣмъ помочь?..

Слабо мое изпуренное тѣло,

Время ко сну. Не долга моя ночь:

Завтра раненько пойду на охоту,
 Дó свѣту надо покрѣиче уснуть...

Вотъ и вороны готовы къ отлѣту,

Кончился рауть... Ну, трогайся въ путь!

Вотъ поднялись и закаркали разомъ,

— Слушай, ровняйся! — Вся стая летить:

Кажется, будто межъ небомъ и глазомъ

Черная сѣтка висить.

Душа твоя была нѣжна,
Прекрасна, какъ и тѣло,
Клеветъ не вынесла она,
Враговъ не одолѣла!

Ихъ говоръ лишь тогда затихъ,
Какъ смерть тебя сразила...
Ты до послѣднихъ дней своихъ
Со сцены не сходила.

Въ сознаньи свѣтлой красоты
И творческаго чувства,
Восторгъ толпы любила ты,
Любила ты искусство,

Любила славу... Твой закатъ
Былъ страненъ и прекрасенъ:
Горѣлъ огнемъ глубокой взглядъ,
Пронзителенъ и ясенъ;

Пылали щеки; голосъ сталь
Богаче страстью нѣжной...
Увы! театръ рукоплескалъ
Съ тоскою безнадежной!

Сама ты знала свой удѣлъ,
Но до конца, какъ прежде,
Твой голосъ, погасая, пѣлъ
О счастья и надеждѣ.

Не такъ ли звѣздочка въ ночи,
Срываясь, упадаетъ,
И на лету свои лучи
Послѣдніе ропадетъ?..

* * *

Да, наша жизнь текла мятежно,
Полна тревогъ, полна утратъ,
Разстаться было неизбѣжно —
И за тебя теперь я радъ!
Но съ той поры какъ все кругомъ меня
пустынно!

Отдаться не могу съ любовью ни чему,
И жизнь скучна, и время длинно,
И холоденъ я къ дѣлу своему.

Не зналъ бы я, зачѣмъ встаю съ постели,
Когда-бъ не мысль: авось и прилетѣли
Сегодня, наконецъ, завѣтные листы,
Въ которыхъ мнѣ расскажешь ты:
Здорова ли? что думаешь? легко ли
Подъ дальнимъ небомъ дышется тебѣ,
Грустишь ли ты, жалѣя прежней доли,
Охотно-ль повинешься судьбѣ?

Желалъ бы я, чтобъ сонное забвенье
На долгій срокъ мнѣ на душу сошло,
Когда-бъ мое воображенье
Блуждать въ прошедшемъ не могло...

Прошедшее! его волшебной власти
Покорствуя, переживаю вновь
И первое движенье страсти,
Такъ бурно взволновавшей кровь,
И долгую борьбу съ самимъ собою,
И не убитую борьбою,
Но съ каждымъ днемъ сильнѣй кипѣвщую
любовь.

Какъ долго ты была сурова,
Какъ ты хотѣла вѣрить мнѣ,
И какъ и вѣрила, и колебалась снова,
И какъ повѣрила вполнѣ!
(Счастливыи день! Его я отличаю
Въ семьѣ обыкновенныхъ дней;
Съ него я жизнь мою считаю,
Я праздную его въ душѣ моей!)
Я вспомнилъ все... однимъ воспоминаньемъ,
Однимъ прошедшимъ я живу —
И то, что въ немъ казалось намъ стра-
даньемъ,

И то теперь я счастьемъ зову...
А ты?.. ты такъ же ли печали предана?..

Скажи! я долженъ знать... Какъ странно
я люблю!

Я счастья тебѣ желаю и молю,
Но мысль, что и тебя гнететъ тоска разлуки
Души моей смягчаетъ муки...

ФИЛАНТРОПЪ.

Частию по глупой честности,
 Частию по простотѣ,
 Пропадаю въ неизвѣстности,
 Пресмыкаюсь въ нищетѣ.
 Мѣсто я имѣлъ доходное,
 А доходу не имѣлъ:
 Безкорыстѣ благородное!
 Да и брать-то не умѣлъ.
 Въ Провіантскую Коммиссію
 Поступивши, на примѣръ,
 Покушалъ свою провизію —
 Вотъ какой миллионеръ!
 Не взывайте! честность ярая
 Одолѣла до ногтей;
 Даже стыдно вспомнить старое —
 Вѣдь имѣлъ ужъ и дѣтей!
 Сожалѣли по Житомиру:
 „Ты-де нищимъ кончишь вѣкъ
 И семейство пустишь по-міру,
 Безпокойный человѣкъ!“
 Я не слушалъ. Сожалѣнія
 Въ недовольство перешли,
 Оказались упущенія:
 Подвели — и уехали!
 Совершилося пророчество
 Благомыслящихъ людей:
 Холодъ, голодъ, одиночество,
 Перемѣнчивость друзей —
 Все мы, бѣдные, извѣдали,
 Чашу выпили до дна:
 Плачутъ дѣти — не обѣдали, —
 Убивается жена,
 Проклинаетъ поведеніе,
 Гордость глуцую мою,
 Я брожу, какъ привидѣніе,
 Но — свидѣтель Богъ — не пью!
 Каждый день встаю ранѣхонько,
 Достаю насущный хлѣбъ...
 Такъ мы десять лѣтъ ровнѣхонько
 Бились волею судьбы.
 Вдругъ — извѣстѣе незабвенное! —
 Получаю письмоцо,

Что въ столицѣ есть отмѣнное,
 Благородное лицо;
 Мужъ, которому подобнаго,
 Можетъ быть, не знали вы,
 Сердца ангельски-незлобнаго
 И умнѣйшей головы.
 О народномъ просвѣщеніи
 Соревнуя, генералъ
 Въ популярномъ изложеніи
 Восемь томовъ написалъ.
 Продавалъ въ большомъ количествѣ
 Ихъ дешевле пятака,
 Вразумить объ электричествѣ
 Въ нихъ стараясь мужика.
 Словно съ равными бесѣдуя,
 Онъ и съ нищими учтивъ,
 Намъ терпѣнне проповѣдуя,
 Какъ Сократъ краснорѣчивъ.
 Онъ мое же поведеніе
 Мнѣ какъ будто объяснилъ,
 И во взяткамъ отвращеніе
 Я тогда благословилъ;
 Пересталъ стыдиться бѣдности:
 Да! лохмотья нищеты
 Не свидѣтельство зловредности,
 А скорѣе правоты!
 Снова благородной гордости
 (Человѣкъ самолюбивъ),
 Уповапія и твердости
 Я почувствовалъ приливъ.
 „Намъ Господь послалъ спасителя“ —
 Говорю тогда женѣ —
 „Нашимъ крошкамъ покровителя!“
 И бѣдняжка вѣрнѣе мнѣ.
 Горе мы забвенью предали,
 Сколотили сто рублей,
 Все, какъ слѣдуетъ, развѣдали
 И въ столицу поскорѣй.
 Прикатили прямо къ сроднику,
 Не пустилъ — я въ нумера...
 Вся семья моя Угоднику
 Въ ночь молилась. Со двора
 Вышелъ я чѣмъ свѣтъ. Дорогою,
 Чтобъ участіе привлечь,

Я всю жизнь мою убогую
Совмѣстилъ въ такую рѣчь:
„Оттого-де нынѣ съ голоду
Умираю, словно тварь,
Что былъ глупъ и честень съ молоду,
Звалъ, что значитъ Богъ и Царь.
Не скажу: по справедливости
(Не великъ я генераль),
По ребяческой стыдливости
Даже съ праваго не бралъ —
И погибъ... Я горе мыкаю,
Я работаю за двухъ,
Но не чаркой—вашей книгою
Подкрѣпляю слабый духъ,
Защитите!..“

Не заставили
Ждать минуты ни одной.
Вотъ въ пріемную поставили,
Доложили чередой.
Вотъ идутъ—остановился.
Я сробѣлъ, чуть живъ стою:
Замеръ духъ, виски забилися,
И забылъ я рѣчь свою!
Тѣрь и лобъ, и переносицу,
Въ потолокъ косилъ глаза,
Бормоталъ лишь околѣсицу,
А о дѣлѣ—ни аза!
Изумились, брови сдвинули:
„Что вамъ нужно?“ говорятъ.
— Нужно мнѣ.. Тутъ слезы хлынули
Совершенно не впопадъ.
Просто вещь непостижимая
Приключилася со мной:
Грусть, печаль неудержимая
Овладела всей душой.
Все, чѣмъ жизнь богата съ младости
Даже въ нищенскомъ быту —
Той поры счастливой радости,
Попросту сказать: мечту —
Все, что кануло и сгнуло
Въ треволненьяхъ жизни сей,
Все я вспомнилъ, все прихлынуло
Къ сердцу... Жалкій дуралей!
Подъ вліяніемъ прошедшаго,

Въ лобъ ударивъ кулакомъ,
Взвиль я въ родѣ сумасшедшаго
Предъ сіятельнымъ лицомъ.
Всѣ такія обстоятельства
И въ мундиришкѣ изьянь
Привели его сіятельство
Къ заключенью, что я пьянь.
Экзекутора, холопа ли
Попрекнули, что пустиль,
И ногами такъ затопали...
Я лишился чувствъ и силъ!
Жаль, однимъ не осчастливили —
Сами не дали пивка...
Пьяницу съ почетомъ вывели
Два огромныхъ гайдука.
Словно кипяткомъ ошпаренный,
Я бѣжалъ не слыша погъ,
Мимо лавки пивоваренной,
Мимо погребальныхъ дрогъ,
Мимо магазина швейнаго,
Мимо бань, церквей и школь,
Вплоть до зданія питейнаго —
И ужъ дальше не пошелъ!
Дальше нечего рассказывать!
Минетъ сорокъ лѣтъ зимой,
Какъ я щеку сталъ подвязывать,
Отморозивши хмѣльной.
Чувства словно какъ заржавѣли,
Одолѣла страсть къ вину,
Дѣти пьяницу оставили,
Схоронилъ давно жену.
При отшествіи къ родителямъ,
Хоть кротка была весь вѣкъ,
Попрекнула покровителемъ.
Точно: странный человѣкъ!
Верстъ на тысячу въ окружности
Повѣстятъ свой добрый нравъ,
А осудятъ по наружности:
Не казистъ—такъ и не правъ!
Пишутъ, какъ бы свѣтъ весь за-ново
Къ общей пользѣ измѣнить,
А голоднаго отъ пьянаго
Не умѣютъ отличить...

ОТРЫВКИ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ГАРАНСКАГО.

[Переводъ съ французскаго: Trois mois dans la patrie. Essais de poésie et de prose, suivis d'un discours sur les moyens de parvenir au développement des forces morales de la nation Russe et des richesses naturelles de cet État. Par un Russe, comte de Garansky. 8 vol. in 4°. Paris, 1836].

Я путешествовалъ недурно: русскій край
Оригинальности имѣеть отпечатокъ;
Не то, чтобъ въ деревняхъ трактиры были—
рай,
Не то, чтобъ въ городахъ писцы не брали
взятокъ —
Природа нравится громадностью своею.
Такой громадности не встрѣтите нигдѣ вы:
Пространства широко раскинутыхъ степей
Лугами здѣсь зовутъ; начнутся ли посѣвы—
Не ждите имъ конца! подобно островамъ,
Зеленые лѣса и сѣрья селенья
Пестрятъ равнину ихъ, и любо видѣть вамъ
Картину сельскаго обычнаго движенья...
Подобно муравью, трудолюбивъ мужикъ:
Ни грубости ихъ рукъ, ни лицамъ заго-
рѣлымъ
Я больше не дивлюсь: я видѣть ихъ привыкъ
Въ работахъ полевыхъ чуть не по суткамъ
цѣлымъ.
Не только мужики здѣсь преданы труду,
Но даже дѣти ихъ, беременныя бабы,
Всѣ терпятъ общую, по ихъ словамъ, „страду“,
И грустно видѣть, какъ инья блѣдны, слабы!
Я думаю, земель избытокъ и лѣсовъ
Способствуетъ къ труду всегдашней ихъ
охотѣ,
Но должно-бъ вразумлять корыстныхъ му-
жиковъ,
Что изнурительно излишество въ работѣ.
Не такова ли цѣль — въ нѣмецкихъ серту-
кахъ
Особенныхъ фигуръ, бродящихъ между ними?

Нагайки у иныхъ замѣтилъ я въ рукахъ...
Какъ быть! не вразумишь ихъ средствами
другими,

Натуры грубыя!...

Какія рѣчки здѣсь!

Какіе здѣсь лѣса! Пейзажъ природы русской
Со временемъ собьеть, я вамъ ручаюсь, слѣсь
Съ природы реинской, но только не съ фран-
цузской!

Во Франціи провелъ я молодость свою;
Предъ ней, какъ говорятъ въ стихахъ, все
клонить выю,

Но все-жъ, по совѣсти и громко признаю,
Что я не ожидалъ найти такой Россію!
Природа недурна: въ томъ отдаю ей честь, —
Я славно ѣлъ и спалъ, подъячимъ не далъ
штрафа...

Да, средство странствовать и по Россіи есть—
Съ французской кухней и съ русскимъ тит-
ломъ графа!...

Но только худо то, что каждый здѣсь мужикъ
Дворянскій гоноръ мой, спокойствіе и совѣсть
Безбожно возмущалъ; одну и ту же повѣсть
Бормочеть каждому негодный ихъ языкъ:
Помѣщикъ—лиходѣй! а если управитель,
То вѣрно—живодѣрь, отъявленный грабитель!
Спрошу ли ямщика: „чей, братецъ, видѣнъ
домъ?“

— Помѣщика... „Что, добръ?“—Нешто, хо-
рошій баринъ,
Да только... „Что, мой другъ?“—Съ тяжелымъ
кулакомъ.

Какъ хватить—годъ хворай. „Неужто? вотъ
татаринъ!“

— Э, нѣту, ничего! маненичко ретивъ,
А добрая душа, не тяготитъ оброкомъ,
Почасту съ мужикомъ и ласковъ, и прав-
дивъ,

А то скулу свернетъ, вѣстимо ненарокомъ!
Куда-бъ еще ни шло за бариномъ такимъ,
А то и хуже есть. Вотъ памятное мѣсто:

Тутъ славно мужички расправились съ од-
нимъ...

«А что?»

Невольно я вздрогнулъ. Ямщикъ припод-
нялъ кнутъ:

Извольте посмотрѣть—домокъ на косогорѣ,
Четыре барышни-сестрицы въ немъ живутъ,
Такъ мужикамъ отъ нихъ ужъ просто смѣхъ
и горе:

Имѣнья—семь дворовъ; такъ бѣдно, что
съ трудомъ

Дай Богъ своихъ дѣтей прохарчить мужи-
чонку,

А тутъ еще бѣда: что годъ, то въ каждый
домъ

Сестрицы-барышни подкинутъ по ребенку».
— Какъ, что ты говоришь? «А то, что въ

восемь лѣтъ
Такъ тридцать-три души прибавилось въ
имѣнье.

Убытку барышнямъ, извѣстно дѣло, нѣтъ,
Да, судырь, мужичкамъ какое разоренье!»!

Ну, словомъ, все одно: тотъ съ дворней
выѣзжалъ

Разбойничать, тотъ затравилъ мальчишку,
Такихъ разказовъ здѣсь такъ много я слы-
халъ,

Что скучно, наконецъ, записывать ихъ въ
книжку.

Уже-ль помѣщики въ Россіи таковы?
Я къ многимъ заѣзжалъ; иные, точно,
грубы —

Мужъ *ты* своей женѣ, жена супругу *вы*,
Сивуха, черныи хлѣбъ, овчинные тулупы.
Но есть премилые: прилично убранъ домъ,
У дочерей рояль, а чаще фортепьяно,
Хозяинъ съ Франціей и съ Англіей зна-
комъ,

Хозяйка не заснетъ безъ моднаго романа;
Ну, все, какъ водится у развитыхъ людей,
Которые глядятъ прилично на предметы
И врьдъ ли мужиковъ трактуютъ, какъ
свиной...

Я также наблюдалъ—въ окно моей кареты—
И бытъ крестьянина: онъ нищеты далѣкъ!
Но собственнымъ моимъ владѣньямъ про-
ѣзжая,

Созвалъ я мужиковъ: составили кружокъ
И гаркнули: «ура»!.. Съ балкона наблюдая,
Спросилъ: довольны ли?.. кричатъ: «довольны
всѣмъ!»

— И управляющимъ?— «Довольны»... О рабо-
тахъ

Я съ ними говорилъ, поилъ ихъ — и за
тѣмъ,

Бекаса подстрѣливъ въ надслѣдственныхъ
болотахъ,

Поѣхалъ далѣе... Я мало съ ними былъ,
Но видѣлъ, что мужикъ свободно ѣлъ и
пилъ,

Плясалъ и пѣсни пѣлъ; а нѣмецъ-управи-
тель

Казался между нихъ отецъ и покровитель...

Чего же имъ еще?... А если точно есть
Любители кнута, поборники тиранства,

Которые, забывъ гуманность, долгъ и честь,
Пятнаютъ родину и русское дворянство—
Чего же медлишь ты, сатиры грозной бичъ?.

Я книги русскія перебиралъ все лѣто:
Пустѣйшая мораль, напыщенная дичь —
И лучшія темны, какъ стертая монета!

Жаль, дремлетъ русскій умъ. А то, чего-бъ
вѣрнѣй?

Правительство казнить открытаго злодѣя,
Сатира дѣйствуетъ и шире, и смѣлѣй,
Какъ пуля находить виновнаго умѣя.

Сатирѣ ужъ не разъ обязана была
Европа (кажется, отчасти и Россія)
Услугой важною

ЗА ГОРОДОМЪ.

Смѣшно! насъ веселить ручей, вдали жур-
щій;

И этотъ темный дубъ, таинственно шумя-
щій,

Насъ тѣшитъ пѣснею задумчивой своей,
Какъ праздныхъ юношей, вечерній соловей;
Далекій сводъ небесь, усѣянный звѣздами,
Намъ кажется, простерть съ любовію надъ
нами;

Любуясь мѣсяцемъ, оглядывая даль,
Мы чувствуемъ въ душѣ ту тихую печаль,
Что слаще радости... Откуда чувства эти?
Чѣмъ такъ довольны мы?.. Вѣдь мы уже
не дѣти!

Уже-ль поденный трудъ наклонности къ
мечтамъ

Еще въ насъ не убилъ?.. И намъ ли, бѣд-
някамъ,

На отвлеченныя природой наслажденья
Свободы краткія истрачивать мгновенья?

— Э, полно разсуждать! искать всему при-
чинъ!

Деревня согнала съ души давнишній сплинъ.
Забыта тяжкая гнетущая работа,

Докучной бѣдности безсмѣнная забота —
И сердцу весело... И лучше поскорѣй
Судьбѣ воздать хвалу, что въ нищетѣ своей,

Лишенные даровъ довольства и свободы,
Мы живо чувствуемъ сокровища природы,
Которыхъ сильнѣе и сытѣе земли

Отнять у бѣдняковъ голодныхъ не могли...

БУРЯ

Долго не сдавалась Любушка-сосѣдка,
Наконецъ шепнула: «естъ въ саду бе-
сѣдка,

Какъ темнѣе станетъ— понимаешь ты?»...
Ждалъ я, изстрадался, ночки-темноты!

Кровь-то молодая: закипитъ— не шутка!
Да взглянулъ на небо — и повѣрить жутко!

Небо обложилось тучами кругомъ...
Полилъ дождь ручьями—прокатился громъ!

Брови я нахмурилъ и пошелъ угрюмый—
Свидѣться сегодня лучше и не думай!

Люба бѣлоручка, Любушка пуглива,
Въ бурю за ворота выбѣжать ей въ-диво;

Правда, не была бы буря ей страшна,
Еслибъ... да настолько любить ли она?»...

Безъ надежды, скученъ прихожу въ бесѣдку,
Прихожу и вижу — Любушку-сосѣдку!

Промочила ножки и хоть выжми шубку...
Было мнѣ заботы обсушить голубку!

Да за то съ той ночи я бровей не хмурю.
Только усмѣхаюсь, какъ слышу бурю...

* * *

Такъ это шутка? Милая моя,
Какъ боязливъ, какъ недогадливъ я!
Я плакалъ надъ твоимъ разсчитанно-суро-
вымъ,

Короткимъ и сухимъ письмомъ;
Ни лаской дружеской, ни откровеннымъ
словомъ

Ты сердца не порадовала въ немъ.
 Я спрашивалъ: не демонъ ли раздора
 Твоей рукой насмѣшливо водилъ?
 Я говорилъ: „когда-бъ насъ разлучила
 ссора —
 Но такъ тяжелъ, такъ горекъ, такъ унылъ,
 Такъ нѣженъ былъ послѣдней часъ раз-
 луки...

Еще твой другъ забыть его не могъ,
 И вновь ему ты посылаешь муки
 Сомнѣнiя, догадокъ и тревогъ —
 Скажи, зачѣмъ?.. Не ложью ли пустою,
 Разсѣянной досужей клеветою,

Возмущена душа твоя была?
 И, мучима томительнымъ недугомъ,
 Ты надъ своимъ отсутствующимъ другомъ
 Безъ оправданья судъ произнесла?
 Или то былъ одинъ капризъ случайный,
 Иль давнiй гнѣвъ?“.. Неразрѣшимой тайной
 Я мучился: я плакалъ и страдалъ,
 Въ догадкахъ умъ испуганный блуждалъ,
 Я жалокъ былъ въ отчаяннѣ суровомъ...

Всему конецъ! своимъ единымъ словомъ
 Душѣ моей ты возвратила вновь
 И прежнiй миръ, и прежнюю любовь;
 И сердце шлетъ тебѣ благословенья,
 Какъ вѣстникъ нежданнаго спасенья...

Такъ няня въ лѣсъ ребенка заведетъ
 И спрячется сама за кустъ высокiй;
 Встревоженный, онъ ищетъ и зоветъ,
 И мечется въ тоскѣ жестокой,
 И падаетъ, безсильный, на траву...

А няня вдругъ: ау! ау!
 Въ немъ радостью внезапной сердце
 бьется,
 Онъ все забылъ: онъ плачетъ и смѣется,
 И прыгаетъ, и весело бѣжитъ,
 И падаетъ — и няню не бранить,
 Но къ сердцу жметъ виновницу испуга,
 Какъ отъ бѣды избавившаго друга...

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
 Лѣсъ обнажился, поля опустѣли,

Только не сжата полоска одна...
 Грустную думу наводитъ она.

Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
 „Скучно намъ слушать осеню вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
 Тучныя зерна купая въ пыли!

Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы,
 Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяцъ насъ топчетъ, и буря насъ бьетъ...
 Гдѣ же нашъ пахарь? чего еще ждешь?

Или мы хуже другихъ уродились?
 Или не дружно цвѣли-колосились?

Нѣтъ! мы не хуже другихъ — и давно
 Въ насъ налилось и созрѣло зерно,

Не для того же пахалъ онъ и сѣялъ,
 Чтобы насъ вѣтеръ осенiй развѣялъ?“..

Вѣтеръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
 — Вашему пахарю моченьки нѣтъ.

Зналъ, для чего и пахалъ онъ, и сѣялъ,
 Да не по силамъ работу затѣялъ.

Плохо бѣднягѣ — не ѣсть и не пить,
 Червь ему сердце большое сосетъ,

Руки, что вывели борозды эти,
 Высохли въ щепку, повисли, какъ плети,

Очи потускли и голосъ пропалъ,
 Что заумивную пѣсню пѣвалъ,

Какъ, на соху налегая рукою,
 Пахарь задумчиво шелъ полоскою.

* * *

Я сегодня такъ грустно настроенъ,
 Такъ усталъ отъ мучительныхъ думъ,
 Такъ глубоко, глубоко спокоенъ
 Мой истерзанный цыткою умъ, —

Что недугъ, мое сердце гнетущій,
 Какъ-то горько меня веселить —
 Встрѣчу смерти, грозящей, идущей,
 Самъ пошелъ бы... Но сонъ освѣжить —

Завтра встану и выбѣгу жадно
 Встрѣчу первому солнца лучу:
 Вся душа встрепенется отрадно,
 И мучительно жить захочу!

А недугъ, сокрушающій силы,
 Будетъ также и завтра томить,
 И о близости темной могилы
 Также внятно душѣ говорить...

ВЛАСЬ.

Въ армякъ съ открытымъ воротомъ,
 Съ обнаженной головой,
 Медленно проходитъ городомъ
 Дядя Власъ — старикъ сѣдой.

На груди икона мѣдная;
 Проситъ онъ на Божій храмъ,
 Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
 На щекѣ глубокой шрамъ;

Да съ желѣзнымъ наконешникомъ
 Палка длинная въ рукѣ...
 Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
 Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ

Бога не было: побоями
 Въ гробъ жену свою вогналъ;

Промышляющихъ разбоями,
 Конокрадовъ укрываль;

У всего сосѣдства бѣднаго
 Скупить хлѣбъ, а въ черный годъ
 Не повѣрять гроша мѣднаго,
 Второе съ нищаго сдерѣтъ!

Бралъ съ родного, бралъ съ убогаго,
 Слылъ кащею-мужикомъ;
 Права былъ крутого, строгаго...
 Наконецъ, и грянулъ громъ!

Власу худо; кличетъ знахари —
 Да поможешь ли тому,
 Кто снималъ рубашку съ пахара,
 Краль у нищаго суму?

Только пуще все не можется,
 Годъ прошелъ — а Власъ лежитъ,
 И построить царковъ божится,
 Если смерти избѣжить.

Говорятъ, ему видѣние
 Все мерещилось въ бреду:
 Видѣлъ свѣта преставленіе,
 Видѣлъ грѣшниковъ въ аду:

Мучать бѣсы ихъ проворные,
 Жалить вѣдьма-егоза.
 Египцы — видомъ черные
 И какъ угліе глаза,

Крокодилы, зміи, скорпіи
 Припекають, рѣжутъ, жгутъ...
 Вокругъ грѣшники въ прискорбіи,
 Цѣпи ржавыя грызутъ.

Громъ глушитъ ихъ вѣчнымъ грохотомъ,
 Удушаетъ лютый смрадъ,
 И кружить надъ ними съ хохотомъ
 Черный тигръ-шестокрылатъ.

Тѣ на длинный шесть нанизаны,
 Тѣ горячіи лизутъ полъ...
 Тамъ, на хартіяхъ написаны,
 Власъ грѣхи свои прочель...

Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную
И послѣдній даль обѣтъ...
Виялъ Господь—и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.

Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И собирать на построеніе
Храма Божьяго пошѣлъ.

Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Подаваніемъ питается—
Строго держать свой обѣтъ.

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полонъ скорбью неутѣшно
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.

Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки-Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственннй Невы.

Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой все говорить,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенить.

Ходитъ въ зимушку студеную,
Ходитъ въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары—

И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Вырастаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной

СВАДЬБА.

Въ сумерки въ церковь вхожу. Малолюдно,
Свѣтять лампы печально и скудно,
Темны просторнаго храма углы,
Длинные окна, то полныя мглы,
То озаренныя бѣглымъ мерцаньемъ,
Тихо колеблются съ робкимъ бряцаньемъ.
Въ куполѣ темень такая виситъ,
Что поглядѣть туда—дрожь пробѣжить!
Съ каменныхъ плитъ и со стѣнъ полутѣм-
ныхъ

Сыростью вѣетъ: на пѣтяхъ огромныхъ
Словно заплакана тяжкая дверь...
Нѣтъ богомольцевъ, не служба теперъ—
Свадьба. Вѣнчаются люди простые.
Вотъ у наложъ стоятъ молодые:
Парень-ремесленникъ фертонъ глядитъ,
Красень съ лица и съ затылка подбрить—
Видно разгульнаго сорта дѣтина!
Рядомъ невѣста: такая кручина
Въ блѣдномъ лицѣ, что глядѣть тяжело...
Бѣдная женщина! Чтѣ васъ свело?
Вижу я, станъ твой немного полнѣе,
Чѣмъ бы... Я понялъ! Стыдливо краснѣя
И нагибаясь, свой длинный платокъ
Ты на него потянула... Увлѣкъ
Видно гуляка подаркомъ да лаской,
Пѣсней, гитарой да честною маской?
Ты ему сердце свое отдала...
Сколько ночей ты потомъ не спала!
Сколько ты плакала!.. Онъ не оставилъ,
Волей ли, вѣтъ ли, онъ дѣло поправилъ—
Богъ не безъ милости—ты спасена...
Чтѣ же ты такъ безнадежно грустна?
Ждетъ тебя много попрековъ жестокихъ,
Дней трудовыхъ, вечеровъ одинокихъ:
Будешь ребенка больного качать,
Буйнаго мужа домой поджидать,
Плакать, работать—да думать уныло.
Чтѣ тебѣ жизнь молодая сулила,
Чѣмъ подарила, что дастъ впереди...
Бѣдная! лучше впередъ не гляди!

*
**

Внимая ужасамъ войны,
 При каждой новой жертвѣ боя
 Мнѣ жаль не друга, не жены,
 Мнѣ жаль не самого героя...
 Увы! угѣшится жена
 И друга лучшій другъ забудеть;
 Но гдѣ-то есть душа одна—
 Она до гроба помнить будетъ!
 Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
 И всякой пошлости, и прозы,
 Оди я въ мирѣ подсмотрѣлъ
 Святныя, искреннія слезы—
 То слезы бѣдныхъ матерей!
 Имъ не забыть своихъ дѣтей,
 Погибшихъ на кровавой нивѣ,
 Какъ не поднять плакучей ивѣ
 Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

*
**

Давно—отвергнутый тобою,
 Я шель по этимъ берегамъ
 И, полонъ думой роковою,
 Мгновенно кинулся къ волнамъ.
 Онѣ привѣтливо яснили.
 На край обрыва я ступилъ—
 Вдругъ волны грозно потемнѣли,
 И страхъ меня остановилъ!
 Позднѣй—любви и счастья полны,
 Ходили часто мы сюда,
 И ты благословляла волны,
 Меня отвергшия тогда.
 Теперь—одинъ, забыть тобою,
 Черезъ много роковыхъ годовъ,
 Брожу съ убитою душою
 Опять у этихъ береговъ.
 И та же мысль приходитъ снова—
 И на обрывѣ я стою,
 Но волны не грозятъ сурово,
 А манять въ глубину свою...

ВЪ БОЛЬНИЦѢ.

Вотъ и больница. Свѣтя, показалъ
 Въ уголь намъ сонный смотритель.
 Трудно и медленно тамъ угасалъ
 Честный бѣднякъ сочинитель.
 Мы попрекнули невольно его,
 Что, зануждавшись въ столицѣ,
 Не извѣстилъ онъ друзей никого,
 А пріютился въ больницѣ...

„Что за бѣда“, онъ шутя отвѣчалъ:
 „Мнѣ и въ больницѣ покойно.
 Я все сосѣдей моихъ наблюдалъ:
 Многое, право, достойно
 Гоголя кисти. Вотъ этотъ субъектъ,
 Что межъ кроватями бродить—
 Есть у него превосходный проектъ,
 Только—бѣда! не находить
 Денегъ... а то бы давно превращалъ
 Онъ въ брилліанты крапиву.
 Онъ покровительство мнѣ обѣщалъ
 И миллионъ на разживу!

„Вотъ старикашка-актеръ: на людей
 И на судьбу негодуешь;
 Перевирая, изъ старыхъ ролей
 Всюду двустипія суетъ;
 Онъ добродушень, задорень и миль,
 Жалко—уснулъ (или умеръ?)—
 А то бы вѣрно онъ васъ посмѣшилъ...
 Смолкъ и семнадцатый нумеръ!
 А какъ онъ бредилъ деревней своей,
 Какъ, о семействѣ тоскуя,
 Ласки послѣдней просилъ у дѣтей,
 А у жены поцѣлуя!
 Не просыпайся же, бѣдный больной!
 Такъ въ забытьѣ и умри ты...
 Очи твои не любимой рукой—
 Сторожемъ будутъ закрыты!
 Завтра дежурные насъ обойдутъ,
 Саваномъ мертвыхъ накроютъ,
 Счетомъ въ мертвецкій покой отнесутъ,
 Счетомъ въ могилу заркоутъ.

И ужь тогда не являйся жена,
 Чуткая сердцемъ, въ больницу —
 Бѣднаго мужа не сыщеть она,
 Хоть раскопай всю столицу!

„Случай недавно ужасный тутъ былъ:
 Пасторъ какой-то нѣмецкій
 Къ сыну пріѣхалъ — и долго ходилъ...
 „Вы поищите въ мертвецкой“,
 Сторожъ ему равнодушно сказалъ:
 Бѣдный старикъ пошатнулся,
 Въ страшномъ испугѣ туда побѣжалъ
 Да, говоря, и рехнулся!
 Слезы ручьями текутъ по лицу,
 Онъ между трупами бродитъ:
 Молча заглянегъ въ лицо мертвецу,
 Молча къ другому подходитъ...
 „Впрочемъ, не вѣчно чужою рукой
 Здѣсь закрываются очи.
 Помню: съ прошибленной въ-кровь головой
 Къ намъ привели среди ночи
 Старого вора: въ острогѣ его
 Буйный товарищъ изранилъ,
 Онъ не хотѣлъ исполнять ничего.
 Только грозилъ и буянилъ.
 Наша сидѣлка къ нему подошла,
 Вздрогнула вдругъ — и ни слова...
 Въ странномъ молчаньи минута прошла:
 Смотрятъ одинъ на другого!
 Кончилось тѣмъ, что угрюмый злодѣй,
 Шьянный, обрызганный кровью,
 Вдругъ зарыдалъ — передъ первой своей
 Свѣтлой и честной любовью.
 (Смолоду знали другъ друга они)...
 Круто старикъ измѣнился:
 Плачетъ да молится цѣлые дни,
 Передъ врачами смирился.
 Не было средства, однако, помочь...
 Чась его смерти былъ страненъ
 (Помню я эту печальную ночь):
 Онъ уже былъ бездыханенъ,
 А всепрощающій голосъ любви,
 Полный мольбы безконечной,
 Тихо надъ нимъ раздавался: „живи,
 Милый, желанный, сердечный“!

Все, что имѣла она, продала —
 Съ честью его скоропила.
 Бѣдная! какъ она мало жила!
 Какъ она много любила!
 А что любовь ей дала, кромѣ бѣды
 Кромѣ печали и муки?
 Смолоду — стыдъ, а на старости лѣтъ —
 Ужасъ послѣдней разлуки!..

Есть и писатели здѣсь, господа.
 Вотъ, посмотрите: украдкой
 Блѣденъ и робокъ подходитъ сюда
 Юноша съ толстой тетрадкой.
 Съ юга пѣшикомъ привела его страсть
 Въ дальнюю нашу столицу —
 Думалъ бѣдняга въ храмъ славы попасть —
 Радъ, что попалъ и въ больницу!
 Всѣмъ онъ читалъ свой ребяческій бредъ —
 Было тутъ смѣху и шуму!
 Я лишь одинъ не смѣлся... о, нѣтъ!
 Думалъ я горькую думу.
 Братья-писатели! въ нашей судьбѣ
 Что-то лежитъ роковое:
 Если бы всѣ мы, не вѣря себѣ,
 Выбрали дѣло другое —
 Не было-бъ точно, согласенъ и я,
 Жалкихъ писаць и педантовъ —
 Только бы не было также, друзья
 Скоттовъ, Шекспировъ и Дантовъ!
 Чтобъ одного возвеличить, борьба
 Тысячи слабыхъ уносить —
 Даромъ ничто не дается: судьба
 Жертвъ искупительныхъ просить“.

Тутъ нашъ пріятель глубоко вздохнулъ,
 Началъ мегаться тревожно;
 Мы посидѣли, пока онъ уснулъ —
 И разошлись осторожно...

САША.

1

Словно какъ мать надъ снѣжной могилой,
Стонетъ куликъ надъ равниной унылой,

Пахарь ли пѣсню вдали запоетъ —
Долгая пѣсня за сердце беретъ;

Лѣсъ ли начнется — сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

Что же молчитъ мой озлобленный умъ?..
Сладокъ мнѣ лѣса знакомаго шумъ,

Любо мнѣ видѣть знакомую ниву —
Дамъ же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Всѣ накипѣвшія слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
Много въ ней правды, да радости мало;

Спящихъ въ могилахъ виновныхъ тѣней
Не разбужу я враждою моею.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящимъ сыномъ къ тебѣ воротился.

Сколько-бъ на нивахъ бесплодныхъ твоихъ
Даромъ ни сгинуло силъ молодыхъ.

Сколько бы ранней тоски и печали
Вѣчная буря твои ни нагнали

На боязливую душу мою —
Я побѣжденъ предъ тобою стою!

Силу сломили могучія страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую музу мою
Я похоронныя пѣсни пою.

Передъ тобою мнѣ плакать не стыдно,
Ласку твою мнѣ принять не обидно —

Дай мнѣ отраду объятій родныхъ,
Дай мнѣ забвеніе страдавій моихъ!

Жизнью измать я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и къ блудному сыну:

Только-что ей я объятія раскрылъ —
Хлынули слезы, прибавилось силъ.

Чудо свершилось: убогая нива
Вдругъ просвѣтлѣла, пышна и красива,

Ласковѣй машетъ вершинами лѣсъ,
Солнце привѣтливѣй смотритъ съ небесъ.

Весело въѣхалъ я въ домъ тотъ угрюмый,
Что, осѣнивъ сокрушительной думой,

Нѣкогда стихъ мнѣ суровый внушилъ..
Какъ онъ печалень, запущенъ и хилъ!

Скучно въ немъ будетъ. Нѣтъ, лучше поѣду —
Благо, не поздно — теперь же къ сосѣду,

И поселюсь среди мирной семьи.
Славные люди — сосѣди мои,

Славные люди! Радущье ихъ честно,
Лестъ имъ противна, а сѣбѣ неизвѣстна.

Какъ-то они доживаютъ свой вѣкъ?
Онъ уже дряхлый, сѣдой человекъ,

Да и старушка не многимъ моложе.
Весело будетъ увидѣть мнѣ тоже

Сашу, ихъ дочь... Недалеко ихъ домъ.
Все ли застану по прежнему въ немъ?

2

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нѣжно любили.

Дико росла, какъ цвѣтокъ полевой,
Смуглая Саша въ деревнѣ степной.

Всѣмъ окруживъ ея тихое дѣтство,
Что позволяли убогія средства,

Только развить воспитаньемъ, увы!
Эту головку не думали вы.

Книжки ребенку — напрасная мука,
Умъ деревенскій пугаетъ наука:

Но сохраняется дольше въ глуши
Первоначальная ясность души,

Рдѣть румянецъ и ярче, и краше...
Мило и молодо дитячко ваше, —

Бѣгаетъ живо, горитъ какъ алмазъ
Черный и влажный, смѣющійся глазъ,

Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови такъ тонки, а плечи такъ круглы:

Саша не знаетъ заботъ и страстей,
А ужъ шестнадцать исполнилось ей...

Выспится Саша, поднимется рано,
Черныя косы завяжетъ у стана

И убѣжитъ, и въ просторѣ полей
Сладко и вольно такъ дышется ей.

Та ли, другая предъ нею дорожка —
Смѣло ей ввѣрится бойкая ножка;

Да и чего побоятся она?..
Все такъ спокойно; кругомъ тишина,

Сосны вершинами машутъ привѣтно,
Кажется, шепчутъ, струясь незамѣтно,

Волны, подъ сводомъ зеленыхъ вѣтвей:
«Путникъ усталый! бросайся скорѣй

Въ наши объятъя: мы добры и рады
Дать тебѣ, сколько ты хочешь, прохлады».

Полямъ идешь—все цвѣты да цвѣты,
Въ небо глядишь—съ голубой высоты

Солнце смѣется... Ликуеть природа!
Всюду приволье, покой и свобода;

Только у мельницы злится рѣка:
Нѣтъ ей простора... неволя горька!

Бѣдная! какъ она вырваться хочетъ!
Брыжжется пѣной, бурлитъ и клокочетъ,

Но не прорвать ей плотины своей.
«Не суждена, видно, волюшка ей»,

Думаетъ Саша—„безумно роптанье...“
Жизни кругомъ разлитой ликованье

Сашѣ порукой, что милостивъ Богъ...
Саша не знаетъ сомѣнья тревогъ.

Вотъ по распаханной, черной полянѣ —
Землю взрывая, бредутъ поселяне —

Саша въ нихъ видитъ довольныхъ судьбой:
Мирныхъ хранителей жизни простой:

Знаетъ она, что не даромъ съ любовью
Землю польютъ они пѣтомъ и кровью...

Весело видѣтъ семью поселянъ,
Въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ;

Дорого-любо, кормилица-нива,
Видѣтъ, какъ ты колосишься красиво,

Какъ ты янтарнымъ зерномъ налита,
Гордо стоишь высока и густа!

Но веселѣй нѣтъ поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;

Вторить ей эхо лѣсовъ и полей,
Словно кричить: „поскорѣй! поскорѣй!“

Звукъ благодатный! Кого онъ разбудить,
Вѣрно весь день тому весело будетъ!

Саша проснется—бѣжитъ на гумно.
Солнышка нѣтъ—ни свѣтло, ни темно,

Только-что шумное стадо прогнали.
Какъ на подмерзлой грязи нагоптали

Лошади, овцы!.. Парнымъ молокомъ
Въ воздухъ пахнетъ. Мотая хвостомъ,

За нагруженной снопами телѣгой,
Чинно идетъ жеребеночекъ пѣгій,

Парь изъ отворенной риги валѣтъ,
Кто-то въ огнѣ тамъ у печки сидитъ.

А на гумнѣ только руки мелькають,
Да высоко молотила взлетаютъ,

Не успѣваетъ улечься ихъ тѣнь.
Солнце взошло — начинается день...

Саша собирала цвѣты полевые,
Съ дѣтства любимые, сердцу родные,

Каждую травку сосѣднихъ полей
Знала по имени. Правилось ей

Въ пестромъ смѣшеніи звуковъ знакомыхъ
Птицъ различать, узнавать насѣкомыхъ.

Время къ полудню, а Саши все нѣтъ.
„Гдѣ же ты, Саша? простынетъ обѣдъ,

„Сашенька! Саша!„... Съ желтѣющей нивы
Слышатся пѣсни простой переливы;

Вотъ раздалось „ау!„ вдалькѣ;
Вотъ надъ колосьями въ синемъ вѣннѣ

Черная быстро мелькнула головка...
„Вишь ты, куда забѣжала, плутовка!

Э!.. Да никакъ колосистую рожь
Переросла наша дочка!„ — Такъ что-жь?—

„Что? ничего! понимай, какъ умѣешь!
Что теперь надо, сама разумѣешь:

„Спѣлому колосу — серпъ удалой,
Дѣвицѣ взрослой — женихъ молодой!„

— Вотъ еще выдумаль, старый проказ-
никъ! —

„Думай не думай, а будетъ намъ праздникъ!„

Такъ разсуждая, идутъ старики
Сашѣ на-встрѣчу; въ кустахъ у рѣки

Смирно присядутъ, подкрадутся ловко,
Съ крикомъ внезапнымъ: „попалась, плу-
товка,„

Сапу поймають, и весело имъ
Свидѣться съ дитяткомъ бойкимъ своимъ...

Въ зимніе сумерки нянины сказки
Саша любила. По-утру въ салазки

Саша садилась, летѣла стрѣлой,
Полная счастья, съ горы ледяной.

Нянька кричитъ: „не убейся, родная!„
Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится. На полномъ бѣгу
На бокъ салазки — и Саша въ снѣгу!

Выбьются косы, растреплется шубка —
Снѣгъ отряхаетъ, смѣется, голубка!

Не до ворчанья и нянѣ сѣдой:
Любитъ она ея смѣхъ молодой...

Сашѣ случалось звать и печали:
Плакала Саша, какъ лѣсъ вырубали,

Ей и теперь его жалко до слезъ.
Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ!

Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядѣли,

Тамъ поднимался дубокъ молодой.
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной,

По-низу всякіе звѣри таились.
Вдругъ мужики съ топорами явились —

Лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ.
Заяцъ послушалъ — и вонь побѣжалъ,

Въ темную нору забились лисица,
Машетъ крыломъ осторожиѣ птица,

Въ недоумѣнны тащатъ муравьи,
Что ни попало, въ жилища свои.

Съ пѣснями трудъ человѣка спорился:
Словно подкошень, осинникъ валился,

Съ трескомъ ломали сухой березнякъ,
Корчили съ корнемъ упорный дубнякъ,

Старую сосну сперва подрубали,
Послѣ арканомъ ее нагибали

И, поваливши, плисали на ней,
Чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй.

Такъ, побѣдивъ послѣ долгаго боя,
Врагъ уже мертваго топчетъ героя.

Много тутъ было печальныхъ картинъ:
Стопомъ стонали верхушки осинъ,

Изъ перерубленной старой березы
Градомъ лилися прощальныя слезы

И пропадали одна за другой
Данью послѣдней на почвѣ родной,

Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо свѣтила ночныя,

И надъ поверженнымъ лѣсомъ луна
Остановилась кругла и ясна—

Трупы деревьевъ недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипѣли, трещали,

Жалобно листья шумѣли кругомъ.
Такъ, послѣ битвы, во мракѣ ночью

Раненый стонетъ, зоветъ, проклинаят.
Вѣтеръ надъ полемъ кровавымъ летаетъ—

Праздно лежащимъ оружіемъ звенить,
Волосы мертвыхъ бойцовъ шевелить!

Тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ,
Жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ;

Низко летали, вились колесомъ
Совы, шарахаясь о земь крыломъ;

Звонко кукушка вдали куковала,
Да, какъ безумная, галка кричала,

Шумно летая надъ лѣсомъ... но ей
Не отыскать неразумныхъ дѣтей!

Съ дерева комомъ галчата упали,
Желтые рты широко разѣвали,

Прыгали, злились. Наскучилъ ихъ крикъ—
И придавилъ ихъ ногою мужикъ.

Утромъ работа опять закипѣла.
Саша туда и ходить не хотѣла,

Да черезъ мѣсяць—пришла. Передъ ней
Взрытыя глыбы и тысячи пней;

Только, уныло повиснувъ вѣтвями,
Старья сосны стояли мѣстами,

Такъ на селѣ остаются одни
Старые люди въ рабочіе дни.

Верхнія вѣтви такъ плотно сплелися,
Словно тамъ гнѣзда жаръ-птицъ завелися,

Что, по словамъ долголѣтныхъ людей,
Дважды въ полвѣка выводять дѣтей.

Сашѣ казалось, пришло уже время:
Вылетитъ скоро волшебное племя,

Чудныя птицы посадутъ на пни,
Чудныя пѣсни спокуютъ ей они!

Саша стояла и чутко внимала.
Въ краскахъ вечернихъ заря догорала—

Черезъ сосѣдній несрубленный лѣсъ,
Съ пышно-румянаго края небесъ

Солнце пронзалось стрѣлой лучезарной,
Шло черезъ пни полоскою янтарной

И наводило на дальній бугоръ
Свѣта и тѣней недвижный узоръ.

Долго въ ту ночь, не смыкая рѣсницы,
Думаетъ Саша: что пѣть будутъ птицы?

Въ комнатѣ словно тѣснѣй и душиѣй.
Сашѣ не снится,—но весело ей.

Пестрыя грѣзы смѣняются живо,
Щеки румянцемъ горять не стыдливо,

Утренній сонъ ея крѣпокъ и тихъ...
Первыя зорьки страстей молодыхъ!

Полины вы чары и нѣги безпечной,
Нѣтъ еще муки въ тревогѣ сердечной;

Туча близка, но угрюмая тѣнь
Медлитъ испортить смѣющійся день,

Будто жалѣя... И день еще ясенъ...
Онъ и въ грозѣ будетъ чудно прекрасенъ,

Но безотчетно пугаетъ гроза...
Эти ли дѣтски живые глаза,

Эти ли полныя жизни ланиты
Грустно поблекнуть, слезами покрыты?

Эту ли рѣзвую волю во власть
Гордо возьметъ все-губящая страсть!..

Мимо идите, угрюмая тучи!
Горды вы силой! свободой могучи:

Съ вами ли, грозныя, вынести бой
Слабой и робкой былинкѣ степной?..

3

Третьяго года, нашъ край покидая,
Старыхъ сосѣдей моихъ обнимая,

Помню, пророчилъ я Сашѣ моей
Добраго мужа, румяныхъ дѣтей,

Долгую жизнь безъ тоски и страданья...
Да не сбылися мои предсказанья!

Въ страшной бѣдѣ стариковъ я засталъ.
Вотъ что про Сашу отецъ разсказалъ:

„Въ нашемъ сосѣдствѣ усадьба большая
Лѣтъ уже сорокъ стояла пустая:

Въ третьемъ году, наконецъ, прикатилъ
Баринъ въ усадьбу и насъ посѣтилъ,

Именемъ: Левъ Алексѣичъ Агаринъ,
Ласковъ съ прислугой, какъ будто не баринъ,

Тонокъ и блѣденъ. Въ лорнетку глядѣлъ,
Мало волосъ на макушкѣ имѣлъ.

Звалъ онъ себя перелетною птицей:
Быль—говорить—я теперь за границей,

Много видалъ я большихъ городовъ,
Синихъ морей и подводныхъ мостовъ—

Все тамъ приволье и роскошь, и чудо,
Да высылали доходы мнѣ худо.

На пароходѣ въ Кропштадтъ я пришелъ,
И надо мной все кружился орелъ,

Словно пророчилъ великую долю.—
Мы со старухой дивилися яволу,

Саша смѣялась, смѣялся онъ самъ...
Началъ онъ часто похаживать къ намъ,

Началъ гулять, разговаривать съ Сашей,
Да надъ природой подтрунивать нашей—

Есть-де на свѣтѣ такая страпа,
Гдѣ никогда не проходитъ весна,

Тамъ и зимою открыты балконы,
Тамъ поспѣваютъ на солнцѣ лимоны,

И начиналъ, въ потолокъ посмотрѣвъ,
Грустное что-то читать на-распѣвъ.

Право, какъ пѣсня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!

Мало того: онъ ей книжки читалъ
И по-французски ее обучалъ.

Словно брала ихъ чужая кручина,
Все разсуждали: какая причина,

Вотъ ужъ который теперича вѣкъ
Бѣденъ, несчастливъ и золь человекъ?

Но—говорить—не слабѣйте душою:
Солнышко правды взойдетъ надъ землею!

И въ подтвержденье надежды своей
Старой рябиновкой чокался съ ней.

Саша туда же—отстать-то не хочетъ—
Выпить не выпьетъ, а губы обмочить;

Грѣшныя люди—пивали и мы.
Сталь онъ прощаться въ началѣ зимы:

Виль—говорить—я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрыя души,

Благословите на дѣло... пора!..
Перекрестился—и съѣхалъ съ двора...

Въ первое время печалилась Саша,
Видимъ: скучна ей компанія наша.

Годы ей, что ли, такіе пришли?
Только узнать мы ее не могли,

Скучны ей пѣсни, гаданья и сказки.
Вотъ и зима!—да не тѣшутъ салазки.

Думаетъ думу, какъ будто у ней
Больше заботъ, чѣмъ у старыхъ людей.

Книжки читаетъ, украдкою плачетъ.
Видѣли: письма все пишетъ и прячетъ.

Книжки выписывать стала сама—
И наконецъ набралась же ума!

Чтò ни спроси, растолкуетъ, научить,
Съ ней говорить никогда не наскучить;

А доброта... Я такой доброты
Вѣкъ не видалъ, не увидишь и ты!

Бѣдныя всѣ ей пріятели-друзи:
Кормить, ласкаетъ и лечитъ недуги.

Такъ девятнадцать ей минуло лѣтъ.
Мы поживаемъ—и горюшка нѣтъ.

Надо же было вернуться сосѣду!
Слышимъ: пріѣхалъ и будетъ къ обѣду.

Какъ его весело Саша ждала!
Въ комнату свѣжихъ цвѣтовъ принесла;

Книги свои уложила исправно,
Просто одѣлась, да такъ-то ли славно;

Вышла на встрѣчу—и ахнулъ сосѣд!
Словно орбѣлъ. Мудренаго нѣтъ:

Въ два-то послѣдніе года на-диво
Сашенька стала пышна и красива,

Прежній румянецъ въ лицѣ заигралъ.
Онъ же блѣднѣй и плѣшивѣе сталъ...

Все чтò ни дѣлала, чтò ни читала,
Саша тотчасъ же ему рассказала;

Только не впрокъ угожденье пошло!
Онъ ей перечилъ, какъ будто на-зло:

— Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди рѣшили другое,

Родъ человѣческій низокъ и золь.—
Да и пошелъ! и пошелъ! и пошелъ!..

Чтò говорилъ—мы понять не умѣемъ,
Только покои съ тѣхъ поръ не имѣемъ:

Вотъ ужъ сегодня семнадцатый день,
Саша тоскуетъ и бродитъ, какъ тѣнь!

Книжки свои то читаетъ, то броситъ,
Гость навѣститъ, такъ молчать его проситъ.

Былъ онъ три раза; однажды засталъ
Сашу за дѣломъ: мужикъ диктовалъ

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила—была у ней жаба.

Онъ поглядѣлъ и сказалъ намъ, шутя:
— Тѣшится новой игрушкой дитя!—

Саша ушла—не отвѣтила слова...

Онъ было къ ней; говоритъ: „нездорова“.

Книжекъ прислалъ—не хотѣла читать
И приказала назадъ отослать.

Плачетъ, печалится, молится Богу...

Онъ говоритъ: „я собрался въ дорогу“—

Сашенька вышла, простилась при насъ,
Да и опять наверху заперлась.

Что-жь?.. онъ письмо ей прислалъ. Между
нами:

Грѣшныя люди, съ испугу, мы сами

Прежде его прочитали тайкомъ:
Руку свою предлагаетъ ей въ немъ.

Саша сначала отказъ отослала,
Да ужъ потомъ намъ письмо показала.

Мы уговаривать: чѣмъ не женихъ?
Молодъ, богатъ, да и нравомъ-то тихъ.

„Нѣтъ, не пойду“. А сама неспокойна;
То говоритъ: „я его недостойна“—

То: „онъ меня недостойнъ: онъ сталъ
Золь и печалень и духомъ упалъ!“

А какъ уѣхалъ, такъ пуще тоскуетъ,
Письма его потихоньку цѣлуетъ!..

Что тутъ такое? родной, объясни!
Хочешь, на бѣдную Сашу взгляни.

Долго ли будетъ она убиваться?
Или ужъ ей не пѣвать, не смѣяться,

И погубилъ онъ бѣдняжку на вѣкъ?
Ты намъ скажи: онъ простой человѣкъ,

Или какой черноблнжннкъ-губитель?
Или не самъ ли онъ бѣсъ искуситель?..

4

Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по прежнему жить:

Саша поправится—Богъ ей поможетъ.
Околдовать никого онъ не можетъ:

Онъ... не могу приложить головы,
Какъ объяснить, чтобы поняли вы...

Странное племя, мудреное племя
Въ нашемъ отечествѣ создало время!

Это не бѣсъ, искуситель людской,
Это, увы!—современный герой!

Книги читаетъ да по свѣту рыщетъ—
Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ,

Благо, наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ,

Благо, идти по дорогѣ избитой
Лѣнь помѣшала да разумъ развитый.

— „Нѣтъ, я души не растрочу моею
На муравьиной работѣ людей:

Или подъ бременемъ собственной силы
Сдѣлаюсь жертвою ранней могилы,

Или по свѣту звѣздой пролечу!
Миръ—говорить—осчастливить хочу!“

Что жъ подъ руками, того онъ не любить,
То мимоходомъ безъ умыслу губить.

Въ наши великіе, трудные дни
Книги не шутка: укажутъ они

Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадутъ онѣ силъ на благое,

Но не научатъ любить глубоко...
Дѣло вѣковъ поправлять не легко!

Все, что высоко разумно, свободно,
Сердцу его и доступно, и сродно,

Только дающая силу и власть
Въ словѣ и дѣлѣ чужда ему страсть!

Любить онъ сильно, сильнѣй ненавидить,
А доведись—комара не обидить!

Да говорятъ, что ему и любовь
Голову больше волнуетъ—не кровь!

Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ:

Вѣрить, не вѣрить—ему все равно,
Лишь бы доказано было умно!

Самъ на душѣ ничего не имѣетъ,
Что вчера сжалъ, то сегодня и сѣтетъ;

Нынче не знаетъ, что завтра сожнетъ,
Только навѣрное сѣять пойдетъ.

Это въ простомъ переводѣ выходить,
Что въ разговорахъ онъ время проводить;

Если-жъ за дѣло возьмется — бѣда!
Миръ виноватъ въ неудачѣ тогда;

Чуть поослабнуть нетвердыя крылья,
Бѣдный кричить: „безполезны усилы!“

И ужъ куда какъ становится золь
Крылья свои опалившій орель...

Поняли?.. нѣтъ!.. Ну, бѣда не большая!
Лишь поняла бы бѣдняжка больная.

Благо, теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна!

А остальное все сдѣлаетъ время.
Сѣть онъ, все-таки, доброе сѣмя!

Въ нашей степной полосѣ, что ни шагъ,
Знаете вы, — то бугоръ, то оврагъ:

Въ лѣтнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцемъ, песчаны и наги,

Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: повѣтъ весной

Съ теплаго края, оттуда, гдѣ люди
Дышать вольнѣе, — въ три четверти груди, —

Красное солнце растопитъ снѣга,
Рѣки покинутъ свои берега, —

Чуждыя волны кругомъ разливая,
Будетъ и дерзокъ, и полонъ до края

Жалкій оврагъ... Пролетѣла весна —
Выжжетъ опять его солнце до дна,

Но уже зрѣетъ на нивѣ поемной,
Что росилъ онъ волною заемной,

Пышная жатва. Нетронутыхъ силъ
Въ Сашѣ такъ много сосѣдъ пробудилъ...

Эхъ! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и вѣрьте, друзья: благодатна

Всякая буря душѣ молодой —
Зрѣетъ и крѣпнетъ душа подъ грозой.

Чѣмъ неутѣшиѣ дитатко ваше,
Тѣмъ встрепенется свѣтлѣе и краше:

Въ добрую почву упало зерно —
Пышнымъ плодомъ отродится оно!

*
*
*

Праздникъ жизни — молодости годы —
Я убилъ подъ тяжестью труда,

И поэтомъ, баловнемъ свободы,
Другомъ лѣни — не былъ никогда.

Если долго сдержанныя муки,
Накипѣвъ, подъ сердце подойдутъ,
Я пишу: риемованные звуки
Нарушаютъ мой обычный трудъ.

Все-жъ они не хуже плоской прозы,
И волнуютъ мягкія сердца,
Какъ внезапно хлынувшія слѣзы
Съ огорченнаго лица.

Но не льшусь, чтобъ въ памяти народной
Уцѣлѣло что-нибудь изъ нихъ...
Нѣтъ въ тебѣ поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжій стихъ!

Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь, —

Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,
Что клеймитъ злодѣя и глушца,
И вѣнкомъ терновымъ надѣляетъ
Беззащитнаго пѣвца...

— — ВУ.

Прощай! Завидую тебѣ —
 Твоей поѣздкѣ, не судьбѣ:
 И гордостью, ты знаешь, болѣнь
 И не смѣняю ни на чью
 Судьбу плачевную мою,
 Хотя очень ею недоволенъ. —
 Ты счастливъ. Ты воскреснешь вновь;
 Въ душѣ твоей проснется живо
 Все, чѣмъ терзаетъ прихотливо
 И награждаетъ насъ любовь —
 Пора наградъ, улыбокъ ясныхъ,
 Простыхъ, какъ молодость, рѣчей,
 Ночей таинственныхъ и страстныхъ
 И полныхъ сладкой лѣни дней!
 Ты зналъ ее?.. Нѣтъ лучшей доли!
 Живешь легко, глядишь свѣтлѣй,
 Не жалко времени и воли,
 Не стыдно праздности своей,
 Душа тоскливо вдаль не рвется
 И вся блаженна передъ той,
 Чье сердце ласковое бьется
 Однимъ биеніемъ съ тобой...
 Счастливецъ! изъ доступныхъ міру
 Ты наслажденій взять умѣлъ
 Все, чѣмъ прекрасенъ нашъ удѣлъ:
 Богъ далъ тебѣ свободу, лиру
 И женской любящей душой
 Благословилъ твой путь земной...

НА РОДИНѢ.

Роскошны вы, хлѣба заповѣдныя
 Родимыхъ нивъ —
 Цвѣтутъ, растутъ колосья паливные,
 А я чуть живъ!
 Ахъ, странно такъ я созданъ небесами,
 Таковъ мой рокъ,
 Что хлѣбъ полей, воздѣланныхъ рабами,
 Нейдетъ мнѣ въ-прокъ!

ПИСЬМА.

Плачь, горько плачь! Ихъ не напишешь
 вновь,
 Хотя написать, смѣясь, ты обѣщала...
 Они на вѣкъ погибли, какъ любовь,
 Которая ихъ сердцу диктовала.
 Хранились въ нихъ души твоей черты,
 Корыстному волненью непричастной,
 Поэзіи роскошныя цвѣты —
 Благоуханье молодости ясной!
 Она давно въ нихъ вѣру колебала, —
 И пусть бы жизнь ихъ ложью назвала —
 Нѣтъ! та рука со злобой ихъ сожгла,
 Которая съ любовью ихъ писала!
 Грядущее опоры лишено,
 Прошедшее поругано жестоко,

ГОРЯЩІЯ ПИСЬМА *.

Рни горятъ!.. Ихъ не напишешь вновь,
 Хотя написать, смѣясь, ты обѣщала...
 Ужъ не горитъ ли съ ними и любовь,
 Которая ихъ сердцу диктовала?

Ихъ ложью жизнь еще не назвала,
 Ни правды ихъ еще не доказала...
 Но... та рука со злобой ихъ сожгла,
 Которая съ любовью ихъ писала!

Свободно ты рѣшала выборъ свой,
 И не какъ рабъ упалъ я на колѣни;
 Но ты идешь по лѣстницѣ крутой
 И дерзко жжешь пройденныя ступени!..

Безумный шагъ!.. быть можетъ, роковой...

* Исправленное — предыдущее стихотвореніе.

* * *

Дѣ твоё личико смуглое
Нынѣ смѣется, кому?
Эхъ, одиночество круглое!
Не посулю никому!

А вѣдь, бывало, охотно
Шла ты ко мнѣ вечеркомъ,
Какъ мы съ тобой беззаботно
Веселы были вдвоемъ!

Какъ выражала ты живо
Милыя чувства свои!
Помнишь, тебѣ особливо
Нравились зубы мои,

Какъ любовалась ты ими,
Какъ цѣловала, люби!
Но и зубами моими
Не удержалъ я тебя...

* * *

Замольни, Муза мести и печали!
Я сонъ чужой тревожить не хочу,
Довольно мы съ тобою проклинали.
Одинъ я умираю—и молчу.

Къ чему хандрить, оплакивать потери?
Когда-бъ хоть легче было отъ того!
Мнѣ самому, какъ скрипъ тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

Всему конецъ. Ненастьемъ и грозю
Мой темный путь не даромъ омрача,
Не просвѣтлѣетъ небо надо мною,
Не бросить въ душу теплаго луча...

Волшебный лучъ любви и возрожденья!
Я звалъ тебя—во снѣ и на яву,
Въ трудѣ, въ борьбѣ, на рубежѣ паденья
Я звалъ тебя,—теперь ужъ не зову!

Той бездны самъ я не хотѣлъ бы видѣть,
Которую ты можешь освѣтить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть.

КНЯГИНЯ.

Домъ—дворецъ роскошный, длинный,
двухъ-этажный,
Съ садомъ и съ рѣшеткой; мужъ—санов-
никъ важный.
Красота, богатство, знатность и свобода—
Все ей даровали случай и природа.
Только показала—и надъ свѣтскимъ ми-
ромъ

Солицемъ засіяла, вознеслась кумиромъ!
Воинъ, царедворецъ, дипломатъ, посланникъ—
Красоты волшебной раболѣпный данникъ;
Свѣтъ ей рукоплещеть, свѣтъ ей подражаетъ.
Властвуетъ княгиня, цѣпи налагаетъ,
Но цѣпей не носить; прихоти послушна,
Ни за что полюбить, бросить равнодушно:
Ей чужое счастье ничего не стоитъ—
Если и погибнетъ, торжество удвоить!
Сердце ли въ ней билось черезчуръ спокойно,
Иль кругомъ все было страсти недостойно,
Только ни однажды въ молодыя лѣта
Грудь ея любовью не была согрѣта.
Годы пролетали. Въ вихрь жизни балной
До поры осенней—пышной и печальной—
Дожила княгиня... Тутъ супругъ скончался...
Труденъ былъ ей трауръ,—докторъ догадался
И нашель, что воды были-бъ ей полезны
(Доктора въ столицахъ вообще любезны).
Если только русскій ѣдетъ за границу,
Посылай въ Палермо, въ Пизу или въ Ниццу,
Быть ему въ Парижѣ—такъ судьбамъ угодно!
Годъ въ столицѣ моды шумно и свободно
Прожила княгиня; на второй влюбилась

Въ доктора-француза — и сама дивилась!
 Не былъ онъ красавецъ, но ей было ново
 Страстно и свободно льющееся слово,
 Смѣлое, живое... Свергнуть иго страсти
 Нѣтъ и помышленья... да ужъ нѣтъ и вла-
 сти!

Рѣшено! Въ Россію тотчасъ написали:
 Нѣмецъ-управитель, безъ большой печали,
 Продавъ за безцѣнокъ, въ силу повелѣнья,
 Англійскіе парки, русскія селенья,
 Земли, лѣсъ и воды, дачу и усадьбу...
 Получили деньги — и съиграли свадьбу...
 Тутъ пришла развязка. Круго измѣнился
 Докторъ-спекуляторъ: деспотомъ явился!
 Деньги, брилліанты — все пустилъ въ аферы,
 А жену тиранилъ, ревновалъ безъ мѣры,
 И когда бѣдняжка съ горя захворала,
 Свезъ ее въ больницу... Навѣщалъ сначала,
 А потомъ уѣхалъ — словно канулъ въ воду!
 Скорбная, больная, гасла больше году
 Въ нищетѣ княгиня... и тотъ годъ тяжелый
 Былъ ей долгимъ годомъ думы невеселой!
 Смерть ея въ Парижѣ не была замѣтна:
 Бѣдно нарядили, схоронили бѣдно...
 А въ отчизнѣ дальней словно были рады:
 Цѣлый годъ судили — рѣзко, безъ пощады,
 Наконецъ, устали... И одна осталась
 Память: что съ отличнымъ вкусомъ одѣва-
 лась!

Да еще остался домъ съ ея гербами,
 Дѣ-верху набитый бѣдными жильцами,
 Да въ строфахъ небрежныхъ русскаго поэта
 Вдохновенныхъ ею чудныхъ два куплета,
 Да голякъ-потомокъ отрасли старинной,
 Свѣтомъ позабытый — и ни въ чемъ невин-
 ный.

**

К акъ ты кротка, какъ ты послушна,
 Ты рада быть его рабой,
 Но онъ внимаетъ равнодушно,
 Уныль и холоденъ душой.

А прежде... помнишь? Молода,
 Горда, надменна и прекрасна,
 Ты имъ играла самовластно,
 Но онъ любилъ, любилъ тогда!

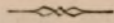
Такъ солнце осени — безъ тучъ
 Стоитъ не грѣя на лазури,
 А лѣтомъ и сквозь сумракъ бури
 Бросаетъ животворный лучъ...

**

С амодовольныхъ болтуновъ
 Охотниковъ до споровъ модныхъ,
 Гдѣ много благородныхъ словъ,
 А дѣлъ не видно благородныхъ,
 Ты откровенно презиралъ:
 Ты не однажды предсказалъ
 Конецъ велерѣчивой сшибки,
 И слово: „русскій либералъ“
 Произносилъ не безъ улыбки.
 Ты силу собственной души
 Безсильемъ ихъ надменно мѣрилъ
 И добродушно ей ты вѣрилъ.
 И точно, были хороши
 Твои начальные порывы:
 Озолотилъ бы бѣдняка!
 Но дѣдъ и бабка были живы,
 И самъ ты не имѣлъ куса.
 И долго спали спомъ позорнымъ
 Благіе помыслы твои,
 Какъ дремлютъ подо льдомъ упорнымъ
 Рѣчныя вольныя струи.
 Ты ихъ лелѣялъ на соломѣ

И только примѣнять ихъ могъ
 Ко псу, который въ жалкомъ домѣ
 Пожитки жалкіе стерегъ.
 И правда: песь былъ сытъ и жиренъ,
 И спалъ все, дворнику на зло.
 Теперь... теперь твой кругъ обширенъ!
 Взгляни: богатое село
 Лежить, обставлено скирдами,
 Спускаясь по горѣ къ ручью,
 А избы полны мужиками...

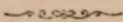
Въѣзжая въ отчину свою,
 Такими мыслями случайпо
 Былъ Решетиловъ осажденъ.
 И поблѣднѣлъ необычайно,
 И долго, долго думалъ онъ...
 Потомъ — вступилъ онъ во владѣнье,
 Вопросъ отложенъ и забытъ.
 Увы! не наше поколѣнье
 Его по совѣсти рѣшить!

ПРОСТИ.

Прости! Не помни дней паденья,
 Тоски, унынья, озлобленья, —
 Не помни бурь, не помни слѣзъ,
 Не помни ревности угрозъ!

Но дни, когда любви свѣтило
 Надъ нами ласково всходило
 И бодро мы свершали путь —
 Благослови и не забудь!

ШКОЛЬНИКЪ.

Ну, пошелъ же, ради Бога!
 Небо, ельникъ и песокъ —
 Не веселая дорога...
 Эй! садись ко мнѣ, дружокъ! —

Ноги босы, грязно тѣло
 И едва прикрыта грудь...
 Не стыдися! что за дѣло?
 Это многихъ славныхъ путь.

Вижу я въ котомкѣ книжку.
 Такъ, учиться ты идешь...
 Знаю: батъка на сынишку
 Издержалъ послѣдній грошъ.

Знаю, старая дьячиха
 Отдала четвертачекъ,
 Что проѣзжая купчиха
 Подарила на чаекъ;

Или, можетъ, ты дворовый
 Изъ отпущенныхъ?.. Ну, чтожъ!
 Случай тоже ужъ не новый —
 Не робѣй не пропадешь!

Скоро самъ узнаешь въ школѣ,
 Какъ архангельскій мужикъ,
 По своей и Божьей волѣ,
 Сталъ разуменъ и великъ.

Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ —
 Кто-нибудь сvezетъ въ Москву.
 Будешь въ университетѣ —
 Сонъ свершится на яву!

Тамъ ужъ поприще широко:
 Знай работай да не трусь...
 Вотъ за что тебя глубоко
 Я люблю, родная Русь.

Не бездарна та природа,
 Не погибъ еще тотъ край,
 Что выводитъ изъ народа
 Столько славныхъ то-и-знай, —

Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди тупыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой!

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ.

1

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избѣнку лѣсу попросила.
Отвѣчалъ: нѣтъ лѣсу, и не жди—не будетъ!
„Вотъ пріѣдетъ баринъ — баринъ насъ раз-
судить,
Баринъ самъ увидитъ, что плоха избушка,
И велитъ дать лѣсу“ — думаетъ старушка.

2

Кто-то по сосѣдству, лихоимецъ жадный,
У крестьянъ земли косячекъ изрядный
Оттягалъ, отрѣзалъ плутовскимъ манеромъ—
„Вотъ пріѣдетъ баринъ: будетъ землемѣрамъ!“
Думаютъ крестьяне: „скажетъ баринъ слово —
И землю нашу отдадутъ намъ снова“.

3

Полюбилъ Наташу хлѣбпашецъ вольный,
Да перечить дѣвкѣ нѣмецъ сердобольный,
Главный управитель. „Погодимъ, Игнаша,
Вотъ пріѣдетъ баринъ!“ говоритъ Наташа.
Малые, большіе—дѣло чуть за споромъ —
„Вотъ пріѣдетъ баринъ!“ повторяютъ хо-
ромъ...

4

Умерла Ненила; на чужой землицѣ
У сосѣда-плута — урожай сторицей;

Прежніе парнишки ходятъ бородаты,
Хлѣбпашецъ вольный угодилъ въ солдаты,
И сама Наташа свадьбой ужъ не бредитъ...
Барина все нѣту... баринъ все не ѣдетъ!

4

Наконецъ, однажды среди дороги
Шестернею цугомъ показались дроги:
На дрогахъ высокихъ гробъ стоитъ дубовый,
А въ гробу-то баринъ; а за гробомъ—новый.
Старого отпѣли, новый слезы вытеръ,
Сѣлъ въ свою карету — и уѣхалъ въ Питеръ.

ПОЭТЪ И ГРАЖДАНИНЪ.

ГРАЖДАНИНЪ — *входитъ.*

Опять одинъ, опять суровъ,
Лежить—и ничего не пишетъ.

ПОЭТЪ.

Прибавь: хавдрить и еле дышетъ —
И будетъ мой портретъ готовъ.

ГРАЖДАНИНЪ.

Хорошъ портретъ! Ни благородства,
Ни красоты въ немъ нѣтъ, повѣрь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умѣетъ дикій звѣрь...

ПОЭТЪ.

Такъ что же?

ГРАЖДАНИНЪ.

Да глядѣть обидно.

ПОЭТЪ.

Ну, такъ уйди.

ГРАЖДАНИНЪ.

Послушай: стыдно!

Пора вставать! Ты знаешь самъ,
 Какое время наступило;
 Въ комъ чувство долга не остыло,
 Кто сердцемъ неподкупно прямъ,
 Въ комъ дарованье, сила, мѣткость,
 Тому теперь не должно спать...

ПОЭТЪ.

Положимъ, я такая рѣдкость,
 Но нужно прежде дѣло дать.

ГРАЖДАНИНЪ.

Вотъ новость! Ты имѣешь дѣло,
 Ты только временно уснулъ.
 Проснись: громи пороки смѣло...

ПОЭТЪ.

А! знаю: „вишь куда метнулъ!“
 Но я обстрѣленная птица.
 Жаль, нѣтъ охоты говорить.

Беретъ книгу.

Спаситель Пушкинъ!—Вотъ страница:
 Прочти и перестань корить!

ГРАЖДАНИНЪ — *читаетъ.*

„Не для житейскаго волненья,
 „Не для корысти, не для битвы,
 „Мы рождены для вдохновенья,
 „Для звуковъ сладкихъ и молитвъ“.

ПОЭТЪ — *съ восторгомъ.*

Неподражаемые звуки!..
 Когда бы съ Музою моею
 Я былъ немного поумнѣй,
 Клянусь, пера бы не взялъ въ руки!

ГРАЖДАНИНЪ.

Да, звуки чудные... ура!
 Такъ поразительна ихъ сила,
 Что даже сонная хандра
 Съ души поэта соскочила.
 Душевно радуясь—пора!
 И я восторгъ твой раздѣляю,
 Но, признаюсь, твои стихи
 Живѣ къ сердцу принимаю.

ПОЭТЪ.

Не говори же чепухи!
 Ты рьяный чтець, но критикъ дикій.
 Такъ я, по-твоему,—великій,
 Повыше Пушкина поэтъ?
 Скажи пожалуйста?!

ГРАЖДАНИНЪ.

Ну, нѣтъ!

Твои поэмы безтолковы,
 Твои элегіи не новы,
 Сатиры чужды красоты,
 Неблагодарны и обидны,
 Твой стихъ тягучъ. Замѣтенъ ты,
 Но такъ безъ солнца звѣзды видны.
 Въ ночи, которую теперь
 Мы дожинаемъ боязливо,
 Когда свободно рыскалъ звѣрь,
 А человѣкъ бродилъ пугливо—
 Ты твердо свѣточъ свой держалъ,
 Но небу было не угодно,
 Чтобъ онъ подъ бурей запылалъ,
 Путь освѣщая всенародно;
 Дрожащей искрою въ потьмахъ
 Онъ чуть горѣлъ, мигалъ, метался.
 Моли, чтобъ солнца онъ дождался
 И потонулъ въ его лучахъ!
 Нѣтъ, ты не Пушкинъ. Но покуда
 Не видно солнца ни откуда,
 Съ твоимъ талантомъ стыдно спать;
 Еще стыднѣй въ годину горя
 Красу долины, небесъ и моря
 И ласку милой воспѣвать...
 Гроза молчитъ, съ волной бездонной
 Въ сіяньи спорять небеса
 И вѣтеръ ласковый и сонный
 Едва колеблетъ паруса, —
 Корабль бѣжитъ красиво, стройно,
 И сердце путешествовать спокойно,
 Какъ будто, вмѣсто корабля,
 Подъ ними твердая земля.
 Но громъ ударилъ; буря стонетъ
 И снасти рветъ, и мачту клонитъ,—
 Не время въ шахматы играть,

Не время пѣсни растѣвать!
 Вотъ пѣсь—и тотъ опасность знаетъ
 И бѣшено на вѣтеръ лаетъ:
 Ему другого дѣла нѣтъ...
 А ты чтó дѣлалъ бы, поэтъ?
 Ужель въ какотѣ отдаленной
 Ты сталъ бы лирой вдохновенной
 Лѣнивцевъ уши услаждать
 И бури грохотъ заглушать?

Пускай ты вѣренъ назначенью,
 Но легче-ль родинѣ твоей,
 Гдѣ каждый преданъ поклоненью
 Единой личности своей?
 Наперечетъ сердца благія,
 Которымъ родина свята.
 Богъ-помочь им!.. а остальные?
 Ихъ цѣль мелка, ихъ жизнь пуста.
 Одни—стяжатели и воры,
 Другіе—сладкіе пѣвцы,
 А третьи... третьи мудрецы:
 Ихъ назначенье—разговоры.
 Свою особу ограда,
 Они бездѣйствуютъ твердо:
 „Неисправимо наше племя,
 Мы даромъ гибнуть не хотимъ,
 Мы ждемъ: авось поможетъ время,
 И горды тѣмъ, что не вредимъ!“
 Хитро скрываетъ умъ надменный
 Себялюбивыя мечты,
 Но... братъ мой! кто бы ни былъ ты,
 Не вѣрь сей логикѣ презрѣнной!
 Страшисъ ихъ участь раздѣлить,
 Богатыхъ словомъ, дѣломъ бѣдныхъ,
 И не иди во станъ безвредныхъ,
 Когда полезнымъ можешь быть!
 Не можетъ сынъ глядѣть спокойно
 На горе матери родной,
 Не будетъ гражданинъ достойный
 Къ отчизнѣ холоденъ душой,
 Ему нѣтъ горше укоризны...
 Иди въ огонь за честь отчизны,
 За убѣждение, за любовь...
 Иди и гибни безупречно.

Умрешь не даромъ... Дѣло прочно,
 Когда подъ нимъ струится кровь.

А ты, поэтъ! избранникъ неба,
 Глашатай истинъ вѣковыхъ,
 Не вѣрь, что неимущій хлѣба
 Не стоить вѣщихъ струнь твоихъ!
 Не вѣрь, чтобъ вовсе пали люди;
 Не умерь Богъ въ душѣ людей,
 И вопль изъ вѣрующей груди
 Всегда доступенъ будетъ ей!
 Будь гражданинъ, служа искусству,
 Для блага ближняго живи,
 Свой геній подчиняя чувству
 Всеобнимающей Любви;
 И если ты богатъ дарами,
 Ихъ выставлять не хлопочи:
 Въ твоёмъ трудѣ заблещутъ сами
 Ихъ животворные лучи.
 Взгляни: въ осколки твердый камень
 Убогій труженикъ дробить,
 А изъ-подъ молота летитъ
 И брызжетъ самъ собою пламень!

поэтъ.

Ты кончилъ?.. чуть и не уснулъ.
 Куда намъ до такихъ возрѣпій!
 Ты слишкомъ далеко шагнулъ.
 Учить другихъ—потребенъ геній,
 Потребна сильная душа,
 А мы съ своей душой лѣнливой,
 Самолюбивой и пугливой,
 Не стоимъ мѣднаго гроша.
 Спѣша извѣстности добиться,
 Боимся мы съ дороги сбиться,
 И тропкой торною идемъ,
 А если въ сторону свернемъ—
 Пропали, хотъ бѣги со свѣта!
 Куда жалка ты, роль поэта!
 Блаженъ безмолвный гражданинъ:
 Онъ, Музамъ чуждый съ колыбели,
 Своихъ постушковъ господинъ,
 Ведетъ ихъ къ благодарной цѣли,
 И трудъ его успешенъ, споръ...

ГРАЖДАНИНЪ.

Не очень лестный приговоръ.
 Но твой ли онъ? тобой ли сказанъ?
 Ты могъ бы правильнѣй судить:
 Поэтому можешь ты не быть,
 Но гражданиномъ быть обязанъ.
 А что такое гражданинъ?
 Отечества достойный сынъ. —
 Ах! будетъ съ насъ купцовъ, кадетовъ,
 Мѣщанъ, чиновниковъ, дворянъ,
 Довольно даже намъ поэтовъ,
 Но нужно, нужно намъ гражданъ!
 Но, гдѣ-жъ они? Кто не сенаторъ,
 Не сочинитель, не герой,
 Не предводитель, не плантаторъ,
 Кто гражданинъ страны родной?
 Гдѣ ты? откликнись! Нѣтъ отвѣта.
 И даже чуждъ душѣ поэта
 Его могучій идеалъ!
 Но если есть онъ между нами,
 Какими плачетъ онъ слезами!

И ты съ собой его равнялъ?!

Гроза шумитъ и къ безднѣ гонитъ
 Свободы шаткую ладью,
 Поэтъ клянеть, или хоть стонеть,
 А гражданинъ молчитъ и клонитъ
 Подъ иго голову свою.
 Когда же... Но молчу... Хоть мало,
 И среди насъ судьба являла
 Достойныхъ гражданъ... Знаешь ты
 Ихъ участь?... Преклони колѣни!..
 Лѣнтяй! смѣшны твои мечты
 И легкомысленныя пени!
 Въ твоёмъ сравненіи смыслу нѣтъ.
 Вотъ слово правды безпристрастной:
 Блаженъ болтающій поэтъ,
 И жалокъ гражданинъ безгласный!

ПОЭТЪ.

Не мудрено того добить,
 Кого ужъ добивать не надо.
 Ты правъ: поэту легче жить —

Въ свободномъ словѣ есть отрада.
 Но былъ ли я причастенъ ей?
 Ахъ, въ годы юности моей
 Печальной, безкорыстной, трудной,
 Короче—очень безразсудной —
 Куда ретивъ былъ мой Пегасъ!
 Не розы—я вылеталъ крапиву
 Въ его размахистую гриву
 И гордо покидалъ Парнасъ.
 Безъ отвращенья, безъ боязни
 Я шель въ тюрьму и къ мѣсту казни,
 Въ суды, въ больницы я входилъ.
 Не повторю, что тамъ я видѣлъ...
 Клянусь, я честно ненавиждѣлъ!
 Клянусь, я искренно любилъ!
 И что-жъ?.. мои послышавъ звуки,
 Сочли ихъ черной клеветой;
 Пришлось сложить смиренно руки
 Иль поплатиться головой...
 Что было дѣлать? Безразсудно
 Винить людей, винить судьбу.
 Когда-бъ я видѣлъ хоть борьбу,
 Боротся сталъ бы, какъ ни трудно,
 Но... гибнуть, гибнуть... и когда?
 Миѣ было двадцать лѣтъ тогда!
 Лукаво жизнь впередъ манила,
 Какъ моря вольныя струи,
 И ласково любовь сулила
 Миѣ блага лучшія свои —
 Душа пугливо отступила...
 Но сколько-бъ ни было причинъ,
 Я горькой правды не скрываю
 И робко голову склоняю
 При словѣ: честный гражданинъ.
 Тотъ роковой, напрасный пламень
 Дымиѣ сожигаетъ грудь,
 И радъ я, если кто-нибудь
 Въ меня съ презрѣньемъ броситъ камень.
 Бѣднякъ! и изъ чего попралъ
 Ты долгъ священный человѣка?
 Какую подать съ жизни взялъ
 Ты—сынъ больной большого вѣка?..
 Когда бы знали жизнь мою,
 Мою любовь, мои волненья...

Угрюмъ и полонъ озлобленья
 У двери гроба я стою...
 Ахъ! пѣснію моей прощальной
 Та пѣсня первая была!
 Склонила Муза ликъ печальный
 И, тихо зарыдавъ, ушла.
 Съ тѣхъ поръ не часты были встрѣчи:
 Украдкой, блѣдная, придетъ
 И шепчетъ пламениа рѣчи,
 И пѣсни гордыя поетъ.
 Зоветь то въ города, то въ степи,
 Завѣтнымъ умысломъ полна,
 Но загремѣть внезапно цѣпи
 И мигомъ скроется она.
 Не вовсе я ея чуждался,
 Но какъ боялся! какъ боялся!
 Когда мой ближній утопалъ
 Въ волнахъ существеннаго горя —
 То громъ небесъ, то ярость моря
 Я добродушно воспѣвалъ.
 Бичуя маленькихъ ворюшекъ
 Для удовольствія большихъ,
 Дивилъ я дерзостью мальчишекъ
 И похвалою гордился ихъ.
 Подъ игомъ лѣтъ душа погнулась,
 Остыла ко всему она,
 И Муза вовсе отвернулась,
 Презрѣнья горькаго полна.
 Теперь напрасно къ ней взываю —
 Увы! сокрылась навсегда.
 Какъ свѣтъ, я самъ ея не знаю
 И не узнаю никогда.
 О, Муза, гостью случайной
 Являлась ты душѣ моей?
 Иль пѣсенъ даръ необычайный
 Судьба предназначала ей?
 Увы! кто знаетъ? рокъ суровый
 Все скрылъ въ глубокой темнотѣ.
 Но шель одинъ вѣнокъ терновый
 Къ твоей угрюмой красотѣ...

*
**

Тяжелый крестъ достался ей на долю:
 Страдай, молчи, притворствуй и не плачь:
 Кому и страсть, и молодость, и волю —
 Все отдала — тотъ сталь ея палачъ!

Давно ни съ кѣмъ она не знаетъ встрѣчи;
 Угнетена, пуглива и грустна,
 Безумная, язвительная рѣчи
 Безропотно выслушивать должна:

„Не говори, что молодость сгубила
 Ты, ревностью истерзана моею;
 Не говори!.. близка моя могила,
 А ты цвѣтка весенняго свѣжьей!

„Тотъ день, когда меня ты полюбила
 И отъ меня услышала: люблю —
 Не проклинай! близка моя могила:
 Поправлю все, все смертью искуплю!

„Не говори, что дни твои унылы,
 Тюремщикомъ больного не зови:
 Передо мной — холодный мракъ могилы,
 Передъ тобой — объятія любви!

„Я знаю: ты другого полюбила,
 Щадить и ждать наскучило тебѣ...
 О, погоди! близка моя могила —
 Начатое и кончить дай судьбѣ!..“

Ужасные, убійственныя звуки!..
 Какъ статуя прекрасна и блѣдна,
 Она молчитъ, свои ломая руки...
 И что сказать могла-бъ ему она?..

ГАДАЮЩЕЙ НЕВѢСТѢ.

У него прекрасныя манеры,
Онъ не глупъ, не бѣденъ и хорошъ,
Что гадать? ты влюблена безъ мѣры,
И судьбы своей ты не уйдешь.

Я могу сказать и безъ гаданья:
Если сердце есть въ его груди —
Ждутъ тебя, быть можетъ, испытанья,
Но и счастье будетъ впереди...

Не изъ тѣхъ ли только онъ бездушныхъ,
Что въ столицѣ много встрѣтишь ты,
Одному лишь голосу послушныхъ —
Голосу тщеславной суеты?

Что гордятся ровностью пробора,
Щегольски обутою ногой,
Потерявъ сознание позора
Жизни дикой, праздной и пустой?

Если такъ — плоха порука счастью!
Какъ бы чудно ты ни расцвѣла,
Ни умомъ, ни красотой, ни страстью
Не поправишь рокового зла.

Онъ твои плѣнительныя взоры,
Нѣжность сердца, музыку рѣчей —
Все отдастъ за плоскія рессоры
И за пару кровныхъ лошадей!

НЕСЧАСТНЫЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Тяжелъ мой крестъ: уединенье,
Преступной совѣсти мученье,
Нужда, недуги. Говорять,
Къ цвѣтущей юности возвратъ —
Подъ старость намъ одно спасенье,
Отрада вѣрная. — „Живи,

Покуда кровь играетъ въ жилахъ,
А станешь старѣться нарви
Цвѣтовъ, растущихъ на могилахъ,
И ими сердце обнови“...
И я попробоваль... но что же?..
Душа по прежнему нѣма
И съ одичалаго ума
Стереть угрюмости клейма
Ничто не властно. Правый Боже!
Ужели долгая тюрьма,
Ограбивъ сердце безъ пощады,
Душѣ моей не дастъ отрады
Въ воспоминаньи юныхъ лѣтъ,
Иль точно тамъ отрады нѣтъ?
Увы! тамъ душно, тамъ пустыня.
Любя, прощая, чуть дыша,
Тамъ угасаетъ, какъ рабыня,
Святая женская душа.
Переступить порогъ не смѣя,
Тоски и ужаса полна,
Такъ вянетъ сказочная фея
Въ волшебномъ замкѣ колдуна.
Воображенье прихотливо
Рисуетъ ей другіе дни:
Въ чертогахъ, убранныхъ на диво,
Горятъ вѣнчальные огни:
Невѣста ждетъ, женихъ приходитъ.
И рѣчь его тиха, нѣжна...
Гдѣ умъ красавицы не бродить,
Чего не думаетъ она?
Ликуетъ день, щебечутъ птицы,
Красою блещутъ небеса,
Доходятъ до дверей темницы
Любви и воли голоса, —
Но ей нѣтъ воли, нѣтъ отрады.
Не нужно камней дорогихъ,
Возьмите пышныя наряды!
Гдѣ мать? гдѣ сестры? гдѣ женихъ?
Гдѣ няня съ пѣсенкой и сказкой?
Никто не жалится надъ ней,
И только докучаетъ лаской
Противный, старый чародѣй.
Но нѣтъ!.. она любить не станетъ,
Скорѣй умереть... Уходитъ онъ

И въ гнѣвѣ подданныхъ тиранить,
 Кругомъ проклятья, вопли, стонъ...
 Но въ сказкѣ витязь благородный
 Придетъ—волшебника убѣть,
 И ключья бороды негодной
 Къ ногамъ красавицы свободной
 Съ рукой и сердцемъ принесеть.
 А здѣсь?

Рога трубятъ ретиво,
 Пугая ранній сонъ дѣтей,
 И воютъ псы нетерпѣливо...
 До солнца съли на коней —
 Ушли... Орды вооруженной
 Не видитъ глазъ, не слышитъ слухъ.
 И блѣдный домъ, какъ осажденный,
 Свободно переводитъ духъ.
 Мѣняя быстро постъ невольный
 На празднословье и вино,
 Спѣшитъ зыбнуться рабъ довольный.
 Но есть одна: ей все равно!
 Въ ея душѣ свѣтлѣй не станеть,
 Все тотъ же мракъ, все тотъ же гнетъ:
 И сонъ перерванный не манить,
 И утро къ жизни не зоветъ.
 Скорѣй, затворница пѣмая,
 Рыданьемъ душу отведи!
 Терпи любя, терпи прощаль,
 И лучшей участи не жди!..

Осаду не на долго сняли...
 Вотъ вечеръ — снова рогъ трубить.
 Примолкнувъ, дѣти побѣжали,
 Но мать остаться имъ велить:
 Ихъ взоръ унылъ, невнятенъ лепеть...
 Опять содомъ, тревога, трепеть!
 А ночью свѣчи зажжены,
 Обычный пиръ кипитъ мятежно,
 И блѣдный мальчикъ, у стѣны
 Прижавшись, слушаетъ прилежно
 И смотритъ жадно (узнаю
 Привычку дѣтскую мою)...
 Что слышитъ? пѣсни удалая
 Подъ топотъ пляски удалой;
 Глядитъ, какъ чаши круговыя

Пустьбуютъ быстрой чередой;
 Какъ на лету куски хватають
 И ротъ захлопываютъ псы;
 Какъ на тѣни растутъ, киваютъ
 Большіе дядины усы...
 Смѣются гости надъ ребенкомъ
 И чей-то голосъ говоритъ:
 „Не правда-ль, онъ всегда глядитъ
 Какимъ-то травленнымъ волчѣнкомъ?
 Поди сюда!“ Блѣднѣетъ мать;
 Волченоекъ смотреть—и ни шагу.
 „Упрямство надо наказать —
 Поди сюда!“ — Волченоекъ тягу...
 „А ту его!“

Тяжелый сонъ!..

Нѣтъ мой восходъ не лучезаренъ —
 Ничѣмъ я въ дѣтствѣ не плѣненъ
 И никому не благодаренъ.
 Скорѣе къ юности! Она
 Всегда мила, всегда ясна...
 Не бѣдняку! — Воображенье
 Къ столицѣ юношу манить,
 Тамъ слава, тамъ просторъ, движенье,
 И вотъ онъ въ ней! Идетъ, глядитъ—
 Какъ чудно городъ изукрашенъ!
 Шпили его церковей и башенъ
 Уходятъ въ небо: пышны въ немъ
 Театры, улицы, жилища
 Счастливецъ міра— и кругомъ
 Необозримыя кладбища...
 О, городъ, городъ роковой!
 Съ пѣвцомъ твоихъ громадъ красивыхъ,
 Твоей ограды вѣковой,
 Твоихъ солдатъ, коней ретивыхъ
 И всей потѣхи боевой,
 Плѣненный лирой сладкострунной,
 Не спорю я: прекрасенъ ты
 Въ безмолвьи полночи безлунной,
 Въ движеньи гордой суеты!

 Пустьъ солнце тусклое, скупое
 Глядится въ нескія струи,
 Пустьъ, тѣша буйство удалое

И сѣя плевелы свои,
Толпы пустыхъ, надменныхъ, праздныхъ,
Полны пороковъ безобразныхъ,
Въ тебѣ кишать. Въ стѣнахъ твоихъ
И есть, и были въ стары годы
Друзья народа и свободы,
А посреди могилъ нѣмыхъ
Найдутся громкія могилы.
Ты дорогъ намъ, — ты былъ всегда
Ареной дѣятельной силы,
Пытливой мысли и труда!

Все такъ. Но если ненарокомъ
Въ твои предѣлы загляну,
Купаясь въ омутѣ глубокомъ,
Переживая старину,
Душа болитъ. Не въ залахъ балныхъ,
Гдѣ торжествуетъ суета,
Въ пріютахъ нищеты печальныхъ
Блуждаетъ грустная мечта.
Не лучезарный, золотистый,
Но рѣдкій солнца лучъ... о, нѣтъ!
Твой день больной, твой вечеръ мгlistый,
Туманный, медленный разсвѣтъ
Воображенье мнѣ рисуетъ...
Свѣтаетъ. Чу, какъ вѣтеръ дуетъ!
Унять бы рады сорванца,
Но онъ смѣется надъ столицей
И флагомъ гордаго дворца
Играетъ, какъ простой трипицей.
Нева волнуется, дома
Стоять, какъ крѣпости пустыя,
Желѣзнымъ болтомъ запертыя,
Угрюмы лавки, какъ тюрьма.
Ихъ постепенно отворяютъ,
Товару въ окна прибавляютъ, —
Такъ ставить съ вечера капканъ
Охотникъ на добычу падкій.
Вотъ солнце глянуло украдкой,
Но одолѣлъ его туманъ —
И снова мракъ. Какія лица
Теперь приходится встрѣчать!
Такую страшную печать

Умѣть класть одна столица.
Проѣхалъ возъ: ни русь, ни сѣдъ,
Чухонецъ имъ курносый правилъ
И ельника зеленый слѣдъ
На мокрой улицѣ оставилъ —
Покойникъ будетъ. Вотъ и онъ!
До пышныхъ дожилъ похоронъ:
Четверкой дроги, гробъ угрюмый
Стоять высоко подъ парчой,
Идетъ родня съ печальной думой,
Поникнувъ молча головой;
Плетутся дряхлыя кареты,
То тамъ, то тутъ, полуодѣты,
Изъ оконъ женщины глядятъ,
Прохожій крестится сурово...
Прошла процессія — и снова
Все пусто. — Вотъ идетъ солдатъ
За фурой въ родѣ погребальной —
Глядитъ оттуда глазъ печальный
И видно блѣдное лицо...
Довольно! чтó теперь ни встрѣтишь,
На всемъ ушныя слѣдъ замѣтишь.
Но вотъ парадное крыльцо
Въ богатомъ домѣ отворяетъ
Какой-то рослый молодецъ, —
Теперь-то утро наступаетъ!
Туманъ осиливъ наконецъ,
Одѣло солнце сѣтью чудной
Дворцы, и храмы, и мосты,
И нѣтъ слѣдовъ заботы трудной
И недовольной нищеты!
Какъ будто появляются вредно
При полномъ водвореніи дня
Всему, чтó зелено и блѣдно,
Несчастно, голодно и бѣдно,
Что ходитъ голову склоня!
Теперь гляди на городъ шумный!
Теперь онъ пышенъ и богатъ —
Несется въ толкотнѣ безумной
Блестящихъ экипажей рядъ,
Все полно жизни и тревоги,
Всѣ лица блещутъ и цвѣтутъ,
И съ похоронъ обратно дроги
Пустыя весело бѣгутъ...

Ликуеть сердце молодое —
 Въ восторгѣ юноша. Пстой!
 Ты будешь говорить другое,
 Родство постигнувъ роковое
 Межь этимъ блескомъ и тобой!
 Пройдутъ года въ борьбѣ бесплодной,
 И на красивыя плиты,
 Какъ изъ машины винтъ негодный,
 Быть можетъ, брошенъ будешь ты!
 Счастливъ, кому мила дорога
 Стяжанья, кто ей вѣренъ былъ
 И въ жизни ни однажды Бога
 Въ пустой груди не ощутилъ.
 Но если той тревоги смутной
 Не чуждо сердце — пропадешь!
 Въ глухую полночь, безпріютный,
 По стогнамъ города пойдешь:
 Громадный, стройный и суровый,
 Заснувъ подъ тучею свинцовой,
 Тогда предстанетъ онъ инымъ,
 И опоясанный гробами,
 Своими пышными дворцами,
 Величьемъ царственнымъ своимъ —
 Не будетъ радовать. Невольно
 Припомнишь бѣдный городокъ,
 Гдѣ солища каждому довольно.
 То правда: городъ не широкъ,
 Не длиненъ — лай судейской шавки
 Въ немъ слышенъ вдоль и поперекъ.
 Домишки малы, пусты лавки,
 Аптека, два-три кабака,
 Тюрьма, шлагбаумъ полосатый,
 Домъ судный, госпиталь досчатый,
 И площадь... площадь велика:
 Кругомъ не видно ей границы,
 И, слышно, осенью на ней
 Чудакъ, заѣзжій изъ столицы,
 Успѣшно ищетъ дупелей.
 Ну все, какъ надо, какъ извѣстно,
 Надъ чѣмъ столичные давно
 Острытъ то глупо, то умно.
 За то покойно — и не тѣсно...
 Не жди особенныхъ отрадъ:
 Что Богъ послалъ, тому будь радъ.

Гляди въ халатѣ на дорогу:
 Вонъ гуси выступаютъ въ ногу
 Съ гусиной важностью... но вдругъ —
 Смятенье, дикій крикъ, испугъ!
 Три тройки насккали близко.
 Присѣвъ и крылья распустивъ,
 Одни бѣгутъ, другіе низко
 Летятъ, а третьи, прискочивъ,
 Удрать не лѣтомъ и не бѣгомъ
 Спѣшать... и вотъ просторъ телѣгамъ —
 Разсыпались, куда кто могъ!
 Такъ гордый собственнымъ значеньемъ,
 Своимъ неожиданнымъ появленьемъ
 Дѣтей пугаетъ педагогъ;
 Такъ поэтическія грѣзы
 Разносятъ дуновенье прозы...
 Но ужъ зацѣли соловьи,
 Иди гулять — до сна недолго!
 Гляди, какъ тихо катитъ Волга
 Свои спокойныя струи,
 Уснувъ въ песчаной колыбели;
 Какъ, нагибаясь до земли,
 Таскаютъ бурлаки кули,
 А воробьи ужъ налетѣли,
 И теребя мочалу, носъ
 Просунуть силятся въ овѣсъ.
 Куда ни взгянешь — птичье племя!
 Уснувъ подъ берегомъ рѣки,
 Чернѣютъ утки, какъ комки,
 Но, видно, имъ покушать время:
 Проснулись — поплыли гурьбой,
 Кувыркъ! и ногъ утиныхъ строй
 Стоитъ недвижно надъ водой.
 На всемъ лучи зари румяной.
 Какъ ожерелье, у воды
 Какихъ-то бѣлыхъ птицъ ряды
 Сидятъ на отмели песчаной,
 И тутъ же сотни куликовъ
 Снуютъ съ оглядкой вороватой;
 Всѣ бѣлобрюхи, безъ хохловъ,
 А почему-жъ одинъ хохлатый?
 Не долиная, съ весеннихъ поръ
 Сберегъ онъ пышную прибавку
 И ходитъ важно, какъ майоръ,

Съ мундиромъ вышедшій въ отставку,
Недостаешь счастливицу шпоръ!

Не любишь птицъ—гляди бездумно,
Какъ приближается паромъ,
Неторопливо и нешумно;
А тамъ, на берегу другомъ,
Подъ легкимъ матовымъ туманомъ,
Какъ будто войско тѣснымъ станомъ
Расположилось на ночлегъ:
Не перечтешь коней, телѣгъ!

Подъ каждымъ стогомъ-великаномъ
Толпа... И слышны голоса,
Стыдливый визгъ и хохотъ женскій.

Но потемнѣли небеса —

Спи мирно, житель деревенскій!

Ты стоишь сна... Идемъ домой,

Закрты ставни—все спокойно.

Что-жъ медлитъ мѣсяцъ золотой?

Темно. Ни холодно, ни знойно,—

Такъ ровно-ровно дышетъ грудь,

Но слышишь, что-то заскрипѣло!

Калитку отворивъ чуть-чуть,

Выходитъ дѣвушка несмѣло.

Она глядитъ по сторонамъ,

Но вотъ увидѣла—и къ намъ

Шаги проворно направляетъ.

Ты улыбнулся, ты молчишь...

Вдругъ—„ахъ!“ и быстро исчезаетъ.

Ошиблась, милая! Такъ мышь,

Съ испугу пискнувъ, убѣгаетъ,

Замѣтивъ любопытный глазъ.

Пору любви, пору проказъ

Чѣмъ нашу молодость помянемъ?

Не побѣжать ли намъ за ней?

Не подстеречь ли у дверей?

Нѣтъ, только даромъ мы устанемъ.

Народъ уснулъ—пора и намъ.

Одно досадно: по ночамъ,

Должно быть переславъ нещадно,

Собака воевъ безотрадно —

Весь городъ чьей-то смерти ждетъ,

Толкуетъ набожно и тихо.

И вѣдь случается—возьметъ

Да и скончается купчиха,
Передъ которой глупый пѣсъ
Три ночи вылъ, поднявши носъ.

Тогда попробуй разувѣрить.

„Да какъ ты смѣешь самъ не вѣрить?..“

Молчи—предатели они!

Люби покой, природу, книгу

И независимость храни,

Не то, среды поддайся игу

И лямку общую тани.

Но есть и тамъ свои могилы,

Но тамъ бесплодно гибнуть силы,

Тамъ духота, бездумье, лѣнь,

Тамъ время тянется сонливо,

Какъ самодѣльная расшива

По тихой Волгѣ въ лѣтній день.

Тамъ только не грѣшно родиться

Или подъ старость умирать.

Куда-жъ идти? къ чему стремиться?

Гдѣ силы юныя пытать?

Храни Господь того, кто скажетъ:

„Простите, мирныя поля!“

И бѣдный свой челнокъ привяжетъ

Къ кормѣ большого корабля...

Кому судьба вѣнецъ готовитьъ,

Того вопросъ: куда идти?

Не устранить, не остановить;

Кого на жизненномъ пути

Любовь лелѣетъ съ колыбели,

Незримо направляя къ цѣли —

И тотъ находитъ путь прямой.

Но кто ни Богомъ не отмѣченъ,

Ни даже любящей рукой

Не охраненъ, не обезпеченъ,

Тотъ долго бродитъ какъ слѣпой:

Кишитъ, желаетъ, тратитъ силы,

И позднимъ опытомъ богатъ,

Находитъ у дверей могилы

Невольныхъ заблуждений рядъ...

Къ чему бы жизнь ни вынуждала,

И даже разницы путемъ

Не зная межъ добромъ и зломъ,

Я по теченью плыль сначала...
 Лишь гордость иногда спасала...
 Богъ вѣсть, куда бы прихоть волнь
 Прибила мой убогій чёлнъ:
 Сбирались тучи, путь былъ трудень,
 А я упоренъ, безразсуденъ,—
 Ждала тяжелая борьба.
 Но вдругъ распутала судьба
 Загадку жизни несчастливой —
 Я полюбилъ, дикарь ревнивый...

О ты, кого я съ ужасомъ бѣжалъ,
 Кому съ любовью рвался я въ объятъя,
 Кому чистосердечно расточалъ
 Благословенъя и проклятыя —
 Тебя ужъ нѣтъ! На жизненной стезѣ
 Оставивъ слѣдъ загадочный и странный,
 Являясь ангеломъ въ грозѣ
 И демопомъ у пристани желанной —
 Погибла ты... Ты сладить не могла
 Ни съ бурнымъ сердцемъ, ни съ судьбою
 И, бездну вырвъ подо мною,
 Сама въ ней первая легла...
 Ругаясь буйно надъ кумиромъ,
 Когда-то сердцу дорогимъ,
 Я могъ бы передъ цѣлымъ міромъ
 Клеймомъ отмѣтить роковымъ
 Твой путь. Но за предѣлы гроба
 Не перешла вражда моя,
 Я понялъ: мы виновны оба...
 Но тяжелѣй наказанъ я!
 Года чредой опредѣленной
 Идутъ, но время надо мной
 Остановилось: стражъ безсмѣнный,
 Среди той ночи роковой
 Стою... ревниво закипаю,
 И вдругъ шаги... и голосъ твой...
 И вопль,—и съ крикомъ: „не прощаю!..“
 Все помню съ ясностью такой,
 Какъ будто каждый день свершаю
 Убійство... Тотъ же, тотъ же сонъ
 Ужъ двадцать лѣтъ: молящій стонъ,
 Безумный крикъ, сверканье стали...
 Прочь, утонувшія въ крови,

Воспоминанія любви!
 Довольно сердце вы терзали.
 Скорѣе въ душную тюрьму!
 Оттуда сердцу моему
 Единный въ жизни лучъ отрады
 Мерцаетъ... Такъ огонь лампы
 До вѣчной сѣни гробовой
 Горитъ надъ каждой головой...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Безлюдье, степь. Кругомъ все бѣло
 И небеса надъ головой...
 Еще отчаянье кишѣло
 Въ душѣ, упившейся враждой,
 И смерти лишь она алкала,
 Когда преступная нога,
 Звуча цѣпами, попирала
 Недружелюбные снѣга
 Страны пустынной, сиротливой...
 Среди звѣрей я звѣремъ сталъ,
 Виномъ я совѣсть усыплялъ
 И умъ гасилъ...

Въ толпѣ строитивой,
 Межъ нами былъ одинъ: его
 Не полюбили мы сначала —
 Не говорилъ онъ ничего,
 Работалъ медленно и мало.
 Кряхтя, копается весь день,
 Какъ кротъ—мы такъ его и звали—
 А толку нѣтъ: не то, чтобъ лѣнь,
 Да силы скоро измѣняли.
 Рука нетвердая въ трудѣ,
 Какъ спицы ноги, дѣтскій голосъ
 И, словно лень, пушистый волосъ
 На головѣ и бородѣ.
 Обросъ онъ скоро волосами,
 Питался черствымъ сухаремъ,
 Но и подъ грубымъ армякомъ
 Глядѣлъ неровней между нами.
 Его дежурный понукалъ,
 И было намъ сначала любо

Смотрѣть, какъ губы онъ кусаль,
 Когда съ нимъ обходились грубо;
 Такъ удила кусаетъ конь,
 Когда сѣдокъ его прищпорить.
 Въ глазахъ покажется огонь,
 Однако промолчить—не спорить!
 Бывало, подойдемъ гурьбой,
 Повалимъ, будто ненарокомъ,
 Кричимъ: „не хочешь ли домой?“
 Онъ только поглядитъ съ упрѣкомъ
 И покачаетъ головой.
 Не пьеть, не балагурить съ нами.
 Но скоро часъ его насталь...

Быль вечеръ; скрежеща зубами,
 Одинъ изъ нашихъ умираль.
 Куда дѣваться въ подземелья?
 Кричимъ: „скорѣй! мѣшаешь спать!“
 И стали въ бѣшеномъ весельи
 Его мы хоромъ отпѣвать:
 „Умри! намъ всѣмъ одна дорога,
 Другой не будетъ изъ тюрьмы!..“
 Вдругъ кто-то крикнуль: „Нѣтъ въ васъ
 Бога!“

И пѣсни не допѣли мы.
 Глядимъ: добро-бѣ вошелъ начальникъ,
 Нѣтъ, просто выступилъ впередъ
 Нашъ бѣлоручка, нашъ молчальникъ,
 Смиранный копотливый Кротъ.
 Корить, грозить! Дыханье трудно,
 Лицо сурово, какъ гроза,
 И какъ-то бѣшено и чудно
 Блестять глубокіе глаза.

Смутились мы. Какая сила
 Ему строптивыхъ покорила—
 Богъ вѣсть! Но грубые умы
 Онъ умилиль, обезоружиль,
 Онъ намъ ту бездну обнаружилъ,
 Куда стремглавъ летѣли мы!

Въ заботѣ новой, въ думахъ строгихъ,
 Мы совѣщались до утра,
 Стараясь вразумить немногихъ,
 Не внявшихъ вѣстнику добра:

Душой погибнувъ невозвратно,
 Они за нами не пошли
 И обновиться благодатно
 Ужъ не хотѣли, не могли.
 Въ нихъ сердце превратилось въ камень,
 На вѣкъ оледенѣла кровь...
 Но въ комъ, какъ подъ золою пламень,
 Таились совѣсть и любовь,
 Тотъ жадно ждалъ бесѣды новой,
 Съ душой увѣровать готовой...
 Не вдругъ мы поняли его,
 Но онъ учить не тяготился—
 Онъ съ нами братски подѣлился
 Богатствомъ сердца своего!
 Забыты буйныя проказы,
 Наступить вечеръ—тишина,
 И стали намъ его рассказы
 Милѣй разгула и вина.
 Пусть рѣчь его была сурова
 И не блистала красотой,
 Но обладалъ онъ тайной слова,
 Доступнаго душѣ живой.
 Не на конѣ, не за сохою,—
 Провель онъ свой недолгій вѣкъ
 Въ трудѣ ученья, но душою,
 Какъ мы, былъ русскій человекъ.
 Онъ не жалѣль, что мы не нѣмцы,
 Онъ говорилъ: „во многомъ насъ
 Опередили иноземцы,
 Но мы догонимъ въ добрый часъ!
 Лишь Богъ помогъ бы русской груди
 Вздохнуть пошире, повольнѣй—
 Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
 Что есть грядущее у ней.
 Она не знаетъ середины—
 Черна—куда ни погляди!
 Но не проѣль до сердцевины
 Ея порокъ. Въ ея груди
 Бѣжитъ потокъ живой и чистый
 Еще нѣмыхъ народныхъ силъ:
 Такъ подъ корой Сибири льдистой
 Золотоносныхъ много жилъ“.
 Его плѣняло солнце юга—
 Тамъ море ласково шумить,

Но слаще сѣверная вьюга
 И больше сердцу говорить.
 При словѣ: „Русь“, бывало, встанеть—
 Онъ помнилъ, онъ любилъ ее,
 Заговоривши про нее—
 До поздней ночи не устанеть...
 Наступитъ ли вечерній часъ—
 Внимая бури вой жестокой,
 „Теперь—онъ говорилъ—у насъ,
 На нашей родинѣ далекой,
 Еще тепло... Закатъ горитъ,
 Надъ божимъ храмомъ рѣютъ птицы,
 Домой идутъ съ работы жницы,
 Въѣзжая на гору, скрипигъ
 Снопамъ полная телѣга:
 Играя, колосъ изъ снопа
 Хватаетъ сытый конь съ разбѣга—
 И ржетъ. За нимъ бредетъ толпа
 Коровушекъ. Стемнѣло небо
 И смолкли вдругъ работы дня;
 Ложится пахарь безъ огня,
 И распростерли скирды хлѣба
 Свою хранительную тѣнь
 Вокругъ уснувшихъ деревень.
 Все тихо; развѣ безъ оглядки
 Фельдъегерь пролетитъ селомъ
 Или обратная лошадки,
 Понурия голову, шажкомъ
 Пройдутъ: заснулъ ямщикъ лѣнивый
 Верхомъ на дремлющемъ конѣ,
 Одинъ бубенчикъ говорливый
 Воркуетъ сладко въ тишинѣ.
 Да старый вязъ въ концѣ селенья
 Шумитъ, столѣтній часовая;
 Предъ нимъ проходятъ поколѣнья,
 Мѣняясь быстрой чередой,
 Онъ невредимъ: корысть, безпечность—
 Его ничто не сокрушитъ,
 Любовь народная хранить
 Его святую долговѣчность.
 Онъ укрываетъ въ лѣтній зной
 Шатромъ дѣтей деревни цѣлой;
 Бѣднякъ-калѣка престарѣлый
 Подъ нимъ ложится на покой;

Нашъ братъ, звуча цѣпями, ссыльный,
 Подъ нимъ сидитъ, обритый, пыльный,
 И богомолокъ молодыхъ
 Подъ тѣнь вѣтвей его густыхъ
 Приводитъ давняя привычка...

„Чу! тянутъ въ небѣ журавли,
 И крикъ ихъ, словно переключка
 Хранящихъ сонъ родной земли
 Господнихъ часовыхъ, несется
 Надъ темнымъ лѣсомъ, надъ селомъ,
 Надъ полемъ, гдѣ табунъ пасется
 И пѣсня грустная поется
 Передъ дымящимся костромъ...

„Не ждуть осеннія работы,
 Не дологъ отдыхъ мужиковъ—
 Скрипятъ колодцы и ворота
 При третьей пѣснѣ пѣтуховъ.
 Дудитъ пастухъ свирѣлью звонкой,
 Бѣжитъ по нивѣ чья-то тѣнь:
 То бѣглый рекрутикъ сторонкой
 Уходитъ въ лѣсъ, послышавъ день.
 Искаль онъ, чѣмъ бы покормиться,
 Ночь не послала ничего,
 Придется видно воротиться,
 А страшно!.. Чтò ловить его!
 Хозяйка старшихъ разбудила—
 Блеснули въ ригахъ огоньки
 И застучали молотила.
 Богъ-помочь, братья мужики!“

Родныя русскія картины!
 Заснулъ, и видѣлъ я во снѣ
 Знакомый домъ, лѣса, долины,
 И братья сказывали мнѣ,
 Что сонъ ихъ уносилъ съ чужбины
 Къ забытой, милой сторонѣ.
 Летишь мечтой къ отчизнѣ дальней,
 И на душѣ свѣтлѣй, теплѣй...

Чего не зналъ нашъ другъ опальный?
 Слыхали мы въ тюрьмѣ своей
 И басни хитря Крылова,
 И пѣсни вѣщія Кольцова,

Узнали мы такихъ людей,
 Передъ которыми позднѣй
 Слѣпой народъ восторгъ почуетъ,
 Вздохнеть—и совѣсть уврачуеъ,
 Воздвигнувъ пышный мавзолей.
 Такъ иногда, узнавъ случайно,
 Кто спасъ его когда-то тайно,
 Бѣднякъ, взволнованный, бѣжить.
 Приходить, смотреть—вотъ жилище,
 Но гдѣ-жъ хозяинъ? Все молчить!
 Идетъ бѣдняга на кладбище
 И на могильныя плиты
 Бросаетъ поздніе цвѣты...

.

. Достало въ немъ геройства
 „Прости на вѣкъ!“ сказать всему!
 Но ты, святое безпокойство!
 Тебя принесъ онъ и въ тюрьму!
 О ней, о родинѣ державной,
 Онъ говорить не уставалъ:
 То жребій ей пророчилъ славный,
 То старину припоминалъ,
 Кто въ древни вѣки ея правилъ,
 Какъ люди въ ней живали встарь,
 Какъ обучилъ, вознесъ, прославилъ
 Ее тотъ мудрый государь,
 Кому въ царяхъ никто не равенъ,
 Кто до скончанья міра славенъ
 И святъ: Великаго Петра
 Онъ звалъ отцомъ Россіи новой,
 Онъ видѣлъ слѣдъ руки Петровой
 Въ основѣ каждаго добра.
 Сто вечеровъ до поздней ночи
 Онъ говорилъ намъ про него —
 Никто сомнѣть не думалъ очи
 И не промолвилъ ничего.
 Онъ говорить, ему внимаемъ,
 И полны новыхъ думъ, тогда
 Свои оковы забываемъ
 И тяжесть черного труда.

Встаетъ во мракѣ подземелья
 Предъ нами чудный ликъ Петра,
 И какъ монашеская келья
 Тиха преступниковъ нора.
 Сноснѣй на утро трудъ неспосный,
 Таскаешь горы на плечахъ,
 Чтобъ трудолюбецъ Вѣнценосный
 Сказалъ спасибо въ небесахъ...
 Да! видитъ Богъ, въ кровавомъ потѣ
 Омилы мы свою вину,
 И не напрасно на работѣ
 Пѣвали пѣсенку одну:

ПѢСНЯ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

1.

Дружнѣй! работа есть лопатамъ,
 Не даромъ насъ сюда вели,
 Не даромъ Богъ насытилъ златомъ
 Утробу матери земли.

Трудись, покажѣсть служить руки,
 Не сѣгуй, не лѣнись, не трусь,
 Спасибо скажутъ наши внуки,
 Когда разбогатѣетъ Русь!

2.

.

3.

Пускай бѣжить въ упорномъ дѣлѣ
 Съ насъ потъ ручьями, какъ вода,
 И мерзнетъ на клейменомъ тѣлѣ,
 Когда почиетъ отъ труда.

Пускай томимся голодомъ, жаждой,
 Пусть дрогнемъ въ холодѣ зимы,
 Ей пригодится камень каждый,
 Который добываемъ мы.

Ее сложилъ въ часы недуга
 Нашъ тихій, вѣчно грустный Кротъ,

И часто, поминая друга,
 Въ своемъ углу ее поеть
 Прощенный ссыльный. Здѣсь мы гости,
 Сюда вернулись мы не жить —
 Съ отцами рядомъ положить
 Трудомъ изломанныя кости,
 Но рады, рады и тому!..

Начальство къ намъ добрѣе стало,
 Получше отвело тюрьму
 И хорошо аттестовало.
 Что будетъ съ нами—до конца
 Тяжелой было намъ загадкой,
 Но въ умилениа сердца
 Прокрался лучъ надежды сладкой.
 Такъ, помню, солнышко украдкой
 Глядитъ, бывало, поутру
 И въ нашу черную нору...

Но онъ надеждѣ вѣрилъ мало,
 Едва бродя, едва дыша,
 И только насъ бодрить хватало
 Въ немъ силъ... Великая душа!
 Его страданья были горды,
 Онъ ихъ упорно подавлялъ,
 Но иногда изнемогалъ
 И плакалъ, плакалъ. Камни тверды,
 Любой попробуй... но огня
 Добудешь только изъ кремня,
 Таковъ онъ былъ. Воспоминанья
 Страшиѣй не помню: зналъ и я
 Изнеможеніе страданья, —
 Но что была печаль моя?
 Къ довольству суетному зависть,
 Быть можетъ, личная ненависть,
 Тоска по женщиѣ пустой,
 Съ трапичной, дюжинной душой,
 Томленье скуки, злость безсилья.
 Я, говорятъ, былъ мелко золь
 Въ моей тоскѣ... Не такъ орель
 Свои оплачиваетъ крылья,
 Которыхъ мощъ извѣдалъ онъ,
 Которыхъ царственная сила
 Его подъ небо уносила...
 Да! возвращаясь съ похоронъ,

Недаромъ въ голосъ мы сказали:
 „Зачѣмъ его Кротомъ мы звали?
 И мертвый сходенъ онъ лицомъ
 Съ убитымъ молніей орломъ!“

О чемъ была его кручина?
 Рыдалъ ли онъ рыданьемъ сына,
 Давно отчавшись обнять
 Свою тоскующую мать,
 И невеселая картина
 Ему являлась: старый домъ
 Стоитъ въ краю деревни бѣдной
 И голова старухи блѣдной
 Видна сѣдая подъ окномъ.
 Вздыхаетъ, молится, гадаетъ
 И смотритъ, смотритъ, и двойной
 Въ окошко рамы не вставляетъ
 Старуха позднею зимой.
 А сколько, глядя на дорогу,
 Уронитъ слезъ—извѣстно Богу!
 Но нѣтъ! и Богъ ихъ не считалъ,
 А то бы радость ей послалъ!

Любовь ли бѣднаго томила?
 Что случилось съ нею? Позабыла?
 Или груститъ... и далеко
 Несется... мысленно заглянетъ
 И содрогнется глубоко?
 Гдѣ ей? въ ней сердца неостанетъ!
 Ахъ! чувство женское легко!
 Онъ его хранятъ, лелѣютъ,
 Покуда радуется оно,
 Но если тучи тяготѣютъ
 И небо грозно и темно —
 Его спасти имъ не дано!

Быть можетъ, онъ душою вѣрной
 Припоминалъ былыхъ друзей;
 Въ кичливой гордости своей,
 Быть можетъ, врагъ высокомерный
 Ему являлся въ часъ ночной...
 И съ крикомъ кинувшись, ногами,
 Отягощенными цѣпями,
 Топталъ онъ призракъ роковой?
 Или изгладила чужбина

Все то, чѣмъ молодость жила,
 И только слезы гражданина
 Душа живая сберегла?
 Какъ знать! Предъ нимъ мы дѣти были,
 Ничѣмъ мы права не купили
 Дѣлать великую печаль;
 Не всѣ мы даже понимали,
 За что его сюда заслали,
 Но было трудно, было жаль.
 Закоренѣлаго невѣжду
 Спроси, и тотъ отдать былъ радъ
 Свою послѣднюю надежду —
 Подъ небо родины возвратъ,
 За мигъ единый облегченья
 Его тоски, его мученья.
 Но только правосудный Богъ
 Утѣшить мученика могъ.
 И скоро гробовыя двери
 Предъ нимъ открылись, но не вдругъ
 Клейменныхъ каторжниковъ другъ
 Сошелъ въ нихъ: роковой потери
 По каплѣ ядъ глотали мы.
 Почти два года, изъ тюрьмы
 Не выходи, онъ разрушался.
 Зачѣмъ? Извѣстно небесамъ!
 „Чтобъ человекъ не баловался“,
 Смѣясь, говаривалъ онъ намъ.
 И день, и ночь поочередно
 Его мы ложе берегли,
 Зимой окутывали плотно,
 Весной на солнышко несли
 (Былъ для того у насъ устроенъ
 Снарядъ особенный): больной
 Кивалъ тихонько головой
 И какъ-то грозно былъ спокоенъ.
 Не шевельнется цѣлый день;
 Тоскливъ и кротокъ безпредѣльно,
 Молчить: такъ, раненый смертельно,
 Глядитъ и смерти ждетъ олень...
 И наконецъ пора пришла...
 Въ день смерти съ ложа онъ воспрянулъ,
 И снова силу обрѣлъ.
 Нѣмая грудь — и голосъ грянулъ!
 Мечтаньемъ чуднымъ открылилъ

Его Господь передъ кончиной,
 И онъ подъ небо воспарилъ
 Въ красѣ и легкости орлиной.
 Кричалъ онъ радостно „впередъ!“
 И гордъ, и ясенъ, и доволенъ:
 Ему мерещился народъ
 И звонъ московскихъ колоколенъ;
 Восторгомъ взоръ его сиялъ,
 На площади, среди народа,
 Ему казалось онъ стоялъ
 И говорилъ...

Прошло два года.

Насталъ святой, великій мигъ,
 Въ скрижаляхъ царства незабвенный,
 И до Сибири отдаленной
 Прощенья благовѣсть достигъ.
 Разверзлась роковая яма,
 Какъ птицы вольны вышли мы,
 И не сговариваясь, прямо
 Пришли гурьбою изъ тюрьмы
 Къ одной могилѣ одинокой.
 Стѣснилась грудь тоской жестокой
 И каждый небо вопрошалъ:
 „Зачѣмъ онъ жилъ, зачѣмъ страдалъ,
 Зачѣмъ свободы не дождался?“
 — *Чтобъ человекъ не баловался!* —
 Одинъ сказалъ — и присмирѣлъ.
 Переглянулись мы уныло,
 И тихій ангелъ пролетѣлъ.
 Лишь буря, не смолкая, выла
 И небо хмурилось. Земли
 Добывъ лопатой привычной,
 Мы помолчали — и пошли.
 И жизнь пошла чредой обычной!..
 Хотѣлось мнѣ увидѣть мать,
 Но что пришлось бы ей сказать?
 Кто подтолкнуть не устрашится
 Утесъ, готовый обвалиться,
 На плечи брата своего?
 Кто скажетъ ей: „ужъ нѣтъ его!
 Загородись двойною рамой,
 Напрасно горницъ не студи,
 Простись съ надеждою упрямой

И на дорогу не гляди!⁴
 Пусть лучше, глядя на дорогу,
 Отдасть съ надеждой душу Богу...
 Но люди звѣри: кто-нибудь
 Утесъ обрушить ей на грудь...

Кто зналъ его, забыть не можетъ,
 Тоска по немъ язвить и гложетъ,
 И часто мысль туда летить,
 Гдѣ гордый мученикъ зарытъ.
 Пустыня бѣлаа; — надъ гробомъ
 Неталый снѣгъ лежитъ сугробомъ,
 То солнце тусклое блеститъ,
 То туча черная виситъ,
 Встаютъ смерчи, ревутъ бураны,
 Сѣдые стелются туманы,
 Восходитъ день, ложится тьма,
 Вороны каркають — и злятся,
 Что до костей его добраться
 Мѣшастъ вѣчная зима.

Римъ.

*
*
*

Тяжелый годъ — сломилъ меня недугъ,
 Бѣда застигла, — счастье измѣнило, —
 И не падить меня ни врагъ, ни другъ,
 И даже ты не пощадила!
 Истерзана, озлоблена борьбой
 Съ своими кровными врагами,
 Страдалница! стоишь ты предо мной
 Прекраснымъ призракомъ съ безумными гла-
 зами!

Упали волосы до плечъ,
 Уста горятъ, румянцемъ рдѣютъ щеки,
 И необузданная рѣчь
 Сливается въ ужасные упреки,
 Жестокіе, неправые... Постой!
 Не я обрекъ твои младые годы
 На жизнь безъ счастья и свободы,
 Я другъ, я не губитель твой!

Но ты не слушаешь.

ТИШИНА.

1

Всѣ рожи кругомъ, какъ степь живая,
 Ни замковъ ни морей, ни горъ...

Спасибо, сторона родная,
 За твой врачующій просторъ!
 За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
 Подъ небомъ ярче твоего,
 Искаль я примиренья съ горемъ
 И не нашель я ничего!
 Я самъ не свой: хандрю, нѣмѣю,
 Не одолѣвъ мою судьбу,
 Я тамъ погнулся передъ нею,
 Но ты дохнула — и съумѣю,
 Быть можетъ, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропоть укорины
 За мною по пятамъ бѣжалъ,
 Не небесамъ чужой отчизны —
 Я пѣсни родинѣ слагалъ!
 И нынѣ жадно повѣряю
 Мечту любимую мою,
 И въ умиленіи посылаю
 Всему привѣтъ... Я узнаю
 Суровость рѣкъ, всегда готовыхъ
 Съ грозою выдержать войну,
 И ровный шумъ лѣсовъ 'сосновыхъ,
 И деревенекъ тишину,
 И нивъ широкіе размѣры...
 Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
 И дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
 Внезапно на душу пахнулъ.
 Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
 И шепчетъ голосъ неземной:
 Лови минуту умиленья,
 Войди съ открытой головой!
 Какъ ни тепло чужое море,
 Какъ ни красна чужая даль,
 Не ей поправить наше горе,
 Размыкать русскую печаль!
 Храмъ воздыханья, храмъ печали —
 Убогій храмъ земли твоей:
 Тяжеле стоновъ не слышали

Ни римскій Петръ, ни Колизей!
 Сюда народъ, тобой любимый,
 Своей тоски неодолимой
 Святое время приносилъ—
 И облегченный уходилъ!
 Войди! Христось наложить руки
 И снятьъ волею святой
 Съ души оковы, съ сердца муки
 И язвы съ совѣсти больной...

Я внялъ... я дѣтски умилился...
 И долго я рыдалъ и бился
 О плиты старья челомя,
 Чтобы простишь, чтобъ заступился,
 Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
 Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
 Богъ поколѣній предстоящихъ
 Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

2

Пора! За рожью колосистой
 Лѣса сплошные начались,
 И сосенъ аромать смолистый
 До насъ доходить... „Берегись!“
 Уступчивъ, добродушно смиренъ
 Мужиеъ торопится свернуть...
 Опять пустынно-тихъ и миренъ
 Ты, русскій путь, знакомый путь!
 Прибитая къ землѣ слезами
 Рекрутскихъ женъ и матерей,
 Пыль не стойтъ уже столбами
 Надъ бѣдной родиной моею.
 Опять ты сердцу посылаешь
 Успокоительные сны,
 И врядъ ли самъ припоминаешь,
 Каковъ ты былъ во дни войны,—
 Когда надъ Русью безмятежной
 Возсталъ немолчный скрипъ телѣжный,
 Печальный, какъ народный стонъ!
 Русь поднялась со всѣхъ сторонъ,
 Все, что имѣла, отдавала
 И на защиту высылала
 Со всѣхъ проселочныхъ путей

Своихъ покорныхъ сыновей.
 Войска водили офицеры,
 Гремѣлъ походный барабанъ,
 Скакали бѣшено курьеры;
 За караваномъ караванъ
 Тянулся къ мѣсту ярой битвы —
 Сводили хлѣбъ, сгоняли скотъ.
 Проклятыя, стоны и молитвы
 Носились въ воздухъ... Народъ
 Смотрѣлъ довольными глазами
 На фуры съ плѣнными врагами,
 Откуда рыжихъ англичанъ,
 Французовъ съ красными ногами
 И чалмоносныхъ мусульманъ
 Гладѣли сумрачныя лица...
 И все минуло... все молчить...
 Такъ мирныхъ лебедей станица,
 Внезапно спугнута, летить,
 И съ крикомъ обогнувъ равнину
 Пустынныхъ, молчаливыхъ водъ,
 Садится дружно на средину
 И осторожиѣ плыветь...

3

Свершилось! Мертвые отиѣты,
 Живые прекратили плачь,
 Окровавленные ланцеты
 Отчистилъ утомленный врачъ.
 Военный попъ, сложивъ ладони,
 Творить молитву небесамъ.
 И севастопольскіе кони
 Пасутся мирно... Слава вамъ!
 Вы были тамъ, гдѣ смерть летаетъ,
 Вы были въ сѣняхъ роковыхъ
 И, какъ вдовецъ жену мѣняетъ,
 Мѣняли всадниковъ лихихъ.
 Война молчить—и жертвъ не просить,
 Народъ, стекаясь къ алтарямъ,
 Хвалу усердную возносить
 Смирившимъ громы небесамъ.
 Народъ-герой! въ борьбѣ суровой
 Ты не шатнулся до конца,
 Свѣтлѣе твой вѣнецъ терновый
 Побѣдоноснаго вѣнца!

Молчить и онъ... какъ трупъ безглавый,
 Еще въ крови, еще дымась;
 Не небеса, ожесточась,
 Его снесли огнемъ и лавой:
 Твердыня, избранная славой,
 Земному грому поддалась!
 Три царства передъ ней стояло,
 Передъ одной... такихъ громовъ
 Еще и небо не метало
 Съ нерукотворныхъ облаковъ!
 Въ ней воздухъ кровью напоили,
 Изрѣштели каждый домъ,
 И, вмѣсто камня, намостили
 Ее свинцомъ и чугуномъ.
 Тамъ по чугунному помосту
 И море подъ стѣной течеть.
 Носили тамъ людей къ погосту,
 Какъ мертвыхъ пчель, теряя счетъ...
 Свершилось! Рухнула твердыня,
 Войска ушли... кругомъ пустыня,
 Могилы... Люди въ той странѣ
 Еще не вѣрятъ тишинѣ,
 Но тихо... Въ каменныя раны
 Заходятъ сизыя туманы,
 И черноморская волна
 Уныло въ берегъ славы плещеть...
 Надъ всею Русью тишина,
 Но—не предшественница сна:
 Ей солнце правды въ очи блещеть
 И думу думаетъ она.

4

А тройка все летить стрѣлой.
 Завидѣвъ мостъ полуживой,
 Ямщикъ бывалый, парень русскій,
 Въ оврагъ спускаетъ лошадей,
 И ѣдетъ по тропинкѣ узкой
 Подъ самый мостъ... оно вѣрнѣй!
 Лошадки рады: какъ въ подпольѣ,
 Прохладно тамъ... Ямщикъ свиститъ
 И выѣзжаетъ на приволье
 Луговъ... родной, любимый видъ!
 Тамъ зелень ярче изумруда,

Нѣжныя шелковыхъ ковровъ,
 И какъ серебряныя блюда,
 На ровной скатерти луговъ
 Стоять озѣра... Ночью темной
 Мы миновали лугъ поёмный,
 И вотъ ужъ ѣдемъ цѣлый день
 Между зелеными стѣнами
 Густыхъ березъ. Люблю ихъ тѣни
 И путь, усыпанный листьями!
 Здѣсь бѣгъ коня неслышно-тихъ,
 Легко въ ихъ сырости пріятной,
 И вѣть на душу отъ нихъ
 Какой-то глушью благодатной.
 Скорѣй туда—въ родную глушь!
 Тамъ можно жить, не обижая
 Ни божьихъ, ни ревизскихъ душъ,
 И трудъ любимый довершая.
 Тамъ стыдно будетъ унывать
 И предаваться грусти праздною,
 Гдѣ пахарь любитъ сокращать
 Напѣвомъ трудъ однообразный.
 Его ли горе не скребетъ?—
 Онъ бодръ, онъ за сохой шагаетъ,
 Безъ наслажденья онъ живетъ,
 Безъ сожалѣнья умираетъ.
 Его примѣромъ укрѣпись,
 Сломившійся подъ игомъ горя!
 За личнымъ счастьемъ не гонись
 И Богу уступай—не споря...

УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ.

1

Безпокойная ласковость взгляда
 И поддѣльная краска ланить,
 И убогая роскошь наряда —
 Все не въ пользу ея говорить.
 Но не лучше ли, прежде чѣмъ бросимъ
 Мы въ нее приговоръ роковой,
 Подзовемъ-ка ее да разспросимъ:
 „Какъ дошла ты до жизни такой?“

Не длинешь и не новъ разсказъ:
 Отець ея подъячій бѣдный
 Таскался писаремъ въ Приказъ,
 Имѣлъ порокъ дурной и вредный—
 Запоемъ пилъ—и былъ буйнъ,
 Когда домой являлся пьянъ.
 Предвидя роковую схватку,
 Жена малютку уведеть,
 Уложить нѣсколю въ кроватку
 И двери поплотнѣй припретъ.
 Но бѣдной дѣвочкѣ не спится!
 Ей чудится: отецъ бранится,
 Мать плачетъ. Саша на кровать,
 Рукою подпершись, садится,
 Стучить въ ней сердце... гдѣ тутъ спать?
 Раздвинувъ завѣсы цвѣтныя,
 Глядитъ на двери запертыя,
 Откуда слышится содомъ,
 Не шевелится и не дремлетъ.
 Какъ птичка въ бурю подъ кустомъ
 Сидить—и чутко бурѣ внемлетъ.

Но какъ ни буйнъ былъ отецъ,
 Угомонился наконецъ,
 И стало безъ него имъ хуже.
 Мать умерла въ тоскѣ по мужѣ,
 А дѣвочку взяла „Мадамъ“
 И въ магазинѣ поселила.
 Не очень много шили тамъ
 И не въ шитьѣ была тамъ сила...

.

2

„Впрочемъ, что-жь-мы? насъ могутъ замѣтить
 Рядомъ съ ней?!“ И отхлынули прочь...
 Нѣтъ! тебѣ состраданья не встрѣтить,
 Нищеты и несчастья дочь!
 Свѣтъ тебя предастъ поруганью
 И охотно прощаетъ другой,
 Что торгуешь собой по призванью,
 Безъ нужды, безъ борьбы роковой;
 Что, поднявшись съ позорнаго ложа,
 Разодѣнется, щеки припретъ

И летитъ, соблазнительно лёжа
 Въ щегольскомъ экипажѣ, въ народѣ—
 Въ эту улицу роскоши, моды,
 Офицеровъ, лоретокъ и баръ,
 Гдѣ съ полу-государства доходы
 Поглощаетъ заморскій товаръ.
 Говорятъ, въ этой улицѣ милой
 Все, что моднаго выдумалъ свѣтъ,
 Совмѣстилось волшебною силой,
 Ничего только русскаго нѣтъ—
 Развѣ Ванька проѣдетъ унылый.
 Днемъ и ночью на ней маскарадъ,
 Ей не даромъ гордится столица.
 На французскій, на англійскій ладъ
 Исковеркавъ не-русскія лица,
 Тамъ гуляютъ они, пустоты вѣковой
 И наслѣдственной праздности дѣти,
 Разодѣтой, довольной толпой...
 Ну, кому же разставишь ты сѣти?

Вышла ты изъ коляски своей
 И на лентѣ ведешь собачонку;
 Стая модныхъ и глупыхъ людей
 Провожаетъ тебя въ перегонку.
 У прекраснаго пола тоска,
 Чувство злобы и зависти тайной.
 Въ самомъ дѣлѣ, жена бѣдняка,
 Позавидуй! эффектъ чрезвычайный!
 Бриллианты, цвѣты, кружева,
 Доводящіе умъ до восторга,
 И на лбу роковыя слова:
 „Продается съ публичнаго торга!“
 Что, красавица, нагло глядишь?
 Чѣмъ гордишься? Вотъ вся твоя повѣсть:
 Ты ребенкомъ попала въ Парижъ,
 Потеряла невинность и совѣсть,
 Научилась бѣлиться и лгать
 И явилась въ наивное царство:
 Ты слыхала, легко обирать
 Наше будто богатое барство.

Да, не трудно! Но должно входить
 Въ этотъ избранный міръ съ аттестатомъ.
 Красотой насъ нельзя побѣдить,

Удивить невозможно развратомъ.
 Намъ извѣстность, намъ мода нужна.
 Ты красивѣй была и моложе,
 Но, увы! неизвѣстна, бѣдна
 И нуждалась сначала... О, Боже!
 Твой рассказъ о купцѣ разрывалъ
 Намъ сердца: по натурѣ бурлацкой,
 Онъ то ноги твои цѣловалъ,
 То хлесталъ тебя плетью казацкой.
 Но, по счастью, этотъ дикарь,
 Слабоватый умомъ и сердечкомъ,
 Принялся за французскій бубварь,
 Чтобъ съ тобой обмѣняться словечкомъ.
 Этимъ временемъ ты завела
 Рысаковъ, экипáжи, наряды,
 И прославилась—въ моду вошла!
 Мы знакомству скандальному рады.
 Что за дѣло, что вся до-чиста
 Предалась ты постыдной продажѣ,
 Что поддѣльна твоя красота,
 Какъ гербы на твоёмъ экипажѣ,
 Что глуха ты, жадна и пуста—
 Ничего! знатоки вашей націи
 Порѣшили разумнымъ судомъ,
 Что цинизмъ твой доходитъ до граци,
 Что геройство въ безстыдствѣ твоёмъ!
 Ты у Бога дѣтей не просила,
 Но ты женщина тоже была,
 Ты со скрежетомъ сына носила
 И съ проклятьемъ его родила:
 Онъ подросъ—ты его нарядила
 И на Невскій съ собой повезла.
 Ничего! Появленье малютки
 Не смутило души никому,
 Только вызвало милныя шутки,
 Давъ богатую пищу уму.
 Удивлялась вся гвардія наша
 (Да и было чему, не шута),
 Что ко всякому съ словомъ „папапа“
 Обращалось наивно дитя...
 И не кинулъ никто, негодуя,
 Комомъ грязи въ безстыдную мать!
 Чувствомъ матери нагло торгуя,
 Пуще стала она обирать.

Блѣдны, полны тушыхъ сожалѣній,
 Потерявшіе шикъ молодцы,—
 Вонъ по Невскому бродятъ, какъ тѣни,
 Разоренные ею глупцы!
 И примѣръ никому не наука,
 Разорить она сотни другихъ:
 Тупоуміе, праздность и скука
 За нее... Но умолкни мой стихъ!
 И погромче насъ были витіи,
 Да не сдѣлали пользы перомъ...
 Дураковъ не убавимъ въ Россіи,
 А на умныхъ тоску наведемъ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ У ПАРАДНАГО ПОДЪѢЗДА.

[Писано въ 1858 году].

Вотъ парадный подѣздъ. По торжествен-
 нымъ днямъ,
 Одержимый холопскимъ недугомъ,
 Цѣлый городъ съ какимъ-то испугомъ
 Подѣзжаетъ къ завѣтнымъ дверямъ;
 Записавъ свое имя и званье,
 Разъѣзжаются гости домой,
 Такъ глубоко довольны собой,
 Что подумашь—въ томъ ихъ призванье!
 А въ обычные дни этотъ пышный подѣздъ
 Осаждаютъ убогія лица:
 Прожектеры, искатели мѣстъ,
 И преклонный старикъ, и вдовица.
 Отъ него и къ нему то-и-знай по утрамъ
 Все курьеры съ бумагами скачутъ.
 Возвращаясь, иной напѣваетъ „трамъ-трамъ“,
 А иные просители плачутъ.
 Разъ я видѣлъ, сюда мужики подошли,
 Деревенскіе русскіе люди,
 Помолились на церковь и стали вдали,
 Свѣсивъ русыя головы къ груди;
 Показался швейцарь.— „Допусти“, говорятъ

Съ выраженьемъ надежды и муки.
 Онъ гостей оглядѣль: некрасивы на взглядъ!
 Загорѣлыя лица и руки,
 Армячишка худой на плечахъ,
 По котомкѣ на спинахъ согнутыхъ,
 Крестъ на шеѣ и кровь на ногахъ,
 Въ самодѣльные лапти обутыхъ
 (Знать брели-то долгоношко они
 Изъ какихъ-нибудь дальнихъ губерній).
 Кто-то крикнулъ швейцару: „гони!
 „Нашъ не любить оборванной черни!“
 И захлопнулась дверь. Постоявъ,
 Развязали кошли пилигримы,
 Но швейцаръ не пустилъ, скудной лепты не
 взявъ,

И пошли они, солнцемъ палимы,
 Повторяя: суди его Богъ!
 Развода безнадежно руками,
 И, покуда я видѣтъ ихъ могъ,
 Съ непокрытыми шли головами...

А владѣлецъ роскошныхъ палатъ
 Еще сномъ былъ глубокимъ объять...
 Ты, считающій жизнью завидною
 Упоение лестью безстыдною,
 Волокитство, обжорство, игру,
 Пробудись! Есть еще наслаждение:
 Вороти ихъ! въ тебѣ ихъ спасение!
 Но счастливые глухи къ добру...

Не страшать тебя громы небесные,
 А земные ты держишь въ рукахъ,
 И несутъ эти люди безвѣстные
 Неисходное горе въ сердцахъ.

Что тебѣ эта скорбь вопіющая,
 Что тебѣ этотъ бѣдный народъ?
 Вѣчнымъ праздникомъ быстро бѣгущая
 Жизнь очнуться тебѣ не даетъ.
 И къ чему? Щелкоперовъ забавою
 Ты народное благо зовешь;
 Безъ него проживешь ты со славою,
 И со славой умрешь!

Безмятежицѣй аркадской идилліи
 Закатятся преклонные дни:

Подъ плѣнительнымъ небомъ Сициліи,
 Въ благовонной древесной тѣни,
 Созерцая, какъ солнце пурпурное
 Погружается въ море лазурное,
 Полосами его золотыя, —
 Убаюканный ласковымъ пѣніемъ
 Средиземной волны, — какъ дитя
 Ты уснешь, окруженъ попечениемъ
 Дорогой и любимой семьи
 (Ждущей смерти твоей съ нетерпѣніемъ);
 Привезутъ къ намъ останки твои,
 Чтобъ почтить похоронною тризною,
 И сойдешь ты въ могилу... герой,
 Въ тихомолку проклятой отчизною,
 Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочемъ, что-жъ мы такую особу
 Безпокоюмъ для мелкихъ людей?
 Не на нихъ-ли намъ выместить злобу? —
 Безопаснѣй... Еще веселѣй
 Въ чемъ-нибудь пріискать утѣшенье...
 Не бѣда, что потерпѣть мужикъ:
 Такъ ведущее насъ Провидѣнье
 Указало... да онъ же привыкъ!
 За заставой, въ харчевнѣ убогой
 Все пропьютъ бѣдняки до рубля
 И пойдутъ, собираясь дорогой,
 И застонуть... Родная земля!
 Назови мнѣ такую обитель,
 Я такого угла не видалъ,
 Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
 Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?
 Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
 Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
 Въ рудникахъ, на желѣзной цѣпи;
 Стонетъ онъ педь овиномъ, подъ стогомъ,
 Подъ телѣгой, ночуя въ степи;
 Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
 Свѣту Божьяго солнца не радъ;
 Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ,
 У подвѣзда судовъ и палатъ.
 Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
 Надъ великою русской рѣкой?
 Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется —

То бурлаки идутъ бичевой!..
 Волга! Волга! Весной многоводной
 Ты не такъ заливаешь поля,
 Какъ великою скорбью народной
 Переполнилась наша земля —
 Гдѣ народъ, тамъ и стонъ... Эхъ, сердечный!
 Что же значить твой стонъ безконечный?
 Ты проснешься-ль, исполненный силъ,
 Иль, судьбъ повинувъ закону,
 Все, что могъ, ты уже совершилъ, —
 Создалъ пѣсню подобную стону
 И духовно на вѣки почилъ?...

ПѢСНЯ ЕРЕМУШКѢ.

Стой, ямщикъ! жара несносная,
 Дальше ѣхать не могу! —

Вишь пора-то сѣнокосная,
 Вся деревня на лугу.

У двора у постоялаго
 Только нянюшка сидитъ,
 Закачавъ ребенка малаго,
 И сама почти-что спитъ;

Черезъ силу тянетъ пѣсенку,
 Да, зѣвая, крестить ротъ.
 Сѣлъ я рядомъ съ ней на лѣсенку;
 Няня дремлетъ и поетъ:

„Ниже тоненькой былиночки
 Надо голову клонить,
 Чтобъ на свѣтѣ сиротиночкѣ
 Безпечально вѣкъ прожить.“

„Сила ломить и соломушку —
 Поклонись пониже ей,
 Чтобы старшіе Еремушку
 Въ люди вывели скорѣй.“

„Въ люди выдешь, все съ вельможами
 Будешь дружество водить,

Съ молодницами пригожими
 Шутки вольныя шутить.“

„И привольная, и праздная
 Жизнь покатится шутя...“

Эка пѣсня безобразная!
 — Няня! дай-ка мнѣ дитя!

„Нá, родной! да ты откуда?
 — Я проѣзжій, городской. —“

„Почахай; а я покудова
 „Подремлю... да пѣсню спой!“

— Какъ не спѣть! спю, родимая,
 Только, знаешь, не твою.

У меня своя, любимая...
 — „Баю-баюшки баю!“

— Въ пошлой лѣни усыпляющій
 Пошлыхъ жизни мудрецовъ,
 Будь онъ проклятъ растлѣвающимъ
 Пошлый опытъ—умъ глупцовъ!

— Въ насъ подъ кровлею отеческой
 Не запало ни одно
 Жизни чистой, человѣческой
 Плодотворное зерно.

— Будь счастливѣй! Силу новую
 Благородныхъ юныхъ дней
 Въ форму старую, готовую
 Необдуманно не лей!

— Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ
 Душу вольную отдай,
 Человѣческимъ стремлѣніямъ
 Въ ней проснись не мѣшай.

— Съ ними ты рожденъ природою—
 Возлелѣй ихъ, сохрани!
 Братствомъ, Истиной, Свободою
 Называются они.

— Возлюби ихъ! на служеніе
 Имъ отдайся до конца!
 Нѣтъ прекраснѣй назначенія,
 Лучезарнѣй нѣтъ вѣнца.

— Будешь рѣдкое явленіе,
Чудо родины своей;
Не холопское терпѣніе
Принесешь ты въ жертву ей:

— Необузданную, дикую
Къ лютой подлости вражду
И довѣренность великую
Къ безкорыстному труду.

— Съ этой ненавистью правою,
Съ этой вѣрою святой,
Надъ неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

— И тогда-то... " Вдругъ проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

"Покормись, родимый, грудкою!
"Сытъ?... Ну, баюшки-баю!"
И зашѣла надъ малюткою
Снова пѣсенку свою...

* * *

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война,
А тамъ, во глубинѣ Россіи —
Тамъ вѣковая тишина.
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ ивъ,
И выгибаются дугою,
Цѣлуясь съ матерью-землею,
Колосья безконечныхъ нивь...

* * *

[Отрывокъ.]

Ночь. Успѣли мы всѣмъ насладиться.
Что-жъ намъ дѣлать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаемъ чего пожелать.

Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпитъ, во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропшутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятія о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи...

О ПОГОДѢ.

УЛИЧНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Что за славная столица
Развеселый Петербургъ!
Лакейская пѣсня.

I.

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА.

Слава Богу, стрѣлять перестали!
Ни минуты мы нынче не спали,
И едва ли кто въ городѣ спалъ:
Ночью пушечный громъ грохоталъ,
Не до сна! Вся столица молилась,
Чтобъ Нева въ берега воротилась,
И минула большая бѣда —
По-немногу сбываетъ вода.
Начинается день безобразный —
Мутный, вѣтранный, темный и грязный.

Ахъ, еще бы на мѣръ намъ съ улыбкой
 смотрѣть!
 Мы глядимъ на него черезъ тусклую сѣть,
 Что какъ слезы струится по окнамъ домовъ
 Отъ тумановъ сырыхъ, отъ дождей и снѣ-
 говъ!

Злость беретъ, сокрушаетъ хандра,
 Такъ и просятся слезы изъ глазъ.
 Нѣтъ! Я лучше уйду со двора...
 Я ушелъ—и наткнулся какъ разъ
 На тяжелую сцену. Везли на погостъ
 Чей-то вохрой окрашенный гробъ,
 Черезъ длинный Исакіевъ мостъ.
 Передъ гробомъ не шли ни родные, ни пошъ,
 Не лежала на немъ золотая парча,
 Только, въ крышу досчатого гроба стуча,
 Прыгаль градъ, да извозчикъ-палачъ
 Билъ кургузымъ кнутомъ спотыкавшихся
 клячь,
 И вдоль спинъ побѣлѣвшихъ удары кнута
 Полосами ложились. Съѣзжая съ моста,
 Зацѣпила за дроги коляска, стремглавъ
 Съ офицеромъ, кричавшимъ: пошелъ! про-
 скакавъ.
 Гробъ упалъ и раскрылся.

„Сердечный ты мой!

Натерѣлся ты горя живой,
 Да пришлось терпѣть и по смерти...
 То случился проклятый пожаръ,
 То теперь наскакали вдругъ—черти!
 Вотъ ужъ подлинно бѣдный Макаръ!
 Домъ-то, гдѣ его тѣло стояло,
 Загорѣлся,—забыли о немъ,—
 Я схватилась: побились не мало,
 Да спасли-таки гробъ цѣликомъ,
 Такъ опять неудача сегодня!
 Видно участь его такова...
 Расходилась рука-то Господня,
 Не удержишь!..“

Такія слова

Говорила бездушно и звонко,

Подбѣжавъ къ мертвецу впопыхахъ,
 Провожавшая гробъ старушонка,
 Въ кацавейкѣ, въ мужскихъ сапогахъ.
 — Вишь, проклятые! Ъхать имъ тѣсно!
 „Кто онъ былъ?“ Я старуху спросилъ.
 — Кто онъ былъ? да чиновникъ, извѣстно;
 Въ департаментахъ разныхъ служилъ.
 Петербургъ ему солонъ достался:
 Въ наводненье жену потерялъ.
 Цѣлый вѣкъ по квартирамъ таскался
 И четырнадцать разъ погоралъ.
 А ужъ службой себя какъ неволилъ!
 Въ будни сиднемъ сидѣлъ да писалъ,
 А по праздникамъ ноги мозолилъ—
 Все начальство свое поздравлялъ.
 Вотъ и кончилось тѣмъ—простудился!
 Звалъ изъ Шуи родную сестру,
 Да деньжонокъ послать поспешилъ.
 „Таеъ одинъ, говорить, и умру,
 „Не дождусь... кто меня похоронитъ?
 „Хоть ужъ ты не оставь, помоги!“
 Страхъ, бывало, возьметъ, какъ застонетъ!
 Подари—говорю сапоги,
 А то вишь разошелся дождище!
 Неравно въ самомъ дѣлѣ умрешь,
 Въ чемъ пойду проводить на кладбище?
 Закивалъ головой... „Ну, и что-жь?“
 — Ну, и умеръ—и больше ни слова:
 Надо мѣста искать у другого!
 „И тебѣ его будто не жаль?“
 — Что жалѣть! намъ жалѣть не досужно,
 Что жалѣть? хоронить теперь нужно.
 Эка, батюшки, страшная даль!
 Эко времечко?.. Господи Боже!
 Какъ ни дорого бѣдному житьъ,
 Умирать еще вдвое дороже:
 На кладбищѣ-то мѣсто купитьъ,
 Да попу, да на гробъ, да на свѣчи...—

Говоря эти грустныя рѣчи,

До кладбища мы скоро дошли

И покойника въ церковь внесли.

Много ихъ тамъ гуртомъ отпѣвалосьъ,

Было тѣсно—и трудно дышалось.

Я ушелъ по кладбищу гулять;
Тамъ одной незамѣтной могилы,
Гдѣ уснули великія силы,
Мнѣ хотѣлось давно поискать.

Сдѣлавъ даромъ три добрые круга,
Я у сторожа вздумалъ спросить.
Ими, званье, всѣ признаки друга
Онъ заставилъ пять разъ повторить,
И сказалъ: „нѣтъ, такого не знаю:
А, пожалуй, примѣту скажу,
Какъ искать: ты ищи его съ краю,
Перешедши вонъ эту межу,
И смотри: гдѣ кресты — тамъ мѣщане,
Офицеры, простые дворяне;
Надъ чиновникомъ больше плита,
Подъ плитой же бываетъ учитель.
А гдѣ нѣтъ ни плиты, ни креста,
Тамъ должно быть и есть сочинитель“.

За совѣтъ я спасибо сказалъ,
Но могилы въ тотъ день не искалъ.
Я старуху знакомую встрѣтилъ
И покойника съ ней хоронилъ.
День, по прежнему, гниль и не свѣтелъ,
Вмѣсто града дождемъ насъ мочилъ.
Средь могилъ, по мосткамъ деревяннымъ,
Довелось намъ долгонько шагать.
Впереди, подъ навѣсомъ туманнымъ,
Открывалась болотная гладь:
Ни жилья, ни травы, ни кусточка,
Все мертво—только вѣтеръ свистить.
Вонъ виднѣется черная точка:
Это сторожъ. „Скорѣ!“ кричить.
По танцующимъ жердочкамъ, прямо
Мы направились съ гробомъ туда,
Наконецъ, вотъ и свѣжая яма
И ужъ въ ней по колѣно вода!
Въ эту воду мы гробъ опустили,
Жидкой грязью его завалили —
И конецъ! Старушонка опять
Не могла пересилить досады:
Ну, дождался, сердечный, отрады!
„Что-бъ ужъ, кажется, съ мертваго взять?
„Да Господь, вакъ захочетъ обидѣть,

„Такъ обидитъ: вчера погораль,
„А сегодня, изволите видѣть,
„Изъ огня прямо въ воду попалъ!“
Я взглянулъ на нее — и замѣтилъ,
Что старухѣ-то жаль бѣдняка:
Бровь одну поводило слегка...
Я нѣмымъ ей поклономъ отвѣтилъ
И ушелъ... Я доволенъ собой,
Я не даромъ на улицу вышелъ:
Я хандру разогналъ—и смѣшной
Каламбуръ на кладбищѣ услышалъ,
Подготовленный жизнью самой...

II.

ДО СУМЕРЕКЪ.

1

Вѣтеръ что-то удушливъ не въ мѣру,
Въ немъ злобѣщая нота звучитъ
Все холеру — холеру — холеру —
Тифъ и всякую немочь сулитъ!
Всѣ больны, торжествуетъ аптека
И варить свои зелья гуртомъ;
Въ цѣломъ городѣ нѣтъ человѣка,
Въ комъ бы желчь не кипѣла ключомъ;
Мужъ супругою страстно любимой
Въ этотъ день не понравится ей,
И преступникъ сегодня судимый
Вдвое больше получить плетей.
Всюду встрѣтишь жестокою сцену, —
Полицейскій не въ мѣру сердитъ,
Тесакомъ, какъ въ гранитную стѣну,
Въ спину бѣднаго Ваньки сгучитъ.
Чу! визгливые стоны собаки!
Вотъ сильнѣй,—видно треснули вновь...
Стали грѣться — догрѣлись до драки
Два калашника... хохоть — и кровь!

2

Подъ жестокой рукой человѣка,
Чуть жива, безобразно тоща
Надрывается лошадь-калѣка,

Непосильную пошу влача.
 Вотъ она зашаталась и стала.
 „Ну!“ погонщикъ полбно схватилъ,
 (Показалось кнута ему мало) —
 И ужъ билъ ее, билъ ее, билъ!
 Ноги какъ-то разставивъ широко,
 Вся дымясь, осѣдая назадъ,
 Лошадь только вздыхала глубоко
 И глядѣла... (такъ люди глядятъ,
 Покоряясь неправимъ нападкамъ).
 Онъ опять: по спинѣ, по бокамъ,
 И впередъ забѣжавъ, по лопаткамъ
 И по плачущимъ, кроткимъ глазамъ!
 Все напрасно. Клячонка стояла,
 Полосатая вся отъ кнута,

Лишь на каждый ударъ отвѣчала
 Равномѣрнымъ движеніемъ хвоста.
 Это праздныхъ прохожихъ смѣшило,
 Каждый вставилъ словечко свое,
 Я сердился--и думалъ уныло:
 „Не вступиться ли мнѣ за нее?
 „Въ наше время сочувствовать мода,
 „Мы помочь бы тебѣ и не прочь,
 „Безотвѣтная жертва народа —
 „Да себѣ не умѣемъ помочь!“
 А погонщикъ не даромъ трудился —
 Накопецъ-таки толку добился!
 Но послѣдняя сцена была
 Возмутительнѣй первой для взора:
 Лошадь вдругъ напряглась — и пошла
 Какъ-то бокомъ, нервически скоро,
 И погонщикъ при каждомъ прыжкѣ,
 Въ благодарность за эти усилья,
 Поддавалъ ей ударами крылья,
 И самъ рядомъ бѣжалъ налегкѣ.

3

Я горячимъ рожденъ патриотомъ,
 Я весьма терпѣливо стою,
 Если войско несмѣтное счетомъ
 Переходить дорогу мою.
 Ускользнуть ли часы изъ кармана,
 До костей ли прохватить морозъ
 Подъ воинственный громъ барабана,

Не жалю: я истинный Россъ;
 Жаль, что нынче погода дурная,
 Солнца нѣтъ, кивера не блестятъ
 И не лоснится масть вороная
 Лошадей... Только сабли звенятъ;
 На солдатахъ едва-ли что сухо,
 Съ лицъ бѣгутъ дождевыя струи,
 Артиллерія тяжело и глухо
 Подвигаетъ орудья свои.
 Все молчитъ. Въ этой рамѣ туманной
 Лица воиновъ жалки на видъ
 И подмоченный звукъ барабанный
 Словно издали жидко гремитъ...

4

Прибываетъ толпа ожидающихъ,
 Сколькo дрожекъ, колясокъ, каретъ!
 Пѣшихъ, ѣдущихъ, праздно-зѣвающихъ
 Счету нѣтъ!

Тутъ кварталный съ захваченнымъ пьяни-
 цей,

Какъ Ѳедотовъ его срисоваль;
 Тутъ старуха съ аптечною склянницей,
 Тутъ жандармскій сѣдой генераль;
 Тутъ и дама такая сердитая —
 Открывай ей немедленно путь!
 Тутъ и лошадь, недавно побитая:
 Богъ привелъ и ее отдохнуть!
 Смотритъ прямо въ окошко каретное,
 На стеклѣ надышала пятно.
 Вотъ лицо, молодое, привѣтное,
 Вотъ и ручка, — раскрылось окно —
 И погладила клячу несчастную
 Ручка бѣлая... дождь зачастилъ,
 Словно спрятаться ручку прекрасную
 Поскорѣй торопиль.

Тутъ бѣднякъ итальянецъ съ фигурами,
 Тутъ чухна, продающій грибы,
 Тутъ разсылный Минай съ корректурами.
 — Чтò, старинушка, много ходьбы? —
 „Много было до сорокъ-девятаго;
 „Отдохнули потомъ... да опять
 „Съ пятьдесятъ этакъ прорвало съ пятаго,
 „Успѣвай только ноги таскать!“

— А какія ты носишь изданія? —
 „Пропасть ихъ—перечестъ мудрено.
 „Я Записки носилъ съ основанія,
 „Съ Современникомъ нянчусь давно:
 „То носилъ къ Александру Сергѣичу,
 „А теперь ужъ тринадцатый годъ
 „Все ношу къ Николай Алексѣичу, —
 „На Литейпой живеть.
 „Слогъ хорошъ, а жиденько изданіе,
 „Такъ, оберточкой больше берутъ.
 „Вотъ Записки—одно ужъ названіе!
 „Но и эти, случается, врутъ.
 „Все зарѣзать другъ дружку стараются,
 „Впрочемъ, насъ же надуть нарываютъ:
 „Въ мѣсяцъ тридцать листовъ общаются,
 „А разсылный таскай шестьдесятъ!
 „Знай ходи—то въ Коломну, то къ Невскому,
 „Даже Фрейгангъ устанеть марать:
 —Объяви, говорить, ты Краевскому,
 Что я больше не стану читать!..
 „Вотъ и нынче несу что-то спѣшное —
 „Да пускай подождутъ, не впервой.
 „Эхъ, умалось тѣло-то грѣшное!..“
 — Да, пора бы тебѣ на покой. —
 „То-то нѣтъ! говорили мнѣ многіе,
 „Даже докторъ (въ тридцатомъ году
 „Я носилъ къ нему Курсъ Патологіи):
 „Жить тебѣ, пока ты на ходу!
 „И вѣдь точно: сильнѣй нездоровится,
 „Коли въ праздникъ ходьба остановится:
 „Ноетъ спинушка, жилы ведетъ!
 „Я хожу ужъ полъ-вѣка безъ малаго,
 „Человѣка такого усталого
 „Не держи—пусть идетъ!
 „Умереть бы привелъ Богъ со славою,
 „Отдохнуть отдохнемъ, потрудясь...“
 Принялъ позу старикъ величавую,
 На Исакія смотреть, крестясь.
 Мнѣ понравилась рѣчь эта странная.
 —Трудно дѣло твое! я сказалъ —
 „Дѣла нѣтъ, а ходьба безпрестанная,
 „За то городъ я славно узналъ!
 „Знаю, сколько въ немъ храмовъ считается,
 „Въ каждой улицѣ сколько домовъ,

„Сколько вывѣсокъ, сколько шаговъ
 „(Такъ идешь да считаешь, случается).
 „Грѣшенъ, знаю число кабаковъ.
 „Что ни есть въ этомъ городѣ жителей,
 „Всѣхъ по времени вызналъ съ лица“.
 — Ну, а много видалъ сочинителей? —
 „День считай—не дойдешь до конца,
 „Чай, и счетъ потерялъ въ литераторахъ!
 „Коикихъ помню—пожалуй скажу.
 „При царицѣ, при трехъ императорахъ
 „Къ нимъ ходилъ... при четвертомъ хожу:
 „Зналъ Булгарина, Греча, Сенковского,
 „У Воейкова долго служилъ,
 „Въ Шепелевскомъ *) сыпаль у Жуковского
 „И у Пушкина въ Царскомъ гостилъ.
 „Походилъ я къ Василью Андреичу,
 „Да гроша отъ него не видалъ,
 „Не чета Александру Сергѣичу—
 „Тотъ частенько на водку давалъ.
 „Да за то попрекалъ все цензурою:
 „Если красные встрѣтитъ кресты,
 „Такъ и пуститъ въ тебя корректурую:
 „Убирайся, моль, ты!
 „Глядя, какъ человѣкъ убивается,
 „Разъ я молвилъ: сойдегъ-де и такъ!
 — „Это кровь, говорить, проливается, —
 „Кровь моя—ты дуракъ!..“

5

Полно ждать! за послѣдней колонною
 Отсталые прошли,
 И покрытаго красной попоною
 Въ заключенье коня провели.
 Торжествуя конецъ ожиданія,
 Кучера завопили „пади!“
 Все спѣшить.—Ну, старикъ, до свиданія,
 Коли нужно идти, такъ иди!!!

*) Дворецъ, гдѣ долго жилъ Жуковский.

6

И, продрогнувъ, домой побѣжалъ.
 Небо, видно, сегодня не скалится:
 Только дождь пересталъ,
 Снѣгъ лешками крупными валится!
 Городъ началъ пустѣть — и пора!
 Только бѣдный да пьяный шатаются,
 Да близъ мѣдной статуи Петра,
 У присутственныхъ мѣсть дожидаются
 Сотни сотенъ крестьянскихъ дровней,
 И такъ щедро съ небесъ посыпаются,
 Что за снѣгомъ не видно людей.
 Чу! рыданіе бабъ истеричное!
 Сдали парня?... Жалѣи не жалѣи,
 Перемелется — дѣло привычное!
 Злость-тоску мужики на лошадакахъ сорвутъ,
 Коли денежки есть — раскошелются
 И кручинушку штофомъ запьютъ,
 А слезами-то бабы подѣлятся!
 По ведерочку слезъ на сестрѣнокъ уйдетъ,
 Спол-ведра молодухѣ достанется,
 А старуха-то мать и безъ мѣры возьметъ —
 И безъ мѣры возьметъ — что останется!

III

СУМЕРКИ.

Говорятъ, еще день. Правда, я не видалъ,
 Чтобы мѣсяцъ свой рогъ золотой показалъ,
 Но и солнца не видѣлъ никто.
 Безъ его даровыхъ, благодатныхъ лучей
 Золоченые куполы пышныхъ церквей
 И вся роскошь столицы — ничто,
 Надо всѣмъ, что ни есть: надъ дворцомъ и
 тюрмой,
 И надъ мѣднымъ Петромъ, и надъ грозной
 Невой,
 До чугунныхъ коней на воротахъ заставъ
 (Что хотятъ ускакать изъ столицы стрем-
 главъ) —
 Надо всѣмъ распростерся туманъ.

Душный, стройный, угрюмый, гнилой,
 Не красивъ въ эту пору нашъ городъ боль-
 шой,
 Какъ изношенный фатъ безъ румянъ...

Наша улица — улицъ столичныхъ краса,
 Въ ней дома все въ четыре этажа;
 Не лазурны надъ ней небеса,
 Да за то процвѣтаетъ продажа.
 Сверху до низу вывѣски сплошь
 Покрываютъ громадные стѣны,
 Сколько хочешь тутъ нѣмцевъ найдешь —
 Изъ Берлина, изъ Риги, изъ Вѣны.
 Все соблазны, помилуй насъ Богъ!
 Тамъ перчатка съ руки великана,
 Тамъ торчитъ Веллингтоновъ сапогъ,
 Тамъ съ открытою грудью Діана,
 Даже ты, Варсонофій Петровъ,
 Подлѣ вывѣски „дѣлаютъ гробы“
 Прицѣпилъ полулонныя скобы
 И другіе снаряды гробовъ,
 Словно хочешь сказать: „другъ-прохожій!
 Соблазнись — и умри поскорѣй!“
 Человѣкъ ты, я знаю, хорошій,
 Да многолько родилъ ты дѣтей —
 Непрестанные нужны заказы...
 Ничего! обезпеченъ твой трудъ,
 Бѣдность гибельнѣй всякой заразы —
 Въ нашей улицѣ люди такъ мрутъ,
 Что по ней, то и знай, на кладбища,
 Какъ въ холеру, тапчаты мертвецовъ:
 Холодъ, голодъ, сырыя жилища —
 Не робѣй, Варсонофій Петровъ!....
 Въ нашей улицѣ жизнь трудовая:
 Начинаютъ, ни свѣтъ, ни заря,
 Свой ужасный концертъ, припѣвая,
 Токари, рѣштики, слесаря,
 А въ отвѣтъ имъ гремитъ мостовая!
 Дикій крикъ продавца-мужика,
 И шарманка съ провинительнымъ воемъ,
 И кондукторъ съ трубой, и войска,
 Съ барабаннымъ идущія боемъ,
 Понуканье измученныхъ клячь,
 Чуть живыхъ, окровавленныхъ, грязныхъ,

И дѣтей раздирающій плачь
 На рукахъ у старухъ безобразныхъ:
 Все сливается, стонетъ, гудѣтъ,
 Какъ-то глухо и грозно рокочетъ,
 Словно цѣпи куютъ на несчастный народъ,
 Словно городъ обрушиться хочетъ.
 Давка, говоръ... (о чемъ голоса?
 Все о деньгахъ, о нуждѣ, о хлѣбѣ).
 Смрадь и копотъ. Глядишь въ небеса,
 Но отрады не встрѣтишь и въ небѣ.

Этотъ омутъ хорошъ для людей,
 Разставляющихъ ближнему сѣти,
 Но не жалко ли бѣдныхъ дѣтей!
 Вы зачѣмъ тутъ, несчастныя дѣти?
 Неужели душѣ молодой
 Ужъ знакомы нужда и неволя?
 Ахъ, уйдите, уйдите со мной
 Въ тишину деревенскаго поля!
 Не такой тамъ услышите шумъ,
 Тамъ шумить созрѣвающій колось,
 Усыпая младенческій умъ
 И страстей преждевременный голосъ.
 Солнце, воздухъ, цвѣтговъ ароматъ—
 Это всѣхъ поколѣний наслѣдство;
 За предѣлами душныхъ оградъ
 Проведете вы сладкое дѣтство.
 Нѣтъ; вамъ краснаго дѣтства не знать,
 Не прожить вамъ покойно и честно.
 Жребій вашъ... но къ чему повторять
 То, что даже ребенку извѣстно?

На спинѣ ли дрова ты несешь на чердакъ,
 Черезъ лобъ протянувши веревку,
 Грошь ли просишь, идешь ли въ кабакъ,
 Задаютъ ли тебѣ потасовку—
 Ты знакомъ уже намъ, петербургскій бѣд-

някъ,

Нарисованный ловкою кистью
 Въ модной книгѣ—угрюмый, худой,
 Обезмысленный дикой корыстью,
 Страхомъ, голодомъ, мелкой борьбой.
 Мы довольно похвалъ расточали
 И довольно сплели мы вѣнковъ
 Тѣмъ, которые намъ рисовали

Любопытную жизнь бѣдняковъ.
 Гдѣ-жъ плоды той работы полезной?
 Увидавъ, какъ читатель иной
 Льетъ надъ книгою слезы рѣкой,
 Такъ и хочешь сказать: „другъ любезный,
 Не сочувствуй ты горю людей,
 Не читай ты гуманныхъ книжонокъ,
 Но не ставь за каретой гвоздей,
 Чтобъ, вскочивъ, накололся ребенокъ!“

*
 **

. одинокій, потерянный,
 Я какъ въ пустынѣ стою,
 Гордо не кличетъ мой голосъ увѣренный
 Душу родную мою.

Нѣтъ ея въ мирѣ. Тѣ дни миновалися,
 Какъ на призывы мои
 Чуткіе сердцемъ друзья отзывались,
 Слышалось слово любви.

Кто виноватъ—у судьбы не допросишься,
 Да и не все ли равно?
 У моря бродишь,—„не вѣрю, не бросишься!“
 Вкрадчиво шепчетъ оно:

„Гдѣ тебѣ? Дружбы, любви и участія
 „Ты еще жаждешь и ждешь.
 „Гдѣ тебѣ, гдѣ тебѣ!—ты не безъ счастья,
 „Ты не безъ ласки живешь...

„Видишь, разсѣялась туча туманная,
 „Звѣздочки вышли, горятъ!
 „Всѣ на тебя, голова безталанная,
 „Ласковымъ взоромъ глядятъ“.

*
* *

Чтò ты, сердце мое, расходилося?..
 Постыдись! Ужь про насъ не впервой
 Снѣжныиъ комомъ прошла — прокатилася
 Клевета по Руси по родной.
 Не тужи! пусть растетъ, прибавляется,
 Не тужи! какъ умремъ,
 Кто-нибудь и объ насъ проболтается
 Добрымъ словцомъ.

ДЕМОНУ.

Дѣ ты мой старый мучитель,
 Демонъ безсонныхъ ночей!
 Сбился я съ толку, учитель,
 Съ братьей болтливой моей.

Дуешь, бывало, на пламя —
 Пламя пылаетъ сильнѣй,
 Краше волнуется знамя
 Юности гордой моей.

Прямо ли, криво ли вижу,
 Только душою киплю:
 Такъ глубоко ненавижу,
 Такъ безкорыстно люблю!

Нынѣче, я все понимаю,
 Все объяснить я хочу,
 Все такъ охотно прощаю,
 Лишь не охотно молчу.

Чтò же со мною случилось?
 Какъ разгадаю себя?
 Все бы тотчасъ объяснилось,
 Да не докличусь тебя!

Способа ты не находишь
 Сладить съ упрямой душой?
 Иль потому не приходишь,
 Что ужъ доволенъ ты мной?

ЗНАХАРКА.

Знахарка въ нашемъ живетъ околоткѣ:
 На воду шепчетъ, на гуцѣ, на водкѣ

Да на какихъ-то гадаеть травахъ.
 Просто наводитъ, проклятая, страхъ!

Радостей мало—пророчить все горе;
 Вздумалъ бы плакать—наплакалъ бы море,

Да—Господь милостивъ! русскій народъ
 Плакать не любить, а больше поётъ.

Молвила вѣдьма горластому парню:
 „Эй! угодишь ты на барскую царню!“

И—поглядятъ—черезъ мѣсяць всего
 По лѣсу парень ореть „го-го-го!“

Дядѣ Степану сказала: „Кичинься
 „Больно ты сивкой, а сивки лишишься,

„Либо твоей головѣ пропадать!“
 Стали Степана рекрутствомъ пугать:

Вывелъ коня на базаръ—откупился!
 Весь околотокъ колдунѣ дивился.

„Семка! и я понавѣдаюсь къ ней!“
 Думаетъ старій мужикъ Пантелей:

„Чтò ни предскажетъ кому: разоренье,
 „Убыль въ семействѣ, глядишь—исполненье!

„Чортъ у ней, что ли, въ дрожжахъ-то си-
 дить?..“

Вотъ и пришелъ Пантелей—и стоитъ,

Ждетъ: у колдуньи была ужъ дѣвица,
 Любо взглянуть—молода, полнолица.

Рядомъ съ ней парень—дворовый, кажись.
 Знахарка дѣвкѣ: „Ты съ нимъ не вайжись!“

„Будеть твоя особливая доля:
 „Малыя слезы—и вѣчная воля!“

Дрогнулъ дворовый, а вѣдьма ему:
 „Счастью не быть, молодецъ, твоему.
 „Все говорить?“ — Говори! — „Ты зимою
 „Много потерпишь, дойдешь до запою,
 „Будешь небритый валяться въ избѣ,
 „Чортики прыгать учнутъ по тебѣ,
 „Станутъ глумиться, тянутъ въ преисподню;
 „Ты въ пузыречекъ наловишь ихъ сотню,
 „Станешь его заткать...“ Пантелей
 Шапку въ охалку—и вонъ изъ дверей.
 „Что же, старикъ? Погоди—погадаю!“
 Вѣдьма ему. Пантелей: — „Не желаю!
 — „Что намъ гадать? Малолѣтковъ морочь,
 — „Я погожу пока, чортова дочь!
 — „Ты намъ тогда предскажи нашу долю,
 — „Какъ отъ господъ отойдемъ мы на волю!“

НА ВОЛГѢ.

[Дѣтство Валежникова].

1

Не торопись, мой вѣрный пѣсь!
 Зачѣмъ на грудь ко мнѣ скакать?
 Еще успѣемъ мы стрѣлять.
 Ты удивленъ, что я приросъ
 На Волгѣ: цѣлый часъ стою
 Недвижно, хмурюсь и молчу.
 Я вспомнилъ молодость мою
 И весь отдаться ей хочу
 Здѣсь на свободѣ. Я похожъ
 На нищаго: вотъ бѣдный домъ,
 Тутъ, можетъ, подали бы грошъ;

Но вотъ другой—богаче: въ немъ
 Авось побольше подадутъ.
 И пицій мимо; между тѣмъ
 Въ богатомъ домѣ дворникъ-плутъ
 Не надѣлилъ его ничѣмъ.
 Вотъ домъ еще пышнѣй, но тамъ
 Чуть не прогнали по шеямъ!
 И, какъ нарочно, все село
 Прощель—нигдѣ не повезло!
 Пуста, хоть выверни суму.
 Тогда вернулся онъ назадъ
 Къ убогой хижинѣ—и радъ,
 Что корку бросили ему;
 Бѣднякъ ее, какъ робкій пѣсь,
 Подальше отъ людей унесъ
 И гложетъ... Рано пренебрегъ
 Я тѣмъ, что было подъ рукой,
 И чуть не дѣтскою ногой
 Ступилъ за отческій порогъ.
 Меня старались удержать
 Мои друзья, молила мать,
 Мнѣ лепеталъ любимый лѣсъ:
 Вѣрь, нѣтъ милѣй родныхъ небесъ!
 Нигдѣ не дышется вольнѣй
 Родныхъ луговъ, родныхъ полей,
 И той же пѣсенкою полнъ
 Былъ говоръ этихъ милыхъ волнъ.
 Но я не вѣрилъ ничему.
 Нѣтъ,—говорилъ я жизни той:
 Ничѣмъ не купленный покой
 Противенъ сердцу моему...
 Быть можетъ, неостало силъ,
 Или мой трудъ не нуженъ былъ,
 Но жизнь напрасно я убилъ,
 И то, о чемъ дерзалъ мечтать,
 Теперь мнѣ стыдно вспоминать!
 Всѣ силы сердца моего
 Истративъ въ медленной борьбѣ,
 Не допросившись ничего
 Отъ жизни ближнимъ и себѣ,
 Стучусь я робко у дверей
 Убогой юности моей:
 — О, юность бѣдная моя!
 Прости меня, смирился я!

Не помяни мнѣ дерзкихъ грезъ,
 Съ какими, бросивъ край родной,
 Я издѣвался надъ тобой!
 Не помяни мнѣ глухихъ слезъ,
 Какими плакалъ я не разъ,
 Твоимъ покоемъ тяготясь!
 Но благодушно что-нибудь,
 На чемъ бы сердцемъ отдохнуть
 Я могъ, пошли мнѣ! Я усталъ,
 Въ себя я вѣру потерялъ,
 И только память дѣтскихъ дней
 Не тяготить души моей...

2

Я росъ, какъ многіе, въ глуши,
 У береговъ большой рѣки,
 Гдѣ лишь кричали кулики,
 Шумѣли глухо камыши,
 Рядами стаи бѣлыхъ птицъ,
 Какъ изваянія гробницъ,
 Сидѣли важно на пескѣ;
 Виднѣлись горы вдаль,
 И синій безконечный лѣсъ
 Скрывалъ ту сторону небесъ,
 Куда, дневной окончивъ путь,
 Уходитъ солнце отдохнуть.

Я страха съ молоду не зналъ,
 Считалъ я братьями людей,
 И даже скоро пересталъ
 Бояться лѣшихъ и чертей.
 Однажды няня говоритъ:
 „Не бѣгай ночью—полкъ сидитъ
 За нашей ригой, а въ саду
 Гуляютъ черти на пруду!“
 И въ ту же ночь пошелъ я въ садъ.
 Не то, чтобъ я чертямъ былъ радъ,
 А такъ—хотѣлось видѣть ихъ.

Иду. Ночная тишина
 Какой-то зоркостью полна,
 Какъ будто съ умысломъ притихъ
 Весь божій міръ—и наблюдалъ,
 Чтѣ дерзкій мальчикъ затѣвалъ!
 И какъ-то не шагало мнѣ

Въ всезрящей этой тишинѣ.
 Не воротиться ли домой?
 А то какъ черти нападутъ
 И потащатъ съ собою въ прудъ,
 И жить заставятъ подъ водой?
 Однако, я не шель назадъ.
 Играетъ мѣсяцъ надъ прудомъ
 И отражается на немъ
 Береговыхъ деревьевъ рядъ.
 Я постоялъ на берегу,
 Послушалъ—черти ни гу-гу!
 Я прудъ три раза обошелъ,
 Но чортъ не выплылъ, не пришелъ!
 Смотрѣлъ я межъ вѣтвей деревъ
 И межъ широкихъ лопуховъ,
 Что поросли вдоль береговъ,
 Въ водѣ: не спрятался-ли тамъ?
 Узнать бы можно по рогамъ.
 Нѣтъ никого! Пошелъ я прочь,
 Нарочно сдерживая шагъ.
 Сошла мнѣ даромъ эта ночь,
 Но если-бъ другъ какой иль врагъ
 Засѣлъ въ кусту и закричалъ,
 Иль даже, спугнутая мной,
 Взвилась сова надъ головой,—
 Навѣрно-бъ мертвый я упалъ!
 Такъ, любопытствую, давилъ
 Я страхи ложные въ себѣ,
 И въ бесполезной той борьбѣ
 Не мало силы погубилъ.
 За то, добытая съ тѣхъ поръ,
 Привычка не искать опоръ
 Меня вела своимъ путемъ,
 Пока рожденнаго рабомъ
 Самолюбивая судьба
 Не обратила вновь въ раба!

3

О, Волга! послѣ многихъ лѣтъ,
 Я вновь принесъ тебѣ привѣтъ.
 Ужъ я не тотъ, но ты свѣтла
 И величава, какъ была.
 Кругомъ все та же даль и ширь,
 Все тотъ же видѣнъ монастырь

На острове, среди песковъ,
И даже трепеть прежнихъ дней
Я ощутилъ въ душѣ моей,
Заслыша звонъ колоколовъ.
Все то же, то же... только нѣтъ
Убитыхъ силъ, прожитыхъ лѣтъ...

Ужъ скоро полдень. Жаръ такой,
Что на пескѣ горять слѣды,
Рыбалки дремлютъ надъ водой,
Усѣвшись въ плотные ряды;
Куютъ кузнечики, съ луговъ
Несется крикъ перепеловъ.
Не нарушая тишины
Лѣнливой медленной волны,
Распива движется рѣкой.
Приказчикъ, парень молодой,
Смѣясь, за спутницей своей
Бѣжитъ по палубѣ: она
Мила, дородна и красна.
И слышу я, кричитъ онъ ей:
„Постой, проказница, ужо
Вотъ догоню!“ Догналъ, поймалъ, —
И поцѣлуй ихъ прозвучалъ
Надъ Волгой вкусно и свѣжо.
Насъ такъ никто не цѣловалъ!
Да въ подрумяненныхъ губахъ
У нашихъ барынь городскихъ
И звуковъ даже нѣтъ такихъ.

Въ какихъ-то розовыхъ мечтахъ
Я позабылся. Сонъ и зной
Уже царили надо мной.
Но вдругъ я стоны услышалъ
И взоръ мой на берегъ упалъ.
Почти пригнувшись головой
Къ ногамъ, обвитымъ бичевой,
Обутымъ въ лапти, вдоль рѣки
Ползли гурьбою бурлаки,
И былъ невыносимо дикъ
И страшно ясенъ въ тишинѣ
Ихъ мѣрный похоронный крикъ —
И сердце дрогнуло во мнѣ.

О, Волга!.. колыбель моя!

Любилъ ли кто тебя, какъ я?
Одинъ, по утреннимъ зарямъ,
Когда еще все въ мѣрѣ спитъ
И алый блескъ едва скользитъ
По темно-голубымъ волнамъ,
Я убѣгалъ къ родной рѣкѣ.
Иду на помощь къ рыбакамъ,
Катаюсь съ ними въ челнокѣ,
Брожу съ ружьемъ по островамъ.
То, какъ играющій звѣрокъ,
Съ высокой кручи на песокъ
Скачусь, то берегомъ рѣки
Бѣгу, бросая камешки,
И пѣсню громкую пою
Про удалъ раннюю мою...
Тогда я думать былъ готовъ,
Что не уйду я никогда
Съ песчаныхъ этихъ береговъ.
И не ушелъ бы никуда,
Когда-бъ, о Волга! надъ тобой
Не раздавался этотъ вой!

Давно — давно, въ такой же часъ,
Его услышавъ въ первый разъ,
Я былъ испуганъ, оглушенъ.
Я знать хотѣлъ, что значить онъ —
И долго берегомъ рѣки
Бѣжалъ. Устали бурлаки,
Котель съ расшивы принесли,
Усѣлись, развели костеръ
И межъ собою повели
Неторопливый разговоръ.
— Когда-то въ Нижній попадемъ?
Одинъ сказалъ: — Когда-бъ попасть
Хоть на Илью... — „Авось придемъ“,
Другой, съ болѣзненнымъ лицомъ,
Ему отвѣтилъ: — „Эхъ, напастъ!
Когда бы зажило плечо,
Тянулъ бы ляжку, какъ медвѣдь,
А кабы къ утру умереть —
Такъ лучше было бы еще...“
Онъ замолчалъ и навзничъ легъ.
Я этихъ словъ понять не могъ,
Но тотъ, который ихъ сказалъ,

Угрюмый, тихий и больной,
 Съ тѣхъ поръ меня не повидалъ!
 Онъ и теперь передо мной:
 Лохмотья жалкой нищеты,
 Изнеможенные черты
 И, выражающій укоръ,
 Спокойно-безнадежный взоръ...

Безъ шапки, блѣдный, чуть живой,
 Лишь поздно вечеромъ домой
 Я воротился. Кто тутъ былъ —
 У всѣхъ отвѣта я просилъ
 На то, что видѣлъ, и во снѣ
 О томъ, что рассказали мнѣ,
 Я бредилъ. Няню испугалъ:
 „Сиди, родименькій, сиди!
 Гулять сегодня не ходи!“
 Но я на Волгу убѣжалъ.

Богъ вѣсть, что сдѣлалось со мной?
 Я не узналъ рѣки родной:
 Съ трудомъ ступаешь на песокъ
 Моя нога: онъ такъ глубоко;
 Ужъ не манить на острова
 Ихъ ярко свѣжая трава,
 Прибрежныхъ птицъ знакомый крикъ
 Зловѣщъ, пронзителенъ и дикъ,
 И говоръ тѣхъ же милыхъ волнъ
 Иною музыкою полнъ!

О, горько, горько я рыдалъ,
 Когда въ то утро я стоялъ
 На берегу родной рѣки,
 И въ первый разъ ее назвалъ
 Рѣкою рабства и тоски!..

Что я въ ту пору замышлялъ,
 Созвавъ товарищей-дѣтей,
 Какія вкляты я давалъ —
 Пускай умретъ въ душѣ моей,
 Чтобъ кто-нибудь не осмѣялъ!

Но если вы — наивный бредъ,
 Обѣты юношескихъ лѣтъ,
 Зачѣмъ же вамъ забвенья нѣтъ?

И вами вызванный упрёкъ
 Такъ сокрушительно жестокъ?..

4

Унылый, сумрачный бурлакъ!
 Какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ,
 Такимъ и нынѣ увидалъ:
 Все ту же пѣсню ты поешь,
 Все ту же лямку ты несешь,
 Въ чертахъ усталого лица
 Все та-жъ покорность безъ конца...
 Прочна суровая среда,
 Гдѣ поколѣнія людей
 Живутъ и гибнутъ безъ слѣда,
 И безъ урока для дѣтей!
 Отецъ твой сорокъ лѣтъ стоналъ,
 Бродя по этимъ берегамъ,
 И передъ смертію не зналъ,
 Что заповѣдать сыновьямъ.
 И, какъ ему, — не довелось
 Тебѣ наткнуться на вопросъ:
 Чѣмъ хуже былъ бы твой удѣлъ,
 Когда-бъ ты менѣ терпѣлъ?
 Какъ онъ, безгласно ты умрешь,
 Какъ онъ, безвѣстно пропадешь.
 Такъ земетается пескомъ
 Твой слѣдъ на этихъ берегахъ,
 Гдѣ ты шагаешь подъ ярмомъ
 Не краше узника въ цѣпяхъ,
 Твердя постылыя слова,
 Отъ вѣка тѣ же: „разъ да два!“
 Съ болѣзненнымъ припѣвомъ: „ой!“
 И въ тактъ мотая головой...

РЫЦАРЬ НА ЧАСЪ.

Если пасмуренъ день, если ночь не свѣтла,
 Если вѣтеръ осенній бушуетъ,
 Надъ душой воцаряется мгла,
 Умъ, бездѣйствуя, вяло тоскуетъ.

Только сномъ и возможно помочь,
Но, къ несчастью, не всякому спится...

Слава Богу! морозная ночь—
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко,
Разбудил я гусей на пруду,
Я со стога спугнулъ ястребенка:
Какъ онъ вздрогнулъ! какъ крылья развилъ!
Какъ взмахнулъ ими сильно и плавно!
Долго, долго за нимъ я слѣдилъ,
Я невольно сказалъ ему: славно!
Чу! стучитъ проѣзжающій возъ,
Деготькомъ потянуло съ дороги...
Обоняніе тонко въ морозъ,
Мысли свѣжи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняютъ ожившую грудь;
Жаждой дѣла душа закипаетъ,
Вспоминается пройденный путь,
Совѣсть пѣсню свою запѣваетъ..

Я совѣтую гнать ее прочь—
Будетъ время еще сосчитаться!
Въ эту тихую, лунную ночь
Созерцанію должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Мѣсяцъ полный плыветъ надъ дубровой,
И господствуютъ въ небѣ цвѣта
Голубой, бѣловатый, лиловый.
Воды ярко блестятъ средь полей,
А земля прихотливо одѣта
Въ волны бѣлаго луннаго свѣта
И узорчатыхъ, странныхъ тѣней.
Отъ большихъ очертаній картины
До тончайшихъ сѣтей паутины,
Что какъ иней къ землѣ прилегли—
Все отчетливо видно: далече
Протянулись полосы гречи,
Красной лентой по скату прошли;

Замыкающій сонныя нивы,
Лѣсъ сквозить, весь усыпанъ листвою;
Чудны красокъ его переливы
Подъ играющей, ясной луной;
Дубъ ли пасмурный, клѣнъ ли веселый—
Въ немъ легко отличишь издали;
Грудью къ сѣверу, воронъ тяжелый—
Видишь—дремлетъ на старой ели!
Все, чѣмъ можетъ порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленѣющей озими гладь,
Подо льномъ—золотая долина,
Посреди освѣщенныхъ луговъ
Величавое войско стоговъ,
Все доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если-бъ даже пришлось въ эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ея бѣдность нагал!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоять словно полная чаша—
Пожелай ей покойнаго сна—
Утомилася, кормилица наша!..

Спи, кто можетъ—я спать не могу,
Я стою потихоньку, безъ шума,
На покрытомъ стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умѣлъ я съ тобой совладать,
Не осилилъ я думы жестокой..

Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать...

Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ,
Посреди безконечныхъ луговъ,
За селомъ, на горѣ невысокой,
Вся бѣла, вся видна при лунѣ,
Церковь старая чудится мнѣ,
И на бѣлой церковной стѣнѣ
Отражается крестъ одинокій.
Да! я вижу тебя, Божій домъ!
Вижу надписи вдоль по карнизу

И апостола Павла съ мечомъ,
 Облаченного въ свѣтлую ризу.
 Поднимается сторожь-старикъ
 На свою колокольню-руину,
 На тѣни онъ громадно великъ:
 Пополамъ пересѣкъ всю ровнину.
 Поднимись!—и медлительно бей,
 Чтобы слышалось долго гудѣнье!
 Въ тишинѣ деревенскихъ ночей
 Этихъ звуковъ властительно пѣнье:
 Если есть въ околоткѣ больной,
 Онъ при нихъ встрепенется душой
 И, считая внимательно звуки,
 Позабудетъ на мигъ свои муки;
 Одинокій ли путникъ ночной
 Ихъ слышать—бодрѣ шагаетъ;
 Ихъ заботливый пахарь считаетъ
 И, крестомъ осѣняя въ полуснѣ,
 Просить Бога о вѣдряномъ днѣ.

Звукъ за звукомъ гудя прокатился,
 Насчиталъ я двѣнадцать часовъ.
 Съ колокольни старикъ возвратился,
 Слышу шумъ его звонкихъ шаговъ,
 Вижу тѣнь его; сѣлъ на ступени,
 Дремлетъ, голову свѣсивъ въ колѣни.
 Онъ въ мохнатую шапку одѣтъ,
 Въ балахонѣ убогомъ и темномъ...
 Все, чего не видалъ столько лѣтъ,
 Отъ чего я пространствомъ огромнымъ
 Отдѣленъ—все живетъ предо мной,
 Все такъ ярко рисуется взору,
 Что не вѣрится мнѣ въ эту пору,
 Чтобъ не могъ увидеть я и той,
 Чья душа здѣсь незримо витаетъ,
 Кто подъ этимъ крестомъ поживаетъ...

Повидайся со мною, родимая!
 Появись легкой тѣвью на мигъ!
 Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
 Всю ты жизнь прожила для другихъ.
 Съ головой, бурямъ жизни открытою,
 Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
 Простояла ты,—грудью своей

Защищая любимыхъ дѣтей.
 И гроза надъ тобой разразилася!
 Ты, не дрогнувъ, ударъ приняла,
 За враговъ, умирая, молилася,
 На дѣтей милость Бога звала.
 Неужели за годы страдаія
 Тотъ, кто столько тобою былъ чтимъ,
 Не пошлетъ тебѣ радость свиданія
 Съ погибающимъ сыномъ твоимъ?...

Я кручину мою многолѣтнюю
 На родимую грудь изолью,
 Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
 Мою горькую пѣсню спую.
 О, прости! то не пѣснь утѣшенія,
 Я заставлю страдать тебя вновь,
 Но я гибну—и ради спасенія
 Я твою призываю любовь!
 Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
 Чтобы кроткія очи твои
 Смыли жаркой слезою страдаія
 Всѣ позорныя пятна мои!
 Чтобъ ту силу свободную, гордую,
 Что въ мою заложила ты грудь,
 Укрѣпила ты волею твердою
 И на правый поставила путь...

Треволненья мірскаго далекая,
 Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
 Русокудрая, голубокая,
 Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
 Подъ грозой величаво-безгласная—
 Молода умерла ты, прекрасная,
 И такой же явилась ты мнѣ
 При волшебномъ свѣтящей луиѣ.
 Да! я вижу тебя блѣднолицую
 И на судь твой себя отдаю.
 Не робѣть передъ правдой-царицею
 Научила ты музу мою:
 Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
 Не обидно враговъ торжество,
 Изреки только слово прощенія,
 Ты, чистѣйшей любви божество!
 Чтѣ враги? пусть клеветуютъ язвительнѣй,
 Я пощады у нихъ не прошу,

Не придумать имъ казни мучительнѣй
 Той, которую въ сердцѣ пошу!
 Что друзья? Наши силы не равныя,
 Я ни въ чемъ середины не зналъ,
 Что обходятъ они, хладнокровныя,
 Я на все безразсудно дерзалъ;
 Я не думалъ, что молодость шумная,
 Что надменная сила пройдетъ—
 И влекла меня жажда безумная,
 Жажда жизни—впередъ и впередъ!
 Увлекаемъ безславною битвою,
 Сколько разъ я надъ бездною стоялъ,
 Поднимался твоею молитвою,
 Снова падалъ—и вовсе упалъ!..
 Выводи на дорогу тернистую!
 Разучился ходить я по ней,
 Погрузился я въ тину нечистую
 Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
 Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
 Обагрившихъ руки въ крови,
 Уведи меня въ станъ погибающихъ
 За великое дѣло любви!
 Тотъ, чья жизнь бесполезно разбилася,
 Можетъ смертью еще доказать,
 Что въ немъ сердце не робкое билося,
 Что умѣлъ онъ любить...

[утромъ, въ постели]

О, мечты! о, волшебная власть
 Возвышающей душу природы!
 Пламя юности, мужество, страсть
 И великое чувство свободы—
 Все въ душѣ угнетенной моей
 Пробудилось... но гдѣ же ты, сила?
 Я проснулся ребенка слабѣй.
 Знаю: день провалиюсь уныло,
 Ночью буду микстуру глотать,
 И пугать меня будетъ могила,
 Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать.
 Все, что въ сердцѣ кипѣло, боролось,
 Все лучъ блѣднаго утра спугнуль,

И насмѣшливый внутренней голосъ
 Злую пѣсню свою затянулъ:
 „Покорись—о, ничтожное племя!
 „Неизбѣжной и горькой судьбѣ,
 „Захватило насъ трудное время,
 „Неготовыми къ трудной борьбѣ.
 „Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
 „Но для дѣла вы мертвы давно,
 „Суждены вамъ благіе порывы,
 „Но свершить ничего не дано...“

ДЕРЕВЕНСКІЯ НОВОСТИ.

Вотъ и Качаловъ лѣсокъ,
 Вотъ и пригорокъ послѣдній.
 Какъ-то шумливъ и легокъ
 Дождь начинается лѣтній,
 И по дорогѣ моей,
 Свѣтлые, словно изъ стали,
 Тысячи мелкихъ гвоздей
 Шляпками внизъ поскакали—
 Скучная пыль улеглась...
 Благодареніе Богу,
 Я совершилъ еще разъ
 Милую эту дорогу.
 Вотъ ужъ запасный амбаръ,
 Вотъ ужъ и риги... какъ сладокъ
 Теплаго колоса паръ!
 — Останови же лошадокъ!
 Видишь: изъ каждахъ воротъ
 Спѣшно идетъ обыватель.
 Все-то знакомый народъ,
 Что ни мужикъ, то пріятель.
 — Здравствуйте, братцы!— „Гляди,
 Крестничекъ твой-то Ванюшка!“
 — Вижу, кума! погоди,
 Есть мальчугану игрушка.
 „Здравствуй, какъ жилъ-поживалъ?
 „Не понапраспу мы ждали,
 „Ты таки слово сдержалъ.

„Выводки крупные стали,
 „Такъ ужъ мы ихъ берегли,
 „Сами ни штуки не били.
 „Будетъ охота—пали!
 „Только бы ноги служили.
 „Вишь ты лядащій какой,
 „Мы не такимъ отпускали:
 „Словно тебя тамъ сквозь строй
 „Въ зиму-то трижды прогнали.
 „Право, сердечный чуть живъ;
 „Али не ладно живется?“
 —Сердцемъ я больно строитивъ,
 Пó-пусту глупое рвется.
 Ну, да поправлюсь у васъ.
 Чтó у васъ новаго, братцы?
 — „Умеръ третьёводни Власъ
 „И отказалъ тебѣ святцы“.
 —Царство небесное! Чтò,
 Было ему ужъ до сотни?
 — „Было и съ хвостикомъ сто.
 „Чудны дѣла-то Господни!
 „Не понапрасну продлилъ
 „Этакъ-то жизнь человѣка:
 „Сто лѣтъ подушны платилъ,
 „Барщину правилъ полвѣка!“
 — Какъ урожай?— „Ничего.
 „Горе другое: покрали
 „Много лѣску твоего.
 „Мы станового ужъ звали.
 „Шутъ и дуракъ на-голо!
 „Слово-то молвить, скотина,
 „Словно какъ дунеть въ душло,
 „Несообразный дѣтина!
 — Станъ мой великъ, говорить,
 Съ хвостикомъ двадцать- пять тысячъ.
 Гдѣ тутъ судить, говорить,
 Всѣхъ не усѣбеш и высѣчь!“—
 „Съ тѣмъ и уѣхалъ домой,
 „Такъ, ничего не подѣлавъ:
 „Нужень-ста тутъ межевой
 „Да епутать отъ удѣловъ!
 — „Въ Ботовѣ валится скоть,

„А у солдатки Аксиньи
 „Дѣвочку—было ей съ годъ—
 „Сѣбли проклятыя свиньи;
 „Въ Шаховѣ свекру сноха
 „Вилами бокъ просадила—
 „Было за чтó... Пастуха
 „Громомъ во стадѣ убило.
 „Ну ужъ, и буря была!
 „Какъ еще мы уцѣлѣли!
 „Колокола-то, колокола—
 „Словно о Пасхѣ гудѣли!
 „Наши рѣчонки водой
 „Налило на три аршина,
 „Съ поля бѣжала домой,
 „Словно пальная, скотина:
 „Съ ногъ ее вѣтеръ валилъ.
 „Крѣпко намъ жаль мальчугана:
 „Этакой клопъ, а отбилъ
 Этто у волка барана!
 Стали Волчкомъ его звать—
 „Любо! Встаетъ съ цѣтухами,
 Пѣсни начнетъ расцѣвять.
 „Весь уберется цвѣтами,
 „Ходитъ проворный такой.
 „Матка его проводила:
 — Поберегися, родной!
 Слышишь, какая завыла!—
 „Буря-ста мнѣ ни почемъ,
 „Я—говорить—не ребенокъ!“
 „Да размахнулся кнутомъ
 „И повалился съ ноженкомъ!
 „Мы посмѣялись тогда,
 „Такъ до полднѣ позѣвали;
 „Слишимъ—случилась бѣда;
 „Шли бы: убитаго взяли!
 „И уцѣлѣлъ бы, да вишь
 „Крикнулъ дуракъ ему Ванька:
 — Чтó ты подъ дровомъ сидишь?
 Хуже подъ дровомъ-то... Встань-ка!
 „Онъ не перечилъ—пошелъ,
 „Сѣлъ подъ рогожей на кочку,
 „Ну, а Господь и навель
 „Громъ въ эту самую точку!
 „Взяли—не въ полѣ бросать,

„Да какъ рогожу открыли,
 „Такъ не одна его мать —
 „Всѣ наши бабы завыли:
 „Угомонился Волчокъ --
 „Спать себѣ. Кровь на рубашкѣ,
 „Въ лѣвой ручонкѣ рожокъ,
 „А на шляпѣнкѣ вѣнокъ
 „Изъ васильковъ да изъ кашки!

— „Этой же бурей сожгло
 „Красныя Горки: пониже,
 „Помнишь, Починки село —
 „Ну, и его... Вотъ поди же!
 „Въ Горкахъ пожаръ ужъ притихъ,
 „Ждали: Починокъ не тронетъ!
 „Смотрять, а вѣтеръ на нихъ
 „Пламя и гонить, и гонить!
 „Въ-стрѣчу-то попъ сокрестомъ,
 „Дьяконъ съ кадилами вышелъ,
 „Не совладали съ огнемъ —
 „Видно, Господь не услышалъ!..

„Вотъ и хоромы твои,
 „Ты, чай, захочешь покою?...“
 — Полноте, други мои!
 Милости просимъ за мною... —

Сходитесь въ хатѣ моей
 Больше да больше народу:
 — Ну, говори поскорѣй,
 Что ты слышалъ про свободу? —

ДУМА.

Сторона наша убогая,
 Выгнать некуда коровушку.
 Проклинай житѣ мѣщанское,
 Да почесывай головушку.

Спи, не спи—валяйся по-печи,
 Каждый день не дождаючи,

Трать задаромъ силу дюжую,
 Недоимку накопляючи.

Ужъ какъ нѣтъ бѣды кручиннѣе
 Безъ работы парню маяться,
 А пойдешь куда къ хозяевамъ —
 Ни одинъ-то не нуждается!

У купца у Семипалова
 Живутъ люди не говѣючи,
 Льютъ на кашу масло постное
 Словно воду, не жалѣючи.

Въ праздникъ—жирная баранина,
 Парь надъ щами тучей носится,
 Въ полъ-обѣда распояшутся —
 Вонъ изъ тѣла душа просится!

Ночь храпятъ, наѣвпись до-поту,
 День придетъ—работой тѣшутся...
 Эй! возьми меня въ работники,
 Поработать руки чешутся!

Повели ты въ лѣто жаркое
 Мнѣ пахать пески сыпучіе,
 Повели ты въ зиму лютую
 Вырубать лѣса дремучіе, —

Только трескъ стоялъ бы до-неба,
 Какъ деревья бы валилися:
 вмѣсто шапки, бѣлымъ инеемъ
 Волоса бы серебрилися!

*
 **

Что ни годъ—уменьшаются силы,
 Умъ лѣнивѣе, кровь холоднѣй...
 Мать-отчина! дойду до могилы,
 Не дождавшись свободы твоей!

Но желалъ бы я знать, умирая,
 Что стойшь ты на вѣрномъ пути,

Что твой пахарь, поля засѣвая,
Видитъ ведреный день впереди:

Чтобы вѣтеръ родного селенья
Звукъ единый до слуха донесъ,
Подъ которымъ неслышно кипѣнья
Человѣческой крови и слезъ.

ПЛАЧЪ ДѢТЕЙ.

РАВНОДУШНО слушая проклятья
Въ битвѣ съ жизнью гибнущихъ лю-
дей, —

Изъ-за нихъ вы слышите ли, братья,
Тихій плачъ и жалобы дѣтей?

„Въ золотую пору малолѣтства
Все живое—счастливо живетъ,
Не трудясь, съ ликующаго дѣтства
Дань забавъ и радости беретъ.
Только намъ гулять не довелось
По полямъ, по нивамъ золотымъ:
Цѣлый день на фабрикахъ колёса
Мы вертимъ—вертимъ—вертимъ! —

„Колесо чугунное вертится
И гудить, и вѣтромъ обдаеть,
Голова нылаеть и кружится,
Сердце бьется, все кругомъ идетъ:
Красный носъ безжалостной старухи,
Что за ними смотреть сквозь очки,
По стѣнамъ гуляющія мухи,
Стѣны, окна, двери, потолоки, —
Все и всё! Впадая въ изступленье,
Начинаемъ громко мы кричать:
— Погоди, ужасное круженье!
Дай намъ память слабую собрать!
Безполезно плакать и молиться,
Колесо не слышитъ, не падить:
Хоть умри—проклятое вертится,
Хоть умри—гудить—гудить—гудить! —

„Гдѣ ужъ намъ, измученнымъ въ цеволѣ,
Ликовать, рѣзвиться и скакать!
Еслибъ насъ теперь пустили въ поле,
Мы въ траву попадали бы—спать.
Намъ домой скорѣй бы воротиться...
Но за чѣмъ идемъ мы и туда?..
Сладко намъ и дома не забыться:
Встрѣтитъ насъ забота и нужда!
Тамъ, припавъ усталой головою
Къ груди блѣдной матери своей,
Зарыдавъ надъ ней и надъ собою,
Разорвемъ на части сердце ей...“

КРЕСТЬЯНСКІЯ ДѢТИ.

РПЯТЬ я въ деревнѣ. Хожу на охоту,
Питиу мои вирши—живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрелъ я въ сарай и заснулъ глубоко.
Проснулся: въ широкія щели сарая
Глядятся веселаго солнца лучи.
Воркуеть голубка; надъ крышей летая,
Кричатъ молодые грачи,
Летить и другая какая-то птица —
По тѣни узналъ я ворону какъ разъ:
Чу! шопоть какой-то... а вотъ вереница
Вдоль щели внимательныхъ глазъ!
Всѣ сѣрые, каріе, синіе глазки —
Смѣшались, какъ въ полѣ цвѣты.
Въ нихъ столько покоя, свободы и ласки,
Въ нихъ столько святой доброты!
Я дѣтскаго глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда.
И замерь: коснулось души умиленье...
Чу! шопоть опять!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЬ.

— Борода!

ВТОРОЙ.

А баринъ, сказали!..

ТРЕТІЙ.

Потише вы, черти!

ВТОРОЙ.

У баръ бороды не бываетъ—усы.

ПЕРВЫЙ.

А ноги-то длинныя, словно какъ жерди.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

А вона, на шапкѣ, гляди-тко—часы!

ПЯТЫЙ.

Ай, важная штука!

ШЕСТОЙ.

И цѣпь золотая...

СЕДЬМОЙ.

Чай, дорого стѣить?

ВОСЬМОЙ.

Какъ солнце горить!

ДЕВЯТЫЙ.

А вона, собака—большая, большая!

Вода съ языка-то бѣжить.

ПЯТЫЙ.

Ружье! погляди-тео: стволина двойная,

Замочки рѣзные...

ТРЕТІЙ — съ испугомъ.

Глядить!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Молчи, ничего! постоимъ еще, Гриша!

ТРЕТІЙ.

Прибѣтъ...

Испугались шпионы мои

И кинулись, прочь: человекъ слыша,
Такъ стаей съ мякны летятъ воробы.

Затихъ я, прищурился—снова явились,

Глазѣнки мелькаютъ въ щели.

Что было со мною—всему подивились

И мой приговоръ изрекли:

— Такому-то гусю ужъ что за охота!

Лежалъ бы себѣ на печи!

И видно не баринъ: какъ ѣхалъ съ болота,

Такъ рядомъ съ Гаврилой... „Услышать
молчи!“

О, милые плуты! Кто часто ихъ видѣлъ,
Тотъ, вѣрю я, любить крестьянскихъ дѣтей;

Но если бы даже ты ихъ ненавидѣлъ,
Читатель, какъ „низкаго рода людей“,—

Я, все-таки, долженъ сознаться открыто,

Что часто завидую имъ:

Въ ихъ жизни такъ много поэзіи слито,
Какъ дай Богъ балованнымъ дѣткамъ твоимъ.
Счастливый народъ! Ни науки, ни нѣги

Не вѣдаютъ въ дѣтствѣ они.

Я дѣлывалъ съ ними грибныя набѣги:

Раскапывалъ листья, обшаривалъ пни,

Старался примѣтить грибное мѣстечко,

А утромъ не могъ ни за что отыскать.

„Взгляни-ка, Савося, какое колечко!“

Мы оба нагнулись, да разомъ и хватъ

Змѣю! Я подпрыгнулъ: ужалила больно!

Савося хохочетъ: „попался спроста!“

За то мы потомъ ихъ губили довольно

И клали рядкомъ на перилы моста.

Должно быть, за подвиги славы мы ждали.

У насъ же дорога большая была:

Рабочаго званія люди сновали

По ней безъ числа.

Копатель канавъ вологжанинъ,

Лудильщикъ, портной, шерстобитъ,

А то въ монастырь горожанинъ

Подъ праздникъ молиться катить.

Подъ наши густые, старинныя вязы

На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.

Ребята обступаютъ: начнутся рассказы

Про Кіевъ, про турку, про чудныхъ звѣрей.

Иной подгуляетъ, такъ только держися —
 Начнетъ съ Волочка, до Казани дойдеть!
 Чухну передразнить, мордву, черемиса,
 И сказкой потѣшитъ, и причту ввернетъ:
 „Прощайте, ребята! Старайтесь пайпаче
 На Господа Бога во всемъ потрафлять:
 У насъ былъ Вавило, жилъ всѣхъ побогаче,
 Да вздумалъ однажды на Бога роптать, —
 Съ тѣхъ поръ захудалъ, разорился Вавило,
 Нѣтъ меду со пчель, урожаю съ земли,
 И только въ одномъ ему счастье было,
 Что волосы изъ носу шибко росли...“
 Рабочій разставитъ, разложитъ снаряды —
 Рубанки, подпилки, долота, ножи:
 „Гляди, чертенята!“ А дѣти и рады:
 Какъ пилишь, какъ лудишь—имъ все покажи,
 Прохожій заснетъ подъ свои прибаутки,
 Ребята за дѣло—пилить и строгать!
 Иступая пилу—не наточишь и въ сутки!
 Сломають буравъ—и съ испугу бѣжать.
 Случалось, тутъ цѣлые дни пролетали,
 Чтѣ новый прохожій, то новый рассказъ...
 Ухъ, жарко!.. До полдня грибы собирали.
 Вотъ изъ лѣсу вышли—на-встрѣчу какъ разъ
 Синѣющей лентой, извилистой, длинной,
 Рѣка луговая: спрыгнули гурьбой,
 И русыхъ головокъ надъ рѣчкой пустынной
 Чтѣ бѣлыхъ грибовъ на полянкѣ лѣсной!
 Рѣка огласилась и смѣхомъ, и воемъ:
 Тутъ драка—не драка, игра—не игра...
 А солнце палитъ ихъ полуденнымъ звоемъ.
 Домой, ребяташки! обѣдать пора.
 Вернулись. У каждаго полно лукошко,
 А сколько рассказовъ! Попался косой,
 Поймали ежа, заблудились немножко
 И видѣли волка... у, страшный какой!
 Ежу предлагаютъ и мухъ, и козявокъ,
 Корнѣй молочко ему отдалъ свое —
 Не пьеть! отступились...

Кто ловить пѣвкогъ

На лавѣ, гдѣ matka колотитъ бѣлье,
 Кто нянчить сестрѣнку двухлѣтнюю Глашку,
 Кто тащитъ на пожню ведро кvasку,

А тотъ, подвязавши подъ горло рубашку,
 Тайнственно что-то чертитъ по песку;
 Та въ лужу забила, а эта съ обновой:
 Сплела себѣ славный вѣнокъ,
 Все бѣленькій, желтенькій, блѣдно-лиловый
 Да изрѣдка красный цвѣтокъ.
 Тѣ спятъ на припекѣ, тѣ пляшутъ въ при-
 садку.

Вотъ дѣвочка ловитъ лукошкомъ лошадку:
 Поймала, вскочила и ѣдетъ на ней.
 И ей ли, подъ солнечнымъ звоемъ рожденной
 И въ фартукѣ съ поля домой принесенной,
 Боятся смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успѣла,
 Гляди—ужъ чернехоньки губы у всѣхъ,
 Набили оскому: черница поспѣла!
 А тамъ и малина, брусника, орѣхъ!
 Ребяческій крикъ, повторяемый эхомъ,
 Съ утра и до ночи гремитъ по лѣсамъ.
 Испугана пѣнъемъ, аukanьемъ, смѣхомъ,
 Взлетитъ ли тетеря, закокавъ птенцамъ,
 Зайченокъ ли вскочитъ—содомъ, суматоха!
 Вотъ старшій глухарь съ облиялымъ крыломъ
 Въ кусту завозился... ну, бѣдному плохо!
 Живого въ деревню тащатъ съ торжествомъ...
 — Довольно, Ванюша! гулялъ ты не мало,

Пора за работу, родной! —

Но даже и трудъ обернется сначала
 Къ Ванюшѣ нарядной своей стороной:
 Онъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ,
 Какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно,
 Какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ,
 Какъ колосья растутъ, наливаютъ зерно;
 Готовую жатву подрѣжутъ серпами,
 Въ снопы перевяжутъ, на ригу свезутъ,
 Просушатъ, колотятъ-колотятъ цѣпами,
 На мельницѣ смелютъ и хлѣбъ испекутъ.
 Отвѣдаетъ свѣжаго хлѣбца ребенокъ
 И въ поле охотѣй бѣжитъ за отцомъ.
 Навьютъ ли сѣнца: „полѣзай, пострѣленокъ!“
 Ванюша въ деревню вѣзжаетъ царемъ...

Однако же, зависть въ дворянскомъ

Посѣять намъ было бы жаль.
Итакъ, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положимъ, крестьянскій ребенокъ свободно
Ростеть, не учась ничему,
Но вырастетъ онъ, если Богу угодно,
А сгинуть ничто не мѣшаетъ ему.
Положимъ, онъ знаетъ лѣсныя дорожки,
Гарцуетъ верхомъ, не боится воды,
За то безопадно ѣдить его мошки,
За то ему рано знакомы труды...

Однажды, въ студеную зимнюю пору
Я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ.
Гляжу, поднимается медленно въ гору
Лошадка, везущая хворосту возъ.
И шествую важно, въ спокойствіи чинномъ,
Лошадку ведетъ подъ-узды мужичокъ
Въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчин-

номъ,
Въ большихъ рукавицахъ... а самъ съ пого-

токъ!
— Здорово, парнище! — „Ступай себѣ мимо!“

— Ужъ больно ты грозенъ, какъ я погляжу!

Откуда дровишки? — „Изъ лѣсу, вѣстимо;

Отецъ, слышишь, рубить, а я отвожу.“

(Въ лѣсу раздавался топоръ дровосѣка).

— А чтó, у отца-то большая семья? —

„Семья-то большая, да два человекъ

Всего мужиковъ-то: отецъ мой да я...“

— Такъ вонъ оно что! А какъ звать тебя?

— „Власомъ“.

— А кой тебѣ годикъ! — „Шестой мино-

валь...“

Ну, мертвая!“ крикнулъ малюточка басомъ,

Гванулъ подъ-узды и быстрѣй запагалъ.

На эту картину такъ солнце свѣтило,

Ребенокъ былъ такъ уморительно малъ,

Какъ будто все это картонное было,

Какъ будто бы въ дѣтскій театръ я попалъ!

Но мальчикъ былъ мальчикъ живой, настоя-

щій,

И дровни, и хворостъ, и пѣгонькій конь,

И снѣгъ до окошекъ деревни лежащій,

И зимняго солнца холодный огонь —
Все, все настоящее русское было,
Съ клеймомъ нелюдимою, мертвящей зимы,
Чтó русской душѣ такъ мучительно мило,
Чтó русскія мысли вселяетъ въ умы,
Тѣ честныя мысли, которымъ нѣтъ воли,
Которымъ нѣтъ смерти — дави не дави,
Въ которыхъ такъ много и злобы и боли,
Въ которыхъ такъ много любви!

Играйте же, дѣти! Растите на волѣ!
На то вамъ и красное дѣтство дано,
Чтобъ вѣчно любить это скудное поле,
Чтобъ вѣчно вамъ милымъ казалось оно.
Храните свое вѣковое наслѣдство,
Любите свой хлѣбъ трудовой —
И пусть обаянье поэзіи дѣтства
Проводить васъ въ нѣдра землицы родной!..

Теперь намъ пора возвратиться къ началу.

Замѣтивъ, что стали ребята смѣлѣй, —

— Эй! воры идутъ! закричалъ я Фингалу:

— Украдутъ, украдутъ! Ну, прячь поско-

рѣй! —

Фингалушка скорчилъ серьезную мину,

Подъ сѣно пожитки мои закопалъ,

Съ особымъ стараньемъ припряталъ дичину,

У ногъ моихъ легъ — и сердито рычалъ.

Обширная область собачьей науки

Ему въ совершенствѣ знакома была;

Онъ началъ такія выкидывать штуки,

Что публика съ мѣста сойти не могла,

Дивятся, хохочутъ! Ужъ тутъ не до страха!

Командуютъ сами! — „Фингалка, умри!“

— Не засти, Сергѣй! Не толкайся Кузяха! —

„Смотри — умираетъ — смотри!“

Я самъ наслаждался, валяясь на снѣгъ,

Ихъ шумнымъ весельемъ. Вдругъ стало темно

Въ сараѣ: такъ быстро темнѣетъ на сценѣ,

Когда разразится грозѣ суждено.

И точно: ударъ прогремѣлъ надъ сараемъ,

Въ сарай полилась дождевая рѣка,

Актеръ залился оглушительнымъ лаемъ,

А зрители дали стречка!
 Широкая дверь отперлась, заскрипѣла,
 Ударилась въ стѣну, опять заперлась.
 Я выглянулъ: темная туча висѣла
 Намъ нашимъ театромъ какъ разъ.
 Подъ крупнымъ дождемъ ребятишки бѣжали
 Босые къ деревнѣ своей...
 Мы съ вѣршмъ Фингаломъ грозу переждали
 И вышли искать дупелей.

ПОХОРОНЫ.

Межъ высокихъ хлѣбовъ затерялося
 Небогатое наше селѣ.
 Горе горькое по свѣту плялося
 И на насъ невзначай набрело.

Ой, бѣда приключилася страшная!
 Мы такой не знавали во вѣкъ:
 Какъ у насъ—голова безшабашная—
 Застрѣлился чужой человекъ!

Судь пріѣхаль... допросы...—тошнѣхонько!
 Догадались деньжонокъ собрать:
 Осмотрѣлъ его лекарь скорѣхонько
 И велѣлъ гдѣ-нибудь закопать.

И пришлось намъ нежданно-негаданно
 Хоронить молодого стрѣлка,
 Безъ церковнаго пѣнья, безъ ладона,
 Безъ всего, чѣмъ могила крѣпка...

Безъ поповъ!.. Только солнышко знойное,
 Выѣсто яраго воску свѣчи,
 На лицо непробудно-спокойное,
 Не скупясь, наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
 Да пестрѣли въ долинѣ цвѣты;

Птичка Божья на гробъ опускалася
 И, чирянувъ, летѣла въ вусты.

Поглядимъ: чтѣ ребятъ набирается!
 Покрестились и подняли вой...
 Мать о сынѣ рѣкой разливается,
 Плачетъ мужъ по женѣ молодой,—

Какъ не плакать имъ? диво велико ли?
 Своему-то свои хороши!
 А по комъ ребятишки захныкали,
 Тотъ навѣрно былъ доброй души!

Межъ двумя хлѣбородными нивами,
 Гдѣ прошелъ неширокой долѣкъ,
 Подъ большими плакучими ивами
 Упокоился бѣдный стрѣлокъ.

Чтѣ тебя доканало сердешнаго?
 Ты за чтѣ свою душу сгубилъ?
 Ты захожій, ты роду нездѣшняго,
 Но ты нашу сторонку любилъ:

Только мѣнуть морозы упорные
 И весеннихъ гостей налетитъ,—
 „Чу!“ кричатъ наши дѣтки проворныя:
 „Прошлогодній охотникъ палитъ!“

Ты ласкалъ ихъ, гостинцу имъ нашивалъ,
 Ты на спросъ отвѣчать не сучалъ.
 У тебя порошокъ я попрашивалъ,
 И всегда ты не скупо давалъ.

Почивай же, дружокъ! Память вѣчная!
 Не жива-ль твоя бѣдная мать?
 Или, можетъ, зазноба сердечная
 Будетъ таять, дружка поджидать?

Мы дождемъ, повѣстимъ твою милую:
 Можетъ быть, и пріѣдетъ любя,
 И поплачетъ она надъ могилою,
 И расскажемъ мы ей про тебя.

Почивай себѣ съ миромъ, съ любовію!
 Почивай! Богъ тебѣ судія,

Что обрызгалъ ты грѣшною кровію
Неповинныя наши поля!

Кто дознаетъ, какою кручиною
Надрывалоса сердце твое
Передъ вольной твоею кончиною,
Передъ тѣмъ, какъ спустилъ ты ружье?..

Межь двумя хлѣбородными нивами,
Гдѣ прошелъ неширокій долѣкъ,
Подъ большими плакучими ивами
Упокоился бѣдный стрѣлокъ.

Будутъ пѣсни къ нему хороводныя
Изъ села по зарѣ долетать,
Будутъ нивы ему хлѣбородныя
Безгрѣховныя сны навѣвать...

КОРОБЕЙНИКИ.

ДРУГУ-ПРІЯТЕЛЮ ГАВРИЛЪ ЯКОВЛЕВИЧУ.

КРЕСТЬЯНИНУ ДЕРЕВНИ ШОДЫ, КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ.

КАКЪ съ тобою я похаживалъ
По болотинамъ вдвоемъ,
Ты меня по-часту спрашивалъ:
Что строчишь карандашомъ?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебѣ хочу.
Буду радъ, коли понравится,
Не понравится — смолчу.

Не побрезгуй на подарочкѣ!
А увидимся опять,
Выпьемъ мы по доброй чарочкѣ
И отправимся стрѣлять.

23-го августа 1861 г.

Грешнево.

I.

Кумачу я не хочу;
Китайки не надо.

Пѣсня.

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы, и парча.

Пожалѣй, моя зазнобушка,
Молодецкаго плеча!
Выди, выди въ рожь высокую!
Тамъ до почки погожу,
А завяжу черноокою —
Всѣ товары разложу.
Цѣны самъ платилъ не малыя,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алныя,
Ближе къ милому садись!“
Вотъ и пала ночь туманная,
Ждетъ удамый молодецъ.
Чу, идетъ — пришла желанная,
Продаетъ товаръ купецъ.
Катя бережно торгуется,
Все боится передать.
Парень съ дѣвицей цѣлуется,
Проситъ цѣну набавлять.
Знаетъ только ночь глубокая,
Какъ поладили они.
Распрямясь ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

„Ой! легка, легка коробушка,
Плечъ не рѣжетъ ремешокъ!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенекъ.
Даль ей ситцу штуку цѣлую,
Ленту алую для косъ,
Поясокъ — рубаху бѣлую
Подпоясать въ сѣнокошь —
Все поклала ненаглядная
Въ коробъ, кромя перстенка:
„Не хочу ходить нарядная
Безъ сердечнаго дружка!“

То-то дуры вы, молодочки!
 Не сама ли принесла
 Полуштофикъ сладкой водочки?
 А подарковъ не взяла!
 Такъ стой-же! Нерушимое
 Общаньице даю:
 У отца дитя любимое!
 Ты попомни рѣчь мою:
 Оporожнитса коробушка,
 На Покровъ домой приду
 И тебя, душа-заснобушка,
 Въ Божью церковь поведу!“

Вплоть до вечера дождливаго
 Молодецъ бѣжитъ бѣгомъ
 И товарища ворчливаго
 Нагоняетъ подь селомъ.
 Старый Тихонычъ ругается:
 „Я ужъ думалъ, ты пропалъ!“
 Ванька только ухмыляется —
 Я-де ситцы продавалъ!

II.

Зачали-почали
 Поповы дочери.

Припѣвъ деревенскихъ дѣвушекъ.

„Эй, Оедорушки! Варварушки!
 Отпирайте сундуки!
 Выходите къ намъ, сударушки,
 Выносите пятаки!“

Жены мужнія—молодушки
 Къ коробейникамъ идутъ,
 Красны дѣвушки-лебѣдушки
 Новины свои несутъ.
 И старушки важеватыя,
 Глядь, туда же приплелись.
 „Ситцы есть у насъ богатые,
 Есть миткаль, кумачъ и плисъ.

Есть у насъ мыла пахучія —
 По двѣ гривны за кусокъ,
 Есть румяна нелиночія —
 Молодись за пятачокъ!
 Видишь, камни самоцвѣтные
 Въ перстенькѣ какъ жаръ горятъ.
 Есть и любчики завѣтные —
 Хоть кого приворожатъ!“

Началися толки рыанье,
 Посреди села базаръ,
 Бабы ходятъ словно пьяныя,
 Другъ у дружки рвутъ товаръ.
 Старый Тихонычъ такъ божится
 Изъ-за каждаго гроша,
 Что Ванюха только ѣжится:
 „Пропади моя душа!
 „Чтобъ тотчасъ же очи лопнули,
 „Чтобы съ мѣста мнѣ не встать,
 „Провались я!“ Глядь—и хлопнули
 По рукамъ! Ну, исполать!
 Не торговецъ — удивленіе!
 Какъ божиться-то не лѣнь...

Долго, долго все селеніе
 Волновалось въ этотъ день.
 Гдѣ гроши какіе мѣдныя
 Были спрятаны въ моткахъ —
 Все достали бабы бѣдныя,
 Ходятъ въ новенькихъ платкахъ.
 Двѣ снохи за ленту пеструю
 Расцарапалися въ кровь.
 На Оеклушку, бабу вострую,
 Раскудахталась свекровь.
 А потомъ и коробейниковъ
 Поругала баба всласть:
 „Принесло же васъ, мошейниковъ!
 Вотъ ужъ подлинно напасть!
 Вишь вы жадны, какъ кутейники,
 Изъ села бы васъ коломъ!..“

Посмѣялись коробейники
 И пошли своимъ путемъ.

III.

Ужь ты пей до дна, коли хошь добра,
А не хошь добра, такъ не пей до дна.

Старинная былина.

За селомъ остановилися,
Подѣлили барыши,
И на церковь покрестилися,
Повздыхали отъ души.
— Славно, дядя, ты торгуешься!
Что не веселье? охъ да охъ!
“Въ день теперя не отплюешься,
Какъ еще прощаетъ Богъ:
Осквернилъ уста я ложію—
Не обманешь—не продашь!”
И опять на церковь Божию
Долго крестится торгашъ.
„Кабы въ строку приходилися
Всѣ-то рѣчи продавца,
Всѣ давно бы провалилися
До одинаго купца—
Сквозь сырую землю матушку
Провалились бы... эхъ-эхъ!“
— Понагрѣлъ ты Калистратушку. —
„Ну, его нагрѣть не грѣхъ,
Самъ снимаетъ крестъ съ убогаго“.
— Рыжій, клиномъ борода. —
„Нашимъ дѣломъ нынче многого
Не добыть—не тѣ года!
Подошла война проклятая
Да и больно ужъ лиха,
Гдѣ бы свадьба богатая—
Цопъ въ солдаты жениха!
Врагъ дуритъ—народу горюшко!
Точить русскую казну.
Красить кровью Черно Морюшко,
Корабли валить ко дну.
Переводъ свинцу да олову,
Да удалымъ молодцамъ.
Весь народъ повѣсилъ голову,
Стоять стоять по деревнямъ.
Ой! бабѣ неугомонное,

Полно взапуски ревѣть!
Причитанье похоронное
Надъ живымъ-то рано пѣть!
Не уймешь ихъ! Какъ отпѣтаго
Парня въ городъ отвезуть.
Бабы сохнуть съ горя съ этого,
Мужики въ кабакъ идутъ.
Ты попомни цѣловальника,
Что сказалъ—подлецъ сѣдой!
— „Выше пѣть меня начальника,
Весь народъ—работникъ мой!
Лѣто, осень убиваются,
А спреси-ка, на кого
Православные стараются?
Имъ не нужно ничего!
Все безсребренники, сватушка,
Самъ не сѣю и не жну,
Что родитъ земля имъ, матушка,
Все несутъ въ мою казну!“ —
„Пропилися, подоконники,
Гдѣ ужъ бабѣ имъ наряжать!
Въ городъ ѣдутъ, балахонники,
Ходятъ лапти занимать!
„Ой! ты зеліе кабашное
Да китайскіе чай,
Да куреніе табашное!
Бродимъ сами не свои.
Съ этимъ пьянствомъ да куреніемъ
Сломишь голову какъ разъ.
Передъ свѣтопреставленіемъ
Знать война-то началась.
Грянуть, грянуть гласы трубыне!
Станутъ мертвые вставать!
За дѣла-то душегубныя
Какъ придется отвѣчать?
Вотъ и мы гнѣвимъ Всевышняго...“
— Полно, дядя! Страшно мнѣ!
Ужь не взять рублишка лишняго
На чужой-то сторонѣ?..

IV.

Ай барыня! барыня!
Пѣсня.

— „Эй вы, купчики-голубчики,
Къ намъ ступайте ночевать!“
Ночевали наши купчики,
Утромъ тронулись опять.
Полегоньку подвигаются,
Накопляють барыши,
Чѣмъ попало развлекаются
По дорогѣ торгоши.
По рѣкѣ идутъ — съ бурлаками
Разговоры заведуть:
„Кто васъ спуталь?“ и собаками
Ихъ бурлаки назовуть.
По дѣломъ вамъ, пересмѣшники,
Лыкомъ шитые купцы!..

Потянулись огурешники:
„Эй! просыпаль огурцы!“
Ванька вдругъ какъ захихикаеть
И на стадо показаль:
Старичонко въ стадѣ прыгаетъ
За савраской, — длинень, вяль,
И на цыпочки становится,
И лукошечкомъ манить —
Нѣтъ! проклятый конь не ловится!
Вотъ подходитъ, вотъ стоитъ.
Сунуль голову въ лукошечко, —
Старичокъ за холку хватъ!
— Эй! еще, еще немножечко! —
Нѣтъ! урвался конь опять,
И, подбросивъ ноги заднія,
Брызнулъ грязью въ старика.
— „Знамо, въ стадѣ-то повадиѣ,
Чѣмъ въ косуль мужика:
Эхъ, ты, пареный да вяленный!
Гдѣ тебѣ его поймать?
Потеряль сапогъ-то валянный,
Надо новый покупать?“

Имъ обозики военные
Попадались иногда:
„Поглади-тко, турки плѣнные,

Эка пестрая орда!“
Ванька искоса поглядываль
На турецкихъ усачей
И въ свиное ухо складываль
Полю свиточки своей:
— „Эй вы, нехристи, табашники,
Карачунъ приходитъ вамъ!..“
Попадались имъ собашники:
Псы носились по кустамъ,
А охотничекъ покрикиваль,
Въ роги звонкіе трубилъ,
Чтобы сѣрый заяка спрыгиваль,
Въ чисто поле выходиль.
Остановятся съ ребятами:
— Чьи такіе господа?
„Кашпирята съ Зюзенятами...
„Заяць! вонъ гляди туда!“
Всполошились борзители:
„Ай! а-ту его! а-ту!“
Ну, сабачки! Ну, губители!
Подхватили на лету...

Посидѣли на пригорочкѣ,
Закусили какъ-нибудь
(Не разѣбьшя черствой корочки)
И опять пустились въ путь.
— Счастье, Тихоньчъ, неровное,
Нынче выручка плоха.
„Встрѣлось намъ лицо духовное —
Хуже не было-бъ грѣха.
Хоть душа-то христіанская,
Согрѣшилъ — поджалъ я хвостъ“.
— Вотъ усадьбишка дворянская,
Завернемъ?.. „Ты Ваня, простъ!
Нынче баре деревенскіе
Не живутъ по деревнямъ,
И такія моды женскія
Завелись... куда ужъ намъ!
Хоть бы наша: баба старая,
Угреватая лицомъ,
Безволосая, поджарая,
А одѣлась — стогъ стогомъ!
Говорить съ тобой гнушается:
Ты мужикъ, такъ ты нечистъ!

А тобой-то кто прельщается?
 Дологъ хвостъ да не пустишь!
 Ой! ты, барыня спѣсивал,
 Ты стыдись глядѣть на свѣтъ!
 У тебя коса фальшивая,
 Ни зубовъ, ни груди нѣтъ,
 Все подклеено, подвязано!
 Городъ есть такой: Парижъ,
 Про него не даромъ сказано:
 Какъ заѣдешь—угоришь.
 По всему по свѣту славится,
 Мастеръ по-міру пустить;
 Коли носъ тебѣ не правится,
 Могутъ новый наклеить!
 Вотъ отъ этихъ-то мошейниковъ,
 Что въ томъ городѣ живутъ,
 Ничего у коробейниковъ
 Нынче баре не берутъ.
 Чортъ побралъ бы моду повую!
 А, бывало, въ старину
 Приведутъ меня въ столовую,
 Всѣ товары разверну;
 Выдетъ барыня красивая,
 Съ настоящею косою,
 Важеватая, учтивая,
 Дѣтки выбѣгутъ гурьбой,
 Дѣвки горничныя, нянюшки,
 Слуги высыплютъ къ дверямъ.
 На рубашечки для Ванюшки
 И на платья дочерямъ
 Все сама, руками бѣлыми
 Отбираетъ, не спѣша,
 И беретъ кусками цѣлыми, —
 Вотъ такъ барыня-душа!
 „Что возьмешь за серьги съ бусами?
 Что за алую парчу?“
 Я тряхну кудрями русыми,
 Заломлю—чего хочу!
 Навалить покушки кучею,
 Разочтется—Богъ съ тобой!..

„А то разъ попалъ я къ случаю
 За рѣкой за Костромой.
 Именины были званые —

Расходился баринокъ!
 Слышу, вличуть гости пьяные:
 „Подходи сюда, дружокъ!“
 Подбѣгаю къ нимъ скорѣхонько.
 „Что возьмешь за коробъ весь?“
 Усмѣхнулся я легохонько:
 — Дорогъ будетъ, ваша честь. —
 Слово за слово, приятели
 Посмѣялись межъ собой
 Да три сотни и отняли,
 Не глядя, за коробъ мой.
 Ужъ тогда товары вынули
 Да въ дѣвичій хороводъ
 Среди двора и кинули:
 „Подбирай, честной народъ!“
 Закипѣла свалка знатная.
 Вотъ такъ были господа:
 Угодилъ домой обратно я
 На девятый день тогда!“

V.

— Много ли верстъ до Гоголина?
 — Да обходами три, а прямо-то шесть.

Крестьянская шутка.

Хорошо было дѣтинушкѣ
 Сыпать ласковы слова,
 Да трудненько Катеринушкѣ
 Парня ждать до Покрова.
 Часто въ ночку одинокую
 Дѣвка часу не спала,
 А какъ жала рожъ высокую,
 Слезы въ три ручья лила!
 Извелась бы неутѣшная,
 Кабы время горевать,
 Да пора страднѣя, спѣшная —
 Надо десять дѣлъ кончать.
 Какъ ни часто приходилоя
 Молодицѣ не-втерпѣжъ,
 Подъ косою трава валилася,
 Подъ серпомъ горѣла рожъ.
 Изъ всей-то силы-моченьки
 Молотила по утрамъ,
 Ленъ стлала до темной ноченьки

По росистымъ по дугамъ.
 Стелеть ленъ, а неотвязная
 Дума на-сердцѣ лежитъ:
 „Какъ другая дѣвка красная
 Молодца приворожить?
 Какъ измѣнить? какъ засвѣтаетъ
 На чужой на сторонѣ?“
 И у дѣвки сердце падаетъ:
 „Ты женись, женись на мнѣ!
 Ни тебѣ, ни свекру-батюшкѣ
 Николи не согрублю,
 Отъ свекрови, твоей матушки,
 Слово всякое стерплю.
 Не дворянка, не купчиха я,
 Да и нравомъ-то смирна,
 Буду я невѣстка тихая,
 Работающая жена.
 Ты не нудь себя работою,
 Силы мнѣ не занимать,
 Я за милаго съ охотою
 Буду пашенку пахать.
 Ты живи себѣ гуляючи,
 За работницей женой,
 По базарамъ развѣзжаючи,
 Веселися, пѣсни пой!
 А вернешься съ торгу пьяненькій —
 Накормлю и уложу!
 „Спи, пригожій, спи, румянькій!“
 Больше слова не скажу.
 Видитъ Богъ, не осердилась бы!
 Обрядила бы коня,
 Да къ тебѣ и подвалилась бы:
 — Поцѣлуй, дружокъ, меня!..“
 Думы дѣвичьи завѣтныя,
 Гдѣ васъ всѣ-то угадать?
 Легче камни самоцвѣтныя
 На днѣ моря сосчитать.
 Ужъ овечка опушается,
 Чуя близость холодовъ,
 Катя плуце разгорается...
 Вотъ и праздничекъ Покровъ!

„Ой! пуста, пуста коробушка,
 Полонъ денегъ кошелекъ.

Жди-пожди, душа зазнобушка
 Не обманетъ миль-дружокъ!“
 Весель Ванька. Припѣваючи,
 Пряникомъ домой идетъ.
 Старый Тихонычъ зѣваючи
 То и дѣло крестить ротъ.
 Въ эту почку не уснулося
 Ни минуточки ему.
 Какъ мошна-то пораздулася,
 Такъ, Богъ знаетъ почему,
 Все такія мысли страшныя
 Забираются въ башку.
 Прощелыги ли кабашины
 Подзываютъ къ кабаку,
 Попадутся ли солдатики —
 Коробейникъ самъ не свой:
 „Проходите съ Богомъ, братики!“
 И ударится рысцою.
 Словно пятки-то иглоками
 Понатыканы — бѣжить.

Въ Кострому идутъ проселками,
 По болоту путь лежитъ,
 То кочажникомъ, то бродами.
 „Эхъ! пословица-то есть:
 Коли три версты обходами,
 Прямымика будетъ шесть!
 Да въ Трубѣ, въ селѣ, мошейники
 Сбили съ толку, мужики:
 — Вы подите, коробейники,
 Въ Кострому-то на-прямки:
 Вѣрныхъ сорокъ съ половиною
 По нагорной сторонѣ,
 А болотной-то тропиною
 Двадцать восемь.—Вотъ онѣ!
 Чортъ попуталь—мы повѣрили,
 А кто версты тутъ считаль?“
 — Бабы ихъ клюкою мѣряли,
 Ванька съ важностью сказала:
 — Не ругайся! Самъ я слыхиваль,
 Тутъ дорога попрямай. —
 „Дьяволь, что-ли, понапихиваль
 Этихъ кочекъ да корней?
 Доведись пора вечерняя,

Не дойдешь—сойдешь съ ума!
Хороша наша губернія,
Славенъ городъ Кострома,
Да лѣса, лѣса дремучіе,
Да болота къ ней ведутъ,
Да пески, пески сыпучіе...“
— Стой-ка, дядя, чу, идуть!

VI.

Только молодець и живъ бываль.

Старинная былина.

Не тростнигъ высокъ колыхнется,
Не дубровушки шумять,
Молодецкій посвистъ слышится,
Подъ ногой сучки трещать.
Показался песь въ ошейничкѣ,
Вотъ и добрый молодець:
— Путь-дорога, коробейнички!
„Путь-дороженька, стрѣлецъ!“
— Чтѣ ты смотришь?— „Не прохаживаль
Ты, какъ давеча въ Трубѣ
Про дорогу я разспрашиваль?“
— Нѣтъ, почудилось тебѣ.
Трои сутей не былъ дома я,
Жить ли дома лѣснику?
— „А кажись, лицо знакомое“,
Шепчетъ Ванька старику.
— Что вы шепчетесь!— „Да каемся,
Лучше-бъ намъ горой идти.
Такъ ли, малый, пробираемся
Въ Кострому?“— Намъ по пути,
Я изъ Шуньи.— „А далеко ли
До деревни до твоей?“
— Верстѣ двѣнадцать. А по многу ли
Подѣлили барышей?
„Коли знать всю правду хочется,
Весь товаръ песемъ назадъ“.
Лѣсничокъ какъ расхохочется!
— Ты, я вижу, прокурагъ!
Кабы весь, небось, не скоро бы
Шель ты, старый воробей! —
И лѣсникъ приподнялъ коробы
На плечахъ у торгашей.

— Ой! легохоньки коробушки,
Все повшыродали знать?
Наклевались воробушки,
Полетѣли отдыхать!
„Что, дойдемъ въ село до ноченьки?“
— Надо, парень, добрести,
Самъ усталъ, я, нѣту моченьки —
Тяжело ружье нести.
Наше дѣло подневольное,
День и ночь броди въ лѣсу. —
И съ плеча ружье двуствольное
Снялъ—и держитъ на-вѣсу.
— Эхъ вы, стволики-голубчики!
Больно вы ужъ тяжелы.—
Покосились наши куччики
На тяжелые стволы:
Сколько нитокъ понамотано!
Въ палець щели у замковъ.
„Неужели, парень, бьетъ оно?“
— Бьетъ на семьдесятъ шаговъ.
Деревенскій видно плотничекъ
Строилъ ложу—тяпъ да ляпъ!
Да и самъ Христовъ охотничекъ
Ростомъ малъ и съ виду слабъ.
Выше пояса замочена
Одежонка лѣсника,
Борода густая склочена,
Лычко вмѣсто пояска.
А туда же песь въ ошейничкѣ,
По прозванію: Ушпыр.
Посмѣялись коробейники:
„Эхъ ты, горе-богатырь!...“
Часъ идуть, другой. „Далеко ли?“
— Близко.— „Что ты?“— У рѣки
Куропаточки закокали.—
И дѣтина взвелъ курки.
— Ай, курѣчки! важно щелкнули,
Хоть медвѣдя уложу!
Что вы, други, приумолкнули?
Запоемъ для куражу? —
Коробейникамъ не пѣлося:
Ужъ темнѣли небеса,
Надъ болотомъ засинѣлася,

Понависнула роса.
 „День-деньской и такъ умелешься,
 Самъ бы лучше ты заплѣлъ...
 Что ты?.. Эй! въ кого ты цѣлишься?“
 — Такъ, я пробую прицѣлѣть...
 Дождикъ, что ли, собирается,
 Ходять по-небу бычки,
 Вечеръ пуще надвигается,
 Прятче идутъ мужички.
 Песъ бѣжитъ сторонкой, нюхаешь,
 Поминутно слышитъ дичь.
 Чу! какъ ухалица ухаешь,
 Чу! ребенкомъ стопеть сычь.
 Поглядѣлъ старикъ украдкой:
 Парня словно дрожь беретъ.
 „Аль спознался съ лихорадкою!“
 — Да ужъ три недѣли бьетъ —
 Полечи!—А самъ прищурился,
 Словно въ Ваньку норовить.
 Старый Тихоньчъ нахмурился:
 „Что за шутки!“ говорить.
 „Чѣмъ шутить такія шуточки,
 Лучше пѣсни пѣть и впрямь.
 Погодите полъ-минуточки —
 Затяну лихую вамъ!
 Зналъ я старца еле зрячаго,
 Онъ весь вѣкъ съ сумой ходилъ
 И про странника бродячаго
 Пѣсню длинную сложилъ.
 Ней отъ старости, ней съ голоду
 Онъ въ канавкѣ кончилъ вѣкъ,
 А живаль богато смолоду,
 Былъ хорошій человекъ,
 Вспоминають обыватели.
 Да его попуталь Богъ:
 По ошибкѣ засѣдатели
 Упекли его въ острогъ:
 Нужно было изъ Спиридова
 Вызвать Тита Кузьмича,
 Описались—изъ Давыдова
 Взяли Титушку-ткача!
 Ждетъ сердечный: „завтра, нонче ли
 Ворочусь на вольный свѣтъ?“
 Наконецъ и дѣло кончили,

А ему рѣшенья нѣтъ.
 „Эй, хозяйка! нѣту моченьки,
 Ты иди къ судьямъ опять!
 Изойдутъ слезами оченьки,
 Какъ полотна буду ткать?“
 Да не то у Степанидушки
 Завелося на умѣ:
 Съ той поры ее у Титушки
 Не видали ужъ въ тюрьмѣ.
 Захворала ли, покинула,
 Тить не вѣдалъ ничего.
 Лѣтъ двѣнадцать такъ минуло —
 Призываютъ въ судъ его.
 Предъ зеркаломъ, въ облаченіи
 Молодой судья сидѣлъ.
 Прочиталь ему рѣшеніе,
 Росписаться повелѣлъ
 И на всѣ четыре стороны,
 Отпустилъ—ступай къ женѣ!
 „А за что вы, черны вѣроны,
 Очи выклевали мнѣ?“
 Тутъ и самъ судья покался:
 — Ты прости, прости любя!
 Вправду ты задаромъ маялся,
 Позабыли про тебя! —

Тить—домой. Поля не браны,
 Домъ растасканъ на клочки,
 Продала сосули, бороны,
 И одѣжу, и станки,
 Съ баринкомъ слюбилась женушка,
 Убѣжала въ Кострому.
 Тутъ родимая сторонушка
 Опостылѣла ему.
 Плюнулъ! Долго не разгадываль,
 Безъ дороги въ путь пошелъ.
 Шель—да пѣсню эту складываль,
 Самъ съ собою рѣчи вель.
 И говариваль стариушка:
 „Вся-то пѣсня—два словца.
 А запой ее, дѣтинушка,
 Не дотянешь до конца!
 Эту пѣсенку мудреную,
 Тотъ до слова допоеть,

Кто всю землю, Русь крещеную,
Изъ конца въ конецъ пройдетъ“.
Самъ ее Христовъ угодничекъ
Не допѣлъ — спить вѣчнымъ сномъ.
Ну! подтягивай, охотничекъ,
Да иди ты передомъ!

ПѢСНЯ УБОГАГО СТРАННИКА.

Я лугами иду—вѣтеръ свищетъ въ лугахъ:
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я лѣсами иду — звѣри воютъ въ лѣсахъ:
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я хлѣбами иду—что вы тощи, хлѣба?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду,
Съ холоду, родименькой, съ холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
Съ голоду, странничекъ, съ голоду,
Съ голоду, родименькой, съ голоду!

Я въ деревню: мужикъ! ты тепло ли жи-
вешь?
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я въ другую: мужикъ! хорошо ли ѣшь, пьешь?
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Ужъ я въ третью: мужикъ! что ты бабу-то
бьешь?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду,
Съ холоду, родименькой, съ холоду!

Я въ четверту: мужикъ! что въ кабакъ ты
идешь?
Съ голоду, странничекъ, съ голоду,
Съ голоду, родименькой, съ голоду!

Я опять во луга, вѣтеръ свищетъ въ лугахъ:
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во лѣса—звѣри воютъ въ лѣсахъ:
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я опять во хлѣба, —
Я опять во стада, —
и т. д.

Щѣлъ старикъ, а самъ поглядываль:
Поминутно лѣсничокъ
То къ плечу ружье прикладываль,
То потрогиваль курокъ.

На бѣду, ни съ кѣмъ не встрѣтишься!

„Полно пѣть... Эй, молодець!
Что отсталъ?.. Въ кого ты мѣтишься?
Что ты дѣлаешь, подлецъ!“

— Труссы, труссы вы великіе! —

И лѣсникъ захохоталь,
(А глаза такіе дикіе!).

„Стыдно!“ Тихоничъ сказалъ;
„Какъ не грѣхъ тебѣ захожаго
Человѣка такъ пугать?

А еще хотѣлъ я дешево
Миткалю тебѣ продать!“

Молодецъ не унимается,
Штуки дѣлаетъ ружьемъ,

Воемъ, лаемъ отзывается
Хохоть глупаго кругомъ.

— „Эй! уймись! Чего дурачишься?“

Молвилъ Ванька: — „Я молчу,

А заѣду, такъ наплачешься,
Разомъ скулы сворочу!

Коли ты ужъ съ нами встрѣтился,
Долженъ честью проводить“ . —

А лѣсникъ опять намѣтился.

— „Не шути!“ — Чаво шутитъ! —

Коробейники отпрянули,

Богъ помилуй — смерть пришла!

Почитай-что разомъ грянули

Два ружейные ствола.
Безъ словечка Ванька валится,
Съ крикомъ падаетъ старикъ...

—
Въ кабакъ бурлить, бахвалится
Тѣмъ же вечеромъ лѣсникъ:
„Пейте, пейте, православные!
Я, ребяташки, богатъ;
Два бекаса нынче славные
Миѣ попали подъ зарядъ!
Много серебра и золотца,
Много всякаго добра
Богъ послалъ!“ Глядятъ, у молодца
Точно — куча серебра.
Подзадорили дѣтинушку,
Онъ почти всю правду бухъ!
На бѣду его — скотинушку
Тѣмъ болотомъ гналъ пастухъ:
Слышалъ выстрѣлы ружейные,
Слышалъ крики... „Стой! винись!..“
И мірскія, и питейныя
Тотчасъ власти собрались.
Молодцу скрутили рученьки:
„Ты вяжи меня, вяжи,
Да не тронь мои онученьки!“
— Ихъ-то намъ и покажи!
Поглядѣли: подъ онучами
Денегъ съ тысячу рублей —
Серебро, бумажки кучами.
Утромъ позвали судей,
Судьи тотчасъ все довѣдали
(Только денегъ не нашли!),
Погребенью мертвыхъ предали,
Лѣсника въ острогъ свезли...

ДВАДЦАТОЕ НОЯБРЯ.

1861 года.

Я покинулъ кладбище унылое,
Но я мысль мою тамъ позабылъ, —
Подъ землю въ гробу пріютилася
И глядитъ на тебя, мертвый другъ!

Ты скороненъ въ морозы трескучіе,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо, черезъ щели гробовыя,
Проступить не успѣла вода;
Ты лежишь какъ сейчасъ похороненный,
Только словно длиннѣй и бѣлѣй
Пальцы рукъ, на груди твоей сложенныхъ,
Да сквозь землю проникнувшимъ инеемъ
Убѣлили твои кудри морозъ,
Да слѣды наложили чуть видные
Поцѣлуй суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутыя
И на впалыя очи твои...

СВОБОДА.

Родина мать! по равнинамъ твоимъ
Я не ѣзжалъ еще съ чувствомъ такимъ!

Вижу дитя на рукахъ у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

Въ добрую пору дити родилось,
Милостивъ Богъ, не узнаешь ты слезъ!

Съ дѣтства никѣмъ не запуганъ, свободенъ,
Выберешь дѣло, къ которому годеи;

Хочешь—останешься вѣкъ мужикомъ,
Сможешь—подъ небо взовьешься орломъ!

Въ этихъ фантазіяхъ много ошибокъ:
Умъ человѣческой тонокъ и гибокъ,

Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ,

Такъ!.. но распутать ихъ легче народу.
Муза! съ надеждой привѣтствуй свободу!

ДЕШЕВАЯ ПОКУПКА.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДРАМА.

„За отъѣздомъ продаются: мебель,
зеркала и проч. Домъ Воронина
№ 159“.

„Полиш. Вид.“

Н^адо поѣхать—статья подходящая!
Слышится въ этомъ нужда настоящая,
Не попадетъ ли что-нибудь дешево?
Вотъ и поѣхалъ я. Много хорошаго:
Бронза, картины, портьеры все новыя,
Мягкія кресла, диваны отмѣнные.
Только у барыни очи суровыя,
Рѣчи короткія, губы надменные;
Видимо, чѣмъ-то она озабочена,
Но молода, хороша удивительно:
Словно рукой гениальной обточено
Смуглое личико. Все въ ней плѣнительно:
Тянуть назадъ ея голову милую
Черные волосы, сѣткою сжатые,
Дышутъ какою-то сдержанной силою
Ноздри красивыя, вверхъ приподнятыя.
Видно, что жгучая мысль безпокойная
Въ сердцѣ кипитъ, на просторъ порывается.
Вся соразмѣрная, гордая, стройная,
Миѣ эта женщина часто мечтается!..

Я отобралъ себѣ вещи прекрасныя;
Но оказались цѣны ужасныя!
День переждалъ, захожу—то же самое;
Меньше предложишь, такъ даже обидится!..

— Барыня эта—созданье упримое:
Съ мужемъ, подумалъ я, надо увидѣться.

Мужъ—господинъ красоты замѣчательной,
Въ гвардіи годъ прослужившій отечеству,
Былъ человѣкъ разбитной, обязательный,
Склонный къ разгулу, къ игрѣ, къ молоде-

честву,—
Съ нимъ у насъ дѣло какъ разъ завязалось.
Странная драма тогда разыгралась:

Мужа застану—поладимъ скорѣхонько;
Барыня выйдетъ—ни въ чемъ не сторгуешься
(Только глазами ея полюбуешься).

Нечего дѣлать! вставалъ я ранехонько,

И пока барыня сномъ наслаждалась—

Многое сходно купить удавалось.

У дому ждуть ломовые извозчики,

Въ домѣ толпятся вещей неренюшки,

Окна ободраны, стѣны ужъ голыя,

У покупателей лица веселыя.

Только у няни глаза заслезилися:

„Вотъ и съ приданымъ своимъ мы прости-

лиси!“

Молвила няня...—Какое приданое?

„Все это взялъ онъ за барышней нашей.“

„Вмѣстѣ весной покупали съ мамашею;

„Какъ любовались!..“

Открытыя неожиданное!

Сказано слово—и все объяснилось!

Вотъ почему такъ она дорожилась.

Бѣдная женщина! Въ позднемъ участіи,

Я проклинаю торгашество пошлое.

Все это куплено съ мыслью о счастьи,

Съ этимъ уходитъ—счастливое прошло!

Здѣсь ты свила себѣ гнѣздышко скромное,

Каждый здѣсь гвоздикъ вколоченъ съ на-

деждою!..

Ну, а теперь ты созданье бездомное,

Порабощенное грубымъ невѣждою!

Гдѣ не остыль еще слѣдъ обаянія

Дѣвственной мысли, мечты обольстительной,

Тамъ совершается торгъ возмутительный.

Какъ еще можешь сдержать ты рыданія!

Въ очи твои голубыя, красивыя
Нагло глядятъ торгаши непривѣтные.
Осквернены твои думы стыдливыя,
Проданы съ торгу надежды завѣтныя!..

Няня межъ тѣмъ заунывныя жалобы
Шепчетъ мнѣ въ ухо: „Распродали дешево—
„Лишь до деревни доѣхать достало бы.
„Что ужъ тамъ будетъ? не жду я хорошаго!
„Баринъ, поди, загуляешь съ сосѣдями,
„Барыня будетъ одна-одинехонька,
„День-то не веселье, а ночь-то чернехонька.
„Рядомъ лѣсище -- съ волками, съ медвѣ-
дями“.

— Смолкни ты, няня! созданье болтливое,
Не надрывай мое сердце пугливое!
Намъ ли въ диковину сцены тяжелой?
Каждому трудно живется и дышется,
Чудо, что есть еще лица веселыя,
Чудо, что смѣхъ еще временемъ слышится!..

Баринъ пришелъ — поздравляетъ съ покуп-
кою,

Барыня бродитъ такая унылая;
Съ тихо воркующей, нѣжной голубкою
Я ее сравнивалъ, деньги постылыя
Ей отдавая... Копѣйка ты мѣдная!
Горе ты, горе! нужда окающая...

Чуть надъ тобой не заплакалъ я, бѣдная!
Вотъ одолжилъ бы... Прощай, безталанная!..

*
*
*

Литература, съ трескучими фразами,
Полная духа анти-человѣчнаго,
Администрація наша съ указами
О забираши всякаго встрѣчнаго,—
Дайте вздохнуть!..

Я простился съ столицами,
Мирно живу средь полей,

Но и крестьяне съ унылыми лицами
Не улаживаютъ очей;
Ихъ нищета, ихъ терпѣнье безмѣрное
Только досаду родить...
Что же ты любишь, дитя маловѣрное,
Гдѣ же твой идолъ стоять?

*
*
*

Стихи мои! Свидѣтели живые
За мѣръ пролитыхъ слезъ!
Родитесь вы въ минуты роковыя
Душевныхъ грозъ
И бьетесь о сердца людскія,
Какъ волны объ утесъ.

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМЪ *.

Идетъ - гудеть Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенний шумъ!

Играючи расходится
Вдругъ вѣтеръ верховой:
Качнетъ кусты ольховые,
Подниметъ пыль цвѣточную,
Какъ облако: все зелено,
И воздухъ, и вода!

Идетъ-гудѣтъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенний шумъ!

Скромна моя хозяйка
Наталя Патрикѣевна,
Водой не замутишь!
Да съ ней бѣда случилася,
Какъ лѣто жилъ я въ Питерѣ!..

* Такъ народъ называетъ пробужденіе природы весной.

Сама сказала, глупая,
 Типунъ ей на языкъ!
 Въ избѣ самъ другъ съ обманщицей
 Зима насъ заперла,
 Въ мои глаза суровые
 Глядитъ, — молчитъ жена.
 Молчу... а дума лютая
 Покоя не дастъ:

Убить... такъ жаль сердечную!
 Стерпѣть — такъ силы нѣтъ!

А тутъ зима косматая
 Реветь и день, и ночь:

„Убей, убей измѣнницу!
 „Злодѣя изведи!

„Не то весь вѣкъ промаешься,
 „Ни днемъ, ни долгой ноченькой
 „Покоя не найдешь.
 „Въ глаза твои безстыжіе
 „Сосѣди наплюютъ!..“

Подъ пѣсню-вьюгу зимнюю
 Окрѣпла дума лютая —
 Припасъ я вострый ножъ...
 Да вдругъ весна подкралася...

Идетъ-гудѣтъ Зеленый Шумъ,
 Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Какъ молокомъ облитые,
 Стоять сады вишневые,
 Тихохонько шумятъ;
 Пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
 Шумятъ повеселѣлые
 Сосновые лѣса;

А рядомъ, новой зеленью
 Лепечуть пѣспю новую
 И липа блѣдно-листая,
 И бѣлая березонька
 Съ зеленою косой!

Шумить тростинка малая,
 Шумить высокій клѣнь...
 Шумятъ они по новому,
 По новому, весеннему...

Идетъ-гудѣтъ Зеленый Шумъ,
 Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Слабѣетъ дума лютая,
 Ножъ валится изъ рукъ,
 И все миѣ пѣсня слышится
 Одна — въ лѣсу, въ лугу:
 „Люби, покуда любится,
 Терпи, покуда терпится,
 Прощай, пока прощается,
 И — Богъ тебѣ судья!“

ЧТО ДУМАЕТЪ СТАРУХА,

КОГДА ЕЙ НЕ СПИТСЯ.

Въ позднюю ночь надъ усталой деревнею
 Сонъ непробудный царить,
 Только старуху столѣтнюю, деревнюю
 Не посѣтилъ онъ. — Не спить,

Мечется по-печи, охаетъ, мается,
 Ждетъ — не поютъ пѣтухи!

Вся-то ей долгая жизнь представляется,
 Все то грѣхи да грѣхи!

„Охти-миѣ! Часто Владыку небеснаго
 Я искушала грѣхомъ:

Нутко-се! съ ходу-то, съ ходу-то крестнаго
 Разъ я ушла съ паренькомъ

„Въ рощу... Вотъ то-то! мы съ молоду ду-
 рочки,

Думаемъ: милостивъ Богъ!

Разъ у сосѣдки взяла изъ подъ курочки
 Пару личекъ... охъ! охъ!

„Въ страдную пору больной притворилася —
 Мужа въ побывку ждала...

Съ Ѳедей солдатикомъ чуть не слюбилася..
 Съ мужемъ подъ праздникъ спала.

„Охти-миѣ... охъ! угожу въ преисподнюю!
 Разъ, какъ забрили сына,

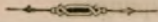
Я возроптала на благодать Господнюю,
 Въ постъ испила молока, —

„То-то я грѣшница! то-то преступница! —

Съ горя валялась пьяна...

Божія мать! Святая заступница!

Вся-то грѣшна я, грѣшна!..“

*
* *

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать.

Не мудрено, что ты вынешь до времени,
Все-выносящаго русскаго племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палить.

Бѣдная баба изъ силъ выбивается,
Столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,
Жалить, шекочеть, жужжить!

Приподнимая коосу тяжелую,
Баба порѣзала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крикъ у сосѣдней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!

Что же ты стала надъ нимъ въ отупѣніи?
Пой ему пѣсню о вѣчномъ терѣніи,
Пой, терпѣливая мать!..

Слезы ли, потъ ли у ней надъ рѣспицею,
Право, сказать мудрено.

Въ жбанъ этотъ, заткнутой грязной тряпицею,
Кануть они — все равно!

Вотъ она губы свои опаленныя
Жадно подносить къ краямъ...

Вкусны ли, милая, слезы соленныя
Съ кислымъ кваскомъ пополамъ?..

*
* *

Надрывается сердце отъ муки,
Плохо вѣрится въ силу добра,
Внемля въ мѣрѣ царящіе звуки
Барабановъ, цѣпей, топора.

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смѣшанный шумъ;
Ты ликуешь, на мигъ не смолкая,
Какъ дитя, безъ заботы и думъ.
Въ обаяніи счастья и славы,
Чувству жизни ты вся предана, —
Что-то шепчутъ зеленныя травы,
Говорливо струится волна;
Въ стадѣ весело ржётъ жеребенокъ,
Быкъ съ землей вырываетъ траву,
А въ лѣсу бѣлокурый ребенокъ —
Чу! кричитъ: „Парасковья, ау!“
По холмамъ, по лѣсамъ, надъ долиной
Птицы сѣвера вьются, кричатъ,
Разомъ слышны — напѣвъ соловьиный
И нестройные писки галчатъ,
Грохотъ тройки, скрипѣнье подводы,
Крикъ лягушекъ, жужжаніе ось,
Трескъ кобылокъ, — въ просторѣ свободы
Все въ гармонию жизни слилось...
Я наслушался шума инова...
Оглушенный, подавленный имъ,
Мать-природа! иду къ тебѣ снова
Со всегдашнимъ желаньемъ моимъ —
Заглуши эту музыку злости!
Чтобъ душа ощутила покой
И прозрѣвшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

КАЛИСТРАТЪ.

Надо мной пѣвала матушка,
Колыбель мою качаючи:
„Будешь счастливъ, Калистратушка!
„Будешь жить ты припѣваючи!“

И сбылось, по волѣ Божіей,
Предсказанье моей матушки:
Нѣтъ богаче, нѣтъ пригожѣ,
Нѣтъ наряднѣй Калистратушки!

Въ ключевой водѣ купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидаяся
Съ непосѣянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагихъ дѣтишекъ стиркою,
Пуще мужа наряжается —
Носитъ лапти съ подковыркою!..

ПОЖАРИЩЕ.

Весело бить васъ, медвѣди почтенные,
Только до васъ добираться невесело:
Кочи, ухабины, ели безсмѣнныя!
Каждое дерево вѣтви повѣсило,
Каркаетъ воронъ надъ бѣлой равниною,
Нипѣй въ деревнѣ за дровни цѣпляется.
Этой сплошной безотрадной картиною
Сердце подавлено, взоръ утомляется.
Ой! надоѣла ты, глушь новгородская!
Ой! истомила ты, бѣдность крестьянская!
То ли бы дѣло лошадка заводская,
Съ полостью санки, прогулка дворянская?
Даже церквей здѣсь почти не имѣется.
Вотъ, наконецъ, впереди развлеченіе:
Что-то на бѣлой полянѣ чернѣется,
Что-то дымится,—сгорѣло селеніе:

Бѣдныхъ, богатыхъ не различающій,
Шутку огонь подшутилъ презабавную:
Только повсюду еще украшающій
Освобожденную Русь православную
Столбъ уцѣлѣлъ—и на немъ сохраняются
Строки: „деревня помѣщика Вѣчева“.
Съ лаемъ собаки на насъ не бросаются,
Думаютъ видно: украсть вамъ тутъ нечего!
(Такъ. А давно ли служили вы съ вѣрою,
Лаяли, злились до самозабвенія
И на хребтѣ своемъ шерсть черно-сѣрую
Ставили дыбомъ въ защиту селенія?..)
Да на обломкахъ стѣны штукатурной
Крайняго дома—должно быть дворянскаго—
Видны портреты: Кутузовъ нахмуренный,
Блюхеръ безсмѣнный и бокъ Забалканскаго.
Лошадь дрожить у плетня почернѣлаго,
Куры бездомныя съ холоду ѣжятся
И на остаткахъ жилья погорѣлаго
Люди, какъ черви на трупѣ, копошатся!..

* * *

I.

Благодареніе Господу Богу,
Конченъ проселокъ!.. Не спишь?
— Думаю, братецъ, про эту дорогу.
„То-то давненько молчишь“.
„Что же ты думаешь?“—Долго рассказывать.
Только тронѣлись по ней,
Стала мнѣ эта дорога показывать
Тѣни погибшихъ людей,
Блѣдныя тѣни! ужасныя тѣни!
Злоба, безумье, любовь...
Ѣдемъ мы, братецъ, въ крови по колѣни!
„Полно—тутъ пыль, а не кровь...“

II.

„Баринъ! не выпить ли намъ понемногу
Больно ужъ ты присмирѣлъ“.
— Пѣлъ бы я пѣсню про эту дорогу,
Пѣлъ бы да рѣвмя ревѣлъ,

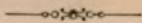
Пѣсней надъ пѣснями стала бы эта
Пѣсня... да пѣть не рука.
„Пѣсня про эту дорогу ужъ свѣта,
Дá что въ ней проку?.. Тоска!“

— Знаю, народъ *проторенной цѣпями*
Эту дорогу зоветъ.
„Вѣрно! увидишь своими глазами:
Русская пѣсня не вретъ!“

III.

Скоро попались намъ пѣшіе ссыльные,
Съ гикомъ ямщикъ налетѣлъ,
Въ тряской телѣгѣ два путника пыльные
Скачуть... едва разглядѣлъ...

Подлѣ лица—молодого, прекраснаго,
Съ саблей усачъ...
Братъ, удаляемый съ поста опаснаго,
Есть ли тамъ смѣна? Прощай!

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ.

День-денской моя печальница,
Въ ночь — ночная богомолица,
Вѣкова моя сухотница...

Изъ народной пѣсни.

Чуть живые, въ ночь осеннюю
Мы съ охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогодняго,
Славу Богу, добираемся.

— Вотъ и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!

Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!

Посѣтила ли кручинушка?
Молви—можетъ, и размыкаю.
И повѣдала Оринушка
Мнѣ печаль свою великую.

— Восемь лѣтъ сынка не видѣла,
Живъ ли, нѣтъ—не откликается,
Ужъ и свидѣться не чаяла,
Вдругъ сыночекъ возвращается.

Вышло молодцу въ безсрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блиновъ Оринушка,
Не посмотрится на Ванюшку!

Да не долги были радости.
Воротился сынъ больнѣхонекъ,
Ночью кашель бьетъ солдатика,
Бѣлый платъ въ крови мокрѣхонекъ!

Говоритъ: „поправлюсь, матушка!“
Да ошибся—не поправился,
Деять дней хворалъ Иванушка,
На десятый день преставился...

Замолчала—не прибавила
Ни словечка, безталанная.
— Да съ чего же привязалась
Къ парню хворость окалнная?

— Хилый, что ли, былъ съ рожденія?..
Встрепенулася Оринушка:
„Богатырскаго сложенія,
Здоровенный былъ дѣтинушка!

„Подивился самъ изъ Питера
Генераль на парня этого,
Какъ въ рекрутское присутствіе
Привели его раздѣгаго...

„На избѣнку эту брѣвнышки
Онъ одинъ таскалъ сосновыя...
И вилися у Иванушки
Русы кудри какъ шелковыя“...

И опять молчить несчастная...
— Не молчи—развѣй кручинушку!
Что сгубило сына милаго—
Чай, спросила ты дѣтинушку?—

„Не любилъ, сударь, рассказывать
Онъ про жизнь свою военную,
Грѣхъ мірянамъ-то показывать
Душу—Богу обреченную!

„Говорить—гнѣвить Всевышняго,
Окаянныхъ бѣсовъ радовать...
Чтобъ не молвить слова лишняго,
На враговъ не подосадовать,

„Нѣмота передъ кончиною
Подобаеть христіанину.
Знаеть Богъ, какія тягости
Сокрушили силу Ванину!

„Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Онъ одни слова утѣшныя
Говорилъ мнѣ, умираючи.

„Тихо по двору похаживаль
Да постукиваль топорикомъ,
Избу ветхую облаживаль,
Огородъ обнесъ заборикомъ;

„Перекрыть сарай задумываль.
Не сблизилъ его желанія:
Слегъ—и всталъ на ноги рѣзвья
Только за день до скончанія!

„Поглядѣть на солнце красное
Пожелалъ,—пошла я съ Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался съ ригой, съ банею.

„Сѣнокосомъ шель—задумался,
— Ты прости, прости, полянушка!
Я косилъ тебя во младости!—
И заплакалъ мой Иванушка!

„Пѣсня вдругъ съ дороги грянула,
Подхватилъ, что было голосу

— „Не бѣлы снѣжки“, закашлялся,
Задыхался—паль на полосу!

„Не стояли ноги рѣзвья,
Не держалася головушка!
Съ часъ домой мы возвращались...
Было время—пѣлъ соловушка!

„Страшно въ эту ночь послѣднюю
Было: память потерялася,
Все ему передъ кончиною,
Служба эта представлялася.

„Ходить, чистить амуницію,
Набѣлили ремни солдатскіе,
Языкомъ игралъ сигналики,
Пѣсни пѣлъ—такія хватскія!

„Артикуль ружьемъ выкидываль,
Такъ, что весь домишка вздрагиваль;
Какъ журавль стоялъ на ноженкѣ
На одной—носокъ вытягиваль.

„Вдругъ метнулся.. смотреть жалобно...
Повалился—плачетъ, кается,
Крикнулъ: „ваше благородіе!“
„Ваше!“... вижу—задыхается:

„Я къ нему. Утихъ, послушался—
Легъ на лавку. Я молилася:
Не пошлетъ ли Богъ спасеніе?..
Къ утру память воротилася,

„Прошепталъ: прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!..
Я надъ Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

„И погасъ онъ словно свѣченька
Восковая, предъ-иконная...“

Мало словъ, а гори рѣченька,
Горя рѣченька бездонная!..

МОРОЗЪ КРАСНЫЙ - НОСЪ.

Посвящаю

моей сестрѣ

АННѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

Ты опять упрекнула меня,
 Что я съ музой моей раздружился,
 Что заботамъ текущаго дня
 И забавамъ его подчинился.
 Для житейскихъ расчетовъ и чаръ
 Не растался-бъ я съ музой моею;
 Но, Богъ вѣсть, не погасъ ли тотъ даръ,
 Что, бывало, дружилъ меня съ нею?
 Но не братъ еще людямъ поэтъ,
 И тернисть его путь, и непрочень,
 Я умѣлъ не бояться клеветъ,
 Не былъ ими я самъ озабоченъ;
 Но я зналъ, чье во мракѣ ночномъ
 Надрывалось сердце съ печали
 И на чью онѣ грудь упали свинцомъ,
 И кому онѣ жизнь отравляли.
 И пускай онѣ мимо прошли,
 Надо мною ходившія грозы,
 Знаю я, чьи молитвы и слезы
 Роковую стрѣлу отвели...
 Да и время ушло,—я усталъ...
 Пусть я не былъ бойцомъ безъ упрека,
 Но я силы въ себѣ сознавалъ,
 Я во многое вѣрилъ глубоко,
 А теперь—мнѣ пора умирать...
 Не за тѣмъ же пускаться въ дорогу,
 Чтобы въ любящемъ сердцѣ опять
 Пробудить роковую тревогу...

Присмирѣвшую музу мою
 Я и самъ неохотно ласкаю...
 Я послѣднюю пѣсню пою
 Для тебя—и тебѣ посвящаю.
 Но не будетъ она веселій,
 Будетъ много печальнѣе прежней,
 Потому что на сердцѣ темнѣй
 И въ грядущемъ еще безнадежнѣй...

Буря воетъ въ саду, буря ломится въ домъ,
 Я боюсь, чтобы она не сломила
 Старый дубъ, что посаженъ отцомъ,
 И ту иву, что мать посадила,
 Эту иву, которую ты
 Съ нашей участью странно связала,
 На которой поблекли листы
 Въ ночь, какъ бѣдная мать умирала...

И дрожить и пестрѣтъ окно...
 Чу! какъ крупныя градины скачутъ!
 Милый другъ, поняла ты давно —
 Здѣсь одни только камни не плачутъ...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА.

I.

Савраска увязъ въ половинѣ сугроба—
 Двѣ пары промерзлыхъ лаптей
 Да уголь рогожей покрытаго гроба
 Торчатъ изъ убогихъ дровней.

Старуха въ большихъ рукавицахъ
 Савраску сошла понукать.
 Сосульки у ней на рѣсницахъ,
 Съ морозу—должно полагать.

II.

Привычная дума поэта
 Впередъ забѣжать ей спѣшить:
 Какъ саваномъ, снѣгомъ одѣта
 Избушка въ деревнѣ стоитъ,
 Въ избушкѣ—теленокъ въ подклѣти,
 Мертвецъ на скамьѣ у окна;
 Шумятъ его глупыя дѣти,
 Тихонько рыдаетъ жена.

Сшивая проворной иглой
На саванъ куски полотна,
Какъ дождь зарядившій на-долго,
Не громко рыдаетъ она.

III.

Три тяжкія доли имѣла судьба,
И первая доля: съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И всѣ эти грозныя доли легли
На женщину русской земли.

Вѣка протекали — все къ счастью стремилось,
Все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось,
Одну только Богъ измѣнить забывалъ
Суровую долю крестьянки.
И всѣ мы согласны, что типъ измельчалъ
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свѣту кровавой борьбы
И жалобъ своихъ не вѣрjala, —

Но мнѣ ты ихъ скажешь, мой другъ!
Ты съ дѣтства со мною знакома.
Ты вся — воплощенный испугъ,
Ты вся — вѣковая истома!
Тотъ сердца въ груди не носилъ,
Кто слезъ надъ тобою не лилъ.

IV.

Однако же, рѣчь о крестьянкѣ
Затѣяли мы, чтобъ сказать,
Что типъ величавой славянки
Возможно и нынѣ сыскать.

Есть женщины въ русскихъ селеньяхъ
Съ сповойною важностью лицъ,

Съ красивою силой въ движеньяхъ,
Съ походкой, со взглядомъ царицъ, —
Ихъ развѣ слѣпой не замѣтить,
А зрячій о нихъ говорить:
„Пройдетъ — словно солнце освѣтитъ!
„Посмотрить — рублемъ подарить!“

Идутъ онѣ той же дорогой,
Какой весь народъ нашъ идетъ,
Но грязь обстановки убогой
Къ нимъ словно не липнетъ. Цвѣтетъ

Красавица, міру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одеждѣ красива,
Ко всякой работѣ ловка.

И голодъ, и холодъ выносить,
Всегда терпѣлива, ровна...
Я видывалъ, какъ она косить:
Что взмахъ — то готова кошна!

Платокъ у ней на ухо сбился,
Того-гляди косы падутъ.
Какой-то парнѣкъ изловчился
И къ верху подбросилъ ихъ, шутъ!

Тяжелыя русыя косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мѣшajúть крестьянкѣ взглянуть.

Она отвела ихъ руками,
На парня сердито гладить.
Лицо величаво, какъ въ рамѣ,
Смущеньемъ и гнѣвомъ горить...

По буднямъ не любить бездѣля.
За то вамъ ее не узнать,
Какъ стонить улыбка веселья
Съ лица трудовую печать.

Такого сердечнаго смѣха
И пѣсни, и пляски такой
За деньги не купишь. — „Утѣха!“
Твердятъ мужики межъ собой.

Въ игрѣ ея конный не словить,
Въ обѣдѣ — не сробѣетъ, — спасеть:
Коня на скаку остановить,
Въ горящую избу войдетъ!

Красивые, ровные зубы,
Что крупнее перлы у ней,
Но строго румянныя губы
Хранять ихъ красу отъ людей —

Она улыбается рѣдко...
Ей некогда ласы точить,
У ней не рѣшится сосѣдка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалокъ ей нищій убогій —
Вольно-жъ безъ работы гулять!
Лежить на ней дѣльности строгой
И внутренней силы печать.

Въ ней ясно и крѣпко сознание,
Что все ихъ спасение въ трудѣ,
И трудъ ей несетъ воздаянье:
Семейство не бѣется въ нуждѣ.

Всегда у нихъ теплая хата,
Хлѣбъ выпечень, вкусень кvasокъ,
Здоровы и сыты ребята,
На праздникъ есть лишній кусокъ.

Идетъ эта баба къ обѣдни
Предъ всею семьей впереди:
Сидить, какъ на стулѣ, двухлѣтній,
Ребенокъ у ней на груди,

Рядкомъ шестилѣтняго сына
Нарядная матка ведётъ...
И по сердцу эта картина
Всѣмъ любящимъ русскій народъ!

V.

И ты красотою дивила,
Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

Горда ты — ты плакать не хочешь,
Крѣпишься, но холеть гробовой
Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадаетъ
На быстрыя руки твои.
Такъ колосъ беззвучно роняетъ
Созрѣвшія зерна свои...

VI.

Въ селѣ, за четыре версты,
У церкви, гдѣ вѣтеръ шатаетъ
Подбитые бурей кресты,
Мѣстечко старикъ выбираетъ;

Усталъ онъ, работа трудна,
Тутъ тоже споровка нужна —

Чтобъ крестъ было видно съ дороги,
Чтобъ солнце играло кругомъ.
Въ снѣгу до колѣнъ его ноги,
Въ рукахъ его заступъ и ломъ,

Вся въ инеѣ шапка большая,
Усы, борода въ серебрѣ.
Недвижно стоитъ, размышляя,
Старикъ на высокомъ бугрѣ.

Рѣшилъ. Крестомъ обозначилъ,
Гдѣ будетъ могилу копать,
Крестомъ осѣнилъ и началъ
Лопатою снѣгъ разгребать,

Иные приемы тутъ были,
Кладбище не то, что поля:
Изъ снѣгу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнувъ свою старую спину,
Онъ долго, прилежно копалъ,
И желтую мерзлую глину
Тотчасъ же снѣжокъ застилалъ.

Ворона къ нему подлетѣла,
Потыкала носомъ, прошлась:

Земля какъ желѣзо звенѣла —
Ворона ни съ чѣмъ убралась...

Могилы на славу готова, —
„Не мнѣ-бъ эту яму копать!“
(У стараго вырвалось слово):
„Не Проклу бы въ ней почивать,

„Не Проклу!..“ Старикъ остунился,
Изъ рукъ его выскользнулъ ломъ
И въ бѣлую яму скатился,
Старикъ его вынулъ съ трудомъ.

Пошелъ... по дорогѣ шагаетъ...
Нѣтъ солнца, луна не взошла...
Какъ будто весь міръ умираетъ:
Затишье, снѣжокъ, полу-мгла...

VII.

Въ оврагѣ, у рѣчки Желтухи,
Старикъ свою бабу нагналъ
И тихо спросилъ у старухи:
„Хорошъ ли гробокъ то попалъ?“

Уста ея чуть прошептали
Въ отвѣтъ старику: „ничего“.
Потомъ они оба молчали,
И дровни такъ тихо бѣжали,
Какъ будто боялись чего..

Деревня еще не открылась,
А близко—мелькаетъ огонь.
Старуха крестомъ осѣнилась,
Шарахнулся въ сторону конь —

Безъ шапки, съ ногами босыми,
Съ большимъ заостреннымъ коломъ,
Внезапно предсталъ передъ ними
Старинный знакомецъ Пахомъ.

Прикрыты рубахою женской
Звенѣли вериги на немъ;
Постукалъ дуракъ деревенскій
Въ морозную землю коломъ,

Потомъ помычалъ сердобольно,
Вздыхнулъ и сказалъ: „не бѣда!
„На васъ онъ работалъ довольно,
„И ваша пришла череда!

„Мать сыну-то гробъ покупала,
„Отецъ ему яму копалъ,
„Жена ему саванъ шивала —
„Всѣмъ разомъ работу вамъ далъ!..“

Опять помычалъ—и безъ цѣли
Въ пространство дуракъ побѣжалъ.
Вериги унцло звенѣли,
И голыя икры блестѣли,
И посохъ по снѣгу черкалъ.

VIII.

У дома оставили крышу,
Къ сосѣдкѣ свели ночевать
Зазабнувшихъ Машу и Гришу
И стали сынка обрывать.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дѣло велось:
Не сказано лишняго слова,
Наружу не выдано слезъ.

Уснулъ, потрудившійся въ потѣ!
Уснулъ, поработавъ землѣ!
Лежитъ, непричастный заботѣ,
На бѣломъ сосновомъ столѣ,

Лежатъ неподвижный, суровый,
Съ горящей свѣчой въ головахъ,
Въ широкой рубашкѣ холщевой
И въ липовыхъ новыхъ лантяхъ.

Большія, съ мозолями руки,
Подъявшія много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо—и до рукъ борода...

IX.

Пока мертвеца обряжали,
 Не выдали словомъ тоски
 И только глядѣть избѣгали
 Другъ другу въ глаза бѣдняки.

Но вотъ уже кончено дѣло,
 Нѣтъ нужды бороться съ тоской,
 И что на душѣ накопило,
 Изъ усть полилося рѣкой.

Не вѣтеръ гудить по ковыли,
 Не свадебный поѣздъ гремитъ, —
 Родные по Проклу завыли,
 По Проклу семья голосить:

„Голубчикъ ты нашъ сизокрылый!
 „Куда ты отъ насъ улетѣлъ?
 „Пригожествомъ, ростомъ и силой
 „Ты ровни въ селѣ не имѣлъ,

„Родителямъ былъ ты совѣтникъ,
 „Работничекъ въ полѣ ты былъ,
 „Гостямъ хлѣбосоля и привѣтнникъ,
 „Жену и дѣтей ты любилъ..

„Что-жь мало гулялъ ты по свѣгу?
 „За что насъ покинулъ, родной?
 „Одумалъ ты думушку эту,
 „Одумалъ съ сырою землею —

„Одумалъ—а намъ оставаться
 „Велѣлъ во міру, сиротамъ,
 „Не свѣжей водой умываться,
 „Слезамъ горячими намъ!

„Старуха помреть со кручины,
 „Не жить и отцу твоему,
 „Береза въ лѣсу безъ вершины —
 „Хозяйка безъ мужа въ дому.

„Ее не жалѣешь ты бѣдной,
 „Дѣтей не жалѣешь... Вставай!
 „Съ полоски своей заповѣдной
 „По лѣту сберешь урожай!

„Сплесни, ненаглядный, руками,
 „Соколимъ глазкомъ посмотри,
 „Тряхни шелковѣми кудрями,
 „Сахарны уста раствори!

„На радости мы бы сварили
 „И меду, и браги хмѣльной,
 „За столъ бы тебя посадили —
 „Покушай, желанный, родной!

„А сами напротивъ бы стали —
 „Кормилецъ, надежда семьи!
 „Очей бы съ тебя не спускали,
 „Ловили бы рѣчи твои..“

X.

На эти рыданья и стоны
 Сосѣди валили гурьбой:
 Свѣчу положивъ у иконы,
 Творили земные поклоны
 И шли молчаливо домой.

На смѣну входили другіе.
 Но вотъ ужъ толпа разбрелась,
 Поужинать сѣли родные —
 Капуста да съ хлѣбушкомъ квасъ.

Старикъ бесполезной кручинѣ
 Собою овладѣть не давалъ:
 Подладившись ближе къ лучинѣ,
 Онъ лапотъ худой ковырялъ.

Протяжно и громко вздыхая,
 Старуха на печку легла.
 А Дарья, вдова молодая,
 Провѣдать ребятокъ пошла.

Всю ноченьку, стоя у свѣчки,
 Читалъ надъ усоншимъ дьячокъ,
 И вторилъ ему изъ-за печки
 Пронзительнымъ свистомъ сверчокъ

XI.

Сурово мятелица выла
И снѣгомъ кидала въ окно,
Не весело солнце всходило:
Въ то утро свидѣтелемъ было
Печальной картины оно.

Савраска, запряженный въ сани,
Понуро стоялъ у воротъ;
Безъ лишнихъ рѣчей, безъ рыданій
Покойника вынесъ народъ.

—Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крѣпче гужи!
Служилъ ты хозяину много,
Въ послѣдній разокъ послужи!..

Въ торговомъ селѣ Чистонольѣ
Купилъ онъ тебя сосункомъ,
Взростилъ онъ тебя на привольѣ,
И вышелъ ты добрымъ конемъ.

Съ хозяиномъ дружно старался,
На зимушку хлѣбъ запасалъ,
Во стадѣ ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тѣло изрядно держалъ.

Когда же работы кончались
И сковывалъ землю морозъ,
Съ хозяиномъ вы отправлялись
Съ домашнего корма въ извозъ.

Не мало и тутъ доставалось —
Возилъ ты тяжелую кладь,
Въ жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на бокахъ твоихъ впалыхъ
Кнута не одна полоса,
За то на дворахъ постоялыхъ
Покушалъ ты волю овса.

Слыхалъ ты въ январскія ночи
Мятели провзительный вой,
И волчи горящія очи
Видалъ на опушкѣ лѣсной,

Продрогнешь, натерпишься страху,
А тамъ—и опять ничего!
Да, видно, хозяинъ далъ маху —
Зима доканала его!..

XII.

Случилось въ глубокомъ сугробѣ
Полсутокъ ему простоять,
Потомъ то въ жару, то въ ознобѣ
Три дня за подводой шагать:

Покойникъ на срокъ торопился
До мѣста доставить товаръ:
Доставилъ, домой воротился —
Нѣтъ голосу, въ тѣлѣ пожаръ!

Старуха его окатила
Водой съ девяти веретень
И въ жаркую баню сводила,
Да нѣтъ—не поправился онъ!

Тогда ворожеекъ созвали —
И поять, и шепчуть, и трутъ —
Все худо! Его продѣвали
Три раза сквозь потный хомутъ,

Спускали родимаго въ пролубь,
Подъ куричій клали насѣсть...
Всему покорялся, какъ голубь, —
А плохо—не пьеть и не ѣсть!

Еще положить подъ медвѣдя,
Чтобъ тотъ ему кости размялъ,
Ходебщикъ сергачевскій Ѳеда
— Случившійся тутъ — предлагать.

Но Дарья хозяйка больного,
Прогнала совѣтника прочь:
Испробовать средства иного
Надумала баба: и въ ночь

Пошла въ монастырь отдаленный
(Версгахъ въ десяти отъ села),
Гдѣ въ нѣкой иконѣ явленной
Цѣлебная сила была.

Пошла, воротилась съ иконой —
 Больной ужь безгласенъ лежалъ,
 Одѣтый какъ въ гробъ, приращенный.
 Увидѣлъ жену, простоналъ

И умеръ...

XIII.

...Саврасушка, трогай,
 Натягивай крѣпче гужи!
 Служилъ ты хозяину много,
 Въ послѣдній разокъ послужи!

Чу! два похоронныхъ удара!
 Попы ожидаютъ — иди!..
 Убитая, скорбная пара,
 Шли мать и отецъ впереди.

Ребята съ покойникомъ оба
 Сидѣли, не смѣя рыдать,
 И правя савраской у гроба
 Съ возжами ихъ бѣдная мать

Шагала... Глаза ея внали
 И былъ не бѣлѣй ея щѣкъ
 Надѣтый на ней въ знакъ печали
 Изъ бѣлой холстины платокъ.

За Дарьей — сосѣдей, сосѣдокъ
 Плелась не густая толпа,
 Толкуя, что Прокловыхъ дѣтокъ
 Теперь не завидна судьба,

Что Дарьѣ работы прибудеть,
 Что ждуть ее черные дни.
 „Жалѣть ее некому будетъ“,
 Согласно рѣшили они...

XIV

Какъ водится, въ яму спустили,
 Засыпали Провла землей;
 Поплакали, громко повыли,
 Семейю пожалѣли, почтили
 Покойника педрой хвалой.

Самъ староста, Сидоръ Иванычъ,
 Вполголоса бабамъ подвылъ,
 И „миръ тебѣ, Прокль Севастьянычъ!“
 Сказалъ: „благодущенъ ты былъ“,

„Жилъ честно, а главное: въ сроки,
 „Ужъ какъ тебя Богъ выпручалъ,
 „Платилъ господину оброки
 „И подать въ казну представлялъ!“

Истративъ запасъ краснорѣчья,
 Почтенный мужикъ похрахтѣлъ:
 „Да, вотъ она жизнь человѣчья!“
 Прибавилъ — и шанку надѣлъ.

„Свалился... а то-то былъ въ силѣ!..
 „Свалимся... не минутъ и намъ!..
 Еще покрестились могилѣ,
 И съ Богомъ пошли по домамъ.

Высокій, сѣдой, сухопарый,
 Безъ шапки, недвижно-нѣмой,
 Какъ памятникъ, дѣдушка старый
 Стоялъ на могилѣ родной!

Потомъ старина бородатый
 Задвигался тихо по ней,
 Ровняя землицу лопатой,
 Подъ вопли старухи своей.

Когда же, оставивши сына,
 Онъ съ бабой въ деревню входилъ:
 „Какъ пьяныхъ шатаетъ кручина!
 Глядитко!.. „... народъ говорилъ...

XV.

А Дарья домой воротилась —
 Прибраться, дѣтей накормить.
 Ай-ай! какъ изба настудилась!
 Торопится печь затопить,

Анъ глядь — ни полѣна дровишекъ...
 Задумалась бѣдная мать:
 Покинуть ей жалъ ребятишекъ,
 Хотѣлось бы ихъ приласкать,

Да времени нѣту на ласки.
 Къ сосѣдкѣ свела ихъ вдова,
 И тотчасъ, на томъ же савраскѣ,
 Поѣхала въ лѣсъ, по дрова...

И солнце кругло и бездушно,
 Какъ желтое око совы,
 Глядѣло съ небесъ равнодушно
 На тяжкія муки вдовы.

И много ли струнь оборвалось
 У бѣдной крестьянской души,
 На-вѣки сокрыто осталось
 Въ лѣсной нелюдимои глуши.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XVI.

Морозно. Равнины бѣлѣютъ подъ снѣгомъ,
 Чернѣется лѣсъ впереди;
 Савраска плетется ни шагомъ, ни бѣгомъ,
 Не встрѣтишь души на пути.

Какъ тихо! Въ деревнѣ раздавшійся голосъ
 Какъ будто у самого уха гудѣтъ,
 О корень древесный запнувшійся полозъ
 Стучить и визжить, и за сердце скребѣтъ.

Кругомъ—поглядѣть нѣту мочи,
 Равнина въ алмазахъ блеститъ...
 У Дарьи слезами наполнились очи—
 Должно быть, ихъ солнце слѣпнитъ...

XVII.

Въ поляхъ было тихо, но тише
 Въ лѣсу и какъ будто свѣтлѣй.
 Чѣмъ далѣ—деревья все выше,
 А тѣни длиннѣй и длиннѣй.

Деревья, и солнце, и тѣни,
 И мертвый, могильный покой...
 Но—чу! заунывные пѣсни,
 Глухой, сокрушительный вой!

Осияло Дарьюшку горе
 И лѣсъ безучастно внималъ,
 Какъ стоны лились на просторѣ,
 И голосъ рвался и дрожалъ,

Великое горе вдовицы
 И матери малыхъ сиротъ
 Подслушали вольныя птицы,
 Но выдать не смѣли въ народъ...

XVIII.

Не псарь по дубровушкѣ трубитъ,
 Гогочетъ сорви-голова,—
 Наплакавшись, колетъ и рубитъ
 Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросаетъ—
 Наполнить бы ихъ поскорѣй,
 И врядъ ли сама замѣчаетъ,
 Что слезы все льютъ изъ очей:

Иная съ рѣсницы сорвется
 И на снѣгъ съ размаху падетъ—
 До самой земли доберется,
 Глубокую яму прожжетъ;

Другую на дерево кинетъ,
 На плашку,—и смотришь, она
 Жемчужиной крупной застынетъ—
 Бѣла и кругла, и плотна.

А та на глазу поблισταетъ,
 Стрѣлой по щекѣ побѣжитъ,
 И солнышко въ ней поиграетъ...
 Управится Дарья спѣшитъ,

Знай рубить,—не чувствуетъ стужи,
 Не слышитъ, что ноги знобитъ,
 И, полная мыслью о мужѣ,
 Зоветъ его, съ нимъ говоритъ...

XIX.

„Голубчик! красавицу нашу
Весной въ хороводѣ опять
Подхватятъ подруженьки Машу
И стануть на ручкахъ качать!

„Стануть качать,
Къ верху бросать,
Маковкой звать,
Макъ отряхать!*

„Вся раскраснѣется наша
Маковымъ цвѣтикомъ Маша
Съ синими глазками, съ русой косой!

„Ножками бить и смѣяться
Будеть... а мы-то съ тобой,
Мы на нее любоваться
Будемъ, желанный ты мой!..

XX.

„Умерь, не дожилъ ты вѣку,
Умерь и въ землю зарыть!
Любо весной человѣку,
Солнышко ярко горитъ.
Солнышко все оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просятъ косы.
„Рано я, горькая, встала,
Дома не ѣла, съ собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утромъ косить я пошла...
„Крѣпче вы, ноженки, стойте;

* Известная народная игра, называемая *снять макъ*. *Маковкой* садятся въ серединѣ круга красивая дѣвочка, которую подъ конецъ подкидываютъ вверхъ, представляя тѣмъ отряхиванье мака; а то еще *макомъ* бываетъ простоватый дѣтина, которому при подкидываніи достается не мало колотушекъ.

Бѣдлыя руки, не пойте!
Надо одной поспѣвать!

„Въ полѣ одной-то надсадно,
Въ полѣ одной неповадно,
Стану я милого звать!

„Ладно-ли пашню вспахала?
Выди, родимой, взгляни!
Сухо ли сѣно убрала?
Прямо ли стоги сметала?..
Я на грабляхъ отдыхала
Всѣ сѣнокосные дни!

„Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разумъ наставить!..

XXI.

„Стала скотинушка въ лѣсъ убираться,
Стала рожь-матушка въ колосья метаться,
Богъ намъ послалъ урожай!
Нынче солома по грудь человѣку,
Богъ намъ послалъ урожай!
Да не продлилъ тебѣ вѣку, —
Хочешь-не хочешь, одна поспѣвай!..

„Оводъ жужжитъ и кусаетъ,
Смертная жажда томитъ;
Солнышко сериь нагрѣваетъ,
Солнышко очи слѣпитъ;
Жжетъ оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжетъ;
Изо-ржи словно изъ печи
Тоже тепломъ обдаетъ;
Спинушка поетъ съ натуги,
Руки и ноги болятъ;
Красные, желтые круги
Передъ очами стоятъ...
Жпи-дожиная поскорѣе,
Видишь—зерно потекло...

„Вмѣстѣ бы дѣло спорѣе,
Вмѣстѣ повадилъ бы шло...

XXII.

„Сонъ мой былъ въ руку, родная!
Сонъ передъ Спасовымъ днёмъ.
Въ полѣ заснула одна я
Послѣ полудня, съ серпомъ,
Вижу—меня остушаетъ
Сила—несмѣтная рать, —
Грозно руками махаешь,
Грозно очами сверкаетъ.
Думала я убѣжать,
Да не послушались ноги.
Стала просить я помощи,
Стала я громко кричать.

„Слышу, земля задрожала —
Первая мать прибѣжала,
Травушки рвутся, шумять —
Дѣтки къ родимой спѣшать.
Шибко безъ вѣтру не машеть
Мельница въ полѣ крыломъ:
Братецъ идетъ да приляжетъ,
Свекоръ плетется шажкомъ.
Всѣ приборели, прибѣжали,
Только дружка одного
Очи мои не видали...

Стала я кликать его:
„Видишь, меня остушаетъ
„Сила—несмѣтная рать, —
„Грозно руками махаешь,
„Грозно очами сверкаетъ:
„Что не идешь выручать?..“
Тутъ я кругомъ оглядѣлась —
Господи! Что куда дѣлось?
Что это было со мной?..
Рати тутъ нѣтъ никакой!
Это не люди лихіе,
Не бусурманская рать,
Это колосья ржаные,
Спѣлымъ зерномъ налитые,
Вышли со мной воевать!

„Машутъ, шумять, наступаютъ,
Руки, лицо щекотять,

Сами солому подъ серпъ нагибаютъ —
Больше стоять не хотятъ!

„Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупныя зерна —
Словно подъ градомъ стою!

„Вытечетъ, вытечетъ за ночь
Вся наша матушка-рожь...
Гдѣ же ты, Прокль Севастьянычъ?
Что пособлять не идешь?..

„Сонъ мой былъ въ руку, родная!
Жать теперъ буду одна я.

„Стану безъ милаго жать,
Снопикки крѣпко вязать,
Въ снопикки слезы ронять!

„Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что же вы Господу нужны,
Чѣмъ ему дороги вы?..

XXIII.

„Долги вы, зимнія ноченьки,
Скучно безъ милаго спать;
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полетна я ткать.

„Много натку я полотень,
Тонкихъ добротныхъ новинъ;
Выростеть крѣпокъ и плотень,
Выростеть ласковый сынъ.

„Будеть по нашему мѣсту
Онъ хоть куда женихомъ;
Высватать парню невѣсту
Сватовъ надежныхъ пошлёмъ...

„Кудри сама расчесала я Гришѣ,
Кровь съ молокомъ напѣ сненокъ-первелець,
Кровь съ молокомъ и невѣста... Иди же!
Благослови молодыхъ подъ вѣнецъ!

„Этого дня мы какъ праздника ждали,
Помнишь, какъ началъ Гришуха ходить,

Цѣлю ноченьку мы толковали,
 Какъ его будемъ женить,
 Стали на свадьбу копить понемногу...
 Вотъ—дождались, слава Богу!

„Чу, бубенці говорятъ!
 Поѣздъ вернулся назадъ,
 Выди на-встрѣчу проворно —
 Пава-невѣста, соколикъ-женихъ! —
 Сыпъ на нихъ хлѣбныя зерна,
 Хмѣлемъ осыпъ молодыхъ!.. *

XXIV.

„Стадо у лѣсу у темнаго бродить,
 Лыки въ лѣсу пастушонко дереть,
 Изъ лѣсу сѣрый волчище выходить.
 Чью онъ овцу унесетъ?

„Черная туча, густая-густая,
 Прямо надъ нашей деревней висить;
 Приснетъ изъ тучи стрѣла громовая, —
 Въ чей она домъ сноровить?

„Вѣсти недобрыя ходятъ въ народѣ,
 Парнямъ недолго гулять на свободѣ,
 Скоро—рекрутскій наборъ!

„Нашъ-то молодчикъ въ семьѣ одиночка,
 Всѣхъ у насъ дѣтокъ Гришука да дочка,
 Да голова у насъ воръ —
 Скажетъ: мірской приговоръ!

„Сгибнетъ ни за что, ни прѣ что дѣтина:
 Встань, заступись за родимаго сына!
 „Нѣтъ! не заступишься ты!..
 Бѣлыя руки твои опустились,
 Ясныя очи на вѣки закрылись...
 Горькія мы сироты!..

XXV.

„Я-ль не молила Царицу небесную?
 Я ли лѣнива была?
 Ночью одна по икону чудесную
 Я не сробѣла—пошла,

„Вѣтеръ шумить, наметаетъ сугробы.
 Мѣсяца нѣтъ—хоть бы лучъ!
 На небо глянешь—какіе-то гробы,
 Цѣпи да гири выходятъ изъ тучъ...

„Я ли о немъ не старалась?
 Я ли жалѣла чего?
 Я ему молвить боялась,
 Какъ я любила его!

„Звѣздочки будутъ у ночи,
 Будетъ ли намъ-то свѣтлѣй?..

„Заяцъ прыгнулъ изъ-подъ кочи,
 Заинька, стой! не посмѣй
 Перебѣжать мнѣ дорогу!

„Въ лѣсѣ укатилъ, слава Богу...
 Къ полночи стало страшнѣй, —

„Слышу, нечистая сила
 Залотошила, завыла,
 Заголосила въ лѣсу,

„Что мнѣ до силы нечистой?
 Чуръ меня! Дѣвъ Пречистой
 Я приношенье несу!

„Слышу я конское ржанье,
 Слышу волковъ завыванье,
 Слышу погоню за мной, —

„Звѣрь на меня не кидайся!
 Лихъ человѣкъ не касайся,
 Дорогъ нашъ грошъ трудовой!

„Лѣто онъ жилъ работаючи,
 Зиму не видѣлъ дѣтей,
 Ночи о немъ помышляючи,
 Я не смыкала очей.

* Хмѣлемъ и хлѣбнымъ зерномъ осыпавъ молодыхъ въ знакъ будущаго богатства.

„Їдетъ онъ, забнетъ... а я-то, печальная,
Изъ волокнистаго льну,
Словно дорога еѣ чуже-дальная,
Долгую нитку вѣну.

„Веретено мое прилетѣть, вертится,
Въ полѣ ударится.
Проклушка пѣшь идетъ, въ рытвинѣ крестится,
Къ возу на горочкѣ самъ припрягается.

„Лѣто за лѣтомъ, зима за зимой,
Этакъ-то мы раздобылись казной!

„Милостивъ буди къ крестьянину бѣдному,
Господи! все отдаемъ,
Что по копѣйкѣ, по грошику мѣдному
Мы сколотили трудомъ!..

XXVI.

„Вся ты, тропина лѣсная!
Кончился лѣсъ.
Къ утру звѣзда золотая
Съ божьихъ небесъ

Вдругъ сорвалась—и упала,
Дунуль Господь на нее;
Дрогнуло сердце мое;
Думала я, вспоминала —
Что было въ мысляхъ тогда,
Какъ покатила звѣзда?
Вспомнила! ноженьки стали,
Силую идти, а нейду!
Думала, я что едва ли
Прокла въ живыхъ я найду...

„Нѣтъ! не попуститъ Царица небесная!
Дастъ исцѣленье икона чудесная!

„Я осѣнилась крестомъ
И побѣжала бѣгомъ...

„Сила-то въ немъ богатирская,
Милостивъ Богъ, не умретъ...
Вотъ и стѣна монастырская!
Тѣнь ужъ моя головой достаѣтъ
До монастырскихъ воротъ.

„Я поклонилась зѣмнымъ поклономъ,
Стала на ноженьки, глядь —
Вѣронъ сидитъ на крестѣ золоченомъ,
Дрогнуло сердце опять!

XXVII.

„Долго меня продержали —
Схимницу сѣстры въ тотъ день погребали.

„Утренняя пла,
Тихо по церкви ходили монашины,
Въ черныя рясы наряжены,
Только покойница въ бѣломъ была:
Спитъ—молодая, спокойная,
Знаетъ, что будетъ въ раю.

Поцѣловала и я, недостойная,
Бѣлую ручку твою!
Въ личико долго глядѣла я:
Всѣхъ ты моложе, наряднѣй, милѣй,
Ты межъ сестеръ словно горлинка бѣлая
Промежду сизыхъ, простыхъ голубей.

„Въ ручкахъ чернѣются чотки,
Писанный вѣничикъ на лбу.
Черный покровъ на гробу —
Этакъ-то ангелы кротки!

„Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтобъ не осталася я
Горькой вдовой съ сиротами!

„Гробъ на рукахъ до могилы снесли,
Съ пѣниемъ и плачемъ ее погребли.

XXVIII.

„Двинулась съ миромъ икона святая,
Сестры запѣли, ее провожая,
Всѣ приложились къ ней.

„Много Владычицъ было почѣту:
Старый и малый бросали работу,
Изъ деревень шли за ней.

„Къ ней выносили больныхъ и убогихъ...
Знаю, Владычица! знаю: у многихъ
Ты осушила слезу...

„Только ты милости къ намъ не явила!

.
.

„Господи! сколько я дровъ нарубила!
Не увезешь на возу...“

XXIX.

Окончивъ привычное дѣло,
На дровни поклала дрова,
За возжи взялась и хотѣла
Пуститься въ дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась, стоя,
Топоръ маминально взяла
И тихо, прерывисто воя,
Къ высокой соснѣ подошла.

Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали —
Невольный и страшный покой!

Стоить подъ сосной чуть живая,
Безъ думы, безъ стона, безъ слезъ.
Въ лѣсу тишина гробовая —
День свѣтель, крѣпчаетъ морозъ.

XXX.

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи,
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходить владѣнья свои.

Глядить—хорошо ли мятели
Лѣсные тропы занесли,
И нѣтъ ли гдѣ трещины, щели
И нѣтъ ли гдѣ голой земли?

Пушисты ли сосенъ вершины,
Красивъ ли узоръ на дубахъ?
И крѣпко ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ?

Идетъ—по деревьямъ шагаетъ,
Трещить по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.

Дорога вездѣ чародѣю.
Чу! ближе подходитъ, сѣдой,
И вдругъ очутился надъ нею,
Надъ самой ея головой!

Забравшись на сосну большую,
По вѣточкамъ палицей бьетъ,
И самъ про себя удалую,
Хвастливую пѣсню поетъ:

XXXI.

„Вглядись, молодица, смѣлѣ,
„Какое воевода Морозъ!
„Наврядъ тебѣ парня сильнѣе
„И краше видать привелось?

„Мятели, снѣга и туманы
„Покорны морозу всегда;
„Пойду на моря-окияны —
„Построю дворцы изо-льда.

„Задумаю—рѣки большія
„На долго упрячу подъ гнѣтъ,
„Построю мосты ледяные,
„Какихъ не построятъ народъ.

„Гдѣ быстрыя, шумныя воды
„Недавно свободно текли,—
„Сегодня прошли пѣшеходы,
„Обозы съ товаромъ прошли.

„Люблю я въ глубокихъ могилахъ
„Покойниковъ въ иней радить,
„И кровь вымораживать въ жилахъ,
„И мозгъ въ головѣ леденить.

„На горе недоброму вору,
 „На страхъ сѣдоку и коню,
 „Люблю я въ вечернюю пору
 „Загѣять въ лѣсу трескотню.
 „Бабенки, пеняя на лѣшихъ,
 „Домой удирають скорѣй.
 „А пьяныхъ, и конныхъ, и пѣшихъ
 „Дурачить еще веселѣй.

„Безъ мѣлу всю выбѣлю рожу,
 „А носъ запылаеть огнѣмъ,
 „И бороду такъ приморожу
 „Къ возжамъ—хоть руби топоромъ!

„Богатъ я, казны не считаю,
 „А все не скудѣеть добро;
 „Я царство мое убираю
 „Въ алмазы, жемчугъ, серебро.

„Войди въ мое царство со мною
 „И будь ты царицею въ немъ!
 „Поцарствуемъ славно зимою,
 „А лѣтомъ глубоко уснемъ.

„Войди! приголублю, согрѣю,
 „Дворецъ отведу голубой...“
 И сталъ воевода надъ нею
 Махать ледяной булавой.

XXXII.

„Тепло ли тебѣ, молодлица?“
 Съ высокой сосны ей кричить.
 — Тепло! отвѣчаетъ вдовица,
 Сама холодѣеть, дрожить.

Морозко спустился пониже,
 Опять помахалъ булавой
 И шепчетъ ей ласковѣй, тиге:
 „Тепло-ли?..“—Тепло, золотой!—

Тепло—а сама коченѣеть.
 Морозко коснулся ее:
 Въ лицо ей дыханіемъ вѣеть

И иглы колючія сѣеть
 Съ сѣдой бороды на нее.

И вотъ передъ ней опустился!
 „Тепло ли?“ промолвилъ опять,
 И въ Проклушку вдругъ обратился
 И сталъ онъ ее цѣловать.

Въ уста ее, въ очи и въ плечи
 Сѣдой чародѣй цѣловалъ
 И тѣ же ей сладкія рѣчи,
 Что милый о свадьбѣ, шепталъ.

И такъ-то ли любо ей было
 Внимать его сладкимъ рѣчамъ,
 Что Дарьюшка очи закрыла,
 Топоръ уронила къ ногамъ,

Улыбка у горькой вдовицы
 Играетъ на блѣдныхъ губахъ,
 Пушисты и бѣлы рѣсницы,
 Морозныя иглы въ бровяхъ...

XXXIII.

Въ сверкающей иней одѣта,
 Стоять, холодѣеть она,
 И снится ей жаркое лѣто—
 Не вся еще рожь свезена,

Но сжата,—полегче имъ стало!
 Возили снопы мужики,
 А Дарья картофель копала
 Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.

Свекровь ея тутъ же, старушка,
 Трудилась; на полномъ мѣшкѣ
 Красивая Маша, рѣзвуха,
 Сидѣла съ морковкой въ рукѣ.

Телѣга, скрипя, подъѣзжаетъ—
 Савраска глядитъ на своихъ,
 И Проклушка крупно шагаетъ
 За возомъ сноповъ золотыхъ.

— Богъ помочь! А гдѣ же Гришуха?
 Отецъ мимоходомъ сказалъ.

„Въ горохахъ“, сказала старуха.
— Гришука! отецъ закричалъ,

На небо взглянулъ. — Чай, не рано?
Испить бы... Хозяйка встаетъ
И Проклу изъ бѣлаго жбана
Напитъся кваску подаетъ.

Гришука межъ тѣмъ отозвался:
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.

— Бѣжить!.. у!.. бѣжить, пострѣленою,
Горитъ подъ ногами трава!—
Гришука черѣнъ, какъ галчонокъ,
Бѣла лишь одна голова.

Крича, подбѣгаетъ въ присядку
(На шеѣ горохъ хомутомъ).
Попотчивалъ баушку, матку,
Сестрѣнку— вертится въюномъ!

Отъ матери мѡлодцу ласка,
Отецъ мальчугана щипнулъ;
Межъ тѣмъ не дремалъ и савраска:
Онъ шею тянулъ да тянулъ,

Добрался,—оскаливши зубы,
Горохъ аппетитно жуетъ,
И въ мягкія добрыя губы
Гришукино ухо беретъ...

XXXIV.

Машутка отцу закричала:
— Возьми меня, тятка, съ собой!
Спрыгнула съ мѣшка—и упала,
Отецъ ее поднялъ. „Не вой!

„Убилась—неважное дѣло!..
Дѣвчонокъ не надобно мнѣ,
Еще вотъ такова пострѣла
Рожай мнѣ, хозяйка, къ веснѣ!

„Смотри же!..“ Жена застыдилась:
— Довольно съ тебя одного!

(А знала, подъ сердцемъ ужъ билось
Дитя)... „Ну, Машукъ, ничего!“

И Проклушка, ставъ на телѣгу,
Машутку съ собой посадилъ.
Вскочилъ и Гришука съ разбѣгу,
И съ грохотомъ возъ покотилъ.

Воробушковъ стая слетѣла
Съ сноповъ, надъ телѣгой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрѣла,
Отъ солнца рукой заслонясь,

Какъ дѣти съ отцомъ приближались
Къ дымящейся ригѣ своей,
И ей изъ сноповъ улыбались
Румяныя лица дѣтей...

Чу, пѣсня! знакомые звуки!
Хорошъ голосокъ у пѣвца...
Последніе признаки муки
У Дарьи исчезли съ лица,

Душой улетаю за пѣсней,
Она отдалась ей вполне...
Нѣтъ въ мірѣ той пѣсни прелестнѣй,
Которую слышимъ во снѣ!

О чемъ она—Богъ ее знаетъ!
Я словъ уловить не умѣлъ,
Но сердце она утоляетъ,
Въ ней дольниго счастья предѣлъ.

Въ ней кроткая ласка участя,
Обѣты любви безъ конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходитъ съ лица.

XXXV.

Какой бы цѣной ни досталось
Забвенье крестьянскѣй моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалѣть мы не будемъ о ней.

Нѣтъ глубже, нѣтъ слаще покоя,
Какой посылаетъ намъ лѣсъ,

Недвижно, безтрепетно стоя
Подъ холодомъ зимнихъ небесъ.

Нигдѣ такъ глубоко и вольно
Не дышетъ усталая грудь,
И ежели жить намъ довольно,
Намъ слаще нигдѣ не уснуть!

XXXVI.

Ни звука! Душа умираетъ
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, какъ покоряетъ
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синій
Сводъ неба, да солнце, да лѣсъ,
Въ серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудесъ,

Влекущій невѣдомой тайной,
Глубоко-безстрастный... Но вотъ
Послышался порохъ случайный —
Вершинами бѣлка идетъ.

Комъ снѣгу она уронила
На Дарью, прыгнувъ по соснѣ.
А Дарья стояла и стыла
Въ своемъ заколдованномъ снѣ...

КУМУШКИ.

Т емень вернулся съ кладбища Трофимъ,
Малыя дѣтки вернулись съ нимъ,

Сынъ да дѣвочка. Домой-то безъ матушки
Горько вернуться: дорогой ребятушки

Рѣвма-ревѣли; а тятка молчалъ.
Дома порылся, кубарь отыскалъ:

„На-те, ребята!—играйте, сердечные!“
И улыбнулись дѣти безпечныя,

Жжжж-жи! запустили кубарь у воротъ...
Кто ни проходитъ—жалѣетъ сиротъ:

„Нѣтъ у васъ матушки!“ молвила Марьюшка,
„Нѣту родимой!“ прибавила Дарьюшка —

Дѣти широко раскрыли глаза,
Стихли. У Маши блеснула слеза...

„Какъ теперь будете жить, сиротиночки!“
И у Гришутки блеснули слезиночки.

„Кто-то васъ будетъ ласкать-баловать?“
Навзрыдъ заплакали дѣти опять.

„Полно, не плачьте!“ сказала Протасьевна,
„Ужъ не воротишь“, прибавила Власьевна:

„Грѣшную душеньку Боженька взялъ,
„Кости въ могилушку попъ закопалъ,

„То-то, чай, холодно, страшно въ могилушкѣ?
„Ну-же, не плачьте! родныя вы, милушки!“

Пуще расслакались дѣти. Трофимъ
Крики услышалъ и выбѣжалъ къ нимъ,

Сталъ унимать какъ умѣлъ, а сосѣдушки
Ну помогать ему: „Полноте, дѣтушки!“

„Что ужъ тутъ плакать? пора привыкать
„Къ долѣ сиротской; забудьте вы мать:

„Снѣли церковники память ей вѣчную,
„Чай, ужъ теперь её гложетъ сердечную

„Червь подземельный!..“ Трофимъ поскорѣй
На руки взялъ—да въ избѣнку дѣтей!

Цѣлую ночь проревѣли ребятушки:
„Нѣтъ у насъ матушки! нѣтъ у насъ матушки!

„Матушку на небо Боженька взялъ!“
Цѣлую ночь съ ними тятка не спалъ,

У самого расходилися думушки...
Ну, удружили досужія кумушки!

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА.

Суровъ ты былъ, ты въ молодые годы
 Умѣлъ разсудку страсти подчинять.
 Училъ ты жить для славы, для свободы,
 Но болѣе училъ ты умирать.

Сознательно мірскія наслажденья
 Ты отвергаль, ты чистоту хранилъ,
 Ты жаждѣ сердца не далъ утоленья;
 Какъ женщину, ты родину любилъ,
 Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдалъ ей; ты честныя сердца
 Ей покорялъ. Взывая къ жизни новой,
 И свѣтлый рай, и перлы для вѣнца
 Готовилъ ты любовницѣ суровой.

Но слишкомъ рано твой ударилъ часъ,
 И вѣщее перо изъ рукъ упало.
 Какой свѣтильникъ разума угасъ!
 Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись,
 И высоко вознесся ты надъ нами...
 Плачь, русская земля! но и гордись —
 Съ тѣхъ поръ, какъ ты стоишь подъ небесами,

Такого сына не рождала ты,
 И въ нѣдра не брала свои обратно:
 Сокровища душевной красоты
 Совмѣщены въ немъ были благодатно...

Природа-мать! когда-бъ такихъ людей
 Ты иногда не послала міру,
 Заглохла-бъ нива жизни...

ПРИТЧА

0

ЕРМОЛАЪ ТРУДЯЩЕМСЯ.

Раньше людей Ермолай подымается,
 Позже людей съ полосы возвращается,

Разбогатѣть ему хочется пашнею.
 Править мужикъ свою нужду домашнюю

Да и сѣмянъ запасаеъ порядочно —
 Тужить, землицы ему недостаточно!

Сила межъ тѣмъ въ мужикѣ убавляется,
 Старость подходитъ, частенько хворается, —

Стало хозяйство тогда поправлятися:
 Стало земли отъ сѣмянъ оставатися!

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

И здѣсь душа уныніемъ объята.
 Не ласковъ былъ мнѣ родины привѣтъ;
 Такъ смотритъ другъ, любившій насъ когда-то,
 Но въ комъ давно ужъ прежней вѣры нѣтъ.

Сентябрь шумѣлъ; земля моя родная
 Вся подъ дождемъ рыдала безъ конца,
 И черныхъ птицъ за мной летѣла стая,
 Какъ будто бы почуявъ мертвеца!

Волнуемый тоскою и боязнью,
 Напрасно гналъ я грозныя мечты,
 Межъ тѣмъ какъ лѣсъ съ какой-то неприязнью
 Въ меня бросалъ холодныя листы,

И вѣтеръ мнѣ гудѣлъ неумолимо:
 Зачѣмъ ты здѣсь, избѣженный поэтъ?

Чего отъ насъ ты хочешь? Мимо! мимо!
Ты намъ чужой, тебѣ здѣсь дѣла нѣтъ!

И пѣсню я услышалъ въ отдаленьѣ.
Знакомая, она была горька:
Звучало въ ней безсильное томленье,
Безсильная и вилая тоска.

Съ той пѣсней вновь въ душѣ зашевелилось,
О чемъ давно я позабылъ мечтать,
И проклялъ я то сердце, что смутилось
Передъ борьбой—и отступило вспять!..

НАЧАЛО ПОЭМЫ

Р пять она, родная сторона
Съ ея зеленымъ, благодатнымъ лѣтомъ—
И вновь душа поэзіей полна...
Да, только здѣсь могу я быть поэтомъ!

(На Западѣ — не вызвалъ я ничѣмъ
Красивыхъ строфъ, пластическихъ и сильныхъ,
Въ Германіи я былъ, какъ рыба, нѣмъ,
Въ Италіи — писалъ о русскихъ ссыльныхъ,

Давно то было... Городъ нашъ родной
Санктпетербургъ, — какъ онъ ни поэтиченъ,
Но въ немъ я постоянно самъ не свой —
Золь, озабоченъ или апатиченъ...)

Опять лѣса въ уборѣ вѣковомъ,
Звѣрей и птицъ угрюмые чертоги
И межъ деревъ, нависнувшихъ шатромъ,
Травнистая, зеленая дороги!

На первый разъ сказать позвольте вамъ,
Чѣмъ пахнутъ вообще дороги наши —
То запахъ дегтя съ сѣномъ пополамъ.
Не знаю, каково на нервы ваши

Онъ дѣйствуетъ, но мнѣ пріятенъ онъ,
Онъ мысль мою свѣжить и направляетъ:
Куда-бъ мечтой я ни былъ увлечёнъ,
Онъ въ-мигъ ее къ народу возвращаетъ...

Чу! возъ скрипитъ! Плетутся два вола,
Снопъ предъ нами въ зелени ныряютъ,
Подобіе зеленого стола,
На коемъ груды золота мелькаютъ.

(Друзья мои — картежники! для васъ
Придумано сравненье на досугѣ)...
Но мы догнали возъ — и порвалась
Нить вольныхъ мыслей. Вздогнулъ я въ испугѣ:

Почудились на этомъ мнѣ возу,
Сидящіе рядкомъ, какъ на картинѣ,
Столичный франтъ со стеклышкомъ въ глазу
И барыня въ широкомъ кринолинѣ!..

ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА.

Ваня—*въ кучерскомъ армячкѣ.*
Папаша! Кто строилъ эту дорогу?
Папаша—*въ пальто на красной*
подкладкѣ.
Инженеры, душевѣка!
Разговоръ въ вагонѣ.

I.

Славная осень! Здоровый, едрённый
Воздухъ усталыя силы бодрить;
Ледъ неокрѣпшій на рѣчкѣ студёной,
Словно какъ тающій сахаръ, лежитъ;

Около лѣса, какъ въ мягкой постели,
Выспаться можно — покой и просторъ! —
Листья поблекнуть еще не успѣли,
Желты и свѣжи лежатъ, какъ коверъ.

Славная осень! Морозныя ночи,
Ясные, тихіе дни...

Нѣтъ безобразя въ природѣ! И кочи,
И моховыя болота, и пни—

Все хорошо подь сіяніемъ луннымъ;
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсамъ чугуннымъ,
Думаю думу свою...

II.

Добрый папаша! Къ чему въ обаяніи
Умнаго Ваню держать?
Вы мнѣ позвольте при лунномъ сіяніи
Правду ему показать.

Трудъ этотъ, Ваня, былъ страшно громаденъ—
Не по плечу одному!
Въ мірѣ есть царь: этотъ царь безпощаденъ,
Голодъ — названье ему.

Водитъ онъ арміи; въ морѣ судами
Правитъ; въ артели сгоняетъ людей,
Ходитъ за плугомъ, стойтъ за плечами
Каменотесцовъ, ткачей.

Онъ-то согналъ сюда массы народныя.
Многіе — въ страшной борьбѣ,
Къ жизни воззавъ эти дебри бесплодныя,
Гробъ обрѣли здѣсь себѣ.

Прямо дороженька: насыпи узгія,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокамъ-то все косточки русскія...
Сколько ихъ! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозныя!
Топотъ и скрежетъ зубовъ;
Тѣнь набѣжала на стекла морозныя...
Чтò тамъ? Толпа мертвецовъ!

То обгоняютъ дорогу чугунную,
То сторонами бѣгутъ.
Слышишь ты пѣніе?.. „Въ ночь эту лунную
„Любо намъ видѣть свой трудъ!

„Мы надрывались подь зноемъ, подь холодомъ,
„Съ вѣчно согнутой спиной,
„Жили въ землянкахъ, боролися съ голодомъ,
„Мерзли и мокли, болѣли цынгой.

„Грабили насъ грамотѣи-десятники,
„Сѣкло начальство, давила пужда...
„Все претерпѣли мы, Божіи ратники,
„Мирныя дѣти труда!

„Братья! Вы наши плоды пожинаете!
„Намъ же въ землѣ истлѣвать суждено...
„Все ли насъ, бѣдныхъ, добромъ поминаете,
„Или забыли давно?..“

Не ужасайся ихъ пѣнія дикаго!
Съ Волхова, съ матушки-Волги, съ Оки,
Съ разныхъ концовъ государства великаго—
Это все братья твои — мужики!

Стыдно робѣть, закрываться перчаткою,
Ты ужъ не маленькій!.. Волосомъ русь,
Видишь, стойтъ, изможденъ лихорадкою,
Высокорослый, больной бѣлорусь:

Губы безкровныя, вѣки упавшія,
Язвы на тощихъ рукахъ,
Вѣчно въ водѣ по колѣно стоявшія
Ноги опухли; колтунъ въ волосахъ;

Ямою грудь, что на заступъ старательно
Изо-дня-въ-день налегала весь вѣкъ...
Ты приглядишь къ нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлѣбъ добывалъ человекъ!

Не разогнулъ свою спину горбатую
Онъ и теперь еще: тупо молчитъ
И механически ржавой лопаткою
Мерзлую землю долбитъ!

Эту привычку къ труду благородную
Намъ бы не худо съ тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робѣй за отчизну любезную...
 Вынесъ достаточно русскій народъ,
 Вынесъ и эту дорогу желѣзную —
 Вынесеть все, что Господь ни пошлетъ!

Вынесеть все — и широкую, ясную
 Грудью дорогу проложить себѣ.
 Жаль только — жить въ эту пору прекрасную
 Ужъ не придется — ни мнѣ, ни тебѣ.

III.

Въ эту минуту свистокъ оглушительный
 Взвизгнулъ — исчезла толпа мертвецовъ!
 „Видѣлъ, папаша, я сонъ удивительный“,
 Ваня сказалъ: — „тысячъ пять мужиковъ“,
 „Русскихъ племенъ и породъ представители
 Вдругъ появились — и онъ мнѣ сказалъ:
 — „Вотъ они — нашей дороги строители!..“
 Захотелъ генераль!

— Былъ я недавно въ стѣнахъ Ватикана,
 По Колизею двѣ ночи бродилъ,
 Видѣлъ я въ Вѣнѣ святого Стефана,
 Что же... все это народъ сотворилъ?

— Вы извините мнѣ смѣхъ этотъ дерзкій,
 Логика ваша немножко дика.
 Или для васъ Аполлонъ Бельведерскій
 Хуже печного горшка?

— Вотъ вашъ народъ — эти термы и бани —
 Чудо искусства — онъ все растаскалъ!
 „Я говорю не для васъ, а для Вани...“
 Но генераль возражать не давалъ:

— Вашъ славянинъ, англо-саксъ и германецъ
 Не создавать — разрушать мастера,
 Варвары! Дикое скопище пьяницъ!..
 Впрочемъ, Ванюшей заняться пора;

— Знаете, зрѣлищемъ смерти, печали
 Дѣтское сердце грѣшно возмущать.
 Вы бы ребенку теперь показали
 Свѣтлую сторону...

IV.

Радъ показать!

Слушай, мой милый: труды роковые
 Кончены — нѣмецъ ужъ рельсы владеть.
 Мертвые въ землю зарыты; больные
 Скрыты въ землянкахъ; рабочій народъ

Тѣсной гурьбой у конторы собрался...
 Крѣпко затылки чесали они:
 Каждый подрядчику долженъ остался,
 Стали въ копѣйку прогульные дни!

Все заносили десятники въ книжку —
 Бралъ ли на баню, лежалъ ли больной:
 „Можетъ, и есть тутъ теперича лишку,
 „Да вотъ, поди ты!..“ Махнули рукой...

Въ синемъ кафтанѣ — почтенный лабазникъ,
 Толстый, присадистый, красный какъ мѣдъ,
 Ъдетъ подрядчикъ по линіи въ праздникъ,
 Ъдетъ работы свои посмотреть.

Празднѣй народъ разступается чинно...
 Потъ отираетъ купчина съ лица
 И говоритъ, подбоченясь картинно:
 „Ладно... нешто... молодца... молодца!..“

„Съ Богомъ, теперь по домамъ, — проздравляю!
 („Шапки долой — коли я говорю) —
 „Бочку рабочимъ вина выставяю
 „И — недоимку дарю!..“

Кто-то „ура“ закричалъ. Подхватили
 Громче, дружиѣ, протяжиѣ... Глядъ:
 Съ пѣсней десятники бочку катили...
 Тутъ и лѣнивый не могъ устоять!

Выпрегъ народъ лошадей — и купчину
 Съ крикомъ ура! по дорогѣ помчалъ...
 Кажется, трудно отрадиѣй картину
 Нарисовать, генераль?

КРЕЩЕНСКІЕ МОРОЗЫ.

Государь мой! куда вы бѣжите?
 „Въ Канцелярію; что за вопросъ?
 „Я не знаю васъ!“ — Трите же, трите
 Поскорѣй, Бога ради, вашъ носъ!
 Побѣлѣлъ! — „А! весьма благодаренъ!“
 — Ну, а мой-то? „Да вашъ лучезаренъ!“
 — То-то! принялъ я мѣры... „Чего-съ?“
 — Ничего. Пейте водку въ морозы —
 Сбережете навѣрно вашъ носъ,
 На щекахъ же появятся розы!

Усмѣхнувшись, они разошлись,
 И за каждымъ извоцикъ помчался.
 Бѣдный Ванька! надеждой не льстись,
 Чтобъ сегодня сѣдокъ отыскался:
 Двадцать градусовъ, вѣтеръ притомъ —
 Безкаретные ходятъ пѣшкомъ.

Разыгрались силы Господни!
 На пространствѣ пяти саженой
 Насчитаешь навѣрно до сотни
 Отмороженныхъ щекъ и ушей.
 Двадцать градусовъ! щеки и уши
 Не бѣда, — какъ-нибудь ототремъ!
 Цѣликомъ христіанскія души
 Часто гибнуть теперь; подождемъ —
 Часовой ли замерзнетъ, бѣдняга,
 Или Ванька, уснувшій въ саняхъ,
 Все прочтемъ, коли стерпитъ бумага,
 Завтра утромъ въ газетныхъ листахъ.

Ежедневно газетная проза
 Обличаетъ продѣлки мороза;
 Кучера его громко клянуть,
 У подвѣздовъ господъ поджидая;
 Бѣдняки ему пѣсню поютъ,
 Зубомъ на зубъ едва попадая:

„Уходи изъ подваловъ сырыхъ,
 Полутемныхъ, зловонныхъ, дымящихся,
 Уходи отъ голодныхъ, больныхъ,
 Озабоченныхъ, вѣчно трудящихся,
 Уходи, уходи, уходи!
 Петербургскую голь пощади!“

Но морозъ не падить, — прибавляется,
 Приуныла столица; одинъ
 Самоѣдъ на Невѣ удивляется:
 Отъ какихъ чрезвычайныхъ причинъ
 На оленяхъ никто не катается?
 Тамъ, гдѣ строй заготовленныхъ льдинъ
 Возвышается синею клѣткою,
 Ходитъ онъ со своей самоѣдкою,
 Пѣсни родины дальней поетъ,
 Сѣдока-благодѣтеля ждетъ...

Самоѣдскіе червы и кости
 Стерпятъ всякую стужу, но вамъ,
 Голосистые южные гости,
 Хорошо ли у насъ по зимамъ?
 Вспомнимъ — Возіо. Чванный Петрополь
 Не жалѣлъ ничего для нее.
 Но напрасно ты кутала въ соболь
 Соловьиное горло свое,
 Дочь Италіи! Съ русскимъ морозомъ
 Трудно ладить полуденнымъ розамъ.

Передъ силой его роковой
 Ты поникла челомъ идеальнымъ,
 И лежишь ты въ отчизнѣ чужой,
 На кладбищѣ пустомъ и печальномъ.
 Позабылъ тебя чуждый народъ
 Въ тотъ же день, какъ землѣ тебя сдали,
 И давно тамъ другая ноетъ,
 Гдѣ цвѣтами тебя осыпали.
 Тамъ свѣтло, тамъ гудѣтъ контрабасъ,
 Тамъ по прежнему громки литавры.
 Да! на сѣверѣ грустномъ у насъ
 Трудны деньги и дороги лавры!

Всевозможные тифы, горячки,
 Воспаленья — идутъ чередомъ,
 Мрутъ, какъ мухи, извоцики, прачки,
 Мерзнутъ дѣти на ложѣ своемъ.
 Ни въ одной петербургской больницѣ
 Нѣтъ кровати за сотню рублей.
 Появился убійца въ столицѣ,
 Бичъ довольныхъ и сытыхъ людей.
 Съ бѣдняками, съ сословіемъ грубымъ
 Не имѣетъ онъ дѣла! тайкомъ

Ходитъ онъ по гостинымъ, по клубамъ
Съ смертоноснымъ своимъ кистенемъ.

„Побранился съ супругой своею
Послѣ ужина Несторъ Омичъ,
Ухватилъ за короткую шею
И прихлопнулъ его параличъ!
Генераль Федоръ Карлычъ фонъ-Штубе,
Десяти-пудовой генераль,
Скушалъ четверть телятины въ клубѣ,
Крикнулъ: насъ!—и со стула не всталъ!“
Таковы-то теперь разговоры,
Что ни день, то плачевная вѣсть.
Въ клубахъ мракъ и унынье; обжоры
Поклялися не пить и не ѣсть.

Мучимъ голодомъ, страхомъ томимый,
Сановитъ и солиденъ на видъ,
Въ сильный вѣтеръ, въ морозъ нестерпимый,
Кто по Невскому быстро бѣжитъ?
И кого онъ на Невскомъ встрѣчаетъ?
И о чемъ начался разговоръ?
Въ эту пору никто не гуляетъ,
Кромѣ мнительныхъ, тучныхъ обжоръ.
Говори межъ собой про удары,
Повторя обѣты не ѣсть,
Ходятъ эти угрюмыя пары,
До обѣда не смѣя присѣсть,
А потомъ наѣдаются вдвое,
И на утро разносится слухъ,
Слухъ ужасный—о новомъ героѣ,
Испутившемъ нечаянно духъ!

Никакія извѣстія изъ Вильно,
Никакія статьи изъ Москвы
Насъ теперь не волнуютъ такъ сильно,
Какъ подобные слухи... Увы!
Непріятно съ мѣстечекъ солидныхъ,
Изъ хорошихъ казенныхъ квартиръ
Вдругъ, безъ всякихъ причинъ благовидныхъ,
Удаляться въ невѣдомый міръ!
Впрочемъ, если ужъ смерть неизбѣжна,
Такъ зимой умирать хорошо:
Для супруги, насъ любящей нѣжно,

Сохранимся мы чисто, свѣжо
До послѣдней минуты лобзанья,
И друзьямъ нашимъ будетъ легко
Подходить къ намъ въ минуту прощанья;
Понесутъ они гробъ далеко.
Похоронная музыка чище
И звончѣй на морозѣ слышна,
Вмѣсто грязи, покрыто кладбище
Бѣлымъ снѣгомъ; сурово-пышна
Обстановка; гробъ бросать не въ лужу,
Червь не скоро въ него заползетъ,
Самъ покойникъ въ жестокую стужу
Дольше важный свой видъ сбережетъ.
И притомъ, если другъ неутѣшный
Насъ живемъ схоронить поспѣшитъ,
Мы избавимся мѣки кромѣшной:
Дѣло смерти морозъ довершитъ.

Умирай же, богачъ, въ стужу сильную!
Бѣдники пускай осенью мрутъ,
Потому что за яму могильную
Вдвое больше въ морозы берутъ.

КОМУ ХОЛОДНО, КОМУ ЖАРКО!

Свечерѣло. Въ предмѣстіяхъ дальныхъ,
Гдѣ, какъ черныя змѣи, лежатъ
Клубы дыма изъ трубъ колоссальныхъ,
Гдѣ сплошными огнями горятъ
Красныхъ фабрикъ громадныя стѣны,
Окаймляя столицу кругомъ,—
Начинаются мрачныя сцены.
Но въ предмѣстія мы не поидемъ.
Намъ зимою пріятнѣй столица
Тамъ, гдѣ ярко горятъ фонари,
Гдѣ гуляютъ довольныя лица,
Гдѣ катаются сами цари.

Надышавшись классической пылью
Въ Петербургѣ, паспортъ мы беремъ
И чихать уѣзжаемъ въ Севилью.

Но кто лѣтомъ толкается въ немъ,
 Тотъ ему одного пожелаетъ —
 Чистоты, чистоты, чистоты!
 Грязны улицы, лавки, мосты,
 Каждый домъ золотухой страдаетъ;
 Штукатурка валится—и бьетъ
 Тротуаромъ идущій народъ,
 А для ѣдущихъ есть мостовая,
 Нещадающая бѣдныхъ боковъ;
 Лѣтомъ взроютъ ее, починая,
 Да наставятъ зловонныхъ костровъ:
 Какъ дорогой бросаются въ очи
 На зеленомъ лугу свѣтляки,
 Ты замѣтишь въ туманныя ночи
 На вершинѣ костровъ огоньки —
 Берегись!.. Въ дополненіе, съ малъ,
 Не весьма-то чиста и всегда,
 Отъ природы отстать не желая,
 Зацвѣтаетъ въ каналахъ вода...

(Наша муза парить не высоко,
 Но мы пишемъ не легкій сонетъ,
 Наше дѣло исчерпать глубоко
 Воспѣваемый нами предметъ).

Ужъ давно въ тебя лѣтней порою
 Не случалось намъ заглянуть,
 Милый городъ! гдѣ трудной борьбою
 Надорвали мы съ молодую грудь,
 Но того мы еще не забыли,
 Что въ іюлѣ пропитанъ ты весь
 Смѣсью водки, конюшни и пыли —
 Характерная русская смѣсь.

Но зимой—дышешь вольно; для глаза —
 Роскошы! Улицы, зданья, мосты,
 При волшебномъ сіяніи газа,
 Получаютъ печать красоты.
 Какъ проворно по хрупкому снѣгу
 Мчится тысячный, кровный рысакъ!
 Даже клячи извоищичи бѣгу
 Прибавляютъ теперь. Каждый шагъ,
 Каждый звукъ такъ отчетливо слышенъ;
 Все свѣжо, все эффектно: зимой,
 Словно весь посеребранный, пышенъ

Петербургъ самобытной красой!
 По каналамъ, что лѣтомъ зловонны,
 Блещетъ ледъ, ожидал коньковъ,
 Серебромъ отливаютъ колонны,
 Орнаменты воротъ и мостовъ;
 Въ серебрѣ лошадиныя гривы,
 Шанки, бороды, брови людей,
 И, какъ бабочекъ крылья, красивы
 Ореолы вокругъ фонарей!

Пусть съ какой-то тоской безотрадной
 Мѣсяцъ съ яснаго неба глядитъ
 На Неву, что гробницей громадной
 Въ берегахъ освѣщенныхъ лежитъ,
 И на шпиль, за угрюмой Невкою,
 Передъ длинной стѣной крѣпостною,
 Наводящей унынье и сплинь.
 Мы не тужимъ. У русской столицы,
 Кромѣ мрачной Невы и темницы,
 Есть довольно и свѣтлыхъ картинъ.

Невскій полонь: эстампы и книги,
 Бриллианты изъ оконъ глядятъ;
 Вновь прибывшія дѣвы изъ Риги
 Неподдѣльнымъ румянцемъ блестятъ.
 Всюду люди—шумятъ, суетятся.
 Вотъ красивая тройка бѣжитъ:
 „Не хотите ли съ нами кататься?“
 Дѣвѣ бравый усачъ говорить.
 Поглядѣла, подумала, сѣла.
 И другую сманили,—летятъ!
 Полумерзлыя дѣвы несмѣло
 На своихъ кавалеровъ глядятъ.
 — Ваше имя? „Матильда“.—А ваше?
 „Александра“. Къ Матильдѣ одинъ,
 А другой подвигается къ Сашѣ.
 — Вы модистка? „Да, шью, въ магазинъ“.
 — Эй! пошелъ хорошенько, Тараска! —
 Городъ изъ виду скоро пропасть.

Начинается зимняя сказка:
 Вѣтеръ злился, гудѣлъ и стоналъ,
 Франты пѣсню удалую пѣли,
 Кучеръ громко подтигивалъ ей,
 Кони, фыркая, вихремъ летѣли,

Злой морозъ пробиралъ до костей.
 Прискакали въ открытое поле.
 „Да куда же везете вы насъ?
 „Мы одѣты легко... мудрено ли
 „Простудиться?“—Прїѣдемъ сейчасъ!
 Ну, потрогивай! живо, дружище! —
 Снова скачутъ! Могилы вокругъ,
 Монументы... „Да это владбище“,
 Шепчетъ Сапа Матильдѣ—и вдругъ
 Сани на бокъ! Упали дѣвицы...
 Повернули назадъ господа
 И умчали ихъ кони, какъ птицы.
 Дѣвы встали. „Куда-жь вы? куда?“
 Нѣтъ отвѣта! Несчастныя дѣвы
 Въ чистомъ полѣ остались однѣ.
 Дикій хохоть, лихіе панѣвы
 Постепенно умолкли. Онѣ
 Оглядѣлись: безлюдно и тихо,
 Звѣзды съ яснаго неба глядятъ...
 „Мы сегодня потѣшились лихо!“
 Франты въ клубѣ друзьямъ говорятъ...

А театры, балы, маскарады?
 Впрочемъ, здѣсь и конецъ, господа,
 Мы бы тамъ побывать съ вами рады,
 Но насъ цензоръ не пуститъ туда.
 До того, чтѣ творится въ природѣ,
 Дѣла нашему цензору нѣтъ:
 „Вы взялися писать о погодѣ,
 Воспѣвайте же данный предметъ!“

— Но озябли мы, другъ нашъ угрюмый!
 Пощади—намъ погрѣться пора!
 „Вотъ вамъ случай—взгляните: надъ Думой
 Показались два красныхъ шара,
 Въ вашей власти наполнить пожаромъ
 Сто страницъ—и погрѣтесь даромъ!“

Гдѣ-жь пожаръ? иѣшеходы глядятъ.
 Чу! неистовый топотъ раздался
 И на бочкѣ верхомъ полицейскій солдатъ,
 Мѣдной шапкой блестя, показался.
 Вотъ другой—не поспѣешь считать!
 Мчатся вихремъ красивыя тройки.

Осторожиѣй, пожарная рать!
 Кони сытые слишкомъ ужъ бойки.

Вся команда на борзыхъ коняхъ
 Черезъ Невскій проспектъ прокатилась
 Инаокнахъ аптекъ, въ разноцвѣтныхъ шарахъ,
 Вверхъ ногами на мигъ отразилась...

Озадаченный людъ толковалъ,
 Гдѣ пожаръ и причина какая?
 Вдругъ еще появился сигналъ,
 И промчалась команда другая.
 Постепенно во многихъ мѣстахъ
 Небо вспыхнуло заревомъ краснымъ,
 Топотъ, грохотъ! Народъ въ попыхахъ
 Разбѣжался по улицамъ разнымъ,
 Каждый въ свой торопился кварталъ,
 „Не у насъ ли горитъ?“ помышляя:
 „Богъ помилуй!“ Огонь не дремалъ,
 Лавки, церкви, дома пожирая...

Семь пожаровъ случилось въ ту ночь,
 Но смотрѣть ихъ намъ было не въ мочь.
 Въ сильный жаръ да въ морозы трескучіе
 Въ Петербургѣ пожарные случаи
 Безпрестанны—надняхъ какъ-нибудь
 И пожары успѣемъ взглянуть...

ГАЗЕТНАЯ.

Черезъ дымъ, развѣдающій очи
 Милыхъ дамъ, убивающихъ ночи
 За игрою въ лото-домино,
 Разглядѣть чтѣ-нибудь мудрено.
 Миновавъ этотъ омутъ кромѣшный,
 Это тусклое царство тѣней,
 Добрались мы походкой поспѣшной
 До газетной...

Здѣсь воздухъ свѣжѣй;
 Поль съ ковромъ, съ абажурами свѣчи,

Столь съ газетами, съ книгами шкапъ.
 Неумѣстны здѣсь громкія рѣчи,
 А еще неприличіе храпъ;
 Но сморить послѣ нашихъ обѣдовъ
 Хоть какого чтеца, и притомъ
 Правъ донинѣ старикъ Грибоѣдовъ —
 Съ русской книгой мы вѣчно уснемъ.
 Мы не любимъ словесности русской,
 И донинѣ, предвидя досугъ,
 Запасаемся книгой французской.
 Чтѣ же такъ?.. Даже избранный кругъ
 Увлекали талантомъ недавно
 Графъ Толстой, Фетъ и просто Толстой.
 „Русскій слогъ исправляется явно!“
 Замѣчаютъ тузы межъ собой.
 Не безъ гордости русская пресса
 Именуетъ себя иногда
 Путеводной звѣздой прогресса,
 И не даромъ она такъ горда:
 Говорятъ—о, Гомеръ и Овидій! —
 До того расходилась печать,
 Что явилась потребность субсидій.
 Экъ хватила куда! исполать!
 Таксы иѣтъ на гражданскія слѣзы,
 Но и такъ онѣ лютятъ рѣкой.
 Образцы изумительной прозы
 Замѣчаются въ прессѣ родной:
 Тотъ добился успѣху во многомъ
 И удачно враговъ обуздаль,
 Кто идею свободы съ поджогомъ,
 Съ грабежемъ и убійствомъ мѣшалъ;
 Тотъ прославился другомъ народа
 И мечтаетъ, что пользу принесъ,
 Кто на тѣму: *вино и свобода*
 На народъ напечаталъ доносъ.
 Намъ Катковъ предстоить великаномъ,
 Мы Тургенева кушать зовемъ...
 Почему же французскимъ романамъ
 Предпочтеніе мы отдаемъ?
 Не избытокъ хорошаго тона,
 Не картинъ соблазнительныхъ рядъ,
 Насъ отсутствіе „мрака и стона“
 Къ нимъ влечетъ... Мудрецы говорятъ:
 „Часъ досуга, за утреннимъ чаемъ,

Для чего я тоской отравлю?
 Наши немощи знаемъ мы, знаемъ,
 Но я думать о нихъ не люблю!..“

Эта пѣсня давно уже слышится,
 Но она не ведетъ ни къ чему,
 Коли намъ такъ писалось и пишется,
 Значить—есть и причина тому!
 Не заказано вѣтру свободному
 Пѣть тоскливыя пѣсни въ поляхъ;
 Не заказаны волку голодному
 Заунывные стоны въ лѣсахъ;
 Споконъ вѣку дождемъ разливаются
 Надъ родной стороной небеса;
 Гнутыя, стонуть, подъ бурей ломаются
 Споконъ вѣку родные лѣса;
 Споконъ вѣку работа народная
 Подъ унылую пѣсню кипитъ,
 Вторить ей наша муза свободная
 Вторить ей—или честно молчить.

Какъ бы ни было, въ комнатахъ этой
 Праздно кипы журналовъ лежатъ,
 Пусто! развѣ, прикрывшись газетой,
 Два-три члена солидные спятъ.
 (Какъ не скажешь: москвичъ идеальнѣй,
 Тамъ газетная вѣчно полна,
 Рядомъ съ ней, нареченная „вральней“,
 Есть тамъ мрачная зала одна —
 Если ты не московскаго мнѣнья,
 Не входи туда—будешь побитъ!)
 Въ Петербургѣ любители чтенья
 Пробѣгаютъ одинъ „Инвалидъ“;
 Въ дни, когда Высочайшимъ приказомъ
 Назначается много наградъ,
 Десять рукъ къ нему тянется разомъ.
 Да порой нашъ журнальный собратъ
 Дерзновенную штуку отколетъ,
 Тронетъ личность, извѣстную намъ:
 О! тогда цѣлый клубъ соизволитъ
 Прикоснуться къ презрѣннымъ листамъ.
 Шопотъ, говоръ. Приводится въ ясность —
 Кто затронуть, мѣткѣ ли статья?
 И суровые толки про гласность
 Начинаются. Слыхивалъ я

Здѣсь такія сужденія и споры...
 Поневоля поникнешь лицомъ
 И потупишь смущенные взоры...
 Не въ сужденіяхъ дѣло, а въ томъ,
 Что сулила такая особа...
 Впрочемъ, я ей обязанъ до гроба!

Разъ послушавъ такого туза,
 Не забыть до скончанія вѣка.
 Въ мановеніи брови — гроза!
 Въ полусловъ — судьба человѣка!
 Согласишься, почтителенъ, тихъ,
 Постоишь, удалишься украдкой
 И начнешь сатирической стихъ
 Въ комплиментъ перелаживать сладкій...

Да! Но, все-таки, грустенъ напѣвъ
 Нашихъ пѣсенъ, нельзя не сознаться.
 Передѣлать его не сумѣвъ,
 Мы рѣшились при немъ оставаться.
 Примиритесь же съ Музой моею!
 Я не знаю другого напѣва.
 Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
 Тотъ не любитъ отчизны своей...

Съ давнихъ поръ только два человѣка
 Постоянно въ газетной сидятъ:
 Одному ужъ три-четверти вѣка,
 Но онъ крѣпокъ и силенъ на взглядъ.
 Про него безконечны рассказы:
 Жаденъ, скупъ, ненавидитъ дѣтей.
 Здѣсь онъ къ старостѣ пишетъ приказы,
 Чтобы дома не тратить свѣчей.
 Говорятъ, одному человѣку
 Удалось изъ-за плечъ старика
 Прочитать, что онъ пишетъ: „въ аптеку,
 Чтобы спасти бѣдняка-мужика,
 Послалъ ты — нелѣпное барство!
 Впредь расходовъ такихъ не имѣть!
 Деньги съ міру взискать... а лекарство
 Для крестьянина лучшее — плеть“...
 Анекдотъ этотъ въ клубѣ я слышалъ
 (Это было лѣтъ десять тому).
 Изъ полка онъ за шулерство вышелъ,
 Мать родную упряталъ въ тюрьму.

Про его воровскіе таланты
 Тоже ходитъ таинственный слухъ:
 У супруги его бриліанты
 Родовые пропали — двухъ слугъ
 Присудили тогда и сослали;
 А потомъ — разъ старикъ оплопалъ —
 У него эти камни видали:
 Самъ же онъ у жены ихъ укралъ!
 Ненавидятъ его, но для виста
 Онъ всегда партенеровъ найдетъ:
 „Что-жъ? вѣдь въ клубѣ играетъ онъ чисто!“
 Наша логика дальше нейдетъ...

А другой? Среди праздныхъ мѣстечекъ,
 Подъ огромнымъ газетнымъ листомъ,
 Видишь, тощій сидитъ человѣчекъ
 Съ озабоченнымъ, блѣднымъ лицомъ,
 Весь исполненъ тревогою страстной,
 По движеніямъ похожъ на лису,
 Старъ и глухъ; и въ рукахъ его красный
 Карандашъ и очки на носу.
 Въ бѣны годы служилъ онъ цензурѣ
 И донинѣ привычку сберегъ
 Все, что прежде черкалъ въ корректурѣ,
 Отмѣчать: выправляетъ онъ слогъ,
 Съ мысли автора краски стираетъ.
 Вотъ онъ тихо промовилъ: „шалишь!“
 Глазъ его подъ очками играетъ,
 Какъ у кошки, замѣтившей мышъ;
 Карандашъ за привычное дѣло
 Принялся... „А позвольте узнать
 (Онъ болтунъ — говорите съ нимъ смѣло),
 „Что изволили вы отыскать?“

— Ужасаюсь, читая журналы!
 Гдѣ я? гдѣ? Цѣпенѣтъ мой умъ!
 Что ни строчка — скандалы, скандалы!
 Вотъ взгляните — мой собственный кумъ
 Обличецъ! Моралистъ-проповѣдникъ,
 Цыцъ!.. Умолкни, журнальная тварь!..
 Онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ,
 Этотъ чинъ даровалъ ему Царь!
 Мало имъ, что они Маколея
 И Гизота въ печать провели,

Кровоіицу Прудона, злодѣя
 Тѣра выше небесъ вознесли, —
 Къ украшенью имперіи смѣютъ
 Прикасаѣтся нечистой рукой!
 Будетъ время — пожнуть, что посяютъ! —
 (Старецъ грозно качнулъ головой).
 — А свобода, а земство, а гласность!
 (Крикнулъ онъ и очки уронилъ):
 — Вотъ гдѣ бѣдствіе! вотъ гдѣ опасность
 Государству... Не такъ я служилъ!

— О чинахъ, о свободѣ, о взяткахъ
 Я словечка въ печать не пускалъ.
 Къ сожалѣнью, при новыхъ порядкахъ,
 Предсѣдатель отставку мнѣ далъ,
 На начальство роптать не дерзаю
 (Не умью — и этимъ горжусь),
 Но убей меня, если я знаю,
 Отчего я теперь не гожусь?
 Служба всю мою жизнь поглощала,
 Иногда до того я вникалъ,
 Что во снѣ благодать осѣняла,
 И вскочивъ — я черкалъ и черкалъ!
 Къ сочиненію ключъ понемногу
 Къ тайной цѣли его подберешь,
 Сходишь въ церковь, помолишься Богу,
 И опять троекратно прочтешь:
 Взвѣшенъ, пойманъ на каждомъ словечкѣ
 Сочинитель дрожалъ предо мной.
 Повертится, какъ муха на свѣчкѣ,
 И уйдетъ тихомолкомъ домой.
 Радъ радѣхонекъ, если тетрадку
 Я, похеривъ, ему возврату,
 А то, еслибъ пустить по порядку...
 Но всего говорить не хочу!
 Занимался семь лѣтъ этимъ дѣльцемъ,
 Не напрасно я бралъ свой окладъ
 (Тутъ сравнилъ онъ себя съ земледѣльцемъ,
 Рвущимъ сорныя травы изъ грядъ).
 — Напримѣръ, Вальтеръ-Скотъ или Ку-
 перъ —
 Ихъ на вѣру иной пропускалъ,
 Но и въ нихъ открывалъ я *канупергъ!*
 (Такъ онъ вредную мысль называлъ).

— Но за то, если дѣльны и строги
 Мысли — кто ихъ въ печать проводилъ?
 Я вамъ мысль, что „большіе налоги
 Любить русскій народъ“, пропустилъ;
 Я статью отстоялъ въ комитетѣ,
 Что реформы раненько вводить,
 Что крестьяне — опасныя дѣти,
 Что ихъ грамотѣ рано учить!
 Кто, чтобъ намъ микроскопы купили,
 Съ представленьемъ къ министру вошолъ?
 А то разъ цензора пропустили,
 Виѣсто сѣверный, скверный орелъ!
 Только буква... Шутите вы буквой!
 Авторъ правъ, чего цензоръ смотрѣлъ? —

Освѣжившись холодною клюквой,
 Онъ прибавилъ: — А что я терпѣлъ!
 Не одинъ оскорбленный писатель
 Письма брашныя мнѣ посылалъ,
 И грозился... (да шутишь, пріятель!
 Мѣры я надлежащія бралъ).
 Мнѣ мерещились авторовъ тѣни,
 Третьей ночью еще Фейербахъ
 Мнѣ приснился — былъ ротъ его въ пѣнѣ,
 Онъ держалъ свою шляпу въ зубахъ,
 А въ рукѣ суковатую палку...
 Мнѣ одна романистка чуть-чуть
 Въ маскарадѣ... но бабу-нахалку
 Удержали... да, трудень нашъ путь!

— Ни родства, ни знакомства, ни дружбы
 Совѣсть цензора знать не должна,
 Долгъ, во-первыхъ — обязанность службы!
 Во-вторыхъ, сударь: дѣти, жена!
 И притомъ я себя такъ прославилъ,
 Что свихнись я — другой бы наврядъ
 Мѣсто новое мнѣ предоставилъ,
 Зависть общій порокъ, говорятъ! —

Тутъ взглянулъ мнѣ въ лицо старичина:
 Ужась, что ли, на немъ онъ прочелъ,
 Я не знаю, какаѣ причина,
 Только рѣчь онъ помягче повелъ:
 — Такъ храня цѣломудріе прессы,
 Не всегда былъ, однако, я строгъ.

Еслибъ знали вы, какъ интересы
 Я писателей бѣдныхъ берегъ!
 Да! меня не коснутся упреки,
 Что я платы за трудъ ихъ липалъ.
 Оставляя я страницы и строки,
 Только вредную мысль исключалъ.
 Если ты написалъ: „равнодушно
 Губернатора встрѣтилъ народъ“,
 Иклучу я три буквы: „ра—душно“
 Выйдетъ... что же? три буквы не счетъ!
 Если скажешь: „въ дворянскихъ имѣньяхъ
 Ницета ежегодно растетъ“,—
 „Рѣчь идетъ о сардинскихъ владѣньяхъ“
 Поясню—и статейка пройдетъ!
 Точно такъ: если страстную Лизу
 Соблазнить русокудрый Иванъ,
 Переносится дѣйствіе въ Пизу—
 И спасень многомный романъ!
 Незамѣтныя эти поправки
 Такъ измѣнять и мысли, и слогъ,
 Что потомъ не подточишь булавки!
 Да, я авторовъ много берегъ!
 Самъ я въ бѣдности тяжкой родился,
 Самъ имѣю дѣтей, я не звѣры!
 Дѣти! дѣти! (старикъ омрачился).
 Воздухъ, что ли, такой ужъ теперь—
 Утѣшенія въ собственномъ сынѣ
 Не имѣю... Кто-бъ могъ ожидать?
 Никакого почтенія къ святынь!
 Спорю, спорю! не разъ и ругать
 Принимался, а втайнѣ-то плачешь.
 Я однажды ему пригрозилъ:
 „Что ты бѣсишься? что ты чудачишь?
 Въ нигилисты ты, что ли, вступилъ?“
 — Нигилистъ—это глупое слово,
 Говорить, но когда ты подъ нимъ
 Разумѣлъ чловѣка прямою,
 Кто не любить живиться чужимъ,
 Кто работаегъ, истины ищетъ,
 Не безъ пользы старается жить,
 Прямо въ носъ негодяя освищеть,
 А при случаѣ радъ и побить—
 Такъ пожалуй—зови нигилистомъ,
 Отчего и не такъ!—Каково?

Что прикажете съ этимъ артистомъ?
 Я въ студенты хотѣлъ бы его,
 Чтобы чинъ получилъ... но едва ли...
 — Что чины—говорить,—ерунда!
 Тамъ такихъ дураковъ насажали,
 Что ихъ слушать не стоить труда,
 Тамъ я даромъ убью только время.
 И прибавилъ еще сгоряча
 (Каково современное племя?):
 Тамъ мнѣ скажутъ: ты сынъ палача!
 Тутъ невольно я голосъ возвысилъ,
 „Стой, глупецъ! я ему закричалъ,
 Я на службѣ себя не унижилъ,
 Добросовѣстно долгъ исполнялъ!“
 — Добросовѣстность—милое слово,
 Возразилъ онъ, но съ нею подчасъ...
 „Что, мой другъ? говори—это ново!“
 Сильный споръ завязался у насъ;
 Всю нелѣпость свою понемногу
 Обнаружилъ онъ ясно тогда;
 Между прочимъ, сказалъ: „Слава Богу,
 Что чиновникъ у насъ не всегда
 Добросовѣстенъ“... Вотъ какъ!.. За что же
 Возрождается въ сынѣ моемъ,
 Что всю жизнь истреблялъ я?.. о, Боже!..

Старецъ скорбно поникнулъ челою.

— Хорошо ли, служа, корректуры
 Вы скрывали отъ вашихъ дѣтей?
 Я съ участиемъ сказалъ: безъ цензуры
 Начитался онъ, видно, статей?
 — И! какъ можно!..

Тутъ насъ перервали.
 Старецъ снова газету беретъ...

.....

ПѢСНИ О СВОБОДНОМЪ СЛОВѢ.

1.

РАЗСЫЛЬНЫЙ.

Люди бѣгутъ, суетятся,
Мертвыхъ везутъ на погостъ...

Бѣду кой съ кѣмъ повидаться
Черезъ Николаевскій мостъ.

Потъ отирая обильный
Съ голаго лба, стороной—
Вижу—плетется разсылный,
Старець угрюмый, сѣдой.

Съ дѣдушкой этимъ, Минаемъ,
Я ужъ лѣтъ тридцать знакомъ:
Оба мы хлѣбъ добываемъ
Литературнымъ трудомъ.

(Молодыя я прибылъ въ столицу,
Вирши въ редакцію свезъ,—
Первую эту страницу
Онъ мнѣ въ наборъ принесъ!

Оба судьбой мы похожи,
Если пошире глядѣть:
Вѣкъ свой мы лѣзли изъ кожи,
Чтобы въ цензуру поспѣть;

Цензоръ въ спокойствіи нашемъ
Равную роль игралъ,—
Раньше, бывало, мы ляжемъ,
Если статью подписалъ;

Если-жъ сказалъ: „запрещаю!“
Вновь я садился писать,
Вновь приходилось Минаю
Бѣгать къ нему, поджидать.

Эти волненія были
Сходны въ итогъ вполне:
Ноги ему подкосили,
Нервы разстроили мнѣ.

Кто поплатился дороже,
Время ужъ скоро рѣшить,

Впрочемъ, я вдвое моложе,
Онъ ужъ не прочесть на видъ,

Длинный и тощій, какъ остова,
Но стариковски пригожа...
— Эй! на Васильевскій островъ
Къ цензору, что ли, идешь?

— „Баста ходить по цензурѣ!
Ослобонилась печать,
Авторы наши въ натурѣ
Стали статейки пуцать.

Къ нимъ да къ редактору нынѣ
Только и носимъ статьи...
Словно повысились въ чинѣ,
Ожили дѣтки мои!

Каждый теперича кротокъ,
Ну, да и намъ-то расчесть:
На восемь гривенъ подметокъ
Меньше изнаосится въ годъ!..“

2.

НАБОРЩИКИ.

Чей это гимнъ суровый
Доносить къ намъ зефиръ?

То арміи свинцовой
Смиранный командиръ—

Наборщикъ распѣваетъ
У пыльнаго станка,
Межъ тѣмъ какъ набираетъ.
Проворная рука:

— Рабочему порядокъ
Въ трудѣ всего важнѣй,
И лишній рубль не сладокъ,
Когда не спишь ночей!

Работы до отвалу,
Хоть не ходи домой.
Тетрадь оригиналу
Еще несутъ... ой, ой!

Тетрадь толстенъка въ станѣ,
Въ недѣлю не набрать.
Но не гордись заранѣ,
Премудрая тетрадь!

Не похудѣй въ цензурѣ!
Ужо мы наберемъ,
Оттиснемъ въ корректурѣ
И къ цензору пошлемъ.

Вотъ онъ тебя читаетъ,
Надѣвъ свои очки;
Отечески мараетъ —
Словечко, полстроки!

Но недостало силы,
Вдругъ руки разошлись
И красныя чернилы
Потокомъ полились.

Живого нѣтъ мѣстечка!
И только на строкѣ
Торчитъ кой-гдѣ словечко,
Какъ муха въ молокѣ.

Угрюмый и сердитый
Редакторъ этотъ сбродъ,
Какъ армін разбитой,
Остатки подберётъ;

На ниточку нанижетъ,
Кой-какъ силотить опять
И намъ приказъ напишетъ:
„Исправивъ, вновь послать“.

Наборъ мы разсыпаемъ
Зачеркнутыхъ столбцовъ
И литеры бросаемъ,
Какъ въ ямы мертвецовъ,

По кассамъ! Вновь въ порядкѣ
Лежатъ одна къ одной.
Потерянь ключъ къ загадкѣ,
Что выражалъ ихъ строй!

Такъ остается тайной,
Каковъ и гдѣ тотъ плодъ,

Который вихрь случайный
Съ деревьевъ въ бурю рветъ.

(Что, какова замѣтка?
Не дурень оборотъ?
Случается нерѣдко
У насъ лихой народъ.)

Наборщики бываютъ
Философы порой:
Не все же набираютъ
Они сумбуръ пустой.

Встрѣчаются статейки,
Встрѣчаются умы —
Полезныя идейки
Усвояемъ мы...)

Ужъ въ новой корректурѣ
Статья не велика,
Глядишь -- опять въ цензурѣ
Посгладятъ ей бога.

Вотъ, наконецъ, и сверетка!
Но что съ тобой, тетрадь?
Ты менѣ наперстка
Являешься въ печать!

А то еще бываетъ,
Самъ авторъ прибѣжитъ,
Посмотритъ, повздыхаетъ,
Да всю и порѣшитъ!

Намъ всѣ равны статейки,
Печатай, разбирай, —
Три четверти копѣйки
За строчку намъ отдай!

Но не равны заботы.
Чтобъ время навестать
Мы слѣпнемъ отъ работы...
Хотите ли писать?

Мы вамъ дадимъ сюжеты:
Войдите-ка въ полночь
Въ наборную газеты —
Кромѣшный адъ точь-въ-точь!

Наборщикъ безотвѣтный
Красивъ, какъ трубочистъ...
Кто выдумалъ газетный
Безчеловѣчный листъ?

Хоть цѣлый свѣтъ обрыщешь,
И въ самыхъ рудникахъ
Тошнѣй труда не сыщешь —
Мы вѣчно на ногахъ;

Отъ частой недосыпки,
Отъ пыли, отъ свинца
Мы всѣ здоровьемъ хлипки,
Всѣ зелены съ лица;

Въ работѣ безпорядокъ
Намъ сокращаетъ вѣкъ.
И лишній рубль не сладокъ,
Какъ боленъ человекъ..

Но вотъ свобода слова
Негаданно пришла,
Не такъ ужъ безголовко,
Авось, пойдутъ дѣла!

ХОРЬ.

Поклонъ тебѣ, свобода!
Тра-ла, ла-ла, ла-ла!
Съ рабочаго народа
Ты тяготу сняла!..

3.

ПОЭТЬ.

Друзья, возрадуйтесь! — просторъ!
(Давай скорѣй бутылку!)
Теперь бы пѣть!.. Но сталь я хворь!
А прежде былъ я пылокъ.
И былъ подвиженъ я, какъ чѣлнъ
(Зачѣмъ на пробѣхъ плѣсень?..)
И какъ у моря звучныхъ волнъ,
У лиры было пѣсень.
Но жизнь была такъ коротка

Для пѣсень этой лиры, —
Отъ типографскаго станка
До цензорской квартиры!

4.

ЛИТЕРАТОРЫ.

Три друга обнялись при встрѣчѣ,
Входя въ какой-то магазинъ.
„Теперь пойдутъ иныя рѣчи!“
Замѣтилъ весело одинъ.
— Теперь насъ ждутъ просторъ и слава!
Другой восторженно сказалъ,
А третій посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ! *

5.

ФЕЛЬЕТОННАЯ БУКАШКА.

Я — фельетонная букашка,
Ишу посильнаго труда.

Я, какъ ходячая бумажка,
Поистрепался, господа,

Но лишь давайте мнѣ сюжеты,
Увидите — хорошъ мой слогъ.
Сначала я писалъ куплеты,
Состряпалъ нѣсколько эклогъ,

Но скоро я стихи оставилъ,
Понявъ, что лучший на землѣ
Тотъ родъ, который такъ прославилъ
Булгаринъ въ „Сѣверной Пчелѣ“.

Я говорю о фельетонѣ...
Статейки я писать могу
Въ великосвѣтскомъ, модномъ тонѣ,
И будутъ хороши, не лгу.

*Эти два послѣдніе стиха взяты у Лермонтова:
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ.

Изъ жизни здѣшной и московской
 Черты охотно я беру.
 Знакомъ вамъ господинъ Пановскій?
 Мы съ нимъ похожи по перу.

Извѣстенъ я въ литературѣ...
 Угодно-ль вамъ меня нанять?
 Умѣлъ писать я при цензурѣ,
 Такъ мудрено-ль теперь писать?

Признаться, я попалъ неволью
 Въ литературную семью!
 Охъ! было время—вспомнить больно!
 Дрожишь, бывало, за статью.

Мою любимую идею,
 Что въ Петербургѣ климатъ плохъ,
 И ту не въ каждую статейку
 Вставлялъ я безъ боязни могъ.

Однажды написалъ я съ дуру,
 Что видѣлъ на мосту дыру.
 Переполошилъ всю цензуру,
 Таскали даже — — —

Ну! дали мнѣ головоюлку,
 Съ полгода поджималъ я хвостъ.
 Съ тѣхъ поръ не ѣзжу черезъ Мойку
 И не гляжу на этотъ мостъ!

Я надоѣлъ вамъ? извините!
 Но старыхъ ранъ коснулся я...
 И вдругъ... кто думать могъ?... скажите!...
 Горька была вся жизнь моя,

Но, претерпѣвъ судьбы удары,
 Подъ старость счастье я узналъ:
 Курилъ на улицахъ сигары
 И безъ цензуры сочинялъ!

6

ПУБЛИКА.

1

Ай да свободная пресса!
 Мало вамъ было хлопотъ?
 Юное чадо прогресса
 Рвется, брыкается, бѣтъ,
 Какъ забѣжавшій изъ степи
 Конь, незнакомый съ уздой,
 Или сорвавшійся съ цѣпи
 Звѣрь нелюдимый, лѣсной...

Боже! пошли намъ терпѣнье!
 Или цензура воспрянь!
 Всюду одно осужденье,
 Всюду нахальная брань!
 Въ цивилизованпомъ классѣ
 Будто растлѣные одно,
 Бѣдность безмѣрная въ массѣ
 (Гдѣ же берутъ на вино?)
 Въ каждомъ нажиться старанье,
 Въ каждомъ продажная честь,
 Только подъ шубой бараньей
 Сердце хорошее есть!
 Охъ, этотъ авторъ злодѣйскій!
 Тоже хитритъ ипогда,
 Думаетъ лестью лакейской
 Насъ усыпить, господа!
 Мы не хотимъ поцѣлуевъ,
 Но и ругни не хотимъ...
 Чтѣ-жь это смотреть Валувевъ *,
 Какъ этотъ авторъ терпимъ?
 Слышали? Все лишь подобье,
 Все у насъ маска и ложь,
 Глупость, развратъ, узколобье...
 Кто же уменъ и хорошъ?
 Кто же всегда одинаковъ?
 Истиннѣ другъ и родня?
 Ясно—премудрый Аксаковъ,
 Авторъ премудраго „Дня“!
 Пусть онъ таковъ, но за чтѣ же

* Тогдашнй министръ внутреннихъ дѣлъ.

Надоѣдаетъ онъ всѣмъ?...
 Чѣмъ это кончится, Боже!
 Чѣмъ это кончится, чѣмъ?

Ай да свободная пресса!
 Мало вамъ было хлопотъ?
 Юное чадо прогресса
 Рвется, брыкается, бѣтъ,
 Какъ забѣжавшій изъ степи
 Конь, незнакомый съ уздой,
 Или сорвавшійся съ цѣпи
 Звѣрь нелюдимый, лѣсной...

2

Нынче, журналы читая,
 Просто не вѣришь глазамъ,
 Слышали—новость какал?
 Мы же должны мужикамъ!
 Экой герой-сочинитель!
 Экой вѣщунъ-богатырь!
 Вѣрно ли только, учитель,
 Вывелъ ты эту цифирь?
 Если ее ты докажешь,
 Дай ужъ намъ кстати совѣтъ:
 Чѣмъ расплатиться прикажешь?
 Суммы такой у насъ нѣтъ!
 Нѣтъ ничего, кромѣ модныхъ,
 Но пустоватыхъ головъ,
 Кромѣ желудковъ голодныхъ
 И неоплатныхъ долговъ,
 Кромѣ усовъ, бакенбардовъ
 Да „какъ-нибудь“ да „авось“...
 Шутка ли! шесть миллиардовъ!
 Смилуйся! чтѣ-нибудь сбрось!
 Другъ! ты стоишь на рогожѣ,
 Но говоришь ты съ ковра...
 Чѣмъ это кончится, Боже!..
 Грѣшенъ, не жду я добра...

Ай да свободная пресса!
 Мало вамъ было хлопотъ?
 Юное чадо прогресса
 Рвется, брыкается, бѣтъ,
 Какъ забѣжавшій изъ степи

Конь, незнакомый съ уздой,
 Или сорвавшійся съ цѣпи
 Звѣрь нелюдимый, лѣсной...

3

Мало, что въ сферѣ публичной
 Трогаютъ всякій предметъ,
 Жизни касаются личной!
 Просто спасенія нѣтъ!
 Если за добрымъ обѣдомъ
 Выпилъ ты лишній бокаль
 И, поругавшись съ сосѣдомъ,
 Громкое слово сказалъ,
 Не говорю ужъ—подрался
 (Рѣдко другъ друга мы бьемъ),
 Хоть бы ты тутъ же обнялся
 Съ этимъ случайнымъ врагомъ, —
 Завтра-жъ въ газетахъ напишутъ!
 Господи, чтѣ за скоты!
 Какъ они знаютъ все, слышутъ!..
 Чтѣ потомъ сдѣлаешь ты?
 Ежели скажешь: „вы лжете“!
 Онъ очевидцевъ найдетъ;
 Если дуэлью пугнете,
 Онъ васъ судомъ принуждетъ.
 Просто—не стало свободы,
 Чести нельзя запитить...
 Эхъ! эти новыя моды!
 Впрочемъ, есть средство: побить.
 Но вѣдь, пожалуй, по рожѣ
 Съѣздить и онъ между тѣмъ.
 Чѣмъ это кончится, Боже?..
 Чѣмъ это кончится, чѣмъ?..

Ай да свободная пресса!
 Мало вамъ было хлопотъ?
 Юное чадо прогресса
 Рвется, брыкается, бѣтъ,
 Какъ забѣжавшій изъ степи
 Конь, незнакомый съ уздой.
 Или сорвавшійся съ цѣпи
 Звѣрь нелюдимый, лѣсной...

4

Все пошатнулось... О, гдѣ ты,
 Время безъ бурь и тревогъ?
 Въ Бога не вѣрятъ газеты,
 И отрицаютъ поэты
 Пользу желѣзныхъ дорогъ!
 Дыбомъ становится волосъ,
 Чѣмъ наводнилась печать, —
 Даже умѣренный „Голосъ“
 Началь не въ мѣру кричать;
 Ни одного элемента
 Не пропустилъ, не задѣвъ,
 Онъ положеньемъ Тапшента
 Разволновался какъ левъ;
 Бдитъ онъ надъ западнымъ краемъ,
 Онъ о Россіи болятъ,
 Съ ожесточеньемъ и лаемъ
 Онъ обо всемъ говоритъ!
 Онъ изнываетъ въ тревогахъ,
 Точно ли вышелъ запретъ:
 Чтобъ на желѣзныхъ дорогахъ
 Не продавали газетъ?
 Чтò — на дорогахъ желѣзныхъ!
 Остановить бы вездѣ.
 Меньше бы трать бесполезныхъ!
 И безъ того мы въ нуждѣ.
 Жизнь ежедневно дороже,
 Деньги труднѣй между тѣмъ,
 Чѣмъ это кончится, Боже!
 Чѣмъ это кончится, чѣмъ?..

Ай да свободная пресса!
 Мало вамъ было хлопотъ?
 Юное чадо прогресса
 Рвется, брыкается, бѣётъ,
 Какъ забѣжавшій изъ стени
 Конь, незнакомый съ уздой,
 Или сорвавшійся съ цѣпи
 Звѣрь нелюдимый, лѣсной...

5

Право, конецъ бы таковскій
 И не велика печаль!
 Только газеты московской

Было-бъ, признаться, намъ жаль;
 Впрочемъ... какъ пристально взвѣсить,
 Такъ и ее — чтò жалѣть!
 Ужъ начала куролесить,
 Можетъ совсѣмъ опалѣть.
 Прежде лишь мелкій чиновникъ
 Былъ твоей жертвой, печать,
 Если-жъ военный полковникъ —
 Стой! ни полслова! молчать!
 Но отъ чиновниковъ быстро
 Дѣло дошло до тузовъ,
 Даже коснулся министра
 Неустрашимый Катковъ.
 Тронута тамъ у него же
 Много забористыхъ тѣмъ...
 Чѣмъ это кончится, Боже!
 Чѣмъ это кончится, чѣмъ?..

Ай да свободная пресса!
 Мало вамъ было хлопотъ?
 Юное чадо прогресса
 Рвется, брыкается, бѣётъ,
 Какъ забѣжавшій изъ стени
 Конь, незнакомый съ уздой,
 Или сорвавшійся съ цѣпи
 Звѣрь нелюдимый, лѣсной...

7.

ОСТОРОЖНОСТЬ.

1

Въ Ледовитомъ океанѣ
 Лодка утлая плыветъ,
 Молодой, пригожей Танѣ
 Парень пѣсенку поетъ:
 „Мы пришли на островъ дикій,
 Гдѣ ни церкви, ни поховъ;
 Зимовать въ нуждѣ великой
 Здѣсь привыченъ звѣроловъ;
 Такъ съ тобой, моей голубкой,
 Неужли намъ розно спать?
 Буду я песцовой шубкой,

Буду лаской согрѣвать!“
 Хорошо поеть, собака,
 Убѣдительно поеть!
 Но вѣдь это противъ брака, —
 Не нажать бы намъ хлопотъ?
 Оправдаться есть возможность,
 Да не спросятъ — вотъ бѣда!
 Осторожность! осторожность!
 Осторожность, господа!..

2

У солиднаго папаша
 Либералка вышла дочь
 (Говорятъ, журналы наши
 Все читала день и ночь),
 Жениху съ хорошимъ чиномъ
 Отказала, осердясь,
 И съ какимъ-то армяниномъ
 Обвѣнчалась не спросясь.
 Въ свѣтѣ это сплошь бываетъ,
 Это тиснуть мы могли-бъ,
 Но вѣдь это посягаетъ
 На родительскій принципъ!
 За подобную ошлошность
 Не постигла-бъ насъ бѣда?
 Осторожность, осторожность,
 Осторожность, господа!

3

Нашъ помѣщикъ Пантелѣевъ
 Вѣкъ игралъ, моталъ и пилъ,
 А крестьянинъ Ѳедосѣевъ
 Вѣкъ трудился и копилъ —
 И по улицамъ столицы
 Пантелѣевъ ходитъ голъ,
 А дворянскія землици
 Ѳедосѣевъ приобрѣлъ.
 Въ свѣтѣ это все бываетъ,
 Много есть такихъ дворянъ,
 Но вѣдь это означаетъ —
 Оскорблять дворянскій санъ.

Тисни, тисни! есть возможность, —
 А потомъ дрожи суда...
 Осторожность, осторожность,
 Осторожность, господа!

4

Что народъ ни добываетъ,
 Все не впрокъ ему идетъ:
 И подрядчикъ нажимаетъ,
 И торгашъ съ него деретъ.
 Ужъ таковъ теперь обычай —
 Стонуть, воютъ бѣдняки...
 Ну — а классъ-то ростовщичій?
 Сгубятъ насъ ростовщики!
 Я желалъ бы ихъ, проклятыхъ,
 Хорошенечко пробрать,
 Но вѣдь это на богатыхъ
 Значить бѣдныхъ натравлять?
 Ну, какая же возможность
 Такъ рискнуть? кругомъ бѣда!
 Осторожность, осторожность,
 Осторожность, господа!

5

Крестный ходъ въ селѣ Остожѣ.
 Вдругъ „пожаръ!“ кричитъ народъ.
 „Не бросать же дѣло Божье —
 Кончимъ прежде крестный ходъ“.
 И покудова съ иконой
 Обходили все село,
 Искрой, вѣтромъ занесенной,
 И другой посадъ загло.
 Погорѣли! Въ этомъ много
 Правды горькой и простой,
 Но вѣдь это противъ Бога,
 Противъ вѣры... ой! ой! ой!
 Тутъ полиѣйшая возможность
 Къ обвиненью безъ суда...
 Ради, Бога осторожность,
 Осторожность, господа!

8.

ПРОПАЛА КНИГА!

1

ПРОПАЛА книга! Ужь была
Совсѣмъ готова—вдругъ пропала!
Богъ съ ней, когда идеѣ зла
Она потворствовать желала!
Читать маранье праздныхъ дурь
И дураковъ мы не досужны.
Не нужно намъ плохихъ брошюръ,
Намъ нуженъ хлѣбъ, намъ деньги нужны!

Но, можетъ быть, она была
Честна... а такъ рѣзка, смѣла?
Двѣ, три страницы роковыя...
О, если такъ, ее мнѣ жаль!
И, можетъ быть, мою печаль
Со мной раздѣлить вся Россія!

2

Ужь напечатана—и нѣтъ!..
Не познакомимся мы съ нею;
Дѣвица въ девятнадцать лѣтъ
Не замечается надъ нею;
О ней не будутъ разсуждать
Ни дилеттантъ, ни критикъ мрачный,
Студентъ не будетъ посыпать
Ея листовъ золой табачной.

Пропала! съ ней и трудъ пропалъ,
Затраченъ даромъ капиталъ,
Пропали хлопоты большія...
Мнѣ очень жаль, мнѣ очень жаль,
И, можетъ быть, мою печаль
Со мной раздѣлить вся Россія!

3

Прощай! горька судьба твоя,
Бѣдняжка! Какъ зима настанетъ,
За чайнымъ столикомъ семья
Гурьбой читать тебя не станеть.
Не заѣсешь ты новыхъ думъ

Въ глухія, темныя селенья,
Гдѣ изнываетъ русскій умъ
Вдали отъ центровъ просвѣщенья!

О, если ты честна была,
Что за бѣда, что ты смѣла?
Такъ рѣдки книги не пустыя...
Мнѣ очень жаль, мнѣ очень жаль,
И, можетъ быть, мою печаль
Со мной раздѣлить вся Россія!..

БАЛЕТЪ.

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья,
Но, каюсь, ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня;
Она, пророчествуя взгляду
Неоцѣненную награду,
Влечетъ условною красой
Желаній своевольный рой...

Пушкинъ.

Свирѣпѣетъ морозъ ненавистный.
Нѣтъ, на улицѣ трудно дышать.
Муза! нынче спектакль бенефисный,
Намъ въ театрѣ пора побывать.

Мы вошли среди криковъ и плеска.
Сядемъ здѣсь. Я боюсь первыхъ мѣсть:
Что за радость ослѣпить отъ блеска
Генеральскихъ, сенаторскихъ звѣздъ.
Лучезарнѣй румянаго Феба
Эти звѣзды: замѣтно тотчасъ,
Что онѣ не нахватали съ неба —
Звѣзды неба не ярки у насъ.

Еслибъ смѣлымъ, безтрепетнымъ взглядомъ
Мы рѣшились окинуть тотъ рядъ,
Что зовутъ „бриллиантовымъ рядомъ“,
Можетъ быть, изощренный нашъ взглядъ
И открылъ бы предметъ для сатиры
(Въ самомъ солнцѣ есть пятнышки). Но —

Нѣмы струны карающей лиры,
Вихорь жизни порвалъ ихъ давно!

Знайте, люди хорошаго тона,
Что я самъ обожаю балетъ.
„Пораженнымъ стрѣлой Купидона“
Не насмѣшка—сердечный привѣтъ!
Понапрасну не бейте тревогу!
Не коснусь ни военныхъ чиновъ,
Ни на службѣ крылатому богу
Сѣвнихъ на ноги статскихъ тузовъ.
Накрахмаленный денди и шеголь
(То-есть: купчикъ—кутила и мотъ),
И мышинный жеребчикъ (такъ Гоголь
Молодящихся старцевъ зоветъ),
Записной поставщикъ феллетоновъ,
Офицеры гвардейскихъ полковъ
И безличная сволочь салоновъ —
Всѣхъ молчаньемъ прейти я готовъ!
До балета особенно страстны
Армянинъ, персіянинъ и грекъ,
Посмотрите, какъ лица ихъ красны
(Не въ балетѣ ли весь человѣкъ?), —
Но и ихъ я оставляю въ покоѣ,
Никого не желая сердить.
Замышляю я нѣчто другое —
Я загадку хочу предложить.

Въ маскарадной и въ оперной залѣ,
За игрой у зеленыхъ столовъ,
Въ клубѣ, въ думѣ, въ манежѣ, на балѣ,
Словомъ: въ обществѣ всякихъ родовъ,
Въ наслажденьи, въ трудѣ и въ покоѣ,
Въ блудномъ снѣ, въ почтенномъ отцѣ, —
Есть одно—*угадайте, какое?* —
Выраженъе на русскомъ лицѣ?..
Впрочемъ, можетъ быть, вамъ не досужно.
Муза! дай—если можешь—отвѣтъ!
Спору нѣтъ: мы различны наружно,
Тотъ чиновникъ, а этотъ корнетъ,
Тотъ помѣшанъ на тонкомъ приличьи,
Тотъ играетъ, тотъ любить поѣсть,
Но взглядишь: при наружномъ различьи
Въ насъ единство глубокое есть:
Насъ безденежье всѣхъ уравнило —

И великихъ, и малыхъ людей —
И на каждомъ челѣ начертало
Надпись: *иди бы занять поскорѣй?*
Что, не такъ ли?..

Исторія та же,
Та же дума на каждомъ лицѣ,
Я на-дняхъ прочиталъ ее даже
На почтенномъ одномъ мертвецѣ.
Если старецъ игривъ чрезвычайно,
Если юноша вѣшаетъ носъ —
Оба, вѣрьте мнѣ, думаютъ тайно:
Гдѣ бы денегъ занять? вотъ вопросъ!

Вотъ вопросъ! Напряженно, тревожно
Каждый жаждетъ его разрѣшить.
Но занять, говорятъ, невозможно,
Невозможнае долгъ получить.
Говорятъ, никакихъ договоровъ
Должники исполнять не хотятъ;
Генераль-губернаторъ Суворовъ
Держитъ сторону ихъ—говорятъ...
Осуждаютъ юристы героя,
Но ты правъ, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Можетъ быть, въ долговомъ отдѣленьѣ
Насидѣлось бы все население,
Еслибъ былъ губернаторъ другой!

Разорило чиновниковъ чванство,
Прожила за границую знать,
Отчего оголѣло дворянство —
Непріятно и рѣчь затѣвать!
На цвѣты, на подарки актрисамъ,
Правда, деньги еще достаемъ,
Но за то предъ инымъ бенефисомъ
Рубль на рубль за недѣлю даемъ.
Какъ же быть? Не дешевая школа
Поощреніе грацій и музъ...
Вянетъ юность обоого пола,
Терпитъ даже семейный союзъ:
Тщетно юноши рыщутъ по баламъ,
Тщетно барышни рядятся въ пухъ —
Вовсе нѣтъ стариковъ съ капиталомъ,
Вовсе нѣтъ съ капиталомъ старухъ!

Сокрушаются Нивольсь и Шлинке *.
 Безъ почину товаръ ихъ лежитъ,
 Сбыта нѣтъ самой модной новинкѣ
 (Догадайтесь—откройте кредитъ!).
 Не развозятъ картонокъ нарядныхъ
 Изомбаръ, Андриэ и Мошра **.
 А звонять у подъѣздовъ парадныхъ
 Съ неоплаченнымъ счетомъ съ утра.
 Чтѣ модистки! злосчастныя прачки
 Ходятъ мѣсяцъ за каждымъ рублемъ!
 Опустѣли рысистыя скачки,
 Жизни нѣтъ за зеленымъ столомъ.
 Кто, бывало, дурѣя съ азарту,
 Къ ряду игрывалъ по сту ночей,
 Пообѣдавъ, поставитъ на карту
 Злополучныхъ пятнадцать рублей
 И уходитъ походкой печальной
 Въ думу, въ земство и даже въ семью
 Отводить болтовней либеральной
 Удрученную душу свою.
 Съ Богомъ, другъ мой! Въ любомъ комитетѣ
 Побесѣдовать можешь теперь
 О кредитѣ, о звонкой монетѣ,
 Объ „итогахъ“ дворянскихъ потерь,
 И о „братѣ“ въ нагольномъ тулущѣ,
 И о томъ, за какіе грѣхи
 Насъ журналы ругаютъ, и въ клубѣ
 Не дадутъ намъ стерляжьей ухи!
 Тамъ докажутъ тебѣ очевидно,
 Что карьера твоя рѣшена!

Да! трудненько и даже обидно
 Жить,—такія пришли времена!
 Купишь чтѣ-нибудь—дерзкій прикащикъ
 Ассигнацію шупать начнетъ
 И потомъ, оустивъ ее въ ящикъ,
 Долгимъ взоромъ тебя обведетъ,—
 Такъ и треснулъ бы!..

Впрочемъ, довольно!

Продолжать бы, конечно, я могъ,
 Факты есть, но касаться ихъ больно!
 И притомъ сохрани меня Богъ,

* Хозяева англійскаго магазина.

** Извѣстныя модистки.

Чтобъ я стихъ мой поддѣлкою серій
 И кредитныхъ бумагъ замараль,—
 „Будто нѣтъ благороднѣй матерій?“
 Мнѣ отечески „нѣкто“ сказалъ.
 Съ этимъ мнѣнемъ вполнѣ я согласенъ,
 Миръ идей и сюжетовъ великъ:
 Напримѣръ, какъ волшебнѣ прекрасенъ
 Бель-этажъ—настоящій цвѣтнникъ!
 Есть въ Россіи еще миллионы,
 Стоить только на ложи взглянуть,
 Гдѣ усѣлись банкирскія жонны—
 Сотни тысячъ рублей, что ни грудь!
 Въ жемчугѣ лебединыя шеи,
 Бриллиантъ по орѣху въ ушахъ!
 Въ этихъ ложахъ—мужчины евреи,
 Или греки, да нѣмцы въ крестахъ.
 Нѣтъ купечества русскаго (стужа
 Напугала ихъ, чтѣ ли?). Одна
 Откупщица, втянувшая мужа
 Въ модный свѣтъ, въ бель-этажѣ видна.
 Весела ты, но въ этомъ весельѣ
 Можно тотъ же вопросъ прочитать.
 И на шеѣ твоей ожерелье—
 Погодила-бъ ты имъ щеголять!
 Пусть оно красоты идеальной,
 Пусть ты въ немъ восхитительна, но—
 Не затихъ еще шопотъ скандальный,
 Будто было въ закладѣ оно:
 Говорятъ, чтобы въ немъ показаться
 На какомъ-то парадномъ балу,—
 Передъ гнуснымъ мѣшилой ваяться
 Ты рѣшилась на грязномъ полу,
 И когда возвращалась ты съ бала,
 Ростовщикъ тебя встрѣтилъ—и спялъ
 Эти перлы... Не такъ ли достала
 Ты опять ихъ?.. Кредитъ твой упалъ,
 Съ горя запилъ супругъ сокрушеннѣй,
 Богъ бы съ нимъ! Разставаться тошнѣй
 Съ этой чопорной жизнью салонной
 И съ разгуломъ интимныхъ ночей,
 Съ этимъ золотомъ, бархатомъ, шолкомъ,
 Съ этимъ счастьемъ пословъ принимать.
 Ты готова бы съ бѣшеннымъ волкомъ
 Покумиться,—чтобъ снова блистать,

Но свершились пути Провидѣнья,
 Все погибло—и деньги, и честь!
 Нисходи же ты въ область забвенья,
 И супругу дай духъ перевести!
 Слаще пить ему водку съ дворецкимъ,
 „Не бѣлы-то снѣги“ распѣвать,
 Чѣмъ возиться съ посольствомъ турецкимъ
 И въ отвѣтъ ему глупо мычать...

Тѣшить жонъ—богачамъ не забота,
 Имъ простибельна всякая блажь.
 Но прискорбно душѣ патриота,
 Что чиновницы рвутся туда-жъ.
 Марья Савишна! вы бы надѣли
 Платье проще!—Вѣдь какъ ни рядись,
 Не одѣнетесь лучше камелей
 И богаче французскихъ актрисъ!
 Разсчитайтесь, судариня, съ прачкой,
 Да въ хозяйство прикиньте хоть грошь,
 А то съ дочерью, съ мужемъ, съ собачкой
 За полтину обѣдъ не хороши!

Марья Савишна глазъ не спускала
 Между тѣмъ съ старика со звѣздой.
 Вообще въ бель-этажѣ сіяло
 Много дамъ и дѣвицъ красотой.
 Очи чудныя такъ и сверкали,
 Но кому же сверкали они?
 Доблесть, молодость, сила—плѣняли
 Сердце женское въ древніе дни.
 Наши дѣвы практичнѣй, умнѣе,
 Идеаль ихъ—телець золотой,
 Воплощенный въ сѣдомъ іудей,
 Потрясающемъ гризной рукой
 Груды золота...

Время антракта

Наконецъ-то прошло какъ-нибудь.
 (Мы зѣвали два первые акта,
 Какъ бы въ третьемъ совсѣмъ не заснуть).
 Всѣ бинокли приходятъ въ движеніе —
 Появляется коръ-де-балетъ.
 Здѣсь позволю себѣ отступленіе:
 Соотвѣтственной живости нѣтъ
 Въ томъ размѣрѣ, которымъ пишу я,
 Чтобы прелестъ балета воспѣть.

Вотъ куплеты: попробуй, танцуя,
 Театраль, ихъ подь музыку пѣть!

Я былъ престранныхъ правилъ,
 Поругиваль балетъ.
 Но разъ бинокль подставилъ
 Мнѣ генераль-сосѣдъ.

Я взялъ его съ поклономъ
 И съ часъ не возвращалъ,
 „Однако, вы—астрономъ!“
 Сказаль мнѣ генераль.

Признаться, я немножко
 Смутился (о, профанъ!).
 „Нѣтъ... я... но эта ножка...
 Но эти плечи... стань...“

Шепталъ я генералу,
 А онъ, смѣясь, въ отвѣтъ:
 „Въ стремленіи къ идеалу
 Дурного, впрочемъ, нѣтъ.“

Не все-жъ читать вамъ Бокля!
 Не стѣбитъ этотъ Бокль
 Хорошаго бинокля...
 Купите-ка бинокль!..“

Купилъ!— и предъ балетомъ
 Я преклонилъ ницъ.
 Готовъ я быть поэтомъ
 Прелестныхъ танцовщицъ!

Какъ не любить балета?
 Здѣсь мирный гражданинъ,
 Позабываетъ лѣта,
 Позабываетъ чинъ,

И только ловятъ взоры
 Въ услужливый лорнетъ,
 Что „ножкой Терсихоры“
 Именовалъ поэтъ.

Не такъ слѣдитъ астрономъ
 За новою звѣздой,
 Какъ мы... но для чего намъ
 Смѣяться надъ собой?

Въ балетѣ мы наивны,
Мы глупы въ этотъ часъ:
Почти-что конвульсивны
Движенія у насъ:

Вотъ выпорхнула дѣва,
Бинокли поднялись;
Взвилася ножка влѣво —
Мы влѣво подались;

Взвилася ножка вправо —
Мы вправо... — Берегись!
Не вывихни сустава,
Пріятель... „Фора! bis!“

Bis!.. Но дѣвы, подобныя вѣтру,
Улетѣли гирляндой цвѣтной!
(Возвращаемся къ прежнему метру):
Пантоминною сценой большой
Утомились мы; вальсъ африканскій
Тоже вышелъ топорень и вяль,
Но явилась въ рубахѣ крестьянской
Петипа — и театръ застоналъ!
Вообще мы наклонны къ искусству,
Мы его поощряемъ, но тамъ,
Гдѣ есть пища народному чувству,
Торжество настоящее намъ;
Неужели молчать славянину,
Неужели жалѣть кулака,
Какъ Бернарди затинеть „Лучину“,
Какъ пойдетъ Петипа трепака?..
Нѣтъ! гдѣ дѣло идетъ о народѣ,
Тамъ я первый увлечься готовъ.
Жаль одно: въ нашей скудной природѣ
На вѣнки не хватаетъ цвѣтовъ!

Все — до ластовицъ бѣлыхъ въ рубахѣ —
Было вѣрно: на шляпѣ цвѣты,
Удалъ русская въ каждомъ размахѣ...
Не артистка — волшебница ты!
Ничего не видали во вѣки
Мы сходишь: настоящій мужикъ!
Даже нѣмцы, евреи и греки,
Русофильствуя, подняли крикъ.

Все слилось въ оглушительномъ „браво“,
Дань народному чувству платя.
Только ты, моя муза! лукаво
Улыбаешься... Полно, дитя!
Неумѣстна здѣсь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя...
Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Что-жь ты думаешь, муза моя?..

На конекъ ты попала обычный —
На умѣ у тебя мужики,
За которыхъ на сценѣ столичной
Петипа пожинаетъ вѣнки,
И ты думаешь: Гурія рай!
Ты мила, ты воздушно легка,
Такъ танцуй же ты „Дѣву Дуная“,
Но въ покоѣ оставь мужика!
Въ мерзлыхъ лапоткахъ, въ шубѣ нагольной,
Весь заидѣвѣвъ, самъ за себя.
Въ эту пору онъ пляшетъ довольно,
Зиму дома сидѣть не любя.
Подстрекаемый лютымъ морозомъ,
Совершая дневной переходъ,
Пляшетъ онъ за скрипучимъ обозомъ,
Пляшетъ онъ — даже пѣсни поетъ!

А то есть и такіе обозы —
(Вотъ бы Роллеръ намъ ихъ показалъ!)
Въ январѣ, когда крѣпки морозы
И народъ уже рекрутовъ сдалъ,
На Руси, на проселкахъ пустынныхъ,
Много тянется поѣздовъ длинныхъ...

Примикомъ черезъ рѣки, поля
Ѣдутъ путники узкой тропой:
Въ бѣломъ саванѣ смерти земля,
Небо хмурое, полное мглой.
Отъ утра до вечерней поры
Все одиѣ предъ глазами картины.
Видишь, какъ, обнажая бугры,
Вѣтеръ снѣгомъ заноситъ лощины;
Видишь, какъ эта снѣжная пыль,
Непрерывной волной набѣгая,
Подъ собой погребаетъ ковыль,
Все-губящей зимѣ помогая;

Видишь, какъ подъ кустомъ иногда
Приорхнеть эта милая птичка,
Что отъ насъ не летить никуда —
Любить скудный нашъ сѣверъ, бѣдняжка!
Или, щелкая, стая дроздовъ
Пролетитъ и посадеть на ели;
Слышишь дикіе стоны волковъ
И визгливое пѣнье мятели...
Снѣжно — холодно — мгла и туманъ...
И по этой унылой равнинѣ
Шагъ за шагомъ идетъ караванъ
Съ сѣдоками въ промерзлой овчинѣ.

Какъ нѣмые, молчатъ мужики,
Даже пѣсня никѣмъ не поется,
Бабы спрятали лица въ платки,
Только вздохъ иногда пронесется
Или крикъ: „ну! чего отстаешь —
Сѣдокомъ однимъ меньше везешь!..“

Но напрасно мужикъ грызается.
Кляча еле идетъ — упирается;
Скрипомъ, визгомъ окрестность полна.
Словно до сердца поѣздъ печальный
Черезъ бѣлый покровъ погребальный
Рѣжетъ землю — и стонетъ она,
Стонетъ бѣлое снѣжное море...
Тяжело ты — крестьянское горе!

Ой ты кладь, незамѣтная кладь!
Гдѣ придется тебя выгружать?..

Какъ отъ выстрѣла дымъ расплзается
На зарѣ по росистымъ травамъ,
Это горе идетъ — подвигается
Къ тихимъ селамъ, къ глухимъ деревнямъ.
Вонъ — направо — избѣнки унылыя,
Отдѣлилась подвода одна,
Кто-то молвилъ: „Господь съ вами, милые!“
И пропала въ сугробахъ она...

Чу! клячонку хлестнулъ старичина...
Эхъ! чего ты торопишь ее?
Какъ-то ты, воротившись безъ сына,
Постучишься въ окошко свое?..

Въ сердце самое русскаго края
Доставляется кладь роковая!

Гдѣ до солнца идетъ за порогъ
Съ топоромъ на работу кручина,
Гдѣ на бѣлую скатерть дорогъ
Позднимъ вечеромъ свѣтитъ лучина,
Тамъ найдется кому эта кладь
По суровымъ сердцамъ разобрать,
Тамъ она пріютится, попрячется —
До другого набора проплачется!

Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣннѣ
Вчерашній другъ, качая головой,
И вы, и вы отиранули въ смущеннѣ,
Стоявшія безсмѣнно предо мной,
Великія, страдальческія тѣни,
О чьей судьбѣ такъ горько я рыдалъ,
На чьихъ гробахъ я преклонялъ колѣни
И клятвы мести грозно повторялъ.
За то кричать безличныя: ликуемъ!
Слѣша въ объятія къ новому рабу
И пригвождая жирнымъ поцѣлуемъ
Несчастнаго къ позорному столбу.

ПѢСНИ.

1.

У людей-то въ дому — чистота, лѣпота,
А у насъ-то въ дому — тѣснота, духота.
У людей-то для шей — съ солонинкою чанъ,
А у насъ-то во щажъ -- тараканъ, тараканъ!

У людей кумовья—ребятишекъ дарять,
А у насъ кумовья нашъ же хлѣбъ прѣдять!

У людей на умѣ—погудорить съ кумой,
А у насъ на умѣ—не пойти бы съ сумой?

Кабы такъ намъ зажить, чтобы свѣтъ уди-
вить:

Чтобы деньги въ мошнѣ, чтобы рожъ на
гумнѣ;

Чтобъ шлея въ бубенцахъ, росписная дуга,
Чтобъ сукно на плечахъ, не посконь-дерюга;

Чтобъ не хуже другихъ намъ почетъ отъ
людей,

Попъ въ гостяхъ у большихъ, у дѣтей —
грамотѣй;

Чтобы дѣти въ дому, словно пчелы въ меду,
А хозяйка въ дому—какъ малинка въ саду!

2.

КАТЕРИНА.

Вянетъ, пропадаетъ красота моя!
Отъ лихого мужа нѣтъ въ дому житья.

Пьяный все колотить, трезвый все ворчить,
Самъ, что ни попало, изъ дому тащить!

Не того ждала я, какъ я шла къ вѣнцу!
Къ братцу я ходила, плакалась отцу,

Плакалась сосѣдямъ, плакалась родной,
Люди не жалѣютъ—ни чужой, ни свой!

„Потерпи, родная“, старики твердятъ:
„Милаго побой не долго болятъ!“

„Потерпи, сестрица!“ отвѣчаетъ братъ:
„Милаго побой не долго болятъ!“

„Потерпи! сосѣди хоромъ говорятъ:
„Милаго побой не долго болятъ!“

Есть солдатикъ—Феда, дальняя родня,
Онъ одинъ жалѣетъ, любитъ онъ меня;

Подмигну я Фодѣ,—съ Фодей мы вдвоёмъ
Далеко хлѣбами за село уйдемъ.

Всю открою душу, выплачу печаль,
Все отдамъ я Фодѣ—все, чего не жалъ!

„Гдѣ ты пропадала?“ спросить муженѣкъ:
—Гдѣ была, тамъ нѣту! такъ-то, милъ дружокъ!

— Посмотрѣть ходила, высока ли рожъ!
„Ахъ ты дура баба! ты еще и врѣшь“...

Станетъ горячиться, станетъ попрекать...
Пусть его бранится, мнѣ не привыкать!

А и поколотить—не великъ накладъ —
Милаго побой не долго болятъ!

3

МОЛОДЫЕ.

Повѣчавшись, Парасковѣ
Мужъ имущество казаль:
Это стойлице коровье,
А корову Богъ прибралъ!

Нѣтъ перинки, нѣтъ кровати,
Да теплы въ избѣ полати,
А въ клѣти, вмѣсто телятъ,
Два котѣночка пищать!

Есть и овощъ въ огородѣ —
Хрѣнь да луковица,
Есть и мѣдная посуда —
Крестъ да пуговица!

4.

СВАТЬ И ЖЕНИХЪ.

ВЪ КАБАКЪ ЗА ПОЛУШТОФОМЪ.

1

Нутко! Марья у Зиновья,
 У Никитишны Прасковья,
 Степанида у Петра —
 Всѣ невѣсты, всѣмъ пора!
 У Кондратьевны Орина, —
 Что ни дѣвка, то малина!
 Думай, думай!—выбирай!
 По любую засылай!
 Марья-малость рябовата,
 Да смиренна, вожевата,
 Марья, знаешь, миѣ съ родни,
 Будеть съ мужемъ—ни-ни-ни!
 — Ай да Марья! Марья—кладъ!
 Сватай Марью, Марью, свать!
 Намъ съ лица не воду пить
 И съ корявой можно жить,
 Да чтобъ мужу на порогъ
 Не вставала поперегъ!
 Ай да Марья! Марья—кладъ!
 Сватай Марью, Марью, свать!

2

Нутко! Вѣра у Данилы,
 Палагея у Гаврилы,
 Секлетей у Петра —
 Замужъ всѣмъ пришла пора!
 У Никиты—Катерина,
 Что ни дѣвка, то малина!
 Думай, думай!—выбирай!
 По любую засылай!
 Марья, знаешь, щедровита,
 Да работать, ухъ! сердита!
 Марья костью широка,
 Высока, статна, гладка!
 — Ай, да Марья! Марья—кладъ!
 Сватай Марью, Марью, свать!
 Намъ съ лица не воду пить
 И съ корявой можно жить,

Да чтобъ мясо на костяхъ,
 Чтобы силушка въ рукахъ!
 Ай да Марья! Марья—кладъ!
 Сватай Марью, Марью, свать!..

3

Нутко! Анна у Егора,
 У Антипки Митродора,
 Александра у Петра —
 Всѣ невѣсты, всѣмъ пора!
 У Евстратъя—Акулина,
 Что ни дѣвка, то малина!
 Думай, думай!—выбирай!
 По любую засылай!
 Марья точно щедровита
 Да хозяйка домовита:
 Все примоетъ, прибереть,
 Все до питки сбережетъ!
 — Ай да Марья! Марья—кладъ!
 Сватай Марью, Марью, свать!
 Намъ съ лица не воду пить
 И съ корявой можно жить,
 Да чтобъ по двору прошла,
 Всѣхъ бы курочекъ сочла!
 Ай да Марья! Марья—кладъ!
 Сватай Марью, Марью, свать!

*(Спрашиваютъ еще полуштофъ и начи-
 няютъ снова).*

5.

Г И М Н Ъ.

Господь! твори добро народу!
 Благослови народный трудъ,
 Упрочь народную свободу,
 Упрочь народу правый судъ!
 Чтобъ благія начинанья
 Могли свободно возрости,
 Разлей въ народѣ жажду знанья
 И къ знанью укажи пути!

И отъ ярма порабощенья
Твоихъ избранниковъ спаси,
Которымъ знамя просвѣщенья —
Господь! Ты вѣришь на Руси!..

НЕИЗВѢСТНОМУ ДРУГУ.

ПРИСЛАВШЕМУ МНѢ СТИХОТВОРЕНІЕ:

НЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ.

Умру я скоро. Жалкое наслѣдство,
О, родина! оставлю я тебѣ.
Подъ гнетомъ роковымъ провелъ я дѣтство
И молодость — въ мучительной борьбѣ.
Недолгая насъ буря укрѣпляетъ,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая — на вѣки поселаетъ
Въ душѣ привычки робкой тишины.
На мнѣ годъ гнетущихъ впечатлѣній
Оставили неизгладимый слѣдъ.
Какъ мало зналъ свободныхъ вдохновеній,
О, родина! печальный твой поэтъ!
Какихъ преградъ не встрѣтилъ мимоходомъ
Съ своей угрюмой музой на пути?
За каплю крови общую съ народомъ
И малый трудъ въ заслугу мнѣ сочти!

Не торговалъ я лирой, но, бывало,
Когда грозилъ неумолимый рокъ,
У лиры звукъ невѣрный исторгала
Моя рука... Давно я одинокъ;
Въ началѣ шелъ я съ дружною семьею,
Но гдѣ они, друзья мои, теперь?
Одни давно разсталися со мною,
Передъ другими самъ я заперъ дверь;
Тѣ жребіемъ постигнуты жестокимъ,
А тѣ прешли уже земной предѣлъ...
За то, что я остался одинокимъ,
Что я ни въ комъ опоры не имѣлъ,
Что я, друзей теряя съ каждымъ годомъ,
Встрѣчалъ враговъ все больше на пути —

За каплю крови общую съ народомъ
Прости меня, о, родина! прости!..

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ!
И бросить хоть единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ;
Но, жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ
Прикованный привычкой и средой,
Я къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ,
Я для нея не жертвовалъ собой,
И пѣсня моя безслѣдно пролетѣла
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться въ ней успѣла
Къ тебѣ, моя родная сторона!
За то, что я, черствѣя съ каждымъ годомъ,
Ее умѣлъ въ душѣ моей спасти,
За каплю крови общую съ народомъ
Мои вины, о, родина! прости!..

ВЫБОРЪ.

Ночка сегодня морозная, ясная.
Въ гóрѣ стоитъ надъ рѣкой
Русская дѣвица, дѣвица красная,
Щупаетъ прорубь ногой.
Тонкій ледокъ подъ ногою ломается,
Вотъ на него набѣжала вода;
Царь водяной изъ воды появляется,
Шепчетъ: „бросайся, бросайся сюда!
Любо здѣсь!“ Дѣвица, зову покорная,
Вся наклонилась къ нему.
„Сердце покинетъ кручинушка черная,
Только разокъ обойму,
Пряны!“... И руками къ ней длинными тя-
нется...

Синіе льды затрещали кругомъ,
Дрогнула дѣвица! Ждетъ — не оглянется! —

Кто-то шагаетъ, идетъ прямикомъ.
„Прянь! Будь царицею царства подводнаго!..“

Тутъ подошелъ воевода Морозъ:
— Я тебя, я тебя, вора негоднаго!
Чуть было дѣвку мою не унёсъ! —
Бѣлый старикъ съ бородою пушистою
На воду трижды дохнулъ,
Прорубь подернулася корочкой льдистою,
Царь водяной подо льдомъ потонулъ.

Молвилъ Морозъ: — не топися, красавица!
Слезь не осушишь водой,
Жадная рыба, рѣчная пѣвица,
Тамъ твой нарушать покой;
Тамъ зачекотятъ тебя водяные,
Раки вопьются въ высокую грудь,
Ноги опутаютъ травы рѣчныя.
Лучше со мной эту ночьку побудь!
Къ утру я горе твое успокою,
Сладкія грезки его усыпятъ,
Будешь ты также пригожа собою,
Только красивѣ дамъ я нарядъ:
Въ бѣломъ вѣнкѣ голова засіяетъ.
Завтра, чуть красное солнце взойдетъ. —
Дѣвица берегъ рѣки покидаетъ,
Къ темному лѣсу идетъ.

Сѣла на пенъ у дороги: ласкается
Къ ней воевода-старикъ.
Дрогнется — зубы колотятъ — зѣвается —
Вотъ и закрыла глаза... забывается...
Вдругъ разбудилъ ее Лѣшаго крикъ:

„Дѣвонька! встань ты на рѣзвыя ноги,
Долго Морозко тебя протомить.
Спаль я и слышалъ давно: у дороги
Кто-то зубами стучить,
Жалко миѣ стало. Иди-ка за мною,
Что за охота всю ноченьку ждать!
Да и умрешь — тутъ не будетъ покою:
Станутъ оттаивать, станутъ качать!
Я заведу тебя въ чащу лѣсную,
Гдѣ никому до тебя не дойти,
Выберемъ, дѣвонька, сосну люблю..“

Дѣвица съ Лѣшимъ рѣшилась идти;
Идутъ. На-встрѣчу медвѣдь попадаетъ,
Дѣвица вскрикнула — страхъ обуялъ.
Хохотомъ Лѣшаго лѣсъ наполняется:
„Смерть не страшна, а медвѣдь испугалъ!
Экой лѣсокъ, что ни дерево — чудо!
Дѣвонька! глян-ка, какіе стволы!
Глянъ на вершины — съ синицу оттуда
Кажутся спящіе лѣтомъ орлы!
Темень тутъ вѣчная, тайна великая,
Солнце сюда не доносить лучей,
Буря взиграетъ — ревущая, дикая —
Лѣсъ не подумаетъ кланяться ей!
Только вершины порощутъ тревожно...
Ну, полѣзай! подсажу осторожно...
Любь тебѣ, дѣвица, лѣсъ вѣковой!
Съ каждаго дерева броситься можно
Внизъ головой!“

СУДЬ.

I.

Рднажды, зимнимъ вечеркомъ
Я перепуганъ былъ звонкомъ,
Внезапнымъ, властнымъ... Вотъ опять!
Зачѣмъ и кто — какъ угадать?
Какъ сладить съ бѣдной головой,
Когда врывается толпой
Въ нее тревожныхъ мыслей рой?

*Вечерній звонъ! вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ! **

За много лѣтъ всю жизнь мою
Припомнилъ я въ единый мигъ,
Припомнилъ каждую статью
И содержанье двухъ-трехъ книгъ
Мной сочиненныхъ. Вспоминалъ

*) Козловъ.

Я также то, гдѣ я бывалъ,
О чемъ и съ кѣмъ вступалъ я въ споръ;
А звонъ неумолимъ и скоръ
Межъ тѣмъ на мигъ не умолкалъ,
Пока я брюки надѣвалъ...

О, невидимая рука!
Не обрывай же мнѣ звонка!
Тотчасъ я силы собираю,
Зажгу свѣчу — и отопру.

Гляжу — чуть теплится каминъ.
Невинный „Модный Магазинъ“
(Издательницы Софьи Мей)
И письма — память лучшихъ дней —
Жены теперешней моей,
Когда наивна и мила
Она невѣстою была,
И начатой недавно трудъ,
И мемуары — вѣсомъ съ пудъ —
И приглашенья двухъ вельможъ,
Въ дома которыхъ былъ я вхожъ:
До прейскуранта крымскихъ винъ
Все быстро бросилъ я въ каминъ!
И еслибъ истребленья духъ
Насытить время я имѣлъ,
Каминъ бы долго не потухъ.
Но колокольчикъ мой звенѣлъ —
Что мигъ — настойчивѣй и злѣй.
Пылай, каминъ! Гори скорѣй,
Записокъ толстая тетрадь!
Пора мнѣ гости принимать...

Ну, догорѣла! Выхожу
Въ гостиную — и нахожу
Жену... О, вѣрная жена!
Ни слезъ, ни жалобъ, лишь блѣдна.
Блаженъ, кому дапа судьбой
Жена съ геройскою душой,
Но тотъ блаженнѣй, у кого
Нѣтъ близкихъ ровно никого...
„Не бойся ничего! повѣрь,
Все пустяки!“ шепчу женѣ,
Но голосъ измѣняетъ мнѣ.
Иду — и отворяю дверь...

*Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ **
Со взоромъ кроткимъ безъ границъ,
Полуопущеннымъ къ землѣ,
*Съ печатью тайны на челѣ ***,
Тогда предсталъ передо мной
Администраторъ молодой.
Не только этотъ грустный взоръ,
Формально все — до звука шноръ
Такъ деликатно было въ немъ,
Что съ этимъ тактомъ и умомъ
Онъ даже больше былъ бы милъ,
Когда бы меньше былъ унылъ.
Кивнувъ угрюмо головой,
Я указалъ ему на стулъ,
Не сѣлъ онъ, стоя предо мной,
Онъ листъ бумаги развернулъ
И подалъ мнѣ. Я прочиталъ
И ожилъ — духомъ просіялъ!

Вечернй звонъ! вечернй звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ,
Порой такихъ ужасныхъ думъ,
Что и дѣйствительность сама
Не помрачаетъ такъ ума,
Напротивъ, возвращаетъ умъ!

„Судить назначено меня
При публикѣ, при свѣтѣ дня!“
Я крикнулъ весело женѣ:
„Прочти, мой другъ! Поди ко мнѣ!“
Жена поспѣшно подошла
И извѣщеніе прочла:
„Понеже въ вашей книгѣ есть
Такія дерзкія мѣста,
Что оскорбилась чья-то честь
И помрачилась красота,
То васъ за дерзость этихъ мѣстъ
Начальство отдало подъ судъ,
А книгу взяло подъ арестъ“.
И дальше чинъ и подпись тутъ.
Я сущность передалъ — по слогъ...
Я слога передать не могъ!
Когда-бъ я слогъ такой имѣлъ,

* Дермоштовъ.

** Вневѣттиновъ.

Когда-бъ владѣль такимъ перомъ,
Я не дрожалъ бы, не блѣднѣлъ
Передъ печальнымъ звонкомъ...

Замѣтивъ радость, а не злость
Въ лицѣ моемъ, почтенный гость
Любезно на меня взглянулъ.
Вновь указавъ ему на стулъ,
Я папиросу предложилъ,
Онъ сѣлъ и скромно закурилъ.
Тогда бесѣда началась
О томъ, какъ многое у насъ
Несовершенно; какъ далекъ
Тотъ вождельбнный идеаль,
Какого всякій бы желалъ
Родному краю: нѣтъ дорогъ,
Въ торговлѣ плутни и застои,
Съ финансами хоть волкомъ вой,
Мужикъ не чувствуетъ добра,
Et caetera et caetera...
Ужъ часъ въ бесѣдѣ пролетѣлъ,
А не коснулись между тѣмъ
Мы очень многихъ важныхъ темъ,
Но тутъ огарокъ догорѣлъ
Дымясь, — и вдругъ разстались мы
Среди зловонія и тьмы.

II.

Ну, судъ, такъ судъ! Въ судебный залъ
Сберется грозный трибуналъ,
Придутъ враги, придутъ друзья,
Предстану — обвиненный — я,
И этотъ трудъ, горячій трудъ
Анатомировать начнутъ!

Когда я отрокомъ блуждалъ
По тихимъ волжскимъ берегамъ,
„Судъ въ Подземельи“ я читалъ,
Жуковского поэму, — тамъ,
Что стихъ, то ужасъ: темный сводъ,
Гроза обрушиться, гнетѣтъ;
Визжа, заржавленная дверь
Поетъ: „Не вырвешься теперъ!“

И рядъ угрюмыхъ глобуковъ,
При блѣдномъ свѣтѣ ночниковъ,
Кивая, вторить ей въ отвѣтъ:
„Преступнику спасенья нѣтъ!“
Потомъ, я помню, цѣлый годъ
Во снѣ я видѣлъ этотъ сводъ,
Монаховъ, стражей, палачей:
И живо такъ въ душѣ моей
То впечатлѣнье дѣтскихъ дней,
Что я и въ зрѣлые года
Боюсь подземнаго суда.
Вотъ почему я ликовалъ,
Когда извѣстье прочиталъ,
Что гласно буду я судимъ,
Хоть утверждаютъ — гласность дымъ.
Оно, конечно: гласный судъ
Все-жъ судъ. Притомъ же говорятъ,
Тамъ тоже спуску не даютъ:
Посмотримъ, въ чемъ я виноватъ
(Сажусь читать, надѣвъ халатъ).

Какихъ задачъ, какихъ трудовъ
Для человѣческихъ головъ
Враждебный рокъ не задавалъ?
Но — литераторъ прежнихъ дней!
Ты никогда своихъ статей
Съ подобнымъ чувствомъ не читалъ,
Какъ я въ ту роковую ночь.
Скажу вамъ прямо — скрытность прочь —
Я съ точки зрѣнія судьи
Всю ночь читалъ мои статьи.
И нѣчто странное со мной
Происходило... Боже мой!
То, оправданья подобравъ,
Я говорилъ себѣ: я правъ!
То самъ себя воображалъ
Такимъ злодѣемъ, что дрожалъ
И въ зеркало глядѣлся я...
Заняты скверное, друзья!

Примите добрый мой совѣтъ,
Писатели грядущихъ лѣтъ!
Когда постигнетъ васъ бѣда,
Да будетъ чуждъ вашъ бѣдный умъ
Судбно-полицейскихъ думъ —

Оставьте дѣло до суда!
 Нѣтъ пользы голову трудить
 Надъ тѣмъ, что будутъ говорить
 Тѣ, коихъ дѣло обвинять,
 Какъ наше — книги сочинять.
 А если нервы не уснуть
 На миломъ словѣ: гласный судъ,
 Подлей побольше рому въ чай
 И безмятежно засыпай!

III.

Заснулъ и я, но тяжекъ сонъ
 Того, кто горемъ удручонъ.
 Во снѣ я видѣлъ, что герой
 Моей поэмы роковой
 Съ полуобритой головой,
 Въ одеждѣ арестантскихъ ротъ
 Вдоль по Владиміркѣ идетъ.
 А дѣва, далеко отставъ,
 По плечамъ кудри разметавъ,
 Бѣжить за милымъ, на бѣгу
 Ныряя по груди въ снѣгу,
 Бѣжить и плачетъ, и поетъ...

Дитя фантазіи моей,
 Не плачь! До снѣговыхъ степей,
 Я знаю, дѣло не дойдетъ.
 Въ твоей судьбѣ середины нѣтъ:
 Или увидишь божій свѣтъ,
 Или — преступной признана —
 Съ позоромъ будешь сожжена!
 Итакъ, молись, моя краса,
 Чтобы по милости твоей
 Не стали наши небеса
 Еще туманнѣй и темнѣй!

Потомъ другой я видѣлъ сонъ,
 И былъ безмѣрно-горекъ онъ:
 Вхожу я въ судъ — и на скамьяхъ
 Друзей, родныхъ встрѣчаетъ взоръ,
 Но не участие въ ихъ чертахъ —
 Негодованье и укоръ!
 Они мнѣ взглядомъ говорятъ:

„Съ тобой мы незнакомы, братъ!“
 — Что съ вами, милые мои?
 Тогда невольно я спросилъ;
 Но только я заговорилъ,
 Толпа покинула скамьи,
 И вдругъ остался я одинъ,
 Какъ голый пенъ среди долинъ*.
 Тогда, отчаянемъ объять,
 Я разревѣлся предъ судомъ
 И повинился даже въ томъ,
 Въ чемъ вовсе не былъ виноватъ!..

Проснувшись, долго помышлялъ
 Я о моемъ жестокомъ снѣ,
 Мужаться слово я давалъ,
 Но страшно становилось мнѣ:
 Ну, какъ и точно разревусь,
 Отъ убѣждений отрекусь?
 Почему я знаю: хватить силъ
 Или не хватить — устоять?..
 И началъ я припоминать,
 Какъ развивался я, какъ жилъ:
 Родился я въ большомъ дому,
 Напоминающемъ тюрьму,
 Въ которомъ грозный властелинъ
 Свободно дѣйствовалъ одинъ,
 Держа подъ страхомъ всю семью
 И челядь жалкую свою;
 Разказы няни о чертяхъ
 Вносили въ душу тотъ же страхъ;
 Потомъ я въ корпусъ поступилъ
 И тамъ подъ тѣмъ же страхомъ жилъ.
 Случайно началъ я писать,
 Тутъ нѣкій образъ посѣщать
 Меня въ часы работы сталъ:
 Съ перомъ, со стеклянкою чернилъ
 Онъ надъ душой моею стоялъ,
 Воображенье леденилъ,
 У мысли крылья обрывалъ.
 Но не довольно былъ онъ строгъ,
 И я терпѣлъ еще за то,
 Что онъ подчасъ мой трудъ берѣгъ,
 Или вычеркивалъ не то.

* Лермонтовъ.

И такъ писалъ я двадцать лѣтъ.
И вышелъ я — такой поэтъ,
Какимъ я выдти могъ... Да, да!
Грозить послѣдняя бѣда...
Пошли вамъ Богъ побольше силъ!
Меня же такъ Онъ сотворилъ,
Что мимо будки городской
Иду съ стѣсненною душой,
И, право, я не поручусь,
Что предъ судомъ не разревусь...

IV.

Не такъ счастливецъ молодой
Идетъ въ таинственный покой,
Гдѣ нетерпѣнія полна
Младая ждетъ его жена,
Съ какимъ я трепетомъ вступалъ
Въ тотъ роковой священникъ залъ,
Гдѣ жизнь, и смерть, и честь людей
Въ распоряженіи судей.
Герой — а я теперь герой —
Быть долженъ весь передъ тобой,
О, публика! во всей красѣ...
И такъ, любуйся: я плѣшивъ,
Я блѣденъ, нервень, я чуть живъ,
И таковы почти мы всѣ.
Но ты не думай, что тебя
Хочу разжалобить: любя
Свой трудъ — я вовсе не рошчу,
Я сожалѣній не ищущу;
„Коварный рокъ“, „жестокій рокъ“
Не больше былъ ко мнѣ жестокъ,
Какъ и къ любому бѣдняку.
То правда: росъ я не въ шелку,
Подъ бурей долго я стоялъ,
Меня тиранила нужда,
Гнела любовь, гнела вражда;
Мнѣ *** мораль читалъ
И цензоръ слогъ мой исправлялъ,
Но не отъ этихъ общихъ бѣдъ
Я слабъ и хрупокъ, какъ скелеть.
Ты знаешь, я — „любимецъ музъ“,
А невозможно рассказать,

Во что обходится союзъ
Съ иною музой; благодать
Тому, чья муза не бойка:
Горитъ онъ рѣдко и слегка.
Но горе, ежели она
Славолюбива и страстна.
Съ желѣзной грудью надо быть,
Чтобъ этимъ ласкамъ отвѣчать,
Объятыя эти выносить.
Кипѣть, горѣть — и снова стыть.
Довольно! развѣ досказать,
Удобный случай благо есть,
Что я, когда начну писать —
Перестая и спать, и ѣсть...

Не то, чтобъ опутилъ я страхъ,
Когда усѣлись на мѣстахъ
И судьи, и народъ честной,
Интересующійся мной,
И приготовился чатать
Тотъ, чье призванье — обвинять;
Но живо вспомнилъ я тогда
Счастливой юности года,
Когда придешь, бывало, въ классъ
И знаешь: сѣчь начнутъ сейчасъ!

Толпа затихла, начался
Докладъ — и длился два часа...

Я въ дѣлѣ собственномъ моёмъ,
Конечно, не судья; но въ томъ
Что обвинитель мой читалъ,
Своей статьи я не узналъ.
Такъ пахарь былъ бы удивленъ,
Когда бы рожь посѣялъ онъ,
А уродилось бы зерно
Ни рожь, ни грѣча, ни пшено,
Ячмень колочій — и притомъ
На половину съ дурманомъ!
О прокуроръ! ты не статью,
Ты душу вывернулъ мою!
Слагая образы мои,
Я только голосу любви
И строгой истины внималъ,

А ты такъ ясно доказалъ,
 Что я законы нарушалъ!
 Но гдѣ-жъ не грозенъ прокуроръ?..
 Смягченный властію судей,
 Не такъ былъ грозенъ приговоръ:
 Безъ поэтическихъ затѣй,
 Не на утесѣ вѣковомъ,
 Гдѣ море пѣнится кругомъ
 И бьется жадною волной
 О стѣны башни крѣпостной, —
 На гауптвахтѣ городской,
 Подъ вѣчнымъ смрадомъ тютюна,
 Я мѣсяцъ высидѣлъ сполна...
 Тамъ было сыро; по угламъ
 Бѣлѣла плѣсень; по стѣнамъ
 Клони гуляли; въ щели рамъ
 Дуль вѣтеръ, порохилъ снѣжокъ.
 Сиди-посиживай, дружокъ!
 Я спать здоровъ, но сонъ былъ плохъ,
 По милости проклятыхъ блохъ.
 Другая, горшая бѣда:
 Въ мой скромный уголь иногда
 Являлся гость: дебощъ ночной
 Свершивъ, гвардейскій офицеръ,
 Любезный, статный, молодой
 И либеральный выше мѣръ,
 День-два бесѣдовалъ со мной.
 Уйдетъ одинъ, другой придетъ
 И тѣ же басенки плететь...

Блоха—бессонница—тютюнь—
 Усатый офицеръ-болтунъ —
 Тютюнь—бессонница—блоха, —
 Все это мелочь, чепуха!
 Но вѣришь ли, читатель мой!
 Такъ иногда съ блохами бой
 Былъ тошенъ, смрадомъ тютюна
 Такъ жизнь была отравлена,
 Такъ больно клошъ меня кусалъ
 И такъ жестоко донималъ
 Что день, то новый либераль,
 Что я закаялся писать...
 Богъ вѣсть, увидимся-ль опять!..

ЭПИЛОГЪ.

Зимой поэтъ молчалъ упорно,
 Зимой писать охоты нѣтъ,
 Но вотъ дохнула благотворно
 Весна—не выдержалъ поэтъ!
 Вновь пишеть онъ, призванью вѣренъ.
 Пиши, но будь благонамѣренъ!
 И не рискуй опять попасть
 На гауптвахту или въ часть!

СТИХОТВОРЕНІЯ,

ПОСВЯЩЕННЫЯ РУССКИМЪ ДѢТЯМЪ.

I.

ДЯДЮШКА ЯКОВЪ.

Домъ—не телѣжка у дядюшки Якова.
 Господи Боже! чего-то въ ней нѣтъ!
 Сѣденыи самъ, а лошадка каракова;
 Выѣстѣ обويمъ сто лѣтъ.
 Ъздитъ старикъ, продаетъ понемногу,
 Рады ему, да и онъ-то того:
 Выпито вѣчно и сытъ, слава Богу.
 Пусто въ деревнѣ, ему ничего,
 Знаеть, гдѣ люди: и куплю, и мѣну
 На полосахъ поведетъ старина;
 Дай ему свеклы, картофельку, хрѣну,
 Онъ тебѣ все, что полюбится—на! —
 Богъ, видно, далъ ему добрую душу.
 Ъздитъ—кричить то-и-знай:

„По грушу! по грушу
 Купи, смѣняй!“

„У дядюшки у Якова
 Сбоина макова
 Больно лакома —
 На грошъ двѣ кома!
 Дѣвкамъ угѣхи —
 Рожки, орѣхи!

Эй! малолѣтки!
 Пряники рѣдки,
 Всякія штуки:
 Окуни, щуки,
 Киты, лошади!
 Посмотришь—любь,
 Раскусишь—сладеи,
 Оближешь губы!..“

— „Стой, старина!“ Старика обступили
 Парней, и дѣвокъ, и дѣтושекъ тьма.
 Всѣ намѣняли сластей, закупили —
 То-то была суета, кутерьма!
 Смѣхъ на какого-то Кузю печальнаго:
 Держить коня передъ носомъ сусальнаго;
 Конь заглядѣнье, и лакомъ кусокъ...
 Гдѣ тебѣ вытерпѣть? Ышь, паренѣкъ!
 Жалко дѣвочку сиротку Ѳеклушу:
 Всѣ-то жуютъ, а ты слюнки глотай...

„По грушу! по грушу!
 Купи, смѣняй!“

„У дядюшки у Якова
 Про бабъ товару всякаго.
 Ситцу хорошаго —
 Нарядно, дешево!
 Эй! молодежи!
 Красны дѣвицы,
 Тѣтушки, сестры!
 Платочки пестры,
 Булавки востры,
 Иглы не ломки,
 Шнурки, тесемки!
 Духи, помада,
 Все—чего надо!..“

Зубы у дѣвокъ, у бабъ разгорѣлись.
 Левъ и полотна, и пряжу несутъ.
 „Стойте! не вдругъ! бѣлены вы обѣлись?
 Тише! поспѣте!..“ Такъ вотъ и рвутъ!
 Зорокъ торгашъ, а то просто бѣда бы!
 Затормошили старинушку бабы,
 Кланчатъ, ласкаются, только держись:
 „Цвѣтъ ты нашъ маковъ,

Дядюшка Яковъ,
 Не дорожись!“
 — Меньше нельзя, разрази мою душу!
 Хочешь бери, а не хочешь—прощай!

„По грушу! по грушу!
 Купи, смѣняй!“

„У дядюшки у Якова
 Хватить про всякаго.
 Новы коврижки —
 Глади-ко: книжки!
 Мальчикъ-сударикъ,
 Купи букварикъ!
 Отцы почтенны!
 Книжки нецѣнны:
 По гривнѣ штука —
 Дѣткамъ наука!
 Для ребятишекъ
 Тимошекъ, Гришекъ,
 Гаврюшекъ, Ванекъ...
 Букварь не пряникъ,
 А почитай-ка,
 Языкъ прикусишь...
 Букварь не сайка,
 А какъ раскусишь,
 Слаще орѣха!
 Пятокъ—полтина,
 Глянъ—и картина!
 Ей-ей утѣха!
 Умень съ нимъ будешь,
 Денегъ добудешь...
 По буквари!
 По буквари!
 Хватай—бери!
 Читай—смотри!“

И букварей-таки много купили —
 „Будетъ вамъ пряниковъ; нате-ка вамъ!“
 Пряники, правда, послаще бы были,
 Да разсудилось ужъ такъ старикамъ.
 Книжки съ картинками, писаны чѣтко —
 То-то дойти бы, что писано тутъ!
 Молча крѣпилась Ѳеклуша сиротка,
 Глядя, какъ пряники дѣти жуютъ,

А какъ увидѣла въ книжкахъ картинки,
 Такъ на глаза навернулись слезинки.
 Сжалился, даль ей букварь старина:
 „Коли бѣдна ты, такъ будь ты умна!“
 Экой старикъ! видно добрую душу!
 Будь же ты счастливъ! Торгуй, наживай!

„По грушу, по грушу!
 Купи, смѣный!“

2.

П Ч Е Л Ы.

Нá-т-ко медку съ караваемъ покушай,
 Притчу про ичелокъ послушай!

Нынѣче не въ мѣру вода разлилась,
 Думали, просто идетъ наводненіе,
 Только и сухо, что наше селеніе
 По огороды, гдѣ ульи у насъ.
 Пчелка осталась водой окруженная,
 Видитъ и лѣсъ, и луга вдалькѣ,
 Ну—и летитъ,—ничего, налегкѣ!
 А какъ назадъ полетитъ нагруженная,
 Силь не хватаетъ у милой.—Вѣда!
 Пчелами вся заестрѣла вода,
 Тонуть работницы, тонуть сердечныя!
 Горю помочь мы не чаяли, грѣшныя,
 Не догадаться самимъ бы во вѣкъ!
 Да нанесло человѣка хорошаго,
 Подъ Благовѣщенье помнишь прохожаго?
 Онъ надоумилъ, Христовъ человѣкъ!

Слушай, сынокъ, какъ мы пчелокъ избавили:
 Я при прохожемъ тужиль-тосковаль;
 „Вы бы имъ до суши вѣхи поставили“,
 Это онъ слово сказалъ!

Вѣришь: чуть первую вѣху зеленую
 На воду вывезли, стали втыкать,
 Поняли пчелки споровку мудреную:
 Такъ и валять и валять отдыхать!

Какъ богомолки у церкви на лавочкѣ,
 Сѣли—сидятъ.—

На бугрѣ-то ни травочки,
 Ну, а въ лѣсу и въ поляхъ благодать:
 Пчелкамъ не страшно туда залетать,
 Все отъ одинаго слова хорошаго!
 Кушай на здравіе, будемъ съ медкомъ.
 Благослови Богъ прохожаго!

Кончилъ мужикъ, осѣнилъ крестомъ;
 Медъ съ караваемъ парнишка докушалъ,
 Тятину притчу тѣмъ часомъ прослушалъ
 И за прохожаго низкій поклонъ
 Господу Богу отвѣсилъ и онъ.

3.

ГЕНЕРАЛЪ ТОПТЫГИНЪ.

Дѣло подъ вечеръ, зимой,
 И морозецъ знатный.
 По дорогѣ столбовой
 Ёдетъ парень молодой,
 Ямщикокъ обратный;
 Не сибѣшить, трусить слегка;
 Лошади не слабы,
 Да дорога не гладка—
 Рытвины, ухабы.
 Нагоняетъ ямщикокъ
 Вожака съ медвѣдемъ.
 „Посади насъ, паренѣкъ,
 Веселѣй доѣдемъ!“
 — Чтò ты? съ Мишкой—„Ничего!
 Онъ у насъ смиренный,
 Лишній шкаликъ за него
 Поднесу, почтенный!“
 — Ну, садитесь!—Посадилъ
 Бородачъ медвѣдя,
 Сѣлъ и самъ—и потрусилъ
 Полегоньку Ѳедя...
 Видитъ Трифонъ кабачокъ,
 Приглашаетъ Ѳедю.
 „Подожди ты насъ часокъ!“

Говорить медвѣдю.
И пошли. Медвѣдь смиренъ,
Видно, старъ годами,
Только лапу лижетъ онъ
Да звенить цѣпями...

Часъ проходить; нѣтъ ребятъ,
То-то выпьютъ лихо!
Но привычныя стоятъ
Лошадѣнки тихо.

Свечерѣло. Дрожь въ коняхъ,
Стужа злѣе на ночь;
Заворочался въ саняхъ
Михайло Иванычъ,
Кони дернули; страшася
Тутъ бѣда большая—
Рывкнулъ Мишка!—понеслася
Тройка, какъ шальная!

Колокольчикъ услышалъ,
Выбѣжалъ Оедюха,
Да напрасно—не догналъ!
Экая поруха!

Быстро, бѣшено неслася
Тройка—и не диво:
На ухабѣ всякій разъ
Звѣрь рычалъ ретиво;
Только стонъ кругомъ стоялъ:
„Очищай дорогу!
Самъ Топтыгинъ генералъ
Ѣдетъ на берлогу!“
Вздогнетъ встрѣчный мужичокъ,
Жутко станетъ бабѣ,
Какъ мохнатый сѣдочокъ
Рывкнетъ на ухабѣ.
А конямъ давно страхъ—
Не передохнули!
Версть пятнадцать на весь махъ,
Бѣдныя, отдули!

Прямо къ станціи летить
Тройка удалая.
Проѣзжающій сидитъ,
Головой мотая:

Ладить вывернуть кольцо.
Вотъ и стала тройка;
Самъ смотритель на крыльцо
Выбѣгаетъ бойко.
Видитъ ноги въ сапогахъ
И медвѣжья шуба,
Не замѣтилъ въ попыхахъ,
Что съ желѣзомъ губа,
Не подумалъ: гдѣ ямщикъ
Отъ коней гуляетъ?
Видитъ—баринъ материкъ,
„Генералъ“ смекаетъ,
Поспѣшилъ фуражку снять:
„Здравія желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..“
Хочетъ барину помочь
Юркій старичишка;
Тутъ во всю медвѣжью мочь
Заревѣлъ нашъ Мишка!
И смотритель отскочилъ:
„Господи помилуй!
Сорокъ лѣтъ я прослужилъ
Вѣрой, правдой, силой;
Много видѣлъ на тракту
Генераловъ строгихъ,
Нѣтъ ребра, зубовъ во рту
Не хватаетъ многихъ,
А такого не видалъ,
Господи Исусе!
Небывалый генералъ,
Видно въ новомъ вкусѣ!“
Прибѣжали ямщики!
Подивились тоже;
Видать—дѣло не съ руки,
Что-то тутъ не гоже!
Собрался честной народъ,
Все село въ тревогѣ:
„Генералъ въ саняхъ реветъ,
Какъ медвѣдь въ берлогѣ!“
Трусъ бѣжитъ, а кто смѣлѣй
Тѣ—потѣхи ради,
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.

Струсилъ, издали кричитьъ:
„Въ избу не хотите-ль?“
Мишка вновь какъ заричить...
Убѣжалъ смотритель!
Оробѣлъ и убѣжалъ
И со всею свитой...

Два часа въ саняхъ лежалъ
Генераль сердитый.
Прибѣжали той порой
Ямщикъ и вожатый;
Вразумилъ народъ честной
Трифонъ бородатый
И Топтыгина прогналъ
Изъ саней дубиной...
А смотритель обругалъ
Ямщика скотиной...

ЭЙ, ИВАНЪ!

ТИПЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

Вотъ онъ весь, какъ намалеванъ,
Вѣрный твой Иванъ:
Не умыть, угрюмъ, оплеванъ,
Вѣчно полушпанъ;
На желудкѣ мало пищи,
Чуть живой на взглядъ.
Не прикрыты, голенищи
Рыжія торчатъ;
Вѣчно теплая шапчонка
Вся въ пуху на немъ,
Туго стянуть сергучонку
Узкимъ ремешкомъ;
Изъ кармана кончикъ трубки
Видѣнъ, да кисетьъ.
Развѣ новенькіе зубки
Выйдутъ—старыхъ нѣтъ...
Родъ его тысячелѣтній
Не имѣлъ угла —

На запяткахъ и въ передней
Жизнь вѣками шла.
Ремесла Иванъ не знаетъ,
Дѣлай, что даютъ:
Шьетъ, куетъ, варить, строгаеть,
Не потрафилъ—бьютъ!
„Заживетъ!“ Грубитъ, воруетъ,
Божится и врѣтъ,
И за рюмочку цѣлуешь
Ручки у господъ.
Выпить можетъ сто стакановъ —
Только подноси...
Мало ли такихъ Ивановъ
На святой Руси?..

„Эй, Иванъ! иди-ка стрипать!
Эй, Ивапъ! чеши собакъ!“
Удалось Ивану сцанать
Гдѣ-то четвертакъ,
Поминай теперь, какъ звали!
Шанку на бекрень —
И пропалъ! Напрасно ждали
Ваньку цѣлый день:
Гитаристъ и соблазнитель
Деревенскихъ дуръ
(Онъ же тайный похититель
Индюковъ и куръ),
У корчемника Игнатки
Приютился плутъ,
Двѣ пригожія солдатки
Такъ къ нему и лнутъ.
„Эй вы, павы, павы, павы!
Шевелись живѣй!“
Въ Ванькѣ пляшутъ всѣ суставы
Съ ногъ и до ушей,
Пляшутъ ноздри, пляшетъ въ ухѣ
Бѣлая серьга.
Ванька весель, Ванька въ духѣ —
Жизнь недорога!

Утромъ съ бариномъ расправа:
„Гдѣ ты пропадалъ?“
— Я.. нигдѣ-съ... ей-Богу... право...
У воротъ стоялъ! —

„Весь-то день?“... Отвѣты грубы,
 Ложь глупа, пагла;
 Были зубы—били въ зубы,
 Нѣтъ—трещить скула.
 — Винавать! порядкомъ струся,
 Говорить Иванъ.
 „Жарь къ обѣду съ кашей гуся,
 Щи вари, болванъ!“

Ванька снова лямку тянетъ,
 А потомъ опять
 Чтó-нибудь у дворни стянетъ...
 „Неужли плошать?
 Коли плохо положили,
 Стало, не запретъ!“
 Господа давно рѣшили,
 Что души въ немъ нѣтъ.
 Неизвѣстно—есть ли, нѣтъ ли,
 Но съ нимъ случай былъ:
 Чуть живого сняли съ петли,
 Передъ тѣмъ грустилъ.
 Господамъ конфузно было:
 — Чтó съ тобой, Иванъ?—
 „Такъ, подъ сердце подстуцило“,
 И глядятъ: не пьянъ!
 Говорить: „Вы погеряли
 Вѣрнаго слугу,
 Все равно—помру съ печали,
 Жить я не могу!
 А всего бы лучше съ глотки
 Петли не снимать“...
 Самъ помѣщикъ выслалъ водки
 Скуку разогнать.
 Пилъ дѣтина ерофеичъ,
 Плакалъ да кричалъ:
 „Хоть бы разъ Иванъ Мосеичъ
 Кто меня назвалъ!“...

Какъ мертвецки накатили,
 Въ городъ тѣмъ же днемъ:
 „Лишь бы лобъ ему забрали —
 Вѣшайся потомъ!“

Понадѣялись на дружбу,
 Да не та пора:

Сдать беззубаго на службу
 Не пришлось. „Ура!“
 Ванька снова водворился
 У своихъ господъ,
 И совсѣмъ отъ рукъ отбился,
 Безъ просыпу пѣтъ.
 Хоть бы въ ваторгу урода —
 Лишь бы съ рукъ долой!
 Къ счастью, тутъ пришла свобода:
 „Съ богомъ, милый мой!“

И, затерянный въ народѣ,
 Вдругъ исчезъ Иванъ...
 Какъ живешь ты на свободѣ?
 Гдѣ ты?.. Эй, Иванъ!

СЪ РАБОТЫ.

Здравствуй, хозяйюшка! Здравствуйте,
 дѣтки!

Выпить бы. Эки стоятъ холода!

„Инь ты забылъ, что намедни послѣдки
 Выпилъ съ десятникомъ?“

— Ну, не бѣда!

И безъ вина отогрѣюсь я, грѣшный,
 Ты обряди-ка савраску, жена;
 Поголодалъ онъ весною, сердечный,
 Какъ подобрался сѣна.

— Экъ я умаялся!.. Чтó, обрядила?
 Дай-ка горяченькихъ щецъ.

„Печи я нынче, родной, не топила,
 Не было, знаешь, дровецъ!“

— Ну, и безъ щей посиѣдаю я, грѣшный.
 Ты овсеца бы савраскѣ дала,—
 Въ лѣто одинъ онъ управилъ, сердечный,
 Пашни четыре тягла.

Трудно и нынче намъ съ бревнами было,
 Портится путь... Инъ и хлѣбушка нѣтъ?..

„Вышелъ, родной... У сосѣдей просила,
Завтра сулили чѣмъ свѣтъ!“

— Ну, и безъ хлѣба улягусь я, грѣшный,
Кинь подь савраску соломки, жена!
Въ зиму-то вывезь онъ, вывезь, сердечный,
Триста четыре бревна...

МЕДВѢЖЬЯ ОХОТА.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЛИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Зимняя картина. Равнина, занесенная снѣгомъ, кое-гдѣ деревья, ливы, кустарники; впереди сплошной лѣсъ. По направленію къ лѣсу, безъ дороги, кто на лыжахъ, кто на четверенькахъ, кто барахтаясь по поясъ въ снѣгу, тянется вереница загонщиковъ, челоѣкъ сто: мужики, оставшие солдаты, бабы, дѣвки, мальчики и дѣвочки. Каждый и каждая съ дубинкою; у нѣкоторыхъ мужиковъ ружья. За народомъ Савелій, окладчикъ, продавшій медвѣдя и распоряжающійся охотою. По дорогѣ, протаптываемой народомъ, пробираются, часто спотыкаясь, господа охотники. Впереди князь Вохотскій, старикъ лѣтъ 65-ти, сановникъ; за нимъ баронъ Фонтъ-дверъ-Гребень, нѣчто въ родѣ посланника, важная надменная фигура, лѣтъ 50. Онъ изрѣдка переговаривается съ Вохотскимъ, но оба они болѣе заняты труднымъ процессомъ ходьбы. За ними Миша, плотный, полнолицый господинъ, лѣтъ 45, дѣйствительный статскій совѣтникъ, служить; здоровъ до избытка, шутникъ и хохотунъ; рядомъ съ нимъ Пальцовъ, господинъ лѣтъ 50-ти, не служилъ и не служилъ. Они горячо разговариваютъ.

Миша и Пальцовъ продолжаютъ прежде начатый разговоръ.

ПАЛЬЦОВЪ.

Что ты ни говори, претить душѣ моей
Тотъ кругъ, гдѣ мы съ тобою бродимъ:
Двухъ-трехъ порядочныхъ людей
На сотню франтовъ въ немъ находимъ.

А что такое русскій франтъ?

Все совершенствуется въ свѣтъ,
А у него единственный талантъ,
Единственный прогрессъ—въ жилетѣ.
Вино, рысакъ, лоретка—тутъ онъ весь
И съ внутреннимъ, и съ внѣшнимъ міромъ.
Его тщеславіе вращается до днесь

Между конюшнею и трактиромъ.

Программа жалкая его —
Не дѣлать ровно ничего,
Считая глупостью и ложью
Все, кромѣ свѣтской суеты;
Гнушаться чернью, быть на „ты“

Со всею именитой молодёжью;
За недостаткомъ гордости въ душѣ,
Являть ее въ своей осанкѣ;
Дрожать для дѣла на грошѣ
И тысячи бросать какой-нибудь цыганѣ;
Знать наизусть Еленъ и Клеопатрѣ,
Наѣхавшихъ изъ Франціи въ Россію,
Ходить въ Михайловскій театръ
И презирать—*Александрію*.

Французскимъ jeunes premiers въ манерахъ
подрожать,

Искусно на конькахъ кататься,
На скачкахъ призы получать
И каждый вечеръ напиваться
Въ трактирахъ и въ другихъ домахъ,
Съ отличной стороны извѣстныхъ,
Или въ милютинныхъ рядахъ,
За лавками, въ конурахъ тѣсныхъ,

Гдѣ царствуетъ обычай вѣковой:
Не мыть половъ, салфетокъ, стклянокъ,
Куда влекутъ они съ собой

И чопорныхъ, брезгливыхъ парижанокъ,
Чтобы въ разгарѣ кутежа,

Въ угоду пристающимъ съ-пьяна,
Бѣсть устрицы съ желѣзнаго ножа
И пить вино изъ грязнаго стакана!

Въ одномъ прогрессъ являетъ онъ —
Нашъ милый франтъ—что все мельчаетъ,
Лѣтъ въ двадцать волосы терять.
Тщедушень, ростомъ умалень
И слабосилемъ наказанъ.

Стаканомъ можно каждаго спить
И каждаго не трудно удавить
На узкой ленточкѣ, которой онъ повязанъ!

МИША.

Ты мѣтко франтовъ очертилъ.

пальцовъ.

Одно я только позабылъ,
Коснувшись этой тли снаружи,
Что эти полумертвецы,
Развратомъ юности ослабленныя души,
Невѣжды, если не глупцы:
Со временемъ родному краю
Готовятся...

миша.

Я понимаю.

Но не однихъ же пустомель
Встрѣчаемъ мы и въ свѣтскомъ мірѣ:
Есть люди—ихъ понятія шире,
Доступна имъ живая цѣль.
Сбери-ка эти единицы,
Таланты, знанія, умы,
Съ великорусской Костромы
До полурусской Ниццы,
Соедини-ка ихъ въ одно
Разумнымъ, обще-русскимъ дѣломъ...

пальцовъ.

Соединить ихъ—мудрено!
Занесся ты, въ порывѣ смѣломъ,
Вогъ вѣсть куда, любезный другъ!
Вернись-ка къ фактамъ!

миша.

Факты трудны!

Не говорю, чтобъ были скудны,
Но не припомнишь вдругъ!
Я самъ не слишкомъ обольщаюсь,
Не ждалъ я и не жду чудесъ,
Но твердо за одно ручаюсь,
Что съ мели сдвинулъ насъ прогрессъ.
Вотъ напимѣрь: давно не очень
Жизнь на Руси груба была
И, какъ подъ музыку, текла
Подъ градъ ругательствъ и пощечинъ:
Тотъ звукъ, какъ древней драмѣ хоръ,
Необходимъ былъ жизни нашей.
Ну, а теперь—гуманный споръ,
Игривый спичъ за полной чашей!

пальцовъ.

Вотъ чудо!

миша.

Чуда, другъ мой, нѣтъ,
Но все же выигрышь въ итогѣ.
Засѣвши на большой дорогѣ
Съ дворовой челядью, мой дѣдъ
Былъ, говорятъ, грозой краю,
А я—его любезный внукъ —
Я другъ народа, другъ наукъ,
Я въ комитетахъ засѣдаю!

пальцовъ.

Ты шутишь?

миша.

Нѣтъ, я не шучу!

Я этой рѣзкостью сравненія
Одно сказать тебѣ хочу:
„Держись на русской точкѣ зрѣнія“,
И ты утѣшишься, другъ мой!
Не слишкомъ длинное пространство
Насъ раздѣляетъ съ стариной,
Но ужъ теперь не то дворянство,
Въ литературѣ духъ иной,
Администраторы иные...

пальцовъ.

Да! люди тонко развитые!

О нихъ судить не нашему уму,
Довольно съ насъ благоговѣть, гордиться.
Ты эпитафію читалъ ли одному?
По-моему, десяткамъ пригодисл!
„Систему полумѣрьъ принявъ за идеаль,
„Ни прогресснеть, ни консерваторъ,
„Добро ты портилъ, зла не улучшалъ,
„Но честный былъ администраторъ...“
Въ администрацію попасть большая честь;
Но будь талантъ—пути открыты,
И надобно признаться, все въ ней есть,
Есть даже, кажется, спириты!

миша.

Давно ли чуждо было намъ

Все, кромѣ личнаго разсчета?
Теперь къ общественнымъ дѣламъ
Явилась рьяная забота!

ПАЛЬЦОВЪ—*смыется.*

Съ тѣхъ поръ, какъ родину прогрессъ
Поставилъ въ новыя условия,
О, Русь! вселился новый бѣсъ
Почти во всѣ твои сословья.
То бѣсъ „общественныхъ заботъ“.
Кто имъ не одержимъ? Но — чудо! —
Немного внигралъ народъ,
И легче нѣтъ ему покуда
Ни отъ чиновныхъ мудрецовъ,
Ни отъ фанатиковъ народныхъ,
Ни отъ начитанныхъ глупцовъ,
Лакеевъ мыслей благородныхъ!

миша.

Ну! золь ты сталь, какъ погляжу!
Прослыть стараясь Вельзевуломъ,
Ты и себя ругнулъ огуломъ. —
А я, опять-таки, скажу:
Часть общества по мѣрѣ силъ развита;
Не сплошь мы пошлости рабы:
Есть признаки осмысленнаго быта,
Есть элементы для борьбы.
У насъ есть крѣпостникъ-плантаторъ,
Но есть и честный либераль;
Есть заскорузлый консерваторъ,
А рядомъ — самъ ты замѣчалъ —
Великосвѣтскій радикаль!

пальцовъ.

Двухъ словъ безъ горечи не бросить,
Безъ грусти ни на чемъ не остановитъ глазъ,
Онъ не идетъ, а, такъ-сказать, проноситъ
Себя, какъ контрабанду, среди насъ.
Шалить землевладѣлецъ крупный,
Морочить модной маской свѣтъ,
Иль точно тайной недоступной
Онъ полонъ — не великъ секретъ!

миша.

И то ужъ хорошо, что времена прошли

Брать эти — не другія роли...
Давно ли мы безгласно шли,
Куда погонять насъ, давно ли?..
Теперь, куда ни посмотри,
Зачатки критики, стремленье...

ПАЛЬЦОВЪ—*съ иньвомъ.*

Пожалуйста, не говори
Про русское общественное мнѣнье!
Его нельзя не презирать
Сильнѣй невѣжества, распутства, тунеядства;
На немъ предательства печать
И непонятнаго злорадства!
У русскаго особый взглядъ,
Преданьямъ рабства страшно вѣрять:
Всегда побитый виноватъ,
А битымъ — счетъ потерянь!
Какъ будто съ умысломъ силки
Мы разставляемъ мысли смѣлой:
Сперва — сторонниковъ полки,
Восторгъ почти Россіи дѣлой,
Потомъ — усталость; наконецъ,
Всѣ на-сторожѣ, всѣ въ тревогѣ,
И покидается боецъ.
Почти одинъ на полдорогѣ...
Побѣда! мимо всѣхъ преградъ
Прошла и принялась идея:
Ура! кричимъ мы не робѣя,
И тотъ, кто радъ, и кто не радъ...
За то съ какимъ зловѣщимъ тактомъ
Мы неудачу сторожимъ!
Замѣтивъ облачко надъ фактомъ,
Какъ ступешаться мы спѣшимъ!
Какъ мы вертимъ хвостомъ лукаво,
Какъ мы уходимъ величаво
Въ скорлупку пошлости своей!
Какъ негодуемъ, какъ клеветемъ,
Какъ ретроградамъ рукоплещемъ,
Какъ выдаемъ своихъ друзей!
Какіе слышатся аккорды
Въ постыдной оргіи тогда!
Какія выдвинутся морды
На первый планъ! Гроза, бѣда!

Облава — въ полномъ смыслѣ слова!..

Свалились въ кучу — и готово
Холопской дури торжество,
Мычанье, хрюканье, блѣянье —
И жеребячье гоготанье —
А-ту его, а-ту его!..

Не такъ ли множество идей
Погибло несомнѣнно важнѣхъ,
Помявъ порядочнѣхъ людей
И выдвинувъ впередъ продажныхъ?
Намъ все равно! Не дорожимъ
Мы шагомъ къ прочному успѣху.
Прогрессъ?.. его мы не хотимъ —
Намъ дай новинку, дай потѣху!
И вотъ новинкѣ всякій радъ
День, два; всё полны грѣзъ и вѣры.
А завтра съ радостью глядятъ
Какъ „рановременная“ мѣры
Теряютъ должные размѣры
И съ трескомъ пятятся назадъ!..

*Народъ впереди остановился. Остановимся
и охотники. Савелій, объяснивъ что-то князю
Воехотскому, причемъ таинственно указы-
валъ по направленію къ мѣсу, подходитъ къ
Пальцову и Мишю.*

САВЕЛІЙ.

На нумера извольте становиться.
Теперь нельзя курить
И громко говорить здѣсь не годится.

МИША.

Что-жь можно? Можно водку пить!
*Хочетъ и, наливая изъ фляжки, потичуетъ
Пальцова и пьетъ самъ. Савелій, разставивъ
охотниковъ по цѣпи, въ разстояніи шаговъ
пятидесяти другъ отъ друга, раздѣляетъ
народъ на двѣ половины; одна молча и съ
предосторожностями отправляется по линіи
круга направо, другая — налево.*

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Баронъ фонъ-дерь-Гребенъ и князь Воехотскій на № 5-мъ. Баронъ сидитъ на складномъ стулѣ; снѣгъ около него утопанъ, подъ ногами коверъ. Близъ него прислонены къ дереву три штуцера со взведенными курками. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него саади мужикъ-охотникъ съ рогатиной.

кн. воехотскій — *подходя къ барону съ своего, сосѣдняго нумера.*

Теперь, баронъ, вы видѣли природу,
Вы видѣли народъ нашъ?

БАРОНЪ.

И не могъ
Не заключить, что этому народу
Пути къ развитію заградилъ самъ Богъ.

кн. воехотскій.

Да! да! непобѣдимыя условья!
Но, къ счастью, народъ не выше ихъ:
Невѣжество, безчувственность воловья
Полезны при условьяхъ такихъ.

БАРОНЪ.

Когда природа отвѣчать не можетъ
Потребностямъ, которыя родить
Развитіе — оно бѣды умножить
И только даромъ страсти распалить.

кн. воехотскій.

Вы угадали мысль мою: нелѣпо
Въ такихъ условьяхъ просвѣщать народъ.
На почвѣ, гдѣ съ трудомъ родится рѣпа,
Съ развитіемъ бананъ не расцвѣтѣтъ.
Намъ не указъ Европа: тамъ избытокъ
Во всѣхъ дарахъ, по милости судьбы;
А здѣсь одинъ суровый черный хлѣбъ,
Да изъ него же гибельный напитокъ!
И средства нѣтъ прибавить что-нибудь.
Болото, мохъ, песокъ — куда ни взглянешь!
Не проведешь сюда желѣзный путь,

Къ путямъ желѣзнымъ весь народъ не станешь!

А здѣсь — вотъ, на примѣръ, зимой —

Какія тутъ возможны улучшенья?...
Хоть лошадямъ убавьте-ка мученья,

Устройте экипажъ другой!

Здѣсь мужику, что вышелъ за ворота,

Кровавый трудъ, кровавая борьба:

За крошку хлѣба капли пота —

Вотъ въ двухъ словахъ его судьба!

Его сама природа осудила

На грубый трудъ, неблагодарный бой

И отъ отчаянья разумно оградила

Невѣжества спасительной броней.

Его удѣлъ — безграмотство, безпутство

Убожество и чувствомъ, и умомъ,

Его узда — налоги, трудъ, рекрутство,

Его утѣха — водка съ дурманомъ!

БАРОНЪ.

So, so...

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Пальцовъ и Миша на №1-мъ. Къ Пальцову подходитъ съ своего номера Миша.

МИША.

Еще не скоро выйдетъ звѣрь...

Покажѣсть, приведемъ-ка въ ясность

То время, какъ слова „свобода“, „гласность“,

Которыми набили мы теперь

Оскому, какъ незрѣлыми плодами,

Не слышались и въ шутку между нами.

Когда считался звѣремъ либераль,

Когда слова: „общественное благо“

И произнести нужна была отвага,

Которою никто не обладалъ!

Когда одни житейскія условия

Сближали насъ, а по-просту расчетъ,

И лишь въ одномъ сливались всѣ сословья,

Что дружно налегали на народъ...

ПАЛЬЦОВЪ.

Великій вѣкъ, когда блисталь

Среди безгласныхъ поколѣний

Администраторъ-генераль

И откупщикъ — кабачный геній!

МИША.

Ты, думаю, охоту на двуногихъ

Засталь еще въ ребячествѣ своемъ.

Слыхаль ты вопли стариковъ убогихъ

И женщинъ, засѣгаемыхъ кнудомъ?

Я думаю, ты былъ не полугода

И не забылъ порядки тѣхъ времёнъ,

Когда въ отвѣтъ стенаціямъ народа,

Мысль русская стонала въ полу-тонъ?

ПАЛЬЦОВЪ.

Великій вѣкъ — великихъ мѣръ!

„Не разсуждать — повиноваться!“

Девизъ былъ общій; самъ Гомеръ

Не смѣлъ Омиромъ называться.

МИША.

Припомни, какъ въ то время золотое

Учили насъ? Раздолье-то какое!

Сынъ барина, чиновника, князька

На столько норовилъ образоваться,

Чтобъ на чужія плечи забираться

Умѣть — а тамъ дорога широка!

Три фазиса дворянское развитіе

Прекрасные являло намъ тогда:

Въ дни юности — кутѣжь и стеклобитье,

Наука жизни — въ зрѣлые года

(Которую не въ школахъ европейскихъ —

Мы черпали въ гостинныхъ и лакейскихъ)

И, наконецъ, завѣтная мечта —

Почетныя, доходныя мѣста...

Припомнилъ ты то время золотое,

Котораго исчадьё мы прямое,

Припомнилъ? — Ну, такъ полюбуйся имъ!

Какъ яблоку качаетъ проходящій,

Весь занятый минутой настоящей,

Желаніемъ однимъ руководимъ —
 Набрать плодовъ и далѣ въ путь пуститься,
 Не думая, что много ихъ свалится,
 Которыхъ онъ не сможетъ захватить,
 Которые напрасно будутъ гнить:
 Такъ русское общественное древо,
 Кто только могъ, направо и налѣво
 Раскачивалъ, спѣша набить карманъ,
 Не думая о томъ, что будетъ далѣ...
 Мы всѣ тогда жирѣли, наживали,
 Всѣ... кромѣ, разумѣется, крестьянъ...
 Да въ сторонѣ стоялъ одинъ, печаленъ,
 Тогдашній чистоплотный либераль;
 Онъ рукъ въ грязи житейской не мараль,
 Онъ для того былъ слишкомъ идеаленъ,
 Но онъ за то не дѣлалъ ничего...

пальцовъ.

О комъ ты говоришь?

миша.

Въ литературѣ

Описанъ онъ достаточно; его
 Прозвали „лишнимъ“. Честный по натурѣ,
 Онъ былъ аристократъ, гуляка и лѣнтяй;
 Избыточно снабженный всѣмъ житейскимъ,
 Слѣдилъ онъ за движеніемъ европейскимъ...

пальцовъ.

Да это — я!

миша.

Какъ хочешь — понимай!

Типъ былъ одинъ, отѣнковъ было много.
 Судили ихъ тогда довольно строго,
 Но я недавно началъ понимать,
 Что мы добромъ должны ихъ поминать...

Діалектикъ обаятельный,
 Честенъ мыслью, сердцемъ чистъ!
 Помню я твой взоръ мечтательный,
 Либераль-идеалистъ!
 Созерцающій, читающій,
 Съ неотступною хандрой

По Европѣ развѣзжающій,
 Здѣсь и тамъ — всему чужой.
 Для дѣйствительности скованный,
 Верхоглядомъ жилъ ты, зря,
 Ты бродилъ разочарованный,
 Красоту боготворя;
 Все съ погибшими созданьями
 Да съ брошюрами возясь,
 Наполняя умъ свой знаньями
 Обходилъ ты жизни грязь;
 Грозный дѣятель въ теоріи,
 Безпощадный радикаль,
 Ты на улицѣ исторіи
 Съ полицейскимъ избѣгалъ;
 Злыхъ, надмѣнныхъ, угнетающихъ
 Лишь презрѣннемъ ты караль,
 Не спасалъ ты утопающихъ,
 Но и въ воду не толкалъ...
 Ты, въ которомъ чуть не генія
 Толго видѣли друзья,
 Рыцарь добраго стремленія
 И безпутнаго житія!
 Хоть реального усилія
 Ты не сдѣлалъ никогда,
 Чувству горькаго безсилія
 Подчинившись навсегда —
 Все же, что тебя и пынѣ я,
 Я люблю припоминать
 На челѣ твоемъ унынія
 Безпредѣльнаго печать:
 Ты стоялъ передъ отчизною,
 Честенъ мыслью, сердцемъ чистъ,
 Воплощенной укоризною,
 Либераль-идеалистъ!

пальцовъ.

Куда-жъ дѣвались люди эти?

миша.

Богъ вѣсть! Я не встрѣчаю ихъ.
 Ихъ пѣсни спѣта — что намъ въ нихъ?
 Герои слова, а на дѣлѣ — дѣти!
 Да! одного я встрѣтилъ: глупъ, рѣчиствъ
 И старъ, какъ возвращенный декабриствъ.

Въ нихъ вообще теперь не много толку.
 Мудрѣйшіе достали втихомолку
 Такого рода прочныя мѣста,
 Гдѣ служба по возможности чиста,
 И, средніе оклады получая,
 Не принося ни пользы, ни вреда,
 Живуть себѣ подъ старость прищѣвая;
 За то теперь клеймить ихъ иногда
 Предателями племя молодое;
 Но я ему сказала бы: не забудь,
 Кто выдержалъ то время роковое,
 Есть отъ чего тому и отдохнуть.
 Богъ на помощь! бросайся прямо въ пламя,
 И погибай...

Но, кто твое держалъ когда-то знамя,
 Тѣхъ не пятнай!
 Не предали они—они устали
 Свой крестъ нести,
 Покинулъ ихъ духъ Гнѣва и Печали
 На полути...

Еще добромъ должны мы помянуть
 Тогдашнюю литературу,
 У ней была задача: какъ-нибудь
 Намекомъ натолкнуть на честный путь
 Къ развитію способную натуру...
 Хорошая задача! Не забылъ,
 Я думаю, ты истинныхъ свѣтилъ,
 Отмѣтившихъ то время роковое:
 Бѣлинскій жилъ тогда, Грановскій, Гоголь
 жилъ,
 Еще найдется славныхъ двое, трое—
 У нихъ тогда училось все живое...

Бѣлинскій былъ особенно любимъ...
 Молясь твоей многострадальной тѣни,
 Учитель! передъ именемъ твоимъ
 Позволь смиренно преклонить колѣни!

Въ тѣ дни, какъ все коси́ло на Руси,
 Дремля и раболѣпствуя позорно,
 Твой умъ кипѣлъ—и новыя стези
 Прокладывалъ, работая упорно.

Ты не гнушался никакимъ трудомъ:
 „Чернорабочій я—не бѣлоручка!“
 Говаривалъ ты намъ—и на проломъ
 Шель къ истинѣ, великій самоучка!

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
 Едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ,
 Едва-ль не первый ты заговорилъ
 О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...

Не даромъ ты, мужая по часамъ,
 На взглядъ глупцовъ казался перемѣнчивъ;
 Но предъ врагомъ заносчивъ и упрямъ,
 Съ друзьями былъ ты кротокъ и застѣнчивъ.

Не думалъ ты, что стоишь ты вѣнца,
 И разумъ твой горѣлъ не угасая,
 Самимъ собой и жизнью до конца
 Святое недовольство сохраняя—

То недовольство, при которомъ нѣтъ
 Ни самообольщенья, ни застоя,
 Съ которымъ и на склонѣ напихъ лѣтъ
 Постыдно мы не убѣжимъ изъ строя—

То недовольство, что душѣ живой
 Не дастъ возстать противу новой силы
 За то, что заслоняетъ насъ собой
 И старцамъ говоритъ: „пора въ могилы!“

Грановскаго я тоже близко зналъ—
 Я слушалъ лекціи его три года.
 Великій умъ! счастливая природа!
 Но говорилъ онъ лучше, чѣмъ писалъ.
 Оно и хорошо—писать не время было:
 Почти-что ничего тогда не проходило!

Бывали случаи: весь вѣкъ
 Считался умнымъ человекъ.
 А въ книгѣ глухимъ очутился:
 Пропалъ и умъ, и слогъ и жарь,
 Какъ будто съ бѣднымъ приключился
 Апоплексическій ударъ!

Когда же въ книгахъ будемъ мы блистать
 Всей русской мыслью, рѣчью, даромъ,

А не зайками хромыми выступать
Съ апоплексическимъ ударомъ?..

Передъ рядами многихъ поколѣній
Прошелъ твой свѣтлый образъ; чистыхъ впечатлѣній

И добрыхъ знаній много сѣялъ ты,
Другъ Истины, Добра и Красоты!
Пылливъ ты былъ; искусство и природа,
Наука, жизнь—ты все познать желалъ,
И въ новомъ творествѣ ты силы почерпалъ,
И въ геніи угасшаго народа...

И всѣмъ дѣлиться съ нами ты хотѣлъ!
Не диво, что тебя мы горячо любили:
Терпимость и любовь тобой руководили.
Ты настоящее оплакивать умѣлъ
И брата узнавалъ въ рабѣ иноплеменномъ,
Огъ насъ вѣками отдаленномъ!
Готовилъ родинѣ ты честныхъ сыновей,
Провидя лучъ зари за непроглядной далью.
Какъ ты любилъ ее! Какъ ты скорбѣлъ о ней!
Какъ рано умеръ ты, терзаемый печалью!
Когда надъ бѣдной русскою землей
Заря надежды медленно всходила,
Созрѣлъ недугъ, посѣянный тоской,
Которая всю жизнь тебя крушила...

Да! славной смертью, смертью роковой
Грановскій умеръ... кто не издѣвался
Надъ „безпредметною“ тоской?
Но глупый смѣхъ къ чему не придирался!
„Гражданской скорбью“ наши мудрецы
Прозвали настроеніе такое...
Надъ чѣмъ смѣяться вздумали, глупцы!
Опошлить чувство селятся какое!
Поверхностной ироніи печать

Мы очень часто налагаемъ
На то, что должно уважать,
За то—достойное презрѣнья уважаемъ!
Намъ юноша, стремящійся къ добру,
Смѣшонъ восторженностью странной,
А зрѣлый мужъ, поверженный въ хандру,

Смѣшонъ тоскою постоянной;
Не понимаемъ мы глубокихъ мукъ,
Которыми болить душа иная,
Внимая въ жизни вѣчно-ложный звукъ
И въ праздности невольной изнывая;
Не понимаемъ мы—и гдѣ же намъ понять?—
Что бѣлый свѣтъ кончается не нами,
Что можно личнымъ горемъ не страдать

И плакать честными слезами.
Что туча каждая, грозящая бѣдой,
Нависшая надъ жизнію народной,
Слѣдъ оставляетъ роковой
Въ душѣ живой и благородной!

Да! были личности!.. Не пропадетъ народъ,
Обрѣтшіи ихъ во времена крутяя!

Мудренными путями Богъ ведетъ
Тебя многострадальная Россія!
Попробуй, усомнись въ твоихъ богатыряхъ
Доисторическаго вѣка,
Когда и въ наши дни выносятъ на плечахъ
Все поколѣнье два-три человѣка!

Какъ ты меня, однако-жъ, взволновалъ!
Не шуточное вышло изліянье,
Я лучшій перлъ со дна души досталъ,
Чистѣйшее мое воспоминанье!
Мнѣ стало грустно... Надо попадать,
По мѣрѣ силъ, опять на тонъ шутливый...

*Въ лѣсу раздаются сигнальный выстрѣлъ
и вслѣдъ затѣмъ крики, трещотки, хлопнуш-
ки. Охотники поспѣшно расходятся на свои
нумера и становятся на-сторожъ, со взве-
денными штуцерами...*

Весна 1867 года.
Парижъ и Флоренція.

ЕЩЕ ТРОЙКА.

1

Ямщикъ лихой, лихая тройка
И колокольчикъ подъ дугой,
И дождь, и грязь, но кони бойко
Телѣгу мчатъ. Въ телѣгѣ той
Сидитъ съ осанкою побѣдной
Жандармъ съ усищами въ аршинъ,
И рядомъ съ нимъ какой-то блѣдный
Лѣтъ въ девятнадцать господинъ.

Всѣ копи взмылены съ натуги,
Весь адъ осенней русской вьюги
На встрѣчу; не видать небесъ,
Нигдѣ жилья не попадаетъ,
Все лѣсъ кругомъ, угрюмый лѣсъ..
Куда же тройка поспѣшаетъ?
Куда Макаръ телятъ гоняетъ.

2

Какое ты свершилъ дѣянье,
Кто ты, преступникъ молодой?
Быть можетъ, ты имѣлъ свиданье
Въ глухую ночь съ чужой женой?
Но подстерегъ супругъ ревнивый
И длань занесъ—и оскорбилъ,
А ты, безумецъ горделивый,
Кто на мѣстѣ положилъ?

Отвѣта нѣтъ. Бушуетъ вьюга;
Завидѣвъ кабачокъ, какъ друга,
Жандармъ командуетъ: стоять!
Девятый шкаликъ выпиваетъ..
Чу! тройка тронулась опять!
Гремитъ, звенитъ—и улетаетъ
Куда Макаръ телятъ гоняетъ.

3

Пль погубилъ тебя презрѣнный,
Но соблазнительный металлъ?
Дитя корысти современной,
Доброе чужого ты вралкалъ,

И въ домѣ, издавна знакомомъ,
Когда всѣ погрузились въ сонъ,
Ты совершилъ грабежъ со взломомъ
И пойманъ былъ и уличенъ?

Отвѣта нѣтъ. Бушуетъ вьюга;
Обнявъ преступника, какъ друга,
Жандармъ напившійся храпитъ;
Ямщикъ то свищетъ, то зѣваетъ,
Поетъ... А тройка все гремитъ,
Гремитъ, звенитъ—и улетаетъ
Куда Макаръ телятъ гоняетъ.

4

Иль, можетъ быть, починимъ артистомъ
Ты не былъ, другъ? и просто мы
Теперь столкнулись съ нигилистомъ,
Симъ кровожаднымъ чадомъ тьмы?
Какое-жъ адское коварство
Ты помышлялъ осуществить?
Разрушить думалъ государство,
Или инспектора побить?

Отвѣта нѣтъ. Бушуетъ вьюга;
Вся тройка въ сторону съ испуга
Шарахнулась. Озлась, кнутомъ
Ямщикъ по всѣмъ по тремъ стегаетъ;
Телѣга скрылась за холмомъ,
Мелькнула вновь—и улетаетъ
Куда Макаръ телятъ гоняетъ!..

МАТЬ.

Она была исполнена печали,
И между тѣмъ, какъ шумны и рѣзвы
Три отрока вокругъ нея играли,
Ея уста задумчиво шептали:
„Несчастные! зачѣмъ родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою
И вамъ судьбы своей не избѣжать!“
Не омрачай веселья ихъ тоскою,
Не плачь надъ ними, мученица-мать!

ПѢСНЯ О ТРУДѢ.

изъ „Медвѣжьей охоты“.

Кто хочеть сдѣлаться глупцомъ,
Тому мы предлагаемъ:

Пускай пренебрежетъ трудомъ
И жить начнеть лѣнтяемъ.

Хоть Геркулесомъ будь рождень
И умственнымъ атлетомъ,
Все-жъ будетъ слабъ, какъ тряпка, онъ
И жалкій трусь при этомъ.

Нѣтъ въ жизни праздника тому,
Кто не трудится въ будень.
Пока есть лишній медъ въ дому,
Терпимъ пчелами трутень;

Когда-жъ общественной нужды
Придетъ крутое время,
Лѣнтяй, негодный никуды!
Ты всѣмъ двойное бремя.

Когда придутъ зараза, моръ,
Ты первый кайся Богу,
Запрешь ворота на запоръ,
Но смерть найдеть дорогу!..

Кому бросаются въ глаза
Въ трудѣ однѣ мозоли,
Тотъ глупъ, не смыслить ни аза!
Страдаетъ праздность болѣ.

Когда придетъ упадокъ силъ,
Хандра подступитъ злая —
Вѣрь, ни единый пѣсь не вѣлъ
Тоскливѣе лѣнтяя!

И такъ—о славѣ не мечтай,
Не будь на деньги падокъ,
Трудись по силамъ и желай,
Чтобъ трудъ былъ вѣчно сладокъ.

Чтобъ испустить послѣдній вздохъ
Не въ праздности,—въ работѣ,
Какъ старшій пѣсь мой, что издохъ
Надъ гаршнепомъ въ болотѣ!..

ПѢСНЯ.

изъ „Медвѣжьей охоты“.

Отпусти меня, родная,
Отпусти не спора!

Я не травка полевая,
Я выросла у моря.

Не рыбацкѣй парусъ малый —
Корабли мнѣ снятся.
Скучно! въ этой жизни вялой
Дни такъ долго длятся.

Здѣсь, какъ въ клѣткѣ, заперта я,
Сонъ кругомъ глубокой,
Отпусти меня, родная,
На просторъ широкій,

Гдѣ сама ты грудью бѣлой
Волны разсѣкала,
Гдѣ тебя я гордой, смѣлой,
Счастливой видала.

Ты не съ пѣснею побѣдной
Къ берегу пристала,
Но хоть часъ изъ жизни бѣдной
Торжество ты знала.

Пусть и я сломлюсь отъ горя,
Не жалѣй ты дочку!
Коли выростеть у моря —
Не спастись цвѣточку,

Все равно! сегодня счастье,
Завтра буря грянетъ,
Разыграется ненастье,
Вѣтеръ съ моря встанетъ,

Въ день одинъ песку нагонитъ
На прибрежный цвѣтикъ
И на вѣки похоронитъ!..
Отпусти, мой свѣтикъ!..

Но говори имъ съ молодости ранней:
Есть времена, есть цѣлыя вѣка,
Въ которые нѣтъ ничего желаннѣй,
Прекраснѣе — тернового вѣнка...

* *

Не рыдай такъ безумно надъ нимъ,
Хорошо умереть молодымъ!

Безпощадная пошлость ни тѣни
Положить не успѣла на немъ,
Становись передъ нимъ на колѣни,
Украшай его кудри вѣнкомъ!
Передъ нимъ преклониться не стыдно;
Вспомни, сколько пали въ борьбѣ,
Сколько разъ уже было тебѣ
За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Подъ холодною крышкою гроба,
На нее не наложить пятна
Ни ошибка, ни сила, ни злоба...

Не хочу я сказать, что твой братъ
Не былъ гордою волей богатъ,
Но, ты знаешь, кто ближняго любить
Больше собственной славы своей,
Тотъ и славу сознательно губить,
Если жертва спасаетъ людей.
Но у жизни есть мрачныя силы —
У кого не слабѣли шаги
Передъ дверью тюрьмы и могилы?
Долговѣчность и слава — враги.

Русскій геній издавна вѣнчаетъ
Тѣхъ, которые мало живутъ,
О которыхъ народъ замѣчаетъ:
„У счастливаго недруги мрутъ,
У несчастнаго другъ умираетъ...“

* *

Изъ Гейне.

Душно! безъ счастья и воли
Ночь безконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша съ краями полна!

Грянь надъ пучиною моря,
Въ полѣ, въ лѣсу засвищи,
Чашу вселенскаго горя
Всю расплещи!..

ДОМА — ЛУЧШЕ!

Въ Европѣ удобно, но родины ласки
Нисъ чѣмъ несравнимы. Вернувшись домой,
Въ телѣгу сѣшу пересѣсть изъ коляски
И маршъ на охоту! Денѣкъ не дурной,
Подъ солнцемъ осеннимъ родная картина
Отвыкнутому глазу нова...
О, матушка Русь! ты привѣтствуешь сына
Такъ нѣжно, что кругомъ идетъ голова!

Твои мужики на меня выгоняли
Звѣрей изъ лѣсовъ цѣлый день,
А ночью возвратный мой путь освѣщали
Пожары твоихъ деревень.

* *

Наконецъ, не горитъ уже лѣсъ,
Снѣгъ прикрылъ почернѣлыя пеня,
Но помѣщикъ душой не воскресъ,
Потерявъ половину имѣнья.

Приунылъ и мужикъ. — Чѣмъ я буду топить!
Говоритъ онъ, лицо свое хмуря:
„Ты не будешь топить — будешь пить“,
Завываетъ въ отвѣтъ ему буря...

ДѢДУШКА.

I.

Р азъ у отца, въ кабинетѣ,
Сама портретъ увидаль,
Изображенъ на портретѣ
Былъ молодой генераль.
„Кто это?“ спрашиваль Саша,
„Кто?“... — Это дѣдушка твой —
И отвернулся папаша,
Низко поникъ головой.
„Что же не вижу его я?“
Папа ни слова въ отвѣтъ.
Внукъ, передъ дѣдушкой стоя,
Зорко глядитъ на портретъ:
„Папа, чего ты вздыхаешь?
Умеръ онъ... живъ? говори!“
— Выростешь, Саша, узнаешь.
„То-то... ты скажешь, смотри!..“

II.

„Дѣдушку знаешь, мамаша?“
Матери сынъ говорить.
„Знаю“, — и за руку Саша
Маму къ портрету тащить,
Мама идетъ противъ воли.
„Ты мнѣ скажи про него,
Мама! не добрый онъ, что ли,
Что я не вижу его?
Ну, дорогая! ну, сдѣлай
Милость, скажи что-нибудь!“
— Нѣтъ, онъ и добрый, и смѣлый,
Только несчастный. — На грудь
Голову скрыла мамаша,
Тяжко вздыхаетъ, дрожить —
И зарыдала... А Саша
Зорко на дѣда глядитъ.
„Что же ты, мама, рыдаешь,
Слова не хочешь сказать!“
— Выростешь, Саша, узнаешь.
Лучше пойдемъ-ка гулять...

III.

Въ домѣ тревога большая.
Счастливы, свѣтлы лицомъ,
Заново домъ убирая,
Шепчутся мама съ отцомъ.
Какъ весела ихъ бесѣда!
Сынъ подмѣчаетъ, молчить.
— Скоро увидишь ты дѣда!
Сашѣ отецъ говорить...
Дѣдушкой только и бредитъ
Саша, — не можетъ уснуть:
„Что же онъ долго не ѣдетъ?“
— Другъ мой! Далекъ ему путь!
Саша тоскливо вздыхаетъ,
Думаетъ: „Что за отвѣтъ!“
Вотъ, наконецъ, пріѣзжаетъ
Этотъ таинственный дѣдъ.

IV.

Всѣ, ужъ давно поджидая,
Встрѣтили стараго вдругъ...
Благословиль онъ, рыдая,
Домъ, и семейство, и слугъ,
Пыль отряхнулъ у порога,
Съ шеи торжественно снялъ
Образъ распятаго Бога
И, покрестившись, сказалъ:
„Днесъ я со всѣмъ примирился,
Что потерпѣлъ на вѣку!“..
Сынъ предъ отцомъ преклонился,
Ноги омыль старику;
Бѣлыя кудри чесала
Дѣдушкѣ Сашина мать,
Гладила ихъ, цѣловала,
Сашу звала цѣловать.
Правой рукою мамашу
Дѣдъ обхватилъ, а другой
Гладилъ румянаго Сашу:
— Экой красавчикъ какой!
Дѣдушку пристальнымъ взглядомъ
Саша разсматриваль, — вдругъ
Слезы у мальчика градомъ
Хлынули, къ дѣдушкѣ внукъ

Кинулся: „Дѣдушка! гдѣ ты
Жиль-пропадалъ столько лѣтъ?
Гдѣ же твои эполеты,
Что не въ мундиръ ты одѣтъ?
Что на ногѣ ты скрываешь?
Ранена, что ли, рука?..“
— Выростешь, Саша, узнаешь.
Ну, поцѣлуй старика!..

V.

Повеселѣлъ, оживился,
Радостью дышетъ весь домъ.
Съ дѣдушкой Саша сдружился,
Вѣчно гуляютъ вдвоёмъ;
Ходятъ лугами, лѣсами,
Рвутъ васильки среди нивъ.
Дѣдушка древень годами,
Но еще бодръ и красивъ,
Зубы у дѣдушки цѣлы,
Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и бѣлы,
Какъ серебро борода;
Строенъ, высокаго роста,
Но какъ младенецъ глядитъ,
Какъ-то апостольски просто,
Ровно всегда говорить...

VI.

Выйдутъ на берегъ покатый
Къ русской великой рѣкѣ —
Свищетъ куликъ вороватый,
Тысячи лапъ на пескѣ;
Барку ведутъ бичевою,
Чу, бурлаковъ голоса!
Ровная гладь за рѣкою —
Нивы, покосы, лѣса.
Легкой прохладою дуетъ
Съ медленныхъ дремящихъ водъ...
Дѣдушка землю цѣлуешь,
Плачетъ—и тихо поетъ...
„Дѣдушка! что ты роняешь
Крупныя слезы, какъ градъ?..“

— Выростешь, Саша, узнаешь!
Ты не печалься—я радъ...

VII.

— Радъ я, что вижу картину
Милую съ дѣтства глазамъ.
Глянъ-ка на эту равнину —
И полюби ее самъ!
Двѣ-три усадьбы дворянскихъ,
Двадцать господнихъ церквей,
Сто деревенекъ крестьянскихъ
Какъ на ладони на ней!
У лѣсу стадо пасется —
Жаль, что скотинка мелка;
Пѣсенка гдѣ-то поется —
Жаль—неисходно горька!
Ропотъ: „подайте же руку
Бѣднымъ крестьянамъ скорѣй!“
Тысячелѣтнюю муку,
Саша, ты слышишь-ли въ ней?..
Надо, чтобъ были здоровы
Овцы и лошади ихъ,
Надо, чтобъ были коровы
Толще московскихъ купчихъ, —
Будетъ и въ пѣснѣ отрада,
Вмѣсто унынья и мукъ.
Надо ли?—„Дѣдушка, надо!“
— То-то! помни-же, внукъ!..

VIII.

Озими пышному всходу,
Каждому цвѣтику радъ,
Дѣдушка хвалитъ природу,
Гладитъ крестьянскихъ ребятъ.
Первое дѣло у дѣда
Потолковать съ мужикомъ,
Тянется долго бесѣда,
Дѣдушка скажетъ потомъ:
„Скоро вамъ будетъ не трудно,
Будете вольный народъ!“
И улыбнется такъ чудно,
Радостью весь расцвѣтетъ.

Радость его раздѣляя,
 Прыгало сердце у всѣхъ.
 То-то улыбка святая!
 То-то плѣнительный смѣхъ!

IX.

— Скоро дадутъ имъ свободу,
 Внуку старикъ замѣчалъ:
 — Только и нужно народу.
 Чудо я, Саша, видаль:
 Горсточку русскихъ сослани
 Въ страшную глушь, за расколъ,
 Волю да землю имъ дали;
 Годъ незамѣтно прошель —
 Ъдутъ туда комиссары,
 Глядь—ужь деревня стоитъ,
 Риги, сараи, амбары!
 Въ кузницѣ молотъ стучить,
 Мельницу выстроить скоро.
 Ужъ запаслись мужики
 Звѣремъ изъ темнаго бора,
 Рыбой изъ вольной рѣки.
 Вновь черезъ годъ побывали,
 Новое чудо нашли:
 Жители хлѣбъ собирали
 Съ прежде неплодной земли.
 Дома одни лишь ребята
 Да здоровенные псы,
 Гуси кричать, поросята
 Тычутъ въ корыто носы...

X.

Такъ постепенно въ полвѣка
 Выросъ огромный посадъ —
 Воля и трудъ человѣка
 Дивныя дивы творять!
 Все принялось, раздобѣло!
 Сколько тамъ, Саша, свиней,
 Передъ селеніемъ бѣло
 На полверсты отъ гусей;
 Какъ тамъ воздѣланы нивы,
 Какъ тамъ обильны стада!

Высокорослы, красивы
 Жители, бодры всегда,
 Видно—ведется копѣйка!
 Бабу тамъ холить мужикъ:
 Въ праздникъ на шей душегрѣйка —
 Изъ соболей воротникъ!

XI.

Дѣти до возраста въ нѣгѣ,
 Конь хотъ сейчасъ на заводъ,
 Въ кованой, прочной телѣгѣ
 Сотню пудовъ увезеть...
 Сыты тамъ кони-то, сыты,
 Каждый тамъ сыто живѣтъ,
 Тесомъ тамъ избы-то крыты,
 Ну, ужъ за то и народъ!
 Взросшіе въ нравахъ суровыхъ,
 Сами творять они судъ,
 Рекрутовъ ставятъ здоровыхъ,
 Трезво и честно живутъ,
 Подати платять до срока,
 Только ты имъ не мѣшай.
 „Гдѣ-жь та деревня?“—Далеко,
 Имя ей: *Тарбататъй*,
 Страшная глушь, за Байкаломъ...
 Такъ-то, голубчикъ ты мой,
 Ты еще въ возрастѣ маломъ,
 Вспомнишь, какъ будешь большой...

XII.

— Ну... а покуда подумай,
 То ли ты видишь кругомъ:
 Вотъ онъ, нашъ пахарь угрюмый,
 Съ темнымъ, убитымъ лицомъ:
 Лапти, лохмотья, шапчонка,
 Рваная сбуря; едва
 Тянетъ косулю клячонка,
 Съ голоду еле жива!
 Голодень труженикъ вѣчный,
 Голодень тоже, божусь!
 — „Эй! отдохни-ко, сердечный!
 Я за тебя потружусь?“

Глянулъ крестьянинъ съ испугомъ,
 Барину плугъ уступилъ,
 Дѣдушка долго за плугомъ,
 Потъ отирая, ходилъ;
 Сапа за нимъ торопился,
 Не успѣвалъ догонять:
 „Дѣдушка! гдѣ научился
 Ты такъ отлично пахать?
 Точно мужикъ, управляешь
 Плугомъ, а былъ генералъ!“
 — Выростешь, Сапа, узнаешь,
 Какъ я работникомъ сталъ!

XIII.

— Зрѣлище бѣдствій народныхъ
 Невыносимо, мой другъ;
 Счастье умовъ благородныхъ
 Видѣть довольство вѣсело.
 Нынче полегче народу:
 Стихъ, притаился въ тѣни
 Баринъ, прослышавъ свободу...
 Ну а какъ въ наши-то дни!

 Словно, какъ омутъ, усадьбу
 Каждый мужикъ объѣзжалъ.
 Помню ужасную свадьбу,
 Поцъ уже кольца мѣнялъ,
 Да на бѣду помолиться
 Въ церковь помѣщикъ зашелъ:
 „Кто имъ позволилъ жениться?“
 „Стой!“ и къ попу подошелъ...
 Остановилось вѣнчанье!
 Съ барипомъ шутка плоха —
 Отдалъ наглецъ приказанье
 Въ рекруты сдать жениха,
 Въ дѣвичью — бѣдную Грушу!
 И не перечилъ никто!..
 Кто же имѣющій душу
 Могъ это вынести?.. кто?..

XIV.

— Впрочемъ, не то еще было!
 И не одни господа,

Сокъ изъ народа давила
 Подлыхъ подъячихъ орда.
 Чтѣ ни чиновникъ — стяжатель,
 Съ цѣлью добычи въ походъ
 Вышелъ... а кто неприятель?
 Войско, казна и народъ!
 Всѣмъ доставалось исправно.
 Стачка, порука кругомъ:
 Смѣлые грабили явно,
 Труссы тащили тайкомъ.
 Непроницаемой ночи
 Мракъ надъ странюю висѣлъ...
 Видѣлъ — имѣющій очи
 И за отчизну болѣлъ.
 Стоны рабовъ заглушая
 Лестью да свистомъ бичей,
 Хищниковъ алчная стая
 Гибель готовила ей...

XV.

Солнце не вѣчно сілетъ,
 Счастье не вѣчно везетъ:
 Каждой странѣ наступаетъ
 Рано или поздно чередъ,
 Гдѣ не покорность тупая —
 Дружная сила нужна;
 Грянетъ бѣда роковая —
 Скажется мигомъ страна.
 Единодушье и разумъ
 Всюду дадутъ торжество,
 Да не придутъ они разомъ,
 Вдругъ не создашь ничего, —
 Краснорѣчивымъ возваньемъ
 Не разогрѣешь рабовъ,
 Не озаришь пониманьемъ
 Темныхъ и грубыхъ умовъ.
 Поздно! Народъ угнетенный
 Глухъ передъ общей бѣдой.
 Горе странѣ разоренной!
 Горе странѣ отсталой!..
 Войско одно — не защита.
 Да вѣдь и войско, дитя,
 Было въ то время забито,
 Лямку тянуло крехтя...

XVI.

Дѣдушка кстати солдата
 Встрѣтилъ, виномъ угостилъ,
 Поцѣловавши, какъ брата,
 Ласково съ нимъ говорилъ:
 „Нишче вамъ служба не бремя —
 Кротко начальство теперь...
 Ну, а какъ въ наше-то время!
 Кто ни начальникъ, то звѣрь!
 Душу вколачивать въ пятки
 Правилomъ было тогда.
 Какъ ни трудись, недостатки
 Сыщеть начальникъ всегда:
 „Есть въ маршировкѣ старанье,
 Стойка исправна совсѣмъ,
 Только замѣтно дыханье...“
 Слышишь ли?... дышуть зачѣмъ!

XVII.

А не доволенъ парадомъ,
 Ругань польется рѣкой,
 Зубы посыплотся градомъ,
 Пореть, гоняетъ сквозь строй!
 Съ пѣною ў рта обрыцеть
 Весь перепуганный полкъ,
 Жертвъ покрупнѣе прищеть
 Остервенившійся волкъ:
 „Франтики! подлыя души!
 Подъ карауломъ сгною!“
 Слушаль — имѣющій уши,
 Думушку думаль свою.
 Брань пострашнѣй караула,
 Пуль и картечи страшнѣй...
 Кто же, въ комъ честь не уснула,
 Кто примирился бы съ ней?..
 „Дѣдушка! ты вспоминаешь
 Страшное что-то?.. скажи!“
 — Выростешь, Саша, узнаешь,
 Честью всегда дорожи..

XVIII.

Дѣдъ замолчалъ и уныло
 Голову свѣсилъ на грудь.
 — Мало ли, другъ мой, что было!..
 Лучше пойдёмъ отдохнуть.
 Отдыхъ не дологъ у дѣда —
 Жить онъ не могъ безъ труда:
 Гряды копаль до обѣда,
 Переплеталь иногда;
 Вечеромъ шиломъ, иглой
 Что-нибудь бойко точаль,
 Пѣсней печальной и долгой
 Дѣдушка трудъ сокращаль.
 Внуку не проронить ни звука,
 Не отойдетъ отъ стола:
 Новой загадкой для внука
 Дѣдова пѣсня была..

XIX.

Пѣль онъ о славномъ походѣ
 И о великой борьбѣ;
 Пѣль о свободномъ народѣ
 И о народѣ-рабѣ;
 Пѣль о пустыняхъ безлюдныхъ
 И о желѣзныхъ цѣпяхъ;
 Пѣль о красавицахъ чудныхъ
 Съ ангельской лаской въ очахъ;
 Пѣль онъ объ ихъ увяданьи
 Въ дикой, далекой глуши,
 И о чудесномъ вліяньи
 Любящей женской души...
 О Трубецкой и Волконской
 Дѣдушка пѣль — и вздыхаль,
 Пѣль — и тоской вавилонской
 Келью свою оглашаль...
 „Дѣдушка, дальше!.. А гдѣ ты
 Пѣсенку вызналь свою?
 Ты повтори мнѣ куплеты —
 Я ихъ мамашѣ спою.
 Тѣ имена поминаешь
 Ты иногда по ночамъ...“
 — Выростешь, Саша, узнаешь —

Все расскажу тебѣ самъ:
Гдѣ научился я пѣнью,
Съ кѣмъ и когда я пѣвалъ...
„Ну! пріучусь я къ терпѣнью!“
Саша уныло сказала...

XX.

Часто каталися лѣтомъ
Наши друзья въ челнокѣ,
Съ громкимъ, веселымъ привѣтомъ
Дѣдъ приближался къ рѣкѣ:
— Здравствуй, красавица-Волга!
Съ дѣтства тебя я любилъ.—
„Гдѣ-жъ пропадалъ ты такъ долго?“
Саша несмѣло спросила.
— Былъ я далеко, далеко...
„Гдѣ же?..“ Задумался дѣдъ.
Мальчикъ вздыхаетъ глубоко,
Вѣчный предвиди отвѣтъ.
„Что-жъ, хорошо ли тамъ было?“
Дѣдъ на ребенка глядитъ:
— Лучше не спрашивай, милый!
(Голосъ у дѣда дрожить):
— Глухо, пустынно, безлюдно,
Степь полумертвая сплошь.
Трудно, голубчикъ мой, трудно!
По году вѣсточки ждешь,
Видишь, какъ тратятся силы —
Лучшіе божьи дары.
Близкимъ копаешь могилы,
Ждешь и своей до поры...
Медленно-медленно таешь...
„Что-жъ ты тамъ, дѣдушка, жиль?..“
— Выростешь, Саша, узнаешь!—
Саша слезу уронила...

XXI.

„Господи! слушать наскучить:
Выростешь! мать говоритъ,
Папочка любить, а мучить:
Выростешь—то же твердить!
То же и дѣдушка... Полно!

Я уже выросъ—смотри!..“
(Сталъ на скамеечку чолна)
„Лучше теперь говори!..“
Дѣда цѣлуетъ и гладитъ:
„Или вы всё за-одно?..“
Дѣдушка съ сердцемъ не сладитъ:
Бьется, какъ голубь, оно.
„Дѣдушка, слышишь? хочу я
Все непременно узнать!“
Дѣдушка, внука цѣлуя,
Шепчетъ:—Тебѣ не понять.
Надо учиться, мой милый!
Все расскажу погоди!
Пособерись-ка ты съ силой,
Зорче кругомъ погляди.
Умникъ ты, Саша, а все же
Надо исторію знать
И географію тоже. —
„Долго ли, дѣдушка, ждать?“
— Годишь, другой, какъ случится. —
Саша къ мамашѣ бѣжитъ:
„Мама! хочу я учиться!“
Издали громко кричитъ.

XXII.

Время проходитъ. Исправно
Учится мальчикъ всему —
Знаетъ исторію славно
(Лѣтъ уже десять ему),
Бойко на картѣ покажетъ
И Петербургъ, и Чигу,
Лучше большого расскажетъ
Многое въ русскомъ быту.
Глупыхъ и злыхъ ненавидитъ,
Бѣднымъ желаетъ добра,
Помнить, что слышитъ и видитъ...
Дѣдъ примѣчаетъ: пора!
Самъ же онъ часто хвораетъ,
Сталъ ему нуженъ костыль...
Скоро ужъ, скоро узнаетъ
Саша печальную былъ...

СТРАШНЫЙ ГОДЪ.

(1870)

Страшный годъ! Газетное витійство
И рѣзня, проклятая рѣзня!
Впечатлѣнья крови и убійства,
Вы въ конецъ измутили меня!

О, любовь!—гдѣ всё твои усилья?
Разумъ!—гдѣ плоды твоихъ трудовъ?
Жадный пиръ злодѣйства и насилья,
Торжество картечи и штыковъ!

Этотъ годъ готовить и для внуковъ
Сѣмена раздора и войны.
Въ мірѣ нѣтъ святыхъ и кроткихъ звуковъ,
Нѣтъ любви, свободы, тишины!

Гдѣ вражда, гдѣ трусость роковая,
Мстятая—купаются въ крови,
Стонъ стойтъ надъ міромъ не смолкая;
Только ты, поэзія святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голосъ твой, увы, безсиленъ нынѣ!
Сгибнетъ онъ, ненужный никому,
Какъ цвѣтокъ потерянный въ пустынѣ,
Какъ звѣзда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь! сомнѣнья роковья,
Какъ придти могли вы на уста?
Вѣрю, есть еще сердца живья,
Для кого поэзія свята.

Но гремѣлъ, когда они родились,
Тотъ же громъ, ручьями кровь лила;
Эти души кроткія смутились,
И, какъ птицы въ бурю, притаились
Въ ожиданьи свѣта и тепла.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПОСВЯЩЕННЫЯ РУССКИМЪ ДѢТЯМЪ.

I.

ДѢДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ.

1

Въ августѣ, около „Малыхъ Вѣжей“,
Съ старымъ Мазаемъ я билъ дупелей.

Какъ-то особенно тихо вдругъ стало,
На небѣ солище сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на немъ,
А разразилась жестокимъ дождемъ!

Прямы и свѣтлы, какъ прутья стальные,
Въ землю вонзались струи дождевыя

Съ силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись въ какой-то сарай.

Дѣти, я вамъ расскажу про Мазая.
Каждое лѣто домой прѣзжая,

Я по недѣлѣ гощу у него.
Нравится мнѣ деревенька его:

Лѣтомъ ее убирая красиво,
Изстари хмѣль въ ней родится на диво.

Вся она тонетъ въ зеленыхъ садахъ;
Домики въ ней на высокихъ столбахъ

(Всю эту мѣстность вода понимаетъ,
Такъ что деревни весною всплываетъ,

Словно Венеція). Старый Мазай
Любитъ до страсти свой низменный край.

Вдовъ онъ, бездѣтенъ, имѣетъ лишь внука,
Торной дорогой ходитъ ему—скука!

За сорокъ верстъ въ Кострому напрямкомъ
Сбѣгать лѣсами ему нипочѣмъ:

„Лѣсъ не дорога: по птицѣ, по звѣрю
Выпалить можно“.—А лѣшій? „Не вѣрю!

Разъ въ куражѣ я ихъ звалъ-поджидаль
Цѣлую ночь,—никого не видалъ!

За день грибовъ собираешь корзину,
Бѣшь мимоходомъ бруснику, малину;

Вечеромъ пѣночка нѣжно поетъ;
Словно какъ въ бочку пустую удодъ

Ухаетъ; слычъ разлетается къ ночи,
Рожки точены, рисованы очи.

Ночью... ну, ночью робѣлъ я и самъ:
Очень ужъ тихо въ лѣсу по ночамъ.

Тихо какъ въ церкви, когда отслужили
Службу и на-крѣпко дверь затворили,

Развѣ какал сосна заскрипитъ,
Словно старуха во снѣ проворчить...“

Дня не проводитъ Мазай безъ охоты.
Жилъ бы онъ славно, не зналъ бы заботы,

Кабы не стали глаза измѣнять:
Началъ частенько Мазай пуделять.

Впрочемъ, въ отчаянье онъ не приходитъ:
Выпалить дѣдушка,—заяцъ уходитъ,

Дѣдушка пальцемъ косому грозить:
„Врешь—упадешь!“ добродушно кричить.

Знаетъ онъ много рассказовъ забавныхъ
Про деревенскихъ охотниковъ славныхъ:

Кузя сломалъ у ружьишка курока,
Спичекъ таскаетъ съ собой коробокъ,

Сядетъ за кустомъ—тетерю подманить,
Спичку къ затравкѣ приложить—и гранеть!

Ходить съ ружьишкомъ другой звѣроловъ,
Носить съ собою горшокъ угольковъ.

„Что ты таскаешь горшокъ съ угольками?“
— Больно, родимый, я забоекъ руками;

Ежели зайца теперь сослѣжу,
Прежде я сяду, ружье положу,

Надъ уголочками руки погрѣю,
Да ужъ потомъ и палю по злодѣю!

Вотъ такъ охотникъ!—Мазай прибавлялъ.
Я, признаюсь, отъ души хохоталъ.

Впрочемъ, милѣй анекдотовъ крестьянскихъ
(Чѣмъ они хуже, однако, дворянскихъ?)

Я отъ Мазая рассказы слыхалъ.
Дѣти, для васъ я одинъ записалъ...

2

Старый Мазай разболтался въ сараѣ:
„Въ нашемъ болотистомъ, низменномъ краѣ
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сѣтями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вотъ тоже,—ихъ жалко до слезъ!
Только весеннія воды нахлынутъ,
И безъ того они сотнями гинутъ,—
Нѣтъ! еще мало! бѣгутъ мужики,
Ловятъ и топятъ, и бьютъ ихъ баграми.
Гдѣ у нихъ совѣсть?.. Я разъ за дровами
Въ лодкѣ поѣхалъ—ихъ много съ рѣки
Къ намъ въ половодье весной нагоняетъ —
Бѣду, ловлю ихъ. Вода прибываетъ.
Вижу одинъ островокъ небольшой—
Зайцы на немъ собралися гурьбой.
Съ каждой минутой вода подбиралась
Къ бѣднымъ звѣркамъ; ужъ подъ ними осталось
Меньше аршина земли въ ширину,

Меньше сажени въ длину.

Тутъ я подѣхалъ: лопочуть ушами,
Сами ни съ мѣста; я взялъ одного,
Прочимъ скомандовалъ: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мой,—ничего!
Только усѣлась команда косая,
Весь островочекъ пропалъ подъ водой:

„То-то!“ сказала я: „не спорьте со мной!
 Слушайте, зайчики, дѣда Мазай!“
 Этакъ гутори, плывемъ въ тишинѣ.
 Столбикъ не столбикъ, зайчишко на пнѣ,
 Лапки скрестивши, стоитъ, горемыка,
 Взялъ и его—тягота не велика!
 Только что началъ работать весломъ,
 Глядь, у куста копошится зайчиха—
 Еле жива, а толста какъ купчиха!
 Я ее, дуру, накрылъ зипуномъ—
 Сильно дрожала... Не рано ужъ было.
 Мимо бревно суковатое плыло,
 Сидя и стол, и лежа пластомъ,
 Зайцовъ съ десятокъ спасалось на немъ,
 „Взялъ бы я васъ—да потопите лодку!“
 Жаль ихъ, однако, да жаль и находку—
 Я зацѣпился багромъ за сучокъ
 И за собою бревно поволокъ...
 Было потѣхи у бабъ, ребятишекъ,
 Какъ прокатилъ я деревней зайчишекъ:
 Глянь-ко, что дѣлаетъ старый Мазай!“
 Ладно! любуйся, а намъ не мѣшай!
 Мы за деревней въ рѣкѣ очутились.
 Тутъ мои зайчики точно сбѣсились:
 Смотрятъ, на заднія лапы встаютъ,
 Лодку качаютъ, грести не даютъ:
 Берегъ завидѣли плуты косые,
 Осимъ, и рошу, и кусты густые!..
 Къ берегу плотно бревно я пригналъ,
 Лодку причалилъ—и „съ Богомъ!“ сказала...

И во весь духъ

Пошли зайчишки.

А я имъ: „у-ухъ!

Живѣй, звѣришки!

Смотри, косой,

Тенерь спасайся,

А чуръ зимой

Не попадайся!

Прицѣлюсь--бухъ!

И ляжешь... Уу-хъ!..

Мигомъ команда моя разбѣжалась,
 Только на лодкѣ двѣ пары осталось—
 Сильно измогли, ослабли; въ мѣшокъ
 Я ихъ поклялъ—и домой приволокъ,

За ночь большые мои отогрѣлись;
 Высохли, выспались, плотно наѣлись;
 Вынесъ я ихъ на лужокъ; изъ мѣшка
 Вытряхнулъ, ухнулъ—и дали стречка!

Я проводилъ ихъ все тѣмъ же совѣтомъ:

„Не попадайтесь зимой!“

Я ихъ не бью ни весною, ни лѣтомъ,

Шкура плохая,—линяетъ косой...

II.

СОЛОВЬИ.

Качая младшаго сынка,
 Крестьянка старшимъ говорила:
 „Играйте, дѣтушки, пока!
 Я сарафанъ почти дошила;

„Сейчасъ бурѣнку обряжу,
 Коня навяжемъ травку кушать!
 И васъ въ ту рожицу свожу—
 Пойдемъ соловушекъ послушать.

„Тамъ ихъ, что въ кузовѣ груздей,
 —Да не мѣшай же мнѣ, проказникъ!—
 У насъ нѣтъ мѣста веселѣй;
 Весною, дѣти, каждый праздникъ

„По вечерамъ туда идутъ
 И старъ и молодъ. На полянѣ
 Дѣвицы красныя поютъ,
 Гуторятъ пьяные крестьяне.

„А въ рождѣ, милые мои,
 Подъ разговоръ и смѣхъ народа
 Поютъ и свищутъ соловьи
 Звончѣй и слаще хоровода!

„И хорошо и любо всеѣмъ...
 Да только—(Климъ, не трогай Сашу!)—
 Чуть-чуть соловушки всеѣмъ
 Не разлюбили рошу нашу:

„Вѣдь нашъ-то курскій соловей
 Въ цѣнѣ,—тутъ много ихъ ловили,

Ну, испугалися сѣтей,
Да мимо насъ и прокатили!

„Пришла, рассказывалъ вашъ дѣдъ,
Весна, а роща какъ нѣмая,
Стоить — гостей залетныхъ нѣтъ!
Взяла крестьянъ тоска большая.

„Ужъ вотъ и праздникъ наступилъ
И на полянѣ погуляли,
Да праздникъ имъ не въ праздникъ былъ!
Крестьяне бороды чесали.

„И положили межъ собой —
Умѣлъ же Богъ на умъ наставить —
На той полянѣ, въ рощѣ той
Сѣтей, силковъ во вѣкъ не ставить.

„И понемногу соловьи
Опять привыкли къ рощѣ нашей
И нынче, милые мои,
Имъ мѣста нѣтъ любѣй и краше!

„Туда съ сѣтями сколько лѣтъ
Никто и близко не подходитъ,
И строго-на-строго запретъ
Отъ дѣда къ внуку переходить.

„За то весной весь лѣсъ гремитъ!
Что́ день, то новый хоръ прибудеть...
Подъ пѣсни ихъ деревня спить,
Ихъ пѣсня насъ поутру будить...

„Запомнить надобно и вамъ,
Избави Богъ, тутъ ставить сѣти!
Вѣдъ надо-жъ бѣднымъ соловьямъ
Дать гдѣ-нибудь и отдыхъ, дѣти...“

Середній сынъ кота дразнилъ,
Меньшой ползъ матери на шею,
А старшій съ важностью спросилъ,
Кубарь пуская передъ нею:

— А есть ли, мама, для людей
Такія рощицы на свѣтѣ? —
„Нѣтъ мѣстъ такихъ... безъ податей
И безъ рекрутчины нѣтъ, дѣти.

„А еслибъ были для людей
Такія рощи и полянки,
Всѣ на рукахъ своихъ дѣтей
Туда бы отнесли крестьянки...“

НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ.

А. Н. ЕР—ВУ.

I.

Нынче скромень нашъ клубъ именитый,
Рѣдки въ немъ и не громки пиры.
Гдѣ ты, время ухи знаменитой?
Гдѣ ты, время безумной игры?
Воротили бы, еслибъ могли мы,
Но, увы! не воротись ты!
Прежде были легко уловимы
Характерныя клуба черты:
Въ молодомъ поколѣннѣи — фатство,
Въ старикахъ, если смѣю сказать,
Застарѣлой тоски тунелдства,
Самодурства и лѣни печать.
А теперь элементъ старо-барскій
Вытѣсняется быстро: въ швейцарской
Ужъ лакеи не спятъ по стѣнамъ;
Измѣнились и люди, и нравы,
Только старше наши уставы
Неизмѣнны, на зло временамъ.
Да Крыловъ роковымъ перемѣнамъ
Не подвергся (во время онѣ
Старшій дѣдушка былъ у насъ членомъ,
Бюсть его завели мы давно)...

Прежде всякая новость отсюда
Разносилась въ другіе кружки;
Мы не знали, что́ думать, покуда
Не заявятъ тузы-старики,
Какъ смотрѣть на такое-то дѣло,
На такую-то мѣру; ключомъ
Самобытная жизнь здѣсь кипѣла,
Клубъ снабжалъ всю Россію умомъ...

Не у насъ ли впервые раздался
Слухъ (то было въ тридцатыхъ годахъ),
Что въ Совѣтѣ вопросъ обсуждался:
Есть ли польза въ желѣзныхъ путяхъ?
— Что-жь, признали? до новостей лакомъ,
Я спросилъ у туза-старика:
„Остается покрытая лакомъ
Резолюція въ тайнѣ пока...”

Крѣпко въ душу запавшее слово
Также здѣсь услыхалъ я впервой:
„Привезли изъ Москвы Полевова...
Возвращаясь въ тотъ вечеръ домой,
Думалъ я невеселыя думы
И за трудъ неохотно я сѣлъ.
Тучи на небѣ были угрюмы,
Вѣтеръ что-то насмѣшливо пѣлъ.
Напѣвалъ онъ тогда безъ сомнѣнья:
„Не такія еще поощренья
Встрѣтишь ты на пути роковомъ“,
Но не понялъ я пѣсенки простоу,
У Цѣпного безсмертнаго мосту
Мнѣ ее пояснили потомъ...”

Получивъ роковую повѣстку,
Сбрилъ усы и пошелъ я туда.
Снявъ съ сѣдой головы своей феску
И почтительно стоя, тогда
Генераль прочиталъ мнѣ бумагу...
Я въ отвѣтъ заикнулся сказать:
— Еслибъ даже имѣлъ я отвагу
Столько дерзкихъ вещей написать,
То цензура... — „Къ чему оправданья?
Императоръ помиловалъ васъ,
Но смотрите! Какого вы званья?“
— Дворянинъ. — „Пробѣгалъ я сейчасъ
Вашу книгу: свободы крестьянства
Вы хотите? На что же тогда
Пригодится вамъ ваше дворянство?..
Завираетесь вы, господа!
За опасное дѣло беретесь,
Бросьте! бросьте!.. Ну, Богъ васъ прости!
Только знайте: еще попадетесь,
Я не въ силахъ васъ буду спасти...”

А война? До царя не скорѣе
Доходили извѣстья о ней:
Гдѣ уронъ отзывался сильнѣй?
Кто побѣду справлялъ веселѣй?
Прискакавшаго прямо изъ боя
Здѣсь не разъ мы видали героя
Въ дни, какъ буря кипѣла въ Крыму.
Помню, какъ мы внимали ему:
Мы къ рассказчику густо тѣснились
И героевъ войны имена
Въ нашу память глубоко ложились,
Впрочемъ, намъ измѣнила она!
Замѣчательно странное свойство
Въ насъ суровый нашъ климатъ развилъ —
Забываемъ явившихъ геройство,
Помнимъ тѣхъ, кто себя посрамилъ:
Кто нагрѣлъ свои гнусныя руки,
У солдатъ убавляя паекъ,
Кто, внимая предсмертныя муки,
Пряталъ русскую корнію въ прокъ
И потомъ продавалъ англичанамъ, —
Всѣхъ и мелкихъ, и крупныхъ воровъ,
Отдыхающихъ съ полнымъ карманомъ,
Не забудемъ во вѣки вѣковъ!

Всѣ, къѣмъ славилась наша столица,
Здѣсь, бывали: куда ни взгляни —
Именитыя, важныя лица.
Здѣсь, я помню въ парадные дни
Страненъ былъ среди знати высокой
Человѣкъ безъ звѣзды на груди.
Гость-помѣщикъ изъ глуши далекой
Только ротъ развѣвай да гледи:
Здѣсь посланники всѣхъ государей,
Здѣсь банкиры съ тугимъ кошелькомъ,
Цвѣтъ и соль министерствъ, канцелярій,
Откупные тузы, — и притомъ
Симметрия разсчитана строго:
Много здѣсь и померкнувшихъ звѣздъ,
Говори прозаичнѣе: много
Генераловъ, лишившихся мѣсть...

Зажигалися сотнями свѣчи,
Накрывались пышно столы,
Говорилися парадныя рѣчи...

Говорили министры, послы;
 Наши Фоксы и Роберты Пили
 Здѣсь за благо отечества пили,
 Здѣсь бывали интимны они...

Есть и нынче парадные дни,
 Но пропала ихъ важность и сила.
 Время нашего клуба прошло,
 Жизнь теченье свое измѣнила,
 Какъ рѣка измѣняетъ русло...

II.

Очень жаль, что тогдашнихъ обѣдовъ
 Не могу я достойно воспѣть,
 Тутъ бы нуженъ второй Грибоѣдовъ...
 Впрочемъ, Муза! не будемъ робѣть!
 Начинаю.

— Москва. День субботній.
 (Петербургъ не лишень ѣздоковъ,
 Но въ Москвѣ грандіознѣй, животнѣй
 Этотъ типъ). Среди полныхъ столовъ
 Вотъ рядкомъ старики-обѣдалы:
 Впятеромъ имъ четыреста лѣтъ,
 Видъ ихъ важень, чины ихъ не малы,
 Толщиною же равныхъ имъ нѣтъ.
 Раздражаясь изъ каждой бездѣлки,
 Порипають неловкость слуги,
 И отъ жадности, вмѣсто тарелки,
 На салфетку валяютъ пироги;
 Шевелясь какъ осеннія мухи,
 Лють, роняють,—безпамятны, глухи;
 Взоръ ихъ медленъ, безцвѣтенъ и тупъ.
 Скушавъ супъ, старина засыпаетъ
 И, проснувшись, слугу вопрошаетъ:
 „Человѣкъ! подавалъ ты мнѣ супъ?..“
 Впрочемъ, честь ихъ чужда укоризны:
 Добывали мѣста для родни
 И въ сенатѣ на пользу отчизны
 Подавали свой голосъ они.
 Жаль, ужъ ихъ потеряла Россія
 И оплакалъ москвичъ отъ души:
 Подкосила ихъ „ликантропія“,
 Ихъ заѣли подкожные вши...

— Петербургъ. Вотъ питухъ престарѣлый,
 Я такъ живо припомнилъ его!
 Окруженъ батареєю цѣлой
 Разныхъ винъ, онъ не пьетъ ничего.
 Пить любилъ онъ; я думаю, море
 Выпилъ въ долгую жизнь; но давно
 Пить ему запретили (о, горе!..)
 Старый грѣшникъ играетъ въ вино:
 Наслажденье его роковое
 Нюхать, чмокать, къ свѣчѣ подносить
 И разъ двадцать вино дорогое
 Изъ стакана въ стаканъ перелить.
 Перельеть—и воды подмѣшаетъ,
 Поглядитъ и опять перельеть,
 Кто послушаетъ, какъ онъ вздыхаетъ,
 Тотъ мученія старца пойметъ.
 „Выпить, что ли?“—Опаснѣе ада
 Вамъ вино! закричалъ ему врачъ...
 „Ну, не буду! не буду, палачъ!“
 Это сцена изъ Дантова „Ада“...

Рядомъ юноша стройный, красивый,
 Схожій въ профиль съ великимъ Петромъ,
 Наблюдаетъ съ усмѣшкой лѣнливой
 За сосѣдомъ своимъ чудакемъ.
 Этотъ юноша самъ возбуждаетъ
 Много мыслей: онъ такъ еще младъ,
 Что въ приемахъ большимъ подражаетъ:
 Приправляетъ кайеномъ салатъ,
 Портеръ пьетъ, объѣдается мясомъ;
 Наливая съ эффектомъ вино,
 Замѣчаетъ искусственнымъ басомъ: —
 Отчего перегрѣто оно?

Очень миль этотъ юноша свѣжій!
 Мѣтокъ на слово, въ дѣлѣ удалъ,
 Онъ ужъ былъ на охотѣ медвѣжьей
 И медвѣдь ему ребра помялъ,
 Но Серѣжа осилилъ медвѣдя.
 Кстати тутъ онъ узналъ и друзей:
 Убѣжали и Миша, и Федя,
 Не бѣжалъ только егеръ—Корней.
 Это въ немъ скептицизмъ породило:
 „Люди—свинья!“ Серѣжа рѣшилъ,

И по своему мѣтко и мило
Всѣхъ знакомыхъ своихъ окрестилъ.

Знаменитъ этотъ юноша русскій:
Отчеканено имя его
На подаркахъ всей труппы французской!
(Говорятъ, миллионъ у него).
Признакъ русской широкой природы —
Жажду выдвинуть личность свою
Насыщаетъ онъ въ юные годы
Удалствомъ въ рукопашномъ бою,
Гомерической, дикой попойкой,
Приводящей въ смятеніе трактиръ,
Да игрой, да отчаянной тройкой;
Онъ своей молодежи кумиръ,
Съ нимъ хорошее общество дружно
И онъ счастливъ, доволенъ собой,
Полагая, что больше не нужно
Ничего человѣку. Другъ мой!
Маловато прочесть два романа
Да поэму „Монго“ изучить
(Эту шалость поэта-улана),
Чтобъ разумно и доблестно жить!
Недостаточно ухореки править,
Мчась на бѣшеной тройкѣ стремглавъ,
Двадцать тысячъ на карту поставить
И глазкомъ не моргнуть проигравъ —
Есть иное величіе въ мірѣ,
И не торный ведетъ къ нему путь,
Человѣку прекраснѣй и шире
Можно силы свои развернуть!

Если гордость, похвальное свойство,
Ты насытишь рутиннымъ путемъ,
И недремлющій духъ безпокойства
Разрѣшится однимъ кутежомъ;
Если съ жизни получишь ты мало,
Не судьба тому будетъ виной:
Ты другого не зналъ идеала,
Не провидѣлъ ты цѣли иной!

Впрочемъ, быть генераль-адъютантомъ,
Украшенія носить на груди
Съ мѣньшимъ знаніемъ, съ мѣньшимъ талан-
томъ

Можно... Свѣтель твой путь впереди!
Не одно, цѣлѣхъ три состоянья
На своемъ ты вѣку проживешь:
Какъ не хватить отцовъ достоянья,
Ты жену съ миллиономъ возьмешь;
А потомъ ты повисышься чипомъ —
Подоспѣетъ казенный окладъ.
По такимъ-то разумнымъ причинамъ
Твоему я бездѣйствію радъ!

Жаль одно: на пустыя приманки,
Милый юноша, ловишься ты,
Отвратительны эти цыганки,
А друзья твои—точно скоты.
Ты, чей образъ въ порывѣ желанья
Ловить женщина страстной мечтой,
Ищешь ты покупного лобзанья,
Ты бѣжишь за продажной красой!
Ты у старцевъ, чьи игры на ватѣ,
У кого разжиженіе въ крови,
Отбиваешь съ оркестромъ кровати!
Ты—не знаешь блаженства любви?..

Очень милы балетныя феи,
Но не стоятъ хорошихъ цвѣтовъ,
Украшать скаковые трофеи
Годны только твоихъ кучеровъ.
Тѣ же деньги и то же здоровье
Могъ бы ты поумнѣе убить,
Не хочу я впадать въ пустословье
И о честномъ трудѣ говорить.
Не лѣнивъ человѣкъ современный,
Но на что расточается трудъ?
Чѣмъ работать для цѣли презрѣнной,
Лучше пусть эти баловни пьютъ...

Зналъ я юношу: въ немъ сочетались
Дарованье, ученость и умъ,
Сочиненія его покупались,
А одно даже сдѣлало шумъ.
Но, къ несчастію, былъ онъ помѣшанъ
На комфортъ—столичный недугъ, —
Каждый часъ его жизни былъ взвѣшенъ,
Вѣчно было ему недосугъ:

Чтоб приставить кушетку къ камину,
 Чтоб друзей угощать за столомъ,
 Онъ по мѣсяцу, сгорбивши спину,
 Изнывалъ за постылымъ трудомъ.
 Знаю самъ, говорилъ онъ частенько,
 Что на лучшее дѣло гожусь,
 Но устроюсь сперва хорошенько,
 А потомъ и серьёзно займусь.
 Суетился, спѣшилъ, торопился,
 Въ день по нѣскольку лекцій читалъ;
 Секретарствовалъ гдѣ-то, учился
 Въ то же время; статейки писалъ...
 Такъ трудясь неразборчиво, жадно,
 Раздробившись на тысячу дѣлъ,
 Ничего онъ не сдѣлалъ изрядно,
 Да и самъ-то пожить не успѣлъ,
 Не потѣшилъ ни Бога, ни чорта,
 Не увлекся ничѣмъ никогда,
 И безмысленной жертвой комфорта
 Паль—подъ игомъ пустого труда!

Зналъ я мужа: командой пожарной
 И больницу онъ заправлялъ,
 Къ дыму, къ пламени въ банѣ угарной
 Онъ нарочно солдатъ приучалъ.
 Вѣчно ревностный, вѣчно не спящій,
 Столько дѣлалъ фальшивыхъ тревогъ,
 Что случится пожаръ настоящей—
 Смотришь, лошади, люди безъ ногъ!
 „Смирно! кутай башку въ одѣяло!“
 Въ лазаретѣ кричатъ фельдшера:
 Настежь форточки— ждуть генерала,—
 Вся больница въ тревогѣ съ утра.
 Генералъ на минуту пріѣдетъ,
 Смотришь: къ вечеру въ этотъ денёкъ
 Десять новыхъ горячечныхъ бредить,
 А иной и умереть подь шумокъ...

Зналъ я старца: въ душѣ его бѣдной
 Поселился паническій страхъ,
 Что погубить насъ Западъ зловредный.
 Блѣдный, худенькій, въ синихъ очкахъ,
 Онъ недавно еще попадался
 Въ книжныхъ лавкахъ, въ кофейныхъ домахъ,

На журналы, на книги бросался,
 Съ карандашикомъ вѣчно въ рукахъ:
 Поясненья, замѣтки, запросы
 Составлялъ трудолюбецъ-старикъ,
 Онъ на вывѣски даже доносы
 Сочинялъ, если не было книгъ.
 Всѣ его инстинктивно дичились,
 Былъ онъ грязенъ, жилъ въ крайней нуждѣ,
 И зловѣщіе слухи носились
 Объ его безкорыстномъ трудѣ.

Взволновался Парижъ безпокойный,
 Наступили февральскіе дни,
 Самъ ты знаешь, читатель достойный,
 Какъ у насъ отразились они.
 Подоспѣло удобное время
 И въ комиссію мрачный доносъ
 На погибшее блудное племя
 Въ три приѣма доносчикъ принесъ.
 И вѣщаль онъ властямъ предержажимъ:
 „Многолѣтній сей трудъ разсмотри
 И мечомъ правосудья разящимъ
 Буесловія гидру сотри!..“
 Судь отказомъ его не обидѣлъ,
 Но старикъ уже слишкомъ навралъ:
 Демагога въ Булгаринѣ видѣлъ,
 Робеспьеромъ Сенковского звалъ.
 Возвратили!.. Въ тоскѣ безысходной
 Старецъ скорбныя очи смежилъ,
 И Линяевъ, сатирикъ холодный,
 Эпитафію старцу сложилъ:
 „Здѣсь обрѣлъ даровую квартиру
 „Мужъ злокачественъ, подль и плышивъ,
 „И оставилъ въ насмѣдіе міру
 „Образцовыхъ доносовъ архивъ“.
 Такъ погибъ бесполезно, безслѣдно
 Трудъ почтенный; не правда-ли, жаль?

„Иногда и лѣниться не вредно“,
 Такова этихъ притчей мораль...

III.

Время въ клубъ воротиться, къ обѣду...
 Нѣтъ, ужь поздно! Обѣдъ при концѣ,
 Слишкомъ мы протянули бесѣду
 О Серѣжѣ, лихомъ молодцѣ.
 Стариковъ полусонная стая
 Съ мѣстъ своихъ тяжело поднялась,
 Животами другъ друга толкая,
 До дивановъ кой-какъ доплелась.
 Закуривъ дорогія сигары,
 Неиграющій людъ на кружки
 Раздѣлился; пошли тары-бары...
 (Козыряютъ давно игроки).

Нынче множество темъ для витійства,
 Утромъ только газеты взгляни—
 Интересныя кражи, убійства,
 Но газеты молчали въ тѣ дни.
 Никакихъ „современныхъ вопросовъ“,
 Слуховъ, толковъ, живыхъ новостей,
 Исключенье одно: для доносовъ
 Допускалось. Доносчикъ Авдей
 Представлялся исчадіемъ ада
 Въ добродушныя тѣ времена,
 Вообще же, въ стѣнахъ Петрограда,
 По газетамъ, была тишина.
 Въ остальной необъятной Россіи
 И подавно! Своимъ чередомъ
 Шли дожди, бунтовали стихіи,
 А народъ... мы не знали о немъ.
 Правда, дикія, смутныя вѣсти
 Долетали до насъ иногда
 О мужицкой расправѣ, о мести,
 Но не вѣрилось какъ-то тогда
 Мрачнымъ слухамъ. Покой нарушался
 Только голодомъ, моромъ, войной,
 Да случайно въ просакъ попадался
 Колоссальный ворище порой—
 Тутъ молва создавала поэмы,
 Оживало все общество вдругъ...
 А затѣмъ, обиходныя темы
 Сокращали нашъ мирный досугъ.

Двѣ бутылки бордо уничтожа,

Не касаясь общественныхъ дѣлъ,
 О борзыхъ, о лореткахъ Серѣжа
 Говорить безподобно умѣлъ:
 Берты, Мины и прочія... дуры
 Въ живописномъ разсказѣ его
 Соблазнительный самой природы
 Выходили. Но лучше всего
 Онъ дразнилъ петербургскихъ актеровъ
 И жеманныхъ французскихъ актрисъ.
 Темой самыхъ живыхъ разговоровъ
 Были скачки, парадъ, бенефисъ.
 Въ офицерскомъ кругу говорили
 О тугомъ производствѣ своемъ
 И о томъ, чьи полки побѣдили
 На маневрахъ подъ Краснымъ-Селомъ:
 — Вѣрно явится завтра въ приказѣ
 Благодарность войскамъ, господа:
 Самъ фельдмаршалъ воскликнулъ въ экстазѣ:
 „Подавайте Европу сюда!..“
 Тутъ же шли безконечныя споры
 О дуэли въ такомъ-то полку
 Изъ-за Клары, Арнасъ, или Лоры,
 Да шептались стихи въ уголку
 На игривыя, милыя темы...
 (Можетъ быть, вамъ знакомы они?..)

Интересами личными всѣ мы
 Занимались больше въ тѣ дни.
 Впрочемъ, были у насъ руссофилы
 (Тѣ, что видѣли въ нѣмцахъ враговъ),
 Наѣзжали къ намъ славянофилы,
 Свѣтскій типъ ихъ тогда былъ таковъ:
 Въ Петербургѣ шампанское съ квасомъ
 Попивали изъ древнихъ ковшей,
 А въ Москвѣ восхваляли съ экстазомъ
 До-Петровскій порядокъ вещей,
 Но, живя за границей, владѣли
 Очень плохо роднымъ языкомъ
 И понятыя они не имѣли
 О славянскомъ призваньи своемъ.
 Я однажды смѣялся до коликъ,
 Слыша, какъ князь NN говорилъ:
 — „Я, душа моя, славянофилъ“.
 — А религія ваша?— „Католикъ“.

Не задѣты ничѣмъ за живое,
 Всякій споръ мы бросали легко,
 Вотъ за картами,—дѣло другое! —
 Волновались мы тутъ глубоко.
 Чу! какой-то игрокъ крутонравный,
 Проклиная несчастье, гремитъ;
 Чу! нашъ другъ, путешественникъ славный,
 Монотонно и дерзко ворчитъ;
 Духъ какой-то враждой непонятной
 За игрой омрачается въ немъ;
 Человѣкъ онъ весьма деликатный
 Съ добрымъ сердцемъ, съ развитымъ умомъ,
 Несомнѣннымъ талантомъ владѣя,
 Онъ прославился книгой своей,
 Онъ изъ Африки негра-лакея
 Вывезъ (очень хорошій лакей,
 Впрочемъ, смысла въ подобныхъ затѣяхъ
 Я не вижу: по волѣ судьбы
 Петербургъ недостатка въ лакеяхъ
 Никогда не имѣлъ)... Но свирѣпъ
 Онъ въ игрѣ, какъ гѣна: осадокъ
 Отъ сибирскихъ лихихъ непогодъ,
 Отъ египетскихъ злыхъ лихорадокъ
 И отъ всякихъ житейскихъ невзгодъ
 Онъ бросаетъ въ лицо партнерѣ
 Такъ язвительно, тонко и зло,
 Что игра прекращается скоро,
 Какъ бы жертвѣ его ни везло...

Генераль съ поврежденной рукою
 Также здѣсь на лицо; до сихъ поръ
 Отъ него еще дышетъ войною,
 Пахнетъ дымомъ Оедохинныхъ горъ.
 Въ немъ героя война отличила,
 Но игрокъ навсегда пострадалъ:
 Пуля пальцы ему откусила...
 Праздно бродить съдой генераль!

Въ тѣснотѣ, доходящей до давки,
 Весь въ камняхъ, подруманенъ, завить,
 Принимающій всякія ставки
 За столомъ миллионщикъ сидитъ:
 Тутъ идутъ смертоносныя схватки.
 Отъ надменныхъ игорныхъ тузовъ

До копѣчныхъ трехъ игроковъ —
 (Называемыхъ: *терцъ отъ девятки*)
 Всѣ участвуютъ въ этомъ бою,
 Горячась и волнуясь не мало...
 (Тутъ и я, мой читатель, стою
 И пытаю фортуны, бывало)...
 При счастливой игрѣ не хорошъ,
 Жадень, дерзковъ богачъ-старичишка,
 Придирается, спорить за грошъ,
 Радъ удачѣ своей, какъ мальчишка,
 Но за то при несчастьи онъ милъ!
 Онъ, бывало, насъ много смѣшилъ...
 При несчастьи вздыхалъ онъ нервически,
 Потиралъ раскраснѣвшійся носъ
 И пѣвалъ про себя иронически:
 „Веселись, храбрый Россъ!..“

Бой оконченъ, старикъ удаляется,
 Взявъ добычи порядочный пукъ...
 За три комнаты слышно: стукъ! стукъ!
 То не каменный гость приближается...
 Стукъ! стукъ! стукъ! равномерно стучить,
 Словно ступа, нога деревянная:
 Входитъ старый, съдой инвалидъ,
 Тоже личность престранная...

.
 Муза! ты отступаешь отъ плана!
 Общій очеркъ затѣяли мы,
 Такъ не тронь же, мой другъ, ни Ивана,
 Ни Луки, ни Оомы, ни Кузумы!
 Дорисуй впечатлѣнье—и мирно
 Удались, не задѣвъ единицъ!
 Да, играли и купали жирно,
 Много было типическихъ лицъ, —
 Но прислѣвшія дружно реформы
 Дали обществу новыя формы...

IV.

Благодатное время надеждъ!
 Да! прошедшимъ и ты уже стало!
 Къ удовольствію дикихъ невѣждъ,
 Ты обѣтовъ своихъ не сдержало.
 Но шума и куда-то спѣша
 И какъ будто оковы сбивая,

Русь! была ты тогда хороша!
 (Разумѣть надо: Русь городская)
 Какъ невольникъ, покинувъ тюрьму,
 Разгибается, вольно вздыхаетъ,
 И, не вѣря себѣ самому,
 Богатырскую мощь ощущаетъ,
 Ты казалась сильна, молода,
 Къ Правдѣ, къ Свѣту, къ Свободѣ стремилась,
 Въ прегрѣшеніяхъ тяжкихъ тогда,
 Какъ блудница, ты громко вишилась,
 И казалось намъ въ первые дни:
 Повториться не могутъ они...

Приводя наше прошлое въ ясность,
 Проклиная безправье, безгласность,
 Произволь и господство бича,
 Далеко мы зашли сгоряча!
 Между тѣмъ, какъ народъ неразвитый
 Ълъ кору и молчалъ, какъ убитый,
 Мы сердечно болѣли о немъ,
 Мы зывали: „даруйте свободу
 Угнетенному нами народу,
 Мы прошедшее сами клянемъ!
 Посмотрите на насъ: мы обжоры,
 Мы ходячіе трупы, гробы,
 Казнокрады, народныя воры,
 Угнетатели, трусы, рабы!“
 Походя на толпу сумасшедшихъ,
 На самихъ себя вьющихъ бичи,
 Сознаваться въ недугахъ прошедшихъ
 Были мы до того горячи,
 Что превысили всякую мѣру...
 Крылось чтó-то неладное тутъ,
 Но не вдругъ потеряли мы вѣру...
 Призывая на дѣло, на трудъ,
 Понялъ горькую истину съ-разу
 Только юноша-геній тогда,
 Произнесшій безсмертную фразу:
 „Въ настоящее время, когда...“

Дѣло двинулось... волею власти...
 И тогда-то во всей наготѣ
 Обнаружились личныя страсти
 И послышались рѣчи—не тѣ:

„Это ядъ, ужъ давно отравлявшій
 „Наше общество, силу забрала!“
 Восклидалъ, словно съ неба упавшій,
 Суясь всюду, сморчокъ-генераль
 (Какъ цвѣты, что въ ночи распускаются,
 Эти люди въ чинахъ повышаются
 Въ строгой тайнѣ,—и въ жизни потомъ
 Съ непонятнымъ апломбомъ являются
 Въ роковомъ ореолѣ своемъ).
 „Со времянь Петрашевскаго строго
 „За развитьемъ его я слѣдилъ,
 „Я намѣтилъ поборниковъ много,
 „Но... напрасно я трудъ погубилъ!
 „Горе! горе! Имѣю сынишку,
 „Тяжкой службой, безсоннымъ трудомъ
 „Приобрѣлъ я себѣ деревнишку...
 „Чтó-жъ... пойду я теперь нагишомъ?..
 „Любо вамъ рисоваться, мальчинки!
 „А со мной-то чтó сдѣлали вы?..“

Еслибъ только такіе людишки
 Порицали реформу... увы!
 Радикалы вчерашніе тоже
 Восклицали: „чтó будетъ?.. о, Боже!..
 Уступать не хотѣли земли...
 (Впрочемъ,—надо замѣтить,—не много,
 Разбирая прошедшее строго,
 Мы бы явныхъ протестовъ начли:
 По обычаю мудрыхъ холоповъ,
 Мы держалися больше подкоповъ
 Или рабски за временемъ шли)...

Нѣкто, слывшій по службѣ за генія
 Генераль Фердинандъ фонъ-дербъ-Шпехтъ
 (Объ отводѣ лѣсовъ для сѣченія
 Подававшій обширный проектъ),
 Намъ предсказывалъ бунты народныя
 („Чтó, не правъ я?..“ потомъ онъ кричалъ).
 — Все они! все мальчишки негодныя!
 Негодующій хоръ повторялъ.

Та вражда къ молодымъ поколѣньямъ
 Здѣсь начальныя корни взяла,
 Что впоследствии дикимъ явленьемъ
 Въ нашу жизнь такъ глубоко вошла.

Учрежденнымъ тогда комигетамъ
 Потерявшіе умъ старики
 Посылали, сердясь не по лѣтамъ,
 Брань такую: „мальчишки! ценки!..
 (Тамъ дѣйствительно люди засѣли
 Съ среднимъ чиномъ, безъ лентъ и безъ звѣздъ,
 А инше тузы полетѣли
 Въ то же время съ насиженныхъ мѣстъ).
 Не щадя даже сына родного,
 Уничтожить иной былъ готовъ,
 За усмѣшку, за рѣзкое слово,
 Безбородыхъ, безусыхъ бойцовъ;
 Ихъ ошибки встрѣчались шипѣньемъ,
 Ихъ несчастье — скаканьемъ и пѣньемъ:
 „Ну! теперь-то припрутъ молодцовъ!
 Лѣзутъ на стѣну, корчатъ Катоновъ;
 Посѣвають идеи Прудоновъ,
 А пугни — присмирѣтъ любой,
 Станетъ пѣтъ превосходство неволи...“

Правда, правда народъ молодой
 Бралъ подъ часъ непосильныя роли.
 Но молчать бы вамъ лучше, глушцы,
 Да рѣшеньемъ вопроса заняться:
 Таковы ли бываютъ отцы,
 Отъ которыхъ герои родятся?..

Клубу нашему тоже на долю
 Непріятностей выпало вволю.
 Чуть тронѹлся крестьянскій вопросъ
 И порядокъ нарушился древній,
 Стали „плохо писать изъ деревни„.
 — Не сыграть ли въ картишки? “На чтѣ-съ?”
 Отвѣчалъ вопрошаемшій грубо:
 „Своротили вы, сударь, съ-ума!..
 Члены мирно дремавшаго клуба
 Раздѣлились; пошла кутерьма:
 Крѣпостникъ, находя незаконной,
 Откровенно реформу бранилъ,
 А въ отвѣтъ якобинецъ салонный
 Говорилъ, говорилъ, говорилъ...“

Самъ себѣ съ наслажденьемъ внимая,

Формируя парламентскій слогъ,
 Всѣмъ недугамъ родимаго края
 Подводил онъ жестокой итогъ;
 Человѣкомъ идей прогрессивныхъ
 Не безъ цѣли стараясь прослыть,
 Убѣждалъ старикашекъ наивныхъ
 Встрепенуться и Русь полюбить!
 Все отдать для отчизны священной,
 Умереть, если такъ суждено!..
 Ты не пой соловей современный!
 Эту пѣсню мы знаемъ давно!
 Осуждаешь ты старое смѣло,
 Недоволенъ и новымъ слегка,
 Ты способенъ и доброе дѣло
 Между фразами сдѣлать пока;
 Ты теперь еще шуткою дерзкой
 Иногда подлеца оборвешь,
 Но получишь ты ключъ камергерскій
 И уста имъ на вѣки запрешь!
 Пуще тѣхъ „гуртовыхъ“ генераловъ,
 Надъ которыми нынѣ остришь,
 Станешь ты нажимать либераловъ,
 Съ ними всякую связь прекратишь, —
 Этимъ ты стариковъ успокоишь
 И помогутъ тебѣ старики.
 Ловко ты свое зданіе строишь,
 Мастерски разставляешь силки!..

Словомъ, мирные дни миновали,
 Много выбыло членовъ тогда,
 А инше ходить перестали,
 Остальныхъ раздѣляла вражда.
 Хоръ согласный — сталъ дикъ и нестроенъ,
 Ни игры, ни богатыхъ пировъ!
 Лишь одинъ оставался спокоенъ —
 Это дѣдушка мѣднй Крыловъ:
 Не бездушнымъ глядѣлъ истуканомъ,
 Онъ лукавымъ сатиромъ глядѣлъ,
 Игрокамъ, бюрократамъ, дворянамъ
 Онъ, казалось, насмѣшливо пѣлъ:

„Полно вамъ — благо сами вы цѣлы —
 О надѣлахъ своихъ толковать,
 Смерть придетъ — уравниаетъ надѣлы!
 Если вамъ мудрено уравниять...“

„Полно вамъ враждовать межъ собою
За чины, за мѣста, за кресты —
Смерть придетъ и отниметъ безъ бою
И чины, и мѣста, и кресты!..“

„Пусть васъ минусъ въ игрѣ не смущаетъ,
Игроки! пусть не радуегь плюсъ,
Смерть придетъ — всѣ итоги сравниаетъ:
Будетъ, будетъ у каждаго *плюсъ!*..“

Губернаторы мѣста лишенные,
Земледѣльцы-дворяне стѣсненные,
Откупные тузы разоренные,

Игроки, прогорѣвшіе въ прахъ, —
Генераль, проигравшій сраженіе,
Адмираль, потерпѣвшій крушеніе —
Находили ли вы утѣшеніе

Въ этихъ краткихъ и мудрыхъ словахъ?..

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Съ плечъ упало тяжелое бремя,
Написалъ я четыре главы.

„Почему же не новое время,
А недавнее выбрали вы?“

Замѣчаетъ читатель, живущій
Гдѣ-нибудь въ захолустной дали:

„Сцены, очерки жизни текущей
Мы бы съ бѣльшей охотой прочли.

Ваши книги расходятся худо!

А зачѣмъ же вчерашнее блюдо,

Вмѣсто свѣжаго, ставить на столъ?

Чѣмъ въ прошедшемъ упорно копаться,

Не гораздо ли лучше касаться

Новыхъ язвъ, народившихся золь?“

Для людей, въ захолустьи живущихъ,

Мы дѣйствительно странны, смѣшны;

Но, читатель! въ вопросахъ текущихъ

Права голоса мы лишены;

Прикасаться къ нимъ робко, несмѣло,

Значить пуще запутывать ихъ;

Шить на мертвыхъ не трудное дѣло,

Намъ желательно шить на живыхъ.

Устарѣлое вымерло племя,

Вообще устоялись умы,

Потому-то недавнее время,
Государь мой и тронули мы
(Да и то съ подобающимъ тактомъ)...

Погоди, если мы поживемъ,
Давъ назадъ отодвинуться фактамъ,
И впередъ мы разскажъ поведемъ, —
Мы коснемся столичныхъ пожаровъ
И волненій въ средѣ молодой,
Понесенныхъ прогрессомъ ударовъ
И печальныхъ потерь... Да и той
Злополучной поры не забудемъ,
Что прогрессъ повернула вверхъ дномъ,
И всегда по возможности будемъ
Вѣрны истинѣ — *заднимъ числомъ!*..

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

БАБУШКИНЫ ЗАПИСКИ

I.

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ.

[1826 годъ.]

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Докоенѣ, проченъ и легокъ
На-диво слаженный возокъ;

Самъ графъ-отецъ не разъ, не два
Его попробовалъ сперва.

Шесть лошадей въ него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Самъ графъ подушки поправлялъ,
Медвѣжью полость въ ноги стлалъ,

Творя молитву, образокъ
Повѣсилъ въ правый уголокъ

И — зарыдалъ... Книгиня-дочь...
Куда-то ѣдетъ въ эту ночь...

I.

„Да, рвемъ мы сердце пополамъ
 Другъ другу, мо, родной,
 Скажи, что-жь больше дѣлать намъ?
 Поможешь ли тоской!
 Оди́нъ, кто могъ бы намъ помочь
 Теперь... Прости, прости!
 Благослови родную дочь
 И съ миромъ отпущи!

II.

„Богъ вѣсть, увидимся ли вновь,
 Увы! надежды нѣтъ.
 Прости и знай: твою любовь,
 Послѣдній твой завѣтъ
 Я буду помнить глубоко
 Въ далекой сторонѣ...
 Не плачу я, но не легко
 Съ тобой разстаться мнѣ!

III.

„О, видитъ Богъ!.. Но долгъ другой,
 И выше, и труднѣй,
 Меня зоветь... Прости, родной!
 Напрасныхъ слезъ не лей!
 Далекъ мой путь, тяжелъ мой путь,
 Страшна судьба моя;
 Но сталью я одѣла грудь...
 Гордись — я дочь твоя!

IV.

„Прости и ты, мой край родной,
 Прости, несчастный край!
 „И ты... о городъ роковой,
 Гнѣздо всѣхъ бѣдъ... прощай!
 Кто видѣлъ Лондонъ и Парижъ,
 Венецію и Римъ,
 Того ты блескомъ не прельстишь,
 Но былъ ты мной любимъ —

V.

„Счастливо молодость моя
 Прошла въ стѣнахъ твоихъ,
 Твои балы любила я,
 Катанья съ горь крутыхъ,
 Любила плескъ Невы твоей
 Въ вечерней тишинѣ,
 И эту площадь передъ ней
 Съ героемъ на конѣ...

VI.

„Мнѣ не забыть... Потомъ, потомъ
 Расскажутъ нашу быль...

.

*
* *

Покоенъ, проченъ и легкокъ,
 Катится городомъ возокъ.
 Вся въ черномъ, мертвенно блѣдна,
 Княгиня ѣдетъ въ немъ одна;
 А секретарь отца — (въ крестахъ,
 Чтобъ наводитъ дорогой страхъ),
 Съ прислугой скачетъ впереди...
 Свища бичомъ, крича: „пади!“
 Ямщикъ столицу миноваль...
 Далекъ княгинѣ путь лежалъ.
 Была суровая зима...
 На каждой станціи сама
 Выходитъ путница: „Скорѣй
 Перепрягайте лошадей!“
 И сыпетъ щедрою рукой
 Червонцы челяди ямской.

Но трудень путь! Въ двадцатый день
Едва пріѣхали въ Тюмень,

Еще скакали десять дней,
„Увидимъ скоро Енисей“,

Сказалъ книжничъ секретарь:
„Не ѣздитъ такъ и Государь!..“

* * *

Впередъ! Душа полна тоски,
Дорога все труднѣй,
Но грезы мирны и легки —
Приснилась юность ей.
Богатство, блескъ! Высокій домъ
На берегу Невы,
Обита лѣстница ковромъ,
Передъ подъѣздомъ львы,
Изящно убранъ пышный залъ,
Огнями весь горитъ.

О, радость! нынѣ дѣтскій балъ,
Чу! музыка гремитъ!

Ей ленты алма влели
Въ двѣ русыя косы,

Цвѣты, наряды принесли
Невиданной красы.

Пришелъ папаша, — сѣдъ, румянь, —
Къ гостямъ ее зоветъ.

„Ну, Катя! чудо сарафан!
Онъ всѣхъ съ ума сведеть!“

Ей любо, любо безъ границъ.

Кружится передъ ней

Цвѣтничекъ изъ милыхъ дѣтскихъ лицъ,
Головокъ и кудрей.

Нарядны дѣти, какъ цвѣты,
Наряднѣй старики:

Плюмажи, ленты и кресты,
Со звономъ каблуки...

Танцуетъ, прыгаетъ дитя,
Не мысля ни о чемъ,

И дѣтство рѣзвое шутя
Проносится... Потомъ

Другое время, балъ другой
Ей снится: передъ ней

Стоять красавецъ молодой,
Онъ что-то шепчетъ ей...

Потомъ опять балы, балы...
Она — хозяйка ихъ,

У нихъ сановники, послы,
Весь модный свѣтъ у нихъ...

„О, милый! что ты такъ угрюмъ?
Что на-сердцѣ твоємъ?“

— Дитя! мнѣ скученъ свѣтскій шумъ,
Уйдемъ скорѣй, уйдемъ! —

И вотъ уѣхала она
Съ избранникомъ своимъ.

Предъ нею чудная страна,
Предъ нею — вѣчный Римъ...

Ахъ! чѣмъ бы жизнь намъ помянуть —
Не будь у насъ тѣхъ дней,

Когда, урвавшись какъ-нибудь
Изъ родины своей,

И скучный сѣверъ миновавъ,
Примчимся мы на югъ.

До насъ нужды, надъ нами правъ
Ни у кого... Самъ-другъ

Всегда лишь съ тѣмъ, кто дорогъ намъ,
Живемъ мы, какъ хотимъ;

Сегодня смотримъ древній храмъ,
А завтра посѣтимъ

Дворецъ, развалины, музей...

Какъ весело притомъ

Дѣлиться мыслию своей

Съ любимымъ существомъ!

Подъ обаяньемъ красоты,
Во власти строгихъ думъ,

По Ватикану бродишь ты
Подавленъ и угрюмъ;

Отжившимъ міромъ окруженъ,
Не помнишь о живомъ.

За то какъ странно пораженъ
Ты въ первый мигъ потомъ,

Когда, покинувъ Ватиканъ,
Вернешься въ міръ живой,

Гдѣ ржетъ осель, шумитъ фонтанъ,
Поетъ мастеровой;

Торговля бойкая кипить,
 Кричатъ на всѣ лады:
 Коралловъ! раковинъ! улить!
 Мороженой воды!
 Танцуетъ, ѣсть, дерется голь,
 Довольная собой,
 И косу черную, какъ смоль,
 Римлянкѣ молодой
 Старуха чешеть... Жарокъ день,
 Несносенъ черни гамъ,
 Гдѣ намъ найти покой и тѣнь?
 Заходимъ въ первый храмъ.

 Не слышенъ здѣсь житейскій шумъ,
 Прохлада, тишина
 И полусумракъ... Строгихъ думъ
 Опять душа полна.
 Святыхъ и ангеловъ толпой
 Вверху украшенъ храмъ,
 Порфиръ и яшма подъ ногой
 И мраморъ по стѣнамъ...

 Какъ сладко слушать моря шумъ!
 Сидишь по часу нѣмъ,
 Неугнетенный, бодрый умъ
 Работаетъ межъ тѣмъ...
 До солнца горною тропой
 Вберешься высоко —
 Какое утро предъ тобой!
 Какъ дышется легко!
 Но жарче, жарче южный день,
 На зелени долинъ
 Росинки нѣтъ... Уйдемъ подъ тѣнь
 Зонтообразныхъ пиннъ...

 Княгини памяти тѣ дни
 Прогулокъ и бесѣдъ,
 Въ душѣ оставили они
 Неизгладимый слѣдъ.
 Но не вернуть ей дней былыхъ,
 Тѣхъ дней надеждъ и грезъ,
 Какъ не вернуть потомъ о нихъ
 Пролитыхъ ею слезъ!..

 Исчезли радужные сны,
 Предъ нею рядъ картинъ

Забытой Богомъ стороны:
 Суровый господинъ
 И жалкій труженикъ-мужикъ
 Съ понурой головой...
 Какъ первый властвовать привыкъ!
 Какъ рабствуетъ второй!
 Ей снятся группы бѣдняковъ
 На нивахъ, на лугахъ,
 Ей снятся стоны бурлаковъ
 На волжскихъ берегахъ...
 Наивнымъ ужасомъ полна,
 Она не ѣсть, не спитъ,
 Засыпать спутника она
 Вопросами спѣшитъ:
 „Скажи, ужель весь край таковъ?
 Довольства тѣни нѣтъ?..“
 — Ты въ царствѣ нищихъ и рабовъ!
 Короткій былъ отвѣтъ...

 Она проснулась—въ руку сонъ!
 Чу, слышенъ впереди
 Печальный звонъ—кандалный звонъ!
 — Эй, кучеръ, погоди!
 То слыльныхъ партія идетъ,
 Большой заняла грудь.
 Княгиня деньги имъ даетъ, —
 „Спасибо, добрый путь!“

 Ей долго, долго лица ихъ
 Мерещатся потомъ,
 И не прогнать ей думъ своихъ,
 Не позабыться сномъ!
 „И та здѣсь партія была...
 Да... нѣтъ другихъ путей...
 Но слѣдъ ихъ вьюга замела.
 Скорѣй, ямщикъ, скорѣй!..“

* * *

Морозъ сильнѣй, пустыннѣй путь,
 Чѣмъ далѣ на востокъ;
 На триста верстъ какой-нибудь
 Убогій городокъ,
 За то какъ радостно глядишь
 На темный рядъ домовъ,

Но гдѣ же люди? Всюду тишь,
 Не слышно даже псовъ.
 Подъ кровлю всёхъ загналъ морозъ,
 Чайкъ отъ скуки пьютъ.
 Прошелъ солдатъ, проѣхалъ возъ,
 Куранты гдѣ-то бьютъ,
 Замерзли окна... огонёкъ
 Въ одномъ чуть-чуть мелькнулъ...
 Соборъ... на выѣздъ острогъ...
 Ямщикъ кнутомъ махнулъ:
 „Эй вы!“—и нѣтъ ужъ городка,
 Послѣдній домъ исчезъ...
 Направо—горы и рѣка,
 Налѣво—темный лѣсъ...
 Кишитъ больной, усталый умъ,
 Безсонный до утра,
 Тоскуетъ сердце. Смѣна думъ
 Мучительно быстра;
 Княгиня видитъ то друзей,
 То мрачную тюрьму,
 И тутъ же думается ей —
 Богъ знаетъ почему,
 Что небо звѣздное—пескомъ
 Посыпанный листокъ,
 А мѣсяцъ—краснымъ сургучомъ
 Оттиснутый кружокъ...
 Пропали горы; началась
 Равнина безъ конца.
 Еще мертвѣй! Не встрѣтить глазъ
 Живого деревца.
 „А вотъ и тундра!“ говоритъ
 Ямщикъ, бурятъ степной.
 Княгиня пристально глядитъ
 И думаетъ съ тоской:
 Сюда-то жадный человекъ
 За золотомъ идетъ!
 Оно лежитъ по русламъ рѣкъ,
 Оно на днѣ болотъ.
 Трудна добыча на рѣкѣ,
 Болота страшны въ зной,
 Но хуже, хуже въ рудниѣ,
 Глубоко подъ землей!..

Тамъ гробовая тишина,
 Тамъ безразсвѣтный мракъ...
 Зачѣмъ, проклятая страна,
 Нашелъ тебя Ермакъ?..

* * *

Чредой спустилась ночи мгла,
 Опять возшла луна.
 Княгиня долго не спала.
 Тяжелыхъ думъ полна...
 Уснула... Башня снится ей...
 Она вверху стоитъ;
 Знакомый городъ передъ ней
 Волнуется, шумитъ;
 Къ обширной площади бѣгутъ
 Несмѣтные толпы:
 Чиновный людъ, торговый людъ,
 Разносчики, попы;
 Пестрѣютъ шляпки, бархатъ, шолкъ,
 Тулупы, армяки...
 Стоялъ ужъ тамъ какой-то полкъ,
 Пришли еще полки,
 Побольше тысячи солдатъ
 Сошлось. Они „ура!“ кричатъ,
 Они чего-то ждутъ...

Народъ галдѣлъ, народъ зѣвалъ,
 Едва-ли сотый понималъ,
 Чтô дѣлается тутъ...
 За то посмѣивался въ усь,
 Лукаво шуря взоръ,
 Знакомый съ бурями французъ,
 Столичный куафѣрь...

Приспѣли новые полки.
 „Сдавайтесь!“ тѣмъ кричатъ.
 Отвѣтъ имъ—пули и штыки,
 Сдаваться не хотятъ.
 Какой-то бравый генералъ,
 Влетѣвъ въ каре, грозитъ сталь —
 Съ коня снесли его.
 Другой приблизился къ рядамъ:
 „Прощенье объщаемъ вамъ!“
 Убили и того.

Явился самъ митрополитъ
 Съ хоругвями, съ крестомъ.
 Покайтесь, братія! гласить,
 Падите ницъ челомъ!
 Солдаты слушали, крестясь,
 Но дружень былъ отвѣтъ:
 „Уйди, старикъ! молись за насъ!
 Тебѣ здѣсь дѣла нѣтъ...“

Тогда-то пушки навели,
 Раздалось! пер-ва-я! па-ли!..

Княгиня, память потерявъ,
 Упала съ высоты стремглавъ.

Предъ нею длинный и сырой
 Подземный корридоръ,

У каждой двери часовой,
 Всѣ двери на запоръ.
 Прибою волнъ подобный плескъ
 Снаружи слышенъ ей;
 Внутри—бряцанье, ружей блескъ
 При свѣтѣ фонарей;
 Да отдаленный шумъ шаговъ
 И догій гулъ отъ нихъ,
 Да перекрестный бой часовъ,
 Да крики часовыхъ...

Съ ключами старый и сѣдой,
 Усатый инвалидъ —
 „Иди, печальница, за мной!“
 Ей тихо говорить:
 „Я проведу тебя къ нему,
 Онъ живъ и невредимъ...“
 Она довѣрилась ему,
 Она пошла за нимъ...

Шли долго, долго... Наконецъ,
 Дверь визгнула,—и вдругъ
 Предъ нею онъ... живой мертвецъ...
 Прель нею—бѣдный другъ!
 Упавъ на грудь ему, она
 Торопится спросить:
 „Скажи, что дѣлать?..“

Достанетъ мужества въ груди,
 Готовность горяча,
 Просить ли надо?.. —
 „О милый! что сказалъ ты? Словъ
 Не слышу я твоихъ.
 То этотъ страшный бой часовъ,
 То крики часовыхъ!
 Зачѣмъ тутъ третій между насъ?..“
 — Наивень твой вопросъ. —
 — „Пора! пробилъ урочный часъ!“
 Тотъ „третій“ произнесъ...

* * *

Княгиня вздрогнула,—глядитъ
 Испуганно кругомъ,
 Ей ужасъ сердце леденить:
 Не все тутъ было сномъ!..
 Луна плыла среди небесъ
 Безъ блеска, безъ лучей,
 Налѣво былъ угрюмый лѣсъ,
 Направо—Енисей.
 Темно! На встрѣчу ни души,
 Ямщикъ на козлахъ спалъ,
 Голодный волкъ въ лѣсной глуши
 Пронзительно стоналъ,
 Да вѣтеръ бился и ревѣлъ,
 Играя на рѣкѣ,
 Да инородецъ гдѣ-то пѣлъ,
 На странномъ языкѣ.
 Суровымъ паѳосомъ звучалъ
 Невѣдомый языкъ,
 И пуще сердце надрывалъ,
 Какъ въ бурю чайки крикъ...

Княгини холодно; въ ту ночь
 Морозъ былъ нестерпимъ,
 Упали силы; ей не въ мочь
 Бороться больше съ нимъ.
 Разсудкомъ ужасъ овладѣлъ,
 Что не доѣхать ей.
 Ямщикъ давно уже не пѣлъ,
 Не понукалъ коней,

Передней тройки не слышать,
 „Эй! живь-ли ты, ямщикъ?
 Что ты замолкъ? не вздумай спать!“
 — Не бойтесь, я привыкъ...

Летять... Изъ мерзлаго окна
 Не видно ничего,
 Опасный гонить сонъ она,
 Но не прогнать его!
 Онъ волю женщины больной
 Мгновенно покорилъ,
 И, какъ волшебникъ, въ край иной
 Ее переселилъ.
 Тотъ край—онъ ей уже знакомъ, —
 Какъ прежде нѣги полвъ,
 И теплымъ солнечнымъ лучомъ
 И сладкимъ пѣньемъ волнъ
 Ее привѣтствовалъ, какъ другъ...
 Куда ни поглядить:
 „Да, это—югъ! да, это югъ!“
 Все взору говорить...
 Ни тучки въ небѣ голубомъ,
 Долина вся въ цвѣтахъ,
 Все солнцемъ залито,—на всемъ,
 Внизу и на горахъ,
 Печать могучей красоты,
 Ликуеть все вокругъ;
 Ей солнце, море и цвѣты
 Поютъ: „да—это югъ!“

Въ долину между цѣпью горъ
 И моремъ голубымъ
 Она летитъ во весь опоръ
 Съ избранникомъ своимъ.
 Дорога ихъ—роскошный садъ,
 Съ деревьевъ летя аромать,
 На каждомъ деревѣ горитъ
 Румяный, пышный плодъ;
 Сквозь вѣтви темныя сквозить
 Лазурь небесъ и водъ;
 По морю рѣютъ корабли,
 Мелькаютъ паруса,
 А горы, видныя вдали,
 Уходятъ въ небеса.

Какъ чудны краски ихъ! За часъ
 Рубины рдѣли тамъ,
 Теперь заискрился топазъ
 По бѣлымъ ихъ хребтамъ...
 Вотъ въюжный мулъ идетъ шажкомъ,
 Въ бубенчикахъ, въ цвѣтахъ,
 За муломъ—женщина съ вѣнкомъ,
 Съ корзинкою въ рукахъ.
 Она кричитъ имъ: добрый путь!
 И, засмѣявшись вдругъ,
 Бросаетъ быстро ей на грудь
 Цвѣтокъ... да! это югъ!
 Страна античныхъ, смуглыхъ дѣвъ
 И вѣчныхъ розъ страна...
 Чу! мелодическій напѣвъ,
 Чу! музыка слышна!..

„Да, это югъ! да, это югъ!
 (Поетъ ей добрый сонъ)
 Опять съ тобой, любимый другъ,
 Опять свободенъ онъ!..“

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Уже два мѣсяца почти
 Безсмѣнно день и ночь въ пути
 На-диво сложенный возокъ,
 А все конецъ пути далекъ!
 Книгининъ спутникъ такъ усталъ,
 Что подъ Иркутскомъ захворалъ,
 Два дня прождавъ его, она
 Помчалась далѣе одна...
 Ее въ Иркутскѣ встрѣтилъ самъ
 Начальникъ городской;
 Какъ мощи сухъ, какъ палка прямъ,
 Высокій и сѣдой.
 Сползла съ плеча его даха,
 Подъ ней—кресты, мундиръ,
 На шляпѣ перья пѣтуха.
 Почтенный бригадиръ,

Ругнувъ за что-то ямщика,
Поспѣшно подскочилъ
И дверцы прочнаго возка
Княгинѣ отворилъ...

княгиня *входитъ въ стан-
ціонный домъ.*

Въ Нарчинскъ! Закладывать скорѣй!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Пришелъ я—встрѣтить васъ.

княгиня.

Велите-жъ дать мнѣ лошадей!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Прошу помедлить часъ.

Дорога наша такъ дурна,
Вамъ нужно отдохнуть...

княгиня.

Благодарю васъ! Я сильна...
Ужъ не далекъ мой путь...

ГУБЕРНАТОРЪ.

Все-жъ будетъ версть до восьмисотъ,
А главная бѣда:

Дорога хуже тутъ пойдетъ,
Опасная ѣзда!..

Два слова нужно вамъ сказать
По службѣ,—и притомъ

Имѣлъ я счастье графа знать,
Семь лѣтъ служилъ при немъ.

Отецъ вашъ рѣдкій человекъ,
По сердцу, по уму;

Запечатлѣвъ въ душѣ на вѣкъ
Признательность къ нему,

Къ услугамъ дочери его
Готовъ я... весь я вашъ...

княгиня.

Но мнѣ не нужно ничего!

Отворяя дверь въ сѣни.

Готовъ ли экипажъ?

ГУБЕРНАТОРЪ.

Покуда я не прикажу,
Его не подадутъ...

княгиня.

Такъ прикажите-жъ! Я прошу...

ГУБЕРНАТОРЪ.

Но есть заѣмка тутъ:

Съ послѣдней почтой прислана
Бумага...

княгиня.

Что-же въ ней;

Ужъ не вернутся-ль я должна?

ГУБЕРНАТОРЪ.

Да-съ, было бы вѣрнѣй.

княгиня.

Да кто-жъ прислалъ вамъ и о чемъ

Бумагу? что-же—тамъ

Шутили, что-ли, надъ отцомъ?

Онъ все устроилъ самъ!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Нѣтъ... не рѣшусь я утверждать...

Но путь еще далекъ...

княгиня.

Такъ что же даромъ и болтать!

Готовъ ли мой возокъ?

ГУБЕРНАТОРЪ.

Нѣтъ... Я еще не приказалъ...

Княгиня! здѣсь я—царь!

Садитесь! Я уже сказалъ,

Что зналъ я графа встарь,

А графъ... хоть онъ васъ отпустилъ,

По добротѣ своей,

Но вашъ отъѣздъ его убилъ...

Вернитесь поскорѣй!

княгиня.

Нѣтъ! что однажды рѣшено—

Исполню до конца!

Мнѣ вамъ разсказывать смѣшно,
 Какъ я люблю отца,
 Какъ любить онъ. Но долгъ другой,
 И выше, и святѣй,
 Меня зоветъ. Мучитель мой!
 Давайте лошадей!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Позвольте-сь. Я согласенъ самъ,
 Что дорогъ каждый часъ;
 Но хорошо-ль извѣстно вамъ,
 Что ожидаетъ васъ?
 Бесплодна наша сторона,
 А та—еще бѣднѣй;
 Короче нашей тамъ весна,
 Зима—еще длиннѣй.
 Да-сь, восемь мѣсяцевъ зима
 Тамъ—знаете-ли вы?
 Тамъ люди рѣдки безъ клейма,
 И тѣ душой черствы;
 На волѣ рыскаютъ кругомъ
 Тамъ только варнаки;
 Ужасенъ тамъ тюремный домъ,
 Глубоки рудники.
 Вамъ не придется съ мужемъ быть
 Минуты глазъ-на-глазъ:
 Въ казармѣ общей надо жить,
 А пища: хлѣбъ да квасъ.
 Пять тысячъ каторжниковъ тамъ,
 Озлоблены судьбой,
 Заводятъ драки по ночамъ,
 Убийства и разбой;
 Коротокъ имъ и страшень судъ,
 Грознѣе нѣтъ суда!
 И вы, княгиня, вѣчно тутъ,
 Свидѣтельница... Да!
 Повѣрьте, васъ не пощадятъ,
 Не сжалятся никто!
 Пускай вашъ мужъ—онъ виноватъ...
 А вамъ терпѣть... за что?

княгиня.

Ужасна будетъ, знаю я,
 Жизнь мужа моего.

Пускай же будетъ и моя
 Нерадостнѣй его!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Но вы не будете тамъ жить:
 Тотъ климатъ васъ убьетъ,
 Я васъ обязанъ убѣдить,
 Не ѣздите впередъ!
 Ахъ! вамъ ли жить въ странѣ такой,
 Гдѣ воздухъ у людей
 Не паромъ—пылью ледяной
 Выходитъ изъ поздрей?
 Гдѣ мракъ и холодъ круглый годъ,
 А въ краткіе жары
 Непросыхающихъ болотъ
 Зловредные пары?
 Да... страшный край! Откуда прочь
 Бѣжить и звѣрь лѣсной,
 Когда стосуточная ночь
 Повиснетъ надъ страной...

княгиня.

Живутъ же люди въ такомъ краю,
 Привыкну я, шутя...

ГУБЕРНАТОРЪ.

Живутъ? Но молодость свою
 Припомните... дитя!
 Здѣтъ мать—водицей снѣговой,
 Родивъ омоетъ дочь,
 Малютку грозной бури вой
 Баюкаетъ всю ночь,
 А будитъ дикій звѣрь, рыча
 Близъ хижины лѣсной,
 Да пурга, бѣшено стуча
 Въ окно, какъ домовой.
 Съ глухихъ лѣсовъ, съ пустынныхъ рѣкъ
 Сбирая дань свою,
 Окрѣпъ туземный человѣкъ
 Съ природою въ бою,
 А вы?..

княгиня.

Пусть смерть мнѣ суждена—
 Мнѣ нечего жалѣть!..

ГУБЕРНАТОРЪ.

Но онъ же васъ не пощадилъ?

Подумайте, дитя:

О комъ тоска? къ кому любовь?

княгиня.

Молчите, генераль!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Когда-бъ не доблестная кровь

Текла въ васъ—я-бъ молчалъ.

Но если рветесь вы впередъ,

Не вѣря ничему,

Быть можетъ, гордость васъ спасетъ...

Достались вы ему

Съ богатствомъ, съ именемъ, съ умомъ,

Съ довѣрчивой душой,

А онъ, не думая о томъ,

Что́ станется съ женой,

Увлекся призракомъ пустынь

И—вотъ его судьба!..

И что́-жь?.. бѣжите вы за нимъ,

Какъ жалкая раба!

княгиня.

Нѣтъ, я не жалкая раба,

Я женщина, жена!

Шускай горька моя судьба—

Я буду ей вѣрна!

О, еслибъ онъ меня забылъ

Для женщины другой,

Въ моей душѣ достало-бъ силъ

Не быть его рабой!

Но знаю: къ родинѣ любовь

Соперница моя,

И еслибъ нужно было, вновь

Ему простила-бъ я!..

* * *

Княгиня кончила... Молчалъ

Упрямый старичокъ.

— Ну, что́-жь? Велите, генераль,

Готовить мой возокъ?

Не отвѣчая на вопросъ,

Смотрѣлъ онъ долго въ полъ,

Потомъ въ раздумьи произнесъ:

„До завтра“—и ушелъ...

* * *

Назавтра тотъ же разговоръ.

Просилъ и убѣждалъ,

Но получилъ опять отпоръ

Почтенный генераль.

Всѣ убѣжденья истощивъ

И выбившись изъ силъ,

Онъ долго важенъ, молчаливъ,

По комнатѣ ходилъ

И, наконецъ, сказалъ: „Быть такъ!

Васъ не спасешь, увь!..

Но знайте: сдѣлавъ этотъ шагъ,

Всего лишитесь вы!“

—Да что́ же мнѣ еще терять?

„За мужемъ поскакавъ,

Вы отреченье подписать

Должны отъ вашихъ правъ!“

Старикъ эффектно замолчалъ,

Отъ этихъ страшныхъ словъ

Онъ, очевидно, пользы ждалъ.

Но былъ отвѣтъ таковъ:

„У васъ сѣдая голова,

А вы еще дитя!

Вамъ наши кажутся права

Правами—не шутя.

Нѣтъ! ими я не дорожу,

Возьмите ихъ скорѣй!

Гдѣ отреченье? Подпишу!

И живо—лошадей!..“

ГУБЕРНАТОРЪ.

Бумагу эту подписать!

Да что́ вы?.. Боже мой!

Вѣдь это значитъ нищей стать

И женщиной простой!

Всему вы скажете прости,

Что́ вамъ дано отцомъ,

Что по наследству перейти
 Должно бы къ вамъ потомъ!
 Права имущества, права
 Дворянства потерять!
 Нѣтъ, вы подумайте сперва —
 Зайду я къ вамъ опять!..

* *

Ушелъ и не былъ цѣлый день...
 Когда спустилась тьма,
 Княгиня слабая, какъ тѣнь,
 Пошла къ нему сама.
 Ее не принялъ генераль:
 Хвораетъ тяжело...
 Пять дней, покуда онъ хворалъ,
 Мучительныхъ прошло,
 А на шестой пришелъ онъ самъ
 И круто молвилъ ей:
 „Я отпустить не въ правѣ вамъ,
 Княгиня, лошадей!
 Васъ по этапу поведутъ
 Съ ковоемъ...“

княгиня.

Боже мой!
 Но такъ вѣдь мѣсяцы пройдутъ
 Въ дорогѣ?..

ГУБЕРНАТОРЪ.

Да, весной
 Въ Нерчинскъ придете, если васъ
 Дорога не убьетъ.
 Наврядъ версты четыре въ часъ
 Закованный идетъ;
 По серединѣ дня — приваль,
 Съ закатомъ дня — ночлегъ,
 А ураганъ въ степи засталъ —
 Закапывайся въ свѣгъ!
 Да-съ, промедленьямъ нѣтъ числа,
 Иной упалъ, ослабъ...

княгиня.

Не хорошо я поняла —
 Что значить вашъ этапъ?

ГУБЕРНАТОРЪ.

Подъ карауломъ казаковъ
 Съ оружіемъ въ рукахъ,
 Этапомъ водимъ мы воровъ
 И каторжныхъ въ цѣняхъ,
 Они дорогою шалать,
 Того гляди сбѣгутъ,
 Такъ ихъ канатомъ прикрутятъ
 Другъ къ другу — и ведутъ.
 Трудненькъ путь! Да вотъ-съ каковъ:
 Отправится пятьсотъ,
 А до нерчинскихъ рудниковъ
 И трети не дойдетъ!
 Они, какъ мухи, мрутъ въ пути,
 Особенно зимой...
 И вамъ, княгиня, такъ идти?..
 Вернитесь-ка домой!

княгиня.

О, нѣтъ! я этого ждала...
 Но вы, но вы... злодѣй!..
 Недѣля цѣлая прошла...
 Нѣтъ сердца у людей!
 Зачѣмъ бы разомъ не сказать?..
 Ужъ шла бы я давно...
 Велите-жъ партію собирать —
 Иду! мнѣ все равно!..

* *

„Нѣтъ! вы победите!..“ вскричалъ
 Нежданно старый генераль,
 Закрывъ рукой глаза:
 „Какъ я васъ мучилъ... Боже мой!..
 (Изъ-подъ руки на усъ сѣдой
 Скатила слеза).
 „Простите! да, я мучилъ васъ,
 Но мучился и самъ,
 Но строгій я имѣлъ приказъ
 Преграды ставить вамъ!
 И развѣ ихъ не ставилъ я?
 Я дѣлалъ все, что могъ,
 Передъ судомъ душа моя
 Чиста, свидѣтель Богъ!

Острожнымъ жесткимъ сухаремъ
 И жизнью взаперти,
 Позоромъ, ужасомъ, трудомъ
 Этапнаго пути
 Я васъ старался напугать:
 Не испугались вы!
 И хоть бы мнѣ не удержать
 На плечахъ головы,
 Я не могу, я не хочу
 Тиранить больше васъ...
 Я васъ въ три дня туда домчу...

Отворяя дверь, кричить:

Эй! запрягать, сейчасъ!..“

II.

КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛЖОНСКАЯ.

[1826—27 г.]

I.

Проклязники внуки! Сегодня они
 Съ прогулки опять воротились:
 „Намъ, бабушка, скучно! Въ несчастные дни,
 Когда мы въ портретной садились
 И ты начинала рассказывать намъ,
 Такъ весело было!.. Родная,
 Еще что-нибудь расскажи!..“ По угламъ
 Усѣлись. Но ихъ прогнала я:
 „Успѣете слушать; рассказовъ моихъ
 Достанетъ на цѣлые томы,
 Но вы еще глупы: узнаете ихъ,
 Какъ будете съ жизнью знакомы!
 Я все рассказала, доступное вамъ
 По вашимъ ребяческимъ лѣтамъ:
 Идите гулять по полямъ, по лугамъ!
 Идите же... пользуйтесь лѣтомъ!“

И вотъ, не желая остаться въ долгу
 У внуковъ, пишу я записки;
 Для нихъ я портреты людей берегу,

Которые были мнѣ близки,
 Я имъ завѣщаю альбомъ — и цвѣты
 Съ могилы сестры-Муравьевой,
 Коллекцію бабочекъ, флору Читы
 И виды страны той суровой;
 Я имъ завѣщаю желѣзный браслетъ...
 Пускай берегутъ его свято:
 Въ подарокъ женѣ, его выковалъ дѣдъ
 Изъ собственной цѣпи когда-то...

Родилась я, милые внуки мои,
 Подъ Кіевомъ, въ тихой деревнѣ;
 Любимая дочь я была у семьи.
 Нашъ родъ былъ богатый и древній,
 Но пуще отецъ мой возвысилъ его:
 Заманчивѣй славы героя,
 Дороже отчизны — не зналъ ничего
 Боецъ, нелюбившій покоя.
 Творя чудеса, девятнадцати лѣтъ
 Онъ былъ полковнымъ командиромъ,
 Онъ мужествомъ добылъ и лавры побѣдъ,
 И почести, чтимыя міромъ.
 Военская слава его началась
 Персидскимъ и шведскимъ походомъ,
 Но память о немъ пераздѣльно слилась
 Съ великимъ двѣнадцатымъ годомъ:
 Тутъ жизнь его долгимъ сраженемъ была.
 Походы мы съ нимъ раздѣляли,
 И въ мѣсяцъ иной не zapomнимъ числа,
 Когда-бъ за него не дрожали.
 „Защитникъ Смоленска“ всегда впереди
 Опаснаго дѣла являлся...
 Подъ Лейпцигомъ раненый, съ пулей въ груди,
 Онъ вновь черезъ сутки сражался,
 Такъ лѣтопись жизни его говорить:
 Въ ряду полководцевъ Россіи,
 Покуда отечество наше стоитъ,
 Онъ памятенъ будетъ! Витин
 Отца моего осыпали хвалой,
 Безсмертнымъ его называя;
 Жуковскій почтилъ его громкой строфой,
 Россійскихъ вождей прославляя:
 Подъ Дашковой личнаго мужества жаръ

И жертву отца-патріота
 Поэтъ воспѣваетъ. Воинственный даръ
 Являя въ сраженьяхъ безъ счета,
 Не силой одною враговъ побѣждалъ
 Вашъ прадедъ въ борьбѣ исполинской:
 О немъ говорили, что онъ сочеталъ
 Съ отвагою геній воинскій.

Войной озабоченъ, въ семействѣ своемъ
 Отецъ ни во что не мѣшался,
 Но крутъ былъ порою; почти божествомъ
 Онъ матери нашей казался,
 И самъ онъ глубоко привязанъ былъ къ ней.
 Отца мы любили—въ героѣ.
 Окончивъ походы, въ усадьбѣ своей
 Онъ медленно гасъ на покоѣ.
 Мы жили въ большомъ, подгородномъ дому.
 Дѣтей поручивъ англичанкѣ,
 Старикъ отдыхалъ. Я училась всему,
 Что пужно богатой дворянкѣ.
 А послѣ уроковъ бѣжала я въ садъ
 И пѣла весь день беззаботно,
 Мой голосъ былъ очень хорошъ, говорятъ,
 Отецъ его слушалъ охотно;
 Записки свои приводилъ онъ къ концу,
 Читалъ онъ газеты, журналы,
 Пиры задавалъ; наѣзжали къ отцу
 Сѣдые, какъ онъ, генералы,
 И шли безконечные споры тогда;
 Межъ тѣмъ молодѣжь танцевала.
 Сказать ли вамъ правду? была я всегда
 Въ то время царицею бала:
 Очей моихъ томныхъ огонь голубой
 И черная съ синимъ отливомъ
 Большая коса, и румянецъ густой
 На личикѣ смугломъ, красивомъ,
 И ростъ мой высокій, и гибкій мой станъ,
 И гордая поступь — плѣняли
 Тогдашнихъ красавцевъ: гусаровъ, уланъ,
 Что близко съ полками стояли.
 Но слушала я неохотно ихъ лесть...
 Отецъ за меня постарался:
 „Не время ли замужъ? Женихъ уже есть,
 Онъ славно подъ Лейпцигомъ дрался,

Его полюбилъ Государь, нашъ отецъ,
 И далъ ему чинъ генерала.
 Постарше тебя... а собой молодецъ,
 Волконскій! Его ты видала
 На царскомъ смотрю... и у насъ онъ бывалъ,
 По парку съ тобой все шатался!“
 — Да, помню! Высокій такой генераль...
 „Онъ самый!“ Старикъ засмѣялся...
 — Отецъ! онъ такъ мало со мной говорилъ!
 Замѣтила я, покраснѣла...
 „Ты будешь съ нимъ счастлива!“ круто рѣ-
 шилъ
 Старикъ, — возражать я не смѣла...

Прошло двѣ недѣли, — и я подъ вѣнцомъ
 Съ Сергѣемъ Волконскимъ стояла,
 Немного я знала его женихомъ,
 Немного и мужемъ узнала, —
 Такъ мало мы жили подъ кровлей одной,
 Такъ рѣдко другъ друга видали!
 По дальнимъ селеньямъ, на зимній постой,
 Бригаду его разбросали,
 Ее объѣзжалъ безпрестанно Сергѣй.
 А я, между тѣмъ, расхворалась;
 Въ Одессѣ потомъ, по совѣту врачей,
 Я цѣлое лѣто купалась;
 Зимой онъ пріѣхалъ за мною туда,
 Съ недѣлю я съ нимъ отдохнула
 При главной квартирѣ... и снова бѣда!
 Однажды я крѣпко уснула,
 Вдругъ слышу я голосъ Сергѣя (въ ночи,
 Почти на разсвѣтѣ то было):
 „Вставай! Поскорѣ найди мнѣ ключи!
 Каминъ затопи!“ Я вскочила...
 Взглянула: встревоженъ и блѣденъ онъ былъ.
 Каминъ затопила я живо.
 Изъ ящичковъ мужъ мой бумаги сносилъ
 Къ камину — и жегъ торопливо.
 Инныя прочитывалъ бѣгло, спѣша,
 Инныя бросалъ, не читая.
 И я помогала Сергѣю, дрожа
 И глубже въ огонь ихъ толкала...
 Потомъ онъ сказалъ: „Мы поѣдемъ сей-
 часъ“.

Волось моихъ нѣжно касаясь.
 Все скоро уложено было у насъ,
 И утромъ, ни съ кѣмъ ни прощаясь,
 Мы тронулись въ путь. Мы скакали три дня,
 Сергѣй былъ угрюмъ, торопился,
 Довезъ до отцовской усадьбы меня
 И тотчасъ со мною простился.

II.

„Уѣхалъ!... Что значила блѣдность его
 И все, что въ ту ночь совершилось?
 Зачѣмъ не сказалъ онъ женѣ ничего?
 Недоброе что-то случилось!“
 Я долго не знала покоя и сна,
 Сомнѣнія душу терзали:
 „Уѣхалъ, уѣхалъ! опять я одна!..“
 Родные меня утѣшали,
 Отецъ торопливость его объяснялъ
 Какимъ-нибудь дѣломъ случайнымъ:
 „Куда-нибудь самъ императоръ послалъ
 Его съ порученіемъ тайнымъ,
 Не плачь! Ты походы дѣлила со мной,
 Превратности жизни военной
 Ты знаешь; онъ скоро вернется домой!
 Подъ сердцемъ залогъ драгоценный
 Ты носишь: теперь ты беречься должна!
 Все кончится ладно, родная:
 Жена муженька проводила одна,
 А встрѣтитъ, ребенка качая!..“

Увы! предсказанье его не сбылось!
 Увидѣться съ бѣдной женою
 И съ первенцомъ-сыномъ отцу довелось
 Не здѣсь—не подъ кровлей родною!

Какъ дорого стоилъ мнѣ первенецъ мой!
 Два мѣсяца я прохворала.
 Измучена тѣломъ, убита душой,
 Я первую няню узнала.
 Спросила о мужѣ. —Еще не бывалъ!
 „Писалъ ли?“ — И писемъ нѣтъ даже.
 „А гдѣ мой отецъ?“—Въ Петербургъ уска-
 калъ,
 „А братъ мой?“ — Уѣхалъ туда же.

„Мой мужъ не пріѣхалъ, нѣтъ даже письма,
 И братъ, и отецъ усаkali“, —
 Сказала я матушкѣ:—„Бѣду сама!
 Довольно, довольно мы ждали!“—
 И какъ ни старалась упрашивать дочь
 Старушка, я твердо рѣшилась;
 Припомнила я ту послѣднюю ночь
 И все, что тогда совершилось,
 И ясно сознала, что съ мужемъ моимъ
 Недоброе что-то творится...

Стояла весна, по разливамъ рѣчнымъ
 Пришлось черепахой тащиться.

Доѣхала я чуть живая опять.
 „Гдѣ мужъ мой?“—отца я спросила.
 — Въ Молдавію мужъ твой ушелъ воевать.
 „Не пишетъ онъ?..“ Глянулъ уныло
 И вышелъ отецъ... Недоволенъ былъ братъ,
 Прислуга молчала, вздыхая.
 Замѣтила я, что со мною хитрятъ,
 Заботливо что-то скрывая;
 Ссылаясь на то, что мнѣ нуженъ покой,
 Ко мнѣ никого не пускали,
 Меня окружили какой-то стѣной,
 Мнѣ даже газетъ не давали!
 Я вспомнила: много у мужа родныхъ,
 Пишу — отвѣчать умоляю.
 Проходятъ недѣли, — ни слова отъ нихъ!
 Я плачу, я силы теряю...

Нѣтъ чувства мучительнѣй тайной грозы.
 Я клятвой отца увѣрила,
 Что я не пролью ни единой слезы, —
 И онъ, и кругомъ все молчало!
 Любя, меня мучилъ мой бѣдный отецъ;
 Жалѣя, удваивалъ горе...
 Узнала, узнала я все наконецъ!...
 Прочла я въ самомъ приговорѣ,
 Что былъ заговорщикомъ бѣдный Сергѣй:
 Стояли они на-сторожѣ,
 Готоя несчастье отчизнѣ своей.
 Въ вину ему ставилось тоже,
 Что онъ... Закружилась моя голова...

Я Вѣрить глазамъ не хотѣла...
„Ужели?..“ въ умѣ не вызались слова:
Сергѣй—и безчестное дѣло!

Я помню, сто разъ я прочла приговоръ,
Вникая въ слова роковныя:
Къ отцу побѣжала,—съ отцомъ разговоръ
Меня успокоилъ, родные!
Съ души словно камень тяжелый упалъ.
Въ одномъ я Сергѣя винила:
Зачѣмъ онъ женѣ ничего не сказалъ?
Подумавъ, и то я простила:
„Какъ могъ онъ болтать? Я была молода,
Когда-жъ онъ со мной разставался,
Я сына подъ сердцемъ носила тогда:
За мать и дитя онъ боялся!“
Такъ думала я.—„Пусть бѣда велика,
Не все потеряла я въ мѣрѣ.
Сибирь такъ ужасна, Сибирь далека,
Но люди живутъ и въ Сибири!..“

Всю ночь я горѣла, мечтая о томъ,
Какъ буду лелѣять Сергѣя.
Подъ утро глубокимъ, крѣпительнымъ сномъ
Уснула,—и встала бодрѣе.
Поправилось скоро здоровье мое,
Пріятельницъ я повидала,
Нашла я сестру,—разспросила ее
И горькаго много узнала!
Несчастные люди!.. „Все время Сергѣй“
(Сказала сестра) „содержался
Въ тюрьмѣ; не видалъ ни родныхъ, ни друзей...
Вчера только съ нимъ повидался
Отецъ. Повидаться съ нимъ можешь и ты:
Когда приговоръ прочитали,
Одѣли ихъ въ рубище, сняли кресты,
Но право свиданья имъ дали!..“

...
Я въ крѣпость поѣхала къ мужу съ сестрой.
Пришли мы сперва къ „генералу“,
Потомъ насъ привелъ генераль пожилой
Въ обширную, мрачную залу.
„Дождитесь, книгиня! мы будемъ сейчасъ!“

Раскланявшись вѣжливо съ нами,
Онъ вышелъ. Съ дверей не спускала я глазъ,
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдали,
За ними я мыслью летѣла,
Мнѣ чудилось: связку ключей принесли
И ржавая дверь заскрипѣла,
Въ угрюмой коморкѣ съ желѣзнымъ окномъ
Измученный узникъ томился.
„Жена къ вамъ пріѣхала!..“ Блѣдный лицомъ,
Онъ весь задрожалъ, оживился:
— Жена!.. Корридормъ онъ быстро бѣжалъ,
Довѣриться слуху не смѣя...
—Вотъ, онъ! громогласно сказалъ генераль,
И я увидала Сергѣя...
Недаромъ надъ нимъ пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно блѣдно, глаза
Не такъ уже ярко свѣтились,
Но больше въ нихъ было, чѣмъ въ прежніе дни,
Той тихой, знакомой печали;
Съ минуту пытливо смотрѣли они,
И радостью вдругъ заблестали,
Казалось, онъ въ душу мою заглянулъ...
Я горько, припавъ къ его груди,
Рыдала... Онъ обнялъ меня и шепнулъ:
„Здѣсь есть посторонніе люди“.
Потомъ онъ сказалъ, что полезно ему
Узнать добродѣтель смиренья,
Что впрочемъ, легко переносить тюрьму,
И нѣсколько словъ ободренья
Прибавилъ... По комнатѣ важно шагаль
Свидѣтель: намъ было неловко...
Сергѣй на одежду свою показалъ:
„Поздравь меня, Маша, съ обновкой“
И тихо прибавилъ: „пойми и прости“—
Глаза засверкали слезою,
Но тутъ соглядатай успѣлъ подойти,
Онъ низко поникъ головою.
Я громко сказала: „Да, я не ждала
Найти тебя въ этой одеждѣ“,
И тихо шепнула: я все поняла,
Люблю тебя больше, чѣмъ прежде...
„Что дѣлать? И въ каторгѣ буду я жить“

(*Покуда мнѣ жить не наскучитъ*),
 — Ты живь, ты здоровь, такъ о чемъ же тужитъ?
 (*Вдѣь каторга насъ не разлучитъ?*)
 „Такъ вотъ ты какал!“ Сергѣй говорилъ,
 Лицо его весело было...
 Онъ вынулъ платокъ, на окно положилъ
 И рядомъ я свой положила,
 Потомъ, разставаясь, Сергѣевъ платокъ
 Взяла я—мой мужу остался...
 Намъ послѣ годичной разлуки часокъ
 Свиданья коротокъ казался,
 Но что-жь было дѣлать! Нашъ срокъ миновалъ —
 Пришлось бы другимъ дожидаться...
 Въ карету меня посадилъ генераль,
 Счастливо желалъ оставаться...

Великую радость нашла я въ платкѣ:
 Цѣлуя его, увидала
 Я нѣсколько словъ на одномъ уголкѣ;
 Вотъ что я, дрожа, прочитала:
 „Мой другъ, ты свободна. Пойми—не пеняй!
 „Душевно я бодръ и—желаю
 „Жену мою видѣть такой же. Прощай!
 „Малюткѣ поклонъ посылаю...“

Была въ Петербургѣ большая родня
 У мужа; все знать—да какая!
 Я ѣздила къ нимъ, волновалась три дня,
 Сергѣя спасти умоляя.
 Но сдѣлать они ничего не могли...
 Я съ мужемъ еще повидалась,
 И время приспѣло: его увезли!..
 Какъ только одна я осталась,
 Я тотчасъ слышала въ сердцѣ моемъ,
 Что надо и мнѣ торопиться,
 Мнѣ душень казался родительскій домъ,
 И стала я къ мужу проситься.

Теперь расскажу вамъ подробно, друзья,
 Мою роковую побѣду.
 Вся дружно и грозно возстала семья,
 Когда я сказала: „я ѣду!“
 Не знаю, какъ мнѣ удалось устоять,
 Чего натерпѣлась я... Боже!..

Была изъ-подъ Кіева вызвана мать,
 И братья пріѣхали тоже:
 Отецъ „образумить“ меня приказалъ.
 Они убѣждали, просили,
 Но волю мою самъ Господь подкрѣплялъ,
 Ихъ рѣчи ее не сломили!
 А много и горько поплакать пришлось..
 Когда собрались мы къ обѣду,
 Отецъ мимоходомъ мнѣ бросилъ вопросъ:
 „На что ты рѣшилась?“—Я ѣду!
 Отецъ промолчалъ... промолчала семья...
 Я вечеромъ горько всплакнула,
 Качая ребенка, задумалась я...
 Вдругъ входитъ отецъ,—я вздрогнула...
 Ждала я грозы, но, печалень и тихъ,
 Сказалъ онъ сердечно и кротко:
 „За что обижаешь ты кровныхъ родныхъ?
 Что будетъ съ несчастнымъ сироткой?
 Что будетъ съ тобою, голубка моя?
 Тамъ нужно не женскую силу!
 Напраспа великая жертва твоя,
 Найдешь ты тамъ только могилу!“
 И ждалъ онъ отвѣта, и взглядъ мой ловилъ,
 Лаская меня и цѣлуя...
 „Я самъ виноватъ! Я тебя погубилъ!“
 Воскликнулъ онъ вдругъ, негодуя:
 „Гдѣ былъ мой разумокъ? Гдѣ были глаза!
 Ужь знала вся армія наша...“
 И рвалъ онъ сѣдые свои волоса:
 „Прости! не казни меня, Мама!
 Останься!..“ И снова молилъ горячо...
 Богъ знаетъ, какъ я устояла!
 Припавъ головою къ нему на плечо,
 — „Поѣду!“ я тихо сказала...
 „Посмотримъ!..“ И вдругъ распрямился старикъ,
 Глаза его гнѣвомъ сверкали:
 „Одно повторяетъ твой глушій языкъ:
Поѣду! Сказать не пора ли,
 Куда и зачѣмъ? Ты подумай сперва!
 Не знаешь сама, что болтаешь!
 Умѣетъ-ли думать твоя голова?
 Врагами ты, что-ли, считаешь
 И мать, и отца? Или глупы они..

Что спорить ты съ ними, какъ съ ровней?
 Поглубже ты въ сердце свое загляни,
 Впередъ посмотри хладнокровнѣй,
 Подумай!.. Я завтра увижусь съ тобой...“

Ушелъ онъ грозящій и гнѣвный,
 А я, чуть жива, предъ иконой святой
 Упала—въ истомѣ душевной...

III.

„Подумай!..“ Я цѣлую ночь не спала,
 Молилась и плакала много.
 Я Божію Матерь на помощь звала,
 Совѣта просила у Бога,
 Я думать училась: отецъ приказалъ
 Подумать... нелегкое дѣло!
 Давно-ли онъ думалъ за насъ—и рѣшалъ,
 И жизнь наша мирно летѣла?
 Училась я много; на трехъ языкахъ
 Читала. Замѣтна была я
 Въ парадныхъ гостиныхъ, на свѣтскихъ балахъ,
 Искусно танцуя, играя;
 Могла говорить я почти обо всемъ,
 Я музыку знала, я пѣла,
 Я даже отлично скакала верхомъ,
 Но думать совсѣмъ не умѣла.

Я только въ послѣдній, двадцатый мой годъ
 Узнала, что жизнь не игрушка.
 Да въ дѣтствѣ, бывало, сердечко вздрогнѣтъ,
 Какъ грянетъ нечаянно пушка.
 Жилось хорошо и привольно; отецъ
 Со мной не говаривалъ строго;
 Осьмнадцати лѣтъ я пошла подъ вѣнецъ
 И тоже не думала много...

Въ послѣднее время моя голова
 Работала сильно, пылала;
 Меня неизвѣстность томила сперва.
 Когда же бѣду я узнала,
 Безсмѣнно стоялъ предо мною Сергѣй,
 Тюрьмою измученный, блѣдный,

И много невѣдомыхъ прежде страстей
 Посѣялъ въ душѣ моей бѣдной.

Я все испытала, а больше всего
 Жестокое чувство безсилья.
 Я небо и сильныхъ людей за него
 Молила—напрасны усилил!
 И гнѣвъ мою душу больную палилъ,
 И я волновалась нестройно,
 Рвалась, проклинала... но не было силъ,
 Ни времени думать спокойно.

Теперь непременно я думать должна —
 Отцу моему такъ угодно.
 Пусть воля моя неизмѣнно одна,
 Пусть всякая дума бесплодна,
 Я честно исполнить отцовскій приказъ
 Рѣшилась, мои дорогіе.

Старикъ говорилъ: „Ты подумай о насъ,
 Мы люди тебѣ не чужіе:
 И мать, и отца, и дитя, наконецъ, —
 Ты всѣхъ безразсудно бросаешь,
 За что же?“—Я долгъ исполняю, отецъ!
 — „За что ты себя обрекаешь
 На муку?“—Не буду я мучиться тамъ!
 Здѣсь ждетъ меня страшная мука.
 Да, если останусь, послушная вамъ,
 Меня истерзаетъ разлука.
 Не зная покоя ни ночью, ни днемъ,
 Рыдая надъ бѣднымъ сироткой,
 Все буду я думать о мужѣ моемъ
 Да слышать упрекъ его кроткій.
 Куда ни пойду я,—на лицахъ людей
 Я свой приговоръ прочитаю:
 Въ ихъ попотѣ—новѣсть измѣны моей,
 Въ улыбкѣ укоръ угадаю:
 Что мѣсто мое не на пышномъ балу,
 А въ дальней пустынѣ угрюмой,
 Гдѣ узникъ усталый въ тюремномъ углу
 Терзается лютою думой
 Одинъ... безъ опоры... Скорѣе къ нему!
 Тамъ только вздохну я свободно.
 Дѣлила съ нимъ радость, дѣлить и тюрьму

Должна я... Такъ небу угодно!..

Простите, родные! Миѣ сердце давно
Мое подсказало рѣшенье.

И вѣрю я твердо: отъ Бога оно!

А въ васъ говоритъ—сожалѣнье.

Да, ежели выборъ рѣшить я должна

Межъ мужемъ и сыномъ—не болѣ,

Иду я туда, гдѣ я больше нужна,

Иду я къ тому, кто въ неволѣ!

Я сына оставлю въ семействѣ родномъ,

Онъ скоро меня позабудетъ.

Пусть дѣдушка будетъ малюткѣ отцомъ,

Сестра ему матерью будетъ.

Онъ такъ еще малъ! А когда подростетъ

И страшную тайну узнаетъ,

Я вѣрю: онъ матери чувство пойметъ

И въ сердцѣ ее оправдаетъ!

Но если останусь я съ нимъ... и потомъ

Онъ тайну узнаетъ и спроситъ:

„Зачѣмъ не пошла ты за бѣднымъ отцомъ?..“

И слово укора мнѣ броситъ?

О, лучше въ могилу мнѣ заживо лечь,

Чѣмъ мужа лишитъ утѣшенья

И въ будущемъ сына презрѣнье навлечь...

Нѣтъ, нѣтъ! не хочу я презрѣнья!..

А можетъ случиться—подумать боюсь!—

Я перваго мужа забуду,

Условіямъ новой семьи подчинюсь

И сыну не матерью буду,

А мачихой лютой?.. Горю со стыда...

Прости меня, бѣдный изгнанникъ!

Тебя позабыть! Никогда! никогда!

Ты сердца единый избранникъ...

Отецъ! ты не знаешь, какъ дорогъ онъ мнѣ!

Его ты не знаешь! Сначала,

Въ блестящемъ нарядѣ, на гордомъ конѣ,

Его предъ полкомъ я видала;

О подвигахъ жизни его боевой

Разказы товарищей боя

Я слушала жадно—и всею душой

Я въ немъ полюбила героя...

Позднѣ, я въ немъ полюбила отца

Малютки, рожденного мною.

Разлука тянулась межъ тѣмъ безъ конца.

Онъ твердо стоялъ подъ грозою...

Вы знаете, гдѣ мы увидѣлись вновь —

Судьба свою волю творила!—

Послѣднюю, лучшую сердца любовь

Въ тюрьмѣ я ему подарила!

Напрасно чернила его клевета,

Онъ былъ безупречнѣй, чѣмъ прежде,

И я полюбила его, какъ Христа...

Въ своей арсгантской одеждѣ

Теперь онъ безсмѣнно стоитъ предо мной,

Величіемъ вроткимъ сияя.

Терновый вѣнецъ надъ его головой,

Во взорѣ—любовь неземная...

Отецъ мой! должна я увидѣть его...

Умру я, тоскуя по мужѣ...

Ты, долгу служа, не падалъ ничего,

И насъ научилъ ты тому же...

Герой, выводившій своихъ синовой

Туда, гдѣ смертельнѣй сраженье, —

Не вѣрю, чтобъ дочери бѣдной своей

Ты самъ не одобрилъ рѣшенья!

Вотъ что я продумала въ долгую ночь,

И такъ я съ отцомъ говорила...

Онъ тихо сказалъ: „Сумасшедшая дочь!“

И вышелъ; молчали уныло

И братья, и мать... Я ушла наконецъ...

Тяжелые дни потянулись:

Какъ туча ходилъ недовольный отецъ,

Другіе домашніе дулись.

Никто не хотѣлъ ни совѣтомъ помочь,

Ни дѣломъ; но я не дремала,

Опять провела я безсонную ночь,

Письмо къ Государю писала

(Въ то время молва начала разглашать,
 Что будто вернуть Трубецкую
 Съ дороги велѣлъ Государь. Испытать
 Боллась я участь такую,
 Но слухъ былъ невѣренъ). Письмо отвезла
 Сестра моя Катя... Орлова...
 Самъ царь отвѣчалъ мнѣ... Спасибо, нашла
 Въ отвѣтъ я доброе слово!
 Онъ былъ элегантенъ и милъ (Николай
 Писалъ по-французски). Сначала
 Сказалъ Государь, какъ ужасенъ тотъ край,
 Куда я поѣхать желала,
 Какъ грубы тамъ люди, какъ жизнь тяжела,
 Какъ возрастъ мой хрупокъ и нѣженъ;
 Потомъ намекнулъ (я не вдругъ поняла)
 На то, что возвратъ безнадеженъ;
 А дальше—изволилъ хвалою почтить
 Рѣшимость мою, сожалѣя,
 Что, долгу покорный, не могъ пощадить
 Преступнаго мужа... Не смѣя
 Противиться чувствамъ высокимъ такимъ,
 Давалъ онъ свое позволеніе;
 Но лучше желалъ бы, чтобъ съ сыномъ моимъ
 Осталась я дома...

Волнение

Меня охватило. „Я ѣду!“ Давно
 Такъ радостно сердце не билось...
 „Я ѣду! я ѣду! Теперь рѣшено!..“
 Я плакала, жарко молилась...
 Въ три дня я въ далекій мой путь собралась,
 Все цѣнное я заложила,
 Надежною шубой, бѣльемъ запаслась,
 Простую кибитку купила.
 Родные смотрѣли на сборы мои,
 Загадочно какъ-то вздыхалъ;
 Отъѣзду не вѣрилъ никто изъ семьи...
 Последнюю ночь провела я
 Съ ребенкомъ. Нагнувшись надъ сыномъ
 моимъ,
 Улыбку малютки родного
 Запомнить старалась; играла я съ нимъ
 Печатью письма рокового.

Играла и думала: „бѣдный мой сынъ!
 Не знаешь ты, чѣмъ ты играешь!
 Здѣсь участь твоя: ты проснешься одинъ,
 Несчастный! Ты мать потеряешь!“
 И, въ горѣ упавъ на ручки его
 Лицомъ, я шептала, рыдая:
 „Прости, что тебя, для отца твоего,
 Мой бѣдный, покинуть должна я...“

А онъ улыбался; не думалъ онъ спать,
 Любуясь красивымъ пакетомъ;
 Большая и красная эта печать
 Его забавляла...

Съ разсвѣтомъ
 Спокойно и крѣпко заснуло дитя,
 И щечки его заалѣли.
 Съ любимаго личика глазъ не сводя,
 Молясь у его колыбели,
 Я встрѣтила утро...

Я въ мигъ собралась.
 Сестру заклинала я снова
 Быть матерью сыну... Сестра поклялась. .
 Кибитка была ужъ готова,
 Сурово молчали родные мои,
 Прощаніе было нѣмое.
 Я думала: „я умерла для семьи,
 Все милое, все дорогое
 Теряю... нѣтъ счета печальныхъ потерь!..“
 Мать какъ-то спокойно сидѣла,
 Казалось, не вѣря еще и теперь,
 Чтобъ дочка уѣхать посмѣла,
 И каждый съ вопросомъ смотрѣлъ на отца..
 Сидѣлъ онъ поодаль понуро,
 Не молвилъ словечка, не поднялъ лица,—
 Оно было блѣдно и хмуро.
 Последнія вещи въ кибитку снесли,
 Я плакала, бодрость теряя,
 Минуты мучительно медленно шли...
 Сестру наконецъ обняла я
 И мать обняла. „Ну, Господь васъ храни!“
 Сказала я, братьевъ цѣлуя.
 Отцу подражалъ, молчали они...
 Старикъ поднялся, негодуя,

По сжатимъ губамъ, по морщинамъ чела
 Ходили зловѣщія тѣни...
 Я молча ему образокъ подала
 И стала предъ нимъ на колѣни:
 „Я ѣду! хоть слово, хоть слово, отецъ!
 Прости свою дочь, ради Бога!...“
 Старикъ на меня поглядѣлъ наконецъ
 Задумчиво, пристально, строго —
 И, руки съ угрозой поднимая надо мной,
 Чуть слышно сказалъ (и дрожала):
 „Смотри! черезъ годъ возвращайся домой,
 Не то — прокляну!..“

Я упала ..

IV.

„Довольно, довольно объятій и слезъ!“
 Я сѣла — и тройка помчалась.
 „Прощайте, родные!“ Въ декабрьскій морозъ
 Я съ домою отцовскимъ разсталась,
 И мчалась безъ отдыху слишкомъ три дня;
 Меня быстрота увлекала,
 Она была лучшимъ врачомъ для меня...
 Я скоро въ Москву прискакала,
 Къ сестрѣ Зинаидѣ. Мила и умна
 Была молодая княгиня,
 Какъ музыку знала! Какъ пѣла она!
 Искусство ей было святиня.
 Она намъ оставила книгу новеллъ
 Исполненныхъ граціи пѣжной,
 Поэтъ Веневитиновъ стансы ей пѣлъ,
 Влюбленный въ нее безнадежно:
 Въ Италіи годъ Зинаида жила
 И къ намъ — по сказанью поэта —
 „Цвѣтъ южнаго неба въ очахъ принесла“.
 Царица московскаго свѣта,
 Она не чуждалась артистовъ, — житье
 Имъ было у Зины въ гостиной;
 Они уважали, любили ее
 И Сѣверной звали Коринной...
 Поплакали мы. По душѣ ей была
 Рѣшимость моя роковая:

„Крѣпись, моя бѣдная! будь весела!
 Ты мрачная стала такая.
 Чѣмъ мнѣ эти темныя тучи прогнать?
 Какъ мы распростимся съ тобою?
 А вотъ что! ложись ты до вечера спать,
 А вечеромъ пиръ я устрою.
 Не бойся! все будетъ во вкусъ твою,
 Друзья у меня не повѣсы,
 Любимыя пѣсни твои мы споемъ,
 Сыграемъ любимыя пьесы...“
 И вечеромъ вѣсть, что пріѣхала я
 Въ Москвѣ уже многіе знали.
 Въ то время несчастные наши мужья
 Вниманье Москвы занимали:
 Едва огласилось рѣшеніе суда,
 Всѣмъ было неловко и жутко,
 Въ салонахъ Москвы повторялась тогда
 Одна Растопчинская шутка:
 „Въ Европѣ — сапожникъ, чтобъ бариномъ
 стать,
 Бунтуеетъ, — понятное дѣло!
 У насъ революцію сдѣлала знать:
 Въ сапожники, что-ль, захотѣла?..“
 И сдѣлалась и „героинею дня“.
 Не только артисты, поэты —
 Вся двинулась знатная наша родня;
 Парадныя, цугомъ, кареты
 Гремѣли; наудривъ свои парики,
 Потемкину рѣвня по лѣтамъ,
 Явился бывше тужи-старикъ,
 Съ отчѣнно-учтивымъ иривѣтомъ;
 Старушки, статсъ-дамы былого двора,
 Въ объятія меня заключали:
 „Какое геройство!.. Какая пора!..“
 И въ тактъ головами качали.
 Ну, словомъ, что было въ Москвѣ повиднѣй,
 Что въ ней мимоѣздомъ гостило,
 Все вечеромъ сѣхалось къ Зинѣ моей:
 Артистовъ тутъ множество было,
 Пѣвцовъ-итальянцевъ тутъ слышала я,
 Что были тогда знамениты,
 Отца моего сослуживцы, друзья

Тутъ были, печалью убиты.
 Тутъ были родные ушедшихъ туда,
 Куда я сама торопилась,
 Писателей группа, любимыхъ тогда,
 Со мной дружелюбно простилась:
 Тутъ былъ и Одоевскій, Вяземскій; былъ
 Поэтъ вдохновенный и милый,
 Поклонникъ кузины, что рано почилъ,
 Безвременно взятый могилой.

И Пушкинъ тутъ былъ... Я узнала его...
 Онъ другомъ былъ нашего дѣтства,
 Въ Юрзуфѣ онъ жилъ у отца моего.
 Въ ту пору проказъ и кокегства
 Смѣялись, болтали мы, бѣгали съ нимъ,
 Бросали другъ въ друга цвѣтами.
 Все наше семейство поѣхало въ Крымъ
 И Пушкинъ отправился съ нами.
 Мы ѣхали весело. Вотъ наконецъ
 И горы, и Черное море!
 Велѣлъ постоять экипажамъ отецъ,
 Гуляли мы тутъ на просторѣ.
 Тогда уже былъ миѣ шестнадцатый годъ.
 Гибка, высока не по лѣтамъ,
 Покинувъ семью, я стрѣлюю впередъ
 Умчалась съ курчавымъ поэтомъ;
 Безъ шляпки, съ распущенной длинной косой,
 Полуденнымъ солнцемъ налима,
 Я къ морю летѣла, — и былъ предо мной
 Видъ южнаго берега Крыма!
 Я радостнымъ взоромъ глядѣла кругомъ,
 Я прыгала, съ моремъ играла;
 Когда удалялся приливъ, я бѣгомъ
 До самой воды добѣгала,
 Когда же приливъ возвращался опять
 И волны грядой подступали,
 Отъ нихъ я снѣшила пазадъ убѣжать,
 А волны меня настигали!..

И Пушкинъ смотрѣлъ... и смѣялся, что я
 Ботинки мои промочила:
 „Молчите! идетъ гувернантка моя!“
 Сказала я строго... (Я скрыла,
 Что ноги промокли)... Потомъ я прочла

Въ „Оиѣгинѣ“ чудныя строки.
 Я вспыхнула вся—я довольна была..
 Теперь я стара, такъ далѣки
 Тѣ красныя дни! Я не буду скрывать,
 Что Пушкинъ въ то время казался
 Влюбленнымъ въ меня... но, по-правдѣ ска-
 зать,
 Въ кого онъ тогда не влюбился!
 Но, думаю, онъ не любилъ никого
 Тогда, кромѣ Музы: едва ли
 Не больше любви занимали его
 Волненія ея и печали...

Юрзуфъ живописенъ: въ роскошныхъ садахъ
 Долины его потонули,
 У ногъ его море, вдали Аюдагъ...
 Татарскія хижинны льнули
 Къ подножію скалъ; виноградъ выбѣгалъ
 На кручу лозой отягченной,
 И тополь мѣстами недвижно стоялъ
 Зеленой и стройной колонной.
 Мы заняли домъ подъ нависшей скалой,
 Поэтъ на верху пріютился,
 Онъ намъ говорилъ, что доволенъ судьбой,
 Что въ море и горы влюбился.
 Прогулки его продолжались по днямъ
 И были всегда одиноки,
 Онъ у моря часто бродилъ по ночамъ.
 По-англійски бралъ онъ уроки
 У Лены, сестры моей: Байропъ тогда
 Его занималъ чрезвычайно.
 Случалось сестрѣ перевести иногда
 Изъ Байропа что-нибудь — тайно;
 Она миѣ чигала попытки свои,
 А послѣ рвала и бросала,
 Но Пушкину кто-то сказалъ изъ семьи,
 Что Лена стихи сочиняла:
 Поэтъ подобралъ лоскутки подъ окномъ
 И вывелъ все дѣло на сцену.
 Хваля переводы, онъ долго потомъ
 Конфузилъ несчастную Лену..
 Окончивъ занятя, спускался онъ внизъ
 И съ нами дѣлился досугомъ;
 У самой террасы стоялъ кипарисъ,

Поэтъ называлъ его другомъ,
 Подъ нимъ заставлялъ его часто разсвѣтъ,
 Онъ съ нимъ, уѣзжая, прощался...
 И мнѣ говорили, что Пушкина слѣдъ
 Въ туземной легендѣ остался:
 „Къ поэту леталъ соловей по ночамъ,
 Какъ въ небо луна выплывала,
 И вмѣстѣ съ поэтомъ онъ пѣлъ—и, пѣвцамъ
 Внимая, природа смолкала!
 Потомъ соловей — повѣствуетъ народъ —
 Леталъ сюда каждое лѣто:
 И свистеть, и плачеть, и словно зоветъ
 Къ забытому другу поэта!
 Но умеръ поэтъ — прилетать пересталъ
 Пернатый пѣвецъ... Полный горя,
 Съ тѣхъ поръ кипарисъ сиротою стоялъ.
 Внимая лишь ропоту моря...“
 Но Пушкинъ надолго прославилъ его:
 Туристы его навѣщаютъ,
 Садятся подъ нимъ и на память съ него
 Душистыя вѣтки срываютъ...
 Печальна была наша встрѣча. Поэтъ
 Подавленъ былъ истиннымъ горемъ.
 Припомнилъ онъ игры ребяческихъ лѣтъ
 Въ далекомъ Юрзуфѣ, надъ моремъ.
 Покинувъ привычный насмѣшливый тонъ,
 Съ любовью, съ тоской безконечной,
 Съ участіемъ брата нанутствовала онъ
 Подругу той жизни безпечной!
 Со мной онъ по комнатѣ долго ходилъ,
 Судьбой озабоченъ моею,
 Я помню, родные, что онъ говорилъ,
 Да такъ передать не сдѣлаю:
 „Идите, идите! Вы сильны душой,
 Вы смѣлымъ терпѣньемъ богаты;
 Пусть мирно свершится вашъ путь роковой,
 Пусть васъ не смущаютъ утраты!
 Повѣрьте, душевной такой чистоты
 Не стѣдитъ сей свѣтъ ненавистный!
 Блаженъ, кто мѣняетъ его суеты
 На подвигъ любви безкорыстной!
 Что свѣтъ? опостылѣвшій всѣмъ маска-
 радъ!
 Въ немъ сердце черствѣетъ и дремлетъ,

Въ немъ царствуетъ вѣчный, разсчитанный
 хладъ
 И пылкую правду объемлетъ...

„Вражда умирится влияньемъ годовъ,
 Предъ временемъ рухнетъ преграда,
 И вамъ возвратятся пенаты отцовъ
 И сѣни домашняго сада!
 Цѣлбно волеется въ усталую грудь
 Долины наслѣдственной сладость,
 Вы гордо оглянете пройденный путь
 И снова узнаете радость.

„Дѣ, вѣрю! не долго вамъ горе терпѣть,
 Гнѣвъ царскій не будетъ же вѣчнымъ...
 Но если придется въ степи умереть,
 Помянуть васъ словомъ сердечнымъ:
 Пльнителенъ образъ отважной жены,
 Явившей душевную силу,
 И въ снѣжныхъ пустыняхъ суровой страны
 Сокрывшейся рано въ могилу!

„Умрете, но вашихъ страданій разсказъ
 Поймется живыми сердцами,
 И за-полночь правнуки ваши о васъ
 Бесѣды не кончатъ съ друзьями.
 Они имъ покажутъ, вздохнувъ отъ души,
 Черги незабвенныя ваши,
 И въ память прабабки, погибшей въ глуши,
 Осушатся полныя чаши!..

„Но что я?.. Дай Богъ вамъ здоровья и силъ!
 А тамъ и увидѣться можно:
 Мнѣ Царь „Пугачева“ писать поручилъ,
 Пугачъ меня мучить безбожно,
 Расправится съ нимъ я на славу хочу,
 Мнѣ быть на Уралѣ придется.
 Поѣду весной, поскорѣй захвачу
 Что путнаго тамъ соберется,
 Да къ вамъ и махну, переѣхавъ Уралъ...“

Поэтъ написалъ „Пугачева“,
 Но въ дальніе наши снѣга не попалъ.
 Какъ могъ онъ сдержать это слово?..

Я слушала музыку, грусти полна,
 Я пѣню жадно внимала;
 Сама я не пѣла, — была я больна,
 Я только другихъ умоляла:
 „Подумайте: я уѣзжаю съ зарей...
 О, пойте же, пойте! играйте!..
 Ни музыки я не услышу такой,
 Ни пѣсни... Наслушаться дайте!..“

И чудные звуки лились безъ конца!
 Торжественной пѣсней прощальной
 Окончился вечеръ, — не помню лица
 Безъ грусти, безъ думы печальной!
 Черты неподвижныхъ, суровыхъ старухъ
 Утратили холодъ надменный,
 И взоръ, что казалось, на вѣки потухъ,
 Свѣтился слезой умиленной...
 Артисты старались себя превзойти,
 Не знаю я пѣсни прелестнѣй
 Той пѣсни-молитвы о добромъ пути,
 Той благословляющей пѣсни...
 О, какъ вдохновенно играли они!
 Какъ пѣли!.. и плакали сами...
 И каждый сказалъ мнѣ: „Господь васъ
 храни!“
 Прощаясь со мной со слезами...

V.

Морозно. Дорога бѣла и гладка,
 Ни тучи на всемъ небосклонѣ...
 Обмерзли усы, борода ямщика,
 Дрожить онъ въ своемъ балахонѣ.
 Спина его, плечи и шапка въ снѣгу,
 Хрипитъ онъ, коней понукая,
 И кашляютъ кони его на бѣгу,
 Глубоко и трудно вздыхая...

Обычные виды: былая краса
 Пустынного русскаго края,
 Угрою шумятъ строевые лѣса.
 Гигантскія тѣни бросаю;
 Равнины покрыты алмазнымъ ковромъ,

Деревни въ снѣгу потонули,
 Мелькнулъ на пригоркѣ помѣщичій домъ,
 Церковныя главы блеснули...

Обычныя встрѣчи: обозъ безъ конца,
 Толпа богомолокъ старушекъ,
 Гремящая почта, фигура купца
 На грудѣ перишъ и подушекъ;
 Казенная фура! съ десятокъ подводъ:
 Навалены ружья и ранцы.
 Солдатики! жидкій, безусый народъ,
 Должно быть, еще новобранцы;
 Сынковъ провожаютъ отцы-мужики,
 Да матери, сестры и жены:
 „Уводятъ, уводятъ сердечныхъ въ полки!“
 Доносятся горькіе стоны...

Поднявъ кулаки надъ спиной ямщика,
 Неистово мчится фельдъегерь.
 На самой дорогѣ догнавъ русака,
 Усатый помѣщичій егеръ
 Махнулъ черезъ ровъ на проворномъ конѣ,
 Добычу у псовъ отбиваетъ.
 Со всей своей свитой стоять въ сторонѣ
 Помѣщикъ—борзыхъ подзываетъ...

Обычныя сцены: на станціяхъ адъ —
 Ругаются, спорятъ, толкуютъ.
 „Ну, трогай!“ изъ оконъ ребята глядятъ,
 Продрогшія куры дерутся;
 У кузницы бьется лошадка въ станкѣ,
 Выходитъ весь сажей покрытый
 Кузнецъ съ раскаленной подковой въ ругѣ:
 „Эй, парень, держи ей копыты!..“

Въ Казани я сдѣлала первый привалъ,
 На жесткомъ диванѣ уснула;
 Изъ оконъ гостинницы видѣла балъ
 И, каюсь, глубоко вздохнула!
 Я вспомнила: часъ или два съ небольшимъ
 Осталось до новаго года.
 „Счастливые люди! какъ весело имъ!
 У нихъ и покой, и свобода,
 Танцуютъ, смѣются!.. а мнѣ не звать
 Веселья... я ѣду на муки!..“

Не надо бы мыслей такихъ допускать,
Да молодость, молодость, внуки!

Здѣсь снова пугали меня Трубецкой,
Что будто ее воротили:

„Но я не боюсь — позволенье со мной!“

Часы уже десять пробили,

Пора! я одѣлась. — Готовъ ли ямщикъ?

„Княгиня, вамъ лучше дождаться

Разсвѣта“ — замѣтилъ смотритель старикъ:

„Мятель начала подниматься!“

— Ахъ! то-ли придется еще испытать!

Поѣду. Скорѣй, ради Бога!...

Посѣду. Скорѣй, ради Бога!...

Звенить колокольчикъ, ни зги не видать,

Что дальше, то хуже дорога,

Поталкивать начало сильно въ бока,

Какими-то ѣдемъ гридами,

Не вижу я даже спины ямщика:

Бугоръ намело между нами.

Чуть-чуть не унала кибитка мол,

Шарахнулась тройка и стала.

Ямщикъ мой заохалъ: „Докладывалъ я:

Пождать бы! дорога пропала!..“

Послала дорогу искать ямщика,

Кибитку рогожей закрыла,

Подумала: вѣрно ужъ полночь близка,

Рружинку часовъ подавила:

Двѣнадцать ударило! Кончился годъ,

И новій успѣлъ народиться!

Откинувъ цыновку, гляжу я впередъ —

Попрежнему вьюга крутится.

Какое ей дѣло до нашихъ скорбей,

До нашего поваго года?

И я равнодушна къ тревогѣ твоей

И къ стонамъ твоимъ, непогода!

Свой у меня роковая тоска

И съ ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ямщика.

„Зимовка тутъ есть недалеко“,

Сказалъ онъ: „разсвѣта дождемся мы въ ней!“

Родѣхали мы, разбудили

Какихъ-то убогихъ лѣсныхъ сторожей,

Ихъ дымную печь затопили.

Разсказывалъ ужасы житель лѣсной,

Да я его сказки забыла...

Согрѣлись мы чаемъ. Пора на покой!

Мятель все ужаснѣе выла.

Лѣсникъ покрестился, ночникъ погасилъ

И съ помощью пасынка Ѳеди

Огромныхъ два камня къ дверямъ привалилъ.

— Зачѣмъ? „Одолѣли медвѣди!“

Потомъ онъ улегся на голомъ полу,

Все скоро уснуло въ сторожкѣ.

Я думала, думала... лежа въ углу

На мерзлой и жесткой рогожкѣ...

Сначала веселыя были мечты:

Я вспомнила праздники наши,

Огнями горящую залу, цвѣты,

Подарки, заздравица чаши,

И шумныя рѣчи, и ласки... кругомъ

Все милое, все дорогое —

Но гдѣ же Сергѣй?... И подумавъ о немъ,

Забыла я все остальное!

Я живо вскочила, какъ только ямщикъ

Продрогшій въ окно постучался.

Чуть свѣтъ на дорогу насъ вывелъ лѣсникъ,

Но деньги принять отказался.

„Не надо родная! Богъ васъ защити,

Дороги-то дальше опасны!“

Крѣпчали морозы, по мѣрѣ пути,

И сдѣлались скоро ужасны.

Совсѣмъ я закрыла кибитку мою,

И темно, и страшная скука,

Что дѣлать? Стихи вспоминаю, пою,

Когда-нибудь кончится мука!

Пусть сердце рыдаетъ, пусть вѣтеръ реветъ

И путь мой заносить мятели,

А все-таки я подвигаюсь впередъ!

Такъ ѣхала я три недѣли...

Однажды, заслышавъ какой-то содомъ,

Цыновку мою я открыла,

Взглянула: мы ѣдемъ обширнымъ селомъ,

Мнѣ съ-разу глаза ослѣпило:

Шлали костры по дорогѣ моей...
 Тутъ были крестьяне, крестьянки,
 Солдаты и—цѣлый табунъ лошадей...
 „Здѣсь станція: ждутъ серебрянки“ *),
 Сказалъ мой ямщикъ: „мы увидимъ ее,
 Она, чай, идетъ недалеко...“

Сибирь выслала богатство свое,
 Я рада была этой встрѣчѣ:
 „Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь
 О мужѣ, о нашихъ узнаю.
 При ней офицеръ, изъ Нерчинска ихъ путь...“
 Въ харчевнѣ сижу, поджидаю...
 Вошелъ молодой офицеръ; онъ курилъ,
 Онъ мнѣ не кивнулъ головою,
 Онъ какъ-то надменно глядѣлъ и ходилъ,
 И вотъ я сказала съ тоскою:
 „Вы видѣли вѣрно... извѣстны ли вамъ
 Тѣ... жертвы декабрьскаго дѣла...
 Здоровы они? Каково-то имъ тамъ?
 О мужѣ я знать бы хотѣла...“
 Нахально ко мнѣ повернулъ онъ лицо, —
 Черты были злы и суровы, —
 И, выпустивъ изо-рту дыму кольцо,
 Сказалъ: „несомнѣнно здоровы,
 Но я ихъ не знаю—и знать не хочу,
 Я мало ли каторжныхъ видѣлъ!..“
 Какъ больно мнѣ было, родные! Молчу...
 Несчастный! меня же обидѣлъ!..
 Я бросила только презрительный взглядъ,
 Съ достоинствомъ юноша вышелъ...
 У печки тутъ грѣлся какой-то солдатъ,
 Проклятье мое онъ услышалъ,
 И доброе слово—не варварскій смѣхъ —
 Нашелъ въ своемъ сердцѣ солдатскомъ:
 „Здоровы!“ сказалъ онъ: „я видѣлъ ихъ всѣхъ,
 Живутъ въ рудникѣ Благодатскомъ!..“
 Но тутъ возвратился надменный герой,
 Поспѣшно ушла я въ кибитку.
 Спасибо, солдатикъ! спасибо, родной!
 Не даромъ я вынесла пытку!
 Поутру на бѣлыя стени гляжу,
 Послышался звонъ колокольный,

*) Обозъ съ серебромъ.

Тихонько въ убогую церковь вхожу,
 Смѣшалась съ толпой богомольной.
 Отслушавъ обѣдню, къ попу подошла,
 Молебень служить попросила...
 Все было спокойно—толпа не ушла...
 Совсѣмъ меня горе сломило!
 За что мы обижены столько, Христось?
 За что поруганьемъ покрыты?
 И рѣки давно накопившихся слезъ
 Упали на жесткія плиты!
 Казалось, народъ мою грусть раздѣлялъ,
 Молясь молчаливо и строго,
 И голосъ священника скорбью звучалъ,
 Прося объ изгнанникахъ Бога...
 Убогій, въ пустынѣ затерянный храмъ!
 Въ немъ плакать мнѣ было не стыдно,
 Участье страдальцевъ, молящихся тамъ,
 Убитой душѣ не обидно...

(Отецъ Іоаннъ, что молебень служилъ
 И такъ непритворно молился,
 Потомъ въ казематѣ священникомъ былъ
 И съ нами душой породнился).

А ночью ямщикъ не сдержалъ лошадей,
 Гора была страшно крутая,
 И я полетѣла съ кибиткой моей
 Съ высокой вершины Алтая!

Въ Иркутскѣ продѣлали то же со мной,
 Чѣмъ тамъ Трубецкую терзали...
 Байкаль. Переправа—и холодъ такой,
 Что слезы въ глазахъ замерзали.
 Потомъ я расталась съ кибиткой моей
 (Пропала санная дорога).
 Мнѣ жаль ее было: я плакала въ ней
 И думала, думала много!
 Дорога безъ снѣгу—въ телѣгѣ! Сперва
 Телѣга меня занимала,
 Но вскорѣ потомъ, ни жива, ни мертва,
 Я прелесть телѣги узнала.
 Узнала и голодъ на этомъ пути,
 Къ несчастію, мнѣ не сказали,
 Что тутъ ничего невозможно найти,

Тутъ почту бурята держали.
 Говядину вялятъ на солнцѣ они,
 Да грѣются чаемъ кирпичнымъ,
 И тотъ еще съ саломъ! Господь сохрани
 Попробовать вамъ, непривычнымъ!
 За то подъ Нерчинскомъ мнѣ задали балъ:
 Какой-то купецъ тароватый
 Въ Иркутскѣ замѣтилъ меня, обогналъ
 И въ честь мою праздникъ богатый
 Устроилъ... Спасибо! я рада была
 И вкуснымъ пельменямъ, и банѣ...
 А праздникъ, какъ мертвая, весь проспала
 Въ гостиной его на диванѣ...

Не знала я, что впереди меня ждетъ!
 Я утромъ въ Нерчинскъ прискакала,
 Не вѣрю глазамъ,—Трубецкая идетъ!
 „Догнала тебя я, догнала!“
 — *Они въ Благодатскъ!* — Я бросилась къ ней,
 Счастливыя слезы роняя...
 Въ двѣнадцати только верстахъ мой Сергѣй,
 И Катя со мной Трубецкая!

VI.

Кто зналъ одиночество въ дальнемъ пути,
 Чьи спутники—горе да вьюга,
 Кому Провидѣньемъ дано обрѣсти
 Въ пустынѣ негаданно друга,
 Тотъ нашу взаимную радость пойметъ...
 — Устала, устала я, Маша!
 „Не плачь, моя бѣдная Катя! Спасетъ
 Насъ дружба и молодость наша!
 Насъ жребій одинъ неразрывно связалъ,
 Судьба насъ равно обманула,
 И тотъ же потокъ твое счастье умчалъ,
 Въ которомъ мое потонуло.
 Пойдемъ же мы объ-руку труднымъ путемъ,
 Какъ шли зеленѣющимъ лугомъ,
 И обѣ достойно свой крестъ понесемъ
 И будемъ мы сильны другъ другомъ.
 Что мы потеряли? подумай, сестра!
 Игрушки тщеславья... Немного!

Теперь передъ нами дорога добра,
 Дорога избранниковъ Бога!
 Найдемъ мы униженныхъ, скорбныхъ мужей,
 Но будемъ мы имъ утѣшнемъ,
 Мы кротостью нашей смягчимъ палачей,
 Страданье осилимъ терпѣньемъ.
 Опорою гибнущимъ, слабымъ, больнымъ
 Мы будемъ въ тюрьмѣ ненавистной,
 И рукъ не положимъ, пока не свершимъ
 Обѣта любви безкорыстной!..
 Чиста наша жертва,—мы все отдаемъ
 Избранникамъ нашимъ и Богу.
 И вѣрю я: мы невредимо пройдемъ
 Всю трудную нашу дорогу...”

Природа устала съ собой воевать —
 День ясный, морозный и тихій.
 Снѣга подъ Нерчинскомъ явились опять,
 Въ саняхъ покатали мы лихо...
 О сепльныхъ рассказывалъ русскій ямщикъ
 (Онъ зналъ ихъ фамиліи даже):
 „На этихъ коняхъ я возилъ ихъ въ рудникъ,
 Да только въ другомъ экипажѣ.
 Должно быть, дорога легка имъ была:
 Шутили, смѣшили другъ дружкѣ;
 На завтракъ ватрушку мнѣ мать испекла,
 Такъ я подарилъ имъ ватрушку,
 Двугривенный дали—я брать не хотѣлъ:
 — Возьми, паренёкъ, пригодится...“
 Болтая, онъ живо въ село прилетѣлъ.
 „Ну, барыни! гдѣ становиться?“
 — Вези насъ къ начальнику прямо въ острогъ,
 „Эй, други, не дайте въ обиду!“

Начальникъ былъ тучень и кажется строгъ,
 Спросилъ:—по какому мы виду?
 „Въ Иркутскѣ читали инструкцію намъ
 И выслать въ Нерчинскъ обѣщали...“
 — Застряла, застряла, голубушка, тамъ!
 „Вотъ копія? намъ ее дали...“
 — Что копія? съ ней попадешься въ просакъ!
 „Вотъ царское вамъ позволенье!“
 Не зналъ по-французски упрямый чудакъ,
 Не вѣрилъ намъ, — смѣхъ и мученье!

— Вы видите подпись царя: Николай?
 До подписи нѣтъ ему дѣла,
 Ему изъ Нерчинска бумагу подай!
 Поѣхать за ней я хотѣла,
 Но онъ объявилъ, что отправится самъ
 И къ утру бумагу добудеть.
 — Да точно-ли?... „Честное слово! А вамъ
 Полезнѣе выспаться будетъ!..“

И мы добрались до какой-то избы,
 О завтрашнемъ утрѣ мечтая;
 Съ оконцемъ изъ слюды, низка, безъ трубы,
 Была наша хата такая,
 Что я головою касалась стѣны,
 А въ дверь упиралась ногами;
 Но мелочи эти намъ были смѣшны,
 Не то ужъ случилось съ нами.
 Мы вмѣстѣ! теперь бы легко я снесла
 И самыя трудныя муки...
 Проснулась я рано, а Катя спала,
 Пошла по деревнѣ отъ скуки:
 Избушки такія-жъ, какъ наша, числомъ
 До сотни, въ оврагѣ торчали,
 А вотъ и кирпичный съ рѣшетками домъ!
 При немъ часовые стояли.
 — Не здѣсь ли преступники? „Здѣсь, да
 ушли“.

— Куда? — „На работу, вѣстимо!“
 Какія-то дѣти меня повели...
 Бѣжали мы всѣ — нестерпимо
 Хотѣлось мнѣ мужа увидѣть скорѣй;
 Онъ близко! Онъ шель тутъ недавно!
 — Вы видите ихъ? я спросила дѣтей.
 „Да, видимъ! — Покутъ они славно!
 Вонъ дверца... гляди же! Пойдемъ мы теперь,
 Прощай!..“ Убѣжали ребята...

И словно подъ землю ведущую дверь
 Увидѣла я — и солдата.
 Сурово смотрѣлъ часовой, — на-голо
 Въ рукѣ его сабля сверкала.
 Не золото, внуки, и здѣсь помогло,
 Хоть золото я предлагала!
 Быть можетъ, вамъ хочется дальше читать,

Да просится слово изъ груди!
 Помедлимъ немного. Хочу я сказать
 Спасибо вамъ, русскіе люди!
 Въ дорогѣ, въ изгнаньи, гдѣ я ни была,
 Все трудное каторги время —
 Народъ! я бодрѣе съ тобою несла
 Мое непосильное бремя.
 Пусть много скорбей тебѣ пало на часть,
 Ты дѣлишь чужія печали,
 И гдѣ мои слезы готовы упасть,
 Твои ужъ давно тамъ упали!..
 Ты любишь несчастнаго, русскій народъ!
 Страданія насъ породнили...
 „Васъ въ каторгѣ самый законъ не спасетъ!“
 На родинѣ мнѣ говорили;
 Но добрыхъ людей я встрѣчала и тамъ,
 На крайней ступени паденья,
 Умѣли по-своему выразить намъ
 Преступники дань уваженья;
 Меня съ неразлучною Катей моею
 Довольной улыбкой встрѣчали:
 „Вы — ангелы наши!“ За нашихъ мужей
 Уроки они исполняли.
 Не разъ мнѣ украдкой давалъ изъ поля
 Картофель колодникъ клейменый:
 „Покушай! горячій, сейчасъ изъ зола!“
 Хорошъ былъ картофель печонный,
 Но грудь и теперь занываетъ съ тоски,
 Когда я о немъ вспоминаю...
 Примите мой низкій поклонъ, бѣдняки!
 Спасибо вамъ всѣмъ посылаю!
 Спасибо!.. Считали свой трудъ ни во что
 Для насъ эти люди простые,
 Но горечи въ чашу не подлилъ никто,
 Никто — изъ народа, родные!..

Рыданьямъ моимъ часовой уступилъ,
 Какъ Бога его я просила! —
 Свѣтильникъ (родъ факела) онъ засвѣтилъ,
 Въ какой-то подвалъ я вступила,
 И долго спускалась все ниже; потомъ
 Пошла я глухимъ корридормомъ,
 Уступами шель онъ; темно было въ немъ
 И душно; гдѣ плѣсень узоромъ

Лежала; гдѣ тихо струилась вода
 И лужами книзу стекала.
 Я слышала шорохъ: земля иногда
 Комками со стѣнъ упадала;
 Я видѣла страшныя ямы въ стѣнахъ;
 Казалось, такія-жъ дороги
 Отъ нихъ начинались. Забыла я страхъ,
 Проворно несли меня ноги!
 И вдругъ я услышала крики: „Куда,
 Куда вы? Убитъся хотите?
 Ходить не позволено дамамъ туда!
 Вернитесь скорѣй! Погодите!“
 Бѣда моя! видно, дежурный пришелъ
 (Его часовой такъ боялся),
 Кричалъ онъ такъ грозно, такъ голосъ былъ
золь,

Шумъ скорыхъ шаговъ приближался...
 Чтѣ дѣлать? Я факель задула. Впередъ
 Въ потьмахъ наугадъ побѣжала...
 Господь коли хочетъ, вездѣ проведетъ!
 Не знаю, какъ я не упала,
 Какъ голову я не оставила тамъ!
 Судьба берегла меня. Мимо
 Ужасныхъ разсѣлинь, проваловъ и ямъ
 Богъ вывелъ меня невредимо:
 Я скоро увидѣла свѣтъ впереди,
 Тамъ звѣздочка словно свѣтилась..
 И вылетѣлъ радостный крикъ изъ груди:
 „Огонь!“ Я крестомъ осѣнилась...
 Я бросила шубу... Бѣгу на огонь,
 Какъ Богъ уберетъ во мнѣ душу!
 Попавшій въ трясины, испуганный конь
 Такъ рвется, завидѣвши сушу...

И стало, родные, свѣтлѣй и свѣтлѣй!
 Увидѣла я возвышенье:
 Какая-то площадь.. и тѣни на ней...
 Чу... молотъ! работа, движенье...
 Тамъ люди! Увидать ли только они?
 Фигуры отчетливѣй стали...
 Вотъ ближе, сильнѣй замелькали огни.
 Должно быть, меня увидали...
 И кто-то стоявшій на самомъ краю
 Воскликнулъ: „Не ангелъ ли Божій?

Смотрите, смотрите!» Вѣдь мы не въ раю:
 Проклятая шахта похожій
 На адъ! — говорили другіе, смѣясь,
 И быстро на край выбѣгали,
 И я приближалась поспѣшно. Дивясь,
 Недвижно они ожидали.

— Волконская! вдругъ закричалъ Трубецкой
 (Узнала я голосъ). Спустили
 Мнѣ лѣстницу; я поднялася стрѣлой!
 Все люди знакомые были:
 Сергѣй Трубецкой, Артамонъ Муравьевъ,
 Борисовы, князь Оболенскій...
 Потокомъ сердечныхъ, восторженныхъ словъ,
 Похвалъ моей дерзости женской
 Была я осыпана; слезы текли
 По лицамъ ихъ, полнымъ участья...
 Но гдѣ же Сергѣй мой? „За нимъ ужъ по-
шли,

Не умеръ бы только отъ счастья!
 Кончается урокъ: по три пуда руды
 Мы въ день достаемъ для Россіи,
 Какъ видите, насъ не убили труды!“
 Веселые были такіе,
 Шутили, но я подъ веселостью ихъ
 Печальную повѣсть читала
 (Мнѣ новостью были оковы на нихъ,
 Что ихъ закуютъ — я не знала)...
 Извѣстьемъ о Катѣ, о милой женѣ
 Утѣшила я Трубецкого;
 Всѣ письма по счастью были при мнѣ,
 Съ привѣтомъ изъ края родного.
 Спѣшила я ихъ передать. Между тѣмъ
 Внизу офицеръ горячился:
 „Кто лѣстницу принялъ? Куда и зачѣмъ
 Смотритель работъ отлучился?
 Сударыня! Вспомните слово мое,
 Убѣтесь!.. Эй, лѣстницу, черти!
 Живѣй!..“ (Но никто не подставилъ ее)...
 Убѣтесь, убѣтесь до смерти!
 Извольте спуститься! да чтѣ-жъ вы?..“ Но мы
 Все въ глубь уходили... Отвсюду
 Бѣжали къ намъ мрачныя дѣти тюрьмы,
 Дивясь небывалому чуду.

Они пролагали мнѣ путь впереди,
Носилки свои предлагали...

Орудья подземныхъ работъ на пути,
Провалы, бугры мы встрѣчали.
Работа кипѣла подъ звуки оковъ,
Подъ пѣсни—работа надъ бездной!
Стучались въ упругую грудь рудниковъ
И заступъ, и молотъ желѣзный:
Тамъ съ ношею узникъ шагаль по бревну,
Невольно кричала я: „тише!“
Тамъ новую мину вели въ глубину,
Тамъ люди карабкались выше
По шаткимъ подпоркамъ... Какіе труды!
Какая отвѣга!.. Сверкали
Мѣстами добытыя глыбы руды
И щедрую дань обѣщали...

Вдругъ кто-то воскликнулъ: „идеть онъ!
идеть!“

Окинувъ пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись впередъ —
Канавѣ была передъ нами.
„Потише, потише! Ужели затѣмъ
Вы тысячи верстъ пролетѣли, —
Сказаль Трубецкой,—чтобъ на горенамъ всѣмъ
Въ канавѣ погибнуть—у цѣли?“
И за руку крѣпко меня онъ держаль:
„Что-бъ было, когда-бъ вы упали?“
Сергѣй торонился, но тихо шагаль.
Оковы уныло звучали.
Предъ нимъ разступались, молчанье храня,
Рабочіе люди и стража...
И вотъ онъ увидѣль, увидѣль меня!
И руки простеръ ко мнѣ: „Маша!“
И сталъ, обезсиленный словно, вдали...
Два ссыльныхъ его поддержали.
По блѣднымъ щекамъ его слезы текли,
Простертыя руки дрожали...
Душѣ моей милаго голоса звукъ
Мгновенно послалъ обновленье,
Ограду, надежду, забвеніе мукъ,
Отцовской угрозы забвенье!

И съ крикомъ: „иду!“ я бѣжала бѣгомъ,
Рванувъ неожиданно руку,
По узкой доскѣ надъ зіяющимъ рвомъ
На-встрѣчу призывному звуку...
„Иду!..“ Посылало мнѣ ласку свою
Улыбкой лицо испитое...
И я подбѣжала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, въ рудникѣ роковомъ,
Услышавъ ужасные звуки,
Увидѣвъ оковы на мужѣ моемъ,
Вполнѣ поняла его муки,
И силу его... и готовность страдать!..
Невольно предъ нимъ я склонила
Колѣни,—и прежде чѣмъ мужа обнять,
Оковы къ губамъ приложила!..

И тихаго ангела Богъ ниспослалъ
Въ подземныя копи,—въ мгновенье
И говоръ, и грохотъ работъ замолчалъ,
И замерло словно движенье,
Чужіе, свои—со слезами въ глазахъ,
Взволнованы, блѣдны, суровы
Стояли кругомъ. На недвижныхъ ногахъ
Не издали звука оковы,
И въ воздухѣ поднятый молотъ застыль...
Все тихо—ни пѣсни, ни рѣчи...
Казалось, что каждый здѣсь съ нами дѣлилъ
И горечь, и счастье встрѣчи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна. —

„Да гдѣ же вы всѣ запропали?“
Вдругъ снизу донесся неистовый крикъ.
Смотритель работъ появился.
„Уйдите!“ сказаль со слезами старикъ:
„Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранять!
Начальники люди крутые...“
И словно изъ рая спустилась я въ адъ...
И только... и только, родные!

По-русски меня офицеръ обругалъ
Внизу, ожидавшій въ тревогѣ,
А сверху мнѣ мужъ по-французски сказалъ:
„Увидимся, Маша—въ острогѣ!..“

КУЗНЕЦЪ.

Памяти Н. А. Милютина.

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спалъ.
Лишь не остыло-бъ желѣзо горячее,
Ты безъ оглядки коваль.

Въ чемъ погрѣшу и чего не додѣлаю,
Думаль—исправить потомъ.
Грубо коваль ты, но руку умѣлаю
Видно до нынѣ во всемъ.

Съ кѣмъ ты дѣлился душевною повѣстью,
Тотъ тебя знаетъ одинъ.
Спи безмятежно, съ покойною совѣстью,
Честный кузнецъ-гражданинъ!

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО.

ПРОЛОГЪ.

Въ какомъ году—разсчитывай,
Въ какой землѣ—угадывай,
На столбовой дороженькѣ
Сошлись семь мужиковъ:
Семь временно-обязанныхъ,
Подтянутой губерніи,
Уѣзда Терпигорева,

Пустопорожней волости,
Изъ смежныхъ деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Эпобишина,
Горѣлова, Неѣлова,
Неурожайка-тожъ, —
Сошлись—и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Романъ сказалъ: помѣщику,
Демьянъ сказалъ: чиновнику,
Лука сказалъ: попу.
Купчинъ толстопузому!
Сказали братья Губины,
Иванъ и Митродоръ.
Старикъ Пахомъ потужился
И молвилъ, въ землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву;
А Провъ сказалъ: царю..

Мужикъ, что быкъ: втемяшится
Въ башку какая блажь,
Коломъ ее отгудова
Не выбьешь: упираются,
Всякъ на своемъ стоять!
Такой ли споръ затѣяли,
Что думаютъ прохожіе —
Знать кладъ нашли ребятушки
И дѣлять межъ собой...
По дѣлу всякъ по своему
До полдня вышелъ изъ дому:
Тотъ путь держалъ до кузницы,
Тотъ шель въ село Ивановко
Позвать отца Прокофія —
Ребенка обрестить.
Пахомъ соти медовые
Несъ на базаръ въ Великое;
А два братана Губины
Такъ просто съ недоуздохомъ
Ловить коня упрямаго
Въ свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому

Вернуть своей дорогою —
Они рядкомъ идуть!
Идутъ, какъ будто гонятся
За ними волки сѣрые,
Что даль—то скорѣй.
Идутъ—перекосятся!
Кричатъ—не образуются;
А времячко не ждать.

За споромъ не замѣтили,
Какъ сѣло солнце красное,
Какъ вечеръ наступилъ.
Навѣрно-бъ почку цѣлюю
Такъ шли—куда не вѣдая,
Когда-бъ имъ баба встрѣчная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: „почтенные!
Куда вы, на ночь гляючи,
Надумали идти?..“

Спросила, засмѣялася,
Хлестнула, вѣдма, мерина
И уватила вскачь...

— Куда?... Переглянулись
Тутъ наши мужики;
Стоять, молчать, потупились...
Ужъ ночь давно сошла,
Зажглися звѣзды частыя
Въ высокихъ небесахъ;
Всплылъ мѣсяцъ, тѣни черныя
Дорогу перерѣзали
Ретивымъ ходакамъ.
Ой, тѣни! тѣни черныя!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Васъ только, тѣни черныя,
Нельзя поймать—обнять!

На лѣсъ, на путь-дороженьку
Глядѣлъ, молчалъ Пахомъ,
Глядѣлъ—умомъ раскидывалъ
И молвилъ, наконецъ:

— „Ну! лѣшій шутку славную
Надъ нами подшутить!

Никакъ вѣдь мы безъ малаго
Версть тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться
Устали—не дойдемъ,
Присядемъ,—дѣлать нечего,
До солнца отдохнемъ!..“

Сваливъ бѣду на лѣшаго,
Подъ лѣсомъ, при дороженькѣ,
Усѣлись мужики.
Зажгли костеръ, сложилися,
За водкой двое сбѣгали,
А прочіе покудова
Стаканчикъ изготовили,
Бересты понадравъ.
Приспѣла скоро водочка,
Приспѣла и закусочка —
Пируютъ мужички!
Косушки по три выпили,
Поѣли—и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Романъ кричитъ: помѣщику,
Демьянъ кричитъ: чиновнику,
Лука кричитъ: попу;
Купчинѣ толстопузому,
Кричатъ братаны Губины,
Иванъ и Митродоръ;
Пахомъ кричитъ: свѣтлѣйшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву;
А Провъ кричитъ: царю!

Забрало пуще прежняго
Задорныхъ мужиковъ,
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что вѣдятся
Другъ другу въ волоса...

Гляди—ужъ и вѣдпилися!
Романъ тузитъ Пахомушку,
Демьянъ тузитъ Луку,
А два брата Губины
Утюжатъ Прова джога—
И всякъ свое кричить!

Проснулось эхо гулкое,
 Пошло гулять-погуливать,
 Пошло кричать-покрикивать,
 Какъ будто подзадоривать
 Упрямыхъ мужиковъ.
 Царю! на-право слышится,
 На-лѣво отзывается:
 Попу! попу! попу!
 Весь лѣсъ переполошился,
 Съ летающими птицами,
 Звѣрями быстроногими
 И гадами ползущими,
 И стонъ, и ревъ, и гуль!

Всѣхъ прежде зайка сѣренькій
 Изъ кустика сосѣдняго
 Вдругъ выскочилъ, какъ встрепаннѣй,
 И на утѣбъ пошелъ!
 За нимъ галчата малые
 Вверху березы подняли
 Противный, рѣзкій пискъ.
 А тутъ еще у пѣночки
 Съ испугу птенчикъ крохотный
 Изъ гнѣздышка ушалъ;
 Щебечеть, плачетъ пѣночка,
 Гдѣ птенчикъ?—не найдетъ!
 Потомъ кукушка старая
 Проснулась и надумала
 Кому-то куковать;
 Разъ десять принималася,
 Да всякій разъ сбивалася
 И начинала вновь...
 Кукуй, кукуй, кукушечка!
 Заколосится хлѣбъ,
 Подавишься ты колосомъ—
 Не будешь куковать! *
 Слетѣлиса семь филиновъ,
 Любуются побоищемъ
 Съ семи большихъ деревъ,
 Хохочутъ полуночники!
 А ихъ глазищи желтые
 Горятъ, какъ воску яраго
 Четырнадцать свѣчей!

*) Кукушка перестаетъ куковать, когда заколосится хлѣбъ—„подавишься колосомъ“, говоритъ народъ.

И воронъ, птица умная,
 Присѣлъ; сидитъ на деревѣ
 У самаго костра,
 Сидитъ да чорту молится,
 Чтобъ до смерти ухлопали
 Котораго-нибудь!
 Корова съ колокольчикомъ,
 Что съ вечера отбилася
 Отъ стада, чуть послышала
 Людскіе голоса —
 Пришла къ костру, оставила
 Глаза на мужиковъ,
 Шальныхъ рѣчей послушала
 И начала, сердечная,
 Мычать, мычать, мычать!

Мычить корова глупая,
 Пищать галчата малые,
 Кричать ребята буйные,
 А эхо вторить всѣмъ.
 Ему одна заботушка:
 Честныхъ людей поддразнивать,
 Шугать ребятъ и бабъ!
 Никто его не видывалъ,
 А слышать всякій слыхивалъ,
 Безъ тѣла—а живетъ оно,
 Безъ языка—кричитъ!

Сова,—замоскворѣцкая
 Книгиня,—тутъ же мычется:
 Летаешь надъ крестьянами,
 Шарахаясь то о землю,
 То о кусты крыломъ...

Сама лисица хитрая,
 Но любопытству бабьему,
 Подкралась къ мужикамъ,
 Послушала, послушала,
 И прочь пошла, подумавши:
 „И чортъ ихъ не пойметъ!“
 И вправду: сами спорщики
 Едва ли знали, помнили—
 О чемъ они шумятъ...

Намаявъ бока порядочно
 Другъ, другу, образумились

Крестьяне, наконецъ;
Изъ лужицы напился,
Умылись, освѣжились;
Сонъ началъ ихъ кренишь...

Тѣмъ часомъ птенчикъ крохотный,
По малу, по полсаженки,
Низкомъ перелетаючи,
Къ костру подобрался.
Поймалъ его Пахомушка,
Поднесъ къ огню, разглядывалъ,
И молвилъ: „Иташка малая,
А поготовъ востеръ!
Дыхну — съ ладони скатисься,
Чихну — въ огонь укатисься,
Щелкнѹ — мертва покатисься,
А все-жъ ты, иташка малая,
Сильнѣе мужика!
Окрѣпнѹтъ скоро крылышки —
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои намъ крылышки,
Все царство облетимъ,
Посмотримъ, поразвѣдаемъ,
Поспросимъ — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?“

— „Не надо бы и крылышекъ,
Кабы намъ только хлѣбушка
По полупуду въ день, —
И такъ бы мы Русь-матушку
Ногами перемѣряли!“

Сказалъ угрюмый Провъ.

— „Да по ведру бы водочки“.
Прибавили охочіе
До водки братья Губины,
Иванъ и Митродоръ.

— „Да утромъ бы огурчиковъ
Соленыхъ по десяточку“,
Шутили мужики.

— „А въ полдень бы по жбанчику
Холоднаго кваску“.

— „А вечеромъ по чайничку
Горячаго чайку...“

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пѣночка
Надъ ними: все прослушала
И сѣла у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человѣчимъ голосомъ
Пахому говорить:

— „Пусти на волю птенчика!
За итенчика за малаго
Я выкупъ дамъ большой“.

— А что ты дашь?

— „Дамъ хлѣбушка

По полупуду въ день,
Дамъ водки по ведерочку,
Поутру дамъ огурчиковъ,
А въ полдень квасу кислаго,
А вечеромъ чайку!“

— А гдѣ, пичуга малая,
Спросили братья Губины,
— Найдешь вина и хлѣбушка
Ты на семь мужиковъ?

— „Найти — найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вамъ, какъ найти“.

— Скажи!

— „Идите по лѣсу,

Противъ столба тридцатаго
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоять на той поляночкѣ
Двѣ старыя сосны,
Подъ этими подъ соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
Въ ней скатерть самобранная,
Когда ни пожелаеи,
Накормить, напоить!
Тихонько только молвите:

— Эй! скатерть самобранная!
 Попотчуй мужиковъ!
 По вашему хотѣнію,
 По моему велѣнію,
 Все явится тотчасъ,
 Теперь — пустите птенчика!“

— Постой! мы люди бѣдные,
 Идемъ въ дорогу дальнюю,
 Отвѣтилъ ей Пахомъ:
 Ты, вижу, птица мудрая,
 Уважь — одѣжу старую
 На насъ заворижи!

— Чтобъ армяки мужицкіе
 Носились, не сносились!
 Потребовалъ Романъ.

„— Чтобъ липовые лапотки
 Служили, не разбилися,
 Потребовалъ Демьянъ.

— Чтобъ вошь, блоха паскудная,
 Въ рубахахъ не плодилася,
 Потребовалъ Лука.

— Не прѣли бы онученьки...
 Потребовали Губины...

А птичка имъ въ отвѣтъ:
 — „Все скатерть самобранная
 Чинить, стирать, просушивать
 Вамъ будетъ... Ну, пусти!“

Раскрывъ ладонь широкую,
 Пахомъ птенца пустилъ.
 Пустилъ — и птенчикъ крохотный,
 По малу, по полсаженки,
 Низкомъ перелетаючи,
 Направился къ дуплу.
 За нимъ взвилася пѣночка
 И на лету прибавила:
 — „Смотрите, чурь одно!
 Съѣстного сколько вынесетъ
 Утроба — то и спрашивай,
 А водки можно требовать

Въ день ровно по ведру.
 Коли вы больше спросите,
 И разъ и два — исполнится
 По вашему желанію,
 А въ третій быть бѣдѣ!“

И улетѣла пѣночка
 Съ своимъ родимымъ птенчикомъ,
 А мужики гуськомъ
 Къ дорогѣ потянулись
 Искать столба тридцатаго.
 Нашли! — Молчкомъ идутъ
 Прямохонькс, вѣрнехонько
 По лѣсу, по дремучему,
 Считаютъ каждый шагъ.
 И какъ версту огмѣрили,
 Увидѣли поляночку —
 Стоять на той поляночкѣ
 Двѣ старыя сосны...

Крестьяне покопались,
 Достали ту коробочку,
 Открыли — и нашли
 Ту скатерть самобранную!
 Нашли и разомъ вскрикнули:
 „Эй, скатерть самобранная!
 Попотчуй мужиковъ!“

Глядь — скатерть развернулася,
 Откуда ни взялися
 Двѣ дюжія руки,
 Ведро вина поставили,
 Горой наклали хлѣбушка,
 И спрятались опять.

— А что же нѣтъ огурчиковъ?

— Что нѣтъ чайку горячаго?

— Что нѣтъ кваску холоднаго?

Все появилось вдругъ...

Крестьяне распоясались,
 У скатерти усѣлися,
 Пошелъ тутъ пиръ горой!
 На радости цѣлуются,

Другъ дружкѣ обѣщаются
 Впередъ не драться зря,
 А съ толкомъ дѣло спорное
 По разуму, по-божески,
 На чести повести—
 Въ домишки не ворочаться,
 Не видѣться ни съ женами,
 Ни съ малыми ребятами,
 Ни съ стариками старыми,
 Покуда дѣлу спорному
 Рѣшенья не найдуть,
 Покуда не довѣдаютъ
 Какъ ни на есть—доподлинно,
 Кому живется счастливо,
 Вольготно на Руси?
 Зарокъ такой поставивши,
 Подъ утро, какъ убитые
 Заснули мужики...

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

ГЛАВА I.

ПОЛЬ.

Широкая дороженька,
 Березками обставлена,
 Далеко протянулася,
 Несчана и глуха.
 По сторонамъ дороженьки
 Идутъ холмы пологіе,
 Съ полями, съ сѣнокосами,
 А чаще съ неудобною,
 Заброшенной землей;
 Стоять деревни старья,
 Стоять деревни новья,
 У рѣчекъ, у прудовъ...
 Лѣса, луга поемные,
 Ручьи и рѣки русскіе
 Весною хороши.
 Но вы, поля весеннія!
 На ваши всходы бѣдные

Не весело глядѣть!
 „Не даромъ зиму долгую
 (Толкують наши странники)
 Сябгъ каждый день валиль:
 Пришла весна—сказался сябгъ!
 Онъ смиренъ до поры:
 Летить—молчить, лежитъ—молчить,
 Когда умереть, тогда реветъ.
 Вода—куда ни глянь!
 Поля совсѣмъ затоплены,
 Навозъ возить—дороги нѣтъ,
 А время ужъ не раннее—
 Подходить мѣсяць май!“
 Не любо и на старья,
 Большой того на новья
 Деревни имъ глядѣть.
 Ой, избы, избы новья!
 Нарядны вы, да строить васъ
 Не лишняя копѣчка,
 А кровная бѣда!..

Съ утра встрѣчались странникамъ
 Все больше люди малые:
 Свой братъ крестьянинъ-лапотникъ,
 Мастеровые, нищіе,
 Солдаты, ямщики.
 У нищихъ, у солдатиковъ
 Не спрашивали странники,
 Какъ имъ—легко ли, трудно ли
 Живется на Руси?
 Солдаты шиломъ брѣются,
 Солдаты дымомъ грѣются,
 Какое счастье тут?..

Ужъ день клонился къ вечеру,
 Идутъ путемъ-дорогою,
 На встрѣчу ѣдетъ поль.
 Крестьяне сняли шапочки,
 Низенько поклонилися,
 Повыстроились въ рядъ
 И мерину саврасому
 Загородили путь.
 Священникъ поднялъ голову,
 Глядѣлъ, глазами спрашиваль:
 Чего они хотятъ?

— Небось! мы не грабители!
 Сказалъ попу Лука.
 (Лука—мужикъ присадистый
 Съ широкой бородищею,
 Упрямъ, рѣчистъ и глупъ.
 Лука похожъ на мельницу:
 Однимъ не птица мельница,
 Что какъ ни машеть крыльями,
 Небось, не полетитъ).

— Мы мужики степенные,
 Изъ временно-обязанныхъ,
 Уѣзда Терпигорева,
 Пустопорожней волости
 Окольныхъ деревень:
 Заплатова, Дырявина,
 Разутова, Знобишина,
 Горѣлова, Неѣлова,
 Неурожайка-тожъ.
 Идемъ по дѣлу важному:
 У насъ забота есть,
 Такая ли заботушка,
 Что изъ домовъ повыжила,
 Съ работой раздружила насъ,
 Отбила отъ ѣды.
 Ты дай намъ слово вѣрное
 На нашу рѣчь мужицкую,
 Безъ смѣху и безъ хитрости,
 По совѣсти, по разуму,
 По правдѣ отвѣчать;
 Не то съ своей заботушкой
 Къ другому мы пойдемъ...

— „Даю вамъ слово вѣрное:
 Коли вы дѣло спросите,
 Безъ смѣху и безъ хитрости,
 По правдѣ и по разуму,
 Какъ должно отвѣчать,
 Аминь!..“

— Спасибо. Слушай же!
 Идя путемъ-дорогою,
 Сѣшлись мы невзначай;
 Сѣшлись и заспорили:
 Кому живется весело,
 Вольготно на Руси?

Романъ сказалъ: помѣщику,
 Демьянъ сказалъ: чиновнику,
 А я сказалъ: попу.
 Купчинъ толстоузому,
 Сказали братья Губины,
 Иванъ и Митродоръ.
 Пахомъ сказалъ: свѣтлѣйшему,
 Вельможному боярину,
 Министру государеву;
 А Провъ сказалъ: царю..
 Мужикъ, что быкъ: втемяшится
 Въ башку какаа блажь —
 Коломъ ее оттудова
 Не выбьешь: какъ ни спорили,
 Не согласились мы!
 Поспоривши — повздорили,
 Повздоривши — подралися,
 Подравнися — одумали:
 Не расходиться врозь,
 Въ домишки не ворочаться,
 Не видѣться ни съ женами,
 Ни съ малыми ребятами,
 Ни съ стариками старыми,
 Покуда спору нашему
 Рѣшенья не найдемъ,
 Покуда не довѣдаемъ
 Какъ ни на есть — доподлинно:
 Кому жить любо-весело,
 Вольготно на Руси?
 Скажи-жъ ты намъ по-божески:
 Сладка ли жизнь поповская?
 Ты какъ — вольготно, счастливо
 Живешь, честной отецъ?..

Потутился, задумался,
 Въ телѣжкѣ сидя попъ!
 И молвилъ: „Православные!
 Роптать на Бога грѣхъ,
 Несу мой крестъ съ терпѣніемъ,
 Живу... а какъ? Послушайте!
 Скажу вамъ правду-истину,
 А вы крестьянскимъ разумомъ
 Смекайте!“

— Начинай:

„Въ чемъ счастье по вашему?
 Покой, богатство, честь,
 Не такъ ли, други милые?“

Они сказали „такъ“...

„Теперь посмотримъ, братія,
 Каковъ попу покой?
 Начать, признаться, надо бы
 Почти съ рожденья самаго,
 Какъ достается грамота
 Поповскому сынку,
 Какой цѣной поповичемъ
 Священство покупается,
 Да лучше помолчимъ!

.

Дороги наши трудныя,
 Приходъ у насъ большой.
 Болящій, умирающій,
 Рождающійся въ міръ
 Не избираютъ времени:
 Въ жнитво и въ сѣнокосъ,
 Въ глухую ночь осеннюю,
 Зимой, въ морозы лютые
 И въ половодье вешнее,
 Иди—куда зовутъ!
 Идешь безотговорочно.
 И пусть бы только косточки
 Ломались одиѣ,
 Нѣтъ! всякій разъ намеется,
 Переболить душа.
 Не вѣрьте, православные,
 Привычекъ есть предѣлъ:
 Нѣтъ сердца выносящаго
 Безъ нѣкоего трепета
 Предсмертное хрипѣніе,
 Надгробное рыданіе,
 Сиротскую печаль!
 Аминь!.. Теперь подумайте,
 Коковъ попу покой?..“

Крестьяне мало думали,
 Давъ отдохнуть священнику,

Они съ поклономъ молвили:

— Что скажешь намъ еще?

„Теперь посмотримъ, братія,
 Каковъ попу почетъ?“

Задача щекотливая,
 Не прогнѣвить бы васъ?..

„Скажите, православные,
 Кого вы называете
 Породой жеребьячью?
 Чуръ! отвѣчать на спросъ!“
 Крестьяне позамялися,
 Молчать—и попь молчить...

„Съ кѣмъ встрѣчи вы бонтеса,
 Идя путемъ-дорогою?
 Чуръ! отвѣчать на спросъ!“

Крехтятъ, переминаются,
 Молчать!

„О комъ слагаете
 Вы сказки балагурныя,
 И пѣсни непристойныя,
 И всякую хулу?..“

„Мать-попадью степенную,
 Попову дочь безвинную,
 Семинариста всякаго—
 Какъ чествуете вы?“

„Кому въ догонь, злорадствуя,
 Кричите: го-го-го?..“

Потупились ребятушки,
 Молчать—и попь молчить...
 Крестьяне думу думали,
 А попь широкой шляпою
 Въ лицо себѣ помахиваль
 Да на небо глядѣль.
 Весной, что внуки малые,
 Съ румянцмъ солнцемъ-дѣдушкой
 Играютъ облака:
 Вотъ правая сторонунка
 Одной сплошною тучею
 Покрылась—затуманилась,
 Стемнѣла и заплакала:
 Рядами нити сѣрмя

Повисли до земли.
 А ближе, надъ крестьянами,
 Изъ небольшихъ, разорванныхъ,
 Веселыхъ облачковъ
 Смѣется солнце красное,
 Какъ дѣвка изъ сноповъ.
 Но туча передвинулась,
 Попъ шляпой накрывается,
 Быть сильному дождю.
 А правая сторонюшка
 Уже свѣтла и радостна,
 Тамъ дождь перестаетъ:
 Не дождь, тамъ чудо божіе:
 Тамъ съ золотыми нитками
 Развѣшаны мотки...

„Не сами... по родителямъ
 Мы такъ-то“... братья Губины
 Сказали наконецъ.
 И прочіе поддакнули:
 „Не сами, по родителямъ!“
 А попъ сказалъ: „Аминь!
 Простите, православные!
 Не въ осужденіе ближняго,
 А по желанью вашему
 Я правду вамъ сказалъ.
 Таковъ почетъ священнику
 Въ крестьянствѣ. А помѣщики...“
 — Ты мимо ихъ, помѣщиковъ!
 Извѣстны намъ они!

„Теперь посмотримъ, братія,
 Откудава богатство
 Поповское идетъ?...
 Во время недалекое
 Имперія російская
 Дворянскими усадьбами
 Была полнымъ-полна.
 И жили тамъ помѣщики,
 Владѣльцы именитые,
 Какихъ теперь ужъ нѣтъ!
 Плодились и множились
 И намъ давали жить.
 Чтò свадебъ тамъ игралось,
 Чтò дѣтокъ нарождалось

На даровыхъ хлѣбахъ!
 Хоть часто крутонравные,
 Однако, доброхотные
 То были господа,
 Прихода не чуждались:
 У насъ они вѣнчались,
 У насъ крестили дѣтушекъ,
 Къ намъ приходили каяться,
 Мы отпѣвали ихъ.
 А если и случалось,
 Чтò жилъ помѣщикъ въ городѣ,
 Такъ умирать навѣрное
 Въ деревню пріѣзжалъ.
 Коли умереть нечаянно,
 И тутъ накажетъ накрѣско
 Въ приходѣ скоронить.
 Глядишь, ко храму сельскому,
 На колесницѣ траурной,
 Въ шесть лошадей наслѣдники
 Покойника везутъ —
 Попу поправка добрая,
 Мірянамъ праздникъ праздникомъ...
 А нынѣ ужъ не то!
 Какъ племя іудейское,
 Разсѣялись помѣщики
 По дальней чужеземцинѣ
 И по Руси родной.
 Теперь ужъ не до гордости
 Лежать въ родномъ владѣніи,
 Рядкомъ съ отцами, съ дѣдами;
 Да и владѣнья многія
 Барышникамъ пошли.
 Ой, холенія восточки
 Россійскія, дворянскія!
 Гдѣ вы не позакопаны?
 Въ какой землѣ васъ нѣтъ?
 „Потомъ, статья... раскольники...
 Не грѣшенъ, не живилъ я
 Съ раскольниковъ ничѣмъ.
 По счастью, нужды не было:
 Въ моемъ приходѣ числится
 Живущихъ въ православіи
 Двѣ трети прихожанъ.
 А есть такія волости,

Гдѣ сплошь почти раскольники,
Такъ тутъ какъ быть попу?

„Все въ мѣрѣ переменчиво,
Прейдетъ и самый мѣръ...
Законы, прежде строгіе
Къ раскольникамъ, смягчились,
А съ ними и поповскому
Доходу мать пришелъ.
Перевелись помѣщики,
Въ усадьбахъ не живутъ они,
И умирать на старости
Уже не ѣдутъ къ намъ.
Богатыя помѣщичьи,
Старушки богомольныя,
Которыя повымерли,
Которыя пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подьясника
Попу не подарить!
Никто не вышьетъ воздуховъ...
Живи съ однихъ крестьянъ,
Сбирай мѣрскія гривенки,
Да пироги по праздникамъ,
Да яйца о святой.
Крестьянинъ самъ нуждается
И радъ бы далъ, да нечего...

„А то еще не всякому
И мѣръ крестьянскій грошъ.
Угоды наши скудныя
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходитъ въ проголодь,
Родится хлѣбъ самъ-другъ;
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Такъ новая бѣда:
Дѣваться съ хлѣбомъ некуда!
Припретъ нужда, продашь его
За сущую бездѣлицу,
А тамъ — неурожай!
Тогда плати въ три-дорога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозитъ бѣда великая

И въ нынѣшнемъ году:
Зима стояла лютая,
Весна стоитъ дождливая,
Давно бы сѣять надобно,
А на поляхъ—вода!
Умилосердись, Господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса! *
(Снявъ шляпу, пастырь крестится
И слушатели тожь).

„Деревни наши бѣдныя,
А въ нихъ крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вѣчныя:
Господь, прибавь имъ силъ!
Съ такихъ трудовъ кошѣйками
Живиться тяжело!
Случается, къ недужному
Придешь: не умирающій,
Страшна семья крестьянская
Въ тотъ часъ, какъ ей приходится
Кормильца потерять!
Нанутствуешь усопшаго
И поддержать въ оставшихся
По мѣрѣ силъ стараешься
Духъ бодръ! А тутъ къ тебѣ
Старуха, мать покойника,
Глядь, тинется съ костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переверотится,
Какъ звякнуть въ этой рученькѣ
Два мѣдныхъ пятака!
Конечно, дѣло чистое —
За потребу воздаяніе;
Не брать—такъ нечѣмъ жить;
Да слово утѣшенія
Замретъ на языкѣ,
И словно какъ обиженный
Уйдешь домой... Аминь...“

* Крутая радуга—къ ведру; пологая—къ дождю.

Покончили рѣчь—и мерина
 Хлестнули легонько попь.
 Крестьяне разступились,
 Низенько поклонилися,
 Конь медленно побрелъ.
 А шестеро товарищей,
 Какъ будто сговорилися,
 Накинулись съ упреками,
 Съ отборной крупной руганью
 Ни бѣднаго Луку.

— Что взялъ? башка упрямая!
 Дубина деревенская!
 Туда же лѣзетъ въ споръ!
 Дворяне колокольные —
 Попы живутъ по-книжески.
 Идутъ подь небо самое
 Поповы терема,
 Гудить попова вотчина —
 Колокола горластые —
 На цѣлй божій мѣръ.
 Три года я, робятушки,
 Жилъ у попа въ работникахъ:
 Малина—не житье!
 Попова каша съ маслицомъ,
 Поповъ пирогъ—съ начинкою,
 Поповы щи—съ снѣткомъ!
 Жена попова толстая,
 Попова дочка бѣлая,
 Попова лошадь жирная,
 Пчела попова сытая,
 Какъ колоколь гудѣтъ!
 Ну, вотъ тебѣ хваленое,
 Поповское житье!
 Чего оралъ, куражился?
 На драку лѣзъ, анаеема?
 Не тѣмъ ли думалъ взять,
 Что борода лопатую?
 Такъ съ бородой козелъ
 Гулялъ по свѣту ранѣ,
 Чѣмъ праотець Адамъ,
 А дуракомъ считается
 И по сей часъ козелъ!..

Лука стоялъ, помалчивалъ,

Боялся, не наклали бы
 Товарищи въ бока.
 Оно бы такъ и сталося,
 Да къ счастью крестьянина
 Дорога позагнулася —
 Лицо попово строгое
 Явилось на бугрѣ!..

ГЛАВА II.

СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА.

Недаромъ наши странники
 Поругивали мокрую,
 Холодную весну.
 Весна нужна крестьянину
 И ранняя и дружная,
 А тутъ—хоть волкомъ вой!
 Не грѣть землю солнышко,
 И облака дождливыя,
 Какъ дойныя коровушки,
 Идутъ по небесамъ.
 Согнало снѣгъ, а зелени
 Ни травки, ни листа!
 Вода не убирается,
 Земля не одѣвается
 Зеленымъ яркимъ бархатомъ,
 И, какъ мертвецъ безъ савана,
 Лежитъ подь небомъ пасмурнымъ
 Печальна и нага.

Жаль бѣднаго крестьянина,
 А пуще жаль скотинушку;
 Скормивъ запасы скудные,
 Хозяинъ хворостиною
 Прогналъ ее въ луга,
 А что тамъ взять? Чернехонько!
 Лишь на Николу вешняго
 Погода поуставилась,
 Зеленой свѣжей травушкой
 Полакомился скотъ.

День жаркій. Подъ березками
 Крестьяне пробираюгся,
 Гуторятъ межъ собой:
 „Идемъ одной деревнею,
 Идемъ другой — пустехонько!
 А день сегодня праздничній.
 Куда пропалъ народъ?..“
 Идутъ селомъ — на улицѣ
 Одни ребята малые,
 Въ домахъ — старухи старья,
 А то и вовсе заперты
 Калитки на замокъ.
 Замокъ — собачка вѣрная:
 Не лаетъ, не кусается,
 А не пускаетъ въ домъ!

Прошли село, увидѣли
 Въ зеленой рамѣ зеркало:
 Съ краями полный прудъ.
 Надъ прудомъ рѣютъ ласточки;
 Какіе-то комарики,
 Проворные и тощіе,
 Въ припрыжку, словно по суху,
 Гуляютъ по водѣ.
 По берегамъ, въ ракушечникѣ,
 Коростели скрипятъ.
 На длинномъ, шаткомъ плотикѣ,
 Съ валькомъ поповна толстая
 Стоитъ какъ стогъ подщипанный,
 Подтыкавши подоль.
 На этомъ же на плотикѣ
 Спать уточка съ утятами...
 Чу! лошадиный храпъ!
 Крестьяне разомъ глянули
 И надъ водой увидѣли
 Двѣ головы: мужицкую,
 Курчавую и смуглую,
 Съ серьгой (мигало солнышко
 На бѣлой той серьгѣ).
 Другую — лошадиную
 Съ веревкой сажень въ пять.
 Мужикъ беретъ веревку въ ротъ,
 Мужикъ плыветъ — и конь плыветъ,
 Мужикъ заржалъ — и конь заржалъ.

Плывутъ, орутъ! Подъ бабою,
 Подъ малыми утятами
 Плоть ходитъ ходенѣмъ.

Догналъ коня — за холку хватъ!
 Вскочилъ и на лугъ выѣхалъ
 Дѣтина: тѣло бѣлое,
 А шея, какъ смола;
 Вода ручьями катится
 Съ коня и съ сѣдока.

— А что у васъ въ селеніи
 Ни стараго, ни малаго,
 Какъ вымеръ весь народъ?
 „Ушли въ село Кузминское:
 Сегодня тамъ и ярмонка,
 И праздникъ храмовой“.
 — А далеко Кузминское?

„Да будетъ версты три“.
 — Пойдемъ въ село Кузминское,
 Посмотримъ праздникъ-ярмонку!
 Рѣшили мужики;
 А про себя подумали:
 Не тамъ ли онъ скрывается,
 Кто счастливо живетъ?..

Кузминское богатое,
 А пуще того — грязное
 Торговое село.
 По косогору тянется,
 Потому въ оврагъ спускается,
 А тамъ опять на горочку —
 Какъ грязи тутъ не быть?
 Двѣ церкви въ немъ старинныя,
 Одна старообрядская,
 Другая православная,
 Домъ съ надписью: училище —
 Пустой, забитый на-глухо,
 Изба въ одно окошечко,
 Съ изображеньемъ фельдшера,
 Пускающаго кровь.
 Есть грязная гостинница,
 Украшенная вывѣской
 (Съ большимъ носатымъ чайникомъ

Подносъ въ рукахъ подносчика,
И маленькими чашками,
Какъ гусыня гусятами,
Тотъ чайникъ окружень),
Есть лавки постоянныя,
Въ подобіе уѣзднаго
Гостинаго двора...

Пришли на площадь странники:
Товару много всякаго
И видимо-невидимо
Народу! Не погѣха ли?
Кажись, нѣтъ ходу крестнаго,
А словно предъ иконами
Безъ шапокъ мужики.
Такая ужъ сторонущка!
Гляди, куда дѣваются
Крестыянскіе шляпки:
Помимо склада виннаго,
Харчевни, рестораціи,
Десятка штофныхъ лавочекъ,
Трехъ постоялыхъ дворишковъ,
Да „ренского погреба“,
Да пары кабаковъ,
Одиннадцать кабачниковъ
Для праздника поставили
Палатки на селѣ.
При каждой пять подносчиковъ;
Подносчики — молодчики,
Наметанные, дошлые,
А все имъ не поспѣтъ,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что протянулося
Крестыянскихъ рукъ, со шляпами,
Съ платками, съ рукавицами.
Ой, жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
А тамъ добудутъ шапочки,
Какъ отойдетъ базаръ.

По пьянымъ по головушкамъ
Играетъ солнце вешнее...
Хмѣльно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругомъ!

Штаны на парняхъ плисовы,
Жилетки полосатыя,
Рубахи всѣхъ цвѣтовъ;
На бабахъ платья красныя,
У дѣвокъ косы съ лентами,
Лебедками плывутъ!
А есть еще затѣйницы,
Одѣты по столичному —
И ширится, и дуется
Подоль на обручакъ!
Заступишь, — расфуфыряется!
Вольно же, повомодницы,
Вамъ снасти рыболовныя
Подъ юбками носить!
На бабъ нарядныхъ гляючи,
Старообрядка злющая
Товаркѣ говорить:
„Быть голоду! быть голоду!
Дивись, что всходы вымкли,
Что половодье вешнее
Стоитъ до Петрова!
Съ тѣхъ поръ, какъ бабы начали
Рядиться въ ситцы красныя, —
Лѣса не поднимаются.
А хлѣба хоть не сѣй!“

— Да чѣмъ же ситцы красныя
Тутъ провинились, матушка?
Ума не приложу!

„А ситцы тѣ французскіе —
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?..“

По конной потолкался,
По взгорью, гдѣ навалены
Косули, грабли, бѣроны,
Багры, станки телѣжныя,
Ободья, топоры.
Тамъ шла торговля бойкая,
Съ божбою, съ прибаутками,
Съ здоровымъ, громкимъ хототомъ,
И какъ не хохотать?
Мужикъ какой-то вкхотный
Ходилъ, ободья пробоваль:

Погнулъ одинъ -- не нравится,
Погнулъ другой, потужился,
А ободъ какъ распрямится —
Щолезъ по лбу мужика!

Мужикъ реветъ надъ ободомъ,
„Вязовою дубиною“
Ругаетъ драчуна.

Другой пріѣхалъ съ разною
Подѣлкой деревянною —
И вывалилъ весь возъ!

Цыаненекъ! Ось сломалася,
А сталъ ее удѣлывать —
Топоръ сломалъ! Раздумался

Мужикъ надъ топоромъ,
Бранить его, корить его,
Какъ будто дѣло дѣлаеть:

„Подлецъ ты, не топоръ!
Пустую службу, плѣвую
И ту не сослужилъ.

Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласковъ не бывалъ!“

Пошли по лавкамъ странники:

Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шлеями, новой обувью,
Издѣлемъ кимряковъ.

У той сапожной лавочки
Опять смѣются странники:

Тутъ башмачки козловые
Дѣдъ внучкѣ торговалъ,
Пять разъ про цѣну спрашивалъ,
Вертѣлъ въ рукахъ, оглядывалъ:
Товаръ первѣйшій сортъ!

— Ну, дядя! два двугривенныхъ
Плати, не то проваливай!
Сказалъ ему купецъ.

„А ты стой!“ Любуется
Старикъ ботинкой крохотной,
Такую держитъ рѣчь:

„Мнѣ зять — плевать, и дочь смолчить,
Жена — плевать, пускай ворчить!
А внучку жаль! Повѣсилась
На шею, егоза:

Купи гостинчикъ, дѣдушка,
Купи! — Головкой шолковой
Лицо щекочетъ, ластится,
Цѣлуетъ старика.

Постой, ползунья бѣсая!
Постой, юла! Козловыя
Ботиночки куплю...

Расхвастался Вавилушка,
И старому, и малому
Подарковъ насулилъ,

А пропился до грошика!
Какъ я глаза безстыжие
Домашнимъ покажу?..

„Мнѣ зять — плевать, и дочь смолчить,
Жена — плевать, пускай ворчить!
А внучку жаль!...“ Пошелъ опять
Про внучку! Убивается!..

Народъ собрался, слушаетъ,
Не смѣючись, жалѣючи;
Случись, работой, хлѣбушкомъ

Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенныхъ,
Такъ самъ ни съ чѣмъ останешься.

Да былъ тутъ человекъ,
Павлуша Веретенниковъ
(Какого роду, званія

Не знали мужики,
Однако, звали „бариномъ“.

Гораздъ онъ былъ балясничать,
Носилъ рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;

Пѣлъ складно пѣсни русскія
И слушать ихъ любилъ.
Его видали многие

На постоялыхъ дворикахъ,
Въ харчевняхъ, въ кабакахъ).
Такъ онъ Вавилу выручилъ —
Купилъ ему ботиночки.

Вавило ихъ схватилъ
И былъ таковъ! — На радости
Спасибо даже барину
Забилъ сказать старикъ;

За то крестьяне прочіе
 Такъ были разутѣшены,
 Такъ рады, словно каждаго
 Онъ подарилъ рублемъ!

Была тутъ также лавочка
 Съ картинами и книгами,
 Офени запасалися
 Своимъ товаромъ въ ней.
 — А генераловъ надобно?
 Спросилъ ихъ купчикъ-выжига.
 „И генераловъ дай!
 Да только ты по совѣсти,
 Чтобъ были настоящіе —
 Потолще, погрознѣй“.
 — Чудные! какъ вы смотрите!
 Сказалъ купецъ съ усмѣшкой:
 — Тутъ дѣло не въ комплекціи...

„А въ чемъ же? шутишь, другъ!
 Дрянъ, что ли, сбыть желательно?
 А мы куда съ ней дѣнемся?
 Шалишь! Передъ крестьяниномъ
 Всѣ генералы равные,
 Какъ шишки на ели:
 Чтобы продать невзрачнаго,
 Попасть на доку надобно,
 А толстаго да грознаго
 Я всякому всучу...“

— А статскихъ не желаете?
 „Ну, вотъ еще со статскими!“
 (Однако, взяли — дешево! —
 Какого-то сановника
 За брюхо съ бочку винную
 И за семнадцать звѣздъ).
 Купецъ — со всѣмъ почтениемъ,
 Что либо, тѣмъ и потчуетъ
 (Съ Лубянки — первый воръ!).
 Спустилъ по сотнѣ Блюхера,
 Архимандрита Фотія,
 Разбойника Сипко;
 Сбылъ книги: „Шутъ Балакиревъ“
 И „Англійскій милордъ“...
 Легли въ коробку книжечки,

Пошли гулять портретники
 По царству всероссійскому,
 Покажѣсть не пристроятся
 Въ крестьянской дѣтней горенкѣ,
 На невысокой стѣночкѣ...
 Чортъ знаетъ для чего!

Эхъ! эхъ! придетъ ли времячко,
 Когда (приди желанное!..)
 Дадутъ понять крестьянину,
 Что розъ портретъ портретнику,
 Что книга книгѣ розъ?
 Когда мужикъ не Блюхера
 И не милорда глунаго —
 Бѣлинскаго и Гоголя
 Съ базара понесетъ?
 Ой, люди, люди русскіе!
 Крестьяне православные!
 Слыхали ли когда-нибудь
 Вы эти имена?
 То имена великія:
 Носили ихъ, прославили
 Заступники народныя!
 Вотъ вамъ бы ихъ портретники
 Повѣсить въ вашихъ горенкахъ,
 Ихъ книги прочитать...

„И радъ бы въ рай, да дверь-то гдѣ?“
 Такая рѣчь врывается
 Въ лавчонку неожиданно.
 — Тебѣ какую дверь?
 „Да въ балаганъ. Чу! музыка!..“
 — Пойдемъ, я укажу!

Про балаганъ прослышавши,
 Пошли и наши странники
 Послушать, поглазѣть.

Комедию съ Петрушкою,
 Съ козою съ барабанщицей
 И не съ простой шарманкою,
 А съ настоящей музыкой
 Смотрѣли тутъ они.
 Комедія не мудрая,
 Однако, и неглупая,
 Хожалому, квартальному

Не въ бровь, а прямо въ глазъ!
 Шалашъ полнымъ полнохонекъ,
 Народъ орѣшки шелкаетъ,
 А то два-три крестьянина
 Словечкомъ перекинутся—
 Гляди, явилась водочка:
 Посмотрять да попьютъ!
 Хохочутъ, утѣшаются
 И часто въ рѣчь Петрушкину
 Вставляютъ слово мѣткое,
 Какого не придумаешь,
 Хоть проглоти перо!

Такіе есть любители—
 Какъ кончится комедія
 За ширмочки пойдутъ,
 Цѣлуются, братаются,
 Гуторятъ съ музыкантами:
 — Откуда, молодцы?
 „А были мы господскіе,
 Играли на помѣщика,
 Теперъ мы люди вольные,
 Кто поднесетъ-попотчуетъ,
 Тотъ намъ и господинъ!“

— И дѣло, други милые,
 Довольно баръ вы тѣшили,
 Потѣшите мужиковъ!
 Эй! малый! сладкой водочки!
 Наливки! чаю! полпива!
 Цимлянскаго — живѣй!..

И море разливанное
 Пойдетъ, щедрѣе барскаго
 Ребятокъ угостятъ.

Не вѣтры вѣютъ буйные,
 Не мать-земля колышется—
 Шумитъ, поетъ, ругается,
 Качается, валяется,
 Дерется и цѣлуется
 У праздника народъ!
 Крестьянамъ показалось,
 Какъ вышли на пригорочекъ,
 Что все село шатается,

Что даже церковь старую
 Съ высокой колокольнею
 Шатнуло разъ-другой!—
 Тутъ трезвому, что голому,
 Неловко... Наши странники
 Прошлись еще на площади
 И къ вечеру покинули
 Бурливое село...

ГЛАВА III.

ПЬЯНАЯ НОЧЬ.

Не ригой, не амбарами,
 Не кабакомъ, не мельницей,
 Какъ часто на Руси,
 Село кончалось низенькимъ
 Бревенчатымъ строеніемъ,
 Съ желѣзными рѣшотками
 Въ окошкахъ небольшихъ.
 За тѣмъ этапнымъ зданіемъ
 Широкая дороженька,
 Березками обставлена,
 Открылась тутъ какъ тутъ.
 По буднямъ малолюдная,
 Печальная и тихая,
 Не та она теперъ!

По всей по той дороженькѣ
 И по окольнымъ тропочкамъ,
 Докуда глазъ хваталъ,
 Ползли, лежали, ѣхали,
 Барахталися пьяные,
 И стономъ стонъ стоялъ!

Скряпятъ телѣги грузныя,
 И какъ телячьи головы,
 Качаются, мотаются
 Побѣдныя головушки
 Уснувшихъ мужиковъ!

Народъ идетъ—и падаетъ,
 Какъ будто изъ-за валиковъ

Картечью непріатели
 Палать по мужикамъ!
 Ночь тихая спускается,
 Ужь вышла въ небо темное
 Луна; ужъ пишеть грамоту
 Господь червоннымъ золотомъ
 По синему по бархату,
 Ту грамоту мудреную,
 Которой ни разумникамъ,
 Ни глупымъ не прочеть.

Дорога стоголосая
 Гудить! Чтò море синее,
 Смолкаетъ, подымается
 Народная молва.

„А мы полтинникъ писарю:
 Прошенье изготовили
 Къ начальнику губерніи...“

— Эй! съ возу куль упалъ!

„Куда же ты, Олёнушка?
 Постой! еще дамъ приничка,
 Ты, какъ блоха проворная,
 Наѣлася—и упрыгнула,
 Погладить не далась!“
 — Добра ты, царска грамота,
 Да не при насъ ты писана...

„Посторонись народъ!“
 (Акцизные чиновники
 Съ бубенчиками, съ бляхами
 Съ базара пронеслись).

— А я къ тому, теперича:
 И вѣникъ дрянъ, Ивашъ Ильичъ,
 А погуляетъ по полу,
 Куда какъ нащлеть!

„Избави Богъ, Парашенька,
 Ты въ Питерь не ходи!
 Такіе есть чиновники,
 Ты день у нихъ кухаркою,
 А ночь у нихъ сударкою—
 Такъ это наплевать!“

— „Куда ты скачешь, Савушка?“
 (Кричитъ священникъ сотскому
 Верхомъ, съ казенной бляхою).

— Въ Кузминское скачу
 За становымъ. Оказія:
 Тамъ впереди крестьянина
 Убили... „Эхъ!... грѣхи!..“

— Худа ты стала, Дарьюшка!
 „Не веретенце, другъ!
 Вотъ то, чѣмъ больше вертится,
 Пузатѣ становится,
 А я какъ день-деньской...“

„Эй! парень, парень глупенькій,
 Оборванной, паршивелькій,
 Эй, полюби меня!
 Меня простоволосую,
 Хмѣльную бабу, старую,
 Зааа-паааа-чканую!..“

Крестьяне наши трезвые,
 Поглядывая, слушая,
 Идутъ своимъ путемъ.

Средь самой средь дороженьки
 Какой-то парень тихонькій
 Большую яму выкопалъ:
 — Чтò дѣлаешь ты тутъ?
 „А хороню я матушку!“

— Дуракъ! какая матушка!
 Гляди: поддѣвку новую
 Ты въ землю закопалъ!
 Иди скорѣй, да хрюкаломъ
 Въ канаву лигъ, воды испей!
 Авось, соскочить дуръ!

— „А ну, давай потянемся!“

Садятся два крестьянина,
 Ногами упираются,
 И жиятятся и тужатся,
 Крехтятъ—на скалкѣ тянутся,
 Суставчики трещать!

На скалкѣ не поправилось:
 „Давай теперь попробуемъ
 Тянуться бородой!“
 Когда порядкомъ бороды
 Другъ дружкѣ поубавили,
 Вцѣпились за скулы!
 Пыхтятъ, краснѣютъ, корчатся,
 Мычатъ, визжатъ, а тинутся!
 — „Да будетъ вамъ, проклятые!“
 Не разольешь водой!
 Въ капавѣ бабы ссорятся,
 Одна кричитъ: домой идти
 Тошнѣе, чѣмъ на каторгу!
 Другая: врешь, въ моемъ дому
 Похуже твоего!
 Миѣ старшій зять ребро сломаль,
 Средній зять клубокъ украль,
 Клубокъ плевокъ, да дѣло въ томъ —
 Полтинникъ былъ замотанъ въ немъ,
 А младшій зять все ножъ беретъ,
 Того гляди убьетъ, убьетъ!..
 — „Ну, полно, полно, миленькій!
 Ну, не сердись!“ За валикомъ
 Не подалеку слышится:
 „Я ничего... пойдемъ!“
 Такая ночь бѣдовая!
 Направо ли, налѣво ли
 Съ дороги поглядишь:
 Идутъ дружененько парочки,
 Не къ той ли роцѣ правятся?
 Та роца манитъ всякаго,
 Въ той роцѣ голосистые
 Соловухи поютъ...
 Дорога многолюдная
 Чтѣ позже—безобразнѣе:
 Все чаще попадаются
 Избитые, ползущіе,
 Лежащіе пластомъ.
 Безъ ругани, какъ водится,
 Словечко не промолвится,
 Шальная, nepотребная
 Слышнѣй всего она!
 У кабаковъ смятеніе,
 Подводы перепутались,

Испуганныя лошади
 Безъ сѣдоловъ бѣгутъ;
 Тутъ плачутъ дѣти малыя,
 Тоскуютъ жены, матери:
 Легко ли изъ питейнаго
 Дозваться мужиковъ?..
 У столбика дорожнаго
 Знакомый голосъ слышится,
 Подходятъ наши странники
 И видятъ: Веретенниковъ
 (Что башмачки козловые
 Вавилъ подарилъ)
 Бесѣдуетъ съ крестьянами.
 Крестьяне открываются
 Милагѣ по душѣ:
 Похвалитъ Павелъ пѣсенку —
 Пять разъ споютъ, записывай!
 Понравится пословица —
 Пословицу пиши!
 Позаписавъ достаточно,
 Сказалъ имъ Веретенниковъ:
 „Умны крестьяне русскіе,
 Одно не хорошо,
 Что пьютъ до одуренія:
 Во рвы, въ канавы валятся —
 Обидно поглядѣть!“

Крестьяне рѣчь ту слушали,
 Поддакивали барину.
 Павлуша чтѣ-то въ книжечку
 Хотѣлъ уже писать,
 Да выискался пьяненькій
 Мужикъ,—онъ противъ барина
 На животѣ лежалъ,
 Въ глаза ему поглядываль,
 Помалчиваль,—да вдругъ
 Какъ вскочить! Прямо къ барину —
 Хватъ карандашъ изъ рукъ!
 „Постой, башка порожняя!
 Шальныхъ вѣстей, безсовѣстныхъ
 Про насъ не разноси!
 Чему ты позавидоваль?
 Что веселится бѣдная
 Крестьянская душа?

Пьемъ много мы по времени,
 А больше мы работаемъ,
 Насъ пьяныхъ много видится,
 А больше трезвыхъ насъ.
 По деревнямъ ты хаживаль?
 Возьмемъ ведро съ водкою,
 Пойдемъ-ка по избамъ:
 Въ одной, въ другой навалятся.
 А въ третьей не притронутся —
 У насъ на семью пьющую
 Непьющая семья!
 Не пьютъ, а также маются,
 Ужъ лучше-бъ пили, глупше,
 Да совѣсть такова...
 Чудно смотрѣть, какъ ввалится
 Въ такую избу трезвую
 Мужичья бѣда,
 И не глядѣль бы!.. Видываль
 Въ страду деревни русскія?
 Въ питейномъ, что-ль, народъ?
 У насъ поля обширныя,
 А не гораздо щедрья,
 Скажи-ка, чьей рукой
 Съ весны они одѣнутся,
 А осенью раздѣнутся?
 Встрѣчалъ ты мужика
 Послѣ работы вечеромъ?
 На пожнѣ гору добрую
 Поставилъ, съѣлъ съ горошину:
 — Эй! богатырь! соломинкой
 Спибу, посторонись! —

„Сладка ѣда крестьянская,
 Весь вѣкъ пила желѣзная
 Жуеть, а ѣсть не ѣсть!
 Да брюхо-то не зеркало,
 Мы на ѣду не плачемся...
 Работаетъ одинъ,
 А чуть работа кончена,
 Гляди, стоятъ три дольщика...
 А есть еще губитель-татъ
 Четвертый, злѣй татарина,
 Такъ тотъ и не подѣлится,
 Все слопаеть одинъ!

У насъ присталь третьеводни
 Такой же баринъ плохонькій,
 Какъ ты, изъ-подъ Москвы.
 Записываетъ пѣсенки,
 Скажи ему пословицу,
 Загадку загани.
 А былъ другой—допытываль,
 На сколько въ день сработаетъ,
 По малу ли, по многу ли
 Кусковъ пихаетъ въ ротъ?
 Иной угодня мѣряетъ,
 Иной въ селенѣ жителей
 По пальцамъ перечтетъ;
 А вотъ не сосчитали же,
 По скольку въ лѣто каждое
 Пожаръ пускаетъ на вѣтеръ
 Крестьянскаго труда?..

„Нѣтъ мѣры хмѣлю русскому.
 А горе наше мѣряли?
 Работѣ мѣра есть?
 Вино валитъ крестьянина,
 А горе не валитъ его?
 Работа не валитъ?
 Мужикъ бѣды не мѣряетъ,
 Со всякою справляется,
 Какая ни приди.
 Мужикъ, трудясь, не думаетъ,
 Что силы надорветъ;
 Такъ неужли надъ чаркою
 Задуматься, что съ лишняго
 Въ канаву угодишь?
 А что глядѣть зазорно вамъ,
 Какъ пьяные валяются,
 Такъ погляди поди,
 Какъ изъ болота волокомъ
 Крестьяне сѣно мокрое
 Скосивши волокутъ:
 Гдѣ не пробраться лошади,
 Гдѣ и безъ ноши пѣшему
 Опасно перейти,
 Тамъ рать-орда крестьянская
 По кочамъ, по зажоринамъ
 Ползкомъ-ползетъ съ плетюхами, —
 Трещитъ крестьянскій пупъ!

„Подъ солнышкомъ безъ шапочекъ,
 Въ поту, въ грязи по макушку,
 Осокою изрѣзаны,
 Болотнымъ гадомъ-мошкой
 Изъѣденные въ кровь, —
 Небось мы тутъ красивѣе?
 „Жалѣть—жалѣй умѣючи,
 На мѣрочку господскую
 Крестьянина не мѣрь!
 Не бѣлоручки нѣжныи,
 А люди мы великие
 Въ работѣ и въ гульбѣ!..“

„У каждаго крестьянина
 Душа, чтѣ туча черная —
 Гнѣвна, грозна—и надо бы
 Громамъ гремѣть оттудова,
 Кровавымъ лить дождямъ,
 А все виномъ кончается.
 Пошла по жиламъ чарочка —
 И размѣялась добрая
 Крестьянская душа!
 Не горевать тутъ надобно,
 Гляди кругомъ,—возрадуйся!
 Ай парни, ай молодухи,
 Умѣютъ погулять!
 Повымахали косточки,
 Повымотали душеньку,
 А удалъ молодецкую
 Про случай сберегли!..“

Мужикъ стоялъ на валикѣ,
 Притопивалъ лаптишками
 И, помолчавъ минуточку,
 Прибавилъ громкимъ голосомъ,
 Любуясь на веселую,
 Ревущую толпу:
 „Эй! царство ты мужицкое,
 Безшапочное, пьяное,
 Шуми—вольнѣй шуми!..“

— Какъ звать тебя, старинушка?
 „А чтѣ? запишешь въ книжечку?
 Пожалуй, нужды нѣтъ!
 Циши: „Въ деревнѣ Босовѣ“

Якимъ Нагой живетъ,
 Онъ до смерти работаетъ,
 До полусмерти пьетъ!..“

Крестьяне размѣялися
 И рассказали барину,
 Каковъ мужикъ Якимъ.

Якимъ старикъ убогонкѣй,
 Живалъ когда-то въ Питерѣ,
 Да угодилъ въ тюрьму:
 Съ купцомъ тягаться вздумалось!
 Какъ липочка ободраннѣй,
 Вернулся онъ на родину
 И за соху взялся.
 Съ тѣхъ поръ лѣтъ тридцать жарится
 На полосѣ подъ солнышкомъ,
 Подъ бороной спасается
 Отъ частаго дождя,
 Живетъ—съ сохою возится,
 А смерть придетъ Якимушкѣ—
 Какъ комъ земли отвалится,
 Что на сохѣ присохъ...“

Съ нимъ случай былъ: картиночекъ
 Онъ сыну накупилъ,
 Развѣшалъ ихъ по стѣночкамъ
 И самъ не меньше мальчика
 Любилъ на нихъ глядѣть.
 Пришла немилость Божія—
 Деревня загорѣлася —
 А было у Якимушки
 За цѣлый вѣкъ накоплено
 Цѣлковыхъ тридцать-пять;
 Скорѣй бы взять цѣлковые,
 А онъ сперва картиночки
 Сталъ со стѣны срывать;
 Жена его тѣмъ временемъ
 Съ иконами возилася,
 А тутъ изба и рухнула—
 Такъ оплошалъ Якимъ!
 Слились въ комокъ цѣлковики,
 За тотъ комокъ даютъ ему
 Одиннадцать рублей...
 „Ой, братъ Якимъ! не дешево“

Картинки обошлись?
За то и въ избу новую
Повѣсилъ ихъ, небось?"

— Повѣсилъ—есть и новья,
Сказалъ Якимъ—и смолкъ.

Вглядѣлся баринъ въ пахаря:
Грудь впалая, какъ вдавленный
Животъ; у глазъ, у рта
Излучины, какъ трещины
На высохшей землѣ;
И самъ на землю-матушку
Похожъ онъ: шея бурая,
Какъ пласть, сухой огрѣзанный,
Кирпичное лицо,
Рука—кора древесная,
А волосы—песокъ.

Крестьяне какъ замѣтили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласились
Съ Якимомъ: „Слово вѣрное:
Намъ подобаеть пить!
Пьемъ—значить, силу чувствуемъ!
Придетъ печаль великая,
Какъ перестанемъ пить!..
Работа не свалила бы,
Бѣда не одолѣла бы,
Нась хмѣль не одолить!
Не такъ ли?

„Да, Богъ милостивъ!“

— Ну, выпей съ нами чарочку!

Достали водки, выпили.
Якому Веретенниковъ
Два шкалика поднесъ.

„Ай, баринъ! не прогнѣвался,
Разумная головушка!
(Сказалъ ему Якимъ):
Разумной-то головушкѣ
Какъ не понять крестьянина?
А свиньи ходять по земи—
Не видать неба вѣкъ!..“

Вдругъ пѣсня хоромъ грянула
Удалая, согласная:
Десятка три молодчиковъ,
Хмѣльненьки, а не ваятятся,
Идутъ рядкомъ, поютъ,
Поютъ про Волгу-матушку,
Про удалъ молодецкую,
Про дѣвичью красу.
Притихла вся дороженька,
Одна та пѣсня складная
Широко, вольно катится,
Какъ рожь подъ вѣтромъ стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идетъ огнемъ-тоской!..

Подъ пѣсню ту удалую
Раздумалась, расплакалась
Молодушка одна:
„Мой вѣкъ—что день безъ солнышка,
„Мой вѣкъ—что ночь безъ мѣсяца,
„А я млада-младешенька,
„Что борзый конь на привязи,
„Что ласточка безъ крыль!
„Мой старый мужъ, ревнивый мужъ
„Напился пьянь, храпомъ храпить,
„Меня младу-младешеньку
„И сонный сторожить!“

Такъ плакалась молодушка
Да съ возу вдругъ и прыгнула!
„Куда?“ кричитъ ревнивый мужъ,
Привсталъ—и бабу за косу,
Какъ рѣдку за вихорь!

Ой! ночька, ночька пьяная!
Не свѣтлая, а звѣздная,
Не жаркая, а съ ласковымъ
Весеннимъ вѣтеркомъ!
И нашимъ добрымъ молодцамъ
Ты даромъ не прошла!
Сгрустнулось имъ по женушкамъ,
Оно и правда: съ женушкой
Теперь бы веселѣй!
Иванъ кричитъ: „я спать хочу“,
А Марьюшка: „и я съ тобой!“

Иванъ кричитьъ: „постель узка“,
 А Марьюшка: „уляжемся!“
 Иванъ кричитьъ: „ой! холодно“,
 А Марьюшка: „угрѣмся!“
 Какъ вспомнили ту пѣсенку,
 Безъ слова — согласилися
 Ларецъ свой попытать.

Одна, зачѣмъ, Богъ вѣдаетъ,
 Межъ полемъ и дорогою
 Густая липа выросла;
 Подъ ней присѣли странники
 И осторожно молвили.
 „Эй! скатерть самобранная,
 Попотчуй мужиковъ!“

И скатерть развернулася,
 Откудова ни взялися
 Двѣ дюжія руки:
 Ведро вина поставили,
 Горой наклали хлѣбушка
 И спрятались опять.

Крестьяне подкрѣпилися,
 Романъ за караульнаго
 Остался у ведра,
 А прочіе вмѣшались
 Въ толпу — искать счастливаго:
 Имъ крѣпко захотѣлося
 Скорѣй попасть домой...

ГЛАВА IV.

СЧАСТЛИВЫЕ.

Въ толпѣ горластой, праздничной
 Похаживали странники.
 Прокликивали кличь:
 „Эй! нѣтъ-ли гдѣ счастливаго?
 Явись! Коли окажется,
 Что счастливо живешь,
 У насъ ведро готовое:
 Пей даромъ сколько вздумаешь —
 На славу угостимъ!..“

Такимъ рѣчамъ неслыханнымъ
 Смѣялись люди трезвые,
 А пьяные, да умные
 Чуть не плевали въ бороду
 Ретивымъ крикунамъ.
 Однако, и охотниковъ
 Хлѣбнуть вина безплатнаго
 Достаточно нашлось.
 Когда вернулись странники
 Подъ липу, кличь прокликавши,
 Ихъ обступилъ народъ.
 Пришелъ дьячокъ уволенный,
 Тощой, какъ спичка сѣрная,
 И ласы распустилъ,
 Что счастье не въ пажигахъ,
 Не въ соболяхъ, не въ золотѣ,
 Не въ дорогихъ камняхъ.
 — А въ чемъ же?

„Въ благодуществѣ!“

Предѣлы есть владѣніямъ
 Господъ, вельможъ, царей земныхъ,
 А мудраго владѣніе —
 Весь вертоградъ Христовъ!
 Коль обогрѣетъ солнышко
 Да пропушу косушечку,
 Такъ вотъ и счастливъ я!“
 — А гдѣ возьмешь косушечку?
 „Да вы же дать сулилися..“

— Проваливай! палишь!..

Пришла старуха старая,
 Рябая, одноглазая
 И объявила, кланяясь,
 Что счастлива она:
 Что у нея по осени
 Родилось рѣпъ до тысячи
 На небольшой грядѣ.
 „Такая рѣпа крупная,
 Такая рѣпа вкусная,
 А вся гряда — сажени три,
 А въ поперечъ — аршинъ!“
 Надъ бабой посмѣялися,
 А водки капли не дали:

„Ты дома выпей, старая,
Той рѣной закуси!“

Пришелъ солдатъ съ медалями
Чуть живъ, а выпить хочется:
„Я счастливъ!“ говоритъ.

— Ну, открывай, старинушка,
Въ чемъ счастье солдатское?
Да не таись, смотри!
„А въ томъ, во-первыхъ, счастье,
Что въ двадцати сраженіяхъ
Я былъ, а не убитъ!
А во-вторыхъ, важнѣй того,
Я и во время мирное
Ходилъ ни сытъ, ни голодень,
А смерти не дался!
А въ-третьихъ — за провинности,
Великія и малыя,
Нещадно бить я палками,
А хоть пощупай — живъ!“

— На! выпивай, служивенькій!
Съ тобой и спорить нечего:
Ты счастливъ — слова нѣтъ!

Пришелъ съ тяжелымъ молотомъ
Каменотесъ олончанинъ,
Плечистый, молодой:
„И я живу — не жалуясь“,
Сказалъ онъ: „съ женой, съ матушкой,
Не знаемъ мы нужды!“

— Да въ чемъ же ваше счастье?

„А вотъ, гляди (и молотомъ,
Какъ перышкомъ, махнулъ):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Такъ гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачивать
Въ день на пять серебромъ!“
Пахомъ приподнял „счастье“
И, крикнувши порядочно,
Работнику поднесъ:

— Ну, вѣско! а не будетъ ли
Носиться съ этимъ счастьемъ
Подъ старость тяжело?..
„Смотри, не хвастай силою“,
Сказалъ мужикъ съ отдышкою,
Разслабленный, худой
(Носъ вострый, какъ у мертваго,
Какъ грабли, руки тощія,
Какъ спицы, ноги длинныя,
Не человѣкъ — камарь).
„Я былъ — не хуже каменьщикъ,
Да тоже хвасталъ силою,
Вотъ Богъ и наказалъ!
Смекнулъ подрядчикъ, бестія,
Что простоватъ дѣтинушка,
Учалъ меня хвалить,
А я-то съ дуру радуюсь,
За четверыхъ работаю!
Однажды ношу добрую
Наклалъ я кирпичей;
А тутъ его, проклятаго,
И нанеси нелегкая;
„Что это? говорить,
„Не узнаю я Трифона!
„Идти съ такою ношею
„Не стыдно молодцу?“
— А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою!
Сказалъ я, осердясь.
Ну, съ полчаса, я думаю,
Я ждалъ, а онъ подкладывалъ,
И подложилъ, подлець!
Самъ слышу — тига страшная,
Да не хотѣлось пититься.
И внесъ ту ношу чортову
Я во второй этажъ!
Глядитъ подрядчикъ, дивится,
Кричитъ, подлець, оттудова:
„Ай, молодець, Трофимъ!
Не знаешь самъ, что сдѣлалъ ты:
Ты снесъ одинъ по крайности
Четырнадцать пудовъ!“
Ой, знаю, сердце молотомъ
Стучить въ груди, кровавые

Въ глазахъ круги стоятъ,
Спина какъ-будто треснула...
Дрожатъ, ослабли ноженьки.
Зачахъ я съ той поры!..
Налей, братъ, полстаканчика!“

— Налить? Да гдѣ-жъ тутъ счастье?
Мы потчuemъ счастливаго,
А ты что разсказалъ!
„Дослушай! будетъ счастье!“

— Да въ чемъ же, говори!

„А вотъ въ чемъ. Мнѣ на родинѣ,
Какъ всякому крестьянину,
Хотѣлось умереть.

Изъ Питера, расслабленный,
Шальной, почти безъ памяти,
Я на машину съѣлъ.

Ну вотъ мы и поѣхали.

Въ вагонъ лихорадочныхъ,

Горячечныхъ работничковъ

Насъ много набралось;

Всѣмъ одного желалось,

Какъ мнѣ, попасть на родину,

Чтобъ дома помереть.

Однако, нужно счастье

И тутъ: мы лѣтомъ ѣхали;

Въ жаричѣ, въ духотѣ,

У многихъ помутились

Въ конецъ больныя головы,

Въ вагонъ адъ пошелъ:

Тотъ стонетъ тотъ катается,

Какъ оглашенный, по полу,

Тотъ бредитъ жenkой, матушкой.

Ну, на ближайшей станціи

Такого и долой!

Глядѣлъ я на товарищей,

Самъ весь горѣлъ, подумывалъ—

Не сдобровать и мнѣ.

Въ глазахъ кружки багровые,

И все мнѣ, братецъ, чудится

Что рѣжу пѣуновъ

(Мы тоже пѣунятники:

Случалось въ годъ откармливать

До тысячи зобовъ).

Гдѣ вспомнились, проклятые!

Ужъ я молиться пробовалъ,

Нѣтъ! все съ ума нейдутъ!

Повѣришь ли? вся партія

Передо-мной трещецется!

Гортани перерѣзаны,

Кровь хлещетъ, а поютъ!

А я съ ножомъ: „Да полно вамъ!“

Ужъ какъ Господь помиловалъ,

Что я не закричалъ?

Сижу, крѣплюсь... по счастью

День кончился! а къ вечеру

Похолодало,—сжалился

Надъ сиротами Богъ!

Ну, такъ мы и доѣхали,

И я добрелъ на родину,

А здѣсь, по божьей милости,

И легче стало мнѣ...“

— Чего вы тутъ расхвастались

Своимъ мужицкимъ счастьемъ?

Кричитъ, разбитый на ноги,

Дворовый человекъ:

А вы меня попотчуйте:

Я счастливъ, видитъ Богъ!

У перваго боярина,

У князя Переметьева,

Я былъ любимый рабъ.

Жена—раба любимая,

А дочка вмѣстѣ съ барышней

Училась и французскому,

И всякимъ языкамъ,

Садиться позволялось ей

Въ присутствіи княжны...

Ой! какъ кольнуло!.. батюшки!..

(И началъ ногу правую

Ладонями тереть).

Крестьяне разсмѣялися.

— Чего смѣтесъ, глуше!

Озлившись неожиданно,

Дворовый закричалъ:

Я боленъ, а сказать ли вамъ,

О чемъ молюсь я Господу,

Вставая и ложась?

Молюсь: „Оставь мнѣ, Господи,
 Болѣзнь мою почетную,
 По ней я дворянинъ!“
 Не вашей подлой хворостью,
 Не хрипотой, не грыжею—
 Болѣзнью благородною,
 Какая только водится
 У первыхъ лицъ въ имперіи,
 Я боленъ, мужичье!
 По-да-грой именуется!
 Чтобъ получить ее —
 Шампанское, бургонское,
 Токайское, венгерское
 Лѣтъ тридцать надо пить...
 За стуломъ у свѣтлѣйшаго
 У князя Переметьева
 Я сорокъ лѣтъ стоялъ,
 Съ французскимъ лучшимъ трюфелемъ
 Тарелки я лизалъ,
 Напитки иностранныя
 Изъ рюмокъ допивалъ...
 Ну, наливай!

— Проваливай!

У насъ вино мужицкое,
 Простое, не заморское—
 Не по твоимъ губамъ!

Желтоволосый, сгорбленный
 Подкрался робко къ странникамъ
 Крестьянинъ-бѣлоруссъ,
 Туда же къ водкѣ тянется:
 „Налей и мнѣ маненичко,
 Я счастливъ!“ говорить.

— А ты не лѣзь съ ручищами!
 Докладывай, доказывай
 Сперва, чѣмъ счастливъ ты?
 „А счастье наше—въ хлѣбушкѣ:
 Я дома въ Бѣлоруссіи
 Съ мякиною, съ кострибою
 Ячменный хлѣбъ жевалъ,
 Бывало, вопишь голосомъ,
 Какъ роженица корчишься,
 Какъ схватить животы.
 А нынѣ, милость Божія!—

До-сыта у Губонина
 Даютъ ржаного хлѣбушка,
 Жую—не нажуюсь!“

Пришелъ какой-то пасмурный
 Мужикъ съ скулой свороченной,
 Направо все глядитъ:
 „Хожу я за медвѣдями,
 И счастье мнѣ великое:
 Троекъ моихъ товарищей
 Сломали мишуки,
 А я живу, Богъ милостивъ!“

— А ну-ка, влѣво глянь!

Не глянулъ, какъ ни пробовалъ,
 Какія рожи страшныя
 Ни корчилъ мужичокъ:
 „Свернула мнѣ медвѣдица
 Маненичко скулу!“
 — А ты съ другой помѣрайся,
 Подставь ей щеку правую—
 Поправить...—Посмѣялися,
 Однако, поднесли.

Оборванные нищѣ,
 Послышавъ запахъ пѣннаго,
 И тѣ пришли доказывать
 Какъ счастливы они:
 „Насъ у порога лавочникъ
 Встрѣчаетъ подаваніемъ,
 А въ домъ войдемъ, такъ изъ дому
 Проводятъ до воротъ...
 Чуть запоемъ мы пѣсенку,
 Бѣжитъ къ окну хозяйшка
 Съ краюхою, съ ножомъ,
 А мы-то заливаемся:
 „Давай, давай—весь каравай
 Не мнется и не крошится,
 Тебѣ скорѣй, а намъ спорѣй...“

Смекнули наши странники,
 Что даромъ водку тратили,
 Да кстати и ведерочку
 Конецъ. „Ну, будетъ съ васъ!

Эй, счастье мужицкое!
 Дырявое съ заплатами,
 Горбатое съ мозолями,
 Проваливай домой!“

„А вамъ бы, други милые,
 Спросить Ермилу Гирина“,
 Сказалъ, подѣвши къ стражникамъ,
 Деревни Дымоглотова
 Крестьянинъ Федосей:

„Коли Ермилъ не выручить,
 Счастливецемъ не объявится,
 Такъ и шататься нечего...“

— А кто такой Ермилъ?
 Князь, что ли, графъ сіятельный?
 „Не князь, не графъ сіятельный,
 А просто онъ — мужикъ!“

— Ты говори толковѣ,
 Садись, а мы послушаемъ,
 Какой такой Ермилъ?

„А вотъ какой: сиротскую
 Держалъ Ермило мельницу
 На Ужѣ. По суду
 Продать рѣшили мельницу:
 Пришелъ Ермило съ прочими
 Въ палату на торги,
 Пустые покупатели
 Скоренько отвалилися,
 Одинъ купецъ Алтынниковъ
 Съ Ермиломъ въ бой вступилъ,
 Не отстаеъ, торгуется,
 Наносить по копѣчкѣ.
 Ермило, какъ разсердится —
 Хватъ съ-разу пять рублей!
 Купецъ опять копѣчку,
 Пошло у нихъ сраженіе:
 Купецъ его копѣйкою,
 А тотъ его рублемъ!
 Не устоялъ Алтынниковъ!
 Да вышла тутъ оказія:
 Тотчасъ же стали требовать
 Задатковъ третью часть,
 А третья часть — до тысячи.

Съ Ермиломъ денегъ не было,
 Ужъ самъ ли онъ сплосалъ,
 Схитрили ли подъячїе,
 А дѣло вышло дрянъ!

Повеселѣлъ Алтынниковъ:
 „Моя, выходитъ, мельница!
 — „Нѣтъ!“ говоритъ Ермилъ.
 Подходить къ предѣдателью:
 „Нельзя-ли вашей милости
 Помѣшкать полчаса?“

— Что въ полчаса ты сдѣлаешь?

„Я деньги принесу!“
 — А гдѣ найдешь? Въ умѣ-ли ты?
 Версть тридцать-пять до мельницы,
 А черезъ часъ присутствію
 Конецъ, любезный мой!

„Такъ полчаса позволите?“
 — Пожалуй, часъ промѣшкаемъ! —

Пошелъ Ермилъ! подъячїе
 Съ купцомъ переглянулися,
 Смѣются, подлещи!
 На площадь на торговую
 Пришелъ Ермило (въ городѣ
 Тотъ день базарный былъ),
 Сталъ на возъ, видимъ: крестится,
 На всѣ четыре стороны
 Поклонъ, — и громкимъ голосомъ
 Кричитъ: „Эй, люди добрые!
 Притихните, послушайте,
 Я слово вамъ сважу!“
 Притихла площадь людная,
 И тутъ Ермилъ про мельницу
 Народу рассказалъ:
 „Давно купецъ Алтынниковъ
 Присватывался къ мельницѣ,
 Да не плошалъ и я;
 Разъ пять справлялся въ городѣ,
 Сказали: съ переторжкою
 Назначены торги.
 Безъ дѣла, сами знаете,
 Возить казну крестьянину
 Проселкомъ не рука:

Приѣхаль я безъ грошика,
 Анъ глядь—они спроворили
 Безъ переторжки торгъ!
 Схитрили души подлыя,
 Да и смѣются нехристи:
 „Что часомъ ты подѣлаешь?
 Гдѣ денегъ ты найдешь?“
 Авось найду, Богъ милостивъ!
 Хитры, сильны подъячіе,
 А міръ ихъ посильнѣй;
 Богатъ купецъ Алтынниковъ,
 А все не устоять ему
 Противъ мірской казны —
 Ее, какъ рыбу изъ моря,
 Вѣка ловить не выловить.
 Ну, братцы! видитъ Богъ,
 Раздѣлаюсь въ ту пятницу!
 Не дорога мнѣ мельница,
 Обида велика!
 Коли Ермила знаете,
 Коли Ермилу вѣрите,
 Такъ выручайте, что-ль!..“

И чудо сотворилося —
 На всей базарной площади
 У каждаго крестьянина,
 Какъ вѣтромъ, полу лѣвую
 Заверотило вдругъ!
 Крестьянство раскошелося,
 Несуть Ермилу денечки,
 Даютъ, кто чѣмъ богатъ.
 Ермилу паренъ грамотный,
 Да некогда записывать,
 Успѣй пересчитать!
 Наклали шляпу полную
 Цѣлковиковъ, лабанчиковъ,
 Прожженной, битой, трепаной
 Крестьянской ассигнаціи.
 Ермилу бралъ—не брезговаль
 И мѣднымъ пятакомъ.
 Еще бы сталь онъ брезговать,
 Когда тутъ попадалася
 Иная гривна мѣдная
 Дороже ста рублей!

Ужь сумма вся исполнилась
 А щедрота народная
 Росла: „бери, Ермилъ Ильичъ,
 Отдашь, не пропадетъ!“
 Ермилъ народу кланялся
 На всѣ четыре стороны,
 Въ палату шель со шляпою,
 Зажавши въ ней казну.
 Сдвигилися подъячіе,
 Позеленѣлъ Алтынниковъ,
 Какъ онъ сполна всю тысячу
 Имъ выложилъ на столъ!..
 Не волчій зубъ, такъ лисій хвостъ, —
 Пошли юлить подъячіе,
 Съ покупкой поздравлять!
 Да не таковъ Ермилъ Ильичъ,
 Не молвилъ слова лишняго,
 Копѣйки не далъ имъ!

Глядѣтъ весь городъ съѣхался,
 Какъ въ день базарный—пятницу,
 Черезъ недѣлю времени,
 Ермилъ на той же площади
 Разсчитываль народъ.
 Упомнить гдѣ же всякаго?
 Въ ту пору дѣло дѣбалось
 Въ горячкѣ, въ-торопяхъ!
 Однако, споровъ не было,
 И выдать гроша лишняго
 Ермилу не пришлось.
 Еще—онъ самъ разсказываль —
 Рубль лишній, чей, Богъ вѣдаетъ!
 Остался у него.
 Весь день съ мошной раскрытою
 Ходилъ Ермилъ, допытываль,
 Чей рубль? да не нашель.
 Ужь солнце закатилося,
 Когда съ базарной площади
 Ермилъ послѣдній тронулся,
 Отдавъ тотъ рубль слѣснымъ...
 Такъ вотъ каковъ Ермилъ Ильичъ.“

Чуденъ! сказали странники:
 Однако, знать желательно—
 Какимъ же колдовствомъ

Мужикъ надъ всей округою
Такую силу взялъ?

„Не колдовствомъ, а правдою.
Слыхали про Адовщину,
Юрлова князя вотчину?“

— Слыхали, ну, такъ что-жь?

„Въ ней главный управляющій
Быль корпуса жандармскаго
Полковникъ со звѣздой,
При немъ пять-шесть помощниковъ,
А нашъ Ермило писаремъ
Въ конторѣ состоялъ.

„Лѣтъ двадцать было малому,
Какая воля писарю?
Однако, для крестьянина
И писарь человекъ.
Къ нему подходилъ къ первому,
А онъ и посовѣтуетъ,
И справку наведетъ;
Гдѣ хватить силы—выручить,
Не спросить благодарности,
И дашь, такъ не возьметъ!
Худую совѣсть надобно
Крестьянину съ крестьянина
Копейку вымогать.

„Такимъ путемъ вся вотчина
Въ пять лѣтъ Ермилу Гирина
Узвала хорошо,
А тутъ его и выгнали...
Жалѣли крѣпко Гирина,
Трудненько было къ новому,
Халугѣ привыкать;
Однако, дѣлать нечего,
По времени приладились
И къ новому писцу.
Тотъ ни строки безъ трешника,
Ни слова безъ семшника,
Проженный, изъ кутейниковъ —
Ему и Богъ велѣлъ!

„Однако, волей Божіей,

Недолго онъ поцарствовалъ, —
Скончался старый князь,
Пріѣхалъ князь молодецкій,
Прогналъ того полковника,
Прогналъ его помощника,
Контору всю прогналъ;
А намъ велѣлъ изъ вотчины
Бурмиистра избрать.
Ну, мы не долго думали,
Шесть тысячъ душъ, всей вотчиной
Кричимъ: „Ермилу Гирина!“
Какъ человекъ одинъ!
Зовуть Ермилу къ барину.
Поговоривъ съ крестьяниномъ,
Съ балкона князь кричитъ:
„Ну, братцы! будь по вашему.
Моей печатью княжеской
Вашъ выборъ утверждень:
Мужикъ проворный, грамотный,
Одно скажу: не молодъ ли?..“

„А мы:“ нужды нѣтъ, батюшка,
И молодъ да уменъ!“
Пошелъ Ермило царствовать
Надъ всей княжою вотчиной,
И царствовалъ же онъ!
Въ семь лѣтъ мірской копеечки
Подъ ноготь не зажалъ;
Въ семь лѣтъ не тронулъ праваго,
Не попустилъ виновному,
Душой не покривилъ...“

— Стой! крикнулъ укорительно
Какой-то попикъ сѣденскій
Разказчику:—грѣшишь!
Шла борона прямехонько,
Да вдругъ махнула въ сторону —
На камень зубъ попалъ!
Коли взялся разказывать,
Такъ слова не выкидывай
Изъ пѣсни: или странникамъ
Ты сказку говоришь?..
Я зналъ Ермилу Гирина...

— „А я, небось, не зналъ?

Одной мы были вотчины;
 Одной и той же волости,
 Да насъ перевели...“
 — А коли зналъ ты Гирина,
 Такъ зналъ и брата Митрія,
 Подумай-ка, дружокъ.
 Разсказчикъ призадумался
 И, помолчавъ, сказалъ:
 „Совралъ я: слово лишнее
 Сорвалось на маху!
 Былъ случай, и Ермилъ мужикъ
 Свихнулся: изъ рекрутчины
 Меньшого брата Митрія
 Пovyгородилъ онъ.
 Молчимъ: тутъ спорить нѣчего,
 Самъ баринъ брата старосты
 Забрить бы не велѣлъ;
 Одна Ненила Власьева
 По синѣ горько плачется,
 Кричитъ: не нашъ чередъ!
 Извѣстно, покричала бы,
 Да съ тѣмъ бы и отгѣхала.
 Такъ что же? Самъ Ермилъ,
 Покончивши съ рекрутчиной,
 Сталъ толковать, печалиться,
 Не пьетъ, не ѣстъ: тѣмъ кончилось,
 Что въ денникѣ съ веревкою
 Засталъ его отецъ. —
 Тутъ сынъ отцу покался:
 „Съ тѣхъ поръ, какъ сына Власьевны
 Поставилъ я не въ очередь,
 Постылъ мнѣ бѣлый свѣтъ!“
 А самъ къ веревкѣ тянется.
 Пытали уговаривать
 Отецъ его и братъ,
 Онъ все одно: „преступникъ я!
 Злодѣй! вяжите руки мнѣ,
 Ведите въ судъ меня!“
 Чтобъ хуже не случилось,
 Отецъ связалъ сердечнаго,
 Приставилъ карауль.
 „Сошелся мѣръ, шумить, галдить,
 Такого дѣла чуднаго
 Во вѣкъ не приходилося

Ни видѣть, ни рѣшать.
 Ермиловы семейные
 Ужъ не о томъ старались,
 Чтобъ мы имъ помирволили,
 А строже разсуди —
 Верни парнишку Власевнѣ,
 Не то Ермилъ повѣсится,
 За нимъ не углядишь!
 Пришелъ и самъ Ермилъ Ильичъ,
 Босою, худой, съ колодками,
 Съ веревкой на рукахъ;
 Пришелъ, сказалъ: „была пора,
 Судилъ я васъ по совѣсти,
 Теперь я самъ грѣшнѣе васъ:
 Судите вы меня!“
 И въ ноги поклонился намъ.
 Ни дать, ни взять юродивый,
 Стоитъ, вздыхаетъ, крестится;
 Жаль было намъ глядѣть,
 Какъ онъ передъ старухою,
 Передъ Ненилою Власьевной,
 Вдругъ на колѣни палъ!
 „Ну, дѣло все обладилось,
 У господина сильнаго
 Вездѣ рука: сынъ Власьевны
 Вернулся, сдали Митрія,
 Да, говорятъ, и Митрію
 Не тяжело служить,
 Самъ князь о немъ заботится,
 А за провинность съ Гирина
 Мы положили штрафъ:
 Штрафныя деньги рекруту,
 Часть небольшая Власевнѣ,
 Часть міру на вино...
 „Однако, послѣ этого
 Ермилъ не скоро справился,
 Съ годъ какъ шальной ходилъ.
 Какъ ни просила вотчина,
 Отъ должности уволился,
 Въ аренду снялъ ту мельницу
 И сталъ онъ пуще прежняго
 Всему народу любъ:
 Бралъ за помолъ по совѣсти,
 Народу не задерживалъ —

Прикащикъ, управляющій,
 Богатые помѣщики
 И мужики бѣднѣйшіе
 Всѣ очереди слушались,
 Порядокъ строгій велъ!
 Я самъ ужъ въ той губерніи
 Давненько не бывалъ,
 А про Ермилу слыхивалъ,
 Народъ имъ не нахвалится,
 Сходите вы къ нему“.

— Напрасно вы проходите,
 Сказалъ, ужъ разъ заспорившій
 Съ доволосый пощъ:
 Я зналъ Ермилу Гирина,
 Попалъ я въ ту губернію
 Назадъ тому лѣтъ пять
 Я въ жизни много странствовалъ,
 Преосвященный нашъ
 Переводитъ священниковъ
 Любилъ)... Съ Ермилой Гиринымъ
 Сосѣди были мы.
 Да! былъ мужикъ единственный!
 Имѣлъ онъ все, что надобно
 Для счастья: и спокойствіе,
 И деньги, и почетъ,
 Почетъ завидный, истинный,
 Не купленный ни деньгами,
 Ни страхомъ: строгой правдою,
 Умомъ и добротой!
 Да только, повторю вамъ,
 Напрасно вы проходите,
 Въ острогѣ онъ сидитъ...

— Какъ такъ?

„А воля Божія!

Слыхалъ ли кто изъ васъ,
 Какъ бунтовалась вогчина
 Помѣщика Обрубкова,
 Испуганной губерніи,
 Уѣзда Недыханьева,
 Деревня Столбняки?..
 Какъ о пожарахъ пишется
 Въ газетахъ (я ихъ читывалъ)

„Осталась неизвѣстною
 Причина“ — такъ и тутъ:
 До сей поры невѣдомо
 Ни земскому исправнику,
 Ни высшему правительству,
 Ни столбнякамъ самимъ,
 Съ чего страслась оказія,
 А вышло дѣло дрянъ.
 Потребовалось воинство,
 Самъ государевъ посланный
 Къ народу рѣчь держалъ:
 То руганью попробуетъ
 И плечи съ эполетами
 Подыметъ высоко;
 То ласкою попробуетъ, —
 Да брань была тутъ лишняя,
 А ласка непонятная:
 „Крестьянство православное!
 Русь матушка! царь батюшка!“
 И больше ничего!
 Побившись такъ достаточно,
 Хотѣли ужъ солдатикамъ
 Скомандовать: пали!
 Да волостному писарю
 Пришла тутъ мысль счастливая:
 Онъ про Ермилу Гирина
 Начальнику сказалъ:
 „Народъ повѣритъ Гирина,
 Народъ его послушаетъ...“
 — Позвать его, живѣй!

Вдругъ крикъ: „ай, ай! помилуйте!“

Раздавшись неожиданно,
 Нарушилъ рѣчь священника.
 Всѣ бросились глядѣть:
 У валика дорожнаго
 Сѣкутъ лакея пьянаго —
 Попался въ воровствѣ!
 Гдѣ пойманъ, тутъ и судъ ему;
 Судей сошлось десятка три,
 Рѣшили дать по лозочкѣ,
 И каждый далъ лозу!

Лакей вскочилъ и, шлепая
Худыми сапожешками,
Безъ слова тягу даль.
„Вишь побѣжалъ, какъ встрепаный!“
Шутили наши странники,
Узнавши въ немъ балахника,
Что хвастался какою-то
Особенной болѣзнію
Отъ иностранныхъ винъ:
„Откуда прить явилася!
Болѣзнь ту благородную
Вдругъ сняло, какъ рукой!“

— Эй, эй! куда-жь ты, батюшка!
Ты доскажи исторію,
Какъ бунтовалась вотчина
Помѣщика Обрубкова,
Деревня Столбняки?
„Пора домой, родимые.
Богъ дастъ, опять мы встрѣтимся,
Тогда и доскажу!“

Подъ утро поразѣхалась,
Поразбрелась толпа.
Крестьяне спать надумали;
Вдругъ тройка съ колокольчикомъ
Откуда ни взялась,
Летитъ! а въ ней качается
Какой-то баринъ кругленькій,
Усатенькій, пузатенькій,
Съ сигарочкой во рту.
Крестьяне разомъ бросились
Къ дорогѣ, сняли шапочки,
Низенько поклонились,
Повыстроились въ рядъ,
И тройкѣ съ колокольчикомъ
Загородили путь...

ГЛАВА V.

ПОМѢЩИКЪ.

Сосѣдняго помѣщика
Гаврилу Аѳанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помѣщикъ былъ румяненъкій,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лѣтъ;
Усы сѣдые, длинныя,
Ухватки молодецкія,
Венгерка съ бранденбурами,
Широкія штаны.
Гаврило Аѳанасьевичъ,
Должно быть, перетрусился,
Увидѣвъ передъ тройкою
Семь рослыхъ мужиковъ.
Онъ пистолетикъ выхватилъ,
Какъ самъ, такой же толстенъкій,
И дуло шестиствольное
На странниковъ навелъ:
— Ни съ мѣста! Если тронетесь,
Разбойники! грабители!
На мѣстѣ уложу!..
Крестьяне разсмѣялися:
„Какіе мы разбойники,
Гляди — у насъ ни ножика,
Ни топоровъ, ни вилъ!“
— Кто-жь вы? чего вамъ надобно?

„У насъ забота есть.
Такая ли заботушка,
Что изъ домовъ повыжила,
Съ работой раздружила насъ,
Отбила отъ ѣды.
Ты дай намъ слово крѣпкое
На нашу рѣчь мужицкую,
Безъ смѣху и безъ хитрости,
По правдѣ и по разуму,
Какъ должно отвѣчать,
Тогда свою заботушку
Повѣдаемъ тебѣ...“

— Извольте: слово честное,

Дворянское даю!
 „Нѣтъ, ты намъ не дворянское,
 Дай слово христіанское!
 Дворянское съ побранкою,
 Съ толчкомъ да съ зуботычиной,
 То непригодно намъ!“

— Эге! какія новости!
 А, впрочемъ, будь по вашему!
 Ну, въ чемъ же ваша рѣчь?..
 „Спрячь пистолетикъ! выслушай!
 Вотъ такъ! мы не грабители,
 Мы мужики смиренные,
 Изъ временно-обязанныхъ
 Подтянутой губерніи,
 Пустопорожней волости,
 Изъ разныхъ деревень —
 Несытова, Неѣлова,
 Заплатова, Дырявина,
 Горѣлокъ, Голодухина,
 Неурожайка тожь.
 Идя путемъ-дорогою,
 Сошлись мы невзначай,
 Сошлись мы — и заспорили:
 Кому живется счастливо,
 Вольготно на Руси?
 Романъ сказалъ: помѣщику,
 Демьянъ сказалъ: чиновнику,
 Лука сказалъ — попу.
 Купчинъ толстопузому
 Сказали братья Губины,
 Иванъ и Митродоръ.
 Пахомъ сказалъ: свѣтлѣйшему,
 Вельможному боярину,
 Министру государеву,
 А Провъ сказалъ: царю..
 „Мужикъ, что быкъ: втемяшится
 Въ башку какая блажь —
 Коломъ ее оттудова
 Не выбьешь! Какъ ни спорили,
 Не согласились мы!
 Поспоривши, повздорили,
 Повздоривши — подралися,
 Подравнися, удумали

Не расходиться врозь,
 Въ домишки не ворочаться,
 Не видѣться ни съ жонами,
 Ни съ малыми ребятами,
 Ни съ стариками старыми,
 Покуда спору нашему
 Рѣшенья не найдемъ,
 Покуда не довѣдаемъ
 Какъ ни на есть — доподлинно,
 Кому жить любо-весело,
 Вольготно на Руси?

„Скажи-жь ты намъ по-божески,
 Сладка ли жизнь помѣщичья?
 Ты какъ — вольготно, счастливо,
 Помѣщичекъ, живешь?“

Гаврило Аѳанасьевичъ
 Изъ тарантаса выпрыгнулъ,
 Къ крестьянамъ подошелъ:
 Какъ лекарь, руку каждому
 Пощупалъ, въ лица глянулъ имъ,
 Схватился за бока
 И покатился со смѣху..
 Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
 Здоровый смѣхъ помѣщичій?
 По утреннему воздуху
 Раскатываться сталь...

Нахохотавшись до-сыта,
 Помѣщикъ не безъ горечи
 Сказалъ: „Надѣньте шапочки,
 Садитесь, *господа!*“

— Мы господа не важные,
 Передъ твоею милостью
 И стоимъ...

„Нѣтъ! нѣтъ!
 Прошу садиться, *граждане!*“
 Крестьяне поупрямились,
 Однако, дѣлать нечего,
 Усѣлись на валу.

„И мнѣ присѣсть позволите?
 Эй, Прощка! рюмку хересу,
 Подушку и коверъ!“

Расположась на коврикѣ
И выпивъ рюмку хересу,
Помѣщикъ началъ такъ:

„Я далъ вамъ слово честное,
Отвѣтъ держать по совѣсти,
А нелегко оно!

Хоть люди вы почтенные,
Однако, не ученые,

Какъ съ вами говорить?
Сперва понять вамъ надо бы,
Что значить слово самое:

Помѣщикъ, дворянинъ.
Скажите, вы, любезные,
О родословномъ деревѣ
Слыхали что-нибудь?“

— Лѣса намъ не заказаны —
Видали древо всякое!

Сказали мужики.

„Попали пальцемъ въ небо вы!..

Скажу вамъ вразумительнѣй:

Я роду именитаго,

Мой предокъ Оболдуи

Впервые поминается

Въ старинныхъ русскихъ грамотахъ

Два вѣка съ половиною

Назадъ тому. Гласить

Та грамота: „татарину

„Оболту-Оболдуеву

„Дано суконце доброе,

„Цѣною въ два рубля:

„Волками и лисицами

„Онъ тѣшилъ государыню,

„Въ день царскихъ именинъ,

„Спускалъ медвѣдя дикаго

„Съ своимъ, и Оболдуева

„Медвѣдь тотъ ободралъ...“

— Ну, поняли, любезные?

— Какъ не понять! Съ медвѣдями

Не мало ихъ шатается

Прохвостовъ и теперь.

„Вы все свое, любезные!

Молчать! ужъ лучше слушайте,

Къ чему я рѣчь веду:

Тотъ Оболдуи, потѣшившій

Звѣрями государыню,

Быль корень роду нашему,

А было то, какъ сказано,

Съ излишкомъ двѣсти лѣтъ.

Прапрадѣдъ мой по матери

Быль и того древнѣй:

„Князь Щепинъ съ Васькой Гусевымъ“

(Гласить другая грамота):

„Пыталъ поджечь Москву,

„Казну пограбить думали,

„Да ихъ казнили смертію“.

А было то, любезные,

Безъ малъ триста лѣтъ.

Такъ вотъ оно, откуда

То дерево дворянское

Идетъ, друзья мои!“

— А ты, примѣрно, яблочко

Съ того выходишь дерева?

Сказали мужики.

„Ну, яблочко, такъ яблочко!

Согласенъ! Благо поняли

Вы дѣло наконецъ.

Теперь — вы сами знаете —

Чѣмъ дерево дворянское

Древнѣй, тѣмъ именитѣе,

Почетнѣй дворянинъ.

Не такъ ли, благодѣтели?“

— Такъ! отвѣчали странники:

— Кость бѣлая, кость черная,

И поглядѣть, такъ разнѣя, —

Имъ разный и почетъ!

„Ну, вижу, вижу: поняли!

Такъ вотъ, друзья — и жили мы,

Какъ у Христа за пазухой,

И знали мы почетъ.

Не только люди русскіе,

Сама природа русская

Покорствовала намъ.

Бывало, ты въ окружности

Одишь, какъ солнце на небѣ;

Твои деревни скромныя,
 Твои лѣса дремучіе,
 Твои поля кругомъ!
 Пойдешь ли деревенькою,
 Крестьяне въ ноги валятся;
 Пойдешь лѣсными дачами —
 Столѣтними деревьями
 Преклонятся лѣса!
 Пойдешь ли пашней, нивою,
 Вся нива спѣлымъ колосомъ
 Къ ногамъ господскимъ стелется,
 Ласкаетъ слухъ и взоръ!
 Тамъ рыба въ рѣчкѣ плещется:
 „Жирѣй-жирѣй до времени!“
 Тамъ заяцъ лугомъ крадется:
 „Гулай-гулай до осени!“
 Все веселило барина,
 Любовно травка каждая
 Шептала: „я твоя!“

„Краса и гордость русская,
 Бѣлѣли церкви Божіи
 По горкамъ, по холмамъ,
 И съ ними въ славѣ спорили
 Дворянскіе дома.
 Дома съ оранжереями,
 Съ китайскими бесѣдками
 И съ англійскими парками;
 На каждомъ флагъ игралъ,
 Игралъ-манилъ привѣтливо.
 Гостепріимство русское
 И ласку обѣщаль.
 Французу не привидится
 Во снѣ—какіе праздники,
 Не день, не два—по мѣсяцу
 Мы задавали тутъ.
 Свои индѣйки жирныя,
 Свои наливки сочныя,
 Свои актѣры, музыка,
 Прислуги—цѣлый полкъ!

„Пять поваровъ, да пѣкаря,
 Двухъ кузнецовъ, обойщика,
 Семнадцать музыкантиковъ

И двадцать-два охотника
 Держаль я... Боже мой!..“

Помѣщикъ закручинился,
 Упалъ лицомъ въ подушечку,
 Потомъ привсталъ, поправился:
 —Эй, Прощка! закричалъ.
 Лакей по слову барскому,
 Принесъ кувшинчикъ съ водкою.
 Гаврило Аѳанасьевичъ,
 Откушавъ, продолжалъ:
 „Бывало, въ осень позднюю,
 Лѣса твои, Русь-матушка,
 Одушевляли громкіе
 Охотничьи рога.
 Унылые, поблекшіе,
 Лѣса полураздѣтны
 Жить начинали вновь;
 Стояли по опушкамъ
 Борзовщики-разбойники,
 Стоялъ помѣщикъ самъ;
 А тамъ, въ лѣсу, выжлятники
 Ревѣли, сорви-головы,
 Варили-варомъ гончія.
 Чу! подзываютъ роги!..
 Чу! стая воет! сгрудилась!
 Никакъ по звѣрю красному
 Погнали?.. улю-лю!
 Лисица чернобурая,
 Пушистая, матерая,
 Летитъ, хвостомъ метѣтъ!
 Присѣли, притаилися,
 Дрожа всѣмъ тѣломъ, рьяные,
 Догадливые псы:
 Пожалуй, гостя жданная,
 Поближе къ намъ молодчикамъ,
 Подальше отъ кустовъ!
 Пора! Ну, ну! не выдай, конь!
 Не выдайте собаченьки!
 Эй! улю-лю!.. родимыя!
 Эй—улю-лю!.. а-ту!..“
 Гаврило Аѳанасьевичъ,
 Вскочивъ съ ковра персидскаго,
 Махаль рукой, подпрыгиваль,

Кричалъ! Ему мерещилось,
Что травить онъ лису..

Крестьяне молча слушали,
Глядѣли, любовались,
Посмѣивались въ усъ..

„Ой, ты—охота цсояя!
Забудутъ все помѣщики,
Но ты, исконно-русская
Потѣха не забудешься
Ни во-вѣки вѣбовъ!
Не о себѣ печалимся,
Намъ жаль, что ты, Русь-матушка,
Съ охотою утратила
Свой рыцарскій, воинственный,
Величественный видъ!
Бывало, насъ по осени
До полусотни съѣдется
Въ отбѣзжія поля;
У каждаго помѣщика
Сто гончихъ въ напускъ;
У каждаго по дюжинѣ
Борзовщиковъ верхомъ;
При каждомъ съ кашеварами,
Съ провизіей обозъ.
Какъ съ пѣснями да съ музыкой
Мы двинемся впередъ,
На что кавалерійская
Дивизія твоя!
Летѣло время соколомъ,
Дышала грудь помѣщичья
Свободно и легко.
Во времена боярскія,
Въ порядки древне-русскіе
Переносился духъ!
Ни въ комъ противорѣчія,
Кого хочу—помилую,
Кого хочу—казню.
Законъ—мое желаніе!
Кулакъ—моя полиція!
Ударъ искросыпительный,
Ударъ зубодробительный,
Ударъ скуловоррротъ..!“

Вдругъ, какъ струна порвалась,
Осѣлась рѣчь помѣщичья.

Потуился, нахмурился,
—Эй Прощка! закричалъ.
Глонулъ—и мягкимъ голосомъ
Сказалъ: „вы сами знаете,
Нелзя же и безъ строгости?
Но я караль—любя.
Порвалась цѣпь великая —
Теперь не бьемъ крестьянина,
За-то ужъ и отечески
Не милуемъ его.
Дá, былъ я строгъ по времени,
А, впрочемъ, больше ласкою
Я привлекалъ сердца.

„Я въ Воскресенье свѣтлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался самъ!
Бывало, накрывается
Въ гостиной столъ огромнѣйшій,
На немъ и яйца красныя,
И пасха, и куличъ!
Моя супруга, бабушка,
Сынишки, даже барышни
Не брезгаютъ, цѣлуются
Съ послѣднимъ мужикомъ.
„Христось воскресъ!“— „Во-истину!“
Крестьяне разговляются,
Пьютъ брагу и вино...

„Предъ каждымъ почитаемымъ,
Двунадесятымъ праздникомъ
Въ моихъ парадныхъ горницахъ
Попъ всенощну служилъ.
И къ той домашней всенощной
Крестьяне допускались,
Молись—хоть лобъ разбей!
Страдало обоняніе,
Сбивали послѣ съ вотчины
Бабъ отмывать полы!
Да чистота духовная
Тѣмъ самымъ сберегалася,
Духовное родство!
Не такъ ли благодѣтели?“

— Так! отвѣчали странники,
А про себя подумали:
„Коломъ сбиваль ихъ, что ли, ты
Молиться въ барскій домъ?..“

„За-то, скажу не хвастая,
Любилъ меня мужикъ!
Въ моей сурминской вотчинѣ
Крестьяне все подрядчики:
Бывало, дома скучно имъ,
Всѣ на чужую сторону
Отпросятся съ весны...
Ждешь—не дождешься осени,
Жена, дѣтшки малыя
И тѣ гадаютъ, ссорятся:
„Какого имъ гостинчику
Крестьяне принесутъ!“
И точно: поверхъ барщины,
Холста, ииць и живности,
Всего, что на помѣщика
Сбиралось искони, —
Гостинцы добровольные
Крестьяне намъ несли!
Изъ Кіева—съ вареньями,
Изъ Астрахани—съ рыбою,
А тотъ, кто подостаточиѣй,
И съ шолковой матеріей:
Глядь, чмокнулъ руку барынѣ
И свертокъ подаетъ!
Дѣтямъ игрушки, лакометва,
А мнѣ, сѣдому бражнику,
Изъ Питера вина!
Толкъ визнали, разбойники,
Нобось, не къ Кривоногову,
Къ французу забѣжить.
Тутъ съ ними разгуляешься,
По-братски побесѣдуешь,
Жена рукою собственной
По чаркѣ имъ нальетъ.
А дѣтки тутъ же малыя
Посасываютъ прянички
Да слушаютъ досужіе
Разказы мужиковъ —
Про трудные ихъ промыслы,

Про чуже-дальни стороны,
Про Петербургъ, про Астрахань,
Про Кіевъ, про Казань...

„Такъ вотъ какъ, благодѣтели,
Я жилъ съ моею вотчиной,
Неправда-ль, хорошо?..“

— Да, было вамъ, помѣщикамъ,
Житѣ куда завидное,
Не надо умирагъ!

— И все прошло! все минуло!..
Чу! похоронный звонъ!..

Прислушались странники,
И точно: изъ Кузьминскаго
По утреннему воздуху
Тѣ звуки, грудь щемящія,
Неслись: „Покой крестьянину
И царствіе небесное!“
Проговорили странники
И покрестились всѣ...

Гаврило Аѳанасьевичъ
Снялъ шапочку—и набожно
Перекрестился тожъ:
„Звонягъ не по крестьянину!
По жизни по помѣщицкѣй
Звонягъ!.. Ой, жизнь широкаа!
Прости—прощай на вѣкъ!
Прощай и Русь помѣщицкѣй!
Теперь не та ужъ Русь!
Эй, Пропка!“ (выпилъ водочки
И посвисталъ)...

„Не весело
Глядѣть, какъ измѣнилось
Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Какъ будто все попряталось,
Повымерло! Куда
Ни ѣдешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные
Да глупые посредники,

Да иногда пройдетъ
 Команда. Догадаешься:
 Должно быть, взбунтовалось,
 Въ избыткѣ благодарности,
 Селенье гдѣ-нибудь!
 А прежде что тутъ мчалось
 Колясокъ, бричекъ троечныхъ,
 Дормезовъ шестерней!
 Катить семья помѣщичья —
 Тутъ маменьки солидныя,
 Тутъ дочки миловидныя
 И рѣзвые сынки!
 Поющихъ колокольчиковъ,
 Воркующихъ бубенчиковъ
 Наслушаешься власть.
 А нынче чѣмъ раздѣшься?
 Картиной возмутительной
 Что шагъ—ты пораженъ:
 Кладбищемъ вдругъ повѣяло,
 Ну, значитъ, приближаемся
 Къ усадьбѣ... Боже мой!
 Разобранъ по кирпичику
 Красивый домъ помѣщичій,
 И аккуратно сложены
 Въ колонны кирпичи!
 Обширный садъ помѣщичій,
 Столѣтьями взлелѣянный,
 Подъ топоромъ крестьянина
 Весь легъ,—мужикъ любитесь,
 Какъ много вышло дровъ!
 Черства душа крестьянина:
 Подумаетъ ли онъ,
 Что дубъ, сейчасъ имъ сваленный,
 Мой дѣдъ рукою собственной
 Когда-то посадилъ?
 Что вонъ подъ той рябиною
 Рѣзвились наши дѣтушки,
 И Ганичка, и Вѣрочка,
 Аукались со мной?
 Что тутъ, подъ этой липою,
 Жена моя призналась мнѣ,
 Что тяжела она
 Гаврюшей, нашимъ первенцомъ,
 И спрятала на грудь мою,

Какъ вишня покраснѣвшее,
 Прелестное лицо?..
 Ему была бы выгода —
 Радехонекъ помѣщичьи
 Усадьбы изводить!
 Деревней ѣхать совѣстно,
 Мужикъ сидитъ—не двинется.
 Не гордость благородную —
 Жолчь чувствуешь въ груди.
 Въ лѣсу не рога охотничій,
 Звучитъ—топоръ разбойничій:
Шалать!.. а что подѣлаешь?
 Къмъ лѣсъ убережешь?..
 Поля—не доработаны,
 Посѣвы—не досѣяны,
 Порядку нѣтъ слѣда!
 О, матушка! о, родина!
 Не о себѣ печалимся,
 Тебя, родная, жаль.
 Ты, какъ вдова печальная,
 Стоишь съ косою распущенной,
 Съ неубранымъ лицомъ!..
 „Усадьбы переводятся!
 Въ замѣнъ ихъ распложатся
 Питейные дома!..
 Поять народъ распущенный;
 Зовутъ на службы земскія,
 Сажаютъ, учать грамотѣ, —
 Нужна ему она!
 На всей тебѣ, Русь-матушка,
 Какъ клейма на преступникѣ,
 Какъ на конѣ тавро,
 Два слова нацарапаны:
 „На внось и распивочно“.
 Чтобъ ихъ читать, крестьянина
 Мудреной русской грамотѣ
 Не стоять обучать!..
 „А намъ земля осталася...
 Ой ты, земля помѣщичья!
 Ты намъ не мать, а мачиха
 Теперь... „А кто велѣлъ!“
 Кричатъ писаки праздные:
 „Такъ вымогать, насиловать
 Кормилицу свою!“

А я скажу: а кто же ждалъ?
 Охъ! эти проповѣдники!
 Кричатъ: „довольно барствовать!
 Проснись, помѣщикъ заспаннй!
 Вставай!—учись! трудись!..“

„Трудись! Кому вы вздумали
 Читать такую проповѣдь?
 Я не крестьянинъ-лапотникъ —
 Я божіею милостью
 Россійскій дворянинъ!
 Россія—не нѣмечина:
 Намъ чувства деликатныя,
 Намъ гордость внушена!
 Сословья благородныя
 У насъ труду не учатся.
 У насъ чиновникъ плохонькій
 И тотъ половъ не вымететь,
 Не станетъ печь топить...
 Скажу я вамъ, не хвастая,
 Живу почти безвыѣдно
 Въ деревнѣ сорокъ лѣтъ,
 А отъ ржаного колоса
 Не отличу ячменнаго,
 А мнѣ покутъ: „трудись!“
 „А если и дѣйствительно
 Свой долгъ мы ложно поняли,
 И наше назначеніе
 Не въ томъ, чтобъ имя древнее,
 Достоинство дворянское
 Поддерживать охотою,
 Пирами, всякой роскошью,
 И жить чужимъ трудомъ;
 Такъ надо было ранѣе
 Сказать... Чему учился я!
 Чтò видѣлъ я вокругъ?..
 Коптилъ я небо божіе,
 Носилъ ливрею царскую,
 Сорилъ казну народную
 И думалъ вѣкъ такъ жить...
 И вдругъ.. Владико праведный!..“
 Помѣщикъ зарыдалъ...

Крестьяне добродушные
 Чуть тоже не заплакали,
 Подумавъ про себя:
 „Порвалась цѣпь великая,
 Порвалась,—разкочилась:
 Однимъ концомъ по барину,
 Другимъ по мужику!..“

ПОСЛѢ ДЫШЪ.

Изъ второй части.

ГЛАВА I.

I

Петровки. Время жаркое.
 Въ разгарѣ сѣнокосъ.

Минувъ деревню бѣдную,
 Безграмотной губерніи,
 Старо-Вахлацкой волости,
 Большіе Вахлаки,
 Пришли на Волгу страппики...
 Надъ Волгой чайки носятся;
 Гуляютъ кулики
 По отмели. А по лугу,
 Что голъ, какъ у подъячаго
 Щека, вчера побритая,
 Стоять „Князя Волконскіе“ *)
 И дѣтки ихъ, чтò ранѣе
 Годятся, чѣмъ отцы *).

—Прокосы широчайшіе!
 Сказалъ Пахомъ Онисимычъ:
 — Здѣсь богатырь народъ!
 Смѣются братья Губины:
 Давно они замѣтили
 Высокаго крестьянина
 Со жбаномъ—на стогу;

*) Стоги.

*) Копвы.

Онъ пиль, а баба съ вилами,
Здравши кверху голову,
Глядѣла на него.
Со стогомъ поравнялися —
Все пьеть мужикъ! Отмѣрили
Еще шаговъ пол-ста,
Всѣ разомъ оглянулись:
По прежнему, закинувшись,
Стоитъ мужикъ; посудина
Дномъ кверху поднята...

Подъ берегомъ раскинуты
Шатры! старухи, лошади
Съ порожними телѣгами
Да дѣти видны тутъ.
А дальше, гдѣ кончается
Отава подеошенная,
Народу тьма! Тамъ бѣлыя
Рубахи бабъ да пестрыя
Рубахи мужиковъ,
Да голоса, да звяканье
Проворныхъ косъ. „Богъ на помочь!“
— Спасибо, молодцы!

Остановились странники...
Размахи сѣнокосныя
Идутъ чредою правильной:
Всѣ разомъ занесенныя,
Сверкнули косы, звякнули,
Трава мгновенно дрогнула
И пала, прошумѣвъ!

По низменному берегу,
На Волгѣ, травы рослыя,
Веселая косьба.
Не выдержали странники:
„Давно мы не работали,
Давайте—покосимъ!
Семь бабъ имъ косы отдали.
Проснулась, разгорѣлася
Привычка позабытая
Къ труду! Какъ зубы съ голоду,
Работаетъ у cadaго
Проворная рука.
Валять траву высокую,

Подъ пѣсню незнакомую
Вахлацкой сторонѣ;
Подъ пѣсню, чтò навѣяна
Мятелями и вьюгами
Родимыхъ деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горѣлова, Неѣлова,
Неурожайка то-жъ...

Натѣшившись, усталые
Присѣли къ стогу завтракать...

— Откуда молодцы?
Спросилъ у нашихъ странниковъ
Сѣдой мужикъ (котораго
Бабенки звали Власушкой):
— Куда васъ Богъ несетъ?

— А мы... сказали странники —
И замолчали вдругъ:

Послышалась имъ музыка!
„Помѣщикъ нашъ катается“,
Промолвилъ Власъ—и бросился
Къ рабочимъ: „Не зѣвать!
Коси дружиѣй! А главное:
Не огорчить помѣщика.
Разсердится—поклонъ ему!
Похвалить васъ: ура кричи...
Эй, бабы! не галдѣть!“
Другой мужикъ, присадистый,
Съ широкой боролицею,
Почти-что то же самое
Народу приказалъ,
Надѣлъ кафтанъ—и барина
Бѣжить встрѣчать. „Чтò за люди?“
Оторопѣлымъ странникамъ
Кричитъ онъ на бѣгу:
„Снимайте шапки!“

Къ берегу

Причалили три лодочки.
Въ одной прислуга, музыка,
Въ другой—кормилка дюжая
Съ ребенкомъ, няня старая
И приживалка тихая,

А въ третьей — господа:
 Двѣ барыни красивыя,
 (Потоньше — бѣлокурая,
 Потолще — чернобровая),
 Усатые два барина,
 Три барченка-погодочки,
 Да старшій старичокъ:
 Худой, какъ зайцы зимніе,
 Весь бѣлъ, и шапка бѣлая,
 Высокая, съ околышемъ
 Изъ краснаго сукна.
 Носъ клювомъ, какъ у ястреба.
 Усы сѣдые, длинныя
 И — разныя глаза:
 Одинъ здоровый — свѣтится,
 А лѣвый — мутный, пасмурный,
 Какъ оловянный грошъ!

При нихъ: собачки бѣлыя,
 Мохнатыя, съ султанчикомъ,
 На крохотныхъ ногахъ...

Старикъ, поднявшись на берегъ,
 На красномъ, мягкомъ коврикѣ
 Долгонько отдыхалъ,
 Потомъ покосъ осматривалъ:
 Его водили подъ руки
 То господа усатые,
 То молодья барыни, —
 И такъ, со всею свитою,
 Съ дѣтьми и приживалками,
 Съ кормилкою и нянькою,
 И съ бѣлыми собачками,
 Все поле сѣнокосное
 Помѣщикъ обшелъ.
 Крестьяне низко кланялись,
 Бурмистръ (смекнули странники,
 Что тотъ мужикъ присадиный
 Бурмистръ) передъ помѣщикомъ,
 Какъ бѣсъ передъ заутреней,
 Юлилъ: „Такъ точно! Слушаю-съ!“
 И кланялся помѣщику
 Чуть-чуть не до земли.

Въ одинъ стожище матеріей,

Сегодня только смеганшій,
 Помѣщикъ пальцемъ ткнулъ,
 Нашелъ, что сѣно мокрое,
 Вспылилъ: „Добро господское
 Гноить? Я васъ, мошенниковъ,
 Самихъ сгною на барщинѣ!
 Пересушить сейчасъ!..“
 Засуетился староста:
 „Не досмотрѣлъ маненичко!
 Сыренко: виновать!“
 Созвалъ народъ — и вилами
 Богатыря кряжистаго,
 Въ присутствіи помѣщика,
 По ключьямъ разнесли.
 Помѣщикъ успокоился.

(Попробовали странники:
 Сухохонько сѣнцо!)

Бѣжить лакей съ салфеткою,
 Хромаетъ: „Купать подано!“
 Со всею своею свитою,
 Съ дѣтьми и приживалками.
 Съ кормилкою, и нянькою,
 И съ бѣлыми собачками,
 Пошелъ помѣщикъ завтракать,
 Работы осмотрѣвъ.
 Съ рѣки изъ лодки грянула
 На-встрѣчу барамъ музыка,
 Накрытый столъ бѣлѣется
 На самомъ берегу...

Дивятся наши странники.
 Пристали къ Власу: — Дѣдушка!
 Чтѣ за порядки чудные?
 Что за чудной старикъ?
 „Помѣщикъ нашъ: Утятинъ князь!“

— Чего же онъ куражится?
 Теперь порядки новые,
 А онъ дурить по старому:
 Сѣнцо сухимъ-сухохонько —
 Велѣлъ пересушить!

„А то еще диковиннѣй,
 Что и сѣнцо-то самое,
 И пожня — не его!“

А чья же?

„Нашей вотчины“.

— Чего же онъ тутъ суется?
Инь вы у Бога нѣ люди?

„Нѣтъ, мы, по Божьей милости,
Теперь крестьяне вольные,
У насъ, какъ у людей,
Порядки тоже новы,
Да тутъ статья особая...“

— Какая же статья?

Подъ стогомъ легъ старинушка
И — больше ни словца!
Къ тому же стогу странники
Присѣли; тихо молвили:
— *Эй! скатерть самобранная!*
Попотчуй мужиковъ!
И скатерть развернулася,
Откуда ни взялися
Двѣ дюжия руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлѣбушка
И спрятались опять...

Наливъ стаканчикъ дѣдушкѣ,
Опять пристали странники:
„Уважь! скажи намъ, Власушка,
Какая тутъ статья?“

— Да пустяки! Тутъ нечего
Разсказывать... А сами вы
Что за люди? Откуда вы?
Куда васъ Богъ несетъ?

„Мы люди чужестранные,
Давно, по дѣлу важному,
Домашки мы покинули,
У насъ забота есть...
Такая-ли заботушка,
Что изъ домовъ повыжила,
Съ работой раздружила насъ,
Отбила отъ ѣды...“

Остановились странники...

— О чемъ же вы хлопчете?

„Да помолчимъ! Поѣли мы,
Такъ отдохнуть желательно“.
И улеглись. Молчать!

— Вы такъ-то! а по нашему,
Коль началъ, такъ досказывай!

„А самъ, небось, молчишь!
Мы не въ тебя, старинушка!
Изволь, мы скажемъ: видишь-ли,
Мы ищемъ, дядя Власъ,
Непоротой Губерніи,
Непотрошеной Волости,
Избыткова села!..“
И разсказали странники,
Какъ встрѣтились нечаянно,
Какъ подрались, заспоривши,
Какъ дали свой зарокъ,
И какъ потомъ паталися,
Искали по губерніямъ
Подтянутой, Подстрѣленной,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Власъ слушалъ — и разсказчиковъ
Глазами мѣрлялъ: „Вижу я,
Вы тоже люди страняще!“
Сказалъ онъ, наконецъ:
„Чудимъ и мы достаточно,
А вы — и насъ чуднѣй!“

— Да что-жь у васъ-то дѣется?
Еще стаканчикъ, дѣдушка!

Какъ выпилъ два стаканчика,
Разговорился Власъ:

II.

— Помѣщикъ нашъ особенный:
Богатство непомѣрное,
Чинъ важный, родъ вельможескій,

Весь вѣкъ, чудилъ, дурилъ;
 Да вдругъ гроза и грянула...
 Не вѣрять: „врутъ, разбойники!“
 Посредника, исправника
 Прогналъ! дурить по старому.
 Сталь крѣпко подозрителень,
 Не поклонись—дереть!
 Самъ губернаторъ къ барину
 Приѣхалъ: долго спорили,
 Сердитый голосъ барина
 Въ застойной дворян слышала;
 Озлился такъ, что къ вечеру
 Хватилъ его ударъ!
 Всю половину лѣвую
 Отбило: словно мертвая,
 И какъ земля черна...
 Пропалъ ни за конеечку!
 Извѣстно, не корысть,
 А спѣсь его подрѣзала:
 Соринку онъ терялъ.

— Что, значить, други милые,
 Привычка-то помѣщичья!
 Замѣтилъ Митродоръ.

— Не только падъ помѣщикомъ,
 Привычка надъ крестьяниномъ
 Сильна—сказалъ Пахомъ.—
 Я разъ, по подозрѣнію
 Въ острогъ поавши, чуднаго
 Тамъ видѣлъ мужика.
 За конокрадство, кажется,
 Судился, звали Сидоромъ,
 Такъ изъ острога барину
 Онъ посылалъ оброкъ!
 (Доходы арестантскіе
 Извѣстны: подаяніе,
 Да что-нибудь сработаетъ,
 Да стащить что-нибудь).
 Ему смѣялись прочіе:
 — А ну, на поселеніе
 Сошлютъ—пропали денежки!
 „Все лучше“, говоритъ...

—Ну, дальше, дальше, дѣдушка!

— Соринка дѣло плѣвое,
 Да только не въ глазу:
 Паль дубъ на море тихое,
 И море все заплакало —
 Лежить старикъ безъ памяти
 (Не встанетъ, такъ и думали!)
 Приѣхали, сыны,
 Гвардейцы черноусые,
 (Вы ихъ на пожнѣ видѣли,
 А барыни красивыя
 То жоны молодцовъ).
 У старшаго довѣренность
 Была: по ней съ посредникомъ
 Установили грамоту...
 Анъ вдругъ и всталъ старикъ!
 Чуть заикнулись... Господи!
 Какъ звѣрь метнулся раненый,
 И загремѣлъ, какъ громъ!
 Дѣла-то все недавнія,
 Я былъ въ то время старостой,
 Случился тутъ—такъ слышалъ самъ,
 Какъ онъ чистилъ помѣщиковъ,
 До слова помню все:
 „Корять жидовъ, что предали
 Христа... а вы что сдѣлали?
 Права свои дворянскія,
 Вѣками освященныя,
 Вы предали!..“ Сынамъ
 Сказалъ: „Вы трусы подлые!
 Не дѣти вы мои!
 Пускай-бы люди мелкіе,
 Что вышли изъ поповичей,
 Да, понажившись взятками,
 Кушили мужиковъ,
 Пускай-бы... имъ простиительно!
 А вы... князя Утятинъ?
 Какіе вы У-тя-ти-ны!
 Идите вонъ!.. подкидыши,
 Не дѣти вы мои!“
 Орбѣли наслѣдники:
 А ну, какъ передъ смертію
 Лишить наслѣдства? Мало-ли
 Лѣсовъ, земель у батюшки?
 Что денегъ понакоплено,

Куда поидежь добро?
 Гадай! У князя въ Питерѣ
 Три дочери побочныя
 За генераловъ выданы,
 Не отказаль-бы имъ!

А князь опять больнехонекъ...
 Чтобъ только время выиграть,
 Придумать: какъ тутъ быть?
 Которая-то барыня
 (Должно быть, бѣлокурая:
 Она ему, сердечному,
 Слыхаль я, терла щеткою
 Въ то время лѣвѣй богъ)
 Возьми и брякни барину,
 Что мужиковъ помѣщикамъ
 Велѣли воротить!

Повѣрилъ! Проще малаго
 Ребѣнка сталь старинушка,
 Какъ параличъ расшибъ!
 Заплакалъ! предъ иконами
 Со всей семьею молится,
 Велитъ служить молебствіе,
 Звонить въ колокола!

И силы словно прибыло,
 Опять: охота, музыка,
 Дворовыхъ дуетъ палкою,
 Велитъ созвать крестьянъ.

Съ дворовыми наслѣдники
 Стакнулись, разумѣтся;
 А есть одинъ (онъ давеча
 Съ салфеткой прибѣгалъ),
 Того и уговаривать
 Не надо было: барина
 Столь много любить онъ!
 Ипатовъ прозывается.
 Какъ воля намъ готовилась,
 Такъ онъ не вѣрилъ ей:
 „Шалишь! Князя Уятинны
 Останутся безъ вотчины?
 Нѣтъ, руки коротки!“
 Явилось „Положеніе“,

Ипать сказалъ: „балуитесь вы!
 А я князей Уятинныхъ
 Холопъ—и весь тутъ сказъ!“
 Не можетъ барскихъ милостей
 Забыть Ипать! Потѣшныя
 О дѣтствѣ и о младости,
 Да и о самой старости
 Разказы у него
 (Придешь, бывало, къ барину,
 Ждешь, ждешь... Неволей слушаешь,
 Сто разъ я слышалъ ихъ):
 „Какъ былъ я малъ, нашъ князюшка
 Меня рукою собственной
 Въ телѣжку запрягалъ;
 Достигъ я рѣзвой младости:
 Приѣхалъ въ отпускъ князюшка
 И, подгулявши, выкупалъ
 Меня, раба послѣдняго,
 Зимомъ въ проруби!
 Да какъ чудно! Двѣ проруби:
 Въ одну опустить въ неводѣ,
 Въ другую мигомъ вытянуть —
 И водки поднесеть.
 Клониться сталь я къ старости.
 Зимой дороги узкія,
 Такъ часто съ княземъ ѣздили
 Мы гусемъ въ пять коней.
 Однажды князь—затѣйникъ же! —
 И посади фалетуромъ
 Меня, раба послѣдняго,
 Со скрипкой—впереди.
 Любилъ онъ крѣпко музыку.
 „Играй, Ипать!“ А кучеру
 Кричить: пошелъ живѣй!
 Мятель была изрядная,
 Игралъ я: руки заняты,
 А лошадь спотыкливая —
 Свалился я съ нее!
 Ну, сани, разумѣтся,
 Черезъ меня проѣхали,
 Попридавили грудь.
 Не то бѣда: а холодно,
 Замерзнешь — нѣтъ спасенія,
 Кругомъ пустыня, снѣгъ...

Гляжу на звѣзды частыя
 Да каюсь во хрѣхахъ.
 Такъ что же, другъ ты истинный?
 Послышалъ я бубенчики,
 Чу, ближе! чу, звончѣй!
 Вернулся князь (закапали
 Тутъ слезы у двороваго,
 И сколько ни рассказывалъ,
 Всегда тутъ плакалъ онъ!),
 Одѣлъ меня, согрѣлъ меня,
 И рядомъ, недостойнаго,
 Съ своей особой княжеской
 Въ саняхъ привезъ домой!“

Поохотали странники...
 Глонувъ вина (въ четвертый разъ),
 Власъ продолжалъ:—Наслѣдники
 Ударили и вотчинѣ
 Челомъ: „Намъ жаль родителя,
 Порядковъ новыхъ, нонѣшнихъ
 Ему не перенестъ.
 Поберегите батюшку!
 Помалчивайте, кланяйтесь
 Да не перечьте хворому,
 Мы васъ вознаградимъ:
 За лишній трудъ, за барщину,
 За слово даже бранное,
 За все заплатимъ вамъ.
 Не долго жить сердечному,
 На врядъ-ли два-три мѣсяца,
 Самъ дохтуръ объявилъ!
 Уважьте насъ, послушайтесь,
 Мы вамъ луга поемныя
 По Волгѣ подаримъ;
 Сейчасъ пошлемъ посреднику
 Бумагу, дѣло вѣрное!“

Собрался міръ, галдитъ!

Луга-то (эти самыя)
 Да водка, да съ три короба
 Посуловъ то и сдѣлали,
 Что міръ рѣшилъ помалчивать
 До смерти старика.
 Поѣхали къ посреднику:

Смѣется! „Дѣло доброе,
 Да и луга хорошіе:
 Дурачьтесь, Богъ проститъ!
 Нѣтъ на Руси, вы знаете,
 Помалчивать да кланяться
 Запрета никому!“
 Однако я противился:
 — Вамъ, мужикамъ, съ-полагоря,
 А мнѣ-то каково?
 Что ни случится, къ барину
 Бурмистра! что ни вздумаетъ,
 За мной пошлетъ! Какъ буду я
 На спросы безтолковыя
 Отвѣтствовать? дурацкіе
 Приказы исполнять?

„Ты стой предъ нимъ безъ шапочки,
 Помалчивай да кланяйся,
 Уйдешь—и дѣло кончено.
 Старикъ больной, разслабленный,
 Не помнитъ ничего!“
 Оно и правда: можно бы!
 Морочить полоумнаго
 Не хитрая статья.
 Да быть шутомъ гороховнымъ,
 Признаться, не хотѣлося.
 И такъ я на вѣку,
 У притолоки стоючи,
 Помялся передъ бариномъ
 До сыта! „Коли міръ
 (Сказалъ я міру, кланаясь)
 Дозволить покуражиться
 Уволенному барину
 Въ останніе часы,
 Молчу и я—покорствую,
 А только-что отъ должности
 Увольте вы меня!“

Чуть дѣло не разладилось.
 Да Климка Лавинъ выручилъ:
 „А вы бурмистромъ сдѣлайте
 Мена! Я удовольствую
 И старика, и васъ.
 Богъ приберетъ „Послѣдыша“
 Скоренько, а у вотчины

Останутся луга.
 Такъ будемъ мы начальствовать,
 Такіе мы строжайшіе
 Порядки заведемъ,
 Что надорветъ животики
 Вся вотчина... Увидите!“

Долгонько думалъ мѣръ.
 Чтò ни на есть отчаянный
 Былъ Климъ мужикъ: и пьяница,
 И на руку нечистъ.
 Работать не работаетъ,
 Съ цыганами возжаётся,
 Бродяга, коповаль!
 Смѣется надъ трудящимся:
 Съ работы, какъ ни мучайся,
 Не будешь ты богатъ,
 А будешь ты горбатъ!
 А впрочемъ, парень грамотный,
 Бывалъ въ Москвѣ и въ Питерѣ,
 Въ Сибирь ѣзжалъ съ купечествомъ,
 Жаль, не остался тамъ!
 Умень, а грошъ не держится,
 Хитеръ, а попадается
 Въ просакъ! Бахвалъ мужикъ!
 Какихъ-то словъ особенныхъ
 Наслушался: Атечество,
 Москва первопрестольная,
 Душа великорусская.
 „Я—русскій мужичокъ!“
 Горланилъ дикимъ голосомъ,
 И, кокнувъ въ лобъ посудю,
 Пилъ залпомъ полуштофъ!
 Какъ рукойникъ, кланяется
 Готовъ за водку всякому,
 А есть казна—подѣлится,
 Со встрѣчнымъ все прощется!
 Гораздъ орать, балясничать,
 Гнилой товаръ показывать
 Съ казоваго конца.
 Нахвастаетъ съ три короба,
 А уличишь—отшутится
 Бестижей поговоркою,
 Что „за погудку правую

Смычкомъ по рожѣ бьютъ!“
 Подумавши, оставили
 Меня бурмистромъ: правлю я
 Дѣлами и теперь.
 А передъ старымъ бариномъ
 Бурмистромъ Климку назвали,
 Пускай его! По барину
 Бурмистръ! передъ „Послѣдшемъ“
 Послѣдній человекъ!

У Клима совѣсть глиняна,
 А бородача Минина,
 Посмотришь, такъ подумаешь,
 Что не найти крестьянина
 Степеннѣй и трезвѣй.
 Наслѣдники построили
 Кафтавъ ему: одѣлъ его
 И сдѣлался Климъ Яковличъ,
 Изъ Климки безшабашнаго,
 Бурмистръ первѣйшій сортъ.

Пошли порядки старые!
 Послѣдшу-то нашему,
 Какъ на бѣду, приказаны
 Прогулки. Чтò ни день,
 Черезъ деревню катится
 Рессорная колясочка:
 Вставай! картузь долой!
 Богъ вѣсть, съ чего накинется,
 Бранить, корить; съ угрозою
 Подступить—ты молчи!
 Увидить въ полѣ нахаря
 И за его же полосу
 Облаеть: и лѣнтяи-то,
 И лежебоки мы!
 А полоса сработана,
 Какъ никогда на барина
 Не работаль мужикъ;
 Да не вдомекъ Послѣдшу,
 Что ужъ давно не барская,
 А наша полоса!
 Сойдемся—смѣхъ! У каждого
 Свой сказъ про юродиваго
 Помѣщика: икается,
 Я думаю, ему!

А тутъ еще Климъ Яковличъ.
 Придетъ, глядѣть начальникомъ,
 (Горда свинья: чесалася
 О барское крыльцо!)
 Кричитъ: „приказъ по вотчинѣ!“
 Ну, слушаемъ приказъ:
 „Докладывалъ я барину,
 Что у вдовы Терентьевны
 Избенка развалилася,
 Что баба побирается
 Христовымъ подаaniemъ;
 Такъ баринъ приказалъ:
 На той вдовѣ Терентьевой
 Женить Гаврилу Жюхова,
 Избу поправить за-ново,
 Чтобъ жили въ ней, илодилися
 И правила тягло!“
 А той вдовѣ—подъ семьдесятъ,
 А жениху—шесть лѣтъ!
 Ну, хохоть, разумѣется!..
 Другой приказъ: „Коровушки
 Вчера гнались до солнышка
 Близъ барскаго двора,
 И такъ мычали, глушья,
 Что разбудили барина, —
 Такъ пастухамъ приказано
 Виредь унимать коровъ!“
 Опять смѣется вотчина.
 „А что смѣетесь? Всякія
 Бываютъ приказанія:
 Сидѣлъ на губернаторствѣ
 Въ Якутскѣ генераль.
 Такъ на коль тотъ коровушекъ
 Сажалъ! Долгонько слушались:
 Весь городъ разукрасили,
 Какъ Питеръ монументами,
 Казненными коровами,
 Пока не догадаться,
 Что спятилъ онъ съ ума!“
 Еще приказъ: „У сторожа,
 У ундера Софронова,
 Собака непочтительна:
 Залаяла на барина,
 Такъ ундера прогнать;

А сторожемъ къ помѣщицѣй
 Усадьбѣ назначается
 Ерѣмка!..“ Покатилися
 Опять крестьяне со смѣху:
 Ерѣмка тотъ съ рожденія
 Глухонѣмой дуракъ!

Доволенъ Климъ. Нашель-таки
 По нраву должность! Бѣгаеть,
 Чудить, во все мѣшается,
 Пить даже меньше сталъ!
 Бабѣнка есть тутъ бойкаля,
 Орефьевна, кума ему,
 Такъ съ ней Климаха барина
 Дурачить за-одно.
 Лафа бабѣнкамъ! бѣгають
 На барскій дворъ съ полотнами,
 Съ грибами, съ земляникою:
 Все покупаютъ барыни
 И кормятъ, и поятъ!

Шутили мы, дурачились,
 Да вдругъ и дошутилися
 До сущей до бѣды:
 Былъ грубый, непокладистый
 У насъ мужикъ Агапъ Петровъ,
 Онъ много насъ корилъ:
 „Ай, мужики! Царь сжалился,
 Такъ вы въ хомуть охотою...
 Богъ съ ними, съ сѣнокосами!
 Знать не хочу господъ!..
 Тѣмъ только успокоили,
 Что штофъ вина поставили
 (Винцо то онъ любилъ).
 Да чортъ его со временемъ
 Нанесъ-таки на барина:
 Везетъ Агапъ бревно
 (Вишь, мало ночи глупому,
 Такъ воровать отправился
 Лѣсъ—среди бѣла дня!),
 На встрѣчу та колясочка,
 И баринъ въ ней: „Откудова
 Бревно такое славное
 Везешь ты, мужичокъ?..
 А самъ смекнулъ—откудова.

Агапъ молчить: бревешко-го
Изъ лѣсу изъ господскаго,
Такъ что тутъ говоритъ!
Да больно ужъ окрысился
Старикъ: пилил, пилил его,
Права свои дворинскія
Высчитываль ему!

Крестьянское терпѣніе
Выносило, а временемъ
Есть и ему конецъ.
Агапъ раненко выѣхаль,
Безъ завтрака: крестьянина
Тошнило ужъ и такъ;
А тутъ еще рѣчь барская,
Какъ муха неотвязная,
Жужжить подъ ухо самое...

Захоталь Агапъ!

„Ахъ, шутъ ты, шутъ гороховый!
Никшни!“ да и пошелъ!
Досталось тутъ Послѣдышу
За дѣдовъ и за прадѣдовъ,
Не только за себя.
Извѣстно, гнѣву нашему
Дай волю! Брань господская,
Что жало комариное,
Мужицкая—обухъ!
Опѣшилъ баринъ! Легче-бы
Стоять ему подъ пулями,
Подъ каменнымъ дождемъ!
Опѣшили и сродники,
Бабѣнки-было бросились
Къ Агапу съ уговорами,
Такъ онъ вскричалъ: убью!..
„Что брага, раскуражились
Подонки изъ поганаго
Корыта... Цыцъ! Никшни!
Крестьянскихъ душъ владѣніе
Покончено. Послѣдышъ ты!
Послѣдышъ ты! По милости
Мужицкой нашей глупости,
Сегодня ты начальствуешь,
А завтра мы Послѣдышу
Пинка—и конченъ балъ!

Иди домой, похаживай,
Поджавши хвостъ, по горницамъ,
А насъ оставь! Никшни!..
— Ты—бунтовщикъ! съ хрипотою
Сказаль старикъ; затрясся весь
И полумертвый палъ!
„Теперь конецъ!“ подумали
Гвардейцы черноусые
И барыни красивыя;
Анъ вышло—не конецъ!

Приказъ: предъ всею вотчиной,
Въ присутствіи помѣщика,
За дерзость безпримѣрную
Агапа наказать.
Забѣгали наслѣдники
И жены ихъ къ Агапушкѣ,
И къ Климу, и ко мнѣ!
„Спасите насъ, голубчики!
Спасите!“ Ходятъ блѣдныя:
„Коли обманъ откроется,
Пропали мы совѣзмъ!“
Пошелъ бурмистръ орудовать!
Съ Агапомъ пилъ до вечера,
Обнявшись, до полуночи
Деревней съ нимъ гулялъ,
Потомъ опять съ полуночи
Поилъ его—и пьянаго
Привелъ на барскій дворъ.
Все обошлось любехонько:
Не могъ съ крылечка сдвинуться
Послѣдышъ—такъ разстроился...
Ну, Климкѣ и лафа!

Въ конюшню плуть преступника
Привелъ, передъ крестьяниномъ
Поставилъ штофъ вина:
„Пей да кричи: помилуйте!
Ой, батюшки! ой, матушки!“
Послушался Агапъ,
Чу, вопить! Словно музыку,
Послѣдышъ стоны слушаетъ;
Чуть мы не размѣлялись,
Какъ сталъ онъ приговаривать:

„Ка-тай его, раз-бой-ника,
 Бун-тов-щи-ка... Ка-тай!“
 Ни дать, ни взять подъ розгами,
 Кричалъ Агапъ, дурачился,
 Пока не допилъ штофъ:
 Какъ изъ конюшни вынесли
 Его мертвецки пьянаго
 Четыре мужика,
 Такъ баринъ даже сжалился:
 „Самъ виноватъ, Агапушка!“,
 Онъ ласково сказалъ...

— „Вишь, тоже добрый! сжалился“,
 Замѣтилъ Провъ, а Власъ ему:
 — Не золь... да есть пословица:
 Хвали траву въ стогу,
 А барина—въ гробу!
 Все лучше, кабы Богъ его
 Прибралъ... Ужъ нѣтъ Агапушки...
 — Какъ! умеръ?

— Да, почтенные:

Почти-что въ тотъ же день!
 Онъ къ вечеру разохался,
 Къ полуночи попа просиль,
 Къ бѣлу-свѣту преставился.
 Зарыли и поставили
 Животворящій крестъ...
 Съ чего? Одинъ Богъ вѣдаетъ!
 Конечно, мы не тронули
 Его не только розгами,
 И пальцомъ. Ну, а все-жъ,
 Нѣтъ, нѣтъ — да и подумаешь:
 Не будь такой оказіи,
 Не умеръ бы Агапъ!
 Мужикъ сырой, особенный,
 Головка не поклончива,
 А тутъ: иди, ложись!
 Положимъ, ладно кончилось,
 А все Агапъ надумался:
 Упрешься — мѣръ осердится,
 А мѣръ дуракъ — дойметъ!
 Все разомъ такъ подстроилось:
 Чуть молодья барини

Не цѣловали стараго,
 Полсотни, чай, подсунули,
 А пуще: Климъ безсовѣстный,
 Сгубилъ его, анаема,
 Винищемъ!..

— Вонъ отъ барина
 Посоль идетъ: откушали!
 Зоветь, должно быть, старосту,
 Пойду взгляну камедь!

III.

Пошли за Власомъ странники;
 Бабёнокъ тоже нѣсколько
 И парней съ ними тронулось;
 Былъ полдень, время отдыха,
 Такъ набралось порядочно
 Народу — поглазѣть.
 Всѣ стали въ рядъ почтительно
 Поодаль отъ господъ...

За длиннымъ, бѣлымъ столикомъ,
 Уставленнымъ бутылками
 И кушаньями разными,
 Сидѣли господа:
 На первомъ мѣстѣ — старый князь,
 Сѣдой, одѣтый въ бѣлое,
 Лицо перекошное,
 И — разные глаза.
 Въ петлицѣ крестикъ бѣленькій
 (Власъ говоритъ: Георгія
 Побѣдоносца крестъ).
 За стуломъ въ бѣломъ галстукѣ
 Ипать, дворовый преданный,
 Обмахиваетъ мухъ.
 По сторонамъ помѣщика
 Двѣ молодья барини:
 Одна черноволосая,
 Какъ свекла губы красныя,
 По яблоку — глаза!
 Другая бѣлокурая,
 Съ распушенной косой;
 Ай, косонька! какъ золото,
 На солнышѣ горить!

На трехъ высокихъ стульчикахъ
Три мальчика нарядише,
Салфеточки подвизаны
Подъ горло у дѣтей.
При нихъ старуха нянюшка,
А дальше — челядь разная:
Учительницы, бѣдныя
Дворянки. Противъ барина —
Гвардейцы черноусые,
Послѣдыша сыны.

За каждыя стуломъ дѣвочка,
А то и баба съ вѣткою —
Обмахиваетъ мухъ.
А поды столымъ мохнатая
Собачки бѣлошорстыя,
Барчѣнки дразнятъ ихъ...
Безъ шапки передъ бариномъ
Стоялъ бурмистръ:

„А скоро-ли?“

Спросилъ помѣщикъ, кушая:
„Окончимъ сѣнокосъ?“

— Да какъ теперъ прикажете:
У насъ по положенію
Три дня въ недѣлю барскіе,
Съ тягла: работникъ съ лошадыю,
Подростокъ или женщина,
Да полстарухи въ день.
Господскій срокъ кончается...

— „Тес! тес! сказалъ Уятинъ князь,
Какъ человекъ, замѣтившій,
Что на тончайшей хитрости
Другого изловилъ:
„Какой такой *господскій срокъ*?
Откуда ты взялъ его?“
И на бурмистра вѣрнаго
Навель пытливо глазъ.

Бурмистръ потупилъ голову.
— Какъ приказать изволите?
Два-три денька хорошіе,
И сѣно вашей милости

Все уберемъ, Богъ дастъ!
Не правда-ли, ребятаушки?..
(Бурмистръ воротитъ къ барщинѣ
Широкое лицо).
За барщину отвѣтила
Проворная Орефьевна,
Бурмистрова кума:
— Вѣстимо такъ, Климъ Яковличъ,
Покуда ведро держится,
Убрать бы сѣно барское,
А наше — подождетъ!

— „Бабенка, а умнѣй тебя!“
Помѣщикъ вдругъ осклабился
И началъ хохотать.
„Ха-ха! дуракъ!... Ха-ха-ха-ха!
Дуракъ! дуракъ! дуракъ!
Придумали: господскій срокъ!
Ха-ха... дуракъ! ха-ха ха-ха!
Господскій срокъ—вся жизнь раба!
Забыли, что-ли, вы:
Я Божіею милостью,
И древней царской грамотой,
И родомъ, и заслугами
Надъ вами господинъ!...“

Власъ на земь опускается.
— Что такъ? спросили странники.
— „Да отдохну пока!
Теперъ не скоро князюшка
Сойдетъ съ коня любимаго!
Съ тѣхъ поръ, какъ слухъ прошелъ,
Что воля намъ готовится,
У князя рѣчь одна:
Что мужику у барина
До свѣтопреставленія
Зажату быть въ горсти!...“

И точно: часъ безъ малаго
Послѣдышъ говорилъ!
Языкъ его не слушался:
Старикъ слюною брызгался,
Шипѣлъ! И такъ разстроился,
Что правый глазъ задергало,
А лѣвый вдругъ расширился

И — круглый, какъ у филина —
Вертѣлся колесомъ.

Права свои дворянскія,
Вѣками освященныя,
Заслуги, имя древнее
Помѣщикъ поминалъ;
Царевымъ гнѣвомъ, божимъ
Грозилъ крестьянамъ, ежели
Взбунтуются они,
И накрѣпко приказывалъ,
Чтобъ пустяковъ не думала,
Не баловалась вотчина,
А слушалась господь!

— Отцы! сказалъ Климъ Яковличъ,
Съ какимъ-то визгомъ въ голосѣ,
Какъ будто вся утроба въ немъ,
При мысли о помѣщикахъ,
Заликовала вдругъ:

— Кого же намъ и слушаться?
Кого любить? надѣяться
Крестьянству на кого?
Бѣдами упиваемся,
Слезами умываемся,
Куда намъ бунтовать?
Все ваше, все господское —
Домишки наши ветхіе,
И животишки хворые,
И сами — ваши мы!
Зерно, чтó въ землю брошено,
И овощъ огородная,
И волосъ на печесаной
Мужицкой головѣ —
Все ваше, все господское!
Въ могилахъ наши прадѣды,
На печкахъ дѣды старые
И въ зыбкахъ дѣти малыя —
Все ваше, все господское!
А мы, какъ рыба въ неводѣ,
Хозяева въ дому!

Бурмистра рѣчь покорная
Понравилась помѣщику:
Здоровый глазъ на старосту
Глядѣлъ съ благоволеніемъ,

А лѣвѣй успокоился:
Какъ мѣсяцъ въ небѣ сталь!
Наливъ рукою собственной
Стаканъ вина заморскаго,
„Пей!“ баринъ говоритъ.
Вино на сонцѣ искрится,
Густое, маслянистое.
Климъ выпилъ, не поморщился
И вновь сказалъ: „Отцы!
Живемъ за вашей милостью,
Какъ у Христа за пазухой:
Попробуй-ка безъ барина
Крестьянинъ такъ пожить!
И снова, плуть естественный,
Глонулъ вина заморскаго):
„Куда намъ безъ господь?
Бояре — кипарисовы,
Стоять, не гнуть головушки!
Надъ ними — царь одинъ!
А мужики вязовые —
И гнутся-то, и тянутся,
Скрипятъ! Гдѣ мать крестьянину,
Тамъ барину спологора:
Подъ мужикомъ ледъ ломится,
Подъ бариномъ трещить!
Отцы! руководители!
Не будь у насъ помѣщиковъ,
Не наготовимъ хлѣбушка,
Не запасемъ травы!
Хранители! радѣтели!
И мѣръ давно бы рушился
Безъ разума господскаго,
Безъ нашей простоты!
Вамъ на роду написано
Блюсти крестьянство глуное,
А намъ работать, слушаться,
Молиться за господь!“

Дворовый, чтó у барина
Стоялъ за стуломъ съ вѣткою,
Вдругъ вскрикнулъ! Слезы кажутся
По старому лицу.
„Помолимся же Господу
За долголѣтье барина!“

Сказаль халуй чувствительный
И сталь креститься дряхлою,
Дрожащею рукой.
Гвардейцы черноусые
Кисленько какъ-то глянули
На вѣрнаго слугу;
Однако — дѣлать нечего! —
Фуражки сняли, крестятся;
Перекрестились барыни,
Перекрестилась нянюшка,
Перекрестился Климь...

Да и мигнулъ Орефьевичъ:
И бабы, что протискались
Поближе къ господамъ,
Креститься тоже начали.
Одна такъ даже всхлипнула
Въ подобіе двороваго
(„Урчи! вдова Терентьевна!
Старуха полоумная!“
Сказаль сердито Власъ).
Изъ тучи солнце красное
Вдругъ выглянуло; музыка
Протяжная и тихая
Послышалась съ рѣки...

Помѣщикъ такъ растрогался,
Что правый глазъ заплаканный
Ему платочкомъ вытерла
Сноха съ косою распущенной
И чмокнула старинушку
Въ здоровый этотъ глазъ.
„Вотъ!“ молвилъ онъ торжественно
Сынамъ своимъ наслѣдникамъ
И молодымъ снохамъ:
„Желалъ бы я, чтобъ видѣли
Шуты, ввали столичные,
Что обзываютъ дикими
Крѣпостниками насъ,
Чтобъ видѣли, чтобъ слышали...“

Тутъ случай неожиданный
Нарушилъ рѣчь господскую:
Одинъ мужикъ не выдержалъ —
Какъ захохочетъ вдругъ!

Задергало Послѣдыша.
Вскочилъ, лицомъ уставился
Впередъ! Какъ рысь высматриваль
Добычу. Лѣвый глазъ
Заколесиль... „Сыскать его!
Сы-скать бун-тов-щи-ка!“

Бурмистръ въ толпу отправился;
Не ищетъ виноватаго,
А думаетъ: какъ быть?
Пришелъ въ ряды послѣдніе,
Гдѣ были наши странники,
И ласково сказалъ:
Вы люди чужестранные,
Что съ вами онъ подѣлаеть?
Подите кто-нибудь!
Замялись наши странники,
Желательно бы выручить
Несчастныхъ вахлаковъ,
Да баринъ глухъ: судись потомъ,
Какъ влѣпить сотню добрую
При всемъ честномъ міру!
— Иди-ка ты, Романушка!
Сказали братья Губины:
— Иди! ты любишь баръ!
„Нѣтъ, сами вы попробуйте!“
И стали наши странники
Другъ другу посылать.
Климъ плюнулъ. — „Ну-ка, Власушка,
Придумай, что тутъ сдѣлаемъ?
А я усталъ; мнѣ мочи нѣтъ!“

— Ну, да и вралъ же ты!

„Эхъ, Власъ Ильичъ! гдѣ враки-то?“
Сказаль бурмистръ съ досадою:
„Не въ ихъ рукахъ мы, что-ль?..
Придетъ пора послѣдняя:
Заѣдемъ всѣ въ ухабъ *,
Не выѣдемъ никакъ,
Въ кромѣнный адъ провалимся,
Такъ ждетъ и тамъ крестьянина
Работа на господъ!“

— Что-жъ тамъ-то будетъ, Климушка?

* Могила.

— „А будетъ, что назначено:
Они въ котлѣ кипѣтъ;
А мы дрова подкладывать!“

(Смѣются мужики).

Пришли сыны Послѣдыша:
— „Эхъ! Климъ-чудакъ! до смѣху-ли?
Старикъ прислалъ насъ; сердится,
Что долго нѣтъ виновнаго...
Да кто у васъ сплосалъ?“

— А кто сплосалъ, и надо бы
Того тащить къ помѣщику,
Да все испортитъ онъ!
Мужикъ богатый... Питерщикъ...
Видишь, принесла нелегкая
Домой его на грѣхъ!
Порядки наши чудные
Ему пока въ диковину,
Такъ смѣхъ и разобралъ!
А мы теперь расклебывай!

„Ну... вы его не трогайте,
А лучше киньте жеребій.
Заплатимъ мы: вотъ пять рублей!...“

— Нѣтъ! разбѣгутся всѣ...

— „Ну, такъ скажите барину,
Что виноватый спрятался“.

— А завтра какъ? Забыли вы
Агапа неповиннаго?

— Что-жь дѣлать?.. Вотъ бѣда!“

— Давай сюда бумажку ту!
Постойте! Я васъ выручу!
Вдругъ объявила бойкая
Бурмистрова кума
И побѣжала къ барину;
Вухъ въ ноги: „Красно солнышко!
Прости, не погуби!
Сыночекъ мой единственный,
Сыночекъ надурилъ!
Господь его безъ разуму

Пустилъ на свѣтъ! Глупешенекъ:
Идетъ изъ бани — чешется!
Лаптишкомъ, вмѣсто ковшика,
Напиться норовитъ!
Работать не работаетъ,
Знай, скалитъ зубы бѣлые,
Смѣшливъ... такъ Богъ родилъ!
Въ дому-то мало радости:
Избенка развалилася,
Случается, ѣсть нечего —
Смѣется дурачокъ!
Подастъ-ли кто копѣечку,
Ударить-ли по темени —
Смѣется дурачокъ
Смѣшливъ... что съ нимъ подѣлаешь?
Изъ дурака, родименькій,
И горе смѣхомъ претъ!“

Такая баба ловкая!
Орегъ, какъ на дѣвишникѣ,
Цѣлуетъ ноги барину.
— „Ну, Богъ съ тобой! Иди!“
Сказалъ Послѣдышъ ласково:
— „Я не сержусь на глушаго:
Я самъ надъ нимъ смѣюсь!“
— Какой ты добрый! молвила
Сноха черноволосая,
И старика погладила
По бѣлой головѣ.
Гвардейцы черноусые
Словечко тоже вставили:
Гдѣ-жь дурню деревенскому
Понять слова господскія,
Особенно Послѣдыша
Столь умныя слова?
А Климъ полой суконною
Отеръ глаза безстыжіе
И пробурчалъ: „Отцы!
Отцы! сыны атечества!
Умѣютъ наказать,
Умѣютъ и помиловать!“

Повеселѣлъ старикъ!
Спросилъ вина шипучаго.
Высоко пробки прыгнули,

Попадали на бабъ.
 Съ испугу бабы визгнули,
 Шарахнулись. Старинушка
 Захоталъ! За нимъ
 Захотали барыни,
 За ними — ихъ мужья,
 Потому дворецкій преданный,
 Потому кормилки, нянюшки,
 А тамъ — и весь народъ!
 Пошло веселье! Барыни,
 По приказанью барина,
 Крестьянамъ поднесли,
 Подросткамъ дали пряниковъ,
 Дѣвицамъ сладкой водочки,
 А бабы тоже выпили
 По рюмѣ простяку...

Послѣдъшъ пилъ да чокался,
 Красивыхъ снохъ пощипывалъ.
 („Вотъ такъ-то! чѣмъ-бы старому
 Лекарство пить — замѣтилъ Власъ:
 „Онъ пьетъ вино стаканами.
 Давно ужъ мѣру всякую
 Какъ въ гнѣвѣ, такъ и въ радости
 Послѣдъшъ потерялъ“).

Гремитъ на Волгѣ музыка,
 Поютъ и пляшутъ дѣвицы —
 Ну, словомъ, пиръ горой!
 Къ дѣвицамъ присосѣдиться
 Хотѣлъ старикъ, всталъ на ноги
 И чуть не полетѣлъ!
 Сынъ поддержалъ родителя.
 Старикъ стоялъ: притопывалъ,
 Присвистывалъ, прищелкивалъ,
 А глазъ свое выдѣлывалъ —
 Вертѣлся колесомъ!

— „А вы что-жь не танцуете?
 Сказалъ Послѣдъшъ барынямъ
 И молодымъ сынамъ:
 — Танцуйте!“ Дѣлать нечего!
 Прошлись они подъ музыку.
 Старикъ ихъ осмѣялъ!
 Качаясь, какъ на палубѣ,

Въ погоду непокойную,
 Представилъ онъ, какъ тѣшились
 Въ его-то времена?
 — „Спой, Люба?“ Не хотѣлося
 Пить бѣлокурой барынь,
 Да старый такъ присталъ!

Чудесно спѣла барыня!
 Ласкала слухъ та пѣсенка,
 Негромкая и нѣжная,
 Какъ вѣтеръ лѣтнимъ вечеромъ,
 Легонько пробѣгающій
 По бархатной муравушкѣ,
 Какъ шумъ дождя весенняго
 По листьямъ молодымъ!

Подъ пѣсню ту прекрасную
 Уснулъ Послѣдъшъ. Бережно
 Снесли его въ ладью
 И уложили соннаго.
 Надъ нимъ съ зеленымъ зонтикомъ
 Стоялъ дворовый преданный,
 Другой рукой отмахивалъ
 Слѣпней и комаровъ.
 Сидѣли молча бравые
 Гребцы; играла музыка
 Чуть слышно... лодка тронулась
 И мѣрно поплыла...
 У бѣлокурой барыни
 Коса, какъ флагъ распущенный,
 Играла на вѣтру...

— Уважилъ я Послѣдъша!
 Сказалъ бурмистръ, — Господь съ тобой!
 Куражся, колобродь!
 Не знай про волю новую,
 Умри, какъ жилъ, помѣщикомъ,
 Подъ пѣсни наши рабскія,
 Подъ музыку холопскую —
 Да только поскорѣй!
 Дай отдохнуть крестьянину!
 Ну, братцы! поклонитесь мнѣ,
 Скажи спасибо, Власъ Ильичъ:
 Я міру poradѣлъ!
 Стоять передъ Послѣдъшемъ

Напасть... языкъ примелется,
 А пуще смѣхъ долить.
 Глазъ этотъ... какъ завертится,
 Бѣда! Глядишь да думаешь:
 — Куда ты, другъ единственный?
 По надобности собственной,
 Аль по чужимъ дѣламъ?
 Должно быть, раздобылся ты
 Курьерской подорожною!..
 Чуть разъ не приснулъ я.
 Мужикъ я пьяный, вѣтреный,
 Въ амбарѣ крысы съ голоду
 Подошли, домъ пустехонекъ,
 А не взялъ бы, свидѣтель Богъ,
 Я за такую каторгу
 И тысячи рублей,
 Когда-бъ не зналъ доподлинно,
 Что я передъ *послѣдъшемъ*
 Стою... что онъ куражится,
 По волѣ по моей...

Власть отвѣчалъ задумчиво:
 — „Бахвалься! А давно-ли мы,
 Не мы одни—вся вотчина...
 (Да... все крестьянство русское!)
 Не въ шутку, не за денешки,
 Не три-четыре мѣсяца,
 А цѣлый вѣкъ... да что ужъ тутъ!
 Куда ужъ намъ бахвалиться,
 Не даромъ вахлаки!“

Однако, Клима Лавина
 Крестьяне полупьяные
 Уважили: „Качать его!“
 И ну качать... „ура!“
 Потомъ вдову Терентьевну
 Съ Гаврилкой, малолѣточкомъ
 Климъ посадилъ рядкомъ,
 И жениха съ невѣстою
 Поздравилъ! Подурачились
 Досыта мужики.
 Приѣли все, все припили,
 Что господа оставили,
 И только позднимъ вечеромъ
 Въ деревню прибрели.

Домашніе ихъ встрѣтили
 Извѣстемъ неожиданнымъ:
 Скончался старый князь!
 — Какъ такъ?— „Изъ лодки вынесли
 Его ужъ бездыханнаго —
 Хватилъ второй ударъ!“

Крестьяне пораженные
 Переглянулись... крестятся...
 Вздохнули... Никогда
 Такого вздоха дружнаго,
 Глубокаго-глубокаго
 Не испускала бѣдная
 Безграмотной губерніи
 Деревня Вахлаки..

Но радость ихъ вахлацкая
 Была непродолжительна.
 Со смертію Послѣдыша
 Пропала ласка барская:
 Опохмѣлиться не дали
 Гвардейцы вахлакамъ!
 А за луга поѣмные
 Наслѣдники съ крестьянами
 Тягаются дондесъ.
 Власть за крестьянъ ходатаемъ,
 Живетъ въ Москвѣ.. былъ въ Питерѣ..
 А толку что-то нѣтъ!

КРЕСТЬЯНКА.

Изъ третьей части.

Прологъ.

„Не все между мужчинами
 Отыскивать счастливаго,
 Пощупаемъ-ка бабъ!“
 Рѣшили наши странники
 И стали бабъ опрашивать.
 Въ селѣ Наготинѣ
 Сказали, какъ отрѣзали:
 „У насъ такой не водится,
 А есть въ селѣ Клину:

Корова холмогорская,
 Не баба! доброумиѣ
 И глаже—бабы нѣтъ.
 Спросите вы Корчагину,
 Матрену Тимоѣеву,
 Она же: губернаторша..“

Подумали—пошли.

Ужъ налились колосики.
 Стоять столбы точеные,
 Головки золоченныя,
 Задумчиво и ласково
 Шумить. Пора чудесная!
 Нѣтъ веселѣй, наряднѣе,
 Богаче нѣтъ поры!
 „Ой, поле многохлѣбное!
 Теперь и не подумаешь,
 Какъ много люди Божіи
 Побились надъ тобой,
 Покамѣсть ты одѣлся
 Тяжелымъ, ровнымъ колосомъ
 И стало передъ пахаремъ
 Какъ войско предъ царемъ!
 Не столько рѣсы темныя,
 Какъ потъ съ лица крестьянскаго
 Увлажили тебя!..“

Довольны наши странники:
 То рожью, то пшеницею,
 То ячменемъ идутъ.
 Пшеница ихъ не радуешь:
 Ты тѣмъ передъ крестьяниномъ,
 Пшеница, провинилася,
 Что кормишь ты *по выбору!*
 За то не налюбуются
 На рожь, что *кормитъ всѣхъ.*

„Льны тоже нонче знатные...
 Ай! бѣдненькій! застрялъ!“
 Тутъ жаворонка малаго,
 Застряваго во льну,
 Романъ распуталъ бережно,
 Подѣловаль: „лети!“
 И птичка въ высь помчалася,
 За нею умиленные
 Слѣдили мужики...

Поспѣлъ горохъ! Накинулись,
 Какъ саранча на полосу:
 Горохъ, что дѣвку красную,
 Кто ни пройдетъ—щипнетъ!
 Теперь горохъ у всякаго
 У стараго, у малаго,
 Разсыпался горохъ
 На семьдесятъ дорогъ!

Вся овощъ огородная
 Поспѣла; дѣти носятъ
 Кто съ рѣпой, кто съ морковкою,
 Подсолнечникъ луцать,
 А бабы свеклу дергаютъ,
 Такая свекла добрая!
 Точь-въ-точь сапожки красныя,
 Лежить на полосѣ.

Шли долго ли, коротко ли,
 Шли близко ли, далеко ли,
 Вотъ, наконецъ, и Клинь.
 Селенье незавидное:
 Что ни изба—съ подпоркою,
 Какъ нищій съ костылемъ;
 А съ крышъ солома скормлена
 Скоту. Стоять, какъ ѳстовы,
 Убогіе дома.
 Ненастной, поздней осенью
 Такъ смотрятъ гнѣзда галочки,
 Когда галчата вылетятъ,
 И вѣтеръ придорожня
 Березы обнажить...
 Народъ въ поляхъ—работаетъ.
 Замѣтивъ за селеніемъ
 Усадьбу на пригорочкѣ,
 Пошли пока—глядѣть.

Огромный домъ, широкій дворъ,
 Прудъ, ивами обсаженный,
 Посерединѣ двора.
 Надъ домомъ башни высится,
 Балкономъ окруженная,
 Надъ башней шпиль торчитъ.
 Въ воротахъ съ ними встрѣтился
 Лакей, какой-то буркою

Прикрытый:— „Вамъ кого?

Помѣщикъ за границею,

А управитель при смерти!..“

И спину показалъ.

Крестьяне наши приснули:

По всей спинѣ двороваго

Быль нарисованъ левъ.

„Ну, штука!“ Долго спорили,

Что за нарядъ диковинный,

Пока Пахомъ догадливый

Загадки не рѣшилъ:

„Халуй хитѣрь: стащить коверъ,

Въ коврѣ дыру продѣлаеть,

Въ дыру просунеть голову

Да и гуляетъ такъ!..“

Какъ прусаки слоняются

По неоплѣной горницѣ,

Когда ихъ вымораживать

Надумаетъ мужикъ,

Въ усадьбѣ той слонялися

Голодные дворовые,

Покинутые бариномъ

На произволь судьбы.

Все старые, все хворые

И какъ въ цыганскомъ таборѣ

Одѣты. По пруду

Тащили бредень пятеро.

„Богъ нѣ-помочь! Какъ ловится?..“

— Всего одинъ карась!

А было ихъ до пропасти,

Да крѣпко навалились мы,

Теперь—свищи въ кулакъ!

„Хоть бы пяточекъ вынули!“

Проговорила блѣдная,

Беременная женщина,

Усердно раздувавшая

Костеръ на берегу.

— Точенные-то столбики

Съ балкону, что ли, умница?

Спросили мужики.

„Съ балкону!“

— То-то высохли!

А ты не дуй! Сгорятъ они

Скорѣе, чѣмъ карасиковъ

Изловятъ на уху!

„Жду—не дождусь. Измаялся

На черствомъ хлѣбѣ Митенька.

Эхъ, горе—не житье!“

И тутъ она погладила

Полунагова мальчика

(Сидѣлъ въ тазу заржавленномъ

Курносый мальчуганъ).

— А что? ему, чай, холодно,

Сказалъ сурово Провушка:

— Въ желѣзномъ-то тазу?

И въ руки взять ребеночка

Хотѣлъ. Дитя заплакало,

А мать кричитъ: „Не тронь его!

Не видишь? Онъ катается!

Ну, ну! пошелъ! Колясочка,

Вѣдь, это у него!..“

Что шагъ, то натыкалися

Крестьяне на диковину;

Особая и странная

Работа всюду шла.

Одинъ дворовый мучился

У двери: ручки мѣдныя

Отвинчивалъ; другой

Несъ изразцы какіе-то.

„Наковырялъ, Егорушка!“

Окликнули съ пруда.

Въ саду ребята яблоноу

Качали.— „Мало, дяденька!

Теперь они остались

Ужъ только на верху,

А было ихъ до пропасти!“

— Да что въ нихъ проку? зелены!

„Мы рады и такимъ!“

Бродили долго по саду:

„Затѣй-то! горы, пропасти!

И прудъ опять... Чай, лебеди
 Гуляли по пруду?..
 Бесѣдка... стойте! съ надписью!..
 Демьянъ, крестьянинъ грамотный,
 Читаетъ по складамъ.
 „Эй, врешь!“ Хохочутъ странники..
 Опять—и тоже самое
 Читаетъ имъ Демьянъ.
 (На силу догадались,
 Что надпись переправлена:
 Затерты двѣ-три литеры,
 Изъ слова благороднаго
 Такая вышла дрянь!)

Замѣтивъ любознательность
 Крестьянъ, дворовый сѣденькій
 Къ нимъ съ книгой подошелъ:
 „Купите!“ Какъ ни тужился,
 Мудренаго заглавія
 Не одолѣлъ Демьянъ:
 — Садись-ка ты помѣщикомъ
 Подъ липой на скамеечку,
 Да самъ ее читай!

„А тоже грамотѣями
 Считаетесь!“ съ досадою
 Дворовый прошипѣлъ:
 „На чтó вамъ книги умныя?
 Вамъ вывѣски питейныя
 Да слово: воспрещается,
 Чтó на столбахъ встрѣчается,
 Достаточно читать!“

— „Дорожки такъ загажены,
 Что срамъ! у дѣвокъ каменныхъ
 Отшибены посы!
 Пропали фрукты-ягоды,
 Пропали гуси-лебеди
 У халуя въ зобу!
 Что церкви безъ священника,
 Угодамъ безъ крестьянина,
 То саду безъ помѣщика!“
 Рѣшили мужики:
 „Помѣщикъ прочно строился,
 Такую даль загадывалъ,

А вотъ...“ (Смѣются шестеро,
 Седьмой повѣсилъ носъ).
 Вдругъ съ вышины откуда-то,
 Какъ грянетъ пѣсня! головы
 Задрали мужики:
 Вкругъ башни по балкончику
 Похаживалъ въ подрясникѣ
 Какой-то человекъ
 И пѣлъ.. Въ вечернемъ воздухѣ,
 Какъ колоколь серебряный,
 Гудѣлъ громовый басъ..
 Гудѣлъ—и прямо за сердце
 Хваталъ онъ нашихъ странниковъ:
 Не русскія слова,
 А горе въ нихъ такое же,
 Какъ въ русской пѣснѣ слышалось,
 Безъ берегу, безъ дна.
 Такіе звуки плавныя,
 Рыдающіе... „Умница,
 Какой мужчина тамъ?“
 Спросилъ Романъ у женщины,
 Уже кормившей Митеньку
 Горяченькой ухой.

— Пѣвецъ Ново-Архангельскій.
 Его изъ Малороссіи
 Сманили господа.
 Свезти его въ Италію
 Сулились, да уѣхали..
 А онъ бы радъ-радехонекъ,
 Какая ужъ Италія?
 Обратнo въ Конотопъ;
 Ему здѣсь дѣлать нечего..
 Собаки домъ покинули
 (Озлилась круто женщина):
 Кому здѣсь дѣло есть?..
 Да у него ни спереди,
 Ни сзади... кромѣ голосу...“

— За то ужъ голосокъ!

„Не то еще услышите,
 Какъ до утра пробудете:
 Отсюда версты три
 Есть дьяконъ.. тоже съ голосомъ...“

Такъ вонъ они затѣяли
 По-своему здороваться
 На утренней зарѣ.
 На башню какъ подымется
 Да рывкнетъ нашъ: „Здо-ро-во-ли
 Жи-вешь, о-тець И-патьъ?“
 Такъ стекла загрезчатъ!
 А тотъ, ему, оттуда-то:
 „Здо-ро-во, нашъ со-ловушко!
 Жду вод-ку пить!“ — И-ду!..
 Иду-то это въ воздухъ
 Часъ цѣлый откликнется...
 Такіе жеребцы!..

Домой скотина гонится,
 Дорога запылилася,
 Запахло молокомъ.
 Вздохнула мать Митюхина:
 Хоть бы одна коровушка
 На барскій дворъ вошла!
 — Чу! пѣсня за деревню,
 Прощай, горюшка бѣдная!
 Идемъ встрѣчать народъ.

Легко вздохнули странники:
 Имъ послѣ дворни ноющей
 Красива показалася
 Здоровая, поющая
 Толпа жнецовъ и жницъ;
 Все дѣло дѣвки красили
 (Толпа безъ красныхъ дѣвушекъ,
 Что рожь безъ васильковъ).

—Путь добрый! А которая
 Матрена Тимоѣевна?

„Что́ нужно, молодцы?“

Матрена Тимоѣевна
 Осанистая женщина,
 Широкая и плотная,
 Лѣтъ тридцати-осьми.
 Красива; волосъ съ просѣдью,
 Глаза большіе, строгіе,
 Рѣсницы богатѣйшія,

Сурова и смугла.
 На ней рубаха бѣлая,
 Да сарафанъ коротенькій,
 Да серпъ черезъ плечо.

„Что́ нужно вамъ, молодчики?“

Помалчивали странники,
 Покамѣсть бабы прочія
 Не поушли впередъ,
 Потомъ поклонъ отгѣсили:
 —Мы люди чужестранные;
 У насъ забота есть,
 Така-ли заботушка,
 Что изъ домовъ повыжила,
 Съ работой раздружила насъ,
 Отбила отъ ѣды.
 Мы мужики степенные,
 Изъ временно-обязанныхъ,
 Подтянутой губерніи,
 Пустопорожней волости,
 Изъ смежныхъ деревень:
 Несытова, Неѣлова,
 Заплатова, Дырявина,
 Горѣлокъ, Голодухина,
 Неурожайка тожь.
 Идя путемъ дорогою,
 Сошлись мы невзначай,
 Сошлись мы—и заспорили:
 Кому живется счастливо,
 Вольготно на Руси?
 Романъ сказалъ: помѣщику,
 Демьянъ сказалъ: чиновнику,
 Лука сказалъ: попу,
 Купчинъ толстопопому,
 Сказали братья Губины,
 Иванъ и Митродоръ.
 Пахомъ сказалъ: свѣтлѣйшему,
 Вельможному боярину,
 Министру государеву,
 А Провъ сказалъ: царю...
 Мужикъ, что быкъ: втемяшится
 Въ башку какая блажь—
 Коломъ ее оттудова
 Не выбьешь! какъ ни спорили,

Не согласились мы!
 Поспоривши, повздорили,
 Повздоривши, подралися,
 Подравшися, удумали:
 Не расходиться врозь,
 Въ домишки не ворочаться,
 Не видѣться ни съ женами,
 Ни съ малыми ребятами,
 Ни съ стариками старыми,
 Покуда спору нашему
 Рѣшенья не найдемъ,
 Покуда не довѣдаемъ,
 Какъ ни на есть—доподлинно,
 Кому жить любо-весело,
 Вольготно на Руси?..

Попа ужъ мы довѣдали,
 Довѣдали помѣщика.
 Да прямо мы къ тебѣ!
 Чѣмъ намъ искать чиновника,
 Купца, министра царскаго,
 Царя (еще допустить ли
 Насъ, мужичонковъ, царь?)
 Освободи насъ, выручи!
 Молва идетъ всесвѣтная,
 Что ты вольготно, счастливо
 Живешь... Скажи по-божески,
 Въ чемъ счастье твое?

Не то, чтобъ удивилася
 Матрена Тимоѣевна,
 А какъ-то закручинилася,
 Задумалась она..

— Не дѣло вы затѣяли!
 Теперь пора рабочая,
 Досугъ ли толковать?..

— Полцарства мы промѣряли,
 Никто намъ не отказывалъ!
 Просили мужики.

— У насъ ужъ колосъ сыпется,
 Руку не хватаетъ, миле...

— А мы на что, кума?
 Давай серпы! Всѣ семеро
 Какъ станемъ завтра, — къ вечеру
 Всю рожь твою сожнемъ!

Смекнула Тимоѣевна,
 Что дѣло подходящее.
 „Согласна“ говоритъ:
 „Такіе-то вы бравые,
 Нажнете, не замѣтите,
 Сноповъ по десяти“.

— А ты намъ душу выложи!

„Не скрою ничего!“

Покуда Тимоѣевна
 Съ хозяйствомъ управлялася,
 Крестьяне мѣсто знатное
 Избрали за избой:
 Тутъ рига, конопляники,
 Два стога здоровенные,
 Богатый огородъ.
 И дубъ тутъ росъ — дубовъ краса.
 Подъ нимъ присѣли странники:
 „Эй, скатерть самобранная,
 Попотчуй мужиковъ.“

И скатерть развернулася,
 Откудова ни взялися
 Двѣ дюжія руки,
 Ведро вина поставили,
 Горой наклали хлѣбушка
 И спрятались опять..
 Гогочуть братья Губины:
 Таковую рѣдку скапали
 На огородъ — страсть!

Ужъ звѣзды разсажались
 По небу темносинему,
 Высоко мѣсяцъ сталь,
 Когда пришла хозяйшка
 И стала нашимъ странникамъ
 „Всю душу открывать...“

ГЛАВА I.
ДО ЗАМУЖСТВА.

Мнѣ счастье въ дѣвкахъ выпало:

У насъ была хорошая,
Нешьющая семья.
За батюшкой, за матушкой,
Какъ у Христа за пазухой,
Жила я, молодцы.
Отецъ, поднявшись дѣ-свѣту,
Будиль дочурку ласкою,
А братъ веселой пѣсенкой;
Покамѣсть одѣвается,
Поетъ: „вставай, сестра!
По избамъ обряжаются,
Въ часовенькахъ спасаются —
Пора вставать, пора!
Пастухъ ужъ со скотиною
Угнался; за малиною
Ушли подружки въ боръ;
Въ поляхъ трудятся пахари,
Въ лѣсу стучить топоръ!“
Управится съ горшечками,
Все вымоетъ, все выскребетъ
Посадить хлѣбъ въ печь, —
Идетъ родная матушка,
Не будить — пуще кутаеть:
„Спи, милая касатушка,
Спи, силу запасай!
Въ чужой семьѣ — не дологъ сонъ!
Уложить спать позднехонько,
Придутъ будить до солнышка,
Лукошко припасуть,
На донце бросятъ корочку:
Сложи ее — да полное
Лукошко набери!..“

Да не въ лѣсу родилася.
Не пеньямъ я молилася,
Не много я спала.
Въ день Симеона батюшка
Сажаль меня на бурушку
И вывелъ изъ младенчества
По пятому годку;

А на седьмомъ за бурушкой
Сама я въ стадо бѣгала,
Отцу носила завтракать,
Утяточекъ пасла.

Потомъ грибы да ягоды,
Потомъ: „бери-ка грабельки,
Да сѣно вороши!“
Такъ къ дѣлу пріобыкла я...
И добрая работница,
И пѣть-плясать охотница,
Я съ молоду была.
День въ полѣ проработаешь,
Грязна домой воротиться,
А банька-то на что?

Спасибо жаркой баенкѣ,
Березовому вѣничку,
Студеному ключу, —
Опять бѣла, свѣжехонька,
За прямицей съ подружками
До полночи поешь!

На парней я не вѣшалась,
Наяновъ обрывала я,
А тихому шепну:
„Я личикомъ разгарчива,
А матушка догадлива,
Не тронь! уйди!..“ уйдеть...

Да какъ я ихъ ни бѣгала,
А выискался суженый,
На горе — чужанинъ!
Филиппъ Корчагинъ — питерщикъ,
По мастерству печникъ.
Родительница плакала:
„Какъ рыбка въ море синее,
Юркнешь ты! какъ соловушко,
Изъ гнѣздышка поркнешь!
Чужая-то сторонуща
Не сахаромъ посыпана,
Не медомъ полита!
Тамъ холодно, тамъ голодно;
Тамъ холеную доченьку
Обвѣютъ вѣтры буйные,
Обграютъ черны вѣроны,

Облаютъ псы косматые,
И люди засмѣютъ!..“
А батюшка со сватами
Подвыпилъ. Закручинилась,
Всю ночь я не спала...

Ахъ! что ты, парень, въ дѣвицѣ
Нашелъ во мнѣ хорошаго?
Гдѣ высмотрѣлъ меня?
О святкахъ-ли, какъ съ горокъ я
Съ ребятами, съ подругами
Каталась, смѣючись?
Ошибся ты, отецкій сынъ!
Съ игры, съ катанья, съ бѣганья,
Съ морозу разгорѣлся
У дѣвушки лицо!
На тихой-ли бесѣдушкѣ?
Я тамъ была нарядная,
Дородства и пригожества
Понакопила за зиму,
Цвѣла, какъ маковъ цвѣтъ!
А ты бы поглядѣлъ меня
Какъ ленъ треплю, какъ снопики
На ригѣ молочу...
Въ дому-ли во родительскомъ?..
Ахъ! кабы знать! Послала-бы
Я въ городъ братца-сокола:
„Миль-братецъ! шолку, гарусу
Купи — семи цвѣтовъ,
Да гарнитуру синяго!“
Я по угламъ-бы вышила
Москву, царя съ царицею,
Да Кіевъ, да Царыградъ,
А по середкѣ — солнышко,
И эту занавѣсочку
Въ окошкѣ-бы повѣсила,
Авось ты заглядѣлся-бы, —
Меня-бы промигалъ!..

Всю ночьку я продумала...
„Оставъ“, я парню молвила:
„Я въ подневолье съ волюшки,
Богъ видитъ, не пойду!“

— Таковую даль мы ѣхали!

Иди! сказалъ Филипушка:
— Не стану обижать!

Тужила, горько плакала,
А дѣло дѣвка дѣлала:
На суженаго искося
Поглядывала втай.
Пригожь-румянъ, широкъ-могучъ,
Русъ волосомъ, тихъ говоромъ —
Паль на сердце Филипъ!

— Ты станька-ка, добрый молодець,
Противъ меня прямехонько,
Стань на одной доскѣ!
Гляди мнѣ въ очи ясныя,
Гляди въ лицо румяное,
Подумывай, смекай:
Чтобъ жить со мной — не каяться.
А мнѣ съ тобой не плакаться...
Я вся тутъ такова!

— Небось, не буду каяться,
Небось, не будешь плакаться!
Филипушка сказалъ.

Пока мы торговались:
Филипу я: уйди ты прочь!
А онъ: „иди со мной!“
Извѣстно: „ненаглядная,
„Хорошая... пригожая...“
— Ай!.. Вдругъ рванулась я...
„Чего ты? Эка силища!“
Не удержи — не видѣтъ бы
Во вѣкъ ему Матренушки,
Да удержалъ Филипъ!
Пока мы торговались,
Должно быть, такъ я думаю,
Тогда и было счастьецо...
А больше врьдъ когда!

Я помню, ночка звѣздная,
Такая же хорошая,
Какъ и теперь была...

Вдохнула Тимошеевна!
Ко стогу приклонилась,

Уныннымъ, тихимъ голосомъ

Прошла про себя:

Ты скажи, за что,
Молодой купецъ,
Полюбилъ меня,
Дочь крестьянскую?
Я не въ серебрѣ,
Я не въ золотѣ,
Жемчугами я
Не увѣшана!

— Чисто серебро —
Чистота твоя;
Красно золото —
Красота твоя;
Бѣль-крупень жемчугъ —
Изъ очей твоихъ
Слезы катятся...

Велѣлъ родимый батюшка,
Благословила матушка,
Поставили родители
Къ дубовому столу,
Съ краями чары налили:
„Бери поднось, гостей, чужань,
Съ поклономъ обноси!
Впервѣй я поклонилася —
Вдрогнули ноги рѣзвья;
Второй я поклонилася —
Поблекло бѣло личико,
Я въ третій поклонилася,
И волюшка скатилася
Съ дѣвичьей головы...

— Такъ значить: свадьба? Слѣдуетъ, —
Сказалъ одинъ изъ Губинныхъ, —
Проздравить молодыхъ.

— Давай! Начинь съ хозяйшки.

— Пьешь водку, Тимоѣевна?

— Старухѣ—да не пить?..

ГЛАВА II.

ПѢСНЯ.

У суда стоять
Ломить ноженьки;
Подъ вѣнцомъ стоять
Голова болить;
Голова болить,
Вспоминается
Пѣсня старая,
Пѣсня грозная.
На широкій дворъ
Гости вѣхали,
Молоду жену
Мужъ домой привезъ,
А роденька-то
Какъ набросится!
Деверѣкъ ее —
Расточиюу,
А золовушка —
Щеголихоу,
Свекорь-батюшка —
Тотъ медвѣдицей,
А свекровушка —
Людѣдицей,
Кто неряхоу,
Кто не пряхоу...

Все, что въ пѣсенкѣ
Той пѣвалось,
Все со мной теперь
То и сталося!
Чай, пѣвали вы?
Чай, вы знаете?..

— Начинай, кума!
Намъ подхватывать...

МАТРЕНА.

Спится мнѣ младенькой, дремлется,
Клонить голову на подушечку;
Свекорь-батюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитый по новымъ погуливаетъ.

СТРАННИКИ—*хоромъ.*

Стучить, греметь, стучить, греметь,
Снохъ спать не даетъ:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

МАТРЕНА.

Спится мнѣ младенькой, дремлется,
Клонить голову на подушечку;
Свекровь-матушка по сѣнникамъ похаживаетъ,
Сердитая по новымъ погуливаетъ.

СТРАННИКИ—*хоромъ.*

Стучить, греметь, стучить, греметь,
Снохъ спать не даетъ:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Семья была большущая,
Сварливая... попала я
Съ дѣвичьей холи въ адъ!
Въ работу мужъ отправился,
Молчать, терпѣть совѣтоваль:
Не плюй на раскаленное
Желѣзо — зашипить!
Осталась я съ золовками,
Со свекромъ, со свекровушкой;
Любить-голубить нѣкому,
А есть кому журить!
На старшую золовушку,
На Марю богомольную
Работай, какъ раба;
За свекромъ приглядывай,
Силошаешь — у кабатчика
Пропажу выкупай.
И встань, и сядь съ примѣтою,
Не то свекровь обидится;
А гдѣ ихъ всѣ-то знать?
Примѣты есть хорошія,
А есть и бѣдокурныя.

Случилось такъ: свекровь,
Надула въ уши свекору,
Что рожь добрѣе родится
Изъ краденыхъ сѣмянъ.
Поѣхалъ ночью Тихоньчъ,
Поймали, — полумертваго
Подкинули въ сарай...

Какъ велѣно, такъ сдѣлано:
Ходила съ гнѣвомъ на сердцѣ,
А лишняго не молвила
Словечка никому.
Зимой пришелъ Филипушка,
Привезъ платочекъ шелковый
Да прокатилъ на саночкахъ
Въ Екатерининъ день,
И горя словно не было!
Запѣла, какъ пѣвала я
Въ родительскомъ дому.
Мы были однолѣточки,
Не трогай насъ — намъ весело,
Всегда у насъ лады.
То правда, что и мужа-то
Такого, какъ Филипушка,
Со свѣчкой поискать...
— Ужъ будто не колачиваль?
Замаялась Тимоѣевна:
— Разъ только, тихимъ голосомъ
Промолвила она.

— За что? спросили странники.

Ужъ будто вы не знаете,
Какъ ссоры деревенскія
Выходятъ? Къ муженьку
Сестра гостить приѣхала,
У ней коты разбились.
— Дай башмаки Олѣнушкѣ,
Жена! сказалъ Филипъ.
А я не вдругъ отвѣтила.
Корчагу подымала я,
Такая тяга: вымолвить
Я слова не могла.
Филипъ Ильичъ прогнивался,

Пождалъ, пока поставила
Корчагу на шестокъ,
Да хлопъ меня въ високъ!
— Ну, благо ты прѣхала,
И такъ походишь! молвила
Другая, незамужняя
Филипова сестра.

Филипъ подбавилъ женушкѣ.
— Давненько не видались мы,
А знать-бы—такъ не вѣхать-бы!
Сказала тутъ свекровь.

Еще подбавилъ Филюшка...
И все тутъ! Не годилось-бы
Женѣ побои мужнины
Считать; да ужъ сказала я:
Не скрою ничего!

— Ну, женщины! съ такими-то
Змѣями подеолодными
И мертвый плеть возьметъ!

Хозяйка не отвѣтила.
Крестьяне, ради случаю,
По новой чаркѣ выпили
И хоромъ пѣсню грянули
Про шелковую плеточку,
Про мужнину родню.

*
* *

Мой постылый мужъ
Подымается:
За шелкову плеть
Принимается.

ХОРЬ.

Плѣтка свиснула,
Кровь пробрызнула...
Ахъ! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

*
* *

Свекру-батушкѣ
Поклонилася:

Свекоръ-батушка,
Отними меня
Отъ лиха-мужа,
Змѣя лютаго!
Свекоръ-батушка
Велить больше бить,
Велить кровь пролить...

ХОРЬ.

Плѣтка свиснула,
Кровь пробрызнула...
Ахъ! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

*
* *

Свекровь-матушкѣ
Поклонилася:
Свекровь-матушка,
Отними меня
Отъ лиха-мужа,
Змѣя лютаго!
Свекровь-матушка
Велить больше бить,
Велить кровь пролить...

ХОРЬ.

Плѣтка свиснула,
Кровь пробрызнула,
Ахъ! лели! лели!
Кровь пробрызнула.

Филипъ на Благовѣщенье
Ушелъ, а на Казанскую
Я сына родила.
Какъ писанный былъ Дѣмушка!
Краса взята у солнышка,
У снѣга бѣлизна,
У маку губы алыя,
Бровь черная у соболя,
У соболя сибирскаго,
У сокола глаза!
Весь гнѣвъ съ души красавецъ мой
Согнала улыбкой ангельской,

Какъ солнышко весеннее
Сгоняетъ снѣгъ съ полей...
Не стала я тревожиться,
Что ни велятъ—работая,
Какъ ни бранятъ—молчу.

Да тутъ бѣда подсунулась:
Абрамъ Гордѣичъ Ситниковъ,
Господскій управляющій,
Сталъ крѣпко докучать:
— Ты писаная кралячка,
Ты наливная ягодка...
„Отстань, безстыдникъ! ягодка
Да бору не того!“
Укланяла золовушку,
Сама нейду на барщину,
Такъ въ избу прикатить!
Въ сараѣ, въ ригѣ спрячуся, —
Свекровь оттуда вытащить:
„Эй, не шути съ огнемъ!“
— Гони его, родимая,
По шеѣ!—„А не хочешь ты
Солдаткой быть?“—Я къ дѣдушкѣ:
— Что дѣлать? Научи!

Изъ всей семейки мужниной
Одинъ Савелій, дѣдушка,
Родитель свекра-батюшки,
Жалѣлъ меня... Рассказывать
Про дѣда, молодцы?
— Вали всю подноготную!
Накинемъ по два снопика,
Сказали мужики.

— Ну, то-то! рѣчь особая.
Грѣхъ промолчать про дѣдушку,
Счастливецъ тоже былъ...

ГЛАВА III.

САВЕЛІИ, БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКІЙ.

Съ большущей сивой гривой,
Чай двадцать лѣтъ нестриженой,
Съ большущей бородой,
Дѣдъ на медвѣдя смахиваль,

Особенно какъ изъ лѣсу,
Согнувшись, выходилъ.
Дугой спина у дѣдушки.
Сначала все боялась я,
Какъ въ низенькую горенку
Входилъ онъ: ну, распрямится?
Пробьетъ дыру медвѣдище
Въ свѣтелкѣ головой!
Да распрямится дѣдушка
Не могъ: ему ужъ стукнуло,
По сказкамъ, сто годовъ.
Дѣдъ жилъ въ особой горницѣ,
Семейки не долбилъ,
Въ свой уголь не пускалъ;
А та сердилась, лаялась,
Его „клеименъ, каторжннъ“
Честилъ родной сынокъ.
Савелій не разсердится.
Уйдетъ въ свою свѣтелочку,
Читаетъ святцы, крестится,
Да вдругъ и скажетъ весело:
„Клейменный, да не рабъ!..“
А крѣпко досадятъ ему,
Подшутить: „поглядите-тко,
Къ намъ сваты!“ Незамужняя
Золовушка—къ окну:
Анъ вмѣсто сватовъ—нищѣ!
Изъ оловянной пуговики
Дѣдъ вылѣпилъ двугривенный,
Подбросилъ на полу —
Попался свекорь-батюшка!
Не пьяный изъ питейнаго,
Побитый припелелъ!
Сидятъ, молчатъ за ужиномъ:
У свекра бровь разсѣчена,
У дѣда, словно радуга,
Усмѣшка на лицѣ.

Съ весны до поздней осени
Дѣдъ бралъ грибы да ягоды,
Силочки становилъ
На глухарей, да рябчиковъ.
А зиму разговаривалъ
На печкѣ самъ съ собой.

Имѣлъ слова любимыя,
И выпускалъ ихъ дѣдушка
По слову черезъ часъ.

„Погибшіе... пропащіе...“

„Эхъ, вы, Аники-воины!
Со стариками, съ бабами
Вамъ только воевать!“

„Не дотерпѣть — пропасть,
Перетерпѣть — пропасть!..“

„Эхъ, доля святорусскаго
Богатыря сермяжнаго!
Всю жизнь его деругъ;
Раздумается временемъ
О смерти — муки адскія
Въ ту-свѣтной жизни ждуть“.

„Надумалась Корѣжина,
Наддай! наддай! наддай!“

И много! да забыла я...
Какъ свекоръ развоуется,
Бѣжала я къ нему.
Запремся. Я работаю,
А Дѣма, словно яблочко,
Въ вершинѣ старой яблони,
У дѣда на плечѣ
Сидитъ румяный, свѣженькій...

Вотъ разъ и говорю:
— За чтѣ тебя, Савельюшка,
Зовутъ клейменымъ, каторжникомъ?

— Я каторжникомъ былъ.

— Ты, дѣдушка?

— Я, внученька!

Я въ землю нѣмца Фогеля,
Христьяна Христіанчы,
Живого закопалъ...

— И полно! шутишь, дѣдушка!

— Нѣтъ, не шучу! Послушай-ка!

И все мнѣ рассказалъ.

„Во времена досюльныя
Мы были тоже барскіе,
Да только ни помѣщиковъ,
Ни нѣмцевъ управителей
Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброковъ не платили мы,
А такъ, когда разсудится.
Въ три года разъ пошлемъ“.

— Да какъ же такъ, Савельюшка?

„А были благодатныя
Такія времена.
Недаромъ есть пословица,
Что нашей-то сторонущи
Три года чортъ искалъ,
Кругомъ лѣса дремучіе,
Кругомъ болота топкія,
Ни конному проѣхать къ намъ,
Ни пѣшему пройти!
Помѣщикъ нашъ Шалашниковъ
Черезъ тропы звѣринныя
Съ полкомъ своимъ — военный былъ —
Къ намъ достучиться пробовалъ,
Да лыжи повернулъ!
Къ намъ земская полиція
Не попадала по году, —
Вотъ были времена!
А нынче — баринъ подъ бокомъ,
Дорога скатерть-скатертью...
Тьфу! прахъ ее возьми!..
Насъ только и тревожили
Медвѣди... да съ медвѣдами
Справлялись мы легко.
Съ ножищемъ да съ рогатиной
Я самъ страшнѣй сохатаго,
По заповѣднымъ тропочкамъ
Иду: „мой лѣсъ!“ кричу.
Разъ только испугался я,
Какъ наступилъ на сонную
Медвѣдицу въ лѣсу.
И то бѣжать не бросился,
А такъ всадила рогатину,

Что словно какъ на вертелѣ
 Цыпленокъ — завертѣлася,
 И часу не жила!
 Спина въ то время хрустнула,
 Побаливала изрѣдка,
 Покуда молодъ былъ,
 А къ старости согнулася.
 Неправда-ли, Матренушка,
 На очепъ я похожъ?
 — Ты началъ, такъ досказывай;
 Ну, жили — не тужили вы,
 Что-жъ дальше, голова?
 — По времени Шалашниковъ
 Удумалъ штуку новую,
 Приходить къ намъ приказъ:
 „Явиться!“ Не явились мы,
 Притихли, не шелохнемся
 Въ болотинѣ своей.
 Была засуха сильная,
 Наѣхала полиція,
 Мы дань ей — медомъ, рыбою!
 Наѣхала опять,
 Грозить съ конвоемъ выправить,
 Мы — шкуражи звѣринными!
 А въ третій — мы ничѣмъ!
 Обули лапти старые,
 Надѣли шапки рванья,
 Худые армаки —
 И тронулась Корѣжина!..
 Пришли... (Въ губернскомъ городѣ
 Стоялъ съ полкомъ Шалашниковъ).
 „Оброкъ!“ — Оброку нѣтъ!
 — Хлѣба не уродилися,
 Снѣточки не ловилися...
 „Оброкъ!“ — Оброку нѣтъ!
 Не сталъ и разговаривать:
 „Эй! перемѣна первая!“
 И началъ насъ пороть.
 Туга мощна корѣжская!
 Да стоекъ и Шалашниковъ:
 Ужъ языки мѣшались,
 Мозги ужъ потрясались
 Въ головушкахъ — дерётъ!

Укрѣпа богатырская,
 Не розги!.. Дѣлать нечего!
 Кричимъ: постой, дай срокъ!
 Онучи распоролы мы
 И барину “лобанчиковъ”
 Поль-шапки поднесли.

Утихъ боецъ Шалашниковъ!
 Такого-то горчайшаго
 Поднесъ намъ травнику,
 Самъ выпилъ съ нами, чокнулся
 Съ Корѣгой покоренною:
 „Ну, благо вы сдались!
 А то — вотъ Богъ! — рѣшился я
 Содрать съ васъ шкуру на-чисто...
 На барабанъ напялили-бы
 И подарилъ полку!
 Ха-ха, ха-ха! ха-ха! ха-ха!
 (Хочочетъ — радъ придумочкѣ)
 „Вотъ былъ бы барабанъ!“

Идемъ домой понурые...
 Два старика кряжистые
 Смѣются... Ай кряжи!
 Бумажки сторублевныя
 Домой подъ подоплекою
 Не тронуты несутъ!
 Какъ уперлись: мы нищіе,
 Такъ тѣмъ и отбоарились!
 Подумалъ я тогда:
 Ну, ладно-жъ! черти сивые,
 Впередъ не доведется вамъ
 Смѣяться надо мной!
 И прочимъ стало совѣстно,
 На церковь побожилися:
 „Впередъ не посраимся мы,
 Подъ розгами умремъ!“

Понравились помѣщику
 Корѣжскіе лобанчики,
 Что годъ — зоветъ... дерётъ...
 Отмѣнно дралъ Шалашниковъ,
 А не ахти великіе
 Доходы получалъ:
 Сдавались люди слабые,

А сильнѣе за вотчину
 Стояли хорошо.
 Я тоже перетерпывалъ,
 Помалчивалъ, подумывалъ:
 „Какъ ни дери, собачій сынъ,
 А всей души не вышибешь,
 Оставишь что-нибудь!“
 Какъ приметъ дань Шалашниковъ,
 Уйдемъ — и за заставою
 Подѣлимъ барыши:
 „Что денегъ-то осталось!
 Дуракъ же ты, Шалашниковъ!“
 И тѣшилась надъ бариномъ
 Корѣга въ свой чередъ!
 Вотъ были люди гордые!
 А нынче дай затрещину —
 Исправнику, помѣщику
 Тащатъ послѣдній грошъ!

За то купцами жили мы...

Подходить лѣто красное,
 Ждемъ грамоты... Пришла...
 А въ ней увѣдомленіе,
 Что господинъ Шалашниковъ
 Подъ Варною убитъ.
 Жалѣть не пожалѣли мы,
 А пала дума на сердце:
 „Приходить благоденствію
 Крестьянскому конецъ!“
 И точно: небывалое
 Наслѣдникъ средство выдумалъ:
 Къ намъ нѣмца подослалъ.
 Черезъ лѣса дремучіе,
 Черезъ болота топкія
 Пѣшкомъ пришелъ, шельмецъ,
 Одинъ, какъ перстъ: фуражечка
 Да тросточка, а въ тросточкѣ
 Для уженъя снарядъ.
 И былъ сначала тихонькій:
 „Платите, сколько можете!“
 — Не можемъ ничего!
 „Я барина увѣдомлю“, —
 — Увѣдомъ!.. Тѣмъ и кончилось.
 Сталъ жить да поживать;

Питался больше рыбою,
 Сидить на рѣчкѣ съ удочкой
 Да самъ себя то по носу,
 То по лбу — бацъ да бацъ!
 Смѣялись мы: „Не любишь ты
 Корѣжскаго комарика...
 Не любишь, нѣмчура?..“
 Катается по бережку,
 Гогочетъ дикимъ голосомъ,
 Какъ въ банѣ на полкѣ...

Съ ребятами, съ дѣвочками
 Сдружился, бродить по лѣсу...
 Не даромъ онъ бродилъ!
 „Коли платить не можете,
 Работайте!“ — А въ чемъ твоя
 Работа? „Окопаты
 Канавами желательно
 Болото... Окопали мы...
 „Теперь рубите лѣсъ...“
 — Ну, хорошо! Рубили мы,
 А нѣмчура показывалъ,
 Гдѣ надобно рубить.
 Глядимъ: выходитъ просѣка!
 Какъ просѣку прочистили,
 Къ болоту поперечины
 Велѣлъ по ней возить.
 Ну, словомъ: спохватились мы,
 Какъ ужъ дорогу сдѣлали,
 Что нѣмецъ насъ поймалъ!

Поѣхалъ въ городъ парочкой!
 Глядимъ, везетъ изъ города
 Коробки, тюфяки;
 Откудова ни взялися
 У нѣмца босоногого
 Дѣтишки и жена.
 Повелъ хлѣбъ-соль съ исправникомъ
 И съ прочей земскою властію,
 Гостишекъ полонъ дворъ!

И тутъ настала каторга
 Корѣжскому крестьянину —
 До нитки разорилъ!
 А дралъ... какъ самъ Шалашниковъ!

Да тотъ былъ простъ: накинется
 Со всей воинской силою,
 Подумаешь: убьетъ!
 А деньги сунь, отвалится,
 Ни дать, ни взять раздувшійся
 Въ собачьемъ ухѣ клещъ.
 У нѣмца — хватка мертвая:
 Пока не пустить по-міру,
 Не отойдя, сосетъ!

— Какъ вы терпѣли, дѣдушка?

— А потому терпѣли мы,
 Что мы — богатыри.
 Въ томъ богатрство русское.
 Ты думаешь, Матренушка,
 Мужикъ — не богатырь?
 И жизнь его не ратная,
 И смерть ему не писана
 Въ бою — а богатырь!

Цѣпами руки кручены,
 Желѣзомъ ноги кованы,
 Спина... лѣса дремучіе
 Прошли по ней — сломались.
 А грудь? Илья-Пророкъ
 По ней гремитъ-катается
 На колесницѣ огненной...
 Все терпитъ богатырь!

И гнется, да не ломится,
 Не ломится, не валится...
 Ужли не богатырь?

— Ты шутишь шутки, дѣдушка!
 Сказала я. — Такого то
 Богатыря могучаго,
 Чай, мыши заѣдятъ!

— Не знаю я, Матремушка.
 Покамѣсть тягу страшную
 Поднять-то подвѣля онъ,
 Да въ землю самъ ушелъ по грудь
 Съ натуги! По лицу его
 Не слезы — кровь течетъ!
 Не знаю, не придумаю.

Что будетъ? Богу вѣдомо!
 А про себя скажу:
 Какъ выли вьюги зимнія,
 Какъ ныли кости старыя,
 Лежалъ я на печи;
 Полеживалъ, подумывалъ:
 Куда ты, сила, дѣлася?
 На что ты пригодилася?
 — Подъ розгами, подъ палками
 По мелочамъ ушла!

— А что же нѣмецъ, дѣдушка?
 — А нѣмецъ, какъ ни властвовалъ,
 Да наши топоры
 Лежали — до поры!

Осьмнадцать лѣтъ терпѣли мы.
 Застроилъ нѣмецъ фабрику,
 Велѣлъ колодець рыть.
 Въ девятеромъ копали мы,
 До полдня проработали,
 Позавтракать хотимъ.
 Приходитъ нѣмецъ: „Только-то?..“
 И началъ насъ по-своему,
 Не торопяся, пилить.
 Стояли мы голодные,
 А нѣмецъ насъ поругивалъ,
 Да въ яму землю мокрую
 Пошвыривалъ ногой.
 Была ужъ яма добрая...
 Случилось, я легонечко
 Толкнулъ его плечомъ,
 Потомъ другой толкнулъ его,
 И третій... Мы посгрудились...
 До ямы два шага...
 Мы слова не промолвили,
 Другъ другу не глядѣли мы
 Въ глаза... а всей гурьбой
 Христьяна Христіанича
 Поталкивали бережно
 Все къ ямѣ... все на край...
 И нѣмецъ въ яму бухнулся,
 Кричить: „веревку! лѣстницу!“
 Мы девятью лопатами
 Отвѣтили ему.

„Наддай!“ я слово выронилъ, —
 Подъ слово люди русскіе
 Работаютъ дружныѣ.—
 „Наддай! наддай!“ Такъ наддали,
 Что ямы словно не было —
 Сравнялася съ землей!
 Тутъ мы переглянулись...

Остановился дѣдушка.

—Что-жъ дальше?

—Дальше: дрань!

Кабакъ... острогъ въ Буй-городѣ,
 Тамъ я учился грамотѣ,
 Пока рѣшили насъ.
 Рѣшенье вышло: каторга
 И плети предварительно:
 Не выдрали—помазали,
 Плохое тамъ дранье!
 Потомъ.. бѣжалъ я съ каторги...
 Поймали! не погладили
 И тутъ по головѣ.
 Заводскіе начальники
 По всей Сибири славятся—
 Собаку съѣли драть.
 Да насъ диралъ Шалашниковъ
 Большой—я не поморщился
 Съ заводскаго дранья.
 Тотъ мастеръ былъ—умѣлъ пороть!
 Онъ такъ мнѣ шкуру выдѣлалъ,
 Что носится сто лѣтъ.

А жизнь была не легкая:

Лѣтъ двадцать строгой каторги,
 Лѣтъ двадцать поселенія.
 Я денегъ прикопиль;
 По манифесту царскому,
 Попалъ опять на родину,
 Пристроилъ эту горенку
 И здѣсь давно живу.
 Покуда были денежки,
 Любили дѣда, холили,
 Теперь въ глаза плюютъ!
 Эхъ! вы, Аники-воини!

Со стариками, съ бабами
 Вамъ только воевать...

Тутъ кончилъ рѣчь Савельюшка...

—Ну, что жъ? сказали странники:
 Досказывай, хозяйюшка,
 Свое житье-бытье!

—Не весело досказывать.
 Одной бѣды Богъ миловалъ:
 Холерой умеръ Ситниковъ, —
 Другая подошла.

„Наддай!“ сказали странники
 (Имъ слово полюбилося)
 И выпили винца...

ГЛАВА IV.

Д Е М У Ш К А.

Зажгло грозою дерево,
 А было соловьиное
 На деревѣ гнѣздо.
 Горитъ и стонетъ дерево,
 Горятъ и стонутъ птенчики.
 „Ой, матушка! гдѣ ты?
 А ты бы насъ похололила,
 Пока не оперились мы:
 Какъ крылья отостимъ,
 Въ долины, въ роци тихія
 Мы сами улетимъ!“
 До тла сгорѣло дерево,
 До тла сгорѣли птенчики,
 Тутъ прилетѣла мать.
 Ни дерева... ни гнѣздышка...
 Ни птенчиковъ!.. Поеть-зоветь...
 Поеть, рыдаетъ, кружится,
 Такъ быстро, быстро кружится,
 Что крылышки свистятъ!..
 Настала ночь, весь міръ затихъ,
 Одна рыдала пташечка,
 Да мертвыхъ не докликалась
 До бѣлаго утра!..

Носила я Демидушку
По поженкамъ... лелѣла...
Да взѣлася свекровь,
Какъ зыкнула, какъ рыкнула:
„Оставь его у дѣдушки,
Немного съ нимъ нажнешь!“
Запугана, заругана,
Перечить не посмѣла я,
Оставила дитя.

Такая рожь богатая
Въ тотъ годъ у насъ родилася,—
Мы землю не лѣнясь
Удобрали, ухостили, —
Трудненько было пахарю,
Да весело жнеѣ!
Снопамъ нагружала я
Телѣгу со стропами
И пѣла, молодцы.
(Телѣга нагружается
Всегда съ веселой пѣснію,
А сани съ горькой думою:
Телѣга хлѣбъ домой везетъ,
А сани—на базарь!)
Вдругъ стоны я услышала:
Ползкомъ ползетъ Савелій-дѣдъ,
Блѣднешенекъ, какъ смерть:
„Прости, прости, Матренушка!“
И повалился въ ноженки:
„Мой грѣхъ—не доглядѣлъ!“ ...

Ой, ласточка! ой, глупая!
Не вей гнѣзда подь берегомъ,
Подь берегомъ крутымъ!
Что день—то прибавляется
Вода въ рѣкѣ: зальетъ она
Дѣтенышей твоихъ.
Ой, бѣдная молодушка!
Сноха въ дому послѣдняя,
Послѣдняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побои липніе,
А съ глазу неразумнаго
Младенца не спускай!..

Заснулъ старикъ на солнышкѣ,
Скормилъ свиньямъ Демидушку
Придурковатый дѣдъ!..
Я клубышкомъ каталася,
Я червышкомъ свивалася,
Звала, будила Дѣмушку —
Да поздно было звать!.....

Чу! конь стучитъ копытами,
Чу, сбруя золочоная
Звенить... еще бѣда!
Ребята испугались,
По избамъ разбѣжались,
У оконъ заметались
Старухи, старики.
Бѣжить деревней староста,
Стучить въ окошки палочкой,
Бѣжить въ поля, въ луга.
Собралъ народъ: идутъ—крехтятъ!
Бѣда! Господь прогнѣвался,
Наслалъ гостей непрошенныхъ,
Неправедныхъ судей!
Знать, деньги издержались,
Сапожки притоптались,
Знать, голодъ разобралъ!..

Молитвы Иисусовой
Не сотворивъ, усѣлися
У земскаго стола,
Налой и крестъ поставили,
Привель нашъ попъ, отецъ Иванъ,
Къ присягѣ понятихъ.

Допрашивали дѣдушку,
Потомъ за мной десятника
Прислали. Становой
По горницѣ похаживаль,
Какъ звѣрь въ лѣсу поркиваль...
„Эй! женка! состояла ты
Съ крестьяниномъ Савелиемъ
Въ сожительствѣ? Винись!“
Я шопоткомъ отвѣтила:
„Обидно, баринъ, шутите!
Жена я мужу честная,
А старику Савелію

Сто лѣтъ... Чай, знаешь самъ?“
 Какъ въ стойлѣ конь подкованный,
 Затопалъ; о кленовый столъ
 Ударилъ кулакомъ:
 „Молчать! Не по согласью-ли
 Съ крестьяниномъ Савелиемъ
 Убила ты дитя?..“
 Владычица! чтó вздумали!
 Чуть міроѣда этого
 Не назвала я нехристомъ,
 Вся закинула я...
 Да лекаря увидѣла:
 Ножи, ланцеты, ножницы
 Натачивалъ онъ тутъ.
 Вздрогнула я, одумалась.
 — Нѣтъ — говорю — я Дѣмушку
 Любила, берегла...
 „А зельемъ не поила ты?
 А мышьяку не сыпала?“
 — Нѣтъ! сохрани Господь!..
 И тутъ я покорилася,
 Я въ ноги поклонилася:
 „Будь жалостливъ, будь добръ!
 Вели безъ поруганія
 Честнóму погребенію
 Ребеночка предать!
 Я мать ему!..“ Упросишь-ли?
 Въ груди у нихъ нѣтъ душеньки,
 Въ глазахъ у нихъ нѣтъ совѣсти,
 На шеѣ — нѣтъ креста!

Изъ тонкой изъ пеленочки
 Повыкатали Дѣмушку
 И стали тѣло бѣлое
 Терзать и пластовать.
 Тутъ свѣту я не взвидѣла, —
 Металась и кричала я:
 „Злодѣи! палачи!..
 Падите мои слезоньки
 Не на землю, не на воду,
 Не на Господень храмъ!
 Падите прямо на сердце
 Злодѣю моему!
 Ты дай же, Боже-Господи!

Чтòбъ тлѣнь пришелъ на платъице,
 Безумье на головушку
 Злодѣя моего!
 Жѣну ему не умную
 Пошли, дѣтей — юродивыхъ!
 Прими, услыши, Господи,
 Молитвы, слезы матери,
 Злодѣя накажи!..
 — Никакъ, она помѣшана?
 Сказалъ начальникъ сотскому:
 — Чтò-жъ ты не упредилъ?
 Эй! не дури! связать велю!..

Присѣла я на лавочку.
 Ослабла, вся дрожу.
 Дрожу, гляжу на лекаря:
 Рукавчики засучены,
 Грудь фартукомъ завѣшана,
 Въ одной рукѣ — широкій ножъ,
 Въ другой ручникъ — и кровь на немъ —
 А на носу очки!
 Такъ тихо стало въ горницѣ...
 Начальничекъ помалчивалъ,
 Поскрипывалъ перомъ;
 Попъ трубочкой поныхивалъ;
 Не шелохнувшись, хмурые
 Стояли мужики.
 „Ножомъ въ сердцахъ читаете“,
 Сказалъ священникъ лекаря,
 Когда злодѣй у Дѣмушки
 Сердечко распласталъ.
 Тутъ я опять рванулася...
 „Ну, такъ и есть — помѣшана!
 Связать ее!“ десятнику
 Начальникъ закричалъ.
 Сталъ понятыхъ опрашивать:
 „Въ крестьяникѣ Тимоѣевоѣ
 И преждѣ помѣшательство
 Вы примѣчали?“

— Нѣтъ!

Спросили свѣкра, деверя,
 Свекровушку, золовуху:
 — Не примѣчали, нѣтъ!
 Спросили дѣда стараго:

— Не примѣчалъ! равна была...
 Одно: къ начальству кликнули,
 Пошла... а ни цѣлковика,
 Ни новины, пропащая,
 Съ собой и не взяла!

Заплакалъ на-взрѣдъ дѣдушка.
 Начальничекъ нахмурился,
 Ни слова не сказалъ.
 И тутъ я спохватилась!
 Прогнѣвался Богъ: разуму
 Липилъ! была готовая
 Въ коробкѣ новина!
 Да поздно было каяться.
 Въ моихъ глазахъ по косточкамъ
 Изрѣзалъ лекарь Дѣмушку,
 Цыновочкой прикрылъ.
 Я словно деревянная
 Вдругъ стала: заглядѣлась я,
 Какъ лекарь руки мылъ,
 Какъ водку пилъ. Священнику
 Сказалъ: прошу покорнѣйше!
 А пошъ ему: „Что просите?
 Безъ прутика, безъ кнута
 Всѣ ходимъ, люди грѣшныя,
 На этотъ водопой!“

Крестьяне настоялися,
 Крестьяне надрожалися
 (Откуда только бралися
 У коршуна налетнаго
 Корыстныя дѣла!)
 Безъ церкви намолилися,
 Безъ образа наклаиались!
 Какъ вихорь налеталь —
 Рвалъ бороды начальничекъ,
 Какъ лютый звѣрь наскакивалъ —
 Ломалъ перстни злачоныя...
 Потомъ онъ кушать сталъ.
 Пилъ-ѣлъ, съ попомъ бесѣдовалъ.
 Я слышала, какъ шопотомъ
 Попъ плакался ему:
 „У насъ народъ — все голь да пьянь,
 За свадебку, за исповѣдь
 Должаютъ по годамъ.

Несутъ гроши послѣдніе
 Въ кабакъ! А благочинному
 Одни грѣхи тащатъ!“
 Потомъ я пѣсни слышала,
 Все голоса знакомые,
 Дѣвичьи голоса:
 Наташа, Глаша, Дарьюшка...
 Чу, пляска! чу! гармонія!..
 И вдругъ затихло все...
 Заснула видно, что-ли, я?..
 Легко вдругъ стало: чудилось,
 Что кто-то наклоняется
 И шепчетъ надо мной:
 „Усни, многокручинная!
 Усни, многострадальная!“
 И крестить... Съ рукъ скатилися
 Веревки... Я не помнила
 Потомъ ужъ ничего...

Очнулась я. Темно кругомъ;
 Гляжу въ окно — глухая ночь!
 Да гдѣ же я? да что со мной?
 Не помню, хоть убей!
 Я выбралась на улицу —
 Пуста. На небо глянула —
 Ни мѣсяца, ни звѣздъ.
 Сплошная туча черная
 Висѣла надъ деревнею,
 Темны дома крестьянскіе,
 Одна пристройка дѣдова
 Сіяла, какъ чертогъ.
 Вошла — и все я всепомнила:
 Свѣчами воску яраго
 Обставленъ, среди горенки
 Дубовый столъ стоялъ;
 На немъ гробочекъ крохотный,
 Прикрытъ камчатной скатертью,
 Икона въ головахъ...
 „Ой, плотнички-работнички!
 Какой вы домъ построили
 Сыночку моему?
 Окошки не прорублены,
 Стеколужки не вставлены,
 Ни печи, ни скамьи!
 Пуховой нѣтъ перинушки!..“

Ой, жестоко будетъ Дёмушкѣ,
Ой, страшно будетъ спать!..“

„Уйди!..“ вдругъ закричала я,
Увидѣла я дѣдушку:
Въ очкахъ съ раскрытой книгою,
Стоялъ онъ передъ гробикомъ,
Надъ Дёмою читалъ.
Я старика столѣтняго
Звала клейменымъ, каторжнымъ.
Гнѣвна, грозна кричала я:
„Уйди! убилъ ты Дёмушку!
Будь проклятъ ты... уйди!..“

Старикъ ни съ мѣста. Крестится,
Читаетъ... Уходилась я,
Тутъ дѣдо подошелъ:
„Зимой тебѣ, Матренушка,
Я жизнь мою рассказывалъ,
Да рассказалъ не все:
Лѣса у насъ угрюмые,
Озера нелюдимыя,
Народъ у насъ дикарь.
Суровы наши промыслы:
Дави тетерю петлею,
Медвѣдя рѣжь рогатиной,
Сплошаешь — самъ пропалъ!
А господинъ Шалашниковъ
Съ своей воинской силою?
А нѣмецъ-душегубъ?
Потомъ острогъ да каторга...
Окаменѣлъ я, внученька,
Лютѣ звѣря былъ.
Сто лѣтъ зима безсмѣнная
Стояла. Растопилъ ее
Твой Дѣма-богатырь!
Однажды я качалъ его,
Вдругъ улыбнулся Дёмушка...
И я ему въ отвѣтъ!
Со мною чудо сталося:
Третьево-дни прицѣлился
Я въ бѣлку: на суку
Качалась бѣлка... лапочкой,
Какъ кошка, умывалася...
Не выпалилъ: живи!

Брожу по рощамъ, по лугу,
Любуюсь каждымъ цвѣткомъ.
Иду домой, опять
Смѣюсь, играю съ Дёмушкой...
Богъ видитъ, какъ я милого
Младенца полюбилъ!
И я же, по грѣхамъ моимъ,
Сгубилъ дитя невинное...
Кори, казни меня!
А съ Богомъ спорить нѣчего.
Стань! помолись за Дёмушку!
Богъ знаетъ, что творить:
Сладка-ли жизнь крестьянина?“

И долго, долго дѣдушка
О горькой долѣ пахаря
Съ тоскою говорилъ...
Случись купцы московскіе,
Вельможи государевы,
Самъ царь случись: не надо бы
Ладнѣ говорить!

„Теперь въ раю твой Дёмушка,
Легко ему, свѣтло ему...“

Заплакалъ старшій дѣдъ.

— Я не ропшу, сказала я,
Что Богъ прибралъ младенчика,
А больно то, зачѣмъ они
Ругались надъ нимъ?
Зачѣмъ, какъ черны вѣроны,
На части тѣло бѣлое
Терзали?.. Неужли
Ни Богъ, ни царь не вступится?..

„Высоко Богъ, далеко царь...“
— Нужды нѣтъ: я дойду!

„Ахъ! что ты? что ты, внученька?..
Терпи, многокручинная!
Намъ правды не найти.

— Да почему же, дѣдушка?

„Ты — крѣпостная женщина!“
Савельюшка сказалъ.

Я долго, горько думала...
 Громъ грянулъ, окна дрогнули,
 И я вздрогнула... Къ гробику
 Подвелъ меня старикъ:
 „Молись, чтобъ къ лику ангеловъ
 Господь причислилъ Дѣмушку!“
 И далъ мнѣ въ руки дѣдушка
 Горящую свѣчу.

Всю ночь до свѣту бѣлаго
 Молилась я, а дѣдушка
 Протяжнымъ, ровнымъ голосомъ
 Надъ Дѣмою читаль...

ГЛАВА V.

ВОЛЧИЦА.

Ужъ двадцать лѣтъ, какъ Дѣмушка
 Дерновымъ одѣялечкомъ
 Прикрытъ, — все жаль сердечнаго!
 Молюсь о немъ, въ ротъ яблока
 До Спаса на беру.
 Не скоро я оправилась.
 Ни съ кѣмъ не говорила я,
 А старика Савелія
 Я видѣть не могла.
 Работать не работала.
 Надумалъ свекорь-батюшка
 Возжами поучить,
 Такъ я ему отвѣтила:
 „Убей!“ Я въ ноги кланялась:
 „Убей! одинъ конецъ“,
 Повѣсилъ возжи батюшка.
 На Дѣминой могилочкѣ
 Я день и ночь жила.
 Платочкомъ обметала я
 Могилу, чтобы травушкой
 Скорѣе поросла;
 Молилась за покойничка,
 Тужила по родителямъ:
 Забыли дочь свою!
 Собакъ моихъ боитесь?

Семьи моей стыдитесь?
 — Ахъ, нѣтъ, родная, нѣтъ!
 Собакъ твоихъ не боязно,
 Семьи твоей не совѣстно,
 А ѣхать сорокъ верстъ
 Свои бѣды рассказывать,
 Твои бѣды выспрашивать —
 Жаль бурушку гонять!
 Давно бы мы приѣхали,
 Да ту мы думу думали:
 Приѣдемъ — ты расплачешься,
 Уѣдемъ — заревешь!

Пришла зима: кручиною
 Я съ мужемъ подѣлилася,
 Въ Савельевой пристроечкѣ
 Тужили мы вдвоемъ.

— Что-жь, умерь, что-ли, дѣдушка?

— Нѣтъ. Онъ въ своей коморочкѣ
 Шесть дней лежалъ безвыходно,
 Потомъ ушелъ въ лѣса;
 Такъ пѣлъ, такъ плакалъ дѣдушка,
 Что лѣсъ стоналъ! А осенью
 Ушелъ на покаяніе
 Въ Песочный монастырь.

У батюшки, у матушки
 Съ Филипомъ побывала я,
 За дѣло принялась.
 Три года, такъ считаю я,
 Недѣля за недѣлю,
 Однимъ порядкомъ шли,
 Что годъ, то дѣти: некогда
 Ни думать, ни печалиться,
 Дай Богъ съ работой справиться
 Да лобъ перекрестить.
 Поѣшь — когда останется
 Отъ старшихъ да отъ дѣточекъ,
 Уснешь — когда больна...
 А на четвертый новое
 Подкралось горе лютое —
 Къ кому оно привяжется
 До смерти не избытъ!

Впереди летить—яснымъ соколомъ,
Позади летить—чернымъ ворономъ,
Впереди летить—не укатится,
Позади летить—не останется...

Лишилась я родителей...
Слышали ночи темныя,
Слышали вѣтры буйныя
Сиротскую печаль,
А вамъ нѣтъ нужды сказывать...
На Демину могилочку
Поплакать я пошла.
Гляжу: могилка прибрана,
На деревянномъ крестикѣ
Складная, золоченая
Икона. Передъ ней
Я старца распростертаго
Увидѣла.—Савельюшка!
Откуда ты взялся?

— „Пришелъ я изъ Песочнаго...
Молюсь за Дему бѣднаго,
За все страдное русское
Крестьянство я молюсь!
Еще молюсь (не образу
Теперь Савелій кланялся),
Чтобъ сердце гнѣвной матери
Смягчилъ Господь... Прости!“

— Давно простила, дѣдушка!

Вздохнулъ Савелій... „Внученька!
А, внученька!“—Что, дѣдушка?
„По прежнему взгляни!“

Взглянула я по прежнему.
Савельюшка засматривалъ
Мнѣ въ очи; спину старую
Пытался разогнуть.
Совсѣмъ сталъ бѣлый дѣдушка.
Я обняла старинушку
И долго у креста
Сидѣли мы и плакали.
Я дѣду горе новое
Повѣдала свое...

Недолго прожилъ дѣдушка.
По осени у стараго
Какая-то глубокая
На шеѣ рана сдѣлалась,
Онъ трудно умиралъ:
Сто дней не ѣлъ; хирѣлъ да сохъ,
Самъ надъ собой подтрунивалъ:
„Не правда ли, Матренушка,
На комара корѣжскаго,
Костлявый, я похожъ?“
То добрый былъ, сговорчивый,
То злился, привередничалъ.
Пугалъ насъ: „Не шаши,
Не сѣй, крестьянинъ! Сгорбившись,
За пряжей, за полотнами,
Крестьянка, не сиди!
Какъ вы ни бейтесь, глупше,
Что на роду написано,
Того не миновать!
Мужчинамъ три дороженьки:
Кабакъ, острогъ да каторга,
А бабамъ на Руси
Три петли: шелку бѣлаго,
Вторая—шелку краснаго,
А третья—шелку чернаго,
Любую выбирай!..
Въ любую полѣзай...“
Такъ засмѣялся дѣдушка,
Что всѣ въ коморкѣ вздрогнули, —
И къ ночи умеръ онъ.
Какъ приказалъ—исполнили:
Зарыли рядомъ съ Демою...
Онъ жилъ сто семь годовъ.

Четыре года тихіе,
Какъ близнецы похожіе,
Прошли потомъ... Всею
Я покорилась: первая
Съ постели Тимоѣева,
Послѣдняя—въ постель;
За всѣхъ, про всѣхъ работаю,
Съ свекрови, съ свекра пьянаго,
Съ золовухи бракованой,
Снимаю сапоги...

Лишь дѣточекъ не трогайте!
 За нихъ горой стояла я...
 Случилось, молодцы,
 Зашла къ намъ богомолочка;
 Сладворѣчивой странницы
 Заслушивались мы;
 Спасаться, жить по божески
 Учила насъ угодница,
 По праздникамъ къ заутрени
 Будила... а потомъ
 Потребовала странница,
 Чтобъ грудью не кормили мы
 Дѣтей по постнымъ днямъ.
 Село переполошилось!
 Голодные младенчики
 По середамъ, по пятницамъ
 Кричатъ! Иная мать
 Сама надъ сыномъ плачущимъ
 Слезами заливаётся:
 И Бога-то ей боязно,
 И дитяtko-то жалъ!
 Я только не послушалась,
 Судила я по-своему:
 Коли терпѣть, такъ матери,
 Я передъ Богомъ грѣшница,
 А не дитя мое!

Да, видно, Богъ прогнѣвался.
 Какъ восемь лѣтъ исполнилось
 Сыночку моему,
 Въ подпаски свекоръ сдалъ его.
 Однажды жду Ѳедотушку —
 Скотина ужъ пригналася —
 На улицу иду.
 Тамъ видимо-невидимо
 Народу! Я прислушалась
 И бросилась въ толпу.
 Гляжу, Ѳедота блѣднаго
 Силантій держать за ухо.
 Чтѣ держишь ты его?
 „Посѣчь хотимъ маненичко:
 Овечками прикармливать
 Надумалъ онъ волковъ!“
 Я вырвала Ѳедотушку,

Да съ ногъ Силантѣя старосту
 И сбила невзначай.

Случилось дѣло дивное:
 Пастухъ ушелъ; Ѳедотушка
 При стадѣ былъ одинъ,
 „Сижу я — такъ рассказывалъ
 Сыннокъ мой — на пригорочкѣ,
 Откуда ни возьмись
 Волчица преогромная
 И хватъ овечку Марьину!
 Пустился я за ней,
 Кричу, кнутищемъ хлопаю,
 Свищу Валетку, уськаю...
 Я бѣгать молодець,
 Да гдѣ-бы окаянную
 Нагнать, кабы не щонная:
 У ней сосцы волѣчились,
 Кровавымъ слѣдомъ, матушка,
 За нею я гнался!

— „Пошла потише сѣрая,
 Идетъ, идетъ, — огланется,
 А я какъ припущу!
 И сѣла... Я кнутомъ ее:
 „Отдай овцу проклятая!“
 Не отдаетъ, сидить...
 Я не сробѣлъ: „такъ вырву же,
 Хоть умереть!..“ И бросился,
 И вырвалъ... Ничего —
 Не укусила сѣрая!
 Сама едва живехонька!
 Зубами только щелкаетъ,
 Да дышетъ тяжело.
 Подъ ней рѣка кровавая,
 Сосцы травой изрѣзаны,
 Всѣ ребра на счету;
 Глядитъ, поднявши голову,
 Миѣ въ очи... и завыла вдругъ!
 Завыла, какъ заплакала.
 Пощупалъ я овцу:
 Овца была ужъ мертвая...
 Волчица такъ-ли жалобно
 Гладѣла, выла... Матушка!
 Я бросилъ ей овцу!..“

Такъ вотъ что съ парнемъ сталося.
 Пришелъ въ село, да, глупенькій,
 Все самъ и рассказалъ:
 За то и сѣчь надумали.
 Да благо, подосиѣла я...
 Силантій осерчалъ,
 Кричить: „чего толкаешься
 Самой подь розги хочется?“
 А Марья, та свое:
 „Дай, пусть проучать глупаго!“
 И рвегъ изъ рукъ Ѳедотушку.
 Ѳедотъ, какъ листь, дрожить.

Трубятъ рога охотничьи,
 Помѣщикъ возвращается
 Съ охоты. Я къ нему:
 — Не выдай! Будь заступникомъ!
 „Въ чемъ дѣло?“ Кликнулъ старосту
 И мигомъ порѣшилъ:
 „Подпаска малолѣтнаго
 По младости, по глупости
 Простить... а бабу дерзкую
 Примѣрно наказать!“
 „Ай, баринь!“ Я подпрыгнула:
 „Освободилъ Ѳедотушку!
 Иди домой, Ѳедотъ!“

— Исполнимъ повелѣнное!
 Сказалъ мирянамъ староста:
 — Эй! погоди плясать!

Сосѣдка тутъ подсунулась:
 — А ты бы въ ноги старостѣ...

„Иди домой, Ѳедотъ!“

Я мальчика погладила:
 „Смотри, коли оглянешься,
 Я осержусь... Иди!“

Изъ пѣсни слово выкинуть,
 Такъ пѣсня вся нарушится.
 Легла я, молодцы...

Въ Ѳедотову коморочку,
 Какъ кошка, я прокрасалась:

Спитъ мальчикъ, бредить, мечется;
 Одна рученка свѣсилась,
 Другая на глазу
 Лежить, въ кулакъ зажатая:
 Ты плакаль, что ли, бѣдненькій?
 Спи. Ничего! я тутъ!
 Тужила я по Дѣмушкѣ,
 Какъ имъ была беременна —
 Слабенекъ родился;
 Однако вышель умница:
 На фабрику Алферова
 Трубу такую вывели
 Съ родителемъ, что страсть!
 Всю ночь надъ нимъ сидѣла я,
 Я пастушка любезнаго
 До солнца подняла,
 Сама обула въ лапотки,
 Перекрестила; шапочку,
 Рожокъ и кнутъ дала.
 Проснулась вся семейшка,
 Да я не показалась ей,
 На пожню не пошла.

Я пошла на рѣчку быстрюю,
 Избрала я мѣсто тихое
 У ракитова куста.
 Сѣла я на сѣрый камушекъ,
 Подперла рукой головушку,
 Зарыдала сирота!

Громко я звала родителя:
 Ты приходи, заступникъ батюшка!
 Посмотри на дочь любимую...
 Понапрасну я звала.
 Нѣтъ великой оборонушки!
 Рано гостя безподсудная,
 Безплемянная, безродная
 Смерть родного унесла!

Громко кликала я матушку.
 Отзывались вѣтры буйные,
 Откликались горы дальнія,
 А родная не пришла!
 День денна моя печальница,
 Въ ночь — ночная богомолица!

Никогда тебя, желанная,
 Не увижу я теперь!
 Ты ушла въ безповоротную,
 Незнакомую дороженьку,
 Куда вѣтеръ не доносится,
 Не дорыскиваетъ звѣрь...

Нѣтъ великой оборонушки!
 Кабы знали вы, да вѣдали,
 На кого вы дочь покинули,
 Чтѣ безъ васъ я выношу!
 Ночь — слезами обливаюся,
 День — какъ травка пристилаюся...
 Я потушенную голову,
 Сердце гнѣвное ношу!..

ГЛАВА VI.
 ТРУДНЫЙ ГОДЪ.

Въ тотъ годъ необычайная
 Звѣзда играла на небѣ;
 Одни судили такъ:
 Господь по небу шествуетъ,
 И ангелы его
 Метутъ метлою огненной
 Передъ стопами божьими
 Въ небесномъ полѣ путь;
 Другіе то же думали,
 Да только на Антихриста,
 И чуяли бѣду.
 Сбылось пришла безхлѣбница!
 Братъ брату не уламывалъ
 Куска! Былъ страшный годъ...
 Волчицу ту Ѳедотову
 Я вспомнила — голодную:
 Похожа съ ребятишками
 Я на нее была!
 Да тутъ еще свекровушка
 Примѣтой прислужилася,
 Сосѣдкамъ наплела,
 Что я бѣду накликала,
 А чѣмъ? *Рубаху чистую*
Надѣла въ Рождество.
 За мужемъ за заступникомъ,

Я дешево отдѣлалась;
 А женщину одну,
 Никакъ за то же самое,
 Убили на смерть кольями.
 Съ голоднымъ не шути!..

Одной бѣдой не кончилось:
 Чуть справились съ безхлѣбницей —
 Рекрутчина пришла.
 Да я не беспокоилася:
 Ужъ за семью Филипову
 Въ солдаты брать ушелъ.
 Сижу одна, работаю,
 И мужъ, и оба девера
 Уѣхали съ утра;
 На сходку свекоръ-батюшка
 Отправился, а женщины
 Къ сосѣдкамъ разбрелись.
 Мнѣ крѣпко нездоровилось,
 Была я Людорушкой
 Беременная: послѣдніе
 Дохаживала дни.
 Управившись съ ребятами,
 Въ большой избѣ подъ шубою
 На печку я легла.
 Вернулись бабы къ вечеру,
 Нѣтъ только свекра-батюшки,
 Ждутъ ужинать его.
 Пришелъ: „Охъ-охъ! умаялся,
 А дѣло не поправилось,
 Пропали мы, жена!
 Гдѣ видано, гдѣ слыхано:
 Давно ли взяли старшаго,
 Теперь меньшого дай!
 Я по годамъ высчитывалъ,
 Я міру въ ноги кланялся,
 Да міръ у насъ какой?
 Просилъ бурмистра: божится,
 Что жаль, да дѣлать нечего!
 И писаря просилъ,
 Да правды изъ мошенника
 И топоромъ не вырубилъ,
 Что тѣни изъ стѣны!
 Задаренъ.. всѣ задарены...

Сказать бы губернатору,
 Такъ онъ бы задалъ имъ!
 Всего и попросить-то бы,
 Чтобъ онъ по нашей волости
 Очередныя росписи
 Повѣрить повелѣлъ.
 Да сунься-ка!...“ Заплакали
 Свекровушка, золовушка,
 А я... То было холодно,
 Теперь огнемъ горю!
 Горю... Богъ вѣсть, что думаю...
 Не дума... бредъ... Голодныя
 Стоять сиротки-дѣточки
 Передо мной... Неласково
 Глядитъ на нихъ семья:
 Они въ дому шумливыя,
 На улицѣ драчливыя,
 Обжоры за столомъ...
 И стали ихъ пощипывать,
 Въ головку поколачивать...
 Молчи, солдатка-мать!

 Теперь ужъ я не дольщица
 Участку деревенскому,
 Хоромному строеньицу,
 Одежѣ и скоту.
 Теперь одно богатство:
 Три озера наплакано
 Горючихъ слезъ, засѣбно
 Три полосы бѣдой!

 Теперь, какъ виноватая,
 Стою передъ сосѣдями:
 Простите! я была
 Спѣсива, непоклончива,
 Не чаяла я, глухая,
 Остаться сиротой...
 Простите, люди добрые,
 Учите уму-разуму,
 Какъ жить самой? Какъ дѣточекъ
 Поить, кормить, растить?..

 Послала дѣтокъ по міру:
 Просите, дѣтки, ласкою,

Не смѣйте воровать!
 А дѣти въ слезы: „Холодно!
 На насъ одежда рваная,
 Съ крылечка на крылечко-то
 Устанемъ мы ступать;
 Подъ окнами натопчемся,
 Иззябнямъ... У богатаго
 Намъ боязно просить,
 „Богъ дастъ!“ отвѣтять бѣдныя...
 Ни съ чѣмъ домой воротимся —
 Ты станешь насъ бранить!..“

.
 Собрала ужинъ; матушку
 Зову, золовокъ, деверя,
 Сама стою голодная
 У двери, какъ раба.
 Свекровь кричитъ: „Лукавая!
 Въ постель скорѣй торопиться?“

А деверь говорить:
 „Немного ты работала!
 Весь день за деревиночкой
 Стояла: дожидалася,
 Какъ солнышко зайдетъ!“

.
 Получше нарядилася я,
 Пошла я въ церковь Божію,
 Смѣхъ слышу за собой!

.
 Хорошо не одѣвайся,
 До бѣла не умывайся,
 У сосѣдокъ очи зорки,
 Востры языки!
 Ходи улицей потише,
 Носи голову пониже,
 Коли весело — не смѣйся,
 Не поплачь съ тоски!

.
 Пришла зима безсмѣнная,
 Поля, луга зеленые
 Попрятались подъ снѣгъ.
 На бѣломъ, снѣжномъ саванѣ
 Ни талой нѣтъ талиночки —
 Нѣтъ у солдатки-матери
 Во всемъ міру дружка!

Съ кѣмъ думушку подумати?
Съ кѣмъ словомъ перемолвиться?
Какъ справиться съ убожествомъ?
Куда обиду сбыть?

Въ лѣса—лѣса повили бы,
Въ луга—луга сгорѣли бы!
Во быструю рѣку?
Вода бы остоялася!
Носи, солдатка бѣдная
Съ собой ее по гробъ!

.

Нѣтъ мужа, нѣтъ заступника!
Чу, барабанъ! Солдатики
Идутъ.. Остановилися..

Построились въ ряды.
„Живѣй!“ Филипа вывели
На середину площади:

„Эй! переѣмна первая“:
Шалашниковъ кричить.

Упалъ Филипъ:—Помилуйте!

„А ты попробуй! слюбится!

Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!

Укрѣпа богатырская,

Не розги у меня!..“

.

И тутъ я съ печи прыгнула,
Обулась. Долго слушала —
Все тихо, спитъ семья!

Чуть-чуть я дверью скрипнула

И вышла. Ночь морозная...

Изъ Домниной избы,

Гдѣ парни деревенскіе

И дѣвки собиралися,

Гремѣла пѣсня складная,

Любимая моя...

„На горѣ стоить ёлочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька.
Приходилъ къ ней батюшка,
Будилъ ее, побуживалъ:
Ты, Машенька, пойдёмъ домой!
Ты, Ефимовна, пойдёмъ домой!

Я нейду и не слушаю:

Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ...

На горѣ стоить ёлочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька.
Приходила къ ней матушка,
Будила, побуживала:

Машенька, пойдёмъ домой!

Ефимовна, пойдёмъ домой!

Я нейду и не слушаю:

Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ...

На горѣ стоить ёлочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька.

Приходитъ къ ней Петръ,

Петръ, сударь Петровичъ,

Будилъ ее, побуживалъ:

Машенька, пойдёмъ домой!

Душа, Ефимовна, пойдёмъ домой!

Я иду, сударь, и слушаю:

Ночь свѣтла и мѣсячна,

Рѣки тихи, перевозки есть,

Лѣса темны, караулы есть.

ГЛАВА VII.

ГУБЕРНАТОРША.

Почти бѣгомъ бѣжала я
Черезъ деревню,—чудилось,
Что съ пѣсней парни гонятся
И дѣвицы за мной.
За Клиномъ оглядѣлась я:
Равнина бѣлоснѣжная,
Да небо съ яснымъ мѣсяцемъ,
Да я, да тѣнь моя...
Не жутко и не болзно
Вдругъ стало,—словно радостью
Такъ и взмывало грудь...
Спасибо вѣтру зимнему!

Онъ, какъ водой студеную,
 Большую напоилъ:
 Обвѣялъ буйну голову,
 Разсѣялъ думы черныя,
 Разсудокъ воротилъ.
 Упала на колѣни я:
 „Открой мнѣ, Матерь Божія,
 Чѣмъ Бога прогнѣвила я?
 Владычица! во мнѣ
 Нѣтъ косточки неломаной,
 Нѣтъ жилочки нетянутой,
 Кровинки нѣтъ непорченой —
 Терплю и не ропщу!
 Всю силу, Богомъ данную,
 Въ работу полагаю я,
 Всю въ дѣточекъ любовь!
 Ты видишь все, Владычица,
 Ты можешь все, Заступница!
 Спаси рабу свою!..“

Молиться въ ночь морозную
 Подъ звѣзднымъ небомъ Божиимъ
 Люблю я съ той поры.
 Бѣда пристигнетъ — вспомните
 И женамъ посовѣтуйте:
 Усерднѣй не помолишься,
 Нигдѣ и никогда.
 Чѣмъ больше я молилася,
 Тѣмъ легче становилось,
 И силы прибавлялося,
 Чѣмъ чаще я касалася
 До бѣлой, снѣжной скатерти
 Горящей головой...

Потомъ — въ дорогу тронулась,
 Знакомая дороженька!
 Бѣжала я по ней.
 Поѣдешь раннимъ вечеромъ,
 Такъ утромъ вмѣстѣ съ солнышкомъ
 Пospѣешь на базаръ.
 Всю ночь я шла, не встрѣтила
 Живой души, подъ городомъ
 Обозы начались.
 Высокіе, высокіе
 Возы сѣнца крестьянскаго,

Жалѣла я коней:
 Свои кормы законныя
 Везуть съ двора, сердечныя,
 Чтобъ послѣ голодать.
 И такъ-то все, я думала:
 Рабочій конь солому ѣсть,
 А пустопьясь — овесъ!
 Нужда съ кулемъ тащилася, —
 Мучица, чай, не лишняя,
 Да подати не ждуть!
 Съ посада подгороднаго
 Торговцы-колотырники
 Бѣжали къ мужикамъ;
 Божба, обманъ, ругательство!

Ударили къ заутрени,
 Какъ въ городъ я вошла.
 Ищу соборной площади;
 Я знала: губернаторскій
 Дворецъ на площади.
 Темна, пуста площадочка,
 Передъ дворцомъ начальника
 Шагаетъ часовой.

— Скажи, служивый, рано-ли
 Начальникъ просыпается?
 „Не знаю. Ты иди!
 Намъ говорить не велѣно!“
 (Дала ему двугривенный):
 „На то у губернатора
 Особый есть швейцаръ“.
 — А гдѣ онъ? какъ назвать его?
 „Макаромъ Федосѣичемъ...
 На лѣстницу поди!“
 Пошла, да двери заперты,
 Присѣла я, задумалась,
 Ужъ начало свѣтать.
 Пришелъ фонарщикъ съ лѣстницей,
 Два тусклые фонарика
 На площади задулъ.
 „Эй! что ты тутъ разсѣлася?“
 Вскочила, испугалась я:
 Въ дверяхъ стоялъ въ халатикѣ
 Плѣшивый человекъ.

Скоренько я цѣлковенькой
Макару Ѳедосѣичу
Съ поклономъ подала:

— Такая есть великая
Нужда до губернатора,
Хоть умереть — дойти!

„Пускать-то васъ не велѣно,
Да... ничего!.. толкнись-ка ты
Такъ... черезъ два часа...“

Ушла. Бреду тихохонько...
Стоить изъ мѣди кованный,
Точь-въ-точь Савелій дѣдушка,
Мужикъ на площади.
— Чей памятникъ? „Сусанина“.
Я передъ нимъ помѣшкала,
На рынокъ побрела.
Тамъ крѣпко испугалась я,
Чего? Вы не повѣрите,
Коли сказать теперь:
У поваренка вырвался
Матерный сѣрый селезень,
Сталъ парень догонять его,
А онъ какъ закричить!
Такой былъ крикъ, что за душу
Хватилъ — чуть не упала я,
Такъ подъ ножомъ кричать!
Поймали! шею вытянулъ
И зашипѣлъ съ угрозою,
Какъ будто думалъ повара,
Бѣдняга, испугать.
Я прочь бѣжала, думала:
Утихнетъ сѣрый селезень
Подъ поварскимъ ножомъ!

Теперь дворецъ начальника
Съ балкономъ, съ башней, съ лѣстницей,
Ковромъ богатымъ устланной,
Весь сталъ передо мной.
На окна поглядѣла я:
Завѣшаны. „Въ которомъ-то
Твоя опочиваленка?
Ты сладко-ль спишь, желанный мой,
Какіе видишь сны?..“

Сторонкой, не по коврику,
Прокралась я въ швейцарскую.

„Раненько ты, кума!“

Опять я испугалась,
Макара Ѳедосѣича
Я не узнала: выбрился,
Надѣлъ ливрею шитую,
Взялъ въ руки булаву,
Какъ не бывало лисины.
Смѣется. — „Что ты вздрогнула?“
— Устала я, родной!

„А ты не трусь! Богъ милостивъ!
Ты дай еще цѣлковенькой,
Увидишь — удружу!“

Дала еще цѣлковенькой.
„Пойдемъ въ мою коморку,
Попьешь пока чайку!“

Коморочка подъ лѣстницей:
Кровать да печь желѣзная,
Шандалъ да самоваръ.
Въ углу лампадка теплится,
А по стѣнѣ картиночки.
„Вотъ онъ!“ сказала Макарь:
„Его превосходительство!“
И щелкнулъ пальцемъ браваго
Военнаго въ звѣздахъ.

— Да добрый-ли? спросила я.

„Какъ стихъ найдеть! Сегодня вотъ
Я тоже добръ, а временемъ
Какъ песъ бываю золь.“

— Скучаешь, видно, дяденька?
„Нѣтъ, тутъ статья особая,
Не скука тутъ — война!
И Самъ, и люди вечеромъ
Уйдутъ, а къ Ѳедосѣичу
Въ коморку врагъ: поборемся!
Борюсь я десять лѣтъ.
Какъ выпьешь рюмку лишнюю,
Махорки какъ накуришься,

Какъ эта печь накалится,
Да свѣчка нагорить —
Такъ тутъ устой!..“

Я вепомнила
Про богатрство дѣдово:
— Ты, дядюшка — сказала я —
Должно быть, богатырь.

„Не богатырь я, милая,
А силой тотъ не хвастайся,
Кто сна не побораль!“
Въ коморку постучались,
Макаръ ушелъ... Сидѣла я,
Ждала, ждала, соскучилась,
Пріотворила дверь.
Къ крыльцу карету подали.
— Самъ ѣдетъ? „Губернаторша!“
Отвѣтилъ мнѣ Макаръ
И бросился на лѣстницу.
По лѣстницѣ спускалася
Въ собольей шубѣ барыня,
Чиновничекъ при ней.

Не знала я, что дѣлала.
(Да, видно, надоумила
Владычица!)... Какъ брошусь я
Ей въ ноги: „Заступись!
Обманомъ, не по-божески
Кормильца и родителя
У дѣточекъ беруть!“

— Откуда ты, голубушка?
Впопадъ-ли я отвѣтила —
Не знаю... Мѹка смертная
Подъ сердце подошла...

Очнулась я, молодчики,
Въ богатой, свѣтлой горницѣ,
Подъ пологомъ лежу;
Противъ меня — кормилица,
Нарядная, въ кокошникѣ,
Съ ребеночкомъ сидитъ:
— Чье дитятво, красавица?
„Твое!“ — Поцѣловала я
Рожное дитя...

Какъ въ ноги губернаторшѣ
Я пала, какъ заплакала,
Какъ стала говорить,
Сказалась усталъ долгая,
Истома непомѣрная,
Упередилось времячко —
Пришла моя пора!
Спасибо губернаторшѣ,
Еленѣ Александровнѣ,
Я столько благодарна ей,
Какъ матери родной;
Сама крестила мальчика
И имя: Ліодорушка
Младенцу избрала...

— А что же съ мужемъ сталося?

— Послали въ Клинь нарочнаго,
Всю истину довѣдали —
Филипушку спасли.
Елена Александровна
Ко мнѣ его, голубчика,
Сама — дай Богъ ей счастье! —
За ручку подвела.
Добра была, умна была,
Красивая, здоровая,
А дѣтокъ не далъ Богъ!
Пока у ней гостила я,
Все время съ Ліодорушкой
Носилась какъ съ роднымъ.

Весна ужъ начиналася,
Березка распускалася,
Какъ мы домой пошли...

Хорошо, свѣтло
Въ мірѣ Божіемъ!
Хорошо, легко,
Ясно на сердцѣ.

Мы идемъ, идемъ —
Остановимся.
На лѣса, луга
Полюбеемъ,
Полюбеемъ
Да послушаемъ,

Какъ шумять-бѣгутъ
Воды вешнія,
Какъ поеть-звенить
Жавороночекъ!
Мы стоимъ, глядимъ...
Очи встрѣтятся —
Усмѣхнемся мы,
Усмѣхнется намъ
Людорушка.

А увидимъ мы
Старца нищаго,
Подадимъ ему
Мы копѣечку...
„Не за насъ молись“,
Скажемъ старому:
„Ты молись, старикъ,
За Еленушку,
За красавицу
Александровну!“

А увидимъ мы
Церковь Божию,
Передъ церквою
Долго крестимся:
„Дай ей, Господи,
Радость — счастье
Доброй душенькѣ,
Александровнѣ!“

Зеленѣть лѣсъ,
Зеленѣть лугъ,
Гдѣ низиночка —
Тамъ и зеркало!
Хорошо, свѣтло
Въ мірѣ Божиємъ,
Хорошо, легко,
Ясно на-сердцѣ.
По водамъ плыву
Бѣлымъ лебедемъ.
По степямъ бѣгу —
Перепелочкой.

Прилетѣла въ домъ
Сизымъ голубемъ...

Поклонился мнѣ
Свекорь-батюшка;
Поклонилася
Мать-свекровушка;
Деверья, зятые
Поклонились,
Поклонились,
Повинились!
Вы садитесь-ка,
Вы не кланяйтесь,
Вы послушайте,
Что скажу я вамъ:
Тому кланяться,
Кто сильнѣй меня, —
Кто добрѣй меня,
Тому славу пѣть.
Кому славу пѣть?
Губернаторшѣ!
Доброй душенькѣ
Александровнѣ!

ГЛАВА VIII.

БАБЬЯ ПРИТЧА.

Замолкла Тимоеевна.
Конечно, наши странники
Не пропустили случая
За здравье губернаторши
По чаркѣ осушить.
И вида, что хозяйюшка
Ко стогу приклонилася,
Къ ней подошли гуськомъ:
— Что-жъ дальше?

— Сами знаете:

Ославили счастливицей,
Прозвали губернаторшей
Матрену съ той поры...
Что дальше? Домомъ правлю я,
Рошу дѣтей... На радость-ли?
Вамъ тоже надо знать.

Пять сыновей! Крестьянскіе
Порядки нескончаемы,—
Ужь взяли одного!

Красивыми рѣсницами
Моргнула Тимоѳеевна,
Поспѣшно приклонилася
Ко стогу головой.
Крестьяне мялись, мѣшкали,
Шептались. — Ну, хозяйшка!
Что скажешь намъ еще?

— А то, что вы затѣяли
Не дѣло — между бабами
Счастлиую искать!..

— Да все-ли рассказала ты?

— Чего же вамъ еще?
Не то-ли вамъ рассказывать,
Что дважды погорѣли мы,
Что Богъ сибирской язвою
Насъ трижды посѣтилъ?
Потуги лошадиныя
Несли мы; погуляла я,
Какъ меринъ въ боронѣ!

Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота...
Чего же вамъ еще?
Сулилась душу выложить,
Да, видно, не сдумѣла я, —
Простите, молодцы!
Не горы съ мѣста сдвинулись,
Упали на головушку,
Не Богъ стрѣлой громовою
Во гнѣвѣ грудь пронзилъ:
По мнѣ — тиха, невидима —
Прошла гроза душевная,
Покажешь-ли ее?
По матери поруганной,
Какъ по змѣѣ растоптанной,
Кровь первенца прошла;
По мнѣ обиды смертныя
Прошли неотплачныя,

И плеть по мнѣ прошла!
Я только не отвѣдала —
Спасибо! умеръ Ситниковъ —
Стыда неискупимаго,
Послѣдняго стыда!
А вы—за счастьемъ сунулись,
Обидно, молодцы!
Идите вы къ чиновнику,
Къ вельможному боярину,
Идите вы къ царю,
А женщинъ вы не трогайте,
Вотъ Богъ! ни съ чѣмъ проходите
До гробовой доски!
Къ намъ на ночь попросилася
Одна старушка Божія:
Вся жизнь убогой старицы
Убийство плоти, постъ;
У гроба Иисусова
Молилась, на Фаворскія,
Всходила высоты,
Въ Иордань-рѣкѣ купалася...
И та святая старица
Рассказывала мнѣ:
„Ключи отъ счастья женскаго,
Отъ нашей вольной волюшки,
Заброшены, потеряны
У Бога самого!
Отцы-пустынножители,
И жены непорочныя,
И книжники-начетники
Ихъ ищутъ—не найдутъ!
Пропали! думать надобно,
Сглонула рыба ихъ...
Въ веригахъ, изможденные,
Голодные, холодные
Прошли Господни ратники
Пустыни, города —
И у волхвовъ выспрашивать,
И по звѣздамъ высчитывать
Пытались—нѣтъ ключей!
Весь Божій міръ извѣдали,
Въ горахъ, въ подземныхъ пропастьяхъ
Искали... Наконецъ,
Нашли ключи сподвижники!

Ключи неоцѣнимые,
 А все—не тѣ ключи!
 Пришлись они, — великое
 Избраннымъ людямъ Божиимъ
 То было торжество, —
 Пришлись къ рабамъ-невольникамъ:
 Темницы растворились,
 По міру вздохъ прошелъ,
 Такой-ли громкій, радостный!..
 А къ нашей женской волюшкѣ
 Все нѣтъ и нѣтъ ключей!
 Великіе сподвижники
 И по сей день стараются —
 На дно морей спускаются,
 Подъ небо поднимаются —
 Все нѣтъ и нѣтъ ключей!
 Да врядъ они и сыщутся...
 Какою рыбой сглонуты
 Ключи тѣ зановѣдные,
 Въ какихъ моряхъ та рыба
 Гуляеть — Богъ забылъ!..

1873 г.

ПИРЬ НА ВЕСЬ МІРЪ.

Изъ четвертой части.

Посвящается Сергію Петровичу Боткину.

Вступленіе.

Въ концѣ села, „Вахлачина“,
 Гдѣ житель—пахарь изстари
 И частью—смолокуръ,
 Подъ старой-старой ивою,
 Свидѣтельница скромною
 Всей жизни вахлаковъ,
 Гдѣ праздники справляются,
 Гдѣ сходки собираются,
 Гдѣ днемъ сѣкутъ, а вечеромъ
 Цѣлуются, милуются —
 Шель пирь, великій пирь!
 Орудовать по-питерски

Привыкшій дѣло всякое
 Знакомецъ нашъ Климъ Яковличъ,
 Видавшій благородные
 Пирь съ рѣчами, спичами —
 Затѣйщикъ пира былъ.
 На бревна, тутъ лежавшія,
 На срубъ избы застроенной
 Усѣлись мужики;
 Тутъ тоже наши странники
 Сидѣли съ Власомъ-старостой
 (Имъ дѣло до всего).
 Какъ только пить надумали,
 Власъ сыну-малолѣточку
 Вскричалъ: „бѣги за Трифономъ!“
 Съ дьячкомъ приходскимъ, Трифономъ,
 Гулякой, кумомъ старосты,
 Пришли его сыны,
 Семинаристы: Савушка
 И Гриша; было старшему
 Ужъ девятнадцать лѣтъ:
 Теперь же протодьякономъ
 Смотрѣлъ, а у Григорія
 Лицо худое, блѣдное
 И волосъ тонкій, вьющійся,
 Съ оттѣнкомъ красноты.
 Простые парни, добрые,
 Косили, жали, сѣяли
 И пили водку въ праздники
 Съ крестьянствомъ наравнѣ.
 Тотчасъ же за селеніемъ
 Шла Волга, а за Волгою
 Былъ городъ небольшой
 (Сказать точнѣе, города
 Въ ту пору тѣни не было,
 А были головни:
 Пожаръ все снесъ третьеводни).
 Такъ люди мимоѣзжие,
 Знакомцы вахлаковъ,
 Тутъ тоже становились,
 Парома поджидаючи,
 Кормили лошадей.
 Сюда брели и нищіе,
 И тараторка-странница,
 И тихій богомоль.

Въ день смерти князя старога
 Крестьяне не предвидѣли,
 Что не луга поемные,
 А тяжбу наживуть.
 И, выпивъ по стаканчику,
 Первѣй всего заспорили:
 Какъ имъ съ лугами быть?
 Не вси ты, Русь, обмѣряна
 Землицей; попадаютъ
 Углы благословенные,
 Гдѣ ладно обошлось.
 Какой-нибудь случайностью —
 Невѣднѣемъ помѣщика,
 Живущаго въ дали,
 Ошибкою посредника,
 А чаще изворотами
 Крестьянъ-руководителей,
 Въ надѣль крестьянамъ изрѣдка
 Попало и лѣску.
 Тамъ гордъ мужикъ, попробуй-ка
 Въ окошко стукнуть староста
 За податю — осердится!
 Одинъ отвѣтъ до времени:
 „А ты лѣску продай!“
 И вахлаки надумали
 Свои луга поемные
 Сдать старостѣ — на подати:
 Все взвѣшено, рассчитано,
 Какъ разъ — оброкъ и подати,
 Съ залинкомъ. — „Такъ ли, Власть?“

— А коли подать справлена,
 Я никому не здравствую!
 Охота есть — работаю,
 Не то валяюсь съ бабою,
 Не то иду въ кабакъ!

„Такъ!“ вся орда вахлацкая
 На слово Клима Лавина
 Откликнулась: на подати!
 „Согласенъ, дядя Власть?“

— У Клима рѣчь короткая
 И ясная, какъ вшѣска,
 Зовущая въ кабакъ,

Сказаль шутливо староста:
 — Начнегъ Климаха бабою,
 А кончитъ — кабакомъ!

— „А чѣмъ же? не острогомъ-же
 Кончатъ-ту? Дѣло вѣрное,
 Не каркай, порѣши!“

Но Власу не до карканья.
 Власъ былъ душа добрѣйшая,
 Болѣлъ за всю вахлачину,
 Не за одну семью.
 Служа при строгомъ баринѣ,
 Несъ тяготу на совѣсти
 Невольнаго участника
 Жестокостей его.

Какъ молодъ былъ, ждалъ лучшаго,
 Да вѣчно такъ случалось,
 Что лучшее кончалось
 Ничѣмъ или бѣдой.

И сталъ бояться новаго,
 Богатаго посулами,
 Невѣрующій Власъ.
 Не столько въ Бѣлокаменной
 По мостовой проѣхано,
 Какъ по душѣ крестьянина
 Прошло обидь... до смѣху ли?..
 Власъ вѣчно былъ угрюмъ.
 А тутъ — сплосхаль старинушка!
 Дурачество вахлацкое
 Коснулось и его!

Ему невольно думалось:
 „Безъ барщины... безъ подати...
 Безъ палки... Правда-ль, Господи?“
 И улыбнулся Власъ.
 Такъ солнце съ неба знойнаго
 Въ лѣсную глушь дремучую
 Забросить лучъ— и чудо тамъ:
 Роса горятъ алмазами,
 Позолотился мохъ.

„Пей, вахлачки, погуливай!“
 Не въ мѣру было весело:
 У каждаго въ груди
 Играло чувство новое,
 Какъ будто выносила ихъ

Могучая волна
 Со дна бездонной пропасти
 На свѣтъ, гдѣ нескончаемый
 Имъ уготованъ пиръ!
 Еще ведро поставили,
 Галдѣнье непрерывное
 И пѣсни начались.
 Какъ, схоронивъ покойника,
 Родные и знакомые
 О немъ лишь говорятъ,
 Покамѣсть не управятся
 Съ хозяйскимъ угощеніемъ
 И не начнутъ зватьъ,
 Такъ и галдѣнье долгое
 За чарочкой, подъ ивою,
 Все, почитай, сложилось
 Въ поминки по подрѣзаннымъ
 Помѣщичьимъ „крѣпямъ“.
 Къ дьячку съ семинаристами
 Пристали: „пой веселую!“
 Запѣли молодцы.
 (Ту пѣсню — не народную —
 Впервые спѣлъ сынъ Трифона,
 Григорій, вахлакамъ,
 И съ „Положенъ“ царскаго,
 Съ народа крѣпни снявшаго,
 Она по пьянымъ праздникамъ
 Какъ плясовая пѣлася,
 Попами и дворовыми —
 Вахлакъ ее не пѣлъ,
 А слушая притопывальъ,
 Присвистывальъ; „веселую“
 Не въ шутку называльъ).

I.

ГОРЬКОЕ ВРЕМЯ — ГОРЬКІЯ ПѢСНИ

ВЕСЕЛАЯ.

.....
 Потомъ свою вахлацкую,
 Родную — хоромъ грянули,
 Протяжную, печальную —
 Иныхъ покамѣсть нѣтъ.
 Не диво ли? широкая

Сторонка Русь крещеная,
 Народу въ ней тьма тѣмъ,
 А ни въ одной-то душенькѣ
 Съ поконъ вѣковъ до нашего
 Не загорѣлась пѣсенка
 Веселая и ясная,
 Какъ ведреной денѣкъ.
 Не дивно ли? не страшно ли?
 О время, время новое!
 Ты тоже въ пѣснѣ скажешься,
 Но какъ?.. Душа народная!
 Возмѣйся-жь, наконецъ!..
 „Ай пѣсенка!.. Запомнить бы!...“
 Тужили наши странники,
 Что память коротка,
 А вахлаки бахвалились:
 — Мы барщинные! Съ наше-то
 Попробуй, потерпи!
 Мы барщинные! выросли
 Подъ рыломъ у помѣщика —
 Попробуй, поживи!
 Въ лицо позабывали мы
 Другъ другу, въ землю глядячи,
 Мы потеряли рѣчь.
 Въ молчанку напивались,
 Въ молчанку пѣловались,
 Въ молчанку драка шла.
 — Ну, ты насчетъ молчанки-то
 Не очень! намъ молчанка-то
 Досталась солонѣй!
 Сказаль сосѣдней волости
 Крестьянинъ, съ сѣномъ ѣхавшій
 (Нужда пристигла крайняя,
 Скосиль — и на базарь!).
 — Рѣшила наша барышня
 Гертруда Александровна,
 Кто скажетъ слово крѣпкое,
 Того нещадно драть.
 И драли же! покудова
 Не перестали лаяться.
 А мужику не лаяться
 Едино, что молчать.
 Намаялись! ужъ подлинно
 Отпраздновали волю мы,

Какъ праздниѣкъ: такъ ругалися,
 Что попъ Иванъ обидѣлся
 За звоны колокольные,
 Гудѣвшіе въ тотъ день.
 Такіе сказы чудные
 Посыпались... И диво ли?
 Ходить далеко за словомъ
 Не надо—все прописано
 На собственной спинѣ.

— „У насъ была оказія,
 Сказаль дѣтина съ черными,
 Большими бакенбардами:
 „Такъ нѣтъ ея чуднѣй“
 (На маломъ шляпа круглая,
 Съ значкомъ, жилетка красная,
 Съ десяткомъ свѣтлыхъ пуговиць,
 Поскоинные штаны
 И лапти: малый смахиваль
 На дерево, съ котораго
 Кору подпасокъ крохотный
 Всю снизу ободраль.
 А выше—ни царاپины,
 Въ вершинѣ не побрезгуеть
 Ворона свить гнѣздо).
 — Такъ что-же, братъ, рассказывай!
 „Дай прежде покурю!“
 Покамѣстъ онъ покуриваль,
 У Власа наши странники
 Спросили:—Что за гусь?
 — Такъ, подбѣгало-мученикъ,
 Приписанъ къ нашей волости,
 Барона Синегузина *)
 Дворовый человекъ,
 Викентій Александровичъ.
 Съ запятокъ въ хлѣбопашество
 Прыгнул! За нимъ осталася
 И кличка: „выѣздноій“.
 Здоровъ, а ноги слабы,
 Дрожать; его-то барыня
 Въ каретѣ цугомъ ѣздила
 Четверкой по грибы...
 Расскажетъ онъ! послушайте!

Такая память знатная,
 Должно быть (кончилъ староста),
 Сорочьи яйца ѣль *).

Поправивъ шляпу круглую,
 Викентій Александровичъ
 Къ рассказу пристунилъ.

ПРО ХОЛОПА ПРИМѢРНАГО—ЯКОВА ВѢРНАГО.

Былъ господинъ не високаго рода,
 Онъ деревнишку на взятки купилъ,
 Жилъ въ ней безвыѣздно тридцать три года,
 Вольничаль, бражничаль, горькую пилъ,
 Жадный, скупой, не дружилъ съ дворянами,
 Только къ сестрицѣ ѣзжалъ на чайкъ;
 Даже съ родными, нетолько съ крестьянами,
 Былъ господинъ Поливановъ жестокъ:
 Дочь повѣнчавъ, муженька благовѣрнаго
 Высѣкъ—обоихъ прогналь нагишомъ,
 Въ зубы холопа примѣрнаго,
 Якова вѣрнаго
 Походя дуль каблукомъ

Люди холопскаго званія —
 Суціе псы иногда:
 Чѣмъ тяжелѣй наказанія,
 Тѣмъ имъ милѣй господа.

Яковъ такимъ объявился изъ младости,
 Только и было у Якова радости:
 Барина холить, беречь, ублажать,
 Да племяша-малолѣтка качать.
 Такъ они оба до старости дожили,
 Стали у барина ножки хирѣть,
 Ѣздилъ лечиться, да ноги не ожили...
 Полно кутить, баловаться и пѣть!
 Очи-то ясныя,
 Щеки-то красныя,
 Пухлыя руки, какъ сахаръ—бѣлы,
 Да на ногахъ—кандалы!

*) Примѣта: чтобъ имѣть хорошую память, нужно ѣсть сорочьи яйца.

*) Тизенгаузена.

Смирно помѣщикъ лежитъ подѣ халатомъ,
 Горькую долю клянетъ,
 Яковъ при баринѣ: другомъ и братомъ
 Вѣрнаго Якова баринъ зоветъ.
 Зиму и лѣто вдвоємъ коротали,
 Въ карточки больше игралп они,
 Скуку разсѣять къ сестрицѣ ѣзжали
 Верстѣ за двѣнадцать, въ хорошіе дни.
 Вынесетъ самъ его Яковъ; уложитъ,
 Самъ на долгушкѣ свезетъ до сестры,
 Самъ до старушки добратся поможетъ.
 Такъ они жили ладкомъ до поры...

Выросъ племянничекъ Якова, Гриша,
 Барину въ ноги: „жениться хочу!“
 —Кто же невѣста?— „Невѣста—Ариша“.
 Баринъ отвѣтствуетъ: въ „гробъ вколочу!“
 Думаль онъ самъ, на Аришу-то глядя:
 „Только бы ноги Господь воротилъ!“
 Какъ ни просилъ за племянника дядя,
 Баринъ соперника въ рекруты сбиль.
 Крѣпко обидѣлъ холопа примѣрнаго,
 Якова вѣрнаго,
 Баринъ—холопъ задурилъ!
 Мертвую запилъ... Неловко безъ Якова,
 Кто ни послужитъ—дуракъ, негодяй!
 Злость-то давно накипѣла у всякаго,
 Благо есть случай: груби, вымѣщай!
 Баринъ то проситъ, то цѣесски ругается,

Такъ двѣ недѣли прошли.
 Вдругъ его вѣрный холопъ возвращается...
 Первое дѣло—поклонъ до земли.
 Жаль ему, видишь ты, стало безногаго:
 Кто-де съумѣетъ его соблюсти?
 „Не поминай только дѣла жестокаго;
 Буду свой крестъ до могилы нести!“
 Снова помѣщикъ лежитъ подѣ халатомъ,
 Снова у ногъ его Яковъ сидитъ,
 Снова помѣщикъ зоветъ его братомъ.
 „Чтò ты нахмурился, Яша?“—Мутить!
 Много грибовъ нанизали на нитки,
 Въ карты сыграли, чайку напились,
 Ссыпали вишни, малину въ папитки,
 И поразвлекъ къ сестрѣ собрались.

Курить помѣщикъ, лежитъ беззаботно,
 Ясному солнышку, зелени радъ,
 Яковъ угрюмъ, говоритъ неохотно,
 Возжи у Якова дрожмя дрожать,
 Крестится. „Чуръ меня, сила нечистая!“
 Шепчетъ: „разсыпся!“ (мутиль его врагъ).
 Ёдутъ... Направо трущоба лѣсистая,
 Имя ей изстари „Чортовъ оврагъ“;
 Яковъ свернулъ и поѣхаль оврагомъ,
 Баринъ опѣшилъ: „Куда-жь ты, куда?“
 Яковъ ни слова. Пробѣхали шагомъ
 Нѣсколько верстѣ; не дорога—бѣда!
 Ямы, валежники; бѣгутъ по оврагу
 Вешнія воды, деревья шумять...
 Стали лошадки—и дальше ни шагу,
 Сосны стѣной передъ ними торчатъ.

Яковъ, не глядя на барина бѣднаго,
 Началь коней огирягать,
 Вѣрнаго Яшу, дрожащаго, блѣднаго,
 Началь помѣщикъ тогда умолять.
 Выслушалъ Яковъ посулы—и грубо,
 Зло засмѣялся: „Нашель душегуба!
 Стану я руки убійствомъ марать,
 Нѣтъ, не тебѣ умирать!“
 Яковъ на сосну высокую прынулъ,
 Возжи въ вершинѣ ея укрѣпилъ,
 Перекрестился, на солнышко глянулъ,
 Голову въ петлю—и ноги спустилъ!...

Экія страсти Господни! виситъ
 Яковъ надъ бариномъ, мѣрно качается.
 Мечется баринъ, рыдаетъ, кричитъ,
 Эхо одно откликается!

Вытянулъ голову, голось напрягъ
 Баринъ—напрасные крики!
 Въ саванъ окутался Чортовъ оврагъ.
 Ночью тамъ росы велики,
 Зги не видать! только совы снуютъ,
 О-земь ширяясь крылами,
 Слышно какъ лошади листья жуютъ,
 Тихо звеня бубенцами.
 Словно чугунка подходитъ—горить
 Чьн-то два кругляя, яркія ока,
 Птицы какія-то съ шумомъ летять,

Слышно, посѣли онѣ недалеко.
 Воронъ надъ Яковомъ каркнулъ одинъ.
 Чу! ихъ слетѣло до сотни!
 Ухнулъ, грозить костылемъ господинъ...
 Экія страсти Господни!

Баринъ въ оврагѣ всю ночь пролежалъ,
 Стопами птицъ и волковъ отгоняя,
 Утромъ охотникъ его увидалъ.
 Баринъ вернулся домой, причитая:
 „Грѣшень я, грѣшень! Казните меня!“
 Будешь ты, баринъ, холопа примѣрнаго,
 Якова вѣрнаго,
 Помнить до суднаго дня!

„Грѣхи, грѣхи!“ слышалось
 Со всѣхъ сторонъ: „Жаль Якова,
 Да жутко и за барина —
 Какую принялъ казнь!“
 — Ой! ой! Еще прослушали
 Два-три разсказа страшные
 И горячо заспорили
 О томъ, кто всѣхъ грѣшнѣй?
 Одинъ сказалъ: „кабатчики“,
 Другой сказалъ: „помѣщики“,
 А третій — „мужики“.
 То былъ Игнатій Прохоровъ,
 Извозомъ занимавшійся,
 Степенный и зажиточный
 Мужикъ — не пустословъ.
 Видалъ онъ виды всякіе,
 Извѣздилъ всю губернію
 И вдоль, и поперекъ.
 Его послушать надо бы.
 Однако, вахлаки
 Такъ обозлились, не дали
 Игнатью слова вымолвить,
 Особенно Климъ Яковлевъ
 Куражился: „Дуракъ же ты!“...
 — А ты бы прежде выслушалъ...
 „Дуракъ же ты...“

— И всѣ-то вы,

Я вижу, дураки!
 Вдругъ вставилъ слово грубое
 Ереминъ, братъ купеческій,

Скупавшій у крестьянъ
 Чтò ни попало, лапти ли,
 Телѣнка ли, бруснику ли,
 А главное, мастакъ
 Подстерегать окази,
 Когда собирались подаги
 И собственность вахлацкая
 Пускалась съ молотка.
 — Затѣять споръ затѣяли,
 А въ точку не утрафили!
 Кто всѣхъ грѣшнѣй? подумайте!
 — Ну, кто же? говори!
 „Извѣстно, кто: разбойники!“
 А Климъ ему въ отвѣтъ:
 — Вы крѣпостными не были,
 Была капель великая,
 Да не на вашу плѣшь!
 Набилъ мошну: мерещатся
 Вездѣ ему разбойники;
 Разбой — статья особая,
 Разбой тутъ не причемъ!
 „Разбойникъ за разбойника
 Вступился!“ прасоль вымолвилъ,
 А Лавинъ — скокъ къ нему!
 — Молись — и въ зубы прасола:
 „Прощайся съ животинками!“
 И прасоль въ зубы Лавина.
 „Ай, драка! молодцы!“
 Крестьяне разступились,
 Никто не подзадоривалъ,
 Никто не разнималъ.
 Удары градомъ сыпались:
 — Убью! пиши къ родителямъ!
 — „Убью! зови попа!“
 Тѣмъ кончилось, что прасола
 Климъ сжалъ рукой, какъ обручемъ,
 Другой вѣцпился въ волосы
 И гнулъ, со словомъ: „кланяйся“!
 Купца къ своимъ ногамъ.
 — Ну, баста! прасоль вымолвилъ,
 Климъ выпустилъ обидчика,
 Обидчикъ сѣлъ на бревнышко,
 Платкомъ широкимъ клѣтчатымъ
 Отерся и сказалъ:

— Твоя взяла! и диво ли?
 Не жнетъ, не пашетъ — пляется
 По коновальской должности,
 Какъ силъ не нагулять?
 (Крестьяне засмѣялися).
 „А ты еще не хочешь ли?“
 Сказалъ задорно Климъ.
 — Ты думалъ, нѣтъ? Попробуемъ!
 Купецъ снялъ чуйку бережно
 И въ руки поплевалъ.

„Раскрыть уста грѣховныя
 Пришелъ чередъ: прислушайте!
 И такъ васъ помиру!“
 Вдругъ возгласилъ Ионушка,
 Весь вечеръ молча слушавшій,
 Вздыхавшій и крестившійся,
 Смиренный богомоль.
 Купецъ былъ радъ; Климъ Яковлевъ
 Помалчивалъ. Усѣлися,
 Настала тишина.

II.

СТРАННИКИ И БОГОМОЛЬЦЫ.

Бездомнаго, безроднаго
 Не мало попадается
 Народу на Руси.
 Не жнутъ, не сѣютъ — кормятся
 Изъ той же общей житницы,
 Что кормитъ мышку малую
 И воинство несмѣтное:
 Осѣдлаго крестьянина
 Горбомъ ее зовутъ.
 Пускай народу вѣдомо,
 Что цѣлмя селенія
 На попрошайство осенью
 Какъ на доходный промыселъ
 Идутъ: въ народной совѣсти
 Уставилось рѣшеніе,
 Что больше тутъ злосчастія,
 Чѣмъ жи — имъ подають.
 Пускай нерѣдки случаи,

Что странница окажется
 Воровкой; что у бабъ
 За просфоры аѳонскія,
 За „слѣзки Богородицы“
 Паломникъ пряжу выманить,
 А послѣ бабы свѣдаютъ,
 Что дальше Троицы-Сергія
 Онъ самъ-то не бывалъ.
 Былъ старецъ, чуднымъ пѣніемъ
 Плънялъ сердца народныя;
 Съ согласія матерей,
 Въ селѣ Крутыя-Заводы
 Божественному пѣнію
 Сталъ дѣвочкѣ обучать;
 Всю зиму дѣвочки красныя
 Съ нимъ въ ригѣ запиралися,
 Оттуда пѣніе слышалось,
 А чаще смѣхъ и визгъ.
 Однако, чѣмъ же кончилось?
 Онъ пѣть-то ихъ не выучилъ,
 А перепортилъ всѣхъ.
 Есть мастера великіе
 Подлаживаться къ барынямъ;
 Сначала черезъ бабъ
 Доступится до дѣвичьей,
 А тамъ — и до помѣщицы.
 Бренчатъ ключами, по двору
 Похаживаетъ барипомъ,
 Плюетъ въ лицо крестьянину,
 Старушку богомольную
 Согнулъ въ бараній рогъ!..
 Но видитъ въ тѣхъ же странникахъ
 И лицевую сторону
 Народъ. Кѣмъ церкви строятся?
 Кто кружки монастырскія
 Наполнилъ черезъ край?
 Иной добра не дѣлаетъ,
 И зла за нимъ не видится,
 Иного не поймешь.
 Знакомъ народу Омушка:
 Вериги двушудовыя
 По тѣлу опоясаны,
 Зимой и лѣтомъ босъ,
 Бормочетъ непонятное,

А жить — живеть по-божески:
 Доска да камень въ головы,
 А пища — хлѣбъ одинъ.
 Чудёнъ ему и памятенъ
 Старикъ изъ секты скрытниковъ,
 Никифоръ, каргополь.
 Пришелъ въ село Усолово:
 Корить мірянъ безбожіемъ,
 Зоветь въ лѣса дремучіе
 Спасаться. Становой
 Случился тутъ, все выслушалъ:
 — Къ допросу сомустителя!
 Онъ то же и ему:
 „Ты врагъ Христовъ, антихристовъ
 Посланникъ!“ Соцкой, староста
 Мигали старику:
 — Эй, покорись! — не слушаетъ!
 Везли его въ острогъ,
 А онъ корилъ начальника
 И, на телѣгѣ стоячи,
 Условцамъ кричалъ:

„Горе вамъ, горе, пропація головы!
 Были оборванцы, будете голы вы,
 Били васъ палками, розгами, кнутьями,
 Будете биты желѣзными прутьями!..“

Условцы крестилися,
 Начальникъ билъ глашатая:
 „Попомнишь ты, анаѰема,
 Судью ерусалимскаго!“
 У парня, у подводчика
 Съ испугу возжи выпали
 И волосъ дыбомъ сталъ!
 И какъ на грѣхъ, воинская
 Команда утромъ грянула:
 Въ Устой село не дальное
 Солдатики прошли.
 Допросы! усмирение!
 Тревога! поспопутности
 Досталось и условцамъ:
 Пророчество строптивого
 Чуть въ точку не сбылось.

Во вѣкъ не позабудется

Народомъ Ефросиньюшка,
 Посадская вдова:
 Какъ Божія посланница,
 Старушка появляется
 Въ холерные года;
 Хоронить, лечить, возится
 Съ больными. Чуть не молятся
 Крестьянки на нее...

Стучись же, гость невѣдомый!
 Кто-бъ ни былъ ты, увѣренно
 Въ калитку деревенскую,
 Стучись! не подозрителенъ
 Крестьянинъ коренной,
 Въ немъ мысль не зарождается,
 Какъ у людей достаточныхъ,
 При видѣ незнакомаго,
 Убогаго и робкаго:
 Не стибрилъ бы чего?
 А бабы — тѣ радѣхоньки.
 Зимой, передъ лучиною
 Сидить семья, работаетъ,
 А странничекъ гласить.
 Ужъ въ банькѣ онъ попарился,
 Ушицы ложкой собственной,
 Съ рукой благословляющей,
 Досыта похлебаль.
 По жиламъ ходитъ чарочка,
 Рѣкою лететь рѣчь.
 Въ избѣ все словно замерло:
 Старикъ, чинившій лапотки,
 Къ ногамъ ихъ уронилъ;
 Челнокъ давно не чикаетъ,
 Заслушалась работница
 У ткацкаго станка;
 Застылъ ужъ на уколотомъ
 Мизинцѣ у Евгеньюшки,
 Хозяйской старшей дочери,
 Высокій бугорокъ,
 А дѣвка и не слышала,
 Какъ укололась до крови;
 Шитье къ ногамъ спустилося,
 Сидить — зрачки расширены,
 Руками развела...

Ребята, свѣсивъ головы
 Съ палатей, не шелохнутся:
 Какъ тюленята сонные
 На льдинахъ, за Архангельскомъ,
 Лежать на животѣ.
 Лицъ не видать, завѣшаны
 Спустившимися прядями
 Волось — не пужно сказывать,
 Что желтые они.
 Постой! ужъ скоро странничекъ
 Доскажетъ былъ аеонскую,
 Какъ турка взбунтовавшихся
 Монаховъ въ море гналъ,
 Какъ шли покорно иноки
 И погибали сотнями...
 Услышишь шопоть ужаса,
 Увидишь рядъ испуганныхъ,
 Слезами полныхъ глазъ!
 Пришла минута страшная —
 И у самой хозяйшки
 Веретено пузатое
 Скатилося съ колѣпъ.
 Коть Васька насторожился —
 И прыгъ къ веретену!
 Въ другую пору то-то бы
 Досталось Васькѣ шустрому,
 А тутъ и не замѣтили,
 Какъ онъ проворной лапкою
 Веретено потрогиваль,
 Какъ прыгаль на него,
 И какъ оно каталося,
 Пока не размоталася
 Напряденная нить!

Кто видываль, какъ слушаетъ
 Своихъ захожихъ странниковъ
 Крестьянская семья, иль
 Пойметъ, что ни работою,
 Ни вѣчною заботою,
 Ни игомъ рабства долгаго,
 Ни кабакомъ самимъ
 Еще народу русскому
 Предѣлы не поставлены:
 Предъ нимъ широкій путь!

Когда измѣнять пахарю
 Поля старозапашиныя,
 Ключки въ лѣсныхъ окраинахъ
 Онъ пробуетъ пахать.
 Работы тутъ достаточно,
 За то полоски новыя
 Даютъ безъ удобренія
 Обильный урожай.
 Такая почва добрая —
 Душа народа русскаго...
 О, сѣятель! приди!..

Иона (онъ же Ляпушкинъ)
 Сторонушку вахлацкую
 Издавна навѣщаль.
 Нетолько не гнушалися
 Крестьяне божимъ странникомъ,
 А спорили о томъ,
 Кто первый пріютить его?
 Пока ихъ спорамъ Ляпушкинъ
 Конца не положилъ:
 „Эй! бабы! вынесите-ка
 Иконы!“ Бабы вынесли;
 Предъ каждою иконою
 Иона падалъ ницъ:
 „Не спорьте! дѣло божіе,
 Котора взглянетъ ласковѣй,
 За тою и пойду!“
 И часто за бѣднѣйшею
 Иконою шель Ионушка
 Въ бѣднѣйшую избу.
 И къ той избѣ особое
 Почтенье: бабы бѣгаютъ
 Съ узлами, сковородками
 Въ ту избу. Чашей полною,
 По милости Ионушки,
 Становится она.

Не громко и не торошко
 Повель рассказъ Ионушка
 „О двухъ великихъ грѣшникахъ“
 Усердно покрестясь.

О ДВУХЪ ВЕЛИКИХЪ ГРѢШНИКАХЪ.

Господу Богу помолимся,
Древнюю былъ возвѣстимъ,
Мнѣ въ Соловкахъ ее сказывалъ
Инокъ, отецъ Питиримъ.

Было двѣнадцать разбойниковъ,
Былъ Кудеяръ—атаманъ,
Много разбойники пролили
Крови честныхъ христіанъ,

Много богатства награбили.
Жили въ дремучемъ лѣсу,
Вождь-Кудеяръ изъ-подъ Кіева
Вывезъ дѣвицу красу;

Днемъ съ полюбовницей тѣшился,
Ночью набѣги творилъ,
Вдругъ у разбойника лютаго
Совѣсть Господь пробудилъ.

Сонъ отлетѣлъ; опротивѣли
Пьянство, убійство, грабежъ,
Тѣни убитыхъ являются,
Цѣлая рать — не сочтешь!

Долго боролся, противился
Господу звѣрь-человѣкъ,
Голову снесъ полюбовницѣ
И есаула засѣкъ.

Совѣсть злодѣя осилила,
Шайку свою распустилъ,
Роздалъ на церкви имущество,
Ножъ подъ ракитой зарылъ.

И прегрѣшенья отмаливать
Къ гробу Господню идетъ,
Странствуетъ, молится, кается,
Легче ему не стаѣтъ.

Старцемъ, въ одеждѣ монашеской,
Грѣшникъ вернулся домой,
Жилъ подъ навѣсомъ старѣйшаго
Дуба, въ тущобѣ лѣсной.

Денно и ночью Всевышняго
Молить: грѣхи отпусти!
Тѣло предай истязанію,
Дай только душу спасти!

Сжалился Богъ и къ спасенію
Схимнику путь указалъ:
Старцу въ молитвенномъ бдѣніи
Нѣкій угодникъ предсталъ,

Рекъ: „Не безъ божьяго промысла
Выбралъ ты дубъ вѣковой,
Тѣмъ же ножемъ, что разбойничалъ,
Срѣжь его, той же рукой!

Будетъ работа великая,
Будетъ награда за трудъ,
Только-что рухнется дерево
Цѣпи грѣха упадутъ“.

Смѣрилъ отшельникъ страшилище.
Дубъ—три обхвата кругомъ!
Сталъ на работу съ молитвою,
Рѣжетъ булатнымъ ножомъ,

Рѣжетъ упругое дерево,
Господу славу поетъ,
Годы идутъ—подвигается
Медленно дѣло впередъ.

Что съ великаномъ подѣлаетъ
Хилый, больной человѣкъ?
Нужны тутъ силы желѣзныя,
Нуженъ не старческій вѣкъ!

Въ сердце сомнѣніе крадется,
Рѣжетъ и слышитъ слова:
„Эй, старина, что ты дѣлаешь?“
Перекрестился сперва,

Глянулъ — и пана Глуховскаго
Видитъ на борзомъ конѣ,
Пана богатаго, знатнаго,
Перваго въ той сторонѣ.

Много жестокаго, страшнаго,
Старецъ о панѣ слышалъ,

И въ поученіе грѣшнику
Тайну свою разсказалъ.

Панъ усмѣхнулся: „Спасенія
Я ужъ не чаю давно,
Въ мірѣ я чту только женщину,
Золото, честь и вино.

„Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холоповъ гублю,
Мучу, пытаю и вѣшаю,
А поглядѣлъ бы, какъ сплю!“

Чудо съ отшельникомъ сталося:
Вѣшенный гнѣвъ ощутилъ,
Бросился къ пану Глуховскому,
Ножъ ему въ сердце вонзилъ!

Только что панъ окровавленный
Паль головой на сѣдло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лѣсъ потрясло.

Рухнуло древо, скатилось
Съ инока бремя грѣховъ!..
Господу Богу помолимся:
Милуй насъ, темныхъ рабовъ!

III.

И СТАРОЕ, И НОВОЕ.

Иона кончилъ; крестится;
Народъ молчитъ. Вдругъ прасола
Сердитымъ крикомъ прорвало:
„Эй вы, тетери сонныя!
Па-ромъ, живѣй, паромъ!“
— Парома не докличешься
До солнца! перевозчики
И днемъ-то трусу празднуютъ,
Паромъ у нихъ худой,
Пожди! про Кудеяра-то...
„Паромъ! пар-ромъ! пар-ромъ!“
Ушелъ, съ телѣгой возится,
Корова къ ней привязана —

Онъ пулъ ее погой;
Въ ней курочки курлыкаютъ:
Сказалъ имъ: „дуры! цыцъ!
Теленокъ въ ней мотается —
Досталось и теленочку
По звѣздочкѣ на лбу.
Нажогъ коня саврасаго
Кнутомъ—и къ Волгѣ двинулся.
Плылъ мѣсяць надъ дорогою,
Такая тѣнь потѣшная
Вѣжала рядомъ съ прасоломъ
По лунной полосѣ!
„Отдумалъ, стало, драться-то?
А спорить — видить — не о чемъ“,
Замѣтилъ Власъ. „Ой, Господи!
Великъ дворянскій грѣхъ!“
— Великъ, а всё не быть ему
Противъ грѣха крестьянскаго,
Опять Игнатій Прохоровъ
Не вытерпѣлъ — сказалъ.
Климъ плюнулъ. — Экъ приспичило!
Кто съ чѣмъ, а нашей галочкѣ
Родные галченяточки
Всего милѣй... ну, сказывай
Что за великой грѣхъ?

КРЕСТЬЯНСКІЙ ГРѢХЪ.

Аммираль-вдовецъ по морямъ ходилъ,
По морямъ ходилъ, корабли водилъ,
Подъ Ачаковымъ бился съ туркою,
Наносилъ ему поражение,
И дала ему Государыня
Восемь тысячъ душъ въ награжденіе.
Въ той ли вотчинѣ прищѣваючи
Доживаетъ вѣкъ аммираль-вдовецъ
И вручаетъ онъ, умираючи,
Глѣбу-старостѣ золотой ларець.
„Гой ты, староста! береги ларець!
Воля въ немъ моя сохраняется:
Изъ цѣней-крѣпей на свободушку
Восемь тысячъ душъ отпускается!“
Аммираль-вдовецъ на столѣ лежитъ,
Дальній родственникъ хоронитъ катить.

Схоронилъ, забылъ! Кличеть старосту
И заводитъ съ нимъ рѣчь околнью;
Все повывѣдалъ, насулилъ ему
Горы золота, выдалъ вольную...

Глѣбъ—онъ жаденъ былъ—соблазняется:
Завѣщаніе сожигается!

На десятки лѣтъ, до недавнихъ дней
Восемь тысячъ душъ закрѣпилъ злодѣй,
Съ родомъ, съ племенемъ; что народу-то!
Что народу-то! съ камнемъ въ воду-то!
Все прощаетъ Богъ, а Іудинъ грѣхъ

Не прощается.

Ой, мужикъ! мужикъ! ты грѣшнѣе всѣхъ
И за то тебѣ вѣчно маяться!

Суровый и разсерженный,
Громовымъ, грознымъ голосомъ
Игнатій кончилъ рѣчь.

Толпа вскочила на ноги,
Пронесся вздохъ, послышалось:

„Такъ вотъ онъ, грѣхъ крестьянина!
И впрямъ страшенный грѣхъ!“

— „И впрямъ: памъ вѣчно маяться,
Охъ-охъ!..“ сказалъ самъ староста,

Опять убитый, въ лучшее
Невѣрующій Власъ.

И скоро подававшійся,
Какъ горю, такъ и радости

„Великій грѣхъ! великій грѣхъ!“
Тоскливо вторилъ Климъ.

Площадка передъ Волгою,
Луною освѣщенная,

Перемѣнилась вдругъ,
Пронали люди гордые

Съ увѣренной походкою,
Остались вахлаки,

Досыта неѣдавшіе,
Не солоно хлѣбавшіе,

Къ которымъ голодъ стукнулся
Грозить: засуха долгая,

А тутъ еще—жучокъ!

Которымъ прасоль-выжига
Урѣзать цѣну хвалится

На ихъ добычу трудную,

Смолу, слезу вахлацкую,

Урѣжетъ, попрекнетъ:

„За что платить вамъ много-то?

У васъ товаръ не купленный.

Изъ васъ на солнцѣ топится

Смола, какъ изъ сосны!“

Опять упали бѣдныя

На дно бездонной пропасти,

Притихли, пріубожились,

Легли на животы;

Лежали, думу думали

И вдругъ заплѣли. Медленно,

Какъ туча надвигается,

Текли слова тягучія.

Такъ пѣсню отчеканили,

Что сразу наши странники

Упомнили ее:

ГОЛОДНАЯ.

Стоить мужикъ —

Колышется,

Идетъ мужикъ —

Не дышится!

Съ коры его

Распучило,

Тоска-бѣда

Измучила.

Темнѣй лица

Стекляннаго

Не видано

У пьянаго.

Идетъ—пыхтитъ,

Идетъ—и спитъ,

Прибрель туда,

Гдѣ рожь шумить.

Какъ идоль сталь

На полюсу,

Стоить, поетъ

Безъ голосу:

„Дозрѣй, дозрѣй,
Рожь, матушка!
Я пахарь твой,
Панкратушка!

Ковригу съѣмъ
Гора горой,
Ватрушку съѣмъ
Со столъ большой!

Все съѣмъ одинъ,
Управлюсь самъ.
Хоть мать, хоть сынъ
Проси—не дамъ!“

„Ой бабушки, ѣсть хочется!“
Сказалъ упалимъ голосомъ
Одинъ мужикъ; изъ пещура
Досталъ краюху—ѣсть.
— Поютъ они безъ голосу,
А слушать—дрожь по волосу!
Сказалъ другой мужикъ.
И правда, что не голосомъ—
Нутромъ—свою „голодную“
Пропѣли вахлаки.
Иной во время пѣнія
Сталъ на ноги, показывалъ
Какъ шель мужикъ разслабленный,
Какъ сонъ долилъ голоднаго,
Какъ вѣтеръ колыхалъ,
И были строги, медленны
Движенья. Спѣвъ „Голодную“,
Шатаясь, какъ разбитые,
Гуськомъ пошли къ ведерочку.
И вышли пѣвцы.

„Держай!“ За ними слышится
Дьячково слово: сынъ его
Григорій, крестникъ старосты,
Подходить къ землякамъ.
—Хошь водки?—Пилъ достаточно,
—Что тутъ у васъ случилось?
Какъ въ воду вы опущены?..
— „Мы?.. что ты?..“ Насторожились,

Влась положилъ на крестника
Широкую ладонь.

— Неволя къ вамъ вернулася?
Погонять васъ на барщину?
Луга у васъ отобраны?

— „Луга-то?.. Шутить, братъ!“
— Такъ что-жь переѣнилось?
Закаркали „голодную“,
Накликать голодъ хочется?

— „Никакъ и впрямъ ништо!“
Климъ, какъ изъ пушки выпалилъ;
У многихъ зачесалися
Затылки, шопоть слышится:
— Никакъ и впрямъ ништо!

— „Шей, вахлачки, погуливай!
Все ладно, все по нашему,
Какъ было ждано-гадано,
Не вѣшай головы!“

— По нашему ли, Климушка?
А Глѣбъ-то?..

Потолковано

Не мало: въ ротъ положено,
Что не они отвѣтчики
За Глѣба окаяннаго,
Всему виноку: крѣпъ!
Змѣя родить змѣенышей,
А крѣпъ—грѣхи помѣщика,
Грѣхъ Якова-несчастнаго,
Грѣхъ Глѣба родила!
Нѣтъ крѣпи—нѣтъ помѣщика,
До петли доводящаго
Усерднаго раба,
Нѣтъ крѣпи—нѣтъ двороваго,
Самоубійствомъ мстящаго..
Злодѣю своему.
Нѣтъ крѣпи—Глѣба новаго
Не будетъ на Руси!“
Всѣхъ пристальнѣй, всѣхъ радостнѣй
Прослушалъ Гришу Провъ:
Ослабился, товарищамъ
Сказалъ побѣднымъ голосомъ:
„Мотайте-ка на усь!“

Такъ, значить, и „Голодную“
 Теперь навѣки по-боку?
 Эй! други! Пой веселую!
 Климы радостно кричалъ...
 Пошло, толпой подхвачено
 О крѣпи слово вѣрное
 Трепаться: „нѣтъ змѣи —
 Не будетъ и змѣенышей!“
 Климы Яковлевъ Игнатія
 Опять ругнулъ: дуракъ же ты!
 Чуть-чуть не подрались!
 Дьячокъ рыдалъ надъ Гришею:
 „Создастъ же Богъ головушку!
 Не даромъ порывается
 Въ Москву, въ Новороситеть!“
 А Власъ его поглаживалъ:
 — Дай Богъ тебѣ и серебра,
 И золотца, дай умную,
 Здоровую жену!
 „Не надо миѣ ни серебра,
 Ни золота, а дай Господь,
 Чтобъ землякамъ моимъ
 И каждому крестьянину
 Жилось вольготно-весело
 На всей святой Руси!“
 Зардѣвшись, словно дѣвушка,
 Сказалъ изъ сердца самаго
 Григорій — и ушелъ.

Свѣтаеть. Снаряжаются
 Подводчики. — Эй, Власъ Ильичъ!
 Иди сюда, гляди, кто здѣсь!
 Сказалъ Игнатій Прохоровъ,
 Взявъ къ бревнамъ приваленную
 Дугу. Подходить Власъ,
 За нимъ бѣгомъ Климы Яковлевъ;
 За Климомъ — наши странники
 (Имъ дѣло до всего):
 За бревнами, гдѣ нищѣ
 Въ повалку спали съ вечера,
 Лежалъ какой-то смученный,
 Избитый человѣкъ;
 На немъ одежа новая,
 Да только вся изорвана,

На шеѣ красный, шелковый
 Платокъ, рубаха красная
 Жилетка и часы.
 Нагнулся Лавинь къ спящему,
 Взглянулъ и съ крикомъ: „бей его!“
 Пнулъ въ зубы каблуккомъ.
 Вскочилъ дѣтина, мутные
 Протеръ глаза, а Власъ его
 Тѣмъ временемъ въ скулу.
 Какъ крыса прищемленная
 Дѣтина пискнулъ жалобно —
 И къ лѣсу! Ноги длинныя,
 Вѣжить — земля дрожить!
 Четыре парня бросились
 Въ погоню за дѣтиною,
 Народъ кричалъ имъ: „бей его!“
 Пока въ лѣсу не скрылися
 И парни, и бѣглець.

— Что за мужчина? старосту
 Допытывали странники:
 — За чтó его тузять?

— Не знаемъ, такъ наказано
 Намъ изъ села изъ Тискова,
 Что буде гдѣ покажется
 Егорка Шутовъ — бить его!
 И бьемъ. Подъѣдутъ тисковцы,
 Расскажутъ. — Удоволили?
 Спросилъ старикъ вернувшихся
 Съ погони молодцовъ.

— „Догнали, удоволили!
 Побѣгъ къ Кузьмо-Демьянскому,
 Тамъ видно переправиться
 За Волгу поровить.

— Чудной народъ! бьютъ соннаго,
 За чтó, про чтó не знаючи...

— Коли всѣмъ міромъ велѣно:
 Бей! — стало есть за чтó!
 Прикрикнулъ Власъ на странниковъ:
 Не вѣтрогоны тисковцы!
 Давно ли тамъ десятаго
 Пороли?.. ой, Егоръ!..

Ай служба — должность подлая!..
 Гнусь-человѣкъ! — Не бить его,
 Такъ ужъ кого и бить?
 Не намъ однимъ наказано,
 Отъ Тискова по Волгѣ-то
 Тутъ деревень четырнадцать,
 Чай, черезъ всѣ четырнадцать
 Прогнали какъ сквозь строй!

Притихли наши странники.
 Узнать-то имъ желательно
 Въ чемъ штука? да прогибвался
 И такъ ужъ дядя Влась.

Совсѣмъ свѣтло. Позавтракать
 Мужьямъ хозяйки вынесли:
 Ватрушки съ творогомъ,
 Гусятина (прогнали тутъ
 Гусей; три затомилися,
 Мужикъ ихъ несъ подъ мышкою:
 „Продай! помрутъ до городу!“
 Купили ни за что).
 Какъ шеть мужикъ, толковано
 Не мало, а не всякому
 Извѣстно, какъ онъ ѣсть.
 Жадиѣ на говядину,
 Чѣмъ на вино бросается.
 Былъ тутъ пеньющій каменьчикъ,
 Такъ опянѣлъ съ гусятины,
 На что твое вино!
 Чу! слышенъ крикъ: „Кто ѣдетъ-то!
 Кто ѣдетъ-то!“ Наклюнулось
 Еще подспорье шумному
 Веселью вахлаковъ.
 Возъ съ сѣномъ приближается,
 Высоко на возу
 Сидитъ солдатъ Овсяниковъ,
 Вереть на двадцать въ окружности
 Знакомый мужикамъ,
 И рядомъ съ нимъ Устиньюшка,
 Сироточка-племянница,
 Поддержка старика.
 Райкомъ кормился дѣдушка,
 Москву да Кремль показывалъ,

Вдругъ инструментъ испортился,
 А капиталу нѣтъ!
 Три желтенькія ложечки
 Купилъ — такъ не приходится
 Заученныя нѣ-твердо
 Присловья къ новой музыкѣ,
 Народа не смѣшать!
 Хитерь солдатъ! по времени
 Слова придумалъ новыя
 И ложки въ ходъ пошли.
 Обрадовались старому:
 „Здорово, дѣдко! сыргни-ка,
 Да выпей съ нами рюмочку,
 Да въ ложечки ударь!“
 — Забраться-то, забрался я,
 А какъ сойду, не вѣдаю:
 Ведѣтъ! — „Не бось, до города
 Опять за полной пенціей?
 Да городъ-то сгорѣлъ!“
 — Сгорѣлъ! И подѣломъ ему!
 Сгорѣлъ? такъ я до Питера!
 Тамъ всѣ мои товарищи
 Гуляютъ съ полной пенціей,
 Тамъ — дѣло разберутъ!
 „Чай, по чугунокъ тронешься?“
 Служивый посвисталъ:
 — Не долго послужила ты
 Народу православному,
 Чугунка бусурманская!
 Была ты намъ любя,
 Какъ отъ Москвы до Питера
 Возила за три рублика,
 А коли семь-то рубликовъ
 Платить, такъ чортъ съ тобой!
 Важная барыня! гордая барыня!
 Ходить, змѣєю шипить,
 „Пусто вамъ! пусто вамъ! пусто вамъ!“
 Русской деревнѣ кричить;
 Въ рожу крестьянину фиркаеть,
 Давить, увѣчить, кувиркаеть,
 Скоро весь русскій народъ
 Чисте метлы подмететь!
 — А ты ударь-ка въ ложечки,

Сказаль солдату староста:
 Народу подгулявшаго
 Покуда тутъ достаточно,
 Авось дѣла поправится.
 Орудуй живо, Климь!
 (Власъ Клима не долюбиваль.
 А чуть дѣлишко трудное
 Тотчасъ къ нему: — „Орудуй, Климь!“
 А Климь тому и радъ).

Спустили съ возу дѣдушку.
 Солдаты былъ хрупокъ на ноги.
 Высокъ и тощъ до крайности;
 На немъ сюртукъ съ медалями
 Висѣлъ какъ на шестѣ.
 Нельзя сказать, чтобъ доброе
 Лицо имѣлъ, особенно,
 Когда сводило стараго —
 Чортъ чортомъ! Ротъ ощерится,
 Глаза — что угольки!

Солдаты ударилъ въ ложечки,
 Что было вплоть до берегу
 Народу — все сбѣгается.
 Ударилъ — и зашѣлъ.

Служиваго задергало,
 Опершись на Устиньюшку,
 Онъ поднялъ ногу лѣвую
 И сталъ ее раскачивать,
 Какъ гирю на вѣсу;
 Продѣлалъ то же съ правою,
 Ругнулся: „жизнь проклятая!“
 И вдругъ на обѣ сталъ.

— „Орудуй, Климь!“ По-питерски
 Климь дѣло оборудоваль:
 По блюдцу деревянному
 Далъ дядѣ и племянницѣ,
 Поставилъ ихъ рядкомъ,
 А самъ вскочилъ на бревнышко
 И громко крикнулъ: слушайте!
 (Служивый не выдерживаль
 И часто въ рѣчь крестьянина
 Вставлялъ словечко мѣткое
 И въ ложечки стучаль).

Солдаты слегка притопываль
 И слышалось, какъ стучалась
 Сухая кость о-кость,
 А Климь молчалъ: ужъ двинулся
 Къ служивому народу.
 Все дали: по копѣечкѣ,
 По грошу, на тарелочкахъ
 Рублишко набрался...

IV.

ДОБРОЕ ВРЕМЯ—ДОБРЫЯ ПѢСНИ.

Въ замѣну спичей съ пѣснями,
 Въ подспорьи рѣчи съ дракою,
 Пирь только къ утру кончился,
 Великій пирь!.. Расходитя
 Народъ. Уснувъ, остались
 Подъ ивой напши странники,
 И тутъ же спалъ Юнушка,
 Смиренный богомоль.
 Качаясь, Савва съ Гришею
 Вели домой родителя
 И пѣли; въ чистомъ воздухѣ
 Надъ Волгой, какъ набатине,
 Согласные и сильные
 Гремѣли голоса:

Славься народу
 Давній свободу!

Доля народу,
 Счастье его,
 Свѣтъ и свобода
 Прежде всего!

Славься народу
 Давший свободу!

Благослови!...
 Господи правый!
 Счастьемъ и славой
 Дѣло Любви!

Мы же немного
 Просимъ у Бога:

Честное дѣло
Дѣлать умѣло
Силы намъ дай!

Жизнь круговая,
Другу прямая
Къ сердцу дорога,
Прочь отъ порога,
Трусь и лѣтний!
То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свѣтъ и свобода
Прежде всего!

Бѣднѣе захудалаго,
Послѣдняго крестьянина
Жилъ Трифонъ. Двѣ коморочки:
Одна съ дымящей печкою,
Другая въ сажень — лѣтняя,
И вся тутъ недолга;
Коровы нѣтъ, лошадки нѣтъ,
Была собака Зудушка,
Быль котъ — и тѣ ушли.

Спать уложивъ родителя,
Взялся за книгу Саввушка,
А Гришѣ не сидѣлося,
Ушелъ въ поля, въ луга.

У Гриши — кость широкая,
Но сильно исхудалое
Лицо — ихъ не докармливаль
Хапуга-экономъ.
Григорій въ семинаріи
Въ часъ ночи просыпается
И ужъ потомъ до солнышка
Не спитъ — ждетъ жадно ситника,
Который выдавался имъ
Со сбитнемъ по утрамъ.
Какъ ни бѣдна вахлачина,
Они въ ней отъѣдались,
Спасибо Власу-врестному

И прочимъ мужикамъ!
Платили имъ молодчики,
По мѣрѣ силъ, работою,
По ихъ дѣлишкамъ хлопоты
Справляли въ городу.
Дьячекъ хвалился дѣтками,
А чѣмъ они питаются
И думать позабылъ.
Онъ самъ былъ вѣчно голодень,
Весь тратился на поиски,
Гдѣ выпить, гдѣ поѣсть.
И былъ онъ нрава легкаго,
А будь иного, врядъ ли бы
И дожилъ до сѣдинъ.
Его хозяйка, Домнушка,
Была куда заботлива,
Зато и долговѣчности
Богъ не далъ ей. Покойница
Всю жизнь о соли думала:
Нѣтъ хлѣба — у кого-нибудь
Попросить, а за соль
Дать надо деньги чистыя,
А ихъ во всей вахлачинѣ,
Сгоняемой на барщину,
Не густо! Благо — хлѣбушкомъ
Вахлакъ дѣлился съ Домною.
Давно въ землѣ истлѣли бы
Ея родныя дѣточки,
Не будь рука вахлацкая
Щедра чѣмъ Богъ послалъ.

Батрачка безотвѣтная
На каждого, кто чѣмъ-нибудь
Помогъ ей въ черныи день,
Всю жизнь о соли думала,
О соли пѣла Домнушка,
Стирала ли, косила ли,
Баякала ли Гришеньку,
Любимаго сына.
Какъ сжалось сердце мальчика,
Когда крестьянки вспомнили
И спѣли пѣсню Домнину,
(Прозвалъ ее „Соленою“
Находчивый вахлакъ).

СОЛЕНАЯ.

Никто какъ Богъ!
Не ѣсть, не пьеть
Меньшой сынокъ,
Гляди—умреть!

Дала кусокъ,
Дала другой —
Не ѣсть, кричить:
„Посынь сольцой!“

А соли нѣтъ,
Хоть бы щепоть!
„Посынь мукой“,
Шепнулъ Господь.

Разъ-два куснулъ,
Скривилъ ротокъ.
„Солі еще!“
Кричитъ сынокъ.

Опять мукой...
А на кусокъ
Слеза рѣкой!
Поѣлъ сынокъ!

Хвалилась мать —
Сынка спасла...
Знать солона
Слеза была!..

Запомнилъ Гриша пѣсенку
И голосомъ молитвеннымъ
Тихонько въ семинаріи,
Гдѣ было темно, холодно,
Угрюмо, строго, голодно,
Пѣвалъ — тужилъ о матушкѣ
И обо всей вахлачинѣ,
Кормилицѣ своей.
И скоро въ сердцѣ мальчика
Съ любовью къ бѣдной матери
Любовь ко всей вахлачинѣ
Слились — и лѣтъ пятнадцати
Григорій твердо зналъ уже,
Что будетъ жить для счастья

Убогаго и темнаго
Родного уголка.

Довольно демонъ радости
Леталь съ мечомъ карающимъ
Надъ русскою землей.
Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
Держало на Руси!
Надъ Русью оживающей
Святая пѣсня слышится;
То ангель милосердія,
Незримо пролетающій
Надъ нею — души сильныя
Зоветь на честный путь:

Нейди просторною
Дорогой торною.
Страстей раба,

По ней громадная,
Къ соблазну жадная
Идетъ толпа.

О жизни искренней,
О цѣли высренней,
Тамъ мысль смѣшна.

Кипитъ тамъ вѣчная,
Безчеловѣчная
Вражда-война

За блага бранныя...
Тамъ души плѣнныя,
Въ цѣпяхъ умы.

Ключомъ кипящая,
Тамъ жизнь мертвящая,
Тамъ — царство тьмы...

* *
*

Иные — чистые
Пути тернистые
Обрѣтены...

Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ —
По ихъ стопамъ.

Гдѣ трудно дышется,
Гдѣ горе слышится,
Будь первый тамъ!

И ангель милосердія
Не даромъ съ чудной пѣсней
Надъ Гришею виталь.
Года ученья минули,
И юноша, отмѣченный
Печатью дара божьяго,
Сталь пылкимъ и восторженнымъ
Пѣвцомъ освобожденія
Униженныхъ, обиженныхъ
На всей святой Руси.

Свѣтило солнце ласково,
Дышало утро раннее
Прохладой, ароматами
Косимыхъ всюду травъ...

Григорій шелъ задумчиво
Сперва большой дорогою
(Старинная: съ высокими
Курчавыми березами,
Прямая, какъ стрѣла).
Ему то было весело,
То грустно. Возбужденная
Вахлацкою пирушкою,
Въ немъ сильно мысль работала
И въ пѣснѣ излилась:

Въ минуты унынья, о, родина-мать!
Я мыслью впередъ улетаю.
Еще суждено тебѣ много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

Быль гуще невѣжества мракъ надъ тобой,
Удушливый сонъ непробудной,
Была ты глубоко-несчастной страной,
Подавленной рабски-безсудной.

Давно ли народъ твой игрушкой служилъ
Позорнымъ страстямъ господина?
Потомокъ татаръ какъ копя выводилъ
На рынокъ раба-славянина,

И русскую дѣву влекли на позоръ,
Свирѣпствовалъ бичъ безъ боязни,
И ужасъ народа при словѣ „наборъ“
Подобенъ былъ ужасу казни?

Довольно! Оконченъ съ прошедшимъ расчетъ,
Оконченъ расчетъ съ господиномъ!
Сбирается съ силами русской народъ
И учится быть гражданиномъ,

И ношу твою облегчила судьба,
Сопутница дней славянина!
Еще ты въ семействѣ — раба,
Но мать уже вольнаго сына!

Сманила Гришу узкая,
Извилистая тропочка,
Черезъ хлѣба бѣгущая,
Въ широкій лугъ подкошенный
Спустился онъ по ней.
Въ лугу траву сушившія
Крестьянки Гришу встрѣтили
Его любимой пѣсней.
Всгрустнулось крѣпко юношѣ
По матери страдалицѣ,
А пуще злость брала.
Онъ въ лѣсъ ушелъ. Аукаясь,
Въ лѣсу, какъ перепелочки
Во ржи — бродили малые
Ребята (а постарше-то
Ворочали сѣнцо).
Онъ съ ними кузовъ рижиковъ
Набралъ. Ужъ жжется солнышко;
Ушелъ къ рѣкѣ. Купается,
Три дня тому сгорѣвшаго,
Обугленного города
Картина передъ нимъ:
Ни дома уцѣлѣвшаго,
Одна тюрьма спасенная,

Недавно побѣленная,
 Какъ бѣлая коровушка
 На выгонѣ стоитъ.
 Начальство тамъ поспириталось,
 А жители подѣ берегомъ,
 Какъ войско стали лагеремъ.
 Все спитъ еще, не многіе
 Проснулись: два подъячіе,
 Придерживая полочки
 Халатовъ, пробираются
 Между шкафами, стульями,
 Узлами, экипажами,
 Къ палаткѣ-бабаку.
 Туда-жъ портняга скорченный
 Аршинъ, утюгъ и ножницы
 Несетъ — какъ листъ дрожитъ.
 Возставъ отъ сна съ молитвою,
 Причесываетъ голову
 И держитъ на отлетѣ,
 Какъ дѣвка, косу длинную,
 Высокій и осанистый
 Протоерей Стефанъ.
 По сонной Волгѣ медленно
 Плоты съ дровами тянутся,
 Стоять подѣ правымъ берегомъ
 Три барки нагруженныя:
 Вчера бурлаки съ пѣснями
 Сюда ихъ привели.
 А вотъ и онъ — измученный
 Бурлакъ! походкой праздничной
 Идетъ, рубаха чистая,
 Въ карманѣ мѣдь звенить.
 Григорій шелъ, поглядывалъ
 На бурлака довольнаго,
 А съ губъ слова срывался
 То шопотомъ, то громкія.
 Григорій думалъ вслухъ:

БУРЛАКЪ.

„Плечами, грудью и спиной
 Тянулъ онъ барку бичевой,
 Поддневный зной его палилъ
 И потъ съ него ручьями лилъ.

И падалъ онъ, и вновь вставалъ,
 Хрипя „дубинушку“ стоналъ;
 До мѣста барку дотянулъ
 И богатырскимъ спомъ уснулъ,
 И, въ банѣ смывъ поутру потъ,
 Безпечно пристанью идетъ.
 Зашиты въ поясъ три рубля.
 Остаткомъ — мѣдью — шевеля,
 Подумалъ мигъ, зашелъ въ кабакъ
 И молча кинулъ на верстаки
 Трудомъ добытые гроши,
 И, выпивъ, крякнулъ отъ души.
 Перекрестилъ на церковь грудь:
 Пора и въ путь! пора и въ путь!
 Онъ бодро шелъ, жевалъ калачъ,
 Въ подарокъ несъ женѣ кумачъ,
 Сестрѣ платокъ, а для дѣтей
 Въ сусальномъ золотѣ коней.
 Онъ шелъ домой — не близкій путь.
 Дай Богъ дойти и отдохнуть!“

Съ бурлака мысли Гришины
 Ко всей Руси загадочной,
 Къ народу перешли.
 И долго Гриша берегомъ
 Бродилъ, волнуясь, думая,
 Покуда пѣсней новою
 Не утолилъ натруженной,
 Горящей головы.

РУСЬ.

Битву кровавую
 Съ сильной державою
 Царь замышлялъ.
 — Хватить ли силушки?
 Хватить ли золота?
 Думалъ, гадалъ.

Ты и убогая,
 Ты и обильная,
 Ты и могучая,
 Ты и безсильная,
 Матушка-Русь!

Въ рабствѣ спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила пародная,
Сила могучая: —
Совѣсть спокойная,
Правда живучая!

Сила съ неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается —

Русь не шелохнется,
Русь — какъ убитая!
А загорѣлась въ ней
Искра сокрытая —

Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается —
Неисчислимая,
Сила въ ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и весильная,
Матушка-Русь!..

IV.

„Удалась мнѣ пѣсенка!“ Молвилъ Гриша,
прыгая:

„Горячо сказалася правда въ ней великая!
„Завтра же спую ее вахлячкамъ — не все же
имъ

„Пѣсни пѣть унылыя... Помогай, о Боже, имъ!
„Какъ съ игры, да съ бѣгання щеки разго-
раются,

„Такъ съ хорошей пѣсенки духомъ подни-
маются

„Бѣдные, забытые...“ Прочитавъ торжественно
Брату пѣсню новую (братъ сказалъ: „боже-
ственно!“),

Гриша спать попробовалъ. Спалосся, не спа-
лосся,

Краше прежней пѣсенка въ полуснѣ слага-
лася;

Быть бы нашимъ странникамъ подъ родною
крышею,

Еслибъ знать могли они, что творилось съ
Гришею.

Слышалъ онъ въ груди своей силы необъ-
ятныя,

Услаждали слухъ его звуки благодатныя,
Звуки лучезарныя гимна благороднаго —

Пѣлъ онъ воплощеніе счастья народнаго!..

Октябрь, 1876.

Ялта.

ДѢТСТВО.

Неоконченныя записки.

I.

Въ первые годы младенчества
 Помню я церковь убогую,
 Стѣны ея деревянныя,
 Крышу неровную, сѣрую,
 Мохомъ зеленымъ поросшую.
 Помню я горе отцовское:
 Толки его съ прихожанами,
 Что угрожаетъ обрушиться
 Старое, ветхое зданіе.
 Часто они совѣщались,
 Какъ обновить отслужившую
 Бѣдную церковь приходскую;
 Поговоривъ, расходились,
 Храмъ окружали подпорками,
 И продолжалось служеніе.
 Въ ветхую церковь безтрепетно
 Въ праздники шли православныя, —
 Шли старики престарѣлые,
 Шли малолѣтки безпечныя,
 Бабы съ грудными младенцами.
 Въ ней причащались, вѣнчались,
 Въ ней отпѣвали покойниковъ...

Синее небо виднѣлось
 Въ трещины стараго купола,
 Дождь иногда въ эти трещины
 Падалъ: по лицамъ молящихся
 И по иконамъ угодниковъ
 Крупныя капли струились.
 Ими случайно омытыя,
 Обыкновенно чуть видныя,
 Темныя лики святителей
 Вдругъ выступали... Боялась я, —
 Словно въ семью нашу мирную
 Люди вошли незнакомые,
 Съ мрачными, строгими лицами...

То растворялось нечаянно
 Вѣтромъ окошко непрочное,
 И въ заунывно-печальное

Пѣніе гимна церковнаго
 Звонкая пѣсня вторгалася,
 Полная горя житейскаго —
 Пѣсня суроваго пахара!..

Помню я службу послѣднюю:
 Громъ загремѣлъ неожиданно,
 Все сотрясенное зданіе
 Долго дрожало, готовое
 Рухнуть: лампы горящія,
 Паникадилы качались,
 Съ звономъ упали тяжелыя
 Ризы съ иконы Спасителя,
 И растворилась безвременно
 Дверь алтыря. Православныя
 Въ ужасѣ ницъ преклонилися —
 Божьяго ждали рѣшенія!..

II.

Ближе къ дорогѣ красивая,
 Новая церковь кирпичная
 Гордо теперь возвышается
 И заслоняетъ развалины
 Старой. Изъ ветхаго зданія
 Взяли убранство убогое,
 Вынесли утварь церковную,
 Но до остатковъ строенія
 Руки мірянъ не коснулись.
 Словно больной, отъ котораго
 Врачъ отказался, оставлено
 Времени старое зданіе.
 Ласточки тамъ поселилися —
 То вылетали оттудова,
 То возвращались стремительно,
 Громко привѣтствуя птенчиковъ
 Звонкимъ своимъ щебетаніемъ...

Въ землю вrostая медлительно,
 Эти остатки убогія
 Преобразились въ развалины
 Страшныя, чудно красивыя,
 Дверь завалилась, обрушился
 Куполь; оторваны бурею,
 Ветхія рамы попадали;

Травами густо проросшія
Въ зелени стѣны терялися,
И простирали въ раскрытыя
Окна — березы сосѣднія
Вѣтви свои многолистья...

Ихъ сѣмена, занесенныя
Вѣтромъ на крышу неровную,
Дали отростки: любила я
Эту березку кудрявую,
Что возвышалась тамъ, стройная,
Съ блѣдно-зелеными листьями.
Точно вчера только ставшая
На ноги рѣзвая дѣвочка,
Что ужъ сегодня вскарабкалась
На высоту, — и безтрепетно
Смотритъ оттуда, съ смѣющимся,
Смѣлымъ и ласковымъ личикомъ...

Птицы носились тамъ стаями,
Тамъ стрекотали кузнечики,
Да деревенскіе мальчики
И русокудры дѣвочки
Живмя тамъ жили: по тропочкамъ
Между высокими травами
Бѣгали, звонко аукались,
Пѣли веселія пѣсенки.
Тамъ мое дѣтство безпечное
Мирно летѣло... Играла я,
Помню, однажды съ подругами
И набѣжала нечаянно
На полусгнившее дерево.
Пылью обдавъ меня, дерево
Вдругъ подо мною разсыпалось:
Я провалилась въ развалины,
Внутрь заустѣлаго зданія,
Гдѣ не бывала со времени
Службы послѣдней...

Объятая

Трепетомъ, я оглядѣлася:
Гиѣздышекъ рядъ подь карнизами,
Ласточки смотреть изъ гиѣздышекъ,
Словно киваютъ головками;
А по стѣнамъ молчаливыя,

Строгія лица угодниковъ...
Перекрестилась невольно я, —
Жутко мнѣ было! дрожала я,
А уходитъ не хотѣлося.
Чудилось мнѣ: наполняется
Церковь опять прихожанами;
Голосъ отца престарѣлаго,
Пѣніе гимновъ божественныхъ,
Вздохи и шопотъ молитвенный
Слышались мнѣ, — простояла-бы
Долго я тутъ неподвижная,
Если бы вдругъ не услышала
Криковъ: „Нараша! да гдѣ же ты?..“
Я отозвалась; нахлынули
Дѣти гурьбой, — и наполнились
Звуками жизни развалины,
Гдѣ столько лѣтъ ужъ не слышались
Голосъ и шагъ человѣческій!..

НАКАНУНЬ СВѢТЛАГО ПРАЗДНИКА

Изъ стихотвореній, посвященныхъ русскимъ дѣтямъ.

I.

Я ѣхалъ къ Ростову
Высокимъ холмомъ;
Лѣсокъ малорослый
Танулся на немъ:

Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слѣва — долина
Какъ скатерть ровна.

Пестрѣлъ деревнями,
Дорогами доль,
Онъ все понижался
И къ озеру шелъ.

Ни озера, дѣти,
Забуть не могу,

Ни церкви на самомъ
Его берегу:

Тутъ чудо-картину
Я видѣлъ тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда...

II.

Начну по порядку:
Я ѣхалъ весной,
Въ страстную субботу,
Предъ самой Святой.

Домой поспѣшая
Съ тяжелыхъ работъ,
Съ утра мнѣ встрѣчался
Рабочій народъ;

Скучая смертельно,
Рѣшалъ я вопросъ:
Кто плотникъ, кто слесарь,
Малырь, водовозъ?

Нетрудное дѣло!
Идутъ кузнецы—
Кто ихъ не узнаетъ?
Они молодцы

И пѣть, и ругаться,
Да—день не такой!
Идетъ кривоногой
Гуляка-портной:

Въ одномъ сертучишкѣ,
Фуражка, какъ блинъ, —
Гармонія, трубка,
Утюгъ и аршинъ!

Смотрите—красильщикъ!
Узнаешь сейчасъ:
Носъ выпачканъ охрой
И сурикомъ глазъ;

Опъ кисти и краски
Несетъ за плечомъ,
И словно ландкарта
Передникъ на немъ.

Вотъ пальчики: сайку
Угромо жуютъ,
И словно солдаты
Всѣ въ ногу идутъ,

А пилы стальные
У добрыхъ ребятъ,
Какъ рыбы живыя
На плечахъ дрожать!

Я добраго веѣмъ имъ
Желаю пути;
Въ родниа деревни
Скорѣ придти,

Омытъ съ себя копотъ
И потъ трудовой,
И встрѣтить Святую
Съ веселой душой...

III.

Стемяѣло. Болтая
Съ моимъ ямникомъ,
Я ѣхалъ все тѣмъ же
Высокимъ холмомъ,

Взглянулъ на долину,
Что къ озеру шла,
И вижу—долина
Моя ожила:

На каждой тропинкѣ,
Ведущей къ селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу

Огни озарили:
Куда-то идетъ
Съ пучками горящей
Соломы народъ.

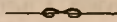
Куда? Я подумать
О томъ не успѣлъ,
Какъ колоколъ громко
Отвѣтъ прогудѣлъ!

У озера ярко
Горѣли костры, —
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,

При свѣтѣ горящей
Соломы, — толпы...
У Божьяго храма
Сходились тропы, —

Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дѣти,
Картина была!..

20 Марта
1873.

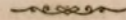
Начинается всюду работа;
Возвѣстили пожаръ съ каланчи;
На позорную площадь кого-то
Провезли—тамъ ужъ ждутъ палачи.

Проститутка домой на разсвѣтѣ
Поспѣшаетъ, покинувъ постель;
Офицеры въ наёмной каретѣ
Скачутъ за городъ: будетъ дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спѣшатъ за прилавки засѣсть:
Цѣлый день имъ обмѣривать нужно,
Чтобы вечеромъ сытно поѣсть.

Чу! изъ крѣпости грянули пушки!
Наводненье столицѣ грозить...
Кто-то умеръ: на красной подушкѣ
Первой степени Анна лежитъ.

Дворникъ вора колотить—попался!
Гонять стадо гусей на убой;
Гдѣ-то въ верхнемъ этажѣ раздался
Выстрѣлъ—кто-то покончилъ съ собой...

УТРО.

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Вѣрю—здѣсь не страдать мудрено.
Съ окружающей насъ нищетой
Здѣсь природа сама за-одно.

Безконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрая, сонныя галки,
Что сидятъ на вершинѣ стога;

Эта кляча съ крестьяниномъ пьянымъ,
Черезъ силу бѣгущая вскачь
Въ даль, сокрытую синимъ туманомъ,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и городъ богатый:
Тѣ же тучи по небу бѣгутъ;
Жутко нервамъ—железной лопатой
Тамъ теперь мостовую скребуть.

НАДЪ ЧѢМЪ МЫ СМѢЕМСЯ.

Разъ сказалъ я за пирушкой:
„До свиданія, друзья!
Вечеръ съ матушкой старушкой
Проведу сегодня я:
Нездорова—ей не спится,
Надо бѣдную занять“...
Съ той поры, когда случится
Мнѣ съ друзьями пировать,
Какъ запасъ вѣстей изсякнетъ
И настанетъ тишина,
Кто-нибудь навѣрно бражнеть:
„Человѣкъ! давай вина!
Выпьемъ мы еще по чашѣ
И—туда... живѣй, холопъ!
Ну... а ты—иди къ мамашѣ!
Ха! ха! ха.“ Хоть пулю въ лобъ!

Водовозъ воды боченокъ
 Въ гололедицу тащилъ;
 Старъ и слабъ, какъ щепка тонокъ,
 Бѣдный выбился изъ силъ.
 Я усталому салазки
 На бугоръ помочь везти.
 На бѣду, въ своей коляскѣ,
 Мчался Митя по пути —
 Какъ всегда, румянь и свѣтель,
 Онъ рукою мнѣ послалъ
 Поцѣлуй, — онъ все замѣтилъ
 И друзьямъ пересказалъ.
 Съ той поры мнѣ нѣтъ проходу:
 Филантропъ да филантропъ!
 „Что? возилъ сегодня воду?..“
 Ха! ха! ха!.. Хоть пулю въ лобъ!

ПОЭТУ.

Памяти Шиллера.

Гдѣ вы — пѣвцы любви, свободы, мира
 И доблести?.. Вѣкъ „крови и меча!“
 На тронъ земли ты посадилъ банкира,
 Провозгласилъ героемъ палача..

Толпа гласить: „пѣвцы не нужны вѣку!“
 И нѣтъ пѣвцовъ... Замолкло божество...
 О, кто жъ теперь напомнить человѣку
 Высокое призваніе его?..

Прости слѣпцамъ, художникъ вдохновенный,
 И возвратись!.. Волшебный факель свой,
 Погашенный рукою дерзновенной,
 Вновь засвѣти надъ гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
 Нашъ падшій духъ внеси на высоту,
 Чтобъ человѣкъ не мертвыми очами
 Могъ созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убійство, святотатство!
 Сорви вѣнды съ предательскихъ головъ,
 Увлечшихъ міръ съ пути любви и братства,
 Стяжаннаго усилями вѣковъ,

На путь вражды!.. Въ его дѣла и чувства
 Гармонію внести лишь можешь ты.
 Въ твоей груди, гонимый жрецъ искусства,
 Тронъ истины, любви и красоты.

НОЧЛЕГИ.

I.

НА ПОСТОЯЛОМЪ ДВОРѢ.

Вступили кони подъ навѣсъ,
 Гремя безчеловѣчно.
 Усталый, я съ телѣги слѣзь,
 Ночлегу радъ сердечно.

Спрыгнули псы; задорный лай
 Наполнилъ всю деревню,
 Впустилъ насъ дворникъ Николай
 Въ убогую харчевню.

Усердно кушая леща,
 Сидѣлъ ужъ тамъ прохожій
 Въ пальто съ господскаго плеча:
 „Спознились, сударь, тоже!“

Онъ, низко кланяясь, сказалъ.
 — Да, нынче дни коротки.
 Усѣлся я, а онъ стоялъ.
 — Садитесь! выпьемъ водки!

Прохожій выпилъ рюмки двѣ
 И разболтался съ-разу:
 „Иду домой... а жиль въ Москвѣ...
 До царскаго указу

„Былъ крѣпостной: отецъ и дѣдъ
 Помѣщикамъ служили.

Мнѣ было двадцать-восемь лѣтъ,
Какъ волю объявили;

„Нашъ баринъ сталъ куда какъ лихъ,
Сердился, придирался,
А передъ самымъ срокомъ стихъ,
Съ рабами попрощался;

„Сказалъ намъ: — „Вольны вы теперь“,
И очи помутились:
— „Идите съ Богомъ!“ Вѣрь, не вѣрь,
Мы тоже прослезились,

„И потянулись кто куда...
Пришелъ я въ городишко,
А тамъ ужъ цѣлая орда
Такихъ же — нѣтъ мѣстипека!

„Рѣшился я идти въ Москву,
Въ конторѣ записался,
И вышло мѣсто къ Покрову.
Не баринъ — кладъ попался!

„Сначала, правда, злился онъ,
Чѣмъ больше угождаю,
Тѣмъ онъ грубѣй: прогонитъ вонъ...
За чтó?.. Не понимаю!

„Да съ нимъ,— какъ я смекнулъ позднѣй, —
Знать надо было штучку:

Сплошалъ — сознайся поскорѣй,
Не лги, не чмокай въ ручку!

„Не то разсердишь: — Ермолай!“
Опомнись! какъ не стыдно!
Привычки рабства покидай!
Мнѣ за тебя обидно!

— „Ты человѣкъ! ты гражданинъ!
Знай: сила не въ богатствѣ,
Не въ томъ — великъ ли, малъ ли чинъ,
А въ равенствѣ и братствѣ!

— „Я раболѣизва не терплю,
Не льсти, не унижайся!
Случится можетъ: самъ вспылю —
И мнѣ не поддавайся!..“

„Работы мало да и той
Самъ половину правилъ;
Я захворалъ — всю ночь со мной
Сидѣлъ — пивки ставилъ;

„За каждый шагъ благодарилъ.
Съ любовью, не со страхомъ
Три года я ему служилъ —
И вдругъ пошло все прахомъ!

„Однажды онъ сердитый всталъ,
Порѣзался, какъ брился,
Все не по немъ! весь день ворчалъ,
И вдругъ совсѣмъ озлился.

„Кастить!..— Потише, господинь!
Сказалъ я, вспыхнувъ тоже.
— „Какъ! что?.. Зазнался, хамовъ сынъ!“
И хлопъ меня по рождѣ!

„По старой памяти, я прочъ,
А онъ за мной — бѣдовый!..
— Такъ вотъ, продумалъ я всю ночь,
Каковъ онъ — баринъ новый!

„Такія рѣчи поведетъ,
Что слушать любо-мило,
А кончить тѣмъ же, что прибѣтъ!
Нѣтъ, прежде проще было!

„Обидно! Я его считалъ
Не бариномъ, а братомъ...
Настало утро — не позвалъ;
Свернувшись подъ халатомъ,

„Стоналъ, какъ раненный, весь день,
Не выпилъ чашки чаю...
А ночью баринъ словно тѣнь
Прокрался къ Ермолаю:

„Впередъ оставился лицомъ:
— „Ударь меня скорѣе!
Мнѣ легче будетъ!..“ (Мертвецомъ
Глядѣлъ онъ, былъ бѣлѣ

„Своей рубахи): — „Мы равны,
Да я сплошалъ... я знаю...“

Какъ быть! сквитаться мы должны...
Ударь!.. Я позволяю.

— „Не такъ ли, другъ? Скорѣе хлопъ —
И снова правы, святы...“
— Не такъ! Вы баринъ — я холопъ,
Я бѣдень, вы богаты!

(Сказалъ я). Долженъ я служить,
Пока стаётъ терпѣнья,
И я служить готовъ... а бить
Не буду... съ позволенья!

„Онъ все свое, а я свое,
Споръ долго продолжался,
Смекнулъ я: тутъ мнѣ не житье!
И съ бариномъ разстался.

„Иду покаместъ въ Арзамасъ,
Тамъ уменя невѣста...
Нельзя ли будетъ черезъ васъ
Достать другое мѣсто?..“

II.

НА ПОГОРЬЛОМЪ МѢСТѢ.

Слава Богу, хоть ночь-то свѣтла!
Увлекаться такъ глупо и стыдно.
Мы устали, промокли до тла,
А кругомъ деревеньки не видно.

Наконецъ увидалъ я бугоръ,
Тамъ угрюмыя сосны стояли
И подъ ними дымился костеръ,
Мы съ Трофимомъ * туда побѣжали.

„Горевали, а вотъ и ночлеги!“
— Таборъ, что ли, цыганскій тамъ? Нѣту!
Не видать ни коней, ни телѣгъ,
Незамѣтно и краснаго цвѣту.

„У цыганокъ, куда ни взгляни,
Красный цвѣтъ — это первое дѣло!“

— Косари? „Кабы были они,
Хоть одна бы тутъ женщина пѣла“.

— Пастухи ли огонь развели?..
Черезъ пни погорѣлаго бора
Къ неширокой рѣкѣ мы пришли
И разгадку увидѣли скоро:

Погорѣльцы разбили тутъ станъ.
Къ намъ на встрѣчу ребята бѣжали:
„Не видали вы нашихъ крестьянъ?
Побираться пошли — да пропали!“

— Не видали!.. Весь таборъ притихъ...
Звучно щиплетъ траву лошадевка,
Бабы нянчатъ младенцевъ грудныхъ,
Утѣшаетъ ребятъ старушонка:

— Воля божья! усните скорѣй!
Эту ночь потерпите вы только!
Завтра вамъ накуплю калачей.
Вотъ и деньги... Смотрите-ка, сколько!

— Гдѣ ты, баушка, денегъ взяла?
— „У оконца, на мѣсячномъ свѣтѣ,
Въ ночи зимнія пряжу пряла...“
Побренчали казной ея дѣти...

Старый дѣдъ, словно царь Соломонъ,
Раздалъ имъ кой-какую одѣжу.
Патріархомъ библейскихъ временъ
Онъ глядѣлъ, завернувшись въ рогузу:

Величавая строгость въ чертахъ,
Черепъ голый, нависшія брови,
На груди и на голыхъ ногахъ
Слѣдъ недавнихъ обжоговъ и крови.

Мой вожатый къ нему подлетѣлъ:
— Здравствуй, дѣдко! „Живите здоровы!“
— Погорѣли? А хлѣбъ уцѣлѣлъ?
Уцѣлѣли лошадки, коровы?..

„Хлѣбу было сгорѣтъ мудрено“,
Отвѣчалъ патріархъ неохотно:
„Мы его не имѣли давно.
Спите, дѣтки, окутавшись плотно!“

* Проводникъ.

„А къ костру не ложитесь: огонь
Подползеть — опалить волосенки.
Уцѣлѣлъ — изъ двѣнадцати — конь,
Изъ семнадцати — три коровенки“.

— Нѣтъ и вашихъ дремучихъ лѣсовъ?
Вѣкъ росли, а въ недѣлю пропали!
„Соблазняли они мужиковъ,
Шутка! сколько у барипа крали!“

Молча взялъ онъ ружье у меня,
Осмотрѣлъ, осторожно поставилъ.
Я сказалъ: — Безпощаднѣй огня
Нѣтъ врага — ничего не оставилъ!

„Не скажи. Разсудила судьба,
Что нельзя же безъ древа-то въ мѣрѣ
И оставила намъ на гроба
Эти сосны...“ (Ихъ было четыре)...

III.

У ТРОФИМА.

Звѣзды осени мерцають
Тускло, мѣсяць безъ лучей;
Кони бережно ступають,
Рѣки налило съ дождей.

Поскорѣй бы къ самовару!
Нетерпѣніемъ томимъ,
Жадно я курю сигару
И молчу. Молчить Трофимъ,

Онъ сказалъ мнѣ: „Мѣсяць въ небѣ,
Словно сайка на столѣ“ —
Значить: думаетъ о хлѣбѣ,
Я мечтаю о теплѣ.

Ѣдемъ... Ѣдемъ... Тучи вьются
И бѣгутъ... Конца имъ нѣтъ!
Если разомъ всѣ прольются —
Поминай, какъ звали свѣтъ!

Вотъ и наша деревенька!
Встрепенулся спутникъ мой:

„Есть тутъ валенки, надѣнь-ка!“
— Чаю! рому!.. Все долой!..

Вотъ погашена лучина,
Ночь, но оба мы не спимъ.
У меня своя причина,
Но чего не спитъ Трофимъ?

— Чтѣ ты охаешь, Степаничъ?
„Страшно, баринъ! мочи нѣтъ.
Вспомнилъ то, чего бы на-ночь
Вспоминать совѣмъ не слѣдъ!“

„И откуда чортъ приводить
Эти мысли? Бороню,
Управляющій подходитъ,
Низко голову клоню,

„Поглядѣть въ глаза не смѣю,
Да и онъ-то не глядитъ —
Знай накладываетъ въ шею.
Шея, вѣришь ли? трещить!“

„Только стану забываться,
Голосъ барина: Трофимъ!
Недоимку! Кувыркаться
Начинаю передъ нимъ...“

— Страшно, видно, воротиться
Къ недалекой старицѣ?
„Такъ ли страшно, что мутится
Вся утробушка во мнѣ!“

„И теперь уйдешь весь въ пятки,
Какъ посредникъ налетитъ,
Да съ Трофима взятки гладки:
Попумитъ и укатитъ!“

„И теперь въ квашнѣ солома
Перемѣшана съ мукой,
Да за то покойно дома,
А бывало — волкомъ вой!“

„Дѣти были малолѣтки,
Я дрожалъ и за дѣтей,
Какъ цыплятъ изъ-подъ насѣдки
Выветъ — пикнуть не посмѣй!“

„Какъ томили! Какъ пороли!
Сыну сказывать начну —
Сынъ не вѣрять: А давно ли?..
Дочку бариномъ пугну —

„Дѣвка прыснетъ, захохочетъ:
— Шутишь, батька!“
— Погоди!

Если только Богъ захочетъ,
То ли будетъ впереди!

— Есть у васъ въ округѣ школы?
„Есть“. -- Учите-ка дѣтей!
Не бѣда, что люди голы,
Лишь бы стали поуниѣй.

— Перестанетъ ѣсть солону,
Трусу праздновать народъ...
И твой внукъ отцу родному
Не повѣритъ въ свой чередъ.

ТРИ ЭЛЕГИИ.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ.

I.

Ахъ! что изгнанье, заточенье!
Захочетъ — выручить судьба!
Что врагъ! — возможно примиренье,
Возможна равная борьба;

Какъ гнѣвъ его ни безпредѣленъ,
Онъ промахнется въ добрый часъ...
Но той руки ударъ смертеленъ,
Которая ласкала насъ!..

Одинъ, одинъ!.. А ту, къмъ полны
Мои ревнивыя мечты,
Умчали роковыя волны
Пустой и милой суеты.

Въ ней сердце жаждетъ жизни новой,
Не сносить горестей оно
И доли трудной и суровой
Со мной не дѣлать ужъ давно...

И тайна все: печаль и мѹку
Она сокрыла глубоко?
Или рѣшилась на разлуку
Благоразумно и легко?

Кто скажетъ мнѣ?.. Молчу, скрываю
Мою ревнивую печаль,
И столько счастья ей желаю,
Чтобъ было прошлаго не жаль!

Что-жъ, если сбудется желанье?..
О, нѣтъ! живеть въ душѣ моей
Неотразимое сознание,
Что безъ меня нѣтъ счастья ей!

Все, чѣмъ мы въ жизни дорожили,
Что было лучшаго у насъ —
Мы на одинъ алтарь сложили —
И этотъ пламень не угасъ!

У береговъ чужого моря,
Вблизи, вдали онъ ей блеснетъ
Въ минуту сиротства и горя,
И — вѣрю я — она придетъ!

Придетъ... и какъ всегда, стыдлива,
Нетерпѣлива и горда,
Потупить очи молчаливо.
Тогда... Что я скажу тогда?..

Безумецъ! для чего тревожишь
Ты сердце бѣдное свое?
Простить не можешь ты ее —
И не любить ее не можешь!..

II.

Бьется сердце безповойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетѣло, какъ гроза.

Вспоминаю очи ясныя
 Дальней странницы моей,
 Повторяю стансы страстные,
 Что сложилъ когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
 Улетимъ съ тобою вновь
 Въ ту страну обѣтованную,
 Гдѣ вѣчала насъ любовь!

Розы тамъ цвѣтутъ душистѣе,
 Тамъ лазурнѣй небеса,
 Соловьи тамъ голосистѣе,
 Густолиственнѣй лѣса...

III.

Разбиты всѣ привязанности, разумъ
 Давно вступилъ въ суровыя права,
 Гляжу на жизнь невѣрующимъ глазомъ...
 Все кончено! Сѣдѣть голова.

Вопросъ рѣшень: трудись, пока годишься,
 И смерти жди, она педалека...
 Зачѣмъ же ты, о, сердце! не мирись
 Съ своей судьбой?.. О чемъ твоя тоска?..

Непрочно все, что нами здѣсь любимо,
 Что день — сдаемъ могилѣ мертвеца,
 Зачѣмъ же ты въ душѣ неистребима
 Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... умри!..

УНЫНІЕ.

I.

Сгорѣло ты, гнѣздо моихъ отцовъ!
 Мой садъ заглохъ, мой домъ безлѣдно
 сгинулъ,
 Но я рѣки любимой не покинулъ.

Вблизи ея песчаныхъ береговъ
 Я и теперь на лѣто укрываюсь
 И, отдохнувъ, въ столицу возвращаюсь
 Съ запасомъ силъ и ворохомъ стиховъ.
 Мой черный конь, съ Кавказа приведенный,
 Умень и смѣль, — какъ вихорь онъ летитъ,
 Еще отцомъ къ охотѣ приученный,
 Какъ вкопанный при выстрѣлѣ стоитъ.
 Когда „Кадо“ * бѣжитъ опушкой лѣса
 И глухаря нечаянно спугнетъ,
 На всемъ скаку остановивъ „Черкеса“ **,
 Спущу курокъ — и птица упадетъ.

II.

Какой восторгъ! За перелетной птицей
 Гонюсь съ ружьемъ, а вольный вѣтеръ шивъ
 Сметаетъ соръ, навѣянный столицей,
 Съ души моей. Я духомъ бодръ и живъ,
 Я тѣломъ здоровъ. Я думаю... мечтаю...
 Не чувствовать надъ мыслью молотка
 Я не могу, какъ сильно ни желаю;
 Но если онъ приподнять хоть слегка,
 Но если я о немъ позабываю
 На полчаса, — и тѣмъ я дорожу.
 Я самъ себя, читатель, нахожу,
 А это все, что нужно для поэта.
 Такъ шли дѣла; но нынѣшнее лѣто
 Не задалось: не заряжалъ ружья
 И не писалъ еще ни строчки я.

III.

Мнѣ совѣстно признаться: я томлюсь,
 Читатель мой, мучительнымъ недугомъ.
 Чтобъ отъ него отдѣлаться, дѣлюсь
 Я имъ съ тобой: ты быть умѣешь другомъ,
 Довѣриться тебѣ я не боюсь.
 Недугъ не новъ (но сила вся въ размѣрѣ),
 Его зовутъ уныньемъ; въ старину
 Я храбро съ нимъ выдерживалъ войну,

* Собака.

** Лошадь.

Иль хоть смягчалъ трудомъ по крайней мѣрѣ,
А нынче съ нимъ не оберусь хлопотъ.
Быть можетъ, есть причина въ атмосферѣ,
А можетъ быть, мнѣ знать себя даетъ,
Друзья мои, пятидесятый годъ.

IV.

Да, онъ насталь — и требуетъ отчета!
Когда зима намъ кудри убѣлить,
Приходить къ намъ неожиданная забота
Свести итогъ... О, юноши! грозить
Она и вамъ, судьба не пощадитъ:
Наступитъ часъ разсчитываться строго
За каждый шагъ, за цѣлой жизни трудъ,
И мстящаго, зовущаго на судъ
Въ душѣ своей вы ощутите бога.
Богъ старости — неумолимый богъ.
(Отъ юности готовьте вашъ итогъ!)

V—VI—VII.

Приходить онъ къ прожившему полвѣка.
И говорить: „Оглянемся назадъ,
Поищемъ дѣлъ, достойныхъ человѣка...“
Увы! ихъ нѣтъ! однихъ ошибокъ рядъ!
Жестокій богъ! Онъ далъ двойное зрѣнье
Моимъ очамъ; пылливое волненье
Родилъ въ умѣ, истерзанномъ тоской,
И, прослѣдивъ со мной неумолимо
Всю жизнь мою, вопросъ неотразимый
Насмѣшливо поставилъ предо мной:
Зачѣмъ ты жилъ?..

.....

VIII.

Враги мои рѣшаютъ его согласно,
Всѣхъ мѣрая на собственный аршинъ,
Въ чужой душѣ они читаютъ ясно;
Но мой судья — читатель-гражданинъ,
Лишь въ судъ его храню слѣбую вѣру.

Суди же ты, къѣмъ взысканъ я не въ мѣру,
Еще мой трудъ тобою не забыть
И знаешь ты: во мнѣ нѣтъ силъ героя —
Тотъ не герой, кто лавромъ не увить
Иль на щитѣ не вынесенъ изъ боя, —
Я рядовой (теперь ужъ инвалидъ)...

IX.

Суди, рѣшай! А ты, мечта больная,
Воспрянь, и мѣръ безстрашно облетая,
Мой умъ къ труду, къ покою возврати!
Чтобъ отдохнуть душою несвободной,
Иду къ рѣкѣ — кормилицѣ народной...
Съ младенчества на этомъ мнѣ пути
Знакомо все... Знакомой грусти волны
Лѣнныя, медлительныя волны...
О чемъ ихъ грусть?.. Бывало, каждый день
Я здѣсь бродилъ въ раздумьи молчаливомъ
И слышалъ я въ ихъ ропотѣ тоскливомъ
Тоску и скорбь спопутныхъ деревень..

X.

День свечерѣлъ. Томимъ тоскою вялой,
То по лѣсамъ, то по лугу брожу.
Уныніе въ душѣ моей усталой,
Уныніе — куда ни погляжу.
Вотъ дождь пошелъ и громъ готовъ ужъ гря-
нуть:
Косцы бѣгутъ проворно подѣ шатры!
А я дождемъ спасаюсь отъ хандры,
Но, видно, мнѣ и нынче не воспринуть!
Упала ночь, зажглись въ лугахъ костры,
Иду домой, тоскуя и волнуясь,
Беру перо, привычекѣ повинуюсь,
Пишу стихи и — недовольный, жгу.
Мой стихъ унылъ, какъ ропотъ на несчастье,
Какъ плескъ волны въ осеннее ненастье,
На сѣверномъ пустынномъ берегу...
Подѣ берегомъ, гдѣ вѣчная прохлада
Отъ старихъ ивъ, нависшихъ надъ рѣкой,

Стоить въ водѣ понуренное стадо,
 Надъ нимъ шмелей неугомонный рой.
 Лишь овцы рвутъ траву береговую,
 Какъ рекруты острижены вплотную.
 Не весель видъ рѣки и береговъ.
 Свистить куликъ, кружится рыболовъ,
 Добычу карауля, какъ разбойникъ;
 Таинственно снастями шевеля,
 Проходить барка; видѣнь у руля
 Высокій крестъ: на баркѣ есть покойникъ...

XI.

Чу! конь заржалъ: Трава кругомъ на славу.
 Но лошадямъ не весело пришлось
 И, забывъ зеленую атаву,
 Подъ дымъ костра, спасающій отъ ось,
 Сошлись они, поникли головами
 И машутъ въ тактъ широкими хвостами.
 Лишь тамъ, вдали, остался сѣрый конь.
 Онъ не бѣжитъ проворно на огонь,
 Хоть и надъ нимъ кружится рой докучный,
 Сѣркъ стоитъ понуръ и недвижимъ.
 Несчастный конь, ненатурально-тучный!
 Ты пораженъ недугомъ роковымъ.

XII.

Я подошелъ: алѣла бугорками
 По всей спинѣ, усыпанной шмелями,
 Густая кровь... струилась изъ поздрей...
 Я наблюдалъ жестокой пиръ шмелей,
 А конь дышалъ все рѣже, все слабѣй.
 Какъ вкопанный, стоялъ онъ часъ—и болѣ,
 И вдругъ упалъ. Лежить недвижимъ въ полѣ...
 Надъ трупомъ солнца раскаленный шаръ
 Да стень кругомъ. Вотъ съ вышины спустился
 Стенной орелъ; надъ жертвой покружился
 И царственно усѣлся на стожаръ.
 Въ досадѣ я послалъ ему ударъ,
 Спугнулъ его, но онъ вернется къ ночи
 И выклюстъ ей острымъ клювомъ очи...

XIII.

Иду на шелестъ нивы золотой.
 Печальныя, убогія равнины!
 Недавнія и страшныя картины,
 Стѣсныя грудь, проходятъ предо мной.
 Ужели Богъ не сжалится надъ нами,
 Сожженныхъ нивъ дождемъ не оживить,
 И мельница съ недвижными крылами
 И этотъ годъ безъ дѣла простоятъ?

XIV.

Ужель опять наградой будетъ плугу
 Голодный годъ?.. Чу! женщина поетъ!
 Какъ будто въ гробъ кладетъ она подругу.
 Душа болитъ, уныніе растетъ.
 Народъ! народъ! Миѣ не дано геройства
 Служить тебѣ, — плохой я гражданинъ;
 Но жгучее, святое безпокойство
 За жребій твой донесъ я до сѣдинъ!
 Люблю тебя, цюю твои страданья,
 Но гдѣ герой, кто выведетъ изъ тьмы
 Тебя на свѣтъ?.. На смѣну колебанья
 Твоихъ судебъ чего дождемся мы?..

ЭЛЕГІЯ.

ПОСВЯЩЕНО ДРУГУ МОЕМУ.

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ЕРАКОВУ.

Пусть намъ говорить измѣнчивая мода,
 Что тѣма старая — „страданія народа“,
 И что поэзія забыть ее должна, —
 Не вѣрьте, юноши! не старѣетъ она!
 О, еслибы ее могли состарить годы!
 Прощѣлъ бы божій міръ!.. Увы! пока народы
 Влачатся въ нищетѣ, покорствуя бичамъ,
 Какъ тоція стада по выжженнымъ лугамъ,

Оплакивать ихъ рокъ, служить имъ будетъ
Муза,
И въ мѣрѣ нѣтъ святѣй, прекраснѣе союза!..
Толпѣ напоминать, что бѣдствуетъ народъ
Въ то время, какъ она ликуетъ и поетъ,
Къ народу возбуждать вниманье сильныхъ
міра —
Чему достойнѣе служить могла бы лира?..

Я лиру посвятилъ народу своему.
Быть можетъ, я умру невѣдомый ему,
Но я ему служилъ — и я умру спокоенъ!
Пускай наноситъ вредъ врагу не каждый
воинъ,
Но каждый въ бой иди! А бой рѣшитъ судьба...
Я видѣлъ красный день: въ Россіи нѣтъ раба!
И слезы сладкія я пролилъ въ умиленьи...
„Довольно ликовать въ наивномъ увлеченьи“,
Шепнула Муза мнѣ! „Пора идти впередъ:
Народъ освобожденъ, но счастливъ ли на-
родъ?..“

Внимаю-ль пѣсни жницъ надъ жатвой
золотою,
Старикъ ли медленный шагаетъ за сохою,
Бѣжитъ ли по лугу, играя и свисти,
Съ отцовскимъ завтракомъ довольное дитя;
Сверкаютъ ли серпы, звенятъ ли дружно
косы, —
Отвѣта я ищю на тайные вопросы,
Кипящіе въ умѣ: „въ послѣдніе года
Сноснѣй ли стала ты, крестьянская „страда“?
И рабству долгому пришедшая на смѣну
Свобода, наконецъ, внесла ли перемѣну
Въ народныя судьбы? въ напѣвы сельскихъ
дѣвъ?
Иль также горестенъ нестройный ихъ на-
пѣвъ?..“

Ужъ вечеръ настаетъ. Волнуемый мечтами,
По нивамъ, по лугамъ, уставленнымъ стогами,
Задумчиво брожу въ прохладной полу-тѣмѣ,
И пѣснь сама собой слагается въ умѣ —
Недавнихъ, тайныхъ думъ живое воплощенье:

На сельскіе труды зову благословенье,
Народному врагу проклятія сулю,
А другу у небесъ могущество молю...
И пѣснь моя громка!.. Ей внемлять доли,
нивы,
И эхо дальнихъ горъ ей шлетъ свои отзвѣвы,
И лѣсъ откликнулся... Природа внемлетъ мнѣ,
Но тотъ, о комъ пою въ вечерней тишинѣ,
Кому посвящены мечтанія поэта —
Увы! не внемлетъ онъ — и не даетъ отвѣта...

ГОРЕ СТАРАГО НАУМА.

Волжская выль.

I.

Науму паточный заводъ
И дворикъ постоялый
Даютъ порядочный доходъ.
Наумъ — не глупый малый:
Задаромъ снявъ клочокъ земли,
Крестьянину съ охотой
Въ нуждѣ ссужаетъ онъ рубли,
А тотъ плати работой —
Такъ обращенъ нагой пустырь
Въ картофельное поле...
Вблизи — „Бабайскій“ монастырь,
Село „Большія Соли“,
Недалеко и Кострома.
Наумъ живетъ — не тужить,
И Волга-матушка сама
Его карману служить.
Питейный домъ его стоитъ
На самомъ „перекатѣ“;

Какъ лѣто Волгу обмелить,
Къ пустынной этой хатѣ

Тропа знакома бурлакамъ:
Выходить много „чарки“...
Здѣсь ходу нѣтъ большимъ судамъ;
Здѣсь „паузятся“ барки.

Купцы бѣгутъ: „помогу дай!“
Наумъ купцовъ встрѣчаетъ,
Мигнетъ народу: не плошай!
И самъ не оплошаетъ...

Кипитъ работа до утра:
Все весело, довольно.
Итакъ, нѣтъ худа безъ добра!
Подумаешь невольно,

Что ты, жалѣя бѣдняка,
Мелѣешь годъ отъ года,
Благословенная рѣка,
Кормилица народа!

II.

Люблю я краткой той поры
Случайныя тревоги,
И трудъ, и пѣсни, и костры.
Съ береговой дороги

Я вижу сотни рукъ и лицъ,
Мелькающихъ красиво,
А паруса, что крылья птицъ,
Колеблются лѣниво,

А мѣсяцъ медленно плывѣтъ,
А Волга чуть лепечеть.
Чу! рѣзко свистнулъ пароходъ;
Бѣжигъ и искры мечеть,

Ущелья темныхъ береговъ
Стогласимъ эхомъ полны...
Не все же пѣснямъ бурлаковъ
Внимаютъ эти волны.

Я слушала жадно иногда
И тотъ напѣвъ унылый,
Но гулъ довольнаго труда
Мнѣ слаще слышать было.

Увы! я дожилъ до сѣдинъ,
Но измѣнился мало.
Иныхъ времянь, иныхъ картинъ
Провижу я начало

Въ случайной жизни береговъ
Моей рѣки любимой:
Освобожденный отъ оковъ,
Народъ неутомимый

Созрѣетъ; густо заселить
Прибрежныя пустыни;
Наука воды углубитъ:
По гладкой ихъ равнинѣ

Суда-гиганты побѣгутъ,
Несчетною толпою,
И будетъ вѣченъ бодрый трудъ
Надъ вѣчною рѣкою...

III.

Мечты!.. Я вѣрую въ народъ...

.....
.....
.....

IV.

Науму слишкомъ пятьдесятъ,
А ни дѣтей, ни жонки.
Наумъ былъ сердцемъ суховатъ,
Любилъ однѣ деньжонки.

Онъ говорилъ: „жениться—взять
Обузу! а „сударки“
Еще тошпѣй: и время тратъ,
И деньги на подарки.“

Опровергать его рѣчей
Тогда не приходилось,

Хоть, можетъ быть, въ груди моей
Иное сердце билось,

Хотя у насъ, какъ ледъ и зной,
Причины были розны:
„Надъ одинокой головой
Не такъ и тучи грозны;

Пускай лѣтяти и рабы
Идутъ путемъ обычнымъ,
Я долженъ быть своей судьбы
Царемъ единоличнымъ!“

Я думалъ гордо. Кто не радъ
Оставить міру племя?
Но я родился не впопадъ —
Лихое было время!

Забыло солнышко свѣтить,
Погасъ и мѣсяцъ ясный,
И трудно было отличить
Отъ ночи день ненастный.

Громъ непрестанно грохоталъ
И вихорь былъ ужасенъ,
И человѣкъ подъ нимъ стоялъ
Испуганъ и безгласенъ.

Былъ краткій мигъ: заря зажгла
Роскошно край лазури,
И буря новая пришла
На смѣну старой бури.

И новымъ силамъ новый бой
Готовился... Усталый,
Понижъ я буйной головой.
Погибли идеалы,

Ушло и время... Мѣста нѣтъ
Желанному союзу.

Уму — и мой исчезнетъ слѣдъ!
Надежда вся на музу!

V.

Стрѣляя сѣрыхъ куликовъ
На отмели песчаной,
Заслышу говоръ бубенцовъ
И свистъ, и топотъ рьяный,

На кручу выбѣгу скорѣй:
Знакомая телѣжка,
Нарядны гривы у коней,
У сѣдока — усмѣшка...

Лихая пара! На плечахъ
И бляхи, и чешуйки.
Въ личныхъ, высокихъ сапогахъ,
Въ солидной, синей чуйкѣ,

Въ московскомъ новомъ картузѣ,
Самъ права пристяжную,
Наумъ катитъ во всей красѣ.
Увидить — радъ душою!

Кричитъ: „Довольно вамъ палить,
Пора чайку покушать!..“
Наумъ любилъ поговорить,
А я любилъ послушать.

Закуску, водку, самоваръ
Вносили по порядку
И Волги драгоцѣнный даръ —
Яитарную стерлядку.

Наумъ усердно предлагалъ
Рябиновку, вишневку,
А, расходившись, обивалъ
„Смоленую головку“.

— Ну, какъ дѣлишки? „Въ барышѣ“,
Съ улыбкой отвѣчаетъ.
Разговорившись по душѣ,
Подробно исчисляетъ,

Что дало въ годъ ему вино
И сколько отъ завода.
„Накопчено, насолено —
Чай хватить на три года!

„Все лѣто занято трудомъ,
 Хлопотъ по самый воротъ,
 Придетъ зима — лежу суркомъ,
 Не то поѣду въ городъ.

„Начальство — други-кумовья,
 Стрясись бѣда — поправятъ;
 Работы много — свисну я:
 Сосѣди не оставляютъ;

„Окру́га вся въ горсти моей,
 Казна — надёжней цѣпи:
 Ужъ нѣтъ помѣщичьихъ крѣпей,
 Мои остались крѣпи.

„Судью за денежки куплю,
 Умилостивлю Бога...“
 (Русакъ природный — во хмѣлю
 Онъ былъ хвастливъ немного)...

VI.

Полвѣка прожилъ такъ Наумъ
 И не тужилъ ни мало,
 Работалъ въ немъ житейскій умъ,
 А сердце мирно спало.

Встрѣчаясь съ нимъ я вспоминалъ
 Невольно дубъ красивый
 Въ моемъ саду: тамъ сѣти ткалъ
 Паукъ трудолюбивый.

Съ утра спускался онъ не разъ
 По тонкой паутинкѣ,
 Какъ по канату водолазъ
 Къ какой-нибудь личинкѣ,

То комара подстерегалъ
 И жадно влекъ въ объятья,
 А, пообѣдавъ, продолжалъ
 Обычныя занятя.

И вывелъ, точно на показъ,
 Паукъ мой паутину.
 Какая ткань! Какой запасъ
 На черную годину!

Тамъ мошекъ цѣпляя стада
 Нашли себѣ могилы,
 Попали бабочки туда —
 Летуньи пестрокрылы;

Его сосѣдъ, другой паукъ
 Качался тамъ, замученъ,
 А мой — отѣлся вонь изъ ружья!
 Доволенъ, гладокъ, тучень,

То мирно дремлетъ въ уголку,
 То мухою закусить...
 Живется славно пауку:
 Не тужить и не трусить!

Съ Наумомъ я давно знакомъ;
 Еще какъ былъ моложе,
 Наума съ этимъ паукомъ
 Я сравнивалъ... И что же?

Ужъ округлился капиталъ.
 Въ купцы бы надо вскорѣ,
 А человѣкъ затосковалъ!
 Пришло къ Науму горе...

VII.

Сидѣлъ онъ поздно у воротъ,
 Въ расчеты погруженный;
 Послѣдній свистнулъ пароходъ
 На Волгѣ полусонной,

И потянулись на покой
 И человѣкъ, и птица.
 Зашли къ Науму той порой
 Молодчикъ, да дѣвица:

У Тани русая коса
 И голубыя очи,
 У Вани вьются волоса.
 „Укрой отъ темной ночи!“

— А самоварчикъ надо грѣть?
 „Пожалуй...“ Ни минутки
 Не могутъ гости посидѣть:
 У нихъ и смѣхъ, и шутки,

Задѣтъ другъ дружку поровнять
Ногой, рукой, плечами,
И такъ глядятъ... и такъ шалать,
Чуть отвернись, губами!

То вспыхнетъ личико у ней,
То бѣлое, какъ сливки...
Поѣли гости калачей,
Отвѣдали наливки:

„Теперь уснемъ мы до утра,
У васъ покой, приволье!“
— А кто вы?— „Братецъ и сестра,
Идемъ на богомолье“.

Онъ думалъ: — Вреть! поди, сманилъ
Купеческую дочку!
Да что мнѣ? Лишь бы заплатилъ!
Пускай почуютъ ночку.

Онъ имъ подушекъ пару далъ:
— Успете на диванѣ.
И доброй ночи пожелалъ
И молодцу, и Танѣ.

Въ своей коморкѣ на часахъ
Поддернулъ кверху гири
И утонулъ въ пуховникахъ...
Проснулся: бьетъ четыре,

Еще темно; во рту горить.
Кваску ему желалось,
Да квасъ-то въ горницѣ стоитъ,
Гдѣ парочка осталась.

„Жаль! не пришло вчера на умъ!
Да я пройду тихонько
Добуду! (думаетъ Наумъ)
Чай, спать они крѣпонько,

Не скоро ихъ бы разбудилъ
Теперь и конскій топотъ...“
Но только дверь пріотворилъ,
Услышалъ тихій шопотъ:

„Покуримъ, Ваня!“ говоритъ
Молодчику дѣвица.

И спичка чиркнула—горить...
Увидѣлъ онъ ихъ лица:

Красиво Ванино лицо,
Красивѣе у Тани!
Рука, согнутая въ кольцо,
Лежить на шеѣ Вани,

Нагая, полная рука!
У Тани грудь открыта,
Какъ жаръ горить одна щека,
Косой другая скрыта.

Еще онъ видѣлъ на лету,
Какъ встрѣтились ихъ очи.
И вновь на юную чету
Спустился пологъ ночи.

Назадъ тихонько онъ ушелъ,
И съ той поры Наума
Не узнаютъ: онъ вѣчно золь,
Сидитъ одинъ угрюмо,

Или пойдетъ бродить окрестъ
И къ ночи лишь вернется,
Соленыхъ рыжиковъ не ѣстъ,
И чай ему не пьется.

Забылъ наливки настоять
Душистой поленикой.
Хозяйство стало упадать—
Грозитъ уронъ великій!

На счетахъ спутался не разъ,
Хоть счетчикъ былъ отиѣнный...
Двѣ пары глазъ, блаженныхъ глазъ,
Горятъ предъ нимъ безсмѣнно!

„Я сладко пилъ, я сладко ѣлъ“,
Онъ думаетъ уныло:

„А кто мнѣ въ очи такъ смотрѣлъ?..“
И все ему постыло...

СОВРЕМЕННОСТИ.

I

ЮБИЛЯРЫ И ТРИУМФАТОРЫ.

Я книгу взялъ, оставь отъ сна,
И прочиталъ я въ ней:
„Бывали хуже времена,
Но не было подлѣй“.

Швырнулъ далеко книгу я.
Ужели мы съ тобой
Такого вѣка сыновья,
О, другъ-читатель мой?..

Конечно, нѣтъ! Конечно, нѣтъ!
Клевещетъ нашъ зонль.
Лакей принеси пучокъ газетъ;
Я жадно ихъ раскрылъ,

Мишу кражу и пожаръ
И рядъ самоубійць,
Встрѣчаю слово: „юбилляръ“,
Читаю списокъ лицъ,

Стяжавшихъ лавры. Счета нѣтъ!
Стипендія... медаль...
Аренда... памятникъ... обѣдъ...
Обѣдъ... обѣдъ.. О, враль!

Протри глаза!.. Иду къ друзьямъ:
Готовить спичъ одинъ,
Другой десятокъ телеграммъ —
Въ Москву, въ Рязань, въ Тульчинъ.

Пошелъ я съ нимъ „на телеграфъ“.
Лакеи, кучера,
Депеши кверху приподнявъ,
Толпились тамъ съ утра.

Мелькаютъ крупныя слова:
„Герою много лѣтъ...“
„Ликуй, Орель!..“ „Гордись, Москва!“
„Бердичеву привѣтъ...“

Не мало тутъ „друзей добра“,
„Отцовъ“ не перечеть,

А вотъ листокъ: одно — „ура!..“
Пора, однако, ѣсть.

Я пришелъ въ трактиръ и тоже
Счетъ теряю торжествамъ.
Книга дерзкая! за что же
Ты укоръ послала намъ?..

У Дюссо готовятъ славно
Юбилейные столы,
Тамъ обѣдаютъ издавна
Триумфаторы-орлы.
Посмотрите — что за рыба!
Еле внесъ ее лакей.
Слышно „русское спасибо“
Изъ отворенныхъ дверей.
Заказавъ бульонъ и дичи,
Корридормъ я брожу;
Дверь растворять — слышу спичи,
На пирующихъ гляжу:
Люди заняты въ трактирахъ,
Не мѣшаютъ... я и радъ...

Зала № 1.

Въ первой залѣ, все въ мундирахъ,
Въ бѣлыхъ галстукахъ, стоятъ.
Юбилляръ-администраторъ,
Древень, весь шитьемъ залить,
Двѣ звѣзды... Ему ораторъ,
Тоже старецъ, говоритъ:
„Ты отецъ! До населенья,
Добръ и милостивъ ты былъ,
Не довелъ до разоренья,
Пищи, крова не лишилъ!
Ты герой — до кассы частной,
До казеннаго добра
Не простеръ руки всевластной —
Благодарность и... ура!..“

Вдругъ курьеръ вошелъ, сіяя,
Засіялъ и юбиляръ.
Юбиляру, поздравляя,
Поднесли достойный даръ.

№ 2.

Рѣчь долго, долго длилась,
 Расплакался старикъ...
 Я сдѣлалъ шагъ... открылась
 Другая дверь — на мигъ,
 И тутъ героя чтили,
 Кричали: много лѣтъ!
 Герою подносили
 Магницаго портретъ:
 Устрой еще заставы
 И надписи приборъ...

Исчезла сцена славы —
 Захлопнулъ дверь лакей...

№ 3.

На столѣ лежать „подарки“,
 Въ Петербургѣ лучшихъ нѣтъ.

Двѣ брилліантовыя арки —
 Восхитительный браслетъ!
 Брилліантовыя звѣзды...
 Чудо!.. Нѣсколько ребятъ
 Съ упоеніемъ невѣсты
 На сокровища глядятъ
 (Были тутъ и лицеисты,
 И пажи, и юнкера,
 И незрѣлые юристы,
 И купцы... et caetera...)

— Чудо! дядька ихъ почтенный
 Воскликаетъ, князь Иванъ,
 И, лѣтами удрученный,
 Упадаетъ на диванъ...

Князь Иванъ — колоссъ по брюху,
 Руки — родъ пуховника,
 Пьедесталомъ служить уху
 Ожирѣвшая щека.
 По устройству верхней губы,
 Онъ — бульдогъ; съ оскаломъ зубы,
 Подъ гребенку волоса
 И — добрѣйшіе глаза.
 Онъ — извѣстный объѣдало,
 Говоритъ умно,

Словно въ бочку изъ-подъ сала

Льетъ въ себя вино.

Дома рѣдко пребываетъ,
 До шестидесяти лѣтъ
 Водевили посѣщаетъ,
 Оперетку и балетъ.
 У него друзья — кадеты;
 Именитый дѣдъ его
 Былъ шутомъ Елизаветы,
 Самъ онъ — ровно ничего.
 Презираетъ аксельбанты,
 Не охотникъ до чиновъ.
 Унаслѣдовавъ таланты
 Историческихъ шутовъ,
 Съ языкомъ своимъ проворнымъ,
 Съ дерзкимъ смѣхомъ, въ вѣкъ иной
 Былъ бы онъ шутомъ придворнымъ,
 А теперь онъ — шутъ простой.

„Дѣ! дары такіе рѣдки!“
 Воскликаетъ князь Иванъ:
 „Надо спрыснуть... спрыснуть, дѣтки!..
 Наливай полнѣй стаканъ!..
 Нѣтъ, постой! Въ началѣ пира
 Совершимъ одинъ обрядъ:
 Передъ нами нѣтъ кумира,
 Но... и камни говорятъ!
 Эта брошка пріютится
 У богини на груди,
 Значитъ, должно преклониться
 Передъ нею... Подходи!..“

И почтительно къ алмазамъ
 Приложился князь Иванъ;
 И потомъ ужъ выпилъ разомъ
 Свой вмѣстительный стаканъ.
 И, во слѣдъ за командиромъ,
 Приложились юнцы
 Къ брилліантамъ и сафирамъ...

— „На колѣни, молодцы!
 Гимнъ!..“

Глядитъ умильнымъ взоромъ
 Старый шутъ на небеса,

И поютъ согласнымъ хоромъ
Молодые голоса:

Мадонны ликъ,
Взоръ херувима...
Мадамъ Жюдикъ
Непостижима!

Жизнь наша — пуфъ,
Пустѣй орѣха,
Заѣхать въ Буфѣ —
Одна утѣха.

Восторга крикъ,
Порывъ блаженства...
Мадамъ Жюдикъ
Верхъ совершенства!

№ 4.

„... Первоприсутствуя въ сенатѣ,
Радѣлъ ли ты о меньшемъ братѣ?
Всегда ли ты служилъ добру?
Всегда ли еъ истинѣ стремился?..“

— „Позвольте-съ!“

Я посторонился
И далъ дорогу осетру...

№ 5.

Большая зала... шума нѣтъ...
Ученое собранье,
Агрономическій объѣдъ,
Вѣрнѣе — засѣданье.
Встааетъ извѣстный агрономъ,
Членъ общества — Колѣновъ
(Добладчикъ пасмуренъ лицомъ,
Печальны лица членовъ).
Онъ говорить: „Я посвятилъ
Досугъ мой скотоводству,
Я восемь лѣтъ въ Тиролѣ жилъ.

Повѣривъ превосходству
Швейцарскихъ, англійскихъ породъ,
Въ отечествѣ любезномъ
Старался я улучшить скотъ
И думалъ быть полезнымъ.
Увы! напрасная мечта!
Убилъ я даромъ годы:
Соломы мало для скота
Улучшенной породы!
Въ крови у русской клячи есть
Привычка золотая:
„Работать много, мало ѣсть“ —
Основа вѣковая!
Печальный видъ: голодный конь
На почвѣ истощенной,
Съ голоднымъ пахаремъ... А тронъ
Рукой непосвященной —
Еще печальнѣй что-нибудь
Получится въ итогѣ...
Покинулъ я опасный путь,
Увы! на полдорогѣ...
Трудитесь дальше безъ меня...“

— „Прискорбны рѣчи ваши!
Придется съ нынѣшняго дня
Закрывать собранья наши!“
Сказалъ ученый президентъ
(Толстякъ, заплывшій жиромъ):
— „Раздѣлимъ скромный дивидендъ
И разойдемся съ миромъ!
Оставимъ бѣдный нашъ народъ
Судьбамъ его — и Богу!
Безъ насъ скорѣе онъ найдетъ
Къ развитію дорогу“...

„Закрывать! закрыть, хотя и жаль!“
Рѣшило все собранье:
И дать Колѣнову медаль:
„За ревность и старанье“.
„Ура!.. Подписку!“... Увлеклись —
Не скупы подписали, —
И благодушно занялись
Моделью для медали...

№ 6.

Шагъ впередъ—и снова зала,
 Все заводчики-гузы;
 Слышенъ голосъ: „Ты сначала
 Много выдержалъ грозы.
 Весь души прекрасной пламень
 Ты принесъ на подвигъ свой,
 Но пошелъ ко дну, какъ камень,
 Броненосецъ первый твой!
 Смертоносныя гранаты
 Изобрѣлъ ты на враговъ...
 Были-бъ чудо—результаты,
 Кабы дѣльныхъ мастеровъ!
 То-то ихъ припять бы въ прутья!..
 Ты гранатою своей
 Переранилъ изъ орудья
 Только собственныхъ людей...
 Ты поклялся, какъ заразы,
 Новыхъ опытовъ бѣжать,
 Но казенные заказы
 Увелили тебя опять,
 Ты вступилъ...“

Лакей суровый

Дверь захлопнулъ, какъ на зло.

№ 7.

Я впередъ... Изъ залы новой
 Мертвечиной понесло...
 Пирь тутъ, видно, не секретный —
 Настежь дверь... народу тьма...
 Господинъ Ветхозавѣтный
 Говорить:

„Судьба сама

Насъ свела сегодня вмѣстѣ;
 Шель я радостно сюда,
 Какъ женихъ грядетъ къ невѣстѣ —
 Новость, новость, госнода!
 Отзвался часто Пушкинъ
 Изъ могилы... Наконецъ,
 Отозвался и Тяпушкинъ.
 Скромный труженикъ-пѣвецъ:
 Драгоценную находку

Отыскалъ товарищъ нашъ!
 Въ бѣдной лавочкѣ сеledку
 Завернулъ въ нее торгашъ.
 Грязный сишенькій листочекъ,
 А какіе перлы въ немъ!..“

— Прочитай-ка хоть кусочекъ!
 Закричали...

„Мы начнемъ

Съ дѣтства. Видно, что въ развѣзды
 Посылалъ его отецъ:
 Гдѣ иной считалъ бы звѣзды,
 Опъ...“ — Читай же! — Началъ чтецъ:

Отрывокъ изъ путевыхъ замѣтокъ юноши Тя-
 пушкина, веденныхъ имъ во время развѣздовъ
 его по Россіи по дѣламъ отца.

Найденъ случайно между оберточной бумагой въ лавкѣ
 кушца С. С. Подтевина; подлинникъ — собственность
 Зосима Терентьевича Ветхозавѣтнаго.

На рѣкѣ на Свири
 Рыба, какъ въ Сибири,
 Окуни, лини
 Средней долины.
 На рѣкѣ же Ленѣ
 Хуже, чѣмъ на Оби:
 Ноги по колѣни
 Отморозилъ обѣ,
 А прибывъ въ Ирбитъ,
 Дядей былъ прибитъ...

—Превосходно! поэтично!..
 Каждый въ лупу смотритъ листъ.

„И притомъ характерично“,
 Замѣчаетъ журналистъ:
 „То-то мы ударимъ въ трубы!
 То-то праздникъ будетъ намъ!“
 И прикладываетъ губы
 Къ полуграмотнымъ строкамъ.
 Приложилъ—и къ дѣлу рьяный
 Примѣчаніе строчить:
 „Отморозилъ ноги—пьяный!
 И—за пьянство былъ побитъ;

Чужды нравственности узкой,
 Не рѣшаемся мы скрыть
 Этотъ знакъ натуры русской...
 Да! „веселье Руси—пить“!..—

(Прим. ред.)

Ужъ знакомлюсь я съ поэтомъ,
 Биографію пишу...

— Не снабдите ли портретомъ?

„Дорогонько... погляжу...
 Случай рѣдкій! Мы Россіи
 Явимъ вновь труды свои:
 Возстановимъ запятая,
 Двоеточіе надъ ъ;
 Можно будетъ въ духъ „Миши“
 Предисловіе написать:
Поцадили даже миши
Драгоценную тетрадь—
Провидѣнія печать!..
 Позавидуетъ Бартеневъ
 И Семейскій затрепещитъ,
 Но замѣтку самъ Тургеневъ
 Въ „Петербургскихъ“ помѣститъ...“

— Вѣрно! царь ты русской прессы,
 Хоть и служишь мертвецамъ:
 Всѣ живые интересы
 Уступаютъ поле намъ...
 „Такъ... и такъ да будетъ вѣчно!..
 Дарованья въ наши дни
 Гибнуть рано... Жаль, конечно,
 Да безтактны и они...
 Жаль!.. Но боги справедливы
 Въ начертаніяхъ своихъ!
 Намъ безъ смерти—нѣтъ поживы,
 Какъ аптекѣ безъ больныхъ!
 Дарованіемъ богатый
 Служить обществу перомъ,
 Служимъ мы ему лопатой...
 Други! пьемъ! За мертвыхъ пьемъ!..“

Вмѣсто влаги искрометной,
 Пили за-просто марсаль,
 А Зосимъ Ветхозавѣтный
 Умиленно лепеталъ:

„Я люблю живыхъ писателей,
 Но—миѣ мертвые милѣй!..“

Это—пирь гробовскривателей!..
 Дальше, дальше поскорѣй!..

№ 8.

„Получай же по проценту!“
 Говоритъ сѣдой банкиръ
 Полицейскому агенту:
 „Въ честь твою сегодня пирь!“
 Радъ банкиръ, какъ сумасшедшій;
 Всѣ довольны; сыщикъ пьянъ;
 Отъ дѣтей сюда зашедшій,
 По знакомству, князь Иванъ
 Держитъ спичъ:

— „Свои законы

Есть у вѣка, господа!
 Какъ пропали милліоны,
 Я подумалъ: не бѣда!
 Вѣрьте, нѣтъ глупѣй несчастья:
 Потерять послѣдній грошъ—
 Ни пропажи, ни участья,
 Хоть повѣсься, не найдешь!
 А украдутъ у банкира
 Изъ десятка милліонъ—
 Растревожится полміра...
 „Милліонъ!..“ Со всѣхъ сторонъ
 Сожалѣнья раздадутся,
 Всѣ правительства снесутся,
 Телеграммами въ набатъ
 Приударятъ! Всѣ газеты
 Похитителя примѣты
 Многократно возвѣстятъ,
 Обозначатъ каждый прыщикъ...
 И глядишь: нашелся воръ!
 На два дня бакиръ и сыщикъ —
 Самый модный разговоръ!
 Имъ улыбки, имъ поклонъ,
 Поздравленья добрыхъ душъ...
 Ужъ терять—такъ милліоны,
 Царь вселенной—кушъ!..“

№ 9.

Чу! пѣнье! Я туда скорѣй,
 То пѣла свѣтская плеяда
 Благотворителей посредствомъ лотерей,
 Концерта, бала, маскарада...

Да-съ! Марья Львовна
 За бѣдныхъ въ воду,
 Мы Марья Львовна
 Сложили оду.

Гдѣ Марья Львовна?
 На вдовьемъ балѣ!
 Гдѣ Марья Львовна?
 Въ читальпой залѣ...

Кто на эстрадѣ
 Поетъ романсы?
 Чьи въ маскарадѣ
 Вѣрнѣе шансы?

У Марьи Львовны
 Такъ милы рѣчи,
 У Марьи Львовны
 Такъ круглы плечи!..

Гласить афиша:
 „Народный праздникъ“.
 Купилъ корову
 Одинъ проказникъ:

— „Да-съ, Марья Львовна,
 Не ваши рѣчи,
 Да-съ, Марья Львовна,
 Не ваши плечи,

Съ народомъ пужны
 Иные шансы...“
 Въ саду корова
 Поетъ романсы,

Въ саду толпится
 Народъ наивный,
 Рискуютъ прачки
 Послѣдней гривной,

За грошь корову
 Кому не надо?
 И побѣлѣли
 Дорожки сада,

Какъ будто въ маѣ
 Послалъ Богъ снѣгу...
 Пустыхъ билетовъ
 Свезли телѣгу

Изъ сада ночью...
 Ай! Марья Львовна!
 Пятнадцать тысячъ
 Собрали ровно!

Пятнадцать — съ нищихъ!
 Что значить — масса!
 Да процвѣтаетъ
 Пріюта касса!

Да процвѣтаетъ
 И Марья Львовна,
 Пусть ей живется
 Легко и ровно!..

Да-съ, Марья Львовна
 За бѣдныхъ въ воду...
 Ея призванье —
 Служить народу!

№ 10.

Слышенъ голосъ — и знакомый —
 „Анапась — не огурецъ!“
 Возложили гастрономы
 На товарища вѣнецъ.
 Это — кругъ интимный, близкій.
 Тихе! слышенъ жаркій споръ:
 Надъ какою-то сосиской
 Произносятъ приговоръ;
 Поросенку ставятъ баллы;
 Разсуждая о винѣ,
 Тычутъ градусникъ въ бокалы...
 „Какъ! четыре — ветчинѣ?..“
 И поссорились... Стыдитесь!
 Вредно ссориться, друзья!

Благодушно веселитесь!
 Скоро къ вамъ приду и я.
 Буду новую сосиску
 Каждый день избобрѣтать,
 Буду мнѣніе безъ риску
 О салатѣ подавать.
 Буду кушать плотно, жирно,
 Облѣнюся, какъ верблюды,
 И засну на-вѣки мирно
 Между двухъ изящныхъ блюдъ...

II.

ГЕРОИ ВРЕМЕНИ.

ТРАГИ-КОМЕДИЯ.

„Кушать подано!“ — Мнѣ дали
 Очень маленькій салонъ.
 За стѣной „ура!“ кричали,
 По тарелкамъ шель трезвонъ.
 Кто-жь они — съ моимъ чуланомъ
 Рядомъ — пьющіе теперь?
 Я чуть-чуть открылъ диваномъ
 Загороженную дверь,
 Поглядѣлъ изъ-за портьерш:
 Зала публикой кишитъ —
 Все тузы-акціонеры!
 На ловца и звѣрь бѣжитъ...

Производитель работъ
 Акціонерной компаніи,
 Сдавшій недавно отчетъ
 Въ общемъ годичномъ собраніи,

Въ группѣ директоровъ Шеуринъ сидитъ
 (Синяя чуйка и крупныя губы).
 Старецъ, прошедшій сквозь мѣдныя трубы —
 Савва Антихристовъ — спичъ говорить
 (Общество пестрое: франты, гусары,
 И генераль, и банкиръ, и кулакъ).
 — „Да, господа! самородокъ-русакъ

Стѣбитъ нѣмецкихъ философовъ пары!
 Былъ онъ мужикъ, не имѣлъ ничего,
 Часто гуляла по мальчику палка.
 Дальше скажу вамъ словами его
 (Тутъ и отвага, и умъ, и смекалка):

„Я — уроженецъ степей;
 Давъ пастухамъ по алтыну,
 Я изъ хребта у свишей
 Въ младости дергалъ щетину.

„Мечется стадо, реветъ.
 Знамо: живая скотина!
 Мальчикъ не труситъ — деретъ,
 Перваго сорту щетина!

„Сталъ я теперь богачомъ;
 Домъ у меня, какъ картинка,
 Думаю, глядя на домъ:
 Это — свиная щетинка!..“

„Великорусская, мѣткая рѣчь!..
 Съ дѣтства умѣлъ онъ добыть и сберечь.
 Сняли мы линію; много заботы:
 Надо сдавать земляныя работы.
 Ъду я разъ по дѣламъ въ Перекопъ,
 Вижу, съ артелью идетъ землекопъ.
 — Кто ты? „Я — Ѳедоръ Никифоровъ Шку-
 ринъ“.

(Обращается къ Шкурину).

Чокнемся! выпьемъ, христовъ мужичокъ!
 Ну, господа генералы! чокъ-чокъ!..
 Выборъ-то мой обазался педурень...

(Чокаются и пьютъ).

„Прибылъ подрядчикъ на мѣсто работъ,
 Въмѣсто науки, съ однимъ „глазомѣромъ“;
 Ъздитъ по селамъ съ своимъ инженеромъ,
 Рядить рабочихъ — никто не идетъ!
 Земли кругомъ тутъ дворянскія были —
 Только дворяне о нихъ позабыли.
 Всѣмъ тутъ орудовалъ грубый „кустаръ“,
 Пренебреженной окранны царь.
 Жители рыбу въ озерахъ ловили,
 Гнали бездапно изъ пеневъ смолу,
 Брала морошку, опѣнки солили
 И говорили: „нейдемъ въ кабалу!“

Нѣтъ послушанья, порядка и прочаго,
Прежде всего: создавай тутъ „рабочаго“.
Какъ же создашь его? Шкуринъ не спитъ:
Земли, озера, болота, графитъ —

Все откупилъ у помѣщика,
„Все — до послѣдняго лещика!“

(Какъ энергически самъ говоритъ).
Дрогнула грубая сила „кустарная“,
Какъ изъ-подъ ногъ ея почва ушла...
Мысль эта, смѣю сказать, лучезарная,
Наши доходы спасла.

Плодъ этой мѣры въ графѣ дивиденда
Акціонеры найдутъ:
На сорокъ три съ половиной процента
Разомъ понизился трудъ!..

„Ходко пошла земляная работа.
Шкуринъ, трудясь до кроваваго пота,
Не раздѣвался въ ночи,
Жилъ безъ семейства въ степи безотрадной,
Обувь, одежду, перцовку, харчи
Самъ поставлялъ для артели громадной.
Онъ, раздѣляя съ рабочимъ труды,
Не пренебрегъ гигиеной народной:
Вмѣсто болотной, стоячей воды,
Даль онъ рабочему квасъ превосходный!
Этимъ и наша достигнута цѣль:
Въ жаркіе дни, довалившись до кваса,
Меньше харчей потребляла артель
И обходилась охотно безъ мяса!
Быстро въ артели упалъ аппетитъ
На двадцать два съ половиной процента.
Я умолкаю... графа дивиденда
Краснорѣчивѣ словъ говорить!..“

„Ура!“ прокричали, героя сравнили
Съ находчивымъ „янки“. А я, между тѣмъ,
Покажѣсть здоровье подридчика пили,
Успѣлъ присмотрѣться ко всѣмъ:
Во-первыхъ, тутъ были почетныя лица
Въ чинахъ, съ орденами. Ихъ видитъ столица.
Въ сенатѣ, въ палатахъ, въ судахъ.
Служа безупречно и пользуясь вѣсомъ,

Они посвящаютъ досугъ интересамъ
Коммерческихъ фирмъ на паяхъ.
Тутъ были плебеи, изъ праха и пыли
Достигшіе денегъ, крестовъ,
И рядомъ вельможи тутъ русскіе были,
Погрязшіе въ тинѣ долговъ
(То имя, чтó дѣды въ безумной отвѣтъ
Прославили — гордость страны —
Они за пай подмахнуть на бумагѣ,
Нестоющей трети цѣны)...
Сидѣли тутъ важно, въ сознаніи силы,
„Зацѣпа“ и „Савва“ — столпы-воротилы
(Зацѣпа былъ мраченъ, а Савва сіялъ).
Тутъ были банкиры, дѣльцы биржевые,
И земская сила — дворяне степные —
Тутъ было съ десятокъ мѣсяцъ.
Сидѣли тутъ рядомъ тузы-иноземцы:
Остзейскіе, русскіе, прусскіе нѣмцы,
Евреи и греки и много другихъ —
Въ Варшавѣ, въ Одессѣ, въ Крыму, въ
Петербургѣ

Банкирскія фирмы у нихъ —
На аки, на раки, на берги и бурги
Кончатся прозвища ихъ.
Зацѣпа — красивый старикъ бѣлокудрый,
Нажившій богатство политикой мудрой —
Былъ сборища главнымъ вождемъ.
Профессоръ, юристъ, адвокатъ знаменитый
И два инженера — съ ученымъ значкомъ —
Его окружали почетною свитой.
Григорій Аркадьичъ Зацѣпинъ стажалъ
Въ коммерческомъ мірѣ великую славу
И львиную долю себѣ выдѣлялъ
Изъ каждаго крунаго дѣла по праву.
Сей старецъ находчивъ, уменъ, даровитъ,
Въ немъ чудная тайна успѣха таится,
Не даромъ онъ въ каждомъ правленіи си-
дѣть...
Придетъ вамъ охота въ аферы пуститься,
Старайтесь его къ предпріятію привлечь —
Пойдетъ какъ по маслу!..
Герой-триумфаторъ
Раскланялся... Выступилъ новый ораторъ,
Мѣняло — писклива была его рѣчь:

М. г.

„Времена наступают тревожныя,
Кризисъ близится: мало даютъ
Предпріятыя желѣзно-дорожныя,
Банки тоже не бойко идутъ:
„Половину закрыть не мѣшало бы!“
Слышенъ въ публикѣ хоръ голосовъ,
Какъ недавно мы слышали жалобы
На избытокъ питейныхъ домовъ.
Время видти на поприще новое,
Честь имѣю проектъ предложить,
Все обдуманно — дѣло готовое,
Стѣбитъ только уставъ сочинить.

*Пауза. Выпивъ латокъ воды, ораторъ
продолжаетъ съ одушевленіемъ.*

Мысль — „Центрального Дома Терпимости“,
Такова наша мысль! Скажутъ намъ:
Прежде Невскій цѣлковыми вымости,
И на то я согласіе дамъ!
Вамъ порукою наше серьезное
Отношеніе къ дѣламъ вообще,
Что развитіе ей грандіозное
Мы надѣмся дать не вотще:
Лишь бы намъ разрѣшили концессию...
Учредимъ капиталъ на паяхъ
И, убивъ мелочную профессію,
Двинемъ дѣло на всѣхъ парусахъ!
Нѣтъ сомнѣнья, что цѣль учрежденія
Наше общество скоро пойметъ:
Понесутъ намъ свои сбереженія
Всѣ, кутящіе нынѣ въ разбродъ!
Предпріятыя съ точки вещественной
Невозможно вѣрише желать,
Равнымъ образомъ, съ точки общественной
Трудно пользу его отрицать.
Безъ надзора строжайшаго, честнаго
Не оставимъ мы дѣло никакъ,
Мы наймемъ адвоката извѣстнаго
Для разбора скандаловъ и дракъ.
Будетъ много у насъ подражателей,
Но не будетъ такого нигдѣ
Наблюденія: возьмемъ наблюдателей
Въ нашей скромной мѣняльной средѣ...“

— Въ тихомъ омутѣ водятся черти!
Кто-то рядомъ со мной прошепталъ;
Нѣкто Грошъ испугался до смерти
Остроумной затѣи мѣняль
И подвинулся дальше со стуломъ.
На проектъ отвѣчала толпа
Нерѣшительнымъ, сдержаннымъ гуломъ
Ждали мнѣня Зацѣпы-столпа.

„Да (сказалъ онъ), доходное дѣло,
Но совѣтую вамъ подождать.
Ново... странно... до дерзости смѣло...
Преждевременно, смѣю сказать!
Кто не знаетъ? Пророки событій,
Прологатели новыхъ путей,
Провозвѣстники важныхъ открытій —
Побиваются грудой камней.
Двинувъ раньше впередъ спекуляцію,
Чѣмъ прогрессъ узаконить ее,
Потеряете вы репутацію
И погубите дѣло свое.
Подождите! Прогрессъ подвигается,
И движенію не видно конца:
Что сегодня постыднымъ считается,
Удостоится завтра вѣнца...“

„Браво!“ Залпъ громоподобный...
На арену вышелъ Грошъ
И проекту спичъ надгробный
Довершилъ: „Проектъ хорошъ,
„Исполнители опасны!“
Онъ язвительно сказалъ.
Пренья были долги, страстны,
Впрочемъ я ихъ не слышалъ,
Я заснулъ...

Мнѣ спились планы

О походахъ на карманы
Благодупныхъ россиянь,
И, опупавъ мой карманъ,
Я проснулся...

Шумно... Въ уши

Словно бьютъ колокола,
Гомерическіе куши,
Милліонныя дѣла,
Баснословные оклады,
Недовыручка, дѣлежъ,

Рельсы, шпалы, банки, вклады —
Ничего не разберешь!..
Я сидѣлъ тупой и мрачный,
Долго мнѣ понять мѣшало
Этотъ крикъ и дымъ табачный:
Гдѣ я? Какъ сюда попалъ?..

Черезъ дверь, чуть-чуть открытую,
Вижу лицъ усталыхъ рядъ,
Вижу жонку недопитую,
Землянику, виноградъ.
Къ англичанину съ объятями
Лѣзетъ русскій человѣкъ.
— Выпьемъ: Борухъ! Будемъ братьями!
Говоритъ еврей грекъ.
Кто-то низко клонитъ голову,
Кто-то на полъ льетъ вино,
Кто-то Утина Ермолу
Уподобилъ... Все пьяно!..

Я понялъ: кончили дѣла
И на распашку закутили.
Одни сидѣли у стола,
Другіе парами ходили.
Сюда пришелъ и князь Иванъ *
И, на диванѣ отдыхая,
Не умолкалъ, какъ барабанъ,
Чужія рѣчи заглупая.
Старикъ съ друзьями продолжалъ
Пить вдохновляющую жонку
И мимо шедшимъ посылалъ
Свои любезности въ-догонку.
Теперь цинизмъ у нихъ царилъ,
И разговоръ былъ часто страшенъ:
— Съ какой иконы ты скусилъ
Тотъ перль, которымъ ты украсишь?
„Да съ той, которой помолясь,
Ты Гасферу подсыпалъ яду...“
Такъ остроумно веселясь,
Одни смѣялись до упаду,
Другіе хмурились... Журча,
Лился потокъ сужденій, споровъ...

* См. часть 1-ю: „Юбилеры и триумфаторы“, зала № 3-й.

Вотъ вамъ отрывки разговоровъ,
Ищите сами къ нимъ ключа...

1-й голосъ.

Отложили на недѣлю,
Милліончикъ пропадетъ.
Вотъ Господь послалъ Емелю!
Доложилъ наоборотъ:
Позабылъ о братьяхъ Примахъ,
Знай наладилъ: Цахъ да Цахъ!
Образецъ непроходимыхъ
Государственныхъ неряхъ!

2-й голосъ (князя Ивана).

Чу! какъ орутъ: „Казань!..“ „Ветлуга!..“
Адепты сѣвера и юга.
Немного фактовъ, бездна словъ...
Одно тутъ каждый понимаетъ,
Что на пути до рудниковъ
Постлатъ соломки не мѣшаетъ!

3-й голосъ.

У насъ былъ директоръ дороги,
Кондукторамъ красть не давалъ:
Въ вагоны, какъ тать, проникалъ,
У сонныхъ сосчитывалъ ноги,
Чтобъ видѣть: придется иль нѣтъ
На каждую пару билетъ?
Но дальше билетовъ и ногъ
Считать ничего онъ не могъ!..

Голосъ князя Ивана — кому-то на-
встрѣчу.

Сотню рублей серебра
Въ день получаю...
Сорокъ четыре ребра
Въ сутки ломаю...
А! господинъ костоломъ!
Радуюсь встрѣчѣ случайной.
Правда ли? мы создаемъ
Новый проектъ чрезвычайный:
Предупредительныхъ мѣръ
Мы отрицаемъ полезность...
(Такъ! господинъ инженеръ!

Благодаримъ за любезность).
 Вѣчно мы будемъ ломать
 Ёдущимъ руки и ноги:
 Надо врачей насажать
 На протяженьи дороги,
 Съ праваго боку возвестъ
 Раненымъ нужно жилища,
 А для убитыхъ отвестъ
 Съ лѣваго боку кладбища.
 Такъ-съ! Выражаясь точнѣй,
 Вы узаконить хотите
 Право увѣчить людей...
 Мало еще вы кутите!
 Чтò же? Дай Богъ вамъ уснѣть!
 Можете руки вы знатно,
 Строя больницы, нагрѣть,
 И пассажирамъ пріятно:
 вмѣсто того, чтобъ зѣвать,
 Въ нашихъ пустыняхъ унылыхъ —
Впередъ до крушенья — считать
 Будутъ кресты на могилахъ!

Двое (4-й и 5-й) — *проходя мимо двери,
не громко.*

— Вамъ дадутъ пай строители,
 Я готовъ держать пари
 На тысячу! Не хотите ли?
 — „Въ чемъ же дѣло, говори!“
 — Это — путь изъ самыхъ прибыльныхъ,
 Но вѣдь это — тоже дверь
 Для обмѣна мыслей гибельныхъ...
 Понимаете теперь?
 — „Вѣрно! малый ты практическій!
 Какъ пари не заплатить?
 Съ точки зрѣнья стратегической
 Можно Волгу заурядить!“

Голосъ князя Ивана — *кому-то въ
догонку.*

Цестрый галстухъ съ чернымъ фракомъ,
 Рядъ нечищенныхъ зубовъ
 И подернутая лакомъ
 Рожа — признакъ дураковъ.
 Въ перстиѣ камень изумрудный.

Неотесанный болванъ:
 Содержатель кассы ссудной,
 Главной кассы — важный санъ!
 Этотъ типъ безмѣрно гнусенъ.
 Современный Митрофанъ
 Глушъ во всемъ, въ одномъ искусенъ:
 Залѣзаетъ въ чужой карманъ!
 И на немъ духъ вѣка видѣнъ,
 Онъ по трусости — скупецъ,
 По невѣжеству — безстыденъ
 И по глупости — подлецъ!

6-й голосъ.

За чтò швырнулъ въ меня онъ карточкой
 своей
 И завтра обѣщалъ прислать мнѣ секунданта?
 Вѣдь я не отрицалъ у Душкиной таланта,
 Я только говорилъ, что Радина милѣй!
 Военный человекъ, не спорю я, прекрасенъ,
 Но дальше отъ него держаться должно намъ.
 Во времена войны — опасенъ онъ врагамъ,
 А въ мирное — онъ всѣмъ опасенъ.

Голосъ князя Ивана — *кому-то на
встрѣчу.*

Тысячъ восемьдесятъ въ банкахъ
 Получаетъ этотъ франтъ,
 Онъ живетъ безсмѣнно въ санкахъ —
 Въ этомъ весь его талантъ.
 Есть другой счастливецъ въ мирѣ,
 Полу-пѣмецъ, полу-грекъ,
 Получаетъ сто четыре...
 Заурядный человекъ!
 Дай мнѣ легонькіи санки
 И рысистаго коня,
 Я и самъ всѣ наши банки
 Облечу въ теченьи дни!

7-й голосъ.

Человѣка накачали
 И забыли... Какъ тутъ быть?

Если нѣтъ цыганъ, нельзя ли
Хоть арфистокъ пригласить?
Безъ прекраснаго-то пола
Скучновато во хмѣлю.
Пить такъ пить — *до протокола,*
Середины не люблю!

Голосъ князя Ивана.

На французскомъ маслѣ,
Сдѣланномъ изъ сала,
Испекла природа
Этого нахала.
Экой ратоборець!
Желѣзнодорожникъ,
И гостинодворецъ,
И во всемъ — художникъ!

8-й голосъ.

Въ нашемъ банкѣ засѣдаютъ
Пять ростовщиковъ,
Фортель ихъ таковъ:
Межъ собой распредѣляютъ
Весь наличный капиталъ
Изъ осьми... а выручаютъ
Сорокъ... Подло! я отсталъ.

Голосъ князя Ивана — *кому-то*
въ догонку.

Слылъ умникомъ и въ усъ себѣ не дулъ,
Поклонники въ немъ видѣли мессію;
Попалъ на министерскій стулъ
И — наглупилъ на всю Россію!

9-й голосъ

...Говорю: помиритесь добромъ!
Не совѣтую знаться съ судомъ!...

На Литейной такое есть зданіе,
Гдѣ виновнаго ждетъ наказаніе,
А невиненъ — отпустятъ домой,
Окативши ушатою помой.
Я тамъ былъ. Не послѣднее бѣдствіе,
Доложу вамъ, судебное слѣдствіе —
Юный приставъ меня истерзалъ;
Прокуроръ, посѣдѣвшій во бдѣни,

Такъ копался въ моемъ поведеніи,
Что съ натуги въ истерику впалъ;
Сторона утверждала противная,
Что вся жизнь моя — цѣпь непрерывная
Вопіющихъ какихъ-то картинъ,
И, содрвавъ гонораръ неумѣренный,
Воскликнулъ мой присяжный повѣренный:
„Передъ вами стоитъ гражданинъ
Чище снѣга альпійскихъ вершинъ!..“

Невеселое вышло рѣшеніе:
Безъ лишенія правъ заключеніе.
Двѣ недѣли пришлось проскучать,
Да сполгода ругала печать!

10-й голосъ.

Печать? У ней строитель — воръ!
Желѣзные дороги — душегубки!
Суды?.. По платью приговоръ!
А имъ любезны только полушубки.

Теперь не въ модѣ уважать
По капиталу, чину, званью...

Кѣтъ? подѣ арестомъ содержать
Игуменью — честнѣю Митрофанью?..

11-й голосъ.

Не падать ни заслуги, ни званія!
Адвокатамъ однимъ только рай:
За лишеніе правъ состоянія
И за то теперь деньги подай!

Голосъ князя Ивана — *кому-то* *въ догонку.*

Не люблю австрійца!
Думается мнѣ:
Вотъ — сыноубійца!
Чу! призывъ къ войнѣ!
Брошены парады,
Дѣти въ бой идутъ,
А отцы подрады
На войска берутъ. .
Юные герои
Гибнуть въ каждомъ боѣ,
Не поймутъ никакъ:
Отчего въ атакѣ,

Въ самой жаркой дракѣ,
Невредимъ пруссака?
Дѣти! васъ надули
Ваши старики:
Глиняныя пули
Ставили въ полки!

Неразлучной бродятъ парой
Суетливый коммерсантъ
И еврей, процентщикъ ярый,
Въ драгоценныхъ камняхъ франтъ.
Вотъ подходятъ къ самой двери,
Продолжая разсуждать:
— Миѣ „товарища на вѣрѣ“
Было легче отыскать.
Выручай! надеждой прочной
Остаешься ты одинъ.
Выручай! ты — безупречный,
Полноправный гражданинъ!
Ты — писатель! Ты брошюрой
„О процентахъ“ заявилъ
Связь свою съ литературой,
Ты Тиблену кумомъ былъ.
Ты — художникъ по натурѣ...
— „Не желательно прослыть
Подставнымъ въ литературѣ...“
— Вотъ нашелъ о чемъ тужить!
Полно! Мы съ тобой — не дѣтки.
Нынче — царство подставныхъ,
Настоящiе-го рѣдки,
Да и спроса нѣтъ на нихъ.
Погляди: морякъ на сушѣ,
Инженеръ на кораблѣ,
А дѣла идуть не хуже
И не лучше на землѣ.
Не у насъ — во всей Европѣ
Прессой править капиталъ,
Былъ же Генкель, есть же Гоппе...
Ты бы ярче ихъ сиялъ!
Прессѣ нужны коммерсанты.
Послѣшивъ на помощь ей,
Какъ направимъ мы таланты,
Какъ устроимся! —

Еврей

Отвѣчаетъ, убѣжденно
Начиная уступать:
— „Если нужно просвѣщенью
Руку помощи подать,
Я готовъ, но — Богъ свидѣтель —
Я отъ грамоты отвыкъ...“
— Тутъ нужна лишь добродѣтель!
Восклицаетъ биржевикъ...

— Дай еще имъ пять бутылокъ!
Испустилъ внезапный крикъ
Нѣкто — стриженный затылокъ,
Голова „à la мужикъ“.
Ростъ высокій, станъ негибкій,
А лицо... страннѣй всего,
Какъ не высѣкли ошибкой
По лицу его!
Выпивъ первую бутылку,
Лизоблюдовъ пьяный хоръ
Тароватому затылку
Лестью выпалилъ въ упоръ:

— Сколько вы божьихъ храмовъ построили!
— Сколько выдали замужъ невѣсты!
— Сколько вдовъ и сиротъ успокоили!
— Сколько роздали пенсій и мѣсть!
— „А какія вы строите линіи!
Подвигъ вашъ — достойные вѣковъ!“
Поправляя очки свои синія,
Заключилъ запѣвало льстедовъ:
— „На Уралѣ, на Ленѣ, на Терекѣ
Предстоятъ еще подвиги вамъ.
Были люди въ Европѣ, въ Америкѣ,
А такихъ не встрѣчалось и тамъ!“
— Будто? Вотъ какъ! Скажите! Неужели?
Восклицалъ осовѣвшій герой;
— Мы, однако, такъ плотно покушали,
Что пора, господа, и домой...

И вскочили „орлы“ его вѣрные,
И героя домой повели...

Про таланты его непомѣрные

Очень громкіе слухи прошли.
 Какъ шаманъ, онъ обвѣшанъ, жетонами
 (А на шеѣ владимірскій крестъ).
 Съ телеграммами, спичами, звонами
 Колокольными — ѣздитъ и ѣсть,
 Упивается тонкими винами,
 Сыплетъ золото щедрой рукой,
 Въ предпріятіяхъ долями львиными
 Надѣлмется... Чѣмъ не герой?..
 Есть, однако, и мнѣнне противное:
 Говорятъ: у него никакихъ
 Дарованій, богатство фиктивное;
 Говорятъ: онъ — игрушка другихъ,
 Нуженъ онъ для одной декораціи;
 Три-четыре искусныхъ дѣльца
 Въ омутъ самой пальной спекуляціи,
 Словно мячибъ, бросаютъ глушца.

Какъ вопшются раки жирные
 Въ тѣло бѣлое его,
 Эти люди, съ виду смиренные,
 Обрываютъ ихъ съ него,
 И потомъ дружка сердечнаго
 Въ новый омутъ повлекутъ...
 Ничего нѣтъ въ мірѣ вѣчнаго —
 Скоро будетъ онъ банкротъ!

Голосъ князя Ивана — *на встрѣчу вновь
 вошедшему.*

А! Авраамъ изыскатель!
 Мимо прошелъ: не узналъ,
 Чѣмъ возгордился, пріятель?
 Я настухомъ тебя зналъ...

Лота отца попрекаетъ,
 Берка отъ Лоты бѣжить,
 Мѣсяца три пронадаетъ
 И, возвратясь, говорить:

„Радуйся, дочь моя Лота!
 Радуйся, Янкель, мой сынъ!
 Дѣти! купилъ я болота
 Семьдесятъ семь десятинъ!“

Лота одѣлася въ шубку,
 Янкель за шапкой бѣжить,

Ѣдутъ смотрѣть на покушку —
 Лошадь съ натуги хрипитъ,
 Мѣстность все ниже и ниже,
 Множество кочекъ и ямъ.
 „Вотъ оно! Лота! смотри же!“
 Лота не вѣритъ глазамъ:

Нѣту ничѣмъ ничего-то,
 Кромѣ трясины и мховъ!
 Только слетѣли съ болота
 Семьдесятъ семь куликовъ!

Ѣдучи шагомъ обратно,
 Янкель трунилъ надъ отцомъ,
 Лота работала знатно
 Длиннымъ своимъ языкомъ.

Берка на жалобы эти
 Молвилъ, подѣхавъ къ крыльцу:
 „Не угодилъ я вамъ, дѣти,
 Да угодилъ продавцу!“

Утромъ онъ съ ними простился,
 Мѣсяца три пропадалъ,
 Ночью домой воротился,
 „Радуйтесь!“ снова сказалъ.

Янкель и Лота не рады,
 Думаютъ: глупость онять!
 „Взялъ я большіе подряды!“
 Берка пустился плясать.

„Четверть съ рубля обойдется,
 Четверть съ рубля... безъ гроша...
 Семьдесятъ семь остается,
 Семьдесятъ семь барыша!“

Денегъ у Берки безъ счета,
 Берка — давно дворянинъ,
 Благословляя болота
 Семьдесятъ семь десятинъ!..

Чу! пѣсня! Полные виномъ,
 Два инженера ликовали
 И пѣли пѣсенку о томъ,
 Какъ „непреклоннаго“ сломали.

Я проектъ мой излагалъ
Ясно, непреложно —
Сухо молвилъ генераль:
„*Это невозможно!*“

Я протекцію сыскалъ,
Все обставилъ чудно,
Грустно молвилъ генераль:
„*Это очень трудно!*“

Въ третій разъ понять я далъ:
Будеть — гривна со ста,
И воскликнулъ генераль:
„*Это — очень просто!*“

Голосъ князя Ивана.

На умъ чины да куши,
Пассажировъ бьетъ гуртомъ:
Христіанскія-то души
Жидовинъ ни по чемъ.
До предѣловъ незаконныхъ
Глупъ, а денежки гребетъ...
Все равно, что рѣзать сонныхъ —
Обирать народъ!

Слышно толки: „лѣность... пьянство...
Земство... волость... мужики...“
Это — мѣстное дворянство
И дворяне-степняки.
У степного дворянина
Рѣчь любимая своя:
„Чебоксарская щетина“,
„Миргородская свинья“,
„Свекловица, мериносы“,
„Спросъ на водку и барду“;
А у мѣстнаго вопросы
„Все сословные“ въ ходу,
Графъ Д — довъ, князь Л — ановъ
Въ центрѣ этого кружка
Излагаютъ пользу плановъ,
Неудавшихся пока.

„*Вся бѣда Россіи
Въ недостатокѣ власти!*“

Говорятъ витіи
По сословной части.

— „*Да! провинція пустѣетъ:
Города объаты сномъ,
Земледѣлецъ нашъ бѣднѣетъ,
Дворянинъ поникъ челомъ.*“

Кто не „высшаго разбора“,
Убѣгай изъ нашихъ мѣстъ:
Ты — добыча прокурора,
Мировой тебя заѣстъ!

Кто теперь тамъ толку сыщеть?
Народившійся кулакъ
По селеньямъ звѣремъ рыщетъ,
Выжимаетъ четвертакъ.

Выбиваютъ недоимку,
Разоряютъ до гроша,
Взятку, взятку-певидимку
Ловить каждая душа!

Даже Божіи стихіи
Ополчились на крестьянъ:
Повсемѣстно по Россіи —
Вихри, штормы, ураганъ.

Громъ жилища зажигаетъ,
Нивы градъ Господень бьетъ,
Деньги земство обираетъ,
Жадный волкъ уноситъ скотъ!

Съ мужикомъ однимъ случилось —
То-то онъ оторопѣлъ! —
Даже почва провалилась,
Отведенная въ падѣль!

Не затѣмъ мы уступали
Наши древнія права,
Чтобъ на наше мѣсто стали
Становой и голова!

Жаль родного достоянья,
Жаль и бѣдныхъ мужиковъ!
Тамъ — семейныя преданья,
Тамъ — любезный прахъ отцовъ!

Прахъ отцовъ — добыча тлѣнья,
А живому дорогъ день:
Какъ изъ чумнаго селенья
Мы бѣжимъ изъ деревни!“

Такъ искатели концессій,
Потерѣвшіе накладь
Отъ хозяйственныхъ профессій,
Нашимъ земцамъ говорятъ.

— „Нѣтъ, а мы такъ не уходимъ!
Обновивъ съ народомъ связь,
Мы народъ облагородимъ“ —
Говорить, по Гнейсту, князь:
„Мы судебно-полицейской
Властью — пьянство укротимъ!“
И съ улыбкой фарисейской
Ренегаты вторятъ имъ.

.
.
.
.

Дворянинъ многоземельный
Съ тайной думою своей
Дышетъ скукою смертельной.
Есть субъекты веселѣй:
Генеральный бой дворянскій
Проигравъ, они наплись —
И войною партизанской
На досугѣ занялись.
Не рискуя головою,
Эти рыцари страны
Такъ и рвутъ, что можно, съ бою
У народа, у казны:
Взявъ съ подряда „разрѣжене“
Государственныхъ лѣсовъ
Произвестъ опустошенье,
Подмѣнить у мужиковъ
Земли — дѣло „партизана“:
Онъ — процентщикъ, онъ — торгашъ,
Не уйдешь его капкана,
Неизбѣжно дань отдашь!
Четверикъ фальшивой мѣры,
Тайный фортель у вѣсовъ...
Впрочемъ, тутъ же есть примѣры.

Чу! помѣщикъ Хватуновъ
Самъ кричитъ: „удралъ я штуку!
Не зѣвайте! вотъ вамъ шансъ!“
И поетъ, друзьямъ въ науку,
Назидательный романсъ.

Пѣсня объ „Орошеніи“.

Комитету „Поощренья
Земледѣльческихъ Трудовъ“
Сдѣлать опытъ орошенья
Нашихъ пашень и луговъ

Предложилъ я: снарядили
Двѣ комиссіи въ нашъ край
И потомъ благословили,
Дали денегъ: „Орошай!“

Я поѣхалъ за-границу,
Пожурировалъ; затѣмъ,
Началъ сѣять свекловицу.
Время мчалось, между тѣмъ,

Домъ мой сталъ богаче, краше,
Самъ толстѣю, что ни годъ.
Вдругъ запросъ: „Успѣшно-ль ваше
Орошеніе идетъ?“

— „При ближайшемъ наблюденіи“,
Отвѣчаю въ комитетъ:
„Нахожу, что въ орошеніи
Въ нашемъ краѣ — нужды нѣтъ,

— „Трудъ притомъ безмѣрно дорогъ...“
Согласились: Нѣтъ нужды!
А заatokъ — тысячъ сорокъ —
За послѣдныя труды

Комитетъ — не безъ участы
Добрыхъ душъ — съ меня сложилъ,
И тогда — слезами счастья
Грудь жены я оросилъ!..

Въ каждой группѣ плутократовъ —
Русскихъ, нѣмцевъ ли, жидовъ —

Замѣчаю ренегатовъ
 Изъ семьи профессоровъ.
 Ихъ исторія извѣстна:
 Скромнымъ труженикомъ жилъ
 И, служа наукѣ честно,
 Плутократію громилъ,
 Былъ профессоромъ, ученымъ
 Лѣтъ до тридцати,
 И, казалось, миллиономъ
 Не собьешь его съ пути...

Вдругъ — конецъ исторіи —
 Въ тридцать лѣтъ герой —
 Прыгъ съ обсерваторіи
 Въ омутъ биржевой!..

Вотъ москвичъ — родоначальникъ
 Этой фракціи дѣльцовъ:
 Объ отечествѣ печальникъ,
 Лучшій типъ профессоровъ,
 Встарь онъ пѣлъ инья пѣсни,
 Искандеръ былъ другъ его,
 Кромѣ каменной болѣзни,
 Не имѣлъ онъ ничего;
 Подъ опалой въ оны годы
 Находился демократъ,
 Другъ народа и свободы,
 А теперь онъ — плутократъ!
 Спекуляторскія штуки
 Ловко двигаетъ впередъ
 При содѣйствіи науки
 Этотъ старый патріотъ...
 Вотъ другой — слыветъ за чудо:
 Говорунъ и остроловъ
 („Леонидъ“ — ему покуда
 Кличка у тузовъ).

Онъ машиннымъ краснорѣчьемъ
 Плутократію дивить;
 Никакимъ противорѣчьемъ
 Не смущаясь, говорить
 Въ интересахъ господина.
 Заплати да тѣму дай,
 Говорильная машина
 Загудитъ: подниметь лай,
 Будетъ плакать и смѣяться,
 Цифры, факты извращать,

На Бутовскаго ссылаться,
 Марксомъ тону задавать.
 Предпочтя ученой славѣ
 Соблазнительный металлъ,
 Леонидъ сперва при Саввѣ
 На посылкахъ состоялъ,
 Подавалъ ему „идейки“
 (И сигары — иногда),
 Зналъ къ редакторамъ лазейки,
 Къ представителямъ суда,
 Составлялъ „записки“, „мнѣнья“,
 Сплетни прессы отражалъ,
 И въ директоры правленья,
 Наконецъ, попалъ!

Тутъ ужъ торная дорога:
 Нахватавъ десятокъ мѣстъ,
 Какъ за пазухой у Бога,
 Онъ живетъ; по-барски ѣсть,
 На балы къ концессионерамъ
 Возитъ куклоку-жену
 И поетъ акціонерамъ
 Вѣчно пѣсенку одну;
 Смыслъ извѣстный: „дивидендовъ
 Нѣтъ покажѣсть — ожидай!
 И не медля шесть процентовъ
 Намъ въ награду отчислай!“
 Кризисъ: дѣло не спорится,
 Денегъ нѣтъ, должны кругомъ,
 Въ дверь правленія стучится
 Съ исполнительнымъ листомъ
 Приставъ: кассу запираетъ,
 Мебель штемпелемъ клеймитъ.
 Леонидъ не унываетъ
 И цинически остритъ:
 „Матъ, конечно, предпріятю,
 А правленью — не бѣда!
 Стулъ съ казенною печатью
 Такъ же мягокъ, господа!..“
 Нынче счету нѣтъ артистамъ,
 Что такимъ путемъ пошли,
 И на помощь аферистамъ
 Силу знанья принесли.
 Всякій планъ въ основѣ шаткѣй,
 Какъ на сваяхъ утвердятъ:

Исторической подкладкой,
 Перспективами снабжать!
 Дѣло ихъ—стоять на стражѣ
 „Государственныхъ идей“.
 Нѣтъ еще идеи даже,
 Есть одинъ намѣкъ о ней,
 Ужъ бѣгутъ они къ патронамъ,
 Выговариваютъ пай.
 Начинаютъ скромнымъ тономъ:
 „Нужный банкъ“... „Забытый край“...
 Дальше — громче пропаганда,
 Загорается война,
 Кто за Шмидта, кто за Странда!
 Правду вывернуть до дна,
 Чудо сдѣлаютъ изъ края,
 Этнографіей блеснуть,
 И статистика такая...
 Гдѣ они ее берутъ?

Аргументъ экономическій,
 Аргументъ патриотическій,
 И важнѣйшій, наконецъ,
 Съ точки зрѣнья стратегической
 Аргументъ — всему вѣнецъ!..

Изъ пяти одна затѣя
 Удалась — набить карманъ!
 А гуманная идея
 Отошла на дальній планъ.
 Новый тузъ-богачъ—въ итогѣ,
 И сказались барыши
 Лишней гривною въ налогѣ
 Съ податной души.

Надо честь отдать почину —
 Разбудили Русь они:
 И купцу, и дворянину
 Плохо спится въ наши дни;
 Прежде Русь стихи писала,
 Риѳмамъ не было числа,
 А теперь практичнѣй стала:
 На проекты налегла!
 Предпримчивостью чудной
 Преисполнились сердца,
 Нѣтъ теперь задачи трудной,

Каждый планъ найдетъ дѣльца.
 Запрудятъ Неву, каналы
 По Сахарѣ проведутъ!..
 Дайте только капиталы,
 Обеспечьте рискъ и трудъ...

Дá, постигла и Россія
 Тайну жизни, наконецъ:
 Тайна жизни — гарантія,
 А субсидія — вѣнецъ!
 Будешь въ славѣ равень Фидію,
 Антокольскій! извай!
 ГАРАНТИЮ и СУБСИДИЮ,
 Идеаламъ форму дай!
 Окружи свое творенье
 Барельефами: толпой
 Пусть идутъ на поклоненье
 И ученый, и герой;
 Пусть идутъ израильтяне
 И другіе пришлецы,
 И російскіе дворяне,
 И моршанскіе свопцы...

Бесѣда кипитъ, не смолкая,
 И льется рѣкою вино,
 Великихъ и малыхъ равняя;
 Всѣ группы смѣшались давно.
 Зацѣпишь въ ударѣ, какъ воду,
 Венгерское пьеть; Леонидъ,
 Великому мужу въ угоду,
 Вистуетъ ему и лисить.
 Изъ оперы новыя лица
 Явились; затѣяли споръ:
 Которая выше пѣвица,
 Который пошлѣ актёръ.
 Веселый толстякъ, краснокожій,
 Хохочетъ Иванушка шутъ,
 И мужъ государственный тоже,
 Подвыпивъ, бесѣдуетъ тутъ:
 „Да-съ, наша тропа не безъ терній!
 Энергія—свойство мое,
 Но на сорокъ восемь губерній
 Всегда ли достанетъ ее?..“

Но былъ одинъ—онъ общества чуждался;
 Построивши дорогу въ восемь верстъ,
 На собственномъ величьи помѣшался
 Остзейскій тузъ — баронъ фонъ-Клоппен-
 горстъ.

Онъ вынуждалъ къ невольному решпекту —
 Торжественность въ осанкѣ и въ лицѣ;
 Пусти нагимъ по Невскому проспекту —
 Покажется онъ — въ тогѣ и въицѣ.
 Онъ не сгибалъ своей баронской выи
 Ни передъ кѣмъ; на лбу его крутомъ
 Начертано: „Трудился для Россіи
 И памятникъ воздвигъ себѣ притомъ!“
 Онъ былъ смѣшонъ картинно, грандіозно
 И шумный пиръ эффектно отбѣнялъ.
 Онъ пилъ одинъ, насупивъ брови грозно,
 По слову въ часъ медлительно ропилъ,
 Молчать ли онъ — особалъ манера
 Молчать... глядѣть—побѣдоносный взоръ!
 Идетъ ли онъ — незыблемая вѣра,
 Что долгъ другихъ давать ему просторъ.
 Среди судовъ обычнаго размѣра
 Такъ шествовалъ въ Россію „Мониторъ“...

Остроумная случайность!
 На сосѣда не похожъ,
 Представлялъ другую крайность
 Эдуардъ Иваичъ Грошъ —
 Господинъ на пожкахъ низкихъ,
 Весель, юрокъ и румянъ,
 Изъ породы самыхъ близкихъ
 Къ человѣку обезьянъ.
 Къ разнымъ группамъ подбѣгаетъ,
 Щурить глазки, руки жмегъ
 И головкою киваетъ,
 И хихикаетъ, и вретъ.
 Голосокъ его инскливый
 Раздается тамъ и тутъ,
 Толстый, маленькій, плѣшивый,
 Сибаритъ, дѣлецъ и шутъ —
 Онъ, какъ ртуть, на всякомъ мѣстѣ,
 Слышитъ — кто-то говоритъ:
 — Нужно завтра акцій двѣсти...
 „На наличность? на кредитъ?..“

По рукамъ въ минуту хлопнулъ
 И бѣжить туда бѣгомъ,
 Гдѣ услышалъ слово: лопнулъ.
 „Кто? Какой торговый домъ?..“
 — Лопнулъ — шаръ!.. Зимой въ санкахъ
 Вѣчно встрѣтите его;
 Онъ на биржѣ, въ думѣ, въ банкахъ,
 Нѣтъ собранья безъ него:
 Это высшаго разряда
 Факторъ -- сила нашихъ дней.
 Телеграфовъ съ нимъ не падо,
 Ни газетныхъ новостей.
 Свѣтскій міръ и міръ подпольный
 Дань равно ему несутъ.
 Какъ револьверъ шестиствольный,
 Онъ заряженъ! Съ виду шутъ,
 Онъ не спрѣста бьетъ баклуши,
 Онъ трудится больше насъ:
 Настороженны уши,
 Волчій зубъ и лисій глазъ!
 Чтѣ вамъ нужно? Закладную?
 Моську, мужа... дачу, домъ,
 Капиталь?.. Рекомендую:
 Не ударить въ грязь лицомъ!
 Честолюбье-ль васъ тревожить?
 Онъ карьерѣ дастъ толчокъ,
 Даже выхлопотать можетъ
 Португальскій орденокъ!
 По руки принять перчатку —
 Дѣло Гроша! Всюду вхожъ,
 Онъ туда протиснетъ взятку,
 Что руками разведешь!..
 Гроша вывели изъ мрака
 Случай, ловкость и родня,
 Не выходитъ онъ изъ фрака,
 Пробудясь, кричитъ: коня!
 Въ девять рыщетъ по труппамъ,
 Ищетъ нужнаго дѣльца,
 Въ десять — шествуетъ за гробомъ
 Сановитаго лица;
 До двѣнадцати — въ переднихъ
 У вліятельныхъ господъ,
 Въ часъ — въ пріютѣ малолѣтнихъ,
 Гдѣ молебень и отчетъ.

Въ два — за завтракомъ съ кошкой
(Онъ — кокотокъ первый другъ),
Съ трехъ — на биржѣ... День короткій —
Пообѣдать недосугъ!

Вечеръ: два, три комитета,
Оперетка и балетъ,
И у дамы полусвѣта
За рулеткой — дня разсвѣтъ!

Тихе!.. новый гость явился;
Всѣ вскочили, самъ баронъ
Клоппенгорстъ предъ нимъ склонился,
Подаль руку... Кто же онъ?

Кто онъ? Дѣйствуя практически,
Я обязанъ умолчать,
Но могу аллегорически
Пѣтухомъ его назвать.

Нѣтъ вѣрнѣ аттестаціи:

Золото клюетъ —

Возвращаетъ... ассигнаціи!

Илавно онъ идетъ

Съ видомъ скромнаго достоинства:

Словно предъ вождемъ

Дрессированное воинство,

Смогло все кругомъ...

Поздоровался съ Саввой Степанъчемъ,
Крѣпко палець Зацѣвъ сдавилъ,
Пошутить съ Эдуардомъ Иванъчемъ:
„У! какъ блѣденъ! Опять пошалилъ!“

— „Испугался проекта Дерницына:
Объ общественной пользѣ поетъ,
А въ душѣ — идеалы Плотыцна:
Зазѣвайся —“

А затѣмъ, неизвѣстность полнѣйшая!
Къ сожалѣнью, бесѣда дальнѣйшая
Шла воцологоса... „Время на балъ!“
Уходя, незнакомецъ сказалъ.

Къ счастью, онъ вернулся снова,
На минуту съѣлъ,
И тогда четыре слова
Я поймать успѣлъ.

„Нужно выждать двѣ недѣли“,
Саввъ онъ сказалъ:

„Нужно выждать; не созрѣли...“

И, допивъ бокаль,

Вышелъ...

Эксъ-писатель блѣднолицый

Появился Пьеръ Кульковъ:

Былъ онъ долго за границей

По комиссіямъ дѣльцовъ

И друзьямъ поклонъ собрата

Изъ Итали привезъ.

Вожделѣннй плутократа,

Такъ сказать, апопееозъ

Совмѣщаль въ себѣ фонъ-Руге:

Ухвативъ громадный кушъ,

Онъ ушелъ — на свѣтломъ югѣ

Отдыхать. „Великій мужъ!“

Говорятъ ему вити:

„Не пугайся клеветы!

Предпримчивость Россіи

На такія высоты

Ты вознесъ, что миллиарда

Увезеннаго не жаль!..“

Не безъ чувства и азарта,

Устремляя очи въ даль,

Разказалъ туристъ свиданье

Съ удалившимся дѣльцомъ;

Было общее молчанье,

Пѣлъ разказчикъ соловьемъ:

Я посѣтилъ отшельника Севильи,

На виллу Миртъ хотѣлось мнѣ взглянуть;

Предъ ней поэтъ преклонится — въ безсильи

Вообразить прекраснѣйшій что-нибудь!

Изъ мрамора каррарскаго колонны,

На потолокахъ сибирскій малахитъ,

И въ воздухѣ висящіе балконы,

И съ одного — въ Европѣ лучшій видъ!

Тамъ онъ любилъ сидѣть послѣ обѣда

И нѣсколько тревожился лишь тѣмъ,

Что тотъ же видъ доступенъ для сосѣда,

Его девизъ: я не дѣлюсь ни съ кѣмъ!

Онъ этимъ былъ глубоко опечаленъ
И, наконецъ, сосѣда побѣдилъ:
Настроилъ онъ искусственныхъ развалинъ
И чудный видъ сосѣду заградилъ!..

Весь подъ шатромъ навѣсовъ виноградныхъ
Шелъ путь къ нему извиистой тропой;
Не пожалѣвъ расходовъ безопасныхъ,
Онъ срылъ сады — и сдѣлалъ путь прямой!

Такъ онъ живетъ, такъ тратитъ онъ доходы,
Всѣмъ жертвуя комфорту своему...
Кругомъ цвѣты... искусственныя воды...
Его оркестръ обходится ему

Въ огромный кушъ. Устроивъ родъ престола,
Уходитъ онъ въ свой музыкальный залъ,
И, такъ сказать, оркестру внемлетъ *solo*,
Вотъ жизнь его... вотъ жизни идеаль!..

„По такому идеалу
Можетъ только жить — кретинъ!“
Вдругъ сказалъ вошедшій въ залу
Незадолго господинъ.
(Сумасшедшій или гений?
Возникалъ въ умѣ вопросъ,
Послѣ краткихъ наблюдений
Надъ вошедшимъ): „Онъ унесъ
Изъ Россіи миллионы
И, построивъ пышный гробъ,
На визиты, на поклоны
Чуть не царственныхъ особъ
Онъ рассчитывалъ, сгорая
Честолюбіемъ... Увы!
Ѣдутъ мимо, не склоняя
Передъ Руге головы!
У него въ груди есть рана,
Нанесенная ему
Катастрофою Седана.
Угадайте: почему?
Передъ боемъ франко-прусскимъ
Переписывался онъ
Съ императоромъ французскимъ,
За серебряный мильонъ

Титулъ герцога — я слышалъ —
Ужъ совсѣмъ приторговалъ...
Вдругъ скандалъ седанскій выпелъ —
Продавецъ банкротомъ сталъ!
И теперь о томъ героѣ
(Не забавный ли пассажъ?)
Въ цѣломъ мірѣ плачутъ трое —
Сынъ, жена... да Руге нашъ!
Пожалѣй, честная публика!
Гдѣ купить высокій санъ?
Ужъ во Франціи — республика!
Титловъ нѣтъ у англичанъ
На продажу... а Германія?..
Онъ и такъ — нѣмецкій фонъ...
Таковы его страданія..
Гдѣ же счастье?.. Дурень онъ!
„Дайте мнѣ его миллионы,
Я бы имъ протеръ глаза!
Не всячіе балконы —
Я бы создалъ чудеса!
Петръ Великій въ Сестербекѣ
Портъ громаднй замшплалъ;
Здѣсь въ великомъ челоѣкѣ
Геній видимо дремалъ,
Но и въ маломъ челоѣчкѣ
Онъ не дремлетъ иногда:
Нуженъ портъ... на Черной рѣчкѣ!
Вотъ идея, господа!
Всѣ другіе планы къ чорту!
Составляйте капиталъ:
Смѣло строй дорогу къ порту
И веди къ нему каналъ!
Подойдутъ вагонъ и барка
И корабль... Сдавай, грузи!
Какъ маякъ, горящій ярко,
Будетъ портъ мой на Руси!
Я ужъ рельсы далъ дорогамъ,
Я войскамъ оружье далъ...
Въ новый путь иду я съ Богомъ...
Составляйте капиталъ!

Съ деньгами, съ геніемъ
Чуднымъ движеніемъ
Русь оживимъ.
Море Балтійское,

Море Каспійское

Соединимъ!

Вотъ занятіе! вотъ дѣло!

Можно душу положить!

Ненавижу нѣжить тѣло,

Нервы праздностью томить.

Ужъ давно я былъ бы Крезомъ,

Могъ бы лавры пожинать,

Но безпошлиннымъ желѣзомъ

Не хочу я торговать.

Металлическихъ заводовъ

Съ пивовареннымъ котломъ

Я не строю для доходовъ...

Наживаться воровствомъ

Сродно подлому холоцу!

Цѣль моя: къ окну въ Европу,

Что прорублено Петромъ,

Вѣковой пристроить домъ!"

Уходитъ быстро и съ эффектомъ еще въ комнату надвѣз шляпу.

Голосъ князя Ивана.

Появился метеоромъ,

Матееоромъ — и пропасть!

Никогда онъ не былъ воромъ,

А людей съ сумой пускалъ.

У него своя контора:

„Переписки векселей“,

Нужно штатъ удвоить скоро.

Въ день до тысячи рублей

Платить онъ однихъ процентовъ.

То-то жизнь! топи каминъ

Грудой старыхъ документовъ,

Да на новыхъ ставъ: *Лидвинъ.*

А въ стяжаніи не грѣшенъ,

Самъ послѣднее отдастъ...

Чѣе-то замѣчаніе.

Но за то, вѣдь, онъ помѣшанъ?

Голосъ князя Ивана.

Нѣтъ, большой энтузіастъ!

Занимая всюду деньги

И *пристроить* ихъ спѣша,

Ищетъ онъ по *шапкѣ Сеньки...*

Идеальная душа!..

Въ лѣтній день, у пристани канала

Собралась толпа, чего-то ждетъ..

Духовенство шествуетъ сначала,

А за нимъ комиссія идетъ:

Шитые мундиры, эполеты!

Чу! вдали заплѣли бурлаки!

Но они не топи, какъ скелеты,

На подборъ красавцы-мужики.

„Въ шелковыхъ рубахахъ!“ шепчутъ бабы.

— „Глянъ: и Савва!“ гаркнула толпа.

Съ деревянной ложкою у шляпы

И съ желѣзнымъ гребнемъ у пупа,

Самъ купецъ-подрядчикъ бичевою

Тянетъ барку... Къ пристани пришли...

Отслуживъ молебень чередою,

Пировать въ палатку побрели.

Въ торжествѣ открытія канала

Самъ министръ участие принималъ,

Но не струсилъ Саввушка ни мало —

Рѣчь его сіятельству сказалъ!

Былъ тогда вельможа этотъ въ силѣ,

Затѣвалъ громадныя дѣла...

Эта рѣчь „въ народномъ, русскомъ стилѣ“

Милліоны Саввѣ принесла.

Нынче онъ... да словомъ: пѣтъ другого!

Савву надо въ лѣтописи внести:

Савву Богъ сподобилъ *даромъ слова*

На Руси богатство приобрѣсть!

Но, начавъ карьеру бичевою,

Любитъ онъ простого „мужичка“,

Вспоминая прошлое порою,

Напѣваетъ пѣсню бурлака,

Ту, что пѣлъ когда-то на каналѣ...

Выпивъ тостъ за „братьевъ мужиковъ“,

Онъ заплѣлъ... что было русскихъ въ залѣ

Подошли — и стройный хоръ готовъ:

ВЪ ГОРУ!

(Бурлацкая пѣсня)

Хлѣбушка нѣтъ,
Валится домъ,
Сколько ужъ лѣтъ
Камѣ поемъ
Горе свое,
Плохо житье!
Братцы, подѣмъ!
Ухнемъ! напруемъ!

Ухни, ребята! гора-то высокая..
Кама угрюмая! Кама глубокая!

Хлѣбушка дай!
Экой песокъ!
Эка гора!
Экой денѣкъ!
Эка жара!

Камушка, сколько мы слезъ въ тебя пролили!
Мы ли, родная, тебя не довели?

Денежекъ дай!
Бросили домъ,
Малыхъ ребятъ..
Ухнемъ, напруемъ!..
Кости трешнать!
На печь бы лечь
Зиму проспять,
Лѣтомъ утечь
Съ бабой гулять!
Экой песокъ!
Эка гора!
Экой денѣкъ!
Эка жара!

Ухни, ребята! гора-то высокая!..
Кама угрюмая! Кама глубокая!

Нѣтъ те конца!..
Этакъ бы впричь
Въ лямку купца —
Лечь бы богачъ!..
Экой песокъ!
Эка гора!
Экой денѣкъ!
Эка жара!

Эй! вѣтерокъ!
Дуй посильнѣй!
Намъ хоть часокъ
Дай повольнѣй!..

Два-три подрядчика съ дѣдушкой Саввой
Въ пѣніе душу кладутъ;
Спой такъ пѣвецъ — наградили бы славой!
За сердце звуки берутъ.
Что-жь это, Господи! Всѣхъ задушевиѣй
Шурина голосъ звучить!
Вѣтъ лѣсами, рѣкою, деревней,
Русской истомой томить!
Все въ этой пѣснѣ: тупое терпѣніе,
Долгое рабство, укорь..
Чуть и меня не привелъ въ умиленіе
Этотъ разбойничій хоръ!..

Э П И Л О Г Ъ.

„Я — воръ!“ вдругъ громко прозвучалъ
Какой-то голосъ изступленный.
По залѣ шопотъ пробѣжалъ
И смолкъ. Глубоко-удивленный,
Плотиѣ къ двери я приникъ:
Изнеможенный и печальный,
Передъ столомъ сидѣлъ старикъ..
Ужель Зацѣпа гениальный?
Да, вѣрно! Блѣдень, какъ мертвецъ,
Въ очахъ глубокое страданье..
Чу! новый вопль! И, наконецъ —
Неудержимое рыданье!

Князь Иванъ.

Полно! полно! плакать стыдно,
Сядемъ лучше въ домино.
Постороннему — обидно,
А друзьямъ твоимъ — смѣшно!
Ты подобенъ той гетерѣ,
Что на склонѣ блудныхъ дней
Горько плачетъ о потерѣ
Добродѣтели своей!

Не воротится невинность,
 Какъ глубоко ни грусти,
 Лишь нарушишь пира чинность
 И заставишь насъ уйти!

Ушелъ Эфруси, важный грекъ,
 Бивнувъ собранью величаво...
 „Куда же вы?“ воскликнулъ Савва:
 „Зацѣпниъ, умный человекъ,
 Но человекъ немного странный:
 Впадаетъ онъ, напившись пьянъ,
 Какъ древле Грозный Иоаннъ,
 Въ какой-то навозъ покаянный.
 Но—ничего! Гроза пройдетъ,
 И завтра-жъ—побожиться смѣю —
 Великій умъ изобрѣтетъ
 Золотоносную идею!
 Какъ подъ дождемъ цвѣты растутъ
 Сильнѣй—прибавилъ онъ къ евреямъ —
 Такъ эти бури придають
 На-утро блескъ его идеямъ!..“

Зацѣпниъ.

Я—воръ! Я—рыцарь шайки той,
 Изъ всѣхъ племенъ, нарѣчій, націй,
 Что исповѣдуетъ разбой
 Подъ видомъ честныхъ спекуляцій!
 Гдѣ силою да рядомъ—видитъ Богъ! —
 Лежатъ въ основѣ состоянны
 Два-три фальшивыхъ завѣщанья,
 Убийство, кража и поджогъ!
 Гдѣ позабудь покой и сонъ,
 Добычу зорко карауля,
 Гдѣ въ результатѣ—милліонъ
 Или коническая пуля!

Какъ огорошенные градомъ,
 Ушли остзейскіе тузы,
 Жиды вскочили... стали рядомъ...
 „Куда? Сейчасъ—конецъ грозы!“
 И любопытные евреи
 Остались... Воздухъ душень сталъ...
 Зацѣпа рвалъ рубашку съ шеи
 И истерически рыдалъ...

Князь Иванъ.

На милліонъ согрѣша,
 На милліарды тоскуеть!
 То-то святая душа!
 Чтó же сей сонъ знаменуеть?

Бѣдный Зацѣпа—поэтъ,
 Горе его—непрактичность;
 Нынче раскаянья нѣтъ.
 Какъ ни зацапай наличность,
 Мы оправданье найдемъ!
 Нынче твердить и борода:
 „Американскій пріемъ“,
 „Великорусская смѣтка!“

Грошъ у новѣйшихъ господъ
 Выше стыда и закона;
 Нынче тоскуеть лишь тотъ,
 Кто не укралъ милліона.

Бредитъ Америкой Русь,
 Къ ней тяготѣя сердечно...
 Шуйско-Ивановскій гусь —
 Американецъ?.. Конечно!

Чтó ни попало—тащатъ,
 „Нашъ идеаль“—говорять —
 „За-атлантическій братъ:
 „Богъ его—тоже вѣдь долларъ!..“

Правда! но разница въ томъ:
 Богъ его—долларъ, добытый трудомъ,
 А не украденный долларъ!

Зацѣпниъ.

Къ религіи наклопность и питаль.
 Мечталъ носить желѣзные вериги,
 А кончилъ тѣмъ, что утверждалъ
 Завѣдомо подчищенные книги...

Рыдаеть.

Князь Иванъ.

Ты книги подчистилъ? и только!
 Уйми щекотливую честь!
 Ахъ! еслибъ всѣ выпили столько,
 Не то услышали-бъ мы здѣсь!

Тернисты пути совершенства,
И Русь помѣшалась на томъ:
Нельзя ли земного блаженства
Достигнуть обратнымъ путемъ?

Позорныя пятна на чести,
Торжественный, крупный скандалъ
И тысячъ четыреста... двѣсти
Въ итогѣ—вотъ нашъ идеаль!

Тебя угнетаетъ сознанье,
Что шатко общественный крестъ
Ты несъ, получая даанье
Съ пятнадцати прибыльныхъ мѣстъ?

Утѣшься! Подъ жертвою крупной
Таится подходъ къ грабежу,
Подъ маской добра неприступной
Холодный расчетъ докажу!

Завидуешь доблестямъ мужа,
Что нѣсколько разъ устоялъ,
И, плутни другихъ обнаружа,
Копѣечки самъ не укралъ?

Гонитель воровъ безпощадный,
Блестающій честностью мужъ
Ждетъ случая хапнуть громадный,
Приличный амбиціи кушъ!

Дождется—и маску смиренья
Цинически сброситъ съ лица...
Утѣшься! *Блаженство паденья*—
Конечная цѣль мудреца!..

Рѣдѣла дружная семья,
Поочередно подходили
Къ Зацѣпѣ вѣрные друзья
И успокоиться просили:
„Не плачь! безгрѣшенъ только Богъ,
Не плачь! Не хуже ты другого!“
Отвѣтъ: рыданье, тяжкій вздохъ
Или язвительное слово!

Тронуть ближняго несчастьемъ,
Милліонщикъ-мукомоль
Къ удрученному съ участьемъ
И съ совѣтомъ подошелъ:
„Чтобы совѣсть успокоить,
Поговѣй-ка ты постомъ,
Да совѣтую устроить
Богадѣльный домъ.
Передъ ризницей святою
Въ ночь лампадки зажигаю,
Да получше, безъ отстою,
Масло наливай!“

Подошелъ и Ѳеодоръ Шкуринъ.
— Прочь! не приходи!
Вмѣсто сердца, грошъ фальшивый
У тебя въ груди!

Ты ребенкомъ дралъ щетину
Изъ живыхъ свиней,
А теперъ ты жилы тянешь
Изъ живыхъ людей!—

Шкуринъ голову повѣсилъ,
„Такъ-съ!“ пробормоталъ...
Князь Иванъ одинъ былъ весель:
„Браво!“ онъ сказалъ.

Дружень былъ старикъ съ Зацѣпой,
Онъ къ нему подсѣлъ—
Укротить порывъ свирѣпый
Въ свой чередъ хотѣлъ...

Князь Иванъ.

Ты Шиллера, должно быть, начитался
Иль черезчуръ венгерскаго хлебнулъ!
Кто не мечталъ... и кто не оказался
Отступникомъ? Кто круто не свернулъ
Съ прямыхъ путей—по волѣ... по неволѣ?...
Припомнимъ-ка товарищей по школѣ:

Окончивъ курсъ, на лекціи студентамъ
Ученый Швабъ съ энергіей внушалъ
Любовь къ труду, презрѣніе къ процентамъ,

Громя тарифъ, налоги, капиталъ.
 Сочувственно ему внимали классы...
 А нынѣ онъ — директоръ ссудной кассы...

„Судья лишь тотъ, кто Богу самъ не грѣ-
 шень,
 А мой принципъ — прощенье и любовь!“
 Говаривалъ Володя Церелѣшинъ:
 „Кто низко палъ—воспрянуть можетъ вновь,
 „Не бичевать, жалѣть должны мы вора...“
 А нынѣ онъ — товарищъ прокурора...

Графъ Твердышовъ... ужъ онъ ли надъ Рос-
 сией,
 Надъ мужичкомъ голоднымъ не грустилъ?
 А кончилъ тѣмъ, что съ земской гарантiей
 По пустырямъ дорогу проложилъ
 И съ помощью ненужной той дороги
 Отяготилъ крестьянскіе налоги...

Зацѣпнѣ—внезапно вскакиваетъ.

Хлѣбушка нѣтъ,
 Валится дохъ,
 Сколько ужъ лѣтъ
 Камѣ поемъ
 Горе свое!

Князь Иванъ.

Эхъ, ты! не кстати перервалъ!
 Шумигъ, какъ угли въ самоварѣ!
 А я бы вѣрно перебралъ
 Весь Петербургъ: я былъ въ ударѣ!

Зацѣпнѣ.

Горе! Горе! хищникъ смѣлый
 Ворвался въ толпу!
 Гдѣ же Руси неумѣлой
 Выдержать борьбу?
 Охъ! горька твоя судьбина,
 Русская земля!
 У мужицкаго алтына,
 У дворянскаго рубля
 Плутократъ, какъ караульный,
 Станетъ на часахъ,

И пойдетъ грабежъ огульный
 И — случится крррахъ!

Онъ осушилъ стаканъ воды,
 Порывы грусти типе стали;
 Не уходившіе жида
 Его почти не понимали;

Они подумали, что онъ
 Свершилъ въ Россіи преступленье,
 Укравъ казенный миллионъ,
 И — предложили наставленье.

Еврейская мелодія.

Денежки есть—нѣтъ бѣды,
 Денежки есть—нѣтъ опасности
 (Такъ говорили жида,
 Слогъ я исправилъ для ясности).

Вытрите слезы свои,
 Преодолейте истерику.
 Вы намъ продайте паи,
 Деньги пошлите въ Америку.
 Вы рассчитайте людей,
 Вы распустите по городу
 Слухъ о болѣзни своей,
 Выбрасьте голову, бороду,
 Брови... Одѣвайтесь тепло.
 Вы до Кронштадта на катерѣ,
 Вы на корабль... подъ крыло
 Къ насей финансовой матери *.
 Денежки—добрый товаръ —
 Вы поселяйтесь на жительство
 Гдѣ не достанетъ правительство,
 И поживайте, какъ — царрь!

Зацѣпнѣ.

Прочь! гнушаюсь вашихъ узъ!..
 Проклинаю процвѣтающій,
 Все-берущій, все-хватающій,
 Все-ворующій союзъ!..

*) Англія.

Ушли, полны негодованья,
 Жиды-банкиры... Леонидъ
 Съ послѣднимъ словомъ увѣщанья
 Передъ Зацѣпнымъ стоитъ.

Леонидъ.

Явленье — строго говоря —
 Не ново съ русскими великими умами:
 Съ Ивана Грознаго царя
 До переписки Гоголя съ друзьями,
 Самобичующій прогестъ —
 Россійскихъ гражданъ достоянье!
 Его, какъ ржа желѣзо, ѣсть
 Душевной немощи сознанье;
 Забыта истина одна,
 Что рыцарская честь въ Россіи невозможна...
 Мы искалѣчены безбожно
 И развѣ наша въ томъ вина?

*Пауза. Ораторъ всматривается въ лицо
 Зацѣпна, наблюдая впечатлѣніе своей рѣчи.
 Зацѣпникъ закрываетъ глаза.*

Русской души не понять иновѣрцу...
 Пусть онъ бичуетъ себя, господа!
 Дайте излиться прекрасному сердцу!
 Нѣтъ въ покаяньи стыда.

Что за нелѣпость — крестьянинъ не сѣченый?
 Нечѣмъ тутъ хвастать, а лучше молчать:
 Темныя пятна души изувѣченной

Русскому глупо скрывать,
 Неисчислимы орудья клеймищія!
 Если кого не коснулись они,
 Это — не Руси сыны настоящіе,
 Это — уроды! Куда ни взгляни,
 Все подъ гребенку подстрижено,
 Сбито съ прямого пути,
 Неотразимо обижено...
 Гдѣ же спасенье найти?
 Гдѣ? „Въ милліонахъ!“ такъ жизнь подсказала,
 Геній достигнуть помочь...
 Горе одно: онъ убить идеала
 Въ сердцѣ прекрасномъ не могъ...
 О, роковая судьбъ неизбѣжность!

Въ практикѣ — строгій дѣлецъ,
 Голубь въ душѣ — благородство и нѣжность!..
 Вотъ его драма... Уснулъ, наконецъ...

*Пауза. Ораторъ снова всматривается въ
 лицо Зацѣпна, сидящаго съ закрытыми гла-
 зами, и продолжаетъ болѣе развязнымъ то-
 номъ.*

Ужъ лучше бить, чѣмъ битымъ быть,
 Ужъ лучше ѣсть арбузы, чѣмъ солому...

Созналъ ты эту аксіому?

Такъ, стало, не о чемъ тужить!

Знай свой шестокъ и давай плати культурѣ!
 На Западѣ — Мишле, Эдгаръ Кинэ,
 Овсянниковъ — въ родной своей странѣ

Явленья — вѣрныя натурѣ!

И то ужъ хорошо, что выигралъ ты бой..

Толпа идетъ избитою тропой;

Рабы довольны, если сыты,

Но намъ даны иные аппетиты..

О, Господи! Удвой желудокъ мой!

Утрой гортань! учетвери мой разумъ!

Дай ножницы такія изобрѣсть,

Чтобъ цѣлый міръ остричь въ плотную разомъ —

Вотъ русская неизблемая честь!..

*Зацѣпникъ кидается къ Леониду съ кула-
 ками, его удерживаютъ.*

Князь Иванъ.

Дай венгерскаго старѣйшаго!
 Дружно тостъ провозгласимъ:
 „За философа новѣйшаго!“
 Вы — мальчишки передъ нимъ!
 Ничего не будетъ новаго,
 Если завтра у него
 На спинѣ туза бубноваго
 Мы увидимъ.. ничего!
 Но гораздо вѣроятнѣе,
 Что его карьера ждетъ
 Деликатнѣе, опрятнѣе...
 Милліоны наживетъ!

САВВА — хлопоча, между тьмъ,
около Зацѣпы, говоритъ
вполголоса.

Опомнись, Гриша! что съ тобой?
Себя клеймишь, друзей порочишь,
Не хорошо! Уйди домой
И тамъ бѣснуйся сколько хочешь.
Или ты выгоднымъ нашель
Пустить молву между врагами,
Что состоянье приобрѣлъ
Ты незаконными путями?
Опомнись! У тебя есть сынъ...
Услышать...

ЗАЦѢПИНЪ.

У меня нѣтъ сына...

Бросаетъ Савву телеграмму.

САВВА — читаетъ.

„Сегодня умеръ Константинъ“.
Такъ вотъ разгадка! вотъ причина!
Недаромъ онъ съ утра ходилъ
Угрюмъ и золь, въ хандрѣ глубокой,
Недаромъ такъ безумно пилъ...
Ударъ, дѣйствительно, жестокий!..

Гриша — образчикъ широкихъ натуръ —
Съ молоду въ крайности дерзко бросался,
То миллионъ желалъ самодуръ,
То въ монастырь запереться собирался.
И богомолецъ, и ротмистръ лихой,
И хлѣбосоль — предводитель дворянства,
Сталъ онъ со временемъ тузъ откупной —
Эксплуататоръ народнаго пьянства.
Откупъ рѣшили; герой не хотѣлъ
Праздно сидѣть на своемъ капиталѣ
И провалился — по новости дѣль..
Многіе такъ провалились въ началѣ.
Бывшій гусарь, зарядивъ пистолетъ,
Дерзко на биржѣ сыгралъ на остатки —
Вывезло счастье!.. Увѣровалъ свѣтъ
Въ геній Зацѣпы... Постигнувъ порядки
Новой эпохи, и онъ не дремалъ:
Счастливо, нѣтъ ли, на биржѣ играя,

Давнія связи Зацѣпа скрѣплялъ,
Ловко услуги свои предлагая:
Деньги „свободныя“ взять у друзей
И возратить съ дивидендомъ высокимъ —
Чудное средство для скрѣпы связей!
Гриша прослылъ финансистомъ глубокимъ.
Стали къ нему, какъ ручьи въ океанъ,
Тайныя нити успѣха стекаться,
Мысль озарила — неси къ нему планъ,
А безъ Зацѣпы не смѣй и соваться...

Слухъ по столицѣ пронесся одинъ —
Сдѣлано слишкомъ ужъ дерзкое дѣло!
Входитъ къ Зацѣпѣ единственный сынъ:
„Правда ли?“ „Правда ли?“ юноша смѣло
Сыплеть вопросы — и нѣтъ имъ конца;
Вспыхнула ссора. Зацѣпа взбѣсился.
Чтобъ не встрѣчать и случайно отца,
Сынъ непокорный въ Москву удалился.
Тамъ онъ оканчивалъ курсъ, голодалъ,
Письма и деньги отцу возвращая.
Втайнѣ Зацѣпа о немъ тосковалъ...
Вдругъ телеграмма пришла роковая:
„Раненъ твой сынъ“. Черезъ сутки письмомъ
Другъ объяснилъ и причину дуэли:
„Воромъ отца обозвали при немъ...“
Черныя мысли отцомъ овладѣли,
Утромъ онъ къ сыну поѣхать хотѣлъ,
Но и другая пришла телеграмма...
Какъ ни крѣпился старикъ — не стерпѣлъ
И разыгралась во-очію драма...

Князь острилъ, бурлилъ Зацѣпа,
Леонидъ не уходилъ,
Онъ посматривалъ свирѣпо,
Да съ азартомъ соду пилъ.
Савва — честь ему и слава! —
„Сядемъ въ горку!“ вдругъ сказалъ.
Столъ раскрытъ — пошла забава,
Что ни ставка — капиталъ!
Разчиталъ недурно Савва:
И Зацѣпинъ къ нимъ подсталъ.

ВСТУПЛЕНІЕ

къ пѣснямъ 1876—77 годовъ.

Нѣтъ! не поможетъ мнѣ аптека,
 Ни мудрость опытныхъ врачей:
 Зачѣмъ же мучить человѣка?
 О, небо! смерть пошли скорѣй!

Друзья притворно безмятежны,
 Угрюмъ мой вѣрней чорный пѣсъ,
 Глаза жены сурово-пѣжны:
 Сейчасъ я пытку перенесу.

Пока недугъ молчить, не гложеть,
 Я тѣшусь странною мечтой,
 Что потолокъ спуститься можетъ
 На грудь могильною плитой.

Легко бы съ жизнью я разстался,
 Безъ долгихъ мукъ... Прости, покой!
 Какъ ураганъ недугъ примчался:
 Не ложе — иглы подо мной.

Борюсь съ мучительнымъ недугомъ,
 Борюсь — до скрежета зубовъ...
 О, муза! ты была мнѣ другомъ,
 Приди на мой послѣдній зовъ!

Ужъ я знавалъ такія грозы!
 Ты силу чудную дала,
 Въ колючій тернъ вилетая розы,
 Ты пытку вынести помогла.

Могучей силой вдохновенья
 Странанья тѣла побѣды,
 Любви, негодованья, мщенья
 Зажги огонь въ моей груди!

Крылатыхъ грѣзь толпой воздушной
 Воображенье насели,
 И отъ моей могилы душной
 Надгробный камень отвали!

*
**

Ночь съ 8-го на 9-ое января.

Дни идутъ... все такъ же воздухъ душень
 Дряхлый міръ — на роковомъ пути...
 Человѣкъ — до ужаса бездушень,
 Слабому спасенья не найти!

Но... молчи, во гнѣвѣ сираведливомъ!
 Ни людей, ни вѣка не вляни:
 Волю давъ лирическимъ порывамъ,
 Изойдешь слезами въ наши дни...

СВЯТЕЛЯМЪ.

Святель знанья на ниву народную!
 Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
 Худы-ль твои сѣмена?
 Робокъ-ли сердцемъ ты? слабъ-ли ты силами?
 Трудъ награждается всходами хилыми,
 Добраго мало зерна!
 Гдѣ-жъ вы, умѣлые, съ бодрыми лицами,
 Гдѣ же вы, съ полными жита кошницами?
 Трудъ засѣвающихъ робко, крупницами,
 Двиньте впередъ!
 Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
 Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
 Русскій народъ...

МОЛЕБЕНЪ.

Холодно, голодно въ нашемъ селеніи.
 Утро печальное — сырость, туманъ,
 Колоколь глухо гудитъ въ отдаленіи,
 Въ церковь зоветъ прихожанъ.

Что-то суровое, строгое, властное
 Слышится въ звонѣ глухомъ,
 Въ церкви провелъ я то утро ненастное —
 И не забуду о немъ.
 Все населеніе, старо и молодо,
 Съ плачемъ поклоны кладётъ,
 О прекращеніи лютаго голода
 Молится жарко народъ.
 Рѣдко я въ немъ настроеніе строже
 И сокрушеннѣй видалъ!
 „Милуй народъ и друзей его, Боже!“
 Самъ я невольно шепталъ:
 „Внемли моленіе наше сердечное
 О послужившихъ ему...

 О претерпѣвшихъ борьбу многолѣтнюю
 И устоявшихъ въ борьбѣ,
 Слышавшихъ рабскую пѣсню послѣднюю,
 Молимся, Боже, тебѣ“.

ПРОРОКЪ.

Изъ Барбье.

Не говори: „забылъ онъ осторожность!
 Онъ будетъ самъ судьбы своей виной!..“
 Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
 Служить добру, не жертвуя собой.
 Но любить онъ возвышеннѣй и шире,
 Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ.
 „Жить для себя возможно только въ мірѣ,
 Но умереть возможно для другихъ!“
 Такъ мыслить онъ — и смерть ему любезна.
 Не скажетъ онъ, что жизнь его нужна,
 Не скажетъ онъ, что гибель бесполезна:
 Его судьба давно ему ясна...

ДРУЗЬЯМЪ.

Я примирился съ судьбой неизбежною,
 Нѣтъ ни охоты, ни силы терпѣть
 Невыносимую муку кромѣшную!
 Жадно желаю скорѣй умереть.

Вамъ же — не праздно, друзья благородные,
 Жить и въ такую могилу сойти,
 Чтобы широкіе лапти народныя
 Къ ней проторили пути...

МУЗЪ.

Р, муза! наша пѣсня снѣта.
 Приди, закрой глаза поэта
 На вѣчный сонъ небытія,
 Сестра народа — и моя!

* * *

Скоро стану добычею тлѣнья.
 Тяжело умирать, хорошо умереть;
 Ничьего не прошу сожалѣнья,
 Да и не кому будетъ жалѣть.

Я дворянскому нашему роду
 Блеска лирой моей не стяжалъ;
 Я на столько же чуждымъ народу
 Умираю, какъ жить начиналъ.

Узы дружбы, союзовъ сердечныхъ —
 Все порвалось: мнѣ съ дѣтства судьба
 Посылала враговъ долговѣчныхъ,
 А друзей уносила борьба.

Пѣсни вѣщія ихъ не допѣты,
 Пали жертвою злости, измѣнѣ,
 Въ цвѣтѣхъ лѣтъ; на меня ихъ портреты
 Укоризненно смотрять со стѣнѣ.

З—ИѢ.

I.

Двѣсти ужъ дней,
 Двѣсти ночей

Муки мои продолжаются;

Ночью и днемъ

Въ сердцѣ твоемъ

Стоны мои отзываются;

Двѣсти ужъ дней

Двѣсти ночей!

Темные зимніе дни,

Ясныя зимнія ночи...

З—на! закрой утомленныя очи!

З—на! усни!

4-го декабря, ночь.

II.

Ты еще на жизнь имѣешь право,

Быстро я иду къ закату дней.

Я умру — моя померкнетъ слава,

Не дивись — и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгимъ, яркимъ свѣтомъ

Не горѣтъ на имени моемъ:

Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,

Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.

Кто, служа великимъ цѣлямъ вѣка,

Жизнь свою всецѣло отдаетъ

На борьбу за брата-человѣка,

Только тотъ себя переживетъ...

ПРИГОВОРЪ.

Въ въ своей землѣ благословенной
 Парии — не знаетъ васъ народъ,
 Свѣтскій кругъ, бездушный и надменный,
 Васъ презрѣваемъ хладнымъ обдаетъ.

И звучитъ безцѣльно ваша лира,

Вы пѣвцами темной стороны —

На любовь, на уваженіе міра

Не стяжавшей права — рожденн!... —

Камень въ сердце русское бросая,

Такъ о насъ весь Западъ говоритъ.

Заступись, страна моя родная!

Дай отпоръ!.. Но родина молчитъ...

Ночь съ 7-го на 8-е января.

МАТЬ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ.

Е. О. Лихачевой.

I.

Въ насмѣшливомъ и дерзкомъ нашемъ вѣкѣ
 Великое, святое слово: мать —

Не пробуждаетъ чувства въ человѣкѣ.

Но я привыкъ обычай презирать.

Я не боюсь насмѣшливости модной.

Такую музу мнѣ дала судьба:

Она поетъ по прихоти свободной,

Или молчитъ, какъ гордая раба.

Я много лѣтъ среди трудовъ и лѣни

Съ постыднымъ малодушьемъ убѣгалъ

Плѣнительной, многострадальной тѣни,

Для памяти священной... Часъ насталь!..

Міръ любитъ блескъ, гремушки и литавры;

Удѣлъ толпы — не узнавать друзей,

Она несетъ хвалы, вѣнцы и лавры

Лишь тѣмъ, чей бичъ хлесталь ее больнѣй;

Вънецъ, толпой немыслящею свитый,
Ожжетъ чело страдальцы забытой —
Я не ишу ей позднего вѣнца.
Но я хочу, чтобъ свѣтъ души высокой
Сіялъ для васъ, средь полночи глубокой,
Подобно ей несчастныя сердца!..

Быть можетъ, я преступно поступаю,
Тревожа сонъ твой, мать моя? прости!
Но я всю жизнь за женщину страдаю.
Къ свободѣ ей заказаны пути;
Позорный плѣнъ, весь ужасъ женской доли,
Ей для борьбы оставилъ мало силъ,
Но ты ей дашь урокъ желѣзной воли...
Благослови, родная: часъ пробилъ!
Въ груди кипятъ рыдающіе звуки,
Пора, пора имъ ввѣрить мысль мою!
Твою любовь, твои святая муки,
Твою борьбу — подвижница, пою!..

II.

Я отрокомъ покинулъ отчій домъ.
(За славой я въ столицу торопился).
Въ шестнадцать лѣтъ я жилъ своимъ тру-
домъ

И между тѣмъ урывками учился.
Лѣтъ двадцати, съ усталой головой,
Ни живъ, ни мертвъ (я голодалъ по-долгу),
Но горделивъ — приѣхалъ я домой.
Я посѣтилъ деревню, нивы, Волгу —

Всѣ тѣ же вы — и нивы, и народъ...
И та же все — рѣка моя родная...
Замѣтилъ я — новинку: пароходъ!
Но лишь на мигъ мелькнула жизнь живая.
Кипѣла ты — зубчатымъ колесомъ
Прорытая — дорога водяная,
А берега дремали крѣпкимъ сномъ.
Дремало все: расшивы, коноводки,
Дремалъ бурлакъ на днѣ завозной лодки,
Проснется онъ — и Волга оживетъ!
Я дождался тягучихъ мѣрныхъ звуковъ...
Приду-ль сюда еще послушать звуковъ,

Гдѣ слышу васъ, отцы и сыновья!
Ужъ не на то-ль дана мнѣ жизнь моя?
Охваченъ вдругъ дремотою и лѣнью,
Въ полдневный зной вошелъ я въ старшій
садъ;
Въ немъ семь ключей сверкаютъ и гремятъ.
Внимая ихъ порывистому плѣню,
Вершины липъ таинственно шумятъ.
Я ихъ люблю: подъ ихъ зеленой сѣнью,
Тиха, какъ ночь, и легкая, какъ тѣнь,
Ты, мать моя, бродила каждый день.
У той плиты, гдѣ ты лежишь, родная,
Припомнилъ я, волнуясь и мечтая,
Что могъ еще увидѣться съ тобой,
И опоздалъ! И жизни трудовой
Я преданъ былъ, и страсти, и невздамъ,
Захлеснуть былъ я невскою волной...
Я радъ, что ты не подъ семейнымъ сво-
домъ

Погребена — тамъ душно, солнца нѣтъ;
Не будетъ тамъ лежать и твой поэтъ...

.
.
.
.

И наконецъ вошелъ я въ старшій домъ,
Въ немъ новый полъ, въ немъ новые по-
рядки;

Но мало я заботился о томъ.
Я разобралъ хранимые отцомъ,
Твоихъ работъ, твоихъ бумагъ остатки
И надъ однимъ задумался письмомъ.
Оно съ гербомъ, оно съ бордюромъ узкимъ,
Исписанъ листъ, то польскимъ, то фран-
цузскимъ

Порывистымъ и страстнымъ языкомъ.

Припоминалъ я что-то долго, смутно:
Ужъ не его-ль, вздыхая поминутно,
Читала ты въ младенчествѣ моемъ
Одна, въ саду? Не зная ни о чемъ,
Я въ немъ тогда источникъ горя видѣлъ
Моей родной, — я сжечь его былъ радъ,

И я теперь его возненавидѣлъ.
 Глухая ночь! Иду поспѣшно въ садъ...
 Ищу ее, обнять желаю страстно...
 Гдѣ ты? прими сыновній мой привѣтъ!
 Но вторить мнѣ лишь эхо безучастно...
 Я зарыдалъ; увь! ея ужъ нѣтъ!

Луна взопла и садъ осеребрила,
 Подъ сводомъ липъ недвижно я стоялъ,
 Которыхъ сѣнь родная такъ любила.
 Я ждалъ ее — и не напрасно ждалъ...
 Она идетъ; то медленны, то скоры
 Ея шаги, письмо въ ея рукавѣ...
 Она идетъ... Внимательные взоры
 По немъ скользятъ въ тревогѣ и тоскѣ.
 „Ты вновь со мной!“ невольно восклицаю,
 „Ты вновь со мной...“ кружится голова...
 Чу, тихій плачь, чу, шопотъ! Я внимаю —
 Слова письма — знакомыя слова!

III.

ПИСЬМО.

Варшава, 1824 годъ.

Какую ночь я нынче провела!
 О, дочь моя! что сдѣлала ты съ нами?
 Кому, кому судьбу ты отдала?
 Какой странѣ родную предпочла?
 Приснилось мнѣ: затравленная псами,
 Занесена ты русскими сиѣгами.
 Была зима, была глухая ночь,
 Пылалъ костеръ, зажженный дикарями,
 И у костра съ закрытыми глазами
 Лежала ты, моя родная дочь!

Дремучій лѣсъ, чериѣя полукругомъ,
 Ревѣлъ какъ звѣрь... ночь долгая была,
 Стонала ты, какъ стонетъ рабъ за плугомъ
 И, наконецъ, застыла — умерла!..

О, сколько сновъ... о, сколько мыслей чер-
 ныхъ!
 Я знаю, Богъ караетъ непокорныхъ,

Я вѣрю снамъ, и плачу какъ дитя...
 Позоръ! позоръ! мы басня всей Варшавы.
 Ты, чьей руки М. М. искалъ, какъ славы,
 Въ кого N. N. влюбился не шути,
 Ты увлеклась армейскимъ офицеромъ,
 Ты увлеклась красивымъ дикаремъ!
 Не спорю, онъ приличенъ по манерамъ,
 Природный умъ я замѣчала въ немъ.
 Но нравъ его, привычки, воспитанье...
 Умѣетъ ли онъ имя подписать?
 Прости! Кипитъ въ груди негодованье —
 Я не могу, я не должна молчать!

Твоей красѣ (сурова тамъ природа)
 Ужъ никогда вполиѣ не разцвѣсти;
 Твоей косы не станетъ на полгода,
 Тамъ свой девизъ: „любить и бить“... прости.

Какая жизнь! Полотна, тальки, куры
 Съ несчастныхъ бабъ; сосѣди — дикари,
 А жены ихъ безграмотныя дуры...
 Сегодня пиръ... псари, псари, псари!
 Пой, дочь моя! средь самаго разгара
 Твоихъ руладъ, не выдержавъ удара,
 Валится рабъ... Засмѣйся! всѣмъ смѣшно...

Въ послѣдній разъ, какъ мать, тебя цѣ-
 лую —

Я поощрять бѣглянку не должна:
 Рѣшай сама, бери судьбу любую:
 Вернись въ семью, будь родниѣ вѣрна —
 Или, отцомъ на вѣки проклятая
 И навсегда потерянная мной,
 Останься тамъ отступницею край
 И москаля презрѣнною рабой.

Очнулся я. Ключи немолчные гремѣли
 И птички раннія на старыхъ липахъ пѣли.
 Въ рукахъ моей письмо... но пѣтъ моей род-
 ной!
 Смятенный, я поникъ уныло головой.
 Природа чуткимъ сномъ была еще объята;

Луна глядѣла въ прудъ; па стеблѣ роковомъ
 Стояли лопухи недвижно надъ прудомъ.
 Такъ узники глядятъ у оконъ каземата.

Я книги перебралъ, которыя съ собой
 Родная привезла когда-то издалѣка,
 Забѣтки на поляхъ случайныя читалъ:
 Въ нихъ жилъ пытливый умъ, вникающій
 глубоко.

И снова плакалъ я, и думалъ надъ письмомъ,
 И вновь его прочелъ внимательно сначала,
 И кроткая душа, терзаемая въ немъ,
 Впервые предо мной въ красѣ своей пред-
 стала...

И неразлучною осталась ты съ тѣхъ поръ,
 О, мать-страдалица! съ своимъ печальнымъ
 сыномъ,

Тебя, твоихъ слѣдовъ искалъ повсюду взоръ,
 Досугъ мой преданъ былъ прошедшаго кар-
 тинамъ.

Та блѣдная рука, ласкавшая меня,
 Когда у догорающаго огня
 Въ младенчествѣ я сиживалъ съ тобою,
 Мнѣ въ сумерки мерещилась порою,
 И голосъ твой мнѣ слышался въ потьмахъ,
 Исполненный мелодіи и ласки,
 Которымъ ты мнѣ сказывала сказки
 О рыцаряхъ, монахахъ, короляхъ.

Потомъ, когда читалъ я Данта и Шекспира,
 Казалось, я встрѣчалъ знакомыя черты:
 То образы изъ ихъ живого міра
 Въ моемъ умѣ напечатлѣла ты.
 И сталъ я понимать, гдѣ мысль твоя блу-
 ждала,

Гдѣ ты душой, страдалица, жила,
 Когда кругомъ насилье ликовало,
 И стая псовъ на псарнѣ завывала,
 И въюга въ окна била и мела...

Незримой лѣстницей съ недавнихъ вѣхъ
 дней

Я къ дѣтству нисходилъ, ту жизнь припоминая,
 Когда еще была ты нянею моею
 И ангеломъ-хранителемъ, родная.

Въ иномъ краю, не менѣ несчастномъ,
 Но менѣ суровомъ рождена,
 На сѣверѣ угрюмомъ и ненастномъ
 Въ осмынадцать лѣтъ ужъ ты была одна.
 Тотъ разлюбилъ, кому судьбу вручила,
 Съ кѣмъ въ чуждѣй край довѣрчиво пошла,
 Ужъ онъ не твой, но ты не разлюбила,
 Ты разлюбить до гроба не могла...

Ты на письмо молчаньемъ отвѣчала,
 Своимъ путемъ безстрашно ты пошла.

Гремѣлъ рояль и голосъ твой печальный
 Звучалъ, какъ вопль души многострадальной,
 Но ты была ровна и весела:

„Несчастлива я, терзаемая другомъ,
 Но предъ тобой, о, женщина раба!
 Передъ рабомъ, согнувшимся надъ плугомъ,
 Моя судьба—завидная судьба!

Несчастлива ты, о родина! я знаю,
 Но край, гдѣ я люблю и умираю,
 Несчастнѣе, несчастнѣе стократъ!..“

Хаосъ! мечусь въ безпамятствѣ, въ бреду!

Хаосъ! едва мерцаетъ умъ поэта,
 Но юности священнаго обѣта
 Не совершивъ, въ могилу не сойду!
 Поймутъ иль нѣтъ, но будетъ пѣсня слѣта.

Я опоздалъ! я медленно и ровно
 Завѣтный трудъ не въ силахъ совершить,
 Но я дерзну въ картинѣ малословной
 Твою судьбу, родная, совмѣстить.

И я смогу!.. Поможетъ мнѣ искусство,
 Поможетъ смерть—я скоро нуженъ ей...
 Мала слева—но въ ней избытокъ чувства,
 Чтó океанъ безбрежный передъ ней!..

Такъ, двадцать лѣтъ подвижничества цѣни
 Влачила ты, пока твой часъ пробилъ.
 И не вотще среди безводной степи
 Струился ключъ—онъ жаждущихъ поилъ.
 И не вотще любовь твоя сіяла:
 Какъ въ небесахъ ни много черныхъ тучъ,
 Но если ночь сдаваться утру стала,
 Все-жь, наконецъ, проглянетъ солнца луч!

И вспыхнулъ день! Онъ твой: ты побѣдила!
 У ногъ твоихъ—дѣтей твоихъ отецъ,
 Семья давно вины твои простила,
 Лобзаетъ рабъ терновый твой вѣнецъ...
 Но... двадцать лѣтъ!.. Какъ сладко, умирая,
 Вздохнула ты... какъ тихо умерла!
 О, сколько силъ явила ты, родная!
 Какимъ путемъ къ побѣдѣ ты пришла!..

Душа твоя—она горитъ алмазомъ,
 Раздробленнымъ на тысячи крупицъ
 Въ величьи дѣлъ, неуловимыхъ глазомъ.
 Я понималъ ихъ—я палъ предъ ними ницъ,
 Я ихъ пою (даруй мнѣ силы, небо!..)
 Обречена на скромную борьбу,
 Ты не могла голодному дать хлѣба,
 Ты не могла свободы дать рабу.

Его души—ты то дала рабамъ —
 Но лишній разъ изъ трепета и праха
 Онъ поднялъ взоръ бодрѣ къ небесамъ...
 Быть можетъ, даръ бѣднѣ капли въ морѣ,
 Но двадцать лѣтъ! Но тысячамъ сердецъ,
 Чей идеаль—убавленное горе,
 Границы зла открыты наконецъ!

Твой властелинъ—наслѣдственные правы
 То покидалъ, то бурно проявлялъ;
 Но если онъ въ безумныя забавы
 Въ недобрый часъ дѣтей не посвящалъ,
 Но если онъ разнузданной свободы
 До роковой черты не доводилъ, —
 На стражѣ ты надъ нимъ стояла годы,
 Покуда мракъ въ душѣ его царилъ...

И если я легко стряхнулъ съ годами
 Съ души моей тлетворныя слѣды,
 Поправшей все разумное ногами,
 Гордившейся невѣжествомъ среды,
 И если я наполнилъ жизнь борьбою
 За идеаль добра и красоты,
 И носить пѣснь, слагаемая мною,
 Живой любви глубокия черты—
 О, мать моя, подвигнуть я тобою!
 Во мнѣ спасла живую душу ты!

И счастливъ я! ужъ ты ушла изъ міра,
 Но будешь жить ты въ памяти людской,
 Пока въ ней жить моя способна лира.
 Пройдутъ года—поклонникъ вѣрный мой
 Ей посвятитъ досугъ уединенный,
 Прочтетъ рассказъ и о твой судьбѣ;
 И, посѣтивъ поэта прахъ забвенный,
 Вздохнувъ о немъ, вздохнетъ и о тебѣ.

9-го февраля 1877.

Но лишній разъ не сжало чувство страха

З — НѢ.

Пододвинь перо, бумагу, книги!
Милый друг! Легенду я слыхаль:
Пали съ плечъ подвижника вериги,
И подвижникъ мертвый палъ!

Помогай же мнѣ трудиться, З — на!
Трудъ всегда меня животвориль.
Вотъ еще красивая картина —
Запиши, пока я не забыль!

Да не плачь украдкой! — Вѣрь надеждѣ,
Смѣйся, пой, какъ пѣла ты весной,
Повторй друзьямъ моимъ, какъ прежде,
Каждый стихъ, записанный тобой.

Говори, что ты довольна другомъ:
Въ торжествѣ одержанныхъ побѣдъ
Надъ своимъ мучителемъ недугомъ,
Позабыль о смерти твой поэтъ!

13-го февраля, 1877.

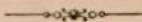

ПОЭТУ.

Любовь и Трудъ — подъ грудами раз-
валинъ!

Куда ни глянь — предательство, вражда,
А ты молчишь — бездѣйственъ и печаленъ,
И медленно сгораешь со стыда.
И небу шлешь укоръ за даръ счастливый:
Зачѣмъ тебя вѣчало имъ оно,
Когда душѣ мечтательно-пугливой
Рѣшимости бороться не дано?..

Февраль, 1877.

БАЮШКИ — БАЮ.

1877 г., марта 3-го.

Неповѣдимое страданье,
Неутолимая тоска...
Влечетъ, какъ жертву на закланье,
Недуга черная рука.
Гдѣ ты, о, муза! Пой, какъ прежде!
„Нѣтъ больше пѣсенъ, мракъ въ очахъ:
Сказать: умремъ! конецъ надеждъ!
Я прибрела на костыляхъ!“

Костыль ли, заступъ ли могильный
Стучить... смолкаетъ... и затихъ...
И нѣтъ ея, моей всеильной,
И измѣнилъ поэту стихъ.
Но передъ ночью непробудной
Я не одинъ... Чу! голосъ чудный!
То голосъ матери родной:
„Пора съ полуденнаго зноя!
Пора, пора подъ сѣнь покоя;
Усни, усни, касатикъ мой!
Прійми трудовъ вѣнецъ желанный,
Ужъ ты не рабъ — ты царь вѣнчаный;
Ничто не властно надъ тобой!

„Не страшень гробъ, я съ нимъ знакома;
Не бойся молнии и грома,
Не бойся дѣни и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человѣческаго стона,
Ни человѣческой слезы.

„Усни, страдалецъ терпѣливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!

„Еще вчера людская злоба
Тebѣ обиду нанесла;
Всеуму конецъ, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,

Ты заплатилъ ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я скороню тебя весной.

„Не бойся горькаго забвенья:
Ужъ я держу въ рукѣ моей
Вънецъ любви, вънецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей...
Уступить свѣту мракъ упрямый,
Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой,
Баю-баю-баю-баю!..“

ОТЪБЪЗЛЯЮЩЕМУ.

Даже вполголоса мы не пѣвали,
Мы — горемыки-пѣвцы!
Подъ берегами мы ведро прождали,
Словно лѣвтии пловцы.
Старость приходитъ — недуги да горе;
Жизнь бесполезно прошла;
Хоть на прощанье въ открытое море,
Въ море царящаго зла,
Прямо и смѣло направить бы лодку.
Сунься-ко! сдѣлаешь шагъ,
А на второмъ.
Другъ моей юности (нынѣ мой врагъ)!
Я не дивлюсь, что отчизну любезную
Счель ты за лучшее кинуть;
Жить для нея — надо силу желѣзную,
Волю желѣзную — сгинуть.

* * *

Черный день! какъ нищій просить хлѣба,
Смерти, смерти я прошу у неба,
Я прошу ея у докторовъ,
У друзей, враговъ и цензоровъ,

Я взываю къ русскому народу:
Коли можешь, выручай!
Окуни меня въ живую воду,
Или мертвой въ мѣру дай.

Великое чувство! у каждахъ дверей,
Въ какой створкѣ ни зайдёмъ,
Мы слышимъ, какъ дѣти зовутъ матерей
Далекихъ, но рвущихся къ дѣтямъ.

Великое чувство! Его до конца
Мы живо въ душѣ сохраняемъ,
Мы любимъ сестру, и жену, и отца,
Но въ мукахъ мы мать вспоминаемъ!

М. Е. САЛТЫКОВУ.

ПРИ ОТЪѢЗДѢ ЗА-ГРАНИЦУ.

Р нашей родинѣ унылой
Въ чужомъ краю не позабудь.
И возвратись, собравшись съ силой,
На оный путь — журнальный путь...

На путь, гдѣ шагу мы не ступимъ
Безъ сдѣлокъ съ совѣстью своей,
Но гдѣ мы снисхожденье купимъ
Трудомъ у мыслящихъ людей.

Трудомъ и безкорыстной цѣлью...
Да! будемъ лучше рисковать,
Чѣмъ безопасно бездѣлю
Остатокъ жизни отдавать.

ОТРЫВОКЪ.

Я сбросила мертвѣщія оковы
Друзей, семьи, родного очага,
Ушла туда, гдѣ чтутъ пути Христовы,
Гдѣ стерегутъ оплошного врага.

Въ бездѣйствіи застала я дружины;
Овончивъ день, безопасно шли ко сну
И женщины, и дѣти, и мужчины,
Лишь межъ собой вожди вели войну...

Слова... слова... красивыя рассказы
О подвигахъ... но гдѣ же ихъ дѣла?
Иль нѣтъ людей, идущихъ дальше фразы?
А я сюда всю душу принесла!..

СТАРОСТЬ.

Просить отдыха слабое тѣло,
Душу тайная жажда томить,
Горько ты, стариковское дѣло!
Жизнь смѣется, — въ глаза говорить:

Не лелѣй никакихъ упованій,
Передъ разумомъ сердце смири,
Въ созерцаньи безмѣрныхъ страданій
И въ сознаньи безсилья — умри!..

ТЫ НЕ ЗАБЫТА...

Я была вчера еще полезна
Ближнему — теперь ужъ не могу!
Смерть одна желанна и любезна —
Пулю я не даромъ берегу...

Вотъ и все, что ты намъ завѣщала;
Да еще узнали мы потомъ,

Что давно ты бѣднымъ отдавала,
Что добыть умѣла ты трудомъ.

Попъ трусливъ — боится, не хоронить:
Убѣдить его мы не могли,
Мы въ оврагъ, гдѣ только вѣтеръ стонетъ,
На рукахъ покойницу снесли.

Схоронивъ, мы камень обгесали,
Утвердили прямо на гробу,
И на камнѣ четко написали
Жизнь, и смерть, и всю твою судьбу.

И твои останки людямъ милы,
И укоръ, и поученье въ нихъ...
Нужны намъ великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ.

5 ноября, 1877 г.

ОСЕНЬ.

Прежде — праздникъ деревенскій,
Нынче — осень голодна;
Нѣтъ конца печали женской,
Не до пива и вина.
Съ воскресенья почтой бредить
Православный нашъ народъ,
По субботамъ въ городъ ѣдетъ,
Ходить, просить, узнаетъ,
Кто убитъ, кто раненъ лѣтомъ,
Кто пропалъ, кого нашли?
По какимъ по лазаретамъ,
Уцѣлѣвшихъ развезли?
Такъ-ли жутко!.. Сводъ небесный
Темень въ полдень, какъ въ ночи;
Не сидится въ хатѣ тѣсной,
Не лежится на печи.
Сытъ, согрѣлся, слава Богу,
Только спать-бы! нѣтъ, не спишь —
Такъ и тянетъ на дорогу,
Ни за что не улежишь.

И бойка-жь у насъ дорога!
 Такъ увѣчныхъ возять много,
 Что за нами на бугрѣ,
 Какъ проносятся вагоны,
 Человѣческіе стоны
 Ясно слышны на зарѣ.

7 ноября, 1877 г.

МУЖЪ И ЖЕНА.

Глашенька! пустошь Ивашево —
 Треть состоянія нашего:
 Не продавай ее, ангельчикъ мой!
 Выдай обратно задатокъ...
 Слезы, нервическій хохоть, припадокъ:
 „Я задолжала — и срокъ за спиной...“
 — Глаша, не плачь! я — хозяинъ плохой.
 Дѣлай что хочешь со мной.
 Сердце мое, исходящее кровью,
 Всевыносящей любовью
 Полно, другъ мой!

Глаша! волнуешь и мучить
 Чувство ревнивое душу мою.
 Этотъ учитель, что Петиньку учить...
 „Такъ! муженька узнаю!
 О, если-бъ зналъ ты, какъ золь ты и гадокъ“.
 Слезы, нервическій хохоть, припадокъ...
 — Знаю, прости! Я — ревнивецъ большой!
 Дѣлай что хочешь со мной.
 Сердце мое, исходящее кровью,
 Всевыносящей любовью
 Полно, другъ мой!

— Глаша! какъ часто ты нынче гуляешь;
 Ты хоть сегодня останься со мной.
 Много скопилось работы — ты знаешь!
 Чтобъ одолѣть ее, нуженъ покой!
 Слезы, нервическій хохоть, припадокъ...
 Глаша, иди! Я — безумецъ, я гадокъ,

Я — эгоистъ безсердечный и злой.
 Дѣлай что хочешь со мной.
 Сердце мое, исходящее кровью,
 Всевыносящей любовью
 Полно, другъ мой!

9 ноября.

СОНЪ.

Мнѣ снилось: на утесѣ стоя,
 Я въ море броситься хотѣлъ,
 Вдругъ ангель свѣта и покоя
 Мнѣ пѣсню чудную запѣлъ:
 „Дождись весны! Приду я рано,
 Скажу: будь снова человѣкъ!
 Сниму съ главы покровъ тумана
 И сонъ съ отяжелѣлыхъ вѣкъ;
 И музѣ возвращу я голосъ,
 И вновь блаженные часы
 Ты обрѣтешь, собирая колосъ
 Съ своей несжатой полоск“.

12 ноября.

* *
 *

О, Муза! я у двери гроба!
 Пускай я много виновать,
 Пусть увеличитъ во сто кратъ
 Мои вины людская злоба —
 Не плачь! завиденъ жребій нашъ,
 Не наругаются надъ нами:
 Межь мной и честными сердцами
 Порваться долго ты не дашь
 Живому, кровному союзу!
 Не русскій — взглянетъ безъ любви
 На эту блѣдную, въ крови
 Кнутаомъ изсѣченную Музу...

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ГОВОРУНЪ.

Записки петербургскаго жителя А. О. Вьлопяткина.

ГЛАВА I.

Двѣ строчки точекъ.—Раздумье.—Эюпръ и канцелярія.—Нѣсколько автобиографическихъ свѣдѣній.—Нѣчто о супругѣ моей, Агафѣ Леонардовнѣ.—Вступленіе.—О Санкт-петербургѣ.—Пріятности столичной жизни.—Шарманщикъ и шарманка.—Литература.—Иллюстрированныя изданія.—Большой театръ—Дѣвица „Жизель“.—Люція Грань.—„Русланъ и Людмила“.—Египетская магія.—Московскіе цыгане.—Груша, Матрена и я.—О томъ, какая исторія случилась съ Гостиннымъ дворомъ.—
Заключеніе.

I.

Да, новый годъ!
.
. . . Я преданъ сокрушенію,
Не пьется мнѣ, друзья:
Миръ ближе къ разрушенію,
Къ могилѣ ближе я.
Льдомъ жизненнаго холода
Не сковано еще, —
Въ васъ сердце, други, молодо,
Свѣжо и горячо.
Еще вамъ свѣтъ корыстію
Разсудка не растлилъ
И жизни черной кистию
Злой рокъ не зачернилъ.
За счастьемъ безбоязненно
Пока вы мчитесь вдаль,
И гостей неприязненной
Не ходитъ къ вамъ печаль.
Увы!.. она пробудится:
Часъ близокъ роковой!
И съ вами то же сбудется,
Что сталося со мной:

Въ дни возраста цвѣтущаго
Я также былъ готовъ
Взять грудь у грядущаго
И славу, и любовь,
Кипѣлъ чудесной силою
И рвался все къ тому,
Чего душой остылою
Теперь и не пойму.
Въ житейскихъ тревоженіяхъ
Терпѣлъ и стыдъ, и зло,
И видѣлъ въ сновидѣніяхъ
Въ вѣикъ свое чело.
Любилъ — и имя чудное
Въ отчаяньи твердилъ, —
То было время трудное:
Насилу пережилъ!

II.

Когда восторгъ лирической
Въ себѣ я пробужу,
Я вамъ біографической
Портретъ свой напишу.
Тогда вы все узнаете, —
Какъ глупъ я прежде былъ,
Мечталъ, какъ вы мечтаете,
Душой въ эюпрѣ жилъ,
Бѣжать хотѣлъ въ Швейцарію, —
И какъ родитель мой
Съ эюпра въ канцелярію
Столкнулъ меня клюкой.
Какъ гордъ преуморительно
Я въ новомъ былъ кругу,
И какъ потомъ почтительно
Сталъ гнуть себя въ дугу.
Какъ прежде, чѣмъ освоился
Со службой, все краснѣлъ,
А послѣ успокоился,
Окрѣпъ и потолстѣлъ.
Какъ гнаться сталъ за деньгами,
Изрядно нажился,
Дѣтьми и деревеньками,
И домомъ завелся...

III.

Но счастье скоротечное
 Измѣнчиво и зло!
 Друзья мои сердечные,
 Не вѣчно мнѣ везло!
 Терплю бѣду великую
 Съ семейной стороны:
 Я взялъ тигрицу дикую
 Во образѣ жены...
 Но что впередъ печалиться?
 Покуда погожу...
 Навѣрно всякій сжалится,
 Какъ все перескажу.
 Большой портретъ къ изданію
 Списать съ себя велю
 И въ Великобританію
 Гравировать пошлю.
 Какъ скоро онъ воротится,
 Явлюсь на судъ людской,
 Безъ галстука, какъ водится,
 Съ небритой бородой.

IV.

Чтобъ дни мои смиренныя
 Въ несчастья коротать,
 Записки современныя
 Рѣшилъ я писать.
 Дворянство и купечество
 И всѣхъ другихъ чиновъ
 И званій челоуѣчество
 Я видѣлъ безъ очковъ.
 Какъ мѣръ земной вращается,
 Гдѣ тихо, гдѣ содомъ, —
 Все мною замѣчается,
 Сужу я обо всемъ.
 Болтать мнѣ утѣшительно,
 И публику прошу
 Все слушать снисходительно,
 Что я ей расскажу.

V.

Столица наша чудная
 Богата черезъ край,
 Житье въ ней нищимъ трудное,
 Милліонерамъ — рай.
 Здѣсь всюду наслажденія
 Для сердца и очей.
 Здѣсь все безъ исключенія,
 Возможно для людей.
 При деньгахъ вдвое вырости,
 Чертовски разжирѣть,
 Отъ голода и сырости
 Безъ денегъ умереть
 (Гдѣ розы, тамъ и терніи —
 Таковъ законъ судьбы!
 Вѣднѣякъ живи въ губерніи:
 Тамъ дешевы грибы).
 Съ большими здѣсь и съ малыми
 Въ одномъ дому живешь,
 И рядомъ съ генералами
 По Невскому идешь.
 Захочешь позабавиться, —
 Берешь газетный листъ,
 Задумаешь прославиться, —
 На то есть журналистъ:
 Хвалы онъ всѣмъ славнѣйшія
 Печатно раздастъ,
 И какъ — душа добрѣйшая —
 Не дорого беретъ!
 Чего-бъ здѣсь не увидѣли,
 Чего бы не нашли?
 Портные, сочинители,
 Купцы со всей земли,
 Найлучшіе сапожники,
 Актеры, повара,
 Съ шарманками художники
 Такіе, что — ура!..
 Я въ нихъ влюбленъ рѣшительно
 И здѣсь ихъ воспую...

VI.

Поют преуморительно
Они галиматью.
Прикрывъ одеждой шкурочку
Для смѣха и красы,
Съ маргышками мазурочку
Выплясываютъ псы,
И самъ въ минуту пьяную,
По страсти иль нуждѣ,
Шарманщикъ съ обезьяною
Танцуетъ *падеде*.
Все скачетъ, все волнуется,
Какъ будто маскарадъ.
А русскій людъ любитъся:
„Какъ нѣмцы-то хитрятъ!“
Да, сильны ихъ познанія,
Ихъ ловкость мудрена...
Дѣйствительно, Германія
Ученая страна!

(Захочешь продолженія
Описанныхъ чудесъ, —
Ступай на представленіе
Прославленныхъ піесъ).

VII.

Придетъ охота страстная
За чтеніе засѣсть —
На то у насъ прекрасная
Литература есть.
Цѣпями съ модой скованный,
Измѣнчивъ человекъ —
Насталъ *иллюстрированный*
Въ литературѣ вѣкъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ шутка съ „Нашими“
Пошла и удалась,
Тьма книгъ съ политипажами
Въ столицѣ развелась.
Увидишь тутъ Суворова
(Извѣстный былъ герой),
Исторію вотораго
Состряпалъ Полевой.
Одѣтаго какъ барина,

Во всей его красѣ,
Увидишь тутъ Булгарина,
Въ бекешѣ, въ картузѣ.
Различныхъ тутъ по званію
Увидишь ты гулякъ,
И цѣлюю компанію
Салопницъ и бродягъ.
Рисунки чудно слажены,
Въ нихъ каждый штрихъ хорошъ,
Иные и раскрашены:
Ну, нѣхотя возьмешь!
Изданья тоже славныя, —
Бумага такъ бѣла, —
Но часто презабавныя
Выходятъ тутъ дѣла.
Чѣмъ книга нашпигована,
Постигнуть нѣтъ ума:
Въ ней все иллюминировано,
А въ текстѣ — мракъ и тьма!
Въ рисункахъ отличаются
Клотъ, Тимъ и Нетельгорстъ,
Всѣ ими восхищаются...
Художественный перстъ!

VIII.

Когда бѣда случилася
И хочешь, чтобъ въ груди
Веселье пробудилось, —
Въ Большой Театръ иди.
Такъ ножки разлетаются,
Такъ зала тамъ блеститъ,
Такъ платья развѣваются, —
Величественный видъ!..
Охъ!.. много съ трубкой зрительной
Тутъ можно увидать!
Ее бы „подозрительной“
Приличнѣй называть.
Недавно тамъ поставили
Чудесную „Жизель“,
И въ ней плясать заставили
Пріѣзжую мамзель.
Прекрасно! восхитительно!
Вивать, дѣвица Грань!

Въ партеррѣ всё рѣшительно
Кричали: „се шарманъ!“
Во мнѣ зажглася за-ново
Поэзій душа...
А впрочемъ, Андреянова
Тутъ тоже хороша!

IX.

Въ душѣ моей остылаю,
Лишенную всёхъ силъ,
„Русланомъ и Людмилою“
Жизнь Глинка разбудилъ.
Поэма музыкальная
Исполнена красотъ,
Но самое печальное
Либретто: уши рветъ!
Отмѣнно мнѣ понравилась
Полкана голова:
Едва въ театрѣ усталилась
И горломъ здоровá!
Искусно всёмъ украшена —
Отъ глазъ и до усовъ.
Какъ слышалъ я, посажено
Въ ней пѣсколька пѣвцовъ —
(Должно быть, для политики,
Чтобъ пѣть ея слова)
Не скажутъ тутъ и критики:
„Пустая голова!..“

X.

Извель бы дестъ бумаги я,
Чтобъ только описать,
Какую Боско магію
Умѣетъ представлять.
Ломалъ онъ вещи цѣлыя
На мелкіе куски,
Вставлялъ середки бѣлыя
Въ пунцовые платки,
Богъ-вѣсть куда забрасывалъ
И вольца, и перстнѣ,
И такъ смѣшно рассказывалъ,
Гдѣ явятся они.

Ну, словомъ: Боско рублики,
Какъ фокусникъ и враль,
Выманивалъ у публики
Такъ ловко, что не жаль!

XI.

Въ-замѣнь его пріѣхали
Цыганы изъ Москвы, —
Скажите, не потѣха ли?..
Не знаю, какъ-то вы,
А я, когда ихъ слушаю,
Дыханье затаю,
Чуть самъ невольно съ *Грушею*
Не гаркну „Соловья“.
Разъ собственной персоною,
Забывъ лѣта и классъ,
Я съ пляшущей *Матреною*
Пустился-было въ плясъ!

XII.

Проѣхавъ мимо нашего
Гостиного двора,
Я чуть, задѣтый заживо,
Не закричалъ: ура!
Бывало, день колотиться
На службѣ такъ и сякъ,
А чуть домой воротиться,
Поѣшь — и день изсякъ:
Нѣтъ входа въ лавки русскія!
Берешь жену и дочь
И ѣдешь во французскія, —
Гдѣ грабятъ день и ночь.
Теперь — о, восхищеніе
Для сердца и для глазъ! —
Въ Гостиномъ освѣщеніе:
Проводятъ въ лавки газъ!
Ликуй все человѣчество!
Рѣшилось, въ пользу дамъ,
Россійское купечество
Сидѣть по вечерамъ, —
И газъ распространяется

Скорѣхонько съ тѣхъ поръ:
Ну, точно просвѣщается,
У насъ Гостиный дворъ!

Рука не разгибается,
Не вяжутся слова:
Умался!.. Кончается
Здѣсь первая глава...

ГЛАВА II.

Нѣтъ счастья подъ луной. — Романсъ. — Безъ трехъ въ червяхъ. — Страшный обѣтъ. — Путешествіе въ департаментъ. — Свѣтлое воскресеніе. — Патриархальная жизнь. — Великій постъ. — Петербургскія новости. — Рубины. — Его конверты. — Сперы: Отелло, Луція и пр. — Листъ. — Конское ристалище Сулье. — Арабы. — Скачущія мамзели. — Нѣкоторыя любопытныя и достовѣрныя извѣстія о китѣ. — О годѣ. — О печальномъ расположеніи духа, въ которомъ находится г-нъ Вѣлопяткинъ, и о причинахъ того. — Звѣздочка. — Банкъ. — Путешествіе по Невскому проспекту въ двѣнадцатомъ часу ночи. — Предсмертный пріютъ. — Виллярдъ. — Заключение. — Читатели. — Критики. — Баронъ Брамбеусъ, комета и г-нъ Вѣлопяткинъ.

I.

Недаромъ люди плакали,
Роптали на судьбу.
Сочувствую ихъ ропоту
Растерзанной душой,
Я самъ узналъ по опыту —
Нѣтъ счастья подъ луной!
Какой предосторожности
Въ постукахъ ни держись,
Формально нѣтъ возможности
Отъ жребія спастись.
Будь баринъ по сословію,
Приказчикъ, землемѣръ,
Заставитъ плакать кровію —
Я самъ тому примѣръ!

II.

На-дняхъ у экзекутора,
Чтобъ скуку разогнать,
Рублишка по полотора
Засѣли мы играть.
Довольно флегматически
Танулся преферансъ;
Вдругъ въ залъ поэтической,
Послышался романсъ;
Согрѣтъ одушевленіемъ,
Быль голосъ такъ хорошъ,
Я слушалъ съ восхищеніемъ,
Забылъ весь міръ... и что-жь?
Ошибкою малѣйшею
Застигнутый врасплохъ,
Въ червяхъ игру сквернѣйшую
Сыгралъ и — былъ безъ трехъ!
Хотя въ душѣ нотацию
Себѣ я прочиталъ,
Но тутъ же консольцію
Сосѣдъ съ меня взыскалъ.
Другіе два пріятеля
Огромные кресты
На бѣднаго мечтателя
Черкнули за висты.
Въ тотъ вечеръ ужъ малинника
Въ глаза я не видалъ.
Сто тридцать два полтинника
Съ походомъ проигралъ!..
Охъ, пылкія движенія
Чувствительной души!
Отъ васъ мнѣ нѣтъ спасенія,
Въ убытокъ — барыши!
Пропѣтый восхитительно,
Сгубилъ меня романсъ,
Впередъ играть рѣшительно
Не буду въ преферансъ!
Пусть съ нимъ кто хочетъ водится,
Я — правилами строгъ:
Въ немъ взятки брать приходится —
Избави меня Богъ!
Занятъ емъ этимъ втянешься,
Пожалуй, въ грѣхъ такой,

Что, чортъ возьми! останешься
По службѣ безъ одной!

III.

То-ль дѣло, какъ ранѣхонько
Пробудисься, зѣвнешь —
На цыпочкахъ, тихохонько
Изъ спальни улизнешь
(Пока еще пронзительно
Жена себѣ храпитъ),
Побрѣешься рачительно,
Приличный примешь видъ.
Смиривъ свою амбицію,
За лѣнностью слуги,
Почистишь аммуницію
И даже сапоги.
Жилетку и такъ далѣе
Надѣнешь, застегнешь
Прицѣпишь всѣ регалии,
Стаканъ чайку хлебнешь!
Дѣла, какія-бы ни были,
Захватишь, и какъ мышъ,
Согнувшись въ три погибели,
На службу побѣжишь..
Начальнику почтеніе,
Товарищамъ поклонъ
И въ мигъ за отношеніе—
Ничѣмъ не развлечѣнъ!
Молчанія степеннаго
День цѣлый не прервешь,
Лишь кстати подчиненнаго
Прилично распечешь,
Да развѣ снисходительно
Подшутить генераль,
Тогда мы всѣ рѣшительно
Хохочемъ на повалъ!
(Ужъ такъ издавна водится
Да такъ и должно быть:
Намъ, право, не приходится
Предъ старшими мудрить!)
Его превосходительство
Добрѣйшій генераль,
Онъ много покровительства
Мнѣ въ службѣ оказалъ..

IV.

Я съ часъ предъ умывальникомъ
Мучительный провель,
Когда съ своимъ начальникомъ
Христосоваться шоль,
Умылся такъ рачительно,
Чуть кожу не содраль,
За то какъ снисходительно
Меня онъ лобызаль!
Даль слово мной заботиться,
Жаль руку горячо,
А я его, какъ водится,
И въ брюхо, и въ плечо!
Вотъ жизнь патріархальная,
Вотъ служба безъ химеръ.
О, юность либеральная!
Бери съ меня примѣръ!..

V.

Я въ постъ, какъ-бы на станціи
Задержанный, скучаль,
Да, къ счастью, изъ Франціи
Рубини прискакаль.
Отъ чувства безотчетнаго
Вдругъ всякій присмирѣль,
Какъ въ залѣ Благороднаго
Собранья онъ заплѣль.
На голову курчавую,
Во всѣхъ концахъ земли
Увѣчанную славою,
Всѣ взоры навели
И звуки изумрудные
Впивали жадно въ грудь.
То были звуки чудные:
Онъ пѣлъ не какъ-нибудь!
Высокое искусство
И выразить нѣтъ словъ!
Я слышалъ въ жизни множество
Отличнѣйшихъ пѣвцовъ, —
Съзжакуются на старости
Сюда со всѣхъ сторонъ,
Ревутъ, какъ волки въ ярости,

А все не то, что онъ!
 Начнетъ въ четыре голоса,
 Залетяся какъ рѣка,
 А кончитъ тоньше волоса,
 Нѣжнѣе вѣтерка.
 По свѣту благородному
 Объ немъ не даромъ гуль:
 Мнѣ даже, титулярному,
 Онъ сердце шевельнулъ!

VI.

Идешь ли въ канцелярію,
 Уходишь ли отъ дѣлъ,
 Поешь невольно арію,
 Которую онъ пѣлъ.
 Выходитъ безтолковица,
 А думаешь, что такъ.
 Другой приостановится
 И скажетъ: „вотъ дуракъ!“
Отелло, мавра дикаго,
 Такъ чудно онъ сыгралъ,
 Что имъ однимъ великаго
 Названіе стяжалъ!
 Когда игралась *Лючія*,
 Я пролилъ рѣки слезъ:
 На верхъ благополучія
 Пѣвецъ меня вознесъ!

VII.

(Какъ все по службѣ сдѣлаю, —
 Нарочно поспѣшу, —
 О Листъ книгу цѣлюю
 Тогда вамъ напишу).

VIII.

Какъ всё, страстей игралище,
 Покинувъ кучу дѣлъ,
 На конское ристалище,
 Намедни я смотрѣлъ.
 Шталмейстера турецкаго

Заслуга велика:
 Верхомъ онъ молодецкаго
 Танцуетъ трепака.
 Арабы взоры радуютъ
 Отважностью своей,
 Изрядно также падаютъ
 Мамзели съ лошадей.
 Ристалище престранное,
 По новости своей,
 А впрочемъ, балаганныя
 Ихъ шутки веселѣй.
 Начальникъ представленія
 Сулье, красивъ и прямъ,
 Приводитъ въ восхищеніе
 Въ особенности дамъ.
 Доннѣ свѣтъ штукмейстера
 Такого не видалъ:
 Достоинства шталмейстера
 Не даромъ онъ стажалъ.

IX.

Прилежно я окидывалъ
 Заморскаго кита.
 Не мало въ жизни видывалъ
 Я разнаго скота,
 Но страшнаго, по совѣсти,
 Такого не видалъ,
 Однажды только въ повѣсти
 Брамбеуса читалъ.
 Такой звѣрокъ — сокровище!
 Аршиновъ сто длина,
 Усищи у чудовища
 Какъ будто два бревна,
 Хвостъ длинный удивительно,
 Башка — что цѣлый домъ;
 Возможно все рѣшительно
 Въ немъ дѣлать и на немъ:
 Плясать безъ затрудненія
 На брюхѣ контрадансъ,
 А въ брюхѣ безъ стѣсненія
 Сражаться въ преферансъ!
 Столь грузное животное
 Къ намъ трудно было ввезть;

За то весьма доходное,
 Да и не просить ѣсть.
 Деруть за разсмотрѣніе
 Полтинникъ, четвертакъ.
 А взглянешь — наслажденіе
 Почувствуешь въ пятакъ!

X.

Вотъ май... Всѣ разъѣзжаются
 По дачамъ отдохнуть...
 Больные собираются
 Къ водамъ, въ далекій путь.
 Лишь я одинъ, тревогою
 Измученный, грущу.
 Душевныхъ ранъ не трогаю
 И сердца не лечу.
 Извѣдалъ ужъ не мало я
 Житейской суеты...
 Ахъ, молодость удаляя!
 Куда исчезла ты?
 Бывало, лѣто красное
 Мнѣ счастье несло:
 На сердцѣ радость ясная,
 Безоблачно чело!
 Свѣтила мнѣ незримая
 Звѣзда издалека,
 Грудь, страстью шевелимая,
 Вадымалась какъ рѣка.
 Тогда за что ни схватишься —
 Все съ жаромъ; хоть порой
 И дорого заплатишься,
 За то живешь душой!
 Бывало, заиграешься —
 Огромный ставишь кушъ,
 Дадутъ — не отгибаешься,
 Какъ будто триста душъ!
 Не мысли о погибели,
 Радъ самъ себя на *не*,
 Согнувши въ три погибели,
 Пустить, на зло судьбѣ.
 До тла пропонтируешься,
 Повѣся носъ уйдешь,
 На всѣхъ день цѣлый дуешься,

А тамъ — опять за то-жъ.
 Бывало, за хорошенькой
 Версть десять пробѣжишь,
 Пристукиваешь ноженькой
 Да въ уши ей жужжишь:
 „Куда идти изволите,
 „Куда вы, ангель мой?
 „Что пальцы вы мозолите,
 „Поѣдмте со мной?..“
 Теперь... увь! — безжизненно
 На цѣлый міръ глядишь,
 Живешь безукоризненно —
 Страстями не кипишь.
 Забывши и поэзію,
 И карты, и дебошь,
 Поутру ѣшь магнезію,
 Микстуру на ночь пьешь,
 Нейдутъ на разумъ граціи...

XI.

Кончаю, скромень, тихъ,
 У Лерхе въ рестораціи
 Остатокъ дней моихъ,
 Изъ службы въ биллиардную
 Прямехонько иду.
 Игру тамъ не азартную,
 Но скромную веду.
 Тамъ члены все отличные,
 Хохочутъ и острятъ,
 Исторіи различныя
 Другъ другу говорятъ.
 Никто тамъ не заносится,
 Играемъ чередой,
 И гений Тюри носится
 Надъ каждой головой...

XII.

Здѣсь будетъ заключеніе
 Второй моей главы.
 И такъ, мое почтеніе,
 Читатель добрый. Вы —

Цѣнитель снисходительный,
 Я знаю васъ давно.
 А, впрочемъ, мнѣ рѣшительно,
 Повѣрьте, все равно.
 За опыты въ пѣтияхъ
 Я не прошу похвалъ.
 Пускай иные критики
 Отхлепнутъ на-поваль —
 Ей-Богу, не посѣтую!
 Свое я получилъ:
 Брамбеусъ самъ съ кометою
 За умъ меня сравнилъ.

ГЛАВА III.

(Безъ оглавленія. 1845).

Мотивы итальянскіе
 Мнѣ не даютъ заснуть,
 И страсти африканскія
 Волнуютъ кровь и грудь:
 Все грезятся балкончики,
 И искры черныхъ глазъ
 Сверкаютъ какъ червончики
 Въ день по сту тысячъ разъ.
 Отбою нѣтъ отъ думушки:
 Эхъ! жизнь моя!.. увы!..
 Зачѣмъ женили, кумушки,
 Меня такъ рано вы!
 На свѣтѣ много водится
 Красавиць — и какихъ!
 А намъ любить приходится
 Курносыхъ и рябыхъ.
 Чтѣ за красотка „Боржія!..
 Мѣнялся весь въ лицѣ
 И даже (не топоръ же я!)
 Заплакалъ при концѣ;
 Во всемъ талантъ, гармонія...
 Видалъ немного лицъ
 Такихъ, какъ у Альбони, я —
 Пѣвица изъ пѣвиць.
 Въ умѣ производящая

Содомъ и кутерьму,
 Такъ много говорящая
 И сердцу, и уму;
 Высокая и бѣлая,
 Красива и ловка
 И ужъ заматерѣлая —
 Не скажешь, что жидка!
 Избытки даже лишніе
 Замѣтны въ ней души,
 И верхнія, и нижнія —
 Всѣ ноты хороши!..

Чтобъ только пѣть какъ Гарція
 И удивлять весь свѣтъ —
 Не пожалѣлъ бы гарнца я
 Серебряныхъ монетъ.
 На мигъ заботы вѣчныя
 Смолкаютъ, не томятъ,
 И струны всѣ сердечныя
 Въ груди дрожатъ, звучать —
 Звучать въ отвѣтъ чудесницѣ.
 Могуча и легка,
 Душа какъ-бы по мѣстницѣ
 Восходитъ въ облака.
 А міра тревоженія —
 Служебный весь содомъ,
 Начальникъ отдѣленія
 Съ запуганнымъ лицомъ,
 Скучнѣйшія нотации
 Ревнующей жены,
 Червонцы, ассигнаціи
 И самыя чины —
 Все въ мелочь и ничтожество
 Тотчасъ обращено...
 Чего бы ужъ художество
 И дѣлать не должно!
 Подобныя влеченія
 Въ невѣдомый предѣлъ
 Ввергаютъ въ упущенія
 Житейскихъ нашихъ дѣлъ.
 Отъ итальянской ари,
 Исполненной красотъ,
 Къ занятямъ канцеляріи
 Трудненькъ переходъ;

Спокойствіє смѣняется
Тревогою души,
И вовсе страсть теряется
Сколочивать гроши.
Но лишь предосторожности
Во время стобить взять, —
Какъ не найти возможности
Всему противостать?
На то и волю твердую
Даль человѣку Богъ,
Чтобъ встати душу гордую
Воздерживать онъ могъ...
Вотъ мнѣ ничто рѣшительно
Не помѣшаетъ спать,
Ни счетъ вести рачительно,
Ни даже... взятки брать —
(Не то, чтобы съ просителей,
А въ картахъ... что сорвешь
Съ столичныхъ нашихъ жителей?
Голь продувная сплошь!)
А все же я признаюся,
Что Гарціей порой
Такъ сильно восхищаюся,
Что слезы лью рѣкой.
Растрогаетъ татарина!
Такъ хорошо поетъ,
Что даже у Фиглярина
Ругательствъ не стааетъ;
Глаза большіе, черные
И столько въ нихъ огня...
Жаль — силы стихотворныя
Слабеньки у меня;
А будь-ка краснорѣчіе!..
Не про меня и такъ
Трубитъ давно злорѣчіе,
Что будто я дуракъ.
Молчу! Гдѣ намъ подобныя
Предметы воспѣвать:
Мы дураки, способные
Взятчонки только брать!
Надъ нами сочинители
Смѣются въ повѣстяхъ...
А чѣмъ мы ихъ обидѣли?
Будь я въ большихъ чинахъ,

Тотчасъ благоразуміе
Внушилъ бы имъ, ей-ей!
Давай намъ остроуміе,
Но трогать насъ не смѣй!
Чѣмъ хуже я профессора,
Художника, врача?
Коллежскаго ассессора
Трудами получа,
Я никому не здравствую.
Не безызвѣстно вамъ,
Что я давно участвую
Въ литературѣ самъ;
Но никогда рѣшительно
(И Богъ храни впередъ!)
Не нападалъ презрительно
И на простой народъ!
Безъ вздоровъ сатирическихъ
Идетъ лишь Полевой
Въ піесахъ драматическихъ
Дорогою прямой.
Въ насъ страсти благородныя
Умѣетъ возбуждать,
И лица взявъ почетныя,
Умѣетъ уважать;
Всѣмъ похвалы горячія,
Почтенье... а писцы
И мелкіе подъячіе —
Глуницы и подлецы,
Съ уродливыми рожами...
И тутъ ошибки нѣтъ
(Не все же вѣдь хорошими
Людьми наполненъ свѣтъ)...

ЧИНОВНИКЪ.

Какъ человѣкъ разумной середины,
Онъ многого въ сей жизни не желалъ:
Передъ обѣдомъ пилъ настойку изъ рябины
И чихиремъ обѣдъ свой запивалъ.
У Кинчерфа * заказывалъ одежду,

* Тогдашній портной средней руки.

И съ давнихъ поръ (простительная страсть)
 Питаль въ душѣ далекую надежду
 Въ коллежскіе ассессоры попасть, —
 За тѣмъ, что былъ онъ крови не боярской
 И не хотѣлъ, чтобъ въ жизни кто-нибудь
 Дѣтей его породой семинарской
 Осмѣлился надменно попрекнуть.
 Былъ съ виду простъ, держаль себя сутуло,
 Смирено все судьбѣ предоставляль,
 Предъ старшими подсакивалъ со стула
 И въ робость безотчетную впадалъ,
 Съ начальникомъ ни по какимъ причинамъ, —
 Гдѣ-бъ ни было, не вмѣшивался въ споръ,
 И было въ немъ все соразмѣрно съ чиномъ —
 Походка, взглядъ, усмѣшка, разговоръ.
 Внимательнымъ, уступчиво-смираннымъ
 Былъ при родныхъ, при тѣщѣ, при женѣ,
 Но поддержать умѣлъ предъ подчиненнымъ
 Достоинство чиновника вполне;
 Могъ и распечь при случаѣ (распечь-то
 Мы, впрочемъ, всѣ большіе мастера),
 Имѣлъ даже значительное нѣчто
 Въ бровяхъ...

Теперь тяжелая пора!

Съ тѣхъ дней, какъ сталъ пытливостью раз-
 судка

Тревожно-безпокойнаго — нашъ вѣкъ
 Задерживать развитіе желудка,
 Уже не тотъ и русскій человекъ.
 Выводятся раскормленныя туши,
 Какъ ни ѣдимъ геройски, какъ ни пьемъ,
 И хоть теперь мы также бьемъ баклуши,
 Но въ толщину отъ нихъ уже нейдёмъ.
 И въ наши дни, читатель мой любезный,
 Лишь гдѣ-нибудь въ коснѣющей глуши
 Найдете вы, по благости небесной,
 Приличное вмѣстилище души.

Но мой герой—хоть онъ и шелъ за вѣкомъ—
 Больныхъ вліяній вѣка избѣжалъ
 И былъ такимъ, какъ должно, человекомъ:
 Ни тощъ, ни толстъ. Торжественно лежалъ
 Мясистый, двухъ-этажный подбородокъ

Въ воротничкахъ,—но промежутокъ былъ
 Межъ головой и грудью такъ коротокъ,
 Что параличъ—увы!—ему грозилъ.
 Спина была—ужь сказано—горбата
 И на ногахъ (шепну вамъ на ушко—
 Кривыхъ немножко—нянька виновата!)
 Качалоя солидное брюшко...

Сиротъ и вдовъ онъ не былъ благодѣтель,
 Но нищимъ иногда давалъ гроши,
 И называлъ святуя добродѣтель
 Первѣйшимъ украшеніемъ души.
 О ней твердилъ въ семействѣ непрерывно,
 Но не во всемъ ей слѣдовалъ подѣ-часъ,
 И извинялъ грѣшки свои наивно
 Женой, дѣтьми, какъ многіе изъ насъ.

По службѣ велъ дѣла свои примѣрно
 И не бывалъ за взятки подѣ судомъ,
 Но (на жену, какъ водится) въ Галерной
 Купилъ давно пяти-этажный домъ.
 И радовалъ родительскую душу
 Сей прочный домъ—спокойствія залогъ.
 И на Оому, Ванюшу и Оевлушу
 Безъ сладкихъ слезъ онъ посмотрѣть не могъ...

Видъ нищеты, разительнаго блеска
 Смущалъ его—приличье онъ любилъ.
 Отъ всякихъ словъ, произносимыхъ рѣзко,
 Онъ вздрагивалъ и тотчасъ уходилъ.
 Къ писателямъ враждой—не безпричинной—
 Пылалъ... блѣднѣлъ и трясся самъ не свой,
 Когда изъ нихъ какой-нибудь безчинный
 Ласкаемъ былъ чиновною рукой.
 За лишнее считалъ ихъ въ мірѣ бремя,
 Звалъ книги побасенками: „Читать
 „Не то ли же, что праздно тратить время?
 „А праздность всѣхъ пороковъ нашихъ
 мать“—

Такъ говорилъ ко благу подчиненныхъ
 (Мысль глубока, хоть и весьма стара)
 И изо всѣхъ открытій современныхъ
 Зналъ только консоліацію...

Пора

Мнѣ вамъ сказать, что, какъ чиновникъ
 дѣльный
 И совершенно русскій человекъ,
 Онъ зараженъ былъ страстью той смертельно,
 Которой всѣ заражены въ нашъ вѣкъ,
 Которая пустить успѣла корни
 Въ обширномъ русскомъ царствѣ глубоко,
 Съ тѣхъ поръ, какъ вистъ въ потѣху нашей
 дворни

Мы отдали... „Пріятно и легко
 „Бѣгутъ часы за преферансомъ; право,
 „Кто выдумалъ—былъ малый съ головой!“
 Такъ иногда, прищурившись лукаво,
 Говаривалъ почтенный нашъ герой.
 И выше онъ не вѣдалъ наслажденій...
 Какъ онъ игралъ?.. Серьезная статья!
 Рѣшить вопросъ съумѣлъ бы развѣ геній,
 Но, такъ и быть, попробую и я.
 Когда обѣдъ оканчивался чинный,
 Крестьясь, гостямъ хозяинъ руки жалъ
 И, приказавъ поставить столъ въ гостиной,
 Съ улыбкой добродушной замѣчалъ:
 „Что, господа, сразиться бы не дурно?
 „Жизнь коротка, а намъ не десять лѣтъ!“
 Надъ нимъ неслось тогда дыханье бурно
 И—вдохновенъ—онъ забывалъ весь свѣтъ,
 Жену, дѣтей; единой преданъ страсти,
 Молчалъ какъ жрецъ, бровями шевеля,
 И для него тогда въ четыре масти
 Сливалось все—и небо, и земля!

Видѣ картъ не зналъ, не слышалъ и не ви-
 дѣлъ

Онъ ничего,—но помнилъ каждый призъ...
 Прижимистыхъ и робкихъ ненавидѣлъ,
 Но къ храбрецамъ, готовымъ на ремизъ,
 Исполненъ былъ глубокаго почтенья.
 При трехъ тузахъ, при дамѣ самъ-четвертъ
 Козырной—въ вистъ ходилъ безъ опасенья.
 Въ несчастіи былъ, какъ многіе, нетвердъ,—
 Ощипанной подобенъ куропаткѣ,
 Угрюмъ, сердитъ, ворчалъ повѣся носъ,
 А въ счастіи любилъ при каждой взяткѣ
 Присутствовать и говорилъ: „а что-съ?“

Острилъ, какъ всѣ острять или острили,
 И замѣчалъ, при выходѣ съ бубенъ,
 „Ну, Петръ Кузьмичъ! не даромъ вы слу-
 жили
 „Пятнадцать лѣтъ—вы знаете законъ!“
 Валетовъ, дамъ красивыхъ, но холодныхъ,
 Пушилъ слегка, какъ всѣ; но никогда
 На счетъ тузовъ и прочихъ картъ почетныхъ
 Не говорилъ ни слова...

Господа!

Быть можетъ, здѣсь надменно вы зѣвнете,
 И повѣсть благодравную мою
 Въ подробностяхъ излишнихъ упрекнете...
 Отвѣтъ готовъ: не пустяки пою!

Пою, что Русь и тѣшитъ, и чаруетъ,
 Что наши дни—какъ средніе вѣка
 Крестовые походы—знаменуетъ,
 Чѣмъ наша жизнь полна и глубока;
 (Я не шучу—смотрите въ оба глаза) —
 Чѣмъ отъ „Москвы родной“ до Иртыша,
 Отъ „финскихъ скалъ“ до „грознаго Кав-
 каза“
 Волнуется славянская душа!!.

Притомъ, я самъ страсть эту уважаю,—
 Я ею самъ восторженно киплю,
 И хоть весьма-несчастно прикушаю,
 Но вечеровъ безъ картъ я не терплю
 И гдѣ ихъ нѣтъ, постыдно засыпаю...

Что-жъ дѣлать намъ?.. Блаженные отцы
 И дѣды наши пировать любили,
 Весной садили лукъ да огурцы,
 Волковъ и зайцевъ осенью травили,
 Ихъ увлекать, ихъ страсти шевелилъ
 Паратый песь, статистый иноходецъ;
 Ихъ за столомъ и трогать, и смѣшилъ
 Какой-нибудь наряженный уродецъ.
 Они сидѣть любили за столомъ
 И было имъ и любо, и доступно
 Перепивать другъ друга, и потомъ,

Повздоривши по-русски, дружелюбно
 Вдруг утихать и засыпать рядкомъ.
 Но мы забавъ отцовъ не понимаемъ
 (Хоть мало — все-жъ мы ихъ переросли),
 Чтѣ-жъ дѣлать намъ?.. играть!.. и мы играемъ
 И благо, что занятіе напли —
 Сидѣть грѣшно и вредно сложа руки...

Въ недѣлю разъ, пресытившись игрой,
 Въ театръ Александринскій, ради скуки,
 Явился нашъ почтеннѣйшій герой.
 Удвоенной цѣной за бенефисы
 Отечественный геній поощрялъ,
 Но званіе актера и актрисы
 Постыднымъ по преданію считалъ.
 Любилъ пальбу, кровавые сюжеты,
 Гдѣ при концѣ карается пороки...
 И, слушая скромныя куплеты,
 Толкалъ жену легонько подъ бочокъ.

Любилъ шепнуть въ антрактѣ плотной дамѣ —
 (Всему научить хитрый Петербургъ) —
 Что страсти и движеніе нужны въ драмѣ
 И что Шекспиръ — великій драматургъ, —
 Но, впрочемъ, не былъ твердо въ томъ увѣ-
 ренъ

И черезъ часъ другое подтверждалъ,
 По службѣ бывъ всегда благонамѣренъ,
 Онъ прочее другимъ предоставлялъ.
 За то, когда являлася сатира,
 Гдѣ авторъ — тунеядецъ и нахаль —
 Честь общества и украшеніе міра
 Чиновниковъ за взятки порицалъ, —
 Свирѣпствовалъ онъ, не жалѣя груди,
 Дивился, какъ допущена въ печать,
 И какъ благонамѣренныя люди
 Не совѣстятся видѣть и читать.
 Съ досады пилъ (сильна была досада!)
 Въ удвоенномъ количествѣ чихирь,
 И говорилъ, что авторовъ бы надо
 За дерзости подобныя — въ Сибирь!..

ОТРЫВОКЪ.

Родился я въ губерніи
 Далекой и степной,
 И прямо встрѣтилъ терніи
 Въ юдоли сей земной.
 Мнѣ будущность счастливую
 Отецъ приготовлялъ,
 Но жизнь трудолюбивую
 Самъ въ бѣдности скончалъ!
 Не мытый, не приглаженный,
 Бѣжалъ я босикомъ,
 Какъ въ церковь гробъ некрашенный
 Везли большимъ селомъ;
 Я слезы непритворныя
 Руками утиралъ,
 И волосенки черныя
 Мнѣ вѣтеръ развѣвалъ...
 Запомнилъ я сердитую
 Улыбку мертвеца
 И мать мою, убитую
 Кончиною отца.
 Я помню, какъ шептался,
 Какъ въ церковь гробъ несли;
 Какъ съ мертвымъ цѣловалися,
 Какъ бросили земли;
 Какъ сами мы лопатужкой
 Сравнили бугорокъ...
 Намъ дядя съ бѣдной матушкой
 Даль въ домѣ уголокъ.
 Къ настойкѣ страсть великую
 Сей человекъ питалъ,
 Имѣлъ наружность дикую
 И мнѣ не потакалъ...
 Онъ часто, какъ страшилище,
 Пугалъ меня собой,
 И порѣшилъ въ училище
 Отправить съ рукъ долой.
 Мать плакала, томилася,
 Не ѣла по три дня,
 Вздыхала и молилася,
 Просила за меня,
 Пѣшкомъ идти до Кіева
 Хотѣла, но слегла

И съ просьбой: „не губи его!“
 Въ могилу перешла.
 Мирь праху добродѣтельной!
 Старикъ потосковаль;
 Но тщетно благодѣтельной
 Я перемѣны ждалъ:
 Не измѣнилъ рѣшеніе!
 Изрядно куликуль,
 Даль мнѣ благословеніе,
 Полтинникъ въ руку тнулъ;
 Влѣпилъ съ пѣвымъ рыданіемъ
 Въ уста мнѣ поцѣлуй:
 „Учися съ прилежаніемъ,
 „Не шляйся! не балуй!“
 Сердечно, наставительно
 Сказаль въ послѣдній разъ,
 Махнулъ рукой рѣшительно —
 И вляча поплелась...

НОВОСТИ.

(Газетный фельетонъ.)

Почтеннѣйшая публика! на дняхъ
 Случилось въ столицѣ нашей чудо:
 Остался нѣкто безъ пяти въ червахъ,
 Хоть — знаютъ всѣ — играетъ онъ не худо.
 О томъ твердить теперь весь Петербургъ.
 „Событіе внѣ всякаго другого!“
 Трагедію какой-то драматургъ,
 На пользу поколѣнья молодого,
 Собирается состряпать изъ него...
 Разумный трудъ! Заслуги, удалство
 Похвально пѣть; но все же не мѣшаетъ
 Порою и сознание грѣховъ,
 Затѣмъ, что прегрѣшеніе отцовъ
 Для ихъ дѣтей спасительно бываетъ.
 Притомъ для насъ не стыдно и легко
 Въ ошибкахъ сознаваться — ихъ немного,
 А доблестей — какъ милостей у Бога...
 Изъ чернаго французскаго трико

Жилеты, шелкомъ шитые, недавно
 Вошли въ большую моду: въ самомъ дѣлѣ
 славно!
 Почтенный мужъ шестидесяти лѣтъ
 Женился на дѣвицѣ въ девятнадцать
 (На-дняхъ у нихъ парадный былъ обѣдъ,
 Не могъ я, къ сожалѣнью, отказаться);
 Немножко было грустно. Взоръ ея
 Сверкаль, казалось, скрытыми слезами,
 И будто что-то спрашиваль. Но я
 Отвыкъ, къ несчастью, тѣшиться мечтами,
 И мнѣ ея не жалко. Этотъ взоръ
 Унылый, длинный; этотъ вздохъ глубокой —
 Кому они? — Любезникъ и танцоръ,
 Гремящій саблей, статный и высокій —
 Таковъ былъ пансіонскій идеаль
 Моей дѣвицы... Что-жь! распорядился
 Иначе случай...

Маскарадъ и балъ

Въ собраньи былъ и очень долго длился.
 Люблю я наши маскарады, въ нихъ,
 Не говоря о прелестяхъ другихъ,
 Образчикъ жизни петербургско-русской,
 Такъ ловко передѣланной съ французской.
 Уныло мы проходимъ жизни путь,
 Могло бы насъ будить одно — искусство,
 Но рѣдко намъ разогрѣваетъ грудь
 Изъ глубины поднявшееся чувство,
 Затѣмъ, что наши русскіе пѣвцы
 Всѣмъ хороши, да пѣть не молодцы,
 Затѣмъ, что наши русскіе мотивы,
 Какъ наша жизнь, и бѣдны, и сонливы,
 И тяжело однообразье ихъ,
 Какъ видъ степей пустынныхъ и нагихъ.
 О, скученъ день и дологъ вечеръ наш!
 Однообразны мѣсяцы и годы,
 Обѣды, карты, дребезжанье чашъ,
 Визиты, поздравленья и разводы —
 Вотъ наша жизнь. Ея постылый шумъ
 Съ привычнымъ равнодушьемъ ухо внемлетъ,
 И въ дѣйствиіи пустомъ кипящій умъ
 Суровъ и сухъ, а сердце глухо дремлетъ;

И свыкшись съ положеніемъ такимъ,
Другого мы какъ будто не хотимъ,
Возможность исключеній отвергаемъ
И словно по профессіи зѣваемъ...
Но — скучны отступленія!

Чудакъ,

Знакомый мнѣ, въ прошедшую субботу
Сошелъ съ ума... А былъ онъ не дуракъ,
И тысячъ сто въ годъ получалъ доходу.
Спокойно жилъ, доволенъ и здоровъ,
Но обошли его по службѣ чиномъ,
И вдругъ уныль, задумчивъ и суровъ,
Онъ сталъ страдать славяно-русскимъ спли-
номъ;

И наконецъ въ одинъ прекрасный день
Тайкомъ отъ всѣхъ, одѣвшись на изнанку
Въ отличія, несвойственнаго рангу,
Пошелъ бродить по улицамъ, какъ тѣнь,
Да и пропалъ. Нашли на третьи сутки,
Когда сыномъ какой-то важной утки
Ужъ онъ себя въ припадкахъ величалъ
И въ совершенствѣ кошкою кричалъ,
Стараясь всѣхъ увѣрить въ то же время,
Что чинъ большой есть тягостное бремя,
И служить онъ, ей-ей, не для себя,
Но только благо общее любя...

Исторія другая, въ томъ же родѣ,
Съ однимъ примѣрнымъ юношей была:
Женился онъ для денегъ на уродѣ,
Она — для денегъ за него пошла,
И чтó-жъ? — о срамъ! о горе! — *оказалось*,
Что имъ обоимъ *только показалось*;
Она была какъ нищяя бѣдна,
И бѣденъ былъ онъ такъ же, какъ она.
Не вынесъ онъ неожиданнаго удара
И впалъ въ хандру; въ чахоткѣ слегъ въ
постель,

И не прожить ему пяти недѣль.
А нѣжный тесть, равнодушно глядя
На муки завербованнаго зятя
И положенье дочери родной,
Вишитъ во всемя „натурншку гнилую“,

И думаетъ: „для дочери другой
Я женишка покрѣпче завербую“.

Собачка у старухи Хвастуновой
Пропала, а у скряги Сурмина
Бѣжала гувернантка — ищетъ новой.
О томъ и о другомъ извѣщена
Столица чрезъ извѣстную газету;
Явилось тотчасъ разныхъ свойствъ и лѣтъ
Тѣмъ гувернантокъ, а собаки нѣтъ.

Почтенный и любимый господинъ,
Прославившійся ёмкостью желудка,
Безмѣрнымъ истребленьемъ всякихъ винъ
И изступленной тупостью разсудка,
Обѣлся и скончался.. Былъ на-дняхъ
Весь городъ на его похоронахъ.
О доблестяхъ покойника рыдая,
Какой-то другъ три рѣчи произнесъ,
И было много толковъ, много слезъ,
Потомъ была пирушка — и большая!
На голову обжоры не похожъ,
Былъ полонъ погребъ дорогихъ бутылокъ,
И длился до заутрени кутежъ...
При дребезгѣ ножей, бокаловъ, вилокъ,
Припоминали добрыя дѣла
Покойника, хоть ихъ, признаться, было
Весьма немного; но обычай милый
Святая Русь донинѣ сберегла:
Ко всякому почтенью за могилой —
Вѣдь мертвый намъ не можетъ сдѣлать зла!
Считается напомнить неприличнымъ,
Что тамъ-то онъ ограбилъ сироту,
А вотъ тогда-то пойманъ былъ съ поличнымъ.
За то добра малѣйшую черту
Тотчасъ съ большой горячностью подхватятъ
И разовьютъ такъ истинно скорбя,
Какъ будто тѣмъ скончавшемуся платитъ
За то, что ихъ избавилъ отъ себя!
Поговоривъ — нечаянно напьются,
Напившись — слезами обольются,
И въ эпитафіи напишутъ: „человѣкъ
Онъ былъ такой, какіе нынѣ рѣдки!“
И такъ у насъ идетъ изъ вѣка въ вѣкъ,

И съ нами такъ поступать наши дѣтки...

Литературный вечеръ былъ; на немъ
 Происходило чтенье. Важно, чинно
 Сидѣли сочинители кружкомъ
 И наслаждались мудростью невинной
 Отставшей знаменитости. Потому
 Одинъ весьма достойный сочинитель
 Тетрадицу поспѣшно развернулъ,
 И три часа — о, извергъ, о, мучитель!
 Читалъ, читалъ и — даже самъ зѣвнулъ,
 Не говоря о жертвахъ благосклонныхъ,
 Съ четвертой же страницы усыпленнхъ.
 Ихъ разбудилъ восторженный поэтъ;
 Опъ съ мѣста всталъ торжественно и
строго,
 Глаза горять, въ рукахъ тетради нѣтъ,
 Но въ головѣ такъ много, много, много...
 Рѣкой лились гремучіе стихи,
 Руками онъ махалъ, какъ изступленный.
 Слыхалъ я въ жизни много чепухи
 И много дичи видѣлъ во вселенной,
 А потому я не былъ удивленъ...
 Цѣнителей толпа рукоплескала,
 Младой поэтъ отвѣсилъ имъ поклонъ
 И все прочелъ торжественно сначала.
 Затѣмъ какъ разъ и къ дѣлу приступить
 Пришла пора. Къ несчастью, ѣсть и пить
 Въ тотъ вечеръ я не чувствовалъ желанья
 И вонъ ушелъ тихонько изъ собранья.
 А пили долго, говорятъ, потомъ
 И говорили горячо о томъ,
 Что движемся мы быстро съ каждымъ ча-
сомъ
 И дурно, къ сожалѣнью, въ насъ одно,
 Что небрежемъ отечественнымъ квасомъ
 И любимъ иностранное вино.

На петербургскихъ барынь и дѣвицъ
 Напалъ недугъ свирѣпый и великій:
 Вскружился міръ чиновницъ полудикій
 И міръ ручныхъ, но недоступныхъ львицъ.
 Почто сія на лицахъ всѣхъ забота?
 Почто сей шумъ, волненіе умовъ?

Отъ Невскаго до Козьяго болота,
 Отъ Козьяго болота до Песковъ,
 Отъ пестрой и роскошной Милліонной
 До Выборгской унылой стороны, —
 Чѣмъ занять умъ мужей неугомонно?
 Чѣмъ души женъ и дѣвъ потрясены??
 Всѣ женщины, отъ пресловутой Ольги
 Василевны, купчихи въ сорокъ лѣтъ,
 До той, которую воспѣлъ поэтъ
 (Его ужъ нѣтъ) помѣшаны на полькѣ!
 Предчувствіе явленія ея
 Въ атмосферѣ носилось зараѣ.
 Она теперь у всѣхъ на первомъ планѣ
 И въ жизни нашей главная статья;
 О ней и межъ великими мужами
 Нерѣдко пренья, жаркій споръ кипить,
 И старецъ, убѣленный сѣдинами,
 О ней съ одушевленьемъ говорить!
 Она въ одной сорочкѣ гонить съ ложа
 Во тьмѣ ночной прелестныхъ напихъ дѣвъ,
 И дѣва пляшетъ, общій сонъ тревожа,
 А горничная, барышню раздѣвъ,
 Въ своей коморкѣ производить то же.
 Достойнѣйшій сынъ вѣка своего,
 Пустѣйшій франтъ, исполненъ гордой силой,
 Ей преданъ безъ границъ, — и для него
 Средины нѣтъ межъ полькой и могилой!
 Проникнувшись великостью труда
 И важностью предпринятаго дѣла,
 Какъ гладиаторъ въ древніе года,
 Съ ней борется онъ ревностно и смѣло...
 Когда-бъ вы не были, читатель мой,
 Аристократъ, и побывать въ танцклассѣ
 У Кессенихъ рѣшились со мной,
 Оттуда вы вернулись бы въ экстазѣ
 Съ утѣшенной и бодрою душой.
 О, юношество милое! Тебя ли
 За хилость и недвижность упрекнуть?
 Не умерли въ тебѣ и не увяли
 Младя силы, не зачахла грудь,
 И сила тамъ кипить твоя просторно,
 Гдѣ все тебѣ по сѣрдцу и покорно.
 И, гордое могуществомъ своимъ,
 Довольно ты своею скромной долей:

Твоимъ порывамъ, смѣлымъ и живымъ,
 Такое нужно поприще—не болѣ,
 И тратишь ты среди такихъ тревогъ
 Души всю силу и всю силу ногъ...

* * *

Стишки! стихки! давно-ль и я былъ геній?
 Мечталь... не спалъ... пописывалъ стихки?

О, вы источникъ столькихъ наслажденій,
 Мои литературныя грѣшки!
 Какъ дѣльно, какъ благоразумно-мило
 На васъ я годы лучшіе убилъ!
 Въ моей душѣ немного силы 'было,
 А я и ту бесплодно расточилъ!
 Увы!.. стиховъ слагатели младые,
 Съ кѣмъ я дѣлилъ и трудъ мой, и досугъ,
 Вы, люди милые, поэты пренюхлѣ,
 Вамъ измѣнилъ вашъ недостойный другъ!..
 И вы... какъ много васъ ужъ—слава небу!—
 сгубло...

Того хандра, того жена зашибла,
 Тотъ самъ колотить бѣдную жену,
 И спину гнетъ другой... а въ старину?
 Какъ гордо мы на будущность смотрѣли!
 Какъ ревностно бездѣйствовали мы!
 „Избранники небесъ“, мы пѣли, пѣли,
 И пѣснями пересоздать умы,
 Перевернуть дѣйствительность хотѣли,
 И мнилось намъ, что трудъ нашъ не пустой,
 Не дѣтскій бредъ, что съ нами самъ Все-
 вышній,
 И близокъ часъ блаженно-роковой,
 Когда нашъ трудъ благословитъ нашъ ближ-
 ній!

А между тѣмъ дѣйствительность была
 По-прежнему безвыходно пошла,
 Не убыло ни горя, ни пороковъ—
 Смѣшонъ и дикъ былъ пѣтушинъ бой
 Непонимающихъ толпы пророковъ

Съ невнемлющей пророчествамъ толпой!
 И „ближній нашъ“ все тѣмъ же глазомъ ви-
 дѣлъ,
 Все такъ же близоруко понималъ,
 Любилъ корыстно, пошло ненавидѣлъ,
 Безславно и бессмысленно страдалъ;
 Пустыхъ страстей пустой и праздный грохотъ
 По-прежнему движеніе замѣнялъ,
 И не смолкалъ тотъ сатанинскій хохотъ,
 Который въ сѣнь холодную могилъ
 Отцовъ и дѣдовъ нашихъ проводилъ!..

* * *

Такъ, служба! самъ ты въ той войнѣ
 Дрался—тебѣ и книги въ руки,
 Да дай сказать словцо и мнѣ:
 Мы сами дѣлывали штуки.

— Какъ затесался къ намъ Французъ,
 Да увидалъ, что проку мало,
 Пришелъ онъ, помнишь ты, въ конфузъ
 И на понятный тотчасъ драло.
 Поймали мы одну семью,
 Отца да мать съ тремя щенками:
 Тотчасъ ухлопали мусью,
 Не изъ фузеи—кулаками!
 Жена давай вопить, стонать;
 Рветъ волоса,—глядимъ да тужимъ!
 Жаль стало: топорищемъ хватъ—
 И протянулась рядомъ съ мужемъ!
 Глядь: дѣти! Нѣтъ на нихъ лица:
 Ломаютъ руки, воютъ, скачутъ,
 Лепечутъ—не поймешь словца—
 И въ голосъ, бѣдненькія, плачутъ.
 Слеза прошибла насъ, ей-ей!
 Какъ быть? Мы долго толковали,
 Пришибли бѣдныхъ поскорѣй,
 Да вмѣстѣ всѣхъ и закопали!..

—Такъ вотъ что, служба! вѣрь же мнѣ:
Мы не сидѣли, сложа руки,
И хотъ не бились на войнѣ,
А сами дѣлывали штуки!

МОЕ РАЗОЧАРОВАНІЕ.

Говорятъ, что счастье наше сколько,—
Самъ, увъ! я то же испыталъ!
На границѣ Юрѣвецъ-Повольска
Въ собственномъ селѣ я проживалъ.
Недостатокъ внѣшняго движенья
Замѣнивъ работой головы,
Приминалъ я въ лѣто, безъ сомнѣнья,
Десятинъ до двадцати травы;
Я лежалъ съ утра до поздней ночи,
При волшебномъ плескѣ ручейка,
И мечталъ, поднявши къ небу очи,
Созерцая гордо облака.
Вереницей чудной и безпечной
Предо мной толпился рядъ идей,
И видалъ я въ сферѣ безконечной,
Презирая мелкій трудъ людей.
Я лежалъ, гнушаясь ихъ тревогой,
Не нуждаясь, къ счастью, ни въ чемъ,
Но за то широкою дорогой
Въ сферѣ мысли шель богатыремъ;
Гордый духъ мой росъ и расширялся,
Много тайнъ я совмѣщалъ въ груди
И повѣдать міру собирался;
Но любовь сказала: погоди!
Я давно въ созданье идеала
Погруженъ былъ страстною душой:
Я желалъ, чтобъ женщина предстала
Въ видѣ мудрой Кліи предо мной,
Чтобъ и свѣтъ, и танцы, и наряды
И балы не нужны были ей;
Чтобъ она на все бросала взгляды,
Добытые мыслию своей;
Чтобъ она не плакала напрасно,
Не смѣялась втунѣ никогда,

Говоря восторженно и страстно,
Вдохновенно дѣйствуя всегда;
Чтобъ она не въ рюмки и подносы,
Не въ дѣла презрѣнной суеты,—
Чтобъ она въ великіе вопросы
Погружала мысли и мечты...
И нашель, казалось, я такую.
Молода она еще была
И свою натуру молодую
Радостно развитью предала.
Я читалъ ей Гегеля, Жанъ-Поля,
Демосоена, Галича, Руссо,
Глинку, Ричардсона, Декандоля,
Волтера, Шекспира, Шамиссо,
Байрона, Мильтона, Соутэя,
Шеллинга, Клошптока, Дидеро...
Въ комъ жила великая идея,
Кто любилъ науку и добро;
Всѣхъ она, казалось, понимала,
Слушала безъ скуки и тоски,
И сама ужъ на ночь начинала
Тацита читать, надѣвъ очки.
Правда, легче два десятка кегель
Разомъ сбить ей было, чѣмъ понять,
Какъ великъ и плодотворенъ Гегель;
Но умѣлъ я вразумлять и ждать!
Видѣлъ я: не пропадетъ терпѣнье—
Даже мать красавицы моей,
Бросивши варенье и соленье,
Философскихъ набралась идей.
Такъ мы шли въ развити нашемъ дружно,
О выскомъ вѣчно говоря...
Но не то ей въ жизни было нужно!
Разъ, увъ! въ началѣ сентября,
Прискакалъ я поутру къ невѣстѣ.
Нѣтъ ее ни въ залѣ, ни въ саду.
Гдѣ-жъ она? „Онѣ на кухнѣ вмѣстѣ
Съ маменькой“—и я туда иду.
Тутъ предстала страшная картина...
Разомъ столько горя и тоски!
Растерзавъ на клочья Ламартина,
На бумагу клала пирожки
И сажала въ печь моя невѣста!!
Я смотрѣть безъ ужаса не могъ,

Какъ она рукой мѣсила тѣсто,
 Какъ потомъ отвѣдала пирогъ.
 Я не вѣрилъ зрѣнію и слуху,
 Думалъ я, не перестать-ли жить?
 А у ней еще достало духу
 Мнѣ пирогъ проклятый предложить.
 Вотъ онѣ — великія идеи!
 Вотъ они — развитія плоды!
 Гдѣ же вы, поэзіи затѣи?
 Чтѣ изъ васъ, усилія и труды?
 Я рыдалъ. Сконфузилися обѣ,
 Видимо перепугались вдругъ;
 Я ушелъ въ невыразимой злобѣ,
 Объявивъ, что больше имъ не другъ.
 Съ той поры, я вѣрю: счастье скользко,
 Я безъ слезъ не проживаю дня;
 Отъ Москвы до Юрьевецъ-Повольска
 Нѣтъ лица несчастнѣе меня!

ДѢЛОВОЙ РАЗГОВОРЪ.

Журналистъ — *выходя ут-
ромъ въ свой
кабинетъ и
сидясь къ
рабочему
столу.*

Вотъ почта новая. Какая груда дѣлъ!
 Куда дѣваться мнѣ отъ писемъ и по-
 сылокъ?
 Въ провинціи народъ взыскателенъ и пы-
 локъ:
 Чуть къ первому числу съ журналомъ не
 завалятъ письмами — тоска и разоренье!
 Тотъ дѣлаетъ упрекъ, тому дай объясненье,
 А тотъ съ угрозами... досадная статья!
 Посылки также вздоръ, ихъ ненавижу я!
 Плохія повѣсти, а чаще риѣмотворство!..
 Я кажется, стихамъ не дѣлаю потворства—

Въ нихъ толку не ищи... Какая польза въ
 томъ,
 Чтѣ чувствовалъ поэтъ то дома, то на балѣ?..
 Я положительнъ и въ жизни, и въ журналѣ,
 Девизъ мой: интересъ существенный во всемъ!
 И какъ ихъ различать? Хорошихъ нѣтъ
 эстетикъ,
 А практикъ я плохой — я больше теоретикъ!..

Слуга—*входитъ и докла-
дываетъ.*

Помѣщикъ Свистуновъ: пріѣзжій изъ Уфы.

Журналистъ.

Проси его, проси: сегодня принимаю..

Слуга уходитъ.

Всю жизнь я раздѣлил на ровниа графы,
 Какъ счетную тетрадь, и только отмѣчаю,
 Куда, который часъ и какъ употребленъ..
 Въ ротъ капли не беру и ѣмъ одинъ буль-
 онъ!..

Подписчикъ — *входя.*

Семь лѣтъ подписчикомъ и данникомъ по-
 корнымъ

Я вашимъ былъ — и нынѣ состою.

Пылая къ вамъ почтеньемъ непритворнымъ
 (Простите, батюшка, докучливость мою),
 Священнымъ долгомъ счелъ, прибывъ въ
 столицу вашу,

Сначала облетѣть ее во всѣ концы,

Кунстъ-камеру взглянуть, потомъ особу
 вашу!..

А тамъ опять домой... чай, ждуть мои
 птенцы!..

Журналистъ—*отрывисто и
шутливо.*

Садитесь; очень радъ. Какъ розы среди терній,
 Какъ свѣтлый ручеекъ во глубинѣ степей—
 Цвѣтисто говоря—такъ жители губерній
 Пріятны намъ всегда. Вы, щедростью своей
 Поддерживая насъ, конечно, заслужили,

Чтобъ полное мы къ вамъ почтеніе хра- . Кто-жь можетъ этотъ путь тернистый освѣ-
нили, — тить?

И если въ микроскопъ разсматривать меня Кто на дурное намъ беззлобиво укажетъ?
Охота вамъ придеть — я долженъ согла- Кто за хорошее намъ благодарность ска-
ситься! жеть,

Умѣя покарать, умѣя и простить?

Подписчикъ.

Подписчикъ.

Поздненько, батюшка, мнѣ оптикѣ учиться:
Мнѣ стукнетъ шестьдесятъ черезъ четыре
дня!

Конечно, публика...

Журналистъ.

Журналистъ.

Да я, вѣдь, пошутилъ. А говоря прямѣе,
Какъ дѣло всякое со стороны виднѣе,
То и доволенъ я, что завернули вы...
Трудами нашихъ рукъ и нашей головы
Мы жертвуемъ для васъ, журналы издавая...

Къ тому и рѣчь веду я.
Какъ умный человекъ и какъ подписчикъ
мой,
Вы представителемъ явились предо мной
Всей нашей публики; и васъ теперь спро-
шу я:

Подписчикъ — *перебивая, съ
поклономъ.*

Довольны-ли вы тѣмъ, что производимъ мы?
Интересуютъ-ли читателей умы
Словесность, Критика, Хозяйство, Смѣсь,
Науки?..

И благодарность вамъ, почтениѣйшій, боль-
шая...

Что любить публика? къ чему негоряча?..

Журналистъ.

Подписчикъ.

Мы пишемъ день и ночь; торопимся, спѣ-
шимъ
Романъ перевести; театръ, литературу
За мѣсяцъ обозрѣть, исправить коррек-
туру —

Благодаря всевластной силѣ скуки
И рьяности чтецовъ, читаются сплеча,
За исключеніемъ Наукъ и Домоводства,
Всѣ ваши рубрики...

Все къ первому числу... И еле мы ды-
шимъ,

Журналистъ.

Оттиснувъ, наконецъ, и выдавъ книжку
нашу...

О, стыдъ! о, готтентотство!

Ужель еще читать не начали Наукъ?

Но какова она?.. Которыя статьи
Охотно вы прочли въ кругу своей семьи?
Какія усыпить успѣли милость вашу?
Не знаемъ ничего и знать намъ мудрено.
Конечно, судятъ насъ собратья аккуратно;
Но замѣчатъ они умѣютъ только пятна,
И въ безпристрастїи ихъ упрекнуть грѣшно!
Купаясь въ мелочной и тягостной борьбѣ,
Которая порой близка бываетъ къ дракѣ,
Увы! не знаемъ мы цѣны самимъ себѣ,
И оцупью бредемъ въ какомъ-то полу-
мракѣ!

Подписчикъ.

Давно-бы начали, но, батюшка, „Науки“
Такъ пишутся у васъ, что просто вонъ изъ
рукъ!

Охотно ставлю вамъ семью свою въ поруки:
Изряднымъ надѣленъ достаткомъ — сыновей
Я дома воспиталъ, а дочекъ въ пансіонѣ,
Страсть къ чтеню развита у всѣхъ моихъ
дѣтей;

Заслдемъ вечеркомъ съ журналомъ на бал-
конѣ,

Читаемъ, и летять скорехонько часы...
 Не спать моя жена; а какъ довольны дѣти!
 Но чуть въ „Науки“ я—повѣсятъ всѣ носы,
 Какъ будто ихъ поймалъ волшебникъ лютый
 въ сѣти!

Стараюсь убѣждать, доказываю имъ,
 Что съ пользою теперь мы время посвятимъ
 Не басенкѣ пустой, а дѣльному трактату,
 И дѣти вѣрятъ мнѣ... поближе къ нимъ под-
 сяду,

Читаю, горячусь... Но такова статья,
 Что черезъ часъ и самъ спать начинаю я!
 Ну, что вы скажете?..

Журналистъ.

Еще-бы малымъ дѣтямъ

Читать вы начали ученые статьи!..

Подписчикъ.

Нѣтъ, дѣти, батюшка, не малы ужъ мои,
 И въ нашей публикѣ ученѣй врядъ-ли встрѣ-
 тимъ:

Держалъ учителей, три года жилъ въ Москвѣ...
 Прислушивался я частехонько къ молвѣ
 И слышалъ все одно: „быть можетъ, и пре-
 красно,

Да только тяжело, снотворно и неясно!“

Имѣйте, батюшка, слова мои въ виду!..

Притомъ, какіе вы трактуете предметы?

„Проказы домовыхъ, пословицы, примѣты,

„О роли иѣтуха въ языческомъ быту,

„Значеніе кочерги, исторія ухвата“...

Нѣтъ, батюшка, такихъ статейкъ намъ не
 надо!

Журналистъ.

Но ежели вопросъ насъ къ истинѣ ведетъ,
 Ученый помышлять обязанъ-ли о сукѣ?

Подписчикъ.

Не спорю, батюшка, полезно все въ наукѣ,
 И ваша кочерга съ достоинствомъ займетъ
 Въ учебномъ сборникѣ достойныя страницы...

Но если дилеттантъ-читатель предпочтетъ
 Ученой кочергѣ пустыя небылицы,
 Ужели онъ не правъ?

Журналистъ.

Да вы противъ наукъ?

Подписчикъ.

Напротивъ, батюшка, я ихъ всегдашній другъ!
 И въ вашемъ, и въ другихъ журналахъ, хоть
 нечасто,

Случалось мнѣ встрѣчать ученые статьи —
 Я самъ, жена моя, домашніе мои
 Читали жадно ихъ, какъ повѣсти... Нѣтъ, за
 сто

Изрядныхъ повѣстей, повѣрите, не отдамъ
 Одной такой статьи: какое снисхожденіе
 Къ невинной публикѣ! какое изложеніе!
 Не путешествуя, по дальнимъ городамъ
 Съ туристомъ я блуждалъ; талантливый уче-
 ный

Вопросъ мнѣ разъяснялъ въ исторіи мудренѣй...
 Вотъ этакихъ статей побольше надо намъ!

Журналистъ—со вздохомъ.

Ахъ, рады-бы и мы всегда такимъ статьямъ,
 Да гдѣ ихъ доставать? Таланты такъ лѣнны,
 Что ежели статью въ журналъ въ годъ про-
 чли вы

Съ извѣстнымъ именемъ—благополучный годъ!
 Но часто журналистъ и по три года ждетъ
 Общанной статьи; а въ публикѣ толкуютъ,
 Что шарлатанитъ онъ...

Подписчикъ.

Куда какъ негоду-
 ютъ,

Что общаній вы не держите своихъ!

Журналистъ—мигнувъ рукой.

Мы нынче и давать ужъ перестали ихъ!

Подписчикъ.

Но прихотливъ талантъ—въ немъ возбудить
охоту
Полезно иногда—скупитесь, видно, вы?

Журналистъ.

Помилуйте! платить готовы мы безъ счету,
Кто только прогремитъ, по милости молвы,
Тому на перехватъ и деньги, и вниманье...
Охъ, дороговъко мнѣ пришлось соревнованье!
Набили цѣну такъ въ послѣдніе года,
Что наши барыши негодны никуда!
Богъ знаетъ, изъ чего стараемся, хлопо-
чемъ?

„Извѣстности“ теперь такъ дорого берутъ,
Что сбавилъ цѣну я своимъ чернорабо-
чимъ...

Романы, напримѣръ... Повѣрьте, приведутъ
Мою и безъ того тшедушную особу
Къ сухоткѣ злой они, а можетъ, и ко гробу!
Спасеніе въ одномъ—почаще переводъ
Печатай, и конецъ..

Подписчикъ.

По мнѣ, такъ переводы
Пора бы выводить рѣшительно изъ моды,
А много перевести романа два-три въ годъ...
Не спорю: хороши французскіе романы,
И въ аглицкихъ меня плѣняетъ здравый умъ...
Но мы читаемъ ихъ, какъ дѣти, наобумъ:
Насъ авторы ведутъ въ невѣдомыя страны:
Народности чужой неясныя черты
Намъ трудно понимать, не зная той среды,
Въ которой романистъ рисуется, какъ дома...
То-ль дѣло русскій быть и русское житье?
Природа русская?.. Жизнь русская знакома
Такъ каждому изъ насъ, такъ любимъ мы ее,
Что какъ ни даровать романъ вашъ пере-
водный,
Мы слабую ему статейку предпочтемъ,
Въ которой намъ дохнетъ картиною народ-
ной,
И русской грустію, и русскимъ удалствомъ,

Гдѣ развернется намъ знакомая природа,
Знакомыя черты знакомаго народа...

Журналистъ.

Вы судите умно. Все къ свѣдѣнью приму.
Теперь же вамъ вопросъ послѣдній предлагаю:
Сужденье ваше знать о „Критикѣ“ желаю...

Подписчикъ.

Позвольте умолчать.

Журналистъ.

Скажите, почему?

Подписчикъ.

Сегодня поводъ вамъ своей свободной рѣчью
Я подалъ, сударь мой, и такъ къ противо-
рѣчью,

И если мнѣніе о „Критикѣ“ скажу,
Названіе глупца, пожалуй, заслужу.

Журналистъ.

Напротивъ, никогда! Вѣдь, нѣтъ о вкусахъ
спора!
Прошу васъ, и клянусь, что яблокомъ раз-
дора
Не будетъ никакой строжайшій приговоръ.

Подписчикъ.

Ну, если такъ, я радъ! Полезно разговоръ
О чемъ бы онъ ни шель, довести до окон-
чанья.
Я вашей „Критики“ любитель небольшой:
Не то, чтобъ были въ ней невѣрны замѣ-
чанья,
Но многословіемъ, надутой пустотой,
Самодовольствіемъ, задоромъ и педантствомъ
Смущаетъ насъ она... а пуще шарлатанствомъ!
Ну, что хорошаго? Какъ только лѣтній жаръ
Немного поспадетъ и осенью суровой
Повѣтъ надъ селомъ, надъ полемъ и дубровой,
Межъ вами, такъ и жди, поднимется базаръ!

Забывъ достоинство своей журнальной чести,
Изъ зависти, вражды, досады, мелкой мести
Слѣшите вы послать врагамъ своимъ стрѣлу.
Враги стремительно бросаютъ вамъ перчатку—
И бурей роковой къ извѣстному числу
Все разрѣшается... Ошибку, опечатку
Съ восторгомъ подхвативъ, готовы цѣлый

О ней вы сочинить... А публика? Мы ждемъ,
Когда окончится промышленная стычка,
Критическій отдѣлъ наполнившая весь
И даже, наконецъ, забравшая въ „Смѣсь“,
И думаемъ свое: „несчастливая привычка,
Ошибка грустная испытанныхъ умовъ,
Къ чему ты приведешь?..“ О, выразить
нѣтъ словъ,

Какъ сами вы себя роняете жестоко,
Какъ оскорбляете вы публику глубоко —
И все, вѣдь, изъ чего?.. Шумливая толпа
Газетныхъ писуновъ, журнальныхъ ратобор-
цевъ,
Напрасно мыслишь ты, что публика слѣпа!..
Я вѣрю вамъ, когда бездарныхъ стихотвор-
цевъ

Преслѣдуете вы, трактуя свысока
О риѣмъ, о стихѣ, о формахъ языка,
Во имя Пушкина, Жуковского и Гете,
Доказывая имъ, что хуже въ цѣломъ свѣтѣ
Не писывалъ никто, и что рубить дрова
Полезнѣй, чѣмъ низать — „слова, слова,
слова!“

(Привычка водится за всѣмъ ученымъ міромъ
Сужденье подкрѣпить то Данте, то Шекспи-
ромъ).
Я вѣрю вамъ, когда озлобленнымъ перомъ
Воззааетесь порой въ нелѣпые романы,
Пигмеямъ нанося рѣшительныя раны,
Въ надеждѣ щегольнуть и собственнымъ
умомъ.

Когда неловкій стихъ или хромую фразу,
Вдобавокъ исказивъ и, на потѣху глазу,
Косыми буквами поставивъ миѣ на видъ,
Кричите вы: „и вотъ что авторъ говоритъ!
Гдѣ мысль, гдѣ логика, гдѣ истинное чувство?

Тутъ попоранъ здравый смыслъ, поругано
искусство!

О, муза русская! осиротѣла ты!..“
Горячность ваша миѣ хотя и непонятна
(Вы знаете, что есть и въ самомъ солнцѣ
пятна),
Но вѣрить я готовъ, что чувство правоты
Внушило вамъ и жолчь, и ѣдкіе сарказмы
(Хотя противное видали и не разъ мы!).
Я также вѣрилъ вамъ, сочувствовалъ душой,
Когда въ своихъ статьяхъ, приличныхъ и
достойныхъ,
Вы отзывались съ разумной похвалой
О Пушкинѣ и о другихъ покойныхъ.
Языкъ краснорѣчивъ, манера хороша:
Кто страстно такъ любилъ, такъ понималъ
искусство,
Въ томъ былъ глубокой умъ, горѣло ярко
чувство,

Свѣтилася прекрасная душа!..
Когда авторитетъ, давно шумѣвшій ложно,
Вы разрушаете — вамъ также вѣрить можно;
Когда вы хвалите ученые труды,
Успѣхъ которыхъ вамъ не сдѣлаетъ бѣды,
Я тоже вѣрю вамъ (хоть страсть къ литера-
турѣ

Васъ въ равновѣсїи не держать никогда:
То вдругъ расходитесь, подобно грозной бурѣ,
То такъ расхвалитесь, что новая бѣда).
Но иначе смотрѣть, иную думать думу
Привыкъ я, господа, прислушиваясь къ шуму,
Который иногда затѣявъ межъ собой,
Вы разрѣшаетесь осеннею грозой:
Тоска меня беретъ, по тѣлу дрожь проходить,
Когда одинъ журналъ, къ другому подходя,
О совѣсти своей журнальной рѣчь заводитъ...

Журналистъ.

Ужели, мой журналъ внимательно слѣдя
И въ немъ открыли вы уловки самохвальства?

Подписчикъ.

О, какъ же, батюшка, и даже до нахальствъ

Журналистъ — *вскакивая*.

Но гдѣ-жъ? Помилуйте! еще подобныхъ словъ
Я сроду не слышалъ...

Подписчикъ.

Ужъ будто?

Слуга — *докладываетъ*.

Хрипуновъ!

Журналистъ.

А! нужный человекъ!

Подписчикъ — *вставая*.

Такъ, значить, до сви-
данья?

Оно и хорошо, а то, разгорячась,
До грубости свои довелъ я замѣчанья,
И засидѣлся самъ — прощайте! третій часъ!
Простите, что мои сужденья были жестки
(А можетъ, скажете, что даже просто плоски).
Но льстить не мастеръ я и спину гнуть въ
кольцо...

Не думайте, что мы трудовъ не цѣнимъ ва-
шихъ:

Нѣтъ, дѣльный журналистъ — полезное лицо!
Въ васъ благодѣтелей мы часто видимъ на-
шихъ,

Мы благодарны вамъ за честные труды,
Которыхъ видимы полезные плоды —
Вы развиваете охоту къ просвѣщенью,
Вы примиряете насъ съ собственною лѣнью,
И вамъ всегда открытъ охотно нашъ карманъ —
Насъ опытъ научилъ, что безъ статей жур-
нальныхъ

Осеннихъ вечеровъ, дождливыхъ и печаль-
ныхъ,

Намъ нѣкуда дѣвать! Невѣжества туманъ
Разсѣялся давно; смягчило время правы;
Разгульные шеры и грубыя забавы

Время невѣжества смѣнило чередой
Стремленье къ знанію, искусствамъ благород-
нымъ,

И рѣдкій дворянинъ, конечно, молодой,
Теперь не предпочтетъ собакамъ превосход-
нымъ

Журналъ вашъ... для чего-жъ грошовой
интересъ

Надъ правдою беретъ въ васъ часто пере-
вѣсъ?

Къ чему хвастливый тонъ, осенніе раздоры,
Зацѣпки, выходки, улики, жолчь и споры?

Къ чему самихъ себя такъ глупо унижать?

Повѣрьте, публика пойметъ и безъ навѣта,

Что хорошо у васъ, что худо у сосѣда,

Да, право, и труда большого нѣтъ понять!

Повѣрьте, все пойдетъ и тихо, и прекрасно,

Когда вы станете трудиться, господа,

Самостоятельно, разумно и согласно —

И процвѣтете всѣ на многіе года!..

Прощайте! надоѣлъ я вамъ своимъ болтаньемъ;

Но если рѣчь мою почтили вы вниманьемъ,

Готовъ я забрести, пожалуй, и опять...

Журналистъ.

Весьма обяжете... Прощайте! буду ждать!

СТАРИКИ.

Н^еизвѣжныя напасти,
Время лѣтъ, трудовъ и зла
Унесли изъ нашей страсти
Много свѣту и тепла.

Сердце — времени послушно —
Бьется ровной чередой,
Разстаемся равнодушно,
Не торопимся домой.

Что таится другъ отъ друга?
 Посѣдѣль я — видишь ты;
 И въ тебѣ, моя подруга,
 Нѣту прежней красоты.

Что-жь осталось въ жизни нашей?
 Ты молчишь... печальна ты...
 Не случилось ли съ Парашей —
 Сохрани Господь — бѣды?..

ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Шляпа, перчатки, портфейль,
 Форменный фракъ со звѣздой,
 Нѣсколько впалая грудь,
 Правый високъ съ сѣдиною.

Не до одышки я толстѣю,
 Не до мизерности тонокъ,
 Слогъ у меня дѣловой,
 Голосъ приятель и звонокъ...

Только прибавить бы лба,
 Но — никакими судьбами!
 Волосы глупо торчатъ
 Тотчасъ почти надъ бровями.

При несомнѣнномъ умѣ,
 Соображеніи быстромъ,
 Миѣ далеко не пойти —
 Быть не могу я министромъ.

Да, представительный лобъ
 Необходимъ въ этомъ санѣ.
 Вотъ Дикобразовъ Прокопъ...
 Счастье, подумаешь, дряни!

Случай вывозить слѣпой
 Эту фигуру медвѣжью:
 Лобъ у него небольшой,
 Но дополняется плѣшью...

ПРИЗНАНІЯ ТРУЖЕНИКА.

По моей громадной толщинѣ
 Люди ложно судятъ обо мнѣ.
 Помню, разъ, четыре господина
 Говорили: „вотъ идетъ скотина!
 Видно, нѣтъ заботы никакой —
 Съ каждымъ годомъ прѣтъ его горой!“
 Я совсѣмъ не такъ благополучень,
 Какъ румянь и шаровидно тучень;
 Дочитавъ рассказъ мой до конца,
 Содрогнутся многія сердца!
 Для поддержки брэнной плоти нуженъ
 Миѣ обѣдъ достаточный и ужинъ,
 И чтобъ къ нимъ себя готовить
 Долженъ я — гулять, гулять, гулять!
 Чуть проснусь, не выпивъ чашки чаю,
 „Одѣвай!“ командую Минаю
 (Адски глупъ и копотливъ Минай,
 Да за то повязывать миѣ шею
 Допускать его я не робѣю:
 Преданъ миѣ безмѣрно негодяй)...
 Какъ пройду я первыя ступени,
 Подогнутся слабыя колѣни;
 Стувотня ужасна въ вискахъ,
 Потъ на лбу и слезы на глазахъ,
 Словно кто свиститъ и дуетъ въ ухо,
 И, какъ волны въ бурю, ходитъ брюхо!
 Отошедши нѣсколько шаговъ,
 Я совсѣмъ разбитъ и нездоровъ;
 Съѣлъ бы въ грязь, такъ жутко и такъ тяжело,
 Да грозить чудовище-Кондрашка:
 И твердитъ какъ Вѣчному Жиду,
 Все: „иди, иди, иди!“ Иду...
 Кажется, я очень авантаженъ:
 Хорошо одѣтъ и напомаженъ,
 Трость въ рукѣ и шляпа на бекрень...
 А терплю насмѣшки цѣлый день!
 Изъ кареты высунется дама
 И въ лицо миѣ засмѣется прямо,
 Крикнетъ школьникъ съ хохотомъ: „ура!
 Посмотрите: катится гора!..“
 А дуракъ лакей, за мной шагая,

Уваженъ къ барину теряя,
 Такъ и приснеть!.. Праздный балагуръ
 Срисовать въ альбомъ каррикатуры
 Норовить, рекомендуя дамамъ:
 Любоваться „симъ гиппопотамомъ!“
 Кучера по-своему острять:
 „Этому“ — мерзавцы говорятъ —
 „Еслибъ въ брюхо и попало дышло,
 Такъ насъвозь оно бы, чай, не вышло?..“
 Такъ извнѣ насмѣшками язвимъ,
 Изнутри изжогою палимъ,
 Я бреду... Пальто, бурнусы, шляпки,
 Смѣхъ мужчинъ и дамъ нарядныхъ тряпки,
 Экипажи, вывѣски, друзья —
 Ничего не замѣчаю я!..
 Наконецъ... Счастливая минута!..
 Скоро пять — невѣдомо откуда
 Силы вдругъ возьмутся... Какъ зефиръ,
 Я лечу домой, или въ трактиръ,
 Или въ клубъ... Теперь я живъ и молодъ,
 Я лежокъ: я ощущаю голодъ!..
 Ахъ, повѣрьте, счастье не въ томъ,
 Чтобъ блистать чинами и умомъ,
 Наше счастье бродить межъ холмами
 Въ бурой шкурѣ, съ дюжими рогами!..
 Впрочемъ, мнѣ распространяться лѣнь...
 Дней моихъ хранительная сѣнь,
 Здравствуй, клубъ!.. Почти еще ребенокъ,
 Въ первый разъ, и сухощавъ, и тонокъ,
 По твоимъ ступенямъ я всходилъ:
 Ты меня взлелѣялъ и вскормилъ!
 Честь тебѣ, твоимъ здоровымъ блюдамъ!..
 Если кто тебя помянетъ худомъ,
 Не сердись, не уличай во лжи:
 На меня безмолвно укажи!
 Уголокъ спокойный и отрадный!
 Сколько разъ, въ часъ бури безпощадной,
 Думалъ я, дремля у камелька:
 „Жизнь моя пріятна и легка.
 Кто-нибудь теперь отъ стужи стонеть,
 Кто-нибудь въ сердитомъ морѣ тонеть,
 Кто-нибудь дрожить... а надо мной
 Вѣтерокъ не пролетитъ сквозной...
 Сколькихъ ты пригрѣлъ и успокоялъ

И въ объемѣ, какъ меня, утроилъ!
 Для какого множества людей
 Замѣнилъ семейство и друзей!..

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ІЮНЯ 1854 ГОДА.

Великихъ зрѣлищъ, мировыхъ судебъ
 Поставлены мы зрителями нынѣ:
 Исконные, кровавые враги,
 Соединяясь, идутъ противъ Россіи.
 Пожаръ войны полміра обхватилъ
 И заревомъ зловѣщимъ освѣтились
 Дѣянія державъ миролюбивыхъ...
 Обращены въ позорище вражды
 Моря и суша... Медленно и глухо
 Къ намъ двинулись громады кораблей,
 Хвастливо предрекая нашу гибель,
 И наконецъ приблизились; стоятъ
 Предъ укрѣпленной русскою твердыней...
 И нынѣ въ уриѣ роковой лежатъ
 Два жребія... и наступаетъ время,
 Когда Рѣшитель мира и войны
 Исторгнетъ ихъ всеисильною рукой
 И свѣту потрясенному покажетъ.

Въ день появленія соединеннаго
 флота вблизи Кронштадта.

* * *

Безвѣстенъ я. Я вами не стяжалъ
 Ни почестей, ни денегъ, ни похвалъ,
 Стихи мои — плодъ жизни несчастливой,
 У отдыха похищенныхъ часовъ,

Сокрытыхъ слезъ и думы боязливой;
 Но вами я не восхвалялъ глупцовъ,
 Но съ подлостью не заключалъ союза,
 Нѣтъ! свой вѣнецъ терновый приняла,
 Не дрогнувъ, обезславленная Муза
 И

* * *

Чуть-чуть не говоря: „ты сущая ничто-
 жность!“

Стиховъ моихъ печатный судія
 Совѣтуетъ большую осторожность
 Въ употребленіи буквы „я“.

Винюсь: ты правъ, усердный мой цѣнитель
 И общихъ мѣстъ присяжный расточитель,—
 Противъ твоей я публики грѣшу,
 Но только я не для нея пишу.

Увы! писать для публики, для свѣта,
 Удѣлъ не русскаго поэта...

Друзья мои по тяжкому труду,
 По Музѣ гордой и несчастной,
 Кипящей злобою безгласной!

Мою тоску, мою бѣду
 Пою для васъ... Не правда ли, отрадно
 Несчастному несчагіе въ другомъ?
 Кто боленъ самъ, тотъ весело и жадно
 Внимаетъ вѣсти о больномъ...

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТА

ФЕДОРА ИЛАРИОНОВИЧА РУДОМЕТОВА II-го

уволеннаго въ числѣ прочихъ въ 1857 году.

Увиль ты, точно, на вѣку
 Сто-сорокъ-два медвѣди,
 Но прочиталь-ли хоть строку
 Ты въ жизни, милый Федя?—

—О, нѣтъ! за множествомъ хлопотъ,
 Разводовъ и парадовъ,
 По милости игры, охотъ,
 Баловъ и маскарадовъ,
 Я книги въ руки не биралъ,
 Но близокъ съ просвѣщенемъ:
 Я очень долго управлялъ
 Учебнымъ учрежденемъ.
 Въ тѣ времена всего важнѣй
 Порядокъ былъ—до книгъ-ли?—
 Мы брили молодыхъ людей
 И, какъ барановъ, стригли!
 За то студентъ не бунтовалъ,
 Хоть былъ съ осанкой хватской;
 Тогда законъ не разбиралъ—
 Военный или статскій:
 Дабы соединить съ умомъ
 Проворство и споровку,
 Пофилософствуй, а потомъ
 Иди на маршировку!..

Случилось также мнѣ попасть
 Въ начальники цензуры,
 Конечно, не за тѣмъ, чтобъ красть:
 Чтѣ взять съ литературы?
 А такъ, порядокъ водворить...
 Довольно было писку;
 Умѣлъ я разомъ сократить
 Журналную подписку.
 Пятнадцать цензоровъ смѣнилъ
 (Все были либералы),
 Лицеямъ, школамъ воспретилъ
 Выписывать журналы.
 „Не успокоюсь, не поправъ
 Писателей свирѣлость!
 Узнайте-жъ мой ужасный нравъ,
 И мощь мою—и крѣпость!“
 Я восклицалъ. Я ихъ застигъ
 Какъ ураганъ въ пустынѣ,
 И гибли, гибли сотни книгъ,
 Какъ мухи въ керосинѣ!
 Мать не встрѣчала прописей
 Для дочери-дѣвочки,
 И лопнули въ пятнадцать дней!

Всѣ книжныя лавчонки!..
 Потомъ, когда обширный край
 Мнѣ ввѣрили по праву,
 Девизъ: „Блюди—и усмирай!“
 Я оправдать на славу...

НА ОБЪДЪ

ВЪ ЧЕСТЬ МАРТЫНОВА.

Со славою прошелъ ты полдороги,
 Полпоприща ты доблестно свершилъ;
 Мы молимъ одного: чтобъ даровали боги
 Тебѣ надолго крѣпость силъ!
 Чтобъ въ старости, бывое вспоминая,
 Могли мы повторять, смѣясь:
 „А помнишь ли, гурьба какая,
 „На этотъ праздникъ собралась?
 „Тутъ не было ни почестей народныхъ,
 „Ни громкихъ хвалъ,—однимъ онъ дорогъ
 былъ:
 „Свободную семью людей свободныхъ
 „Мартыновъ вокругъ себя въ тотъ день соеди-
 нилъ!
 „И чѣмъ же, чѣмъ? Ни подкупа, ни лести
 „Тутъ и слѣда никто не могъ бы отыскать!“
 Мы знаемъ всѣ: ты стоишь болѣе чести,
 Но мы даемъ, что можемъ дать!“ —

ПАПАША.

Я давно замѣчалъ этотъ сѣренькій домъ:
 Въ немъ живутъ двѣ почтенныя дамы;
 Тишина въ немъ глубокая днемъ,
 Сторы спущены, заперты рамы.
 А вечерней порой иногда
 Здѣсь движенье веселое слышно:
 Приѣзжаютъ сюда господа
 И дѣвицы, одѣтыя пышно.
 Вотъ и нынче карета стоитъ,
 Въ ней какой-то мужчина сидитъ;
 Свищетъ, онъ поджидая кого-то,
 Да на окна глядитъ иногда.
 Наконецъ, отворились ворота
 И, нарядна, мила, молода,
 Вышла женщина...
 „Здравствуй, Наташа!
 Я уже думалъ—не будетъ конца!“
 — „Вотъ тебѣ деньги, папаша!“
 Дѣвушка сѣла, цѣлуетъ отца.
 Дверцы захлопнулись, скрылась карета,
 И постепенно затихъ ея шумъ.
 „Вотъ тебѣ деньги!“ Я думалъ: что-жь это?
 Дикая мысль поразила мой умъ.
 Мысль эта сердце мучительно сжала.
 Прочь, ненавистная, прочь!
 Что же, однако, меня испугало?
 Мать, продающая дочь,
 Не ужасаетъ насъ... такъ почему же?..
 Нѣтъ, не повѣрю я!.. извергъ, злодѣй!
 Хуже убійства, предательства хуже...
 Хуже-то хуже, да легче, вѣрнѣй
 Да и понятнѣй. Въ нашъ вѣкъ утонченный
 Изверги водятся только въ лѣсахъ.
 Это не извергъ, а фатъ современный—
 Фатъ устарѣлый, безъ мѣста, въ долгахъ.
 Что-жь ему дѣлать? Другого закона,
 Кромѣ дендизма, онъ въ жизни не зналъ,
 Жилъ человѣкомъ хорошаго тона
 И умереть имъ желалъ.
 Поздно привыкъ онъ ложиться,
 Поздно привыкъ онъ вставать,
 Кушая кофе, помадиться, бриться,

Ногти точить и усы завивать;
 Чась или два передь тонкимъ обѣдомъ
 Невскій проспектъ шлифовать.
 Съ молоду былъ онъ лихимъ сердцеѣдомъ:
 Долго ли денегъ достать?
 Съ шикомъ одѣлся, приставилъ лорнетку
 Къ лѣвому глазу, прищурилъ другой,
 Мигомъ плѣнилъ пожилую кокетку
 И полилось ему счастье рѣкой.
 Сладки трофеи нетрудной побѣды —
 Кровища лошади, поварь французъ...
 Боже! какіе давалъ онъ обѣды —
 Роскошь, изящество, вкусъ!
 Подлая сволочь глотала ихъ жадно.
 Подлая сволочь?.. о, цѣты!
 Все, что богато, чиновно, парадно,
 Купало съ чувствомъ и съ толкомъ обѣдъ.
 Мы за здоровье хозяина пили,
 Мы цѣловались съ нимъ,
 Правда, что слухи до насъ доходили...
 Что намъ до слуховъ — и вѣрить ли имъ?
 Старый газетчикъ, въ порывѣ усердія,
 Такъ отозвался о немъ:
 „Другъ справедливости! жрецъ милосердія!“
 То вдругъ облаялъ потомъ, —
 Вѣрь, чему хочешь! Мы въ немъ не замѣ-
 тили
 Подлости явной: въ игрѣ онъ платилъ.
 Муза! воспой же его добродѣтели!
 Вспомни, онъ набоженъ былъ;
 Вспомни, онъ руку свою тароватую
 Вѣчно раскрытой держалъ,
 Даже Жуковскому что-то на статую
 По добротѣ своей далъ!
 Счастье, однако, на свѣтѣ непрочно —
 Хуже да хуже съ годами дѣла.
 Силь ему много отпущено, точно,
 Да красота измѣнять начала.
 Онъ ужъ купилъ три таинственныхъ банки:
 Это — для губъ, для лица и бровей,
 Учетверилъ благородство осанки
 И величавость походки своей;
 Ходитъ по Невскому съ палкой, съ лорне-
 томъ

Сорокалѣтній герой.

Ходитъ зимою; весною и лѣтомъ,
 Ходитъ и думаетъ: „Чортъ же съ тобой,
 „Городъ проклятый! Я строенъ, какъ то-
 поль,
 „Счастье найду по другимъ городамъ!“
 И, разсердясь, покидаетъ Петрополь...
 Можетъ быть, вѣдомо вамъ,
 Что за границей мѣстами есть воды,
 Гдѣ собирается множество дамъ —
 Милыхъ поклонницъ свободы,
 Дамъ и отчасти дѣвицъ;
 Ежели дамъ, то въ замужствѣ несчастныхъ,
 Разнаго возраста лицъ,
 Но одинаково страстныхъ, —
 Словомъ, такихъ, у которыхъ талантъ
 Жалкою славой прославится въ свѣтѣ
 И за которыхъ Жоржъ-Сандъ
 Передь мыслителемъ русскимъ въ отвѣтѣ.
 Что привлекаетъ ихъ въ городъ такой,
 Славный не столько водами,
 Сколько азартной игрой
 И... но вы знаете сами...
 Трудно рѣшить. Говорятъ,
 Годы терпѣнья и плѣна,
 Тяжкихъ обидъ и досадъ
 Вдругъ выкупаютъ измѣна;
 Ежели такъ, то цѣлительность водъ
 Не подлежитъ никакому сомнѣнью.
 Бурно ихъ жизнь тамъ идетъ,
 Вся отдана наслажденью;
 Оригиналенъ нарядъ, —
 Дома одѣты, а въ люди
 Полураздѣтыя спѣшатъ:
 Голыя спины и голыя груди!
 (Впрочемъ, не къ каждой изъ дамъ
 Эти идутъ укоризны:
 Такъ, напимѣръ, только лечатся тамъ
 Скромныя дочери нашей отчизны...)
 Нашъ благородный герой
 Тамъ свои сѣти раскинулъ,
 Тамъ онъ блисталъ еще годикъ-другой,
 Но и оттудова сгинулъ.
 Лѣтъ черезъ восемь потомъ

Онъ воротился въ Петрополь,
 Все еще строенъ, какъ тополь,
 Но уже нѣсколько хромъ,
 То-есть, не хромъ, а немпожко
 Стала шалить его лѣвая ножка —
 Вовсе не гнулась! Шагаль
 Ею онъ словно полѣномъ,
 То вдругъ внезапно болталъ
 Въ воздухѣ правимъ колѣномъ.
 Бѣлый платочекъ въ рукѣ,
 Грусть на челѣ горделивомъ,
 Волосы съ бурнымъ отливомъ —
 И ни кровинки въ щекѣ!
 Плохо!..

А вкусы такъ пошлы и грубы,
 Дай имъ красавчика, кровь съ молокомъ...
 Волкъ, у котораго выпали зубы,
 Бѣшено взвылъ; оглядѣлся кругомъ
 Да и рѣшился... Трудами питаться
 Нѣтъ ни умѣнья, ни силъ;
 Въ бѣдности гнусной открыто признаться
 Передъ друзьями, которыхъ кормилъ,
 И удалиться съ роскошнаго пира —
 Нѣтъ! добровольно герой
 Санктпетербургскаго моднаго міра
 Не достигаетъ развязки такой.
 Молодь — такъ дѣло женитьбой поправить,
 Старь — такъ игорный притонъ заведеть,
 Вексель фальшивый составить,
 Въ легкую службу поидеть,
 Славная служба! Нашъ старый красавецъ
 Чуть не пошелъ-было этой тропой,
 Да не годился... Вотъ этотъ мерзавецъ —
 Подъ руку съ дочерью! Весь завитой,
 Кольца, лорнетка, цѣпочка вдоль груди...
 Плюньте въ лицо ему, честные люди!
 Или уйдите хоть прочь!
 Легче простить за поджогъ, за покражу —
 Это отецъ, развращающій дочь
 И выводящій ее на продажу!..
 „Знаемъ мы, знаемъ — да дѣла намъ нѣтъ,
 „Очень горячъ ты, любезный поэтъ!“
 Музыка въ родѣ шарманки
 Однообразно гудить;

Сонно поютъ испытанъ цыганки,
 Глушій цыганъ каблуками стучить.
 Около русой Наташи
 Пять молодыхъ усачей
 Пьютъ за здоровье папаша.
 Кажется, весело ей:
 Смотритъ спокойно, наивно смѣется.
 Пусть же смѣется всегда!
 Пусть никогда не проснется!
 Если-жъ проснется, что будетъ тогда?
 Ножъ ли ухватить, застонеть ли тяжело
 И упадетъ безъ дыханья, бѣдняжка,
 Сломлена ужасомъ, горемъ, стыдомъ?
 Кто ее знаетъ! Не дай только Боже
 Быть никому въ ея кожѣ, —
 Звать обнищалаго фата отцомъ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ.

или

„НЕ ВЪ СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ“.

О, свѣтскія забавы!
 Пришлось вамъ поклониться,
 Литературной славы
 Рѣшился я добиться.
 Не долго думалъ думу,
 Досталъ два автографа;
 И вышелъ не безъ шушу
 На путь библиографа,
 Шекспировыхъ твореній
 Составилъ полный списокъ,
 Безъ важныхъ упущеній
 И безъ большихъ описокъ.
 Всего-то двѣ ошибки
 Открыли журналисты,
 Какъ ихъ умы ни гибки,
 Какъ перья ни рѣчисты:

Какую-то Заиру
Позднѣйшаго поэта
Я приписалъ Шекспиру,
Да пропустилъ Гамлета.

Посыпались нападки.
Я пробовалъ сначала
Свалить на опечатки,
Но вышло толку мало.

Тогда я хватъ брошюру!
И тутъ остался съ носомъ:
На всю литературу
Сочли ее допосомъ!

Открыли перестрѣлку,
Въ своихъ мансардахъ сидя,
Попалъ я въ передѣлку!
Такъ заяцъ, пса увидя,

Потерянный метнется
Къ тому, къ другому краю
И разомъ попадется
Во всю собачью стаю!..

Дней сто не прекращали
Журнальной адской бани,
И даже тѣхъ ругали,
Кто мало сыпалъ брани!

Увы! въ родную сферу
Съ стыдомъ я возвратился;
Испортилъ я карьеру,
А славы не добился!..

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА.

МОСКВЫ СЪ ПЕТЕРБУРГОМЪ.

1.

МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ.

НА дальнемъ сѣверѣ, въ гиперборейскомъ
краѣ,
Гдѣ солнце тусклое, показываясь въ маѣ,

Скрывается опять до лѣта въ сентябрѣ —
Столица новая возникла при Петрѣ.
Возникнувъ, съ помощью чухонскаго на-
рода,

Изъ топей и болотъ въ какихъ-нибудь два
года,

Она до нашихъ дней съ Россіей не срос-
лась:

Въ употребленіи тамъ гнусный рижскій квасъ;
Съ нѣмецкимъ языкомъ тамъ перемѣшанъ
русскій,

И надъ обоими господствуетъ французскій,
А рѣчи истинно-народный оборотъ
Тамъ рѣдокъ столько же, какъ честный па-
триотъ.

Да, патриота тамъ наищещься со свѣчкой:
Подбиться къ сильному, прикинуться овечкой,
Мѣстечка теплаго добиться, и потомъ
Безбожно торговать и честью, и умомъ —
Таковъ тамъ человѣкъ!—Но, впрочемъ, безъ
сомнѣнья,

Спѣшу оговорить, найдутся исключенья.
Забота Промысла о людяхъ такова,
Что если гдѣ растеть негодная трава,
Тамъ есть и добрая: вотъ на примѣръ Жу-
ковскій —
Хоть въ Петербургѣ жилъ, но былъ съ душой
московской.

Театры и дворцы, Нева и корабли,
Несущіе туда со всѣхъ концовъ земли
Затѣи роскоши, — музеи просвѣщенья,
Музеи древностей — „всѣ признаки ученья“
Въ томъ городѣ найдешь; нѣтъ одного: души!
Тамъ высохъ человѣкъ, погрязнувъ въ ба-
рыни;

Улыбка на устахъ, а на умѣ коварность:
Святого ничего — одна утилитарность!

Итакъ, друзья мои! клянуптешеславный градъ!
Рыдаю и клянупт... Прогрессу онъ не радъ.
Въ то время, какъ Москва надеждами пы-
лаетъ,

Онъ погружается по прежнему въ развратъ
И противъ гласности стихонки сочиняеть!..

2.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНІЕ.

Ты знаешь градъ, заслуженный и древній,
Который совмѣстилъ въ свои концы
Хоромы, хижины, посады и деревни,
И храмы Божіи, и царскіе дворцы?
Тотъ мудрый градъ, гдѣ смѣлый провозвѣст-

никъ

Московскихъ думъ и англійскихъ началъ,
Какъ водопадъ, бушуетъ „Русскій Вѣст-

никъ“,

Гдѣ „Атенея“, какъ ручеекъ, журчалъ.

Ты знаешь градъ? — Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Ученый говоритъ: „тотъ градъ славнѣе
Рима“;

Прозаикъ „сердцемъ родины“ зоветъ;

Поэтъ гласить „Россіи дочь любима“,

И „матушкою“ чествуетъ народъ.

Недаромъ, нѣтъ! Невольно брызжутъ слезы,

При имени заслугъ, какія онъ свершилъ:

Въ двѣнадцатомъ году такіе тамъ морозы

Стояли, что французъ досель ихъ не за-

былъ.

Ты знаешь градъ?—Туда, туда съ тобой

Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Достойный градъ! Тамъ Мининъ и Пожар-

скій

Торжественно стоятъ на площади.

Тамъ уцѣлѣлъ остатокъ древне-барскій

У каждаго патриція въ груди.

Въ купечествѣ, въ сословіи дворянскомъ

Тамъ безкорыстіе, готовность выше мѣръ:

Въ послѣдней-ли войнѣ, въ вопросѣ-ли крестъ-

янскомъ

Мы не одинъ найдемъ тому примѣръ...

Ты знаешь градъ? Туда туда — съ тобой

Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Волшебный градъ! Тамъ люди въ дѣлѣ тихи,
Но говорятъ, волнуются за двухъ;

Тамъ отъ Кремля, съ Арбата и съ плющихи—
Отвсюду вѣетъ чисто-русскій духъ;

Все взоры веселитъ, все сердце умиляетъ,

На высренній настройваетъ ладъ—

Царь-колоколъ лежитъ, царь-пушка не стрѣ-

ляетъ,

И сорокъ-сороковъ безъ умолку гудятъ.

Волшебный градъ! Туда, туда съ тобой

Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Правдивый градъ! Тамъ процвѣтаетъ глас-

ность,

Тамъ принялись науки сѣмена,

Тамъ въ головахъ у всѣхъ такая ясность,

Что комара не примутъ за слона.

Тамъ, не въ примѣръ столицѣ нашей Нев-

ской,

Подмѣтятъ все — оцѣнятъ, разберутъ:

Анаоемъ тамъ преданъ Ч—скій,

И Кокорева умъ нашель себѣ пріютъ!

Правдивый градъ! Туда, туда съ тобой

Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Мудреный градъ! По приговору сейма,

Тамъ судятся и люди, и статьи;

Ученый Бабсть стихами Розенгейма

Тамъ подкрѣпляетъ мнѣнія свои;

Тамъ сомнѣвается почтеннѣйшій Киттары,

Ужъ точно ли не нужно сѣчь дѣтей;

Тамъ въ Хомяковѣ чехи и мадьяры

Нашли пѣвца народности своей.

Мудреный градъ! Туда, туда съ тобой

Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Разумный градъ! Тамъ Павловъ Соллогуба,

Байборода Крылова обличилъ,

Тамъ * * * былъ пораженъ сугубо,

Тамъ самъ себя Чичеринъ поразилъ.

Тамъ, что ни мужъ — то жаркій другъ про-

гресса,

И лишь не вдругъ могли уразумѣть:

Что на пути къ нему вѣрише — пресса,

Или умно направленная плеть?

Разумный градъ! Туда, туда съ тобой

Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Серьезный градъ! Науку безъ обмана,
 Безъ гаерства искусство любить тамъ;
 Тамъ область празднословнаго романа
 Мужчина передалъ въ распоряженіе дамъ.
 И чтó романъ! Тамъ поражаютъ пьянство,
 Устами Чапнинга о трезвости поютъ;
 Тамъ люди презираютъ балаганство
 И нашъ „Свистокъ“ проклятью предаютъ!
 Серьезный градъ! Туда, туда съ тобой
 Намъ страшно показаться, милый мой!

Священной родины, минули Свинемюнде,
 Приѣхали въ Берлинъ—и обрѣли врага
 Въ Луизѣ-Августѣ-Фернандѣ-Кунигундѣ.
 Такъ горничная тварь въ гостинницѣ зва-
 лась.
 Но я предупредить обязанъ прежде васъ,
 Что Лидія—моя дражайшая супруга —
 Ужасно горяча: какъ будто родилась
 Подъ небомъ Африки; въ ней дышутъ стра-
 сти юга!

Въ отечествѣ она не знала имъ узды:
 Покорно ей вручивъ правленія бразды,
 Я скоро подчинилъ ей волю и разсудокъ
 (Въ сочельникъ крошки въ ротъ не бралъ
 я до звѣзды,
 Хоть голоду терпѣть не можетъ мой желу-
 докъ).

ПЕРВЫЙ ШАГЪ ВЪ ЕВРОПУ.

Какъ дядю моего, Ивана Ильича,
 Нечаянно сразилъ ударъ паралича,
 Въ его наслѣдственномъ имѣніи Корсун-
 комъ —
 Я памятникъ ему воздвигнулъ сгоряча,
 А души заложилъ въ совѣтъ опекуномъ.

Мои домашніе, особенно жена,
 Пристали: „жизнь для насъ на родинѣ скучна!“
 Кто: „ангелъ!“, кто „злодѣй! вези насъ за
 границу!“
 Я крикнулъ старосту Ивана Кузьмина,
 Имѣнье сдать ему и—укатилъ въ столицу.
 Въ столицѣ, получивъ немедленно паспортъ,

Я сѣлъ на пароходъ и уронилъ за бортъ
 Горячую слезу, невольный даръ отчизнѣ...
 „Утѣшься“, прошепталъ насъ увлекавшій
 чортъ:
 „Отраду ты найдешь въ нѣмецкой деше-
 визнѣ“—

И я утѣшился... И тутъ ужъ не долга
 Развязка мрачная, минули мы брега

И всякъ за мною вслѣдъ во всемъ ей пота-
 калъ,
 Противорѣчіемъ никто не раздражалъ
 Изъ опасенія слезъ, трагическихъ истерикъ...
 Въ гостинницѣ едва я умываться сталъ,
 Вдругъ слышу: Лидія бушуетъ, словно
 Терекъ.

Я бросился туда. Вотъ чтó случилось съ ней...
 О, ужасъ! о, позоръ! Въ небрежности своей
 Луиза, Лидію съ дороги раздѣвая,
 Царапнула слегка булавкой шею ей,
 А Лидія моя, не долго размышляя...

Но чтó тутъ говорить? Тутъ нужны не слова,
 Тутъ громы нужны бы... Недвижна, чуть
 жива,

Стояла Лидія въ какой-то думѣ новой.

Растрѣпана коса, поникла голова:

„На натискъ пламенный ей былъ отпоръ су-
 ровый!..“

Слова моей жены: „о, другъ, Иванъ Ильичъ!“
 Мнѣ вспомнились тогда: „здѣсь грубость,
 мракъ и дичь!

Здѣсь жить я не могу—вези меня въ Европу!“
 Ахъ, лучше-бъ, душечка, въ деревнѣ дѣвокъ
 стричь,
 Да надирать виски безгласному холопу!

ОТРЫВКИ.

НА ПСАРНЬ.

Ты, старина, здѣсь живешь, какъ въ аду,
 Воля придетъ, чай, бѣжишь безъ ог-
 лядки?

— Нѣшто мнѣ воля? куда я пойду?
 Нѣту ни батьки, ни матки,
 Нѣту никѣмъ никого,
 Хлѣбъ добывать не умѣю,
 Только и знаю кричать: „го-го-го!“
 Горе косому злодѣю!..“

* * *

Явно родственны съ землей,
 Въ тайномъ бракѣ съ „Вѣстью“,
 Земства модною броней
 Прикрываясь съ честью,
 Снова ловятъ мужиковъ
 Въ крѣпостныя сѣти
 — — — скихъ орловъ
 Доблестныя дѣти...

ПѢСНЯ ОБЪ „АРГУСЪ“.

Я полагаю, съ либеральнаго
 Есть направленья барышъ —
 Больше, чѣмъ съ мѣста квартальнаго.

Что-жь оказалось — пишъ!
 Богъ меня свелъ съ нигилистами,
 Сами лѣнятся писать,
 Платять все деньгами чистыми.

Пробовалъ я убѣждать:
 „Мнѣ-бы хоть десять копѣечекъ
 Съ пренумеранта извлечь:
 Вѣдь, даровыхъ-то статейчекъ

Много... куда ихъ беречь?
 Нужно во всемъ безпристрастїе.
 Вы ихъ смѣшайте, друзья,
 Да и берите на счастье...

Вѣрите, любая статья
 Встрѣтитъ горячихъ хвалителей,
 Каждую будутъ бранить...“

Тщегно! моихъ разорителей
 Я не успѣлъ убѣдить!

Часто, взбираясь на лѣсенку,
 Гдѣ мой редакторъ живетъ,
 Слышалъ я грозную пѣсенку,
 Вотъ вамъ ея переводъ:

„Изъ уваженья къ читателю,
 Изъ уваженья къ себѣ,
 Нѣтъ снисхожденья издателю —
 Гибель, несчастный, тебѣ!...“

— Но не хочу я погибели!
 (Я ему): другъ-нигилистъ!
 Лучше хотѣлъ бы я прибыли. —
 Онъ же пускается въ свистъ.

Выслушавъ эти нелѣпости,
 Я отъ него убѣгалъ,
 И по мосткамъ противъ крѣпости
 Обыкновенно гулялъ.

Тамъ я бродилъ въ меланхолиі,
 Тамъ я любилъ размышлять,
 Что не могу уже болѣе
 „Аргуса“ я издавать.

Чинъ мой оставя въ забвеніи

И не шадя сѣдины,
 Эти великіе гевѣи
 Снять съ меня рады штаны!
 Лучше идти въ переписчики,
 Чѣмъ убиваться въ накладъ.
 Бросишь издание — подписчики
 Скажутъ: дай деньги назадъ!
 Что же мнѣ дѣлать, несчастному?
 Благо, хоть совѣсть чиста:
 Либерализму опасноу
 Въ сѣти попалъ я спроста...
 Такъ по мосткамъ противъ крѣпости
 Я въ размышленнѣ гулялъ.
 Полный неожиданной свирѣпости
 Ледъ на мостки набѣжалъ:
 Съ трескомъ они разскочилися,
 Насъ по Невѣ понесло;
 Всѣ пѣшеходы смутились,
 Каждому плохо пришло!
 Словно близъ дома питейнаго
 Крики носились кругомъ.
 Смотримъ — нѣтъ моста Литейнаго!
 Весь разнесло его льдомъ.
 Вотъ, погоняемый льдинами,
 Мчится на насъ плашкоутъ,
 Ропотъ прошелъ межъ мужчинами,
 Женщины волосы рвутъ!
 Тутъ человѣкъ либеральнаго
 Образа мыслей, и тотъ
 Звалъ на защиту квартальнаго..
 Я лишь былъ хладенъ какъ ледъ!
 Что тутъ борьба со стихіею,
 Если подорванъ кредитъ,
 Если падъ собственной выею
 Мечъ дамочесовъ висить?..
 Общее было смятеніе,
 Я же на льдинѣ стоялъ
 И умолялъ Провидѣніе,
 Чтобъ запретили журналъ...
 Вышло-бъ судебъ покровительство!
 Честь бы и деньги я спасъ;
 Но не умѣетъ правительство
 Въ пору быть строгимъ у насъ...
 Нѣтъ, не оттуда желанное

Мнѣ избавленье пришло —
 Чудо свершилось нежданное:
 На небѣ стало свѣтло,
 Вижу, на льдинѣ сверкающей...
 Вижу, лвлется вдругъ,
 Мертвыя души скупающій
 Чичиковъ! — *Здравствуй, мой другъ!*
Ты приходишь покупателя!
 Онъ прокричалъ — и исчезъ!..
 Благословляя Создателя,
 Мокрый я на берегъ влѣзъ...
 Всю эту бурю ужасную
 Вѣкъ сохранию я въ душѣ —
 Мысль получивши прекрасную,
 Я же теперь въ барышѣ!
 Нѣтъ рокового изданія!
 Самая мысль о немъ — прочь!..
 Поздно въ трактиръ „Германія“,
 Въ ту же ужасную ночь,
 Грѣясь, сушась, за бутылкою
 Сбылъ я подписчиковъ, сбылъ,
 Сбылъ ихъ советъ — съ пересылкою,
 Сбылъ — и барышъ получилъ!..
 Словно змѣю укушенный,
 Впрочемъ, легокъ и счастливъ,
 Я убѣжалъ изъ Конюшенной,
 Этотъ пассажъ совершивъ.
 Чудилось мнѣ, что нахальные
 Мчатся подписчики вслѣдъ:
 „Дай намъ статьи либеральныя!“
 Хоромъ кричать: — „дармождъ!“
 И вѣдь какіе подписчики!
 Ихъ и продать-то не жаль:
 Аптекаря, переписчики —
 Словомъ, ужасна пваль!
 Знай, что такая компанія
 Будетъ (и всѣ въ куражѣ!..
 Не начиналъ бы изданія:
 Аристократъ я въ душѣ.
 Впрочемъ, средь бабьихъ передниковъ
 И неуклюжихъ лаптей—
 Трое дѣйствительныхъ статскихъ совѣтни-
 никовъ,

Двое армянскихъ князей!
 Публика все чрезвычайная,
 Даже чиновниковъ нѣтъ.
 Охтенка—чтица случайная
 (Втѣрь ей за сливки билетъ),
 Дьяконъ какой-то, съ разсрочкою
 (Басомъ, разбойникъ, кричитьъ),
 Стражъ департаментскій съ дочкою —
 Все догоняетъ, шумить!
 Съ хохотомъ, съ грохотомъ, съ гиканьемъ
 Мчатся густою толпой;
 Визгами, свистомъ и пиканьемъ
 Слухъ надрывается мой.
 Вѣрите-ль? даже квартальные,
 Взявшіе даромъ билетъ,
 „Дай намъ статьи либеральныя!“
 Хоромъ кричатъ. Я въ отвѣтъ:
 „Полноте, други любезные,
 Либерализмъ вамъ не въ прокъ!“ —
 Самъ же въ ворота желѣзныя
 Прыгъ — и защелкнулъ замокъ!
 — Ну! отвязались, ракали!..
 Тутъ я въ квартиру нырнулъ
 И, покуривши регалии,
 Благополучно заснулъ.

Жаль мнѣ редактора бѣднаго!
 Долго онъ будетъ грустить,
 Что направленія вреднаго
 Нѣгдѣ ему проводить.
 Встрѣтились мы: я почтительно
 Шляпу ему приподнялъ,
 Онъ улыбнулся язвительно
 И засвисталъ, засвисталъ!

ПРИТЧА О „КИСЕЛѢ“.

Жилъ-былъ за-тридцать земель,
 Въ какомъ-то царствѣ тридесатомъ,
 И просвѣщенномъ, и богатомъ,
 Вельможа, именемъ — Кисель.
 За книгой съ дѣтства, кромѣ скуки,
 Онъ ничего не ощущалъ,
 Китайской грамотой — науки,
 Искусство — бреднями считалъ;
 Зато въ войнѣ, на полѣ брани
 Подобныхъ не было ему:
 Онъ несъ съ народовъ дикихъ дани
 Папѣ — владыкѣ своему.
 Сломивъ рога крамолѣ вишней
 Пожаромъ, казнями, мечомъ,
 Онъ дѣйствовалъ еще усилнѣй
 Въ борьбѣ со внутреннимъ врагомъ:
 Не только чуждые народы,
 Свои дрожали передъ нимъ!
 Но измѣнили старцу годы —
 Заботы, дальніе походы,
 Военной славы громъ и дымъ
 Израненному мужу въ тягость:
 Сложилъ онъ бранныя дѣла,
 И краемъ правящая благость
 Гражданскій постъ ему дала.
 Подъ солнцемъ сѣвера и юга,
 Уставъ отъ крови и побѣдъ,
 Кисель любилъ въ часы досуга
 Театръ, особенно балетъ.
 Чего же лучше? Свѣжъ онъ чувствомъ,
 Опъ только удрученъ войной —
 Итакъ, да править онъ искусствомъ,
 Вкушая въ старости покой!

Съ обычной стойкостью и рвениемъ,
 Кисель вступилъ на новый постъ:
 Присматривалъ за поведенемъ,
 Вниманье обращалъ на ростъ,
 Высокомѣрнымъ задалъ гонку,
 Покерныхъ, тихихъ отличилъ,
 Остригъ актѣровъ подъ гребенку,
 Актрисамъ стричься воспретилъ;
 Сталъ роли раздавать по чинѣ,

И—какъ онъ былъ благочестивъ,
 То женщинѣ играть мужчину
 Не позволялъ, сообразивъ,
 Что это вовсе неприлично:
 —Еще начать-бы позволять,
 Чтобы роль женщины публично
 Мужчина началъ исполнять!

Чтобы актёры были гибки,
 Онъ ихъ училъ маршировать,
 Чтобы знали роли безъ ошибки,
 Затѣялъ экзаменовать;
 Иной придетъ поздненько съ пира,
 Къ нему экзаменаторъ пасть,
 Разбудить: „Монологъ изъ Лира
 Читай!“... Досада и напасть!

Приѣхалъ разъ въ театръ вельможа
 И видитъ: зала вся пуста,
 Одна директорская ложа
 Его особой занята.
 Еще случилось то же дважды—
 И понялъ нашъ Кисель тогда,
 Что въ публикѣ къ театру жадны
 Не остается и слѣда.
 Самъ ханъ, шутя, сказалъ однажды:
 „Театръ негоденъ никуда!
 Въ оркестрѣ врутъ и врутъ на сценѣ,
 Совѣтъ меня не веселя,
 Съ тѣхъ поръ, какъ далъ я Мельпоменѣ
 И Терпсихорѣ—*Киселя!*“

Кисель глубоко огорчился,
 Удвоилъ трудъ—не ѣлъ, не спалъ;
 Но какъ начальникъ ни трудился,
 Театръ ни къ чорту не годился!
 Тогда онъ истину созналъ:
 „Справился я съ военной бурей,
 Но мнѣ театръ не по плечу;
 За красоту балетныхъ гурій
 Продать я совѣсть не хочу!
 Мнѣ о душѣ подумать надо,
 И такъ довольно я грѣшилъ!“
 (Кисель побаивался ада,
 И въ рай, конечно, поровиль).

Мысль эту изложивъ круглѣе,
 Передаетъ секретарю:
 Дабы переписалъ крупнѣе
 Для поднесенья визирю.
 Заплакалъ секретарь; печали
 Не могъ, бѣдняга, превозмочь!
 Бѣжить къ кассиру: „мы пропали!“
 (Они съ кассиромъ вмѣстѣ крали)
 И съ нимъ бесѣдуетъ всю ночь.
 На утро въ труппѣ гулъ раздался,
 Что депутація нужна
 Просить, чтобы Кисель остался,
 Что ужъ собирается она.
 „Да кто-жъ идетъ? съ какой-же стати?“
 Кричатъ строптивые:—„Давно
 Мы жаждемъ этой благодати!“
 —Тссс! тссс!.. упрямъ неравно! —
 И все пошло путемъ извѣстнымъ:
 Начнетъ дуракъ или подлець,
 А вслѣдъ за глупымъ и безчестнымъ
 Пойдетъ и честный наконецъ.
 Тотъ говоритъ: до пансіона
 Мнѣ остается семь педѣль;
 Тотъ говоритъ: во время оно
 Мою сестру крестилъ Кисель;
 Тотъ говоритъ: жена больная,
 Тотъ говоритъ: семья большая —
 Такъ другъ по дружкѣ вся артель,
 Благословивъ сначала небо,
 Что онъ уходитъ, наконецъ,
 Пошла съ дарами соли-хлѣба
 Просить: „останься, нашъ отецъ!“
 Впереди шли вдовицы преелонныя,
 Прослужившія лѣта законныя,
 Съдовласія, еле ползущія,
 Пансіономъ полвѣка живущія;
 Дальше причетъ трагедіи: вѣстники,
 Щитonosцы, тираны, кудесники,
 Двадцать-шесть благородныхъ отцовъ,
 Девять первыхъ любовниковъ;
 Восемьсотъ театральныхъ чиновниковъ
 По три въ рядъ выступали съ боковъ
 Съ многочисленнымъ штабомъ:
 Съ сиротами безпечными,

Съ бѣдняками увѣчными,
 Прицепленными трапомъ.
 Пѣли гимнъ представители пѣнія,
 Стройно шествовалъ кор-де-балетъ;
 Въ бѣлыхъ платьицахъ, съ крыльями генія
 Корифейки младенческихъ лѣтъ,
 Довершая эффектъ депутаціи,
 Преклонились съ простертой рукой,
 И, исполнены жественной граціи,
 Въ очи старца глядѣли съ мольбой...

Кто устоитъ передъ слезами
 Дѣтей, теряющихъ отца?
 Кисель растрогался мольбами:
 „И вашъ, о, дѣти! до конца!
 Я полагалъ, что я ненуженъ,
 Я мнилъ, что даже вреденъ я;
 Но вами я обезоруженъ!
 Идемъ-же, милше друзья,
 Идемъ до гробового часу
 Путемъ прогресса и добра...“
 Актѣры скорчили гримасу,
 Но тутъ-же крикнули: ура!
 „Противостать возможно ядрамъ,
 Но вашимъ просьбамъ—никогда!“

И снова править онъ театромъ,
 И мечется туда-сюда;
 То острижетъ до кожи труппу,
 То космы разрѣшить носить.
 А самъ не ѣсть ни шей, ни супу,
 Не можетъ винъ заморскихъ пить.
 Въ піесахъ, ради вышихъ цѣлей,
 Внѣ брака допустилъ любовь,
 И капелдинерамъ съ шипелей
 Доходы предоставилъ вновь;
 Смирившись, съ авторомъ „Гамлета“
 Завестъ знакомство пожелалъ,
 Но Богъ—британскаго поэта
 Къ нему откупать не прислалъ.
 Укоротилъ балету платья,
 Мужчиной женщину одѣлъ,
 Но позднія мѣропріятыя
 Не помогли—театръ пустѣлъ!
 Спились таланты при Ликургѣ,

Имъ было нѣчего играть:
 Ни въ комикѣ, ни въ драматургѣ
 Охоты не было писать;
 Танцорки какъ ни горячились,
 Не получали похвалы,
 Онѣ не то, чтобы лѣнились,
 Но вѣчно были тяжелы.
 Въ партерѣ явно негодуютъ;
 Свѣтъ Божій Киселю не милъ,
 Груститъ: „Чиновники воруютъ,
 „И съ труппой справиться нѣтъ силъ!
 „Вчера статуя командора
 „Ни съ мѣста! Только мелеть вздоръ—
 „Мертвецки пьянаго актера
 „Въ нее поставилъ режиссёръ!
 „За то случился фактъ печальный
 „Назадъ тому четыре дня:
 „Съ фронтона крыши театральной
 „Ушло три бронзовыхъ коня!“

Кисель до гроба сценой правилъ,
 Сгубилъ театръ—хоть закрывай!
 Свои сѣдины обезславилъ,
 Да не попасть ему и въ рай.
 Искусство въ государствѣ пало,
 Къ великой грусти визири,
 И только денегъ прибывало
 У молодца-секретаря!
 Пзрядный капиталъ составилъ,
 Домъ нажилъ въ восемь этажей,
 И на воротахъ львовъ поставилъ,
 Обѣжавшихъ переливъ коней...

Мораль: хоть крѣпостныя стѣны
 И очень трудно разрушать,
 Однако, храмомъ Мельпомены
 Труднѣй безъ знанья управлять.
 Есть и другому поученью
 Тутъ мѣсто: если хочешь въ рай,
 Путеводителемъ къ спасенью
 Секретаря не избирай.

*
**

Сыны „народнаго бича“,
 Съ тѣхъ поръ, какъ мы себя сознали,
 Жизнь какъ изгнанники влача,
 По свѣту долго мы блуждали;
 Не разъ, горячею слезой
 И потомъ оросивъ дорогу,
 На рубежъ земли родной
 Мы робко становили ногу;
 Ужъ видѣнъ былъ домашній кровъ,
 Мы сладкій отдыхъ предвкушали:
 Но снова насъ грѣхи отцовъ
 Отъ милыхъ мѣстъ нещадно гнали,
 И, зарыдавъ, мы далѣ шли,
 Въ пыли, въ крови; скитались годы
 И дань постыдную несли
 Съ надеждой на алтарь свободы.
 И вотъ насталь желанный часъ,
 Свободу громко возвѣстившій,
 И показалось намъ, что съ насъ
 Проклятье снялъ народъ ожившій;
 И мы на родину пришли,
 Гдѣ былъ весь родъ нашъ ненавидимъ,
 Но тамъ все то же мы нашли —
 Какъ прежде, мракъ и голодь видимъ.
 Смутясь, потупили мы взоръ —
 „Нѣтъ! часъ не пробилъ примиренья!“
 И снова бродимъ мы съ тѣхъ поръ
 Безъ родины и безъ прощенья!

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

1.

СЛЕЗЫ И НЕРВЫ.

О, слезы женскія, съ придачей
 Нервическихъ, тяжелыхъ драмъ!
 Вы долго были мнѣ задачей,
 Я долго слѣпо вѣрилъ вамъ,
 И много вынесъ мукъ мятежныхъ.
 Теперь я знаю наконецъ:

Не слабости создапій иѣжныхъ —
 Вы ихъ могущества вѣнецъ.
 Вѣриѣ закаленной стали
 Вы поражаете сердца.
 Не знаю, сколько въ васъ печали,
 Но деспотизму нѣтъ конца!
 Когда, бывало, предо мною
 Залетѣла милая моя,
 Наружно ласковость удвою,
 Но внутренно озлобленъ я.
 Пока она дрожитъ и стонетъ,
 Лукавлю праздною душой:
 Языкъ лисить, а глазъ шпионить —
 И открываетъ... Боже мой!
 Зачѣмъ не могъ я прежде видѣть?
 Ее не стоило любить,
 Ее не стоить ненавидѣть,
 О ней не стоить говорить...
 Скажи „спасибо“ близорукой,
 Всеукрашающей любви,
 И съ головы, съ ревнивой мукой,
 Волосъ сѣдѣющихъ не рви!
 Чѣмъ ты былъ пьянъ — виномъ поддѣльнымъ
 Иль настоящимъ — все равно;
 Жалѣй о томъ, что сномъ смертельнымъ
 Не усыпляетъ насъ оно!

Кто ей теперь флаконъ подноситъ,
 Застигнуть сценой роковой?
 Кто у нея прощенья просить,
 Вины не зная за собой?
 Кто самъ трясется въ лихорадкѣ,
 Когда она къ окну бѣжитъ
 Въ преувеличенномъ припадкѣ
 И „ты свободенъ“ говоритъ?
 Кто боязливо наблюдаетъ,
 Сосредоточенъ и сердить,
 Какъ буйство нервное стихаетъ
 И переходитъ въ аппетитъ?
 Кто почти трудныя проводить,
 Одинъ, ревнивый и больной,
 А утромъ съ ней по лавкамъ бродить,
 Нарядъ торгуя дорогой?

Кто говоритъ: „прекрасны оба“ —
 На нѣжный спросъ: „который взять?“
 Межъ тѣмъ, какъ закипаеъ злоба,
 И къ чоргу хочется послать
 Француженку съ нахальнымъ носомъ,
 Съ ея коварнымъ: c'est joli!
 И даже милую съ вопросомъ...
 Кто молча достаетъ рубли,
 Слѣша скорѣй покончить муку,
 И, увидавъ себя въ трюмо,
 Въ лицѣ своемъ читаетъ скуку
 И рабства темное клеймо?..

2.

МОЛОДЫЯ ЛОШАДИ.

Въѣзжанія сцены.

Лошади бойко по рельсамъ катили
 Полный громадный вагонъ.
 Съ рельсовъ сошелъ неожиданно онъ...
 Лошади рьяны и молоды были —
 Дружно рванулись... опять и опять —
 Не поддается вагонъ ни на пядь;
 Съ часъ онѣ силы свои напрягали,
 Надорвались и — упали...
 „Бѣдняки!“ кто-то сказалъ изъ окна.
 „Глупцы!“ кто-то замѣтилъ съ балкона...
 О, поскорѣе на рельсы... Страшна
 Тяжесть сопедшаго съ рельсовъ вагона!

3.

НА ПОКОСТЬ.

Снивъ съ отцомъ косили въ полѣ,
 Дѣдъ траву сушилъ.
 „Десять лѣтъ, какъ вы на волѣ,
 Что же, братцы, хорошо ли?“
 Я у нихъ спросилъ.
 — Заживили поясницы,
 Отвѣчалъ отецъ.

„Кабы больше намъ землицы,
 Молвилъ молодець:
 Я работалъ бы прилежно
 И поменьше ниль“.
 „Неуѣжно, да улежно“
 Дѣдуника рѣшилъ...

4.

ЧЕЛОВѢКЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

.... Пришелъ я къ крайнему предѣлу...
 Я добръ, я честенъ; я служить
 Не соглашусь дурному дѣлу,
 За добрымъ—радъ не ѣсть, не пить;
 Но иногда пройти сторонкой
 Въ вопросѣ грозномъ и живомъ,
 Но понижать мой голосъ звонкій
 Передъ вліятельнымъ лицомъ —
 Увы! вошло въ мою натуру!..
 Не отъ рожденія я таковъ,
 Но я прошелъ черезъ цензуру
 Незабываемыхъ годовъ.
 На всѣхъ, рожденныхъ въ двадцать-пятьомъ
 Году и около того —
 Отяготѣлъ жестокой фатумъ:
 Не видти намъ изъ-подъ него.
 Я не продамъ за деньги мнѣнья,
 Безъ крайней нужды не солгу...
 Но—гибнуть жертвой убѣжденія
 Я не могу... я не могу...

5.

КЪ ПОРТРЕТУ **.

Твои права на славу очень хрупки,
 И если вычестъ изъ заслугъ
 Ошибки юности и позднихъ лѣтъ уступки,—
 Ниши пропало, милый другъ.

6.

БУКИНИСТЪ И БИБЛИОГРАФЪ.

Отрывокъ.

Букинистъ.

А вотъ еще издаше. Страсть
 Какъ грязно! Впрочемъ, ваша власть —
 Взять или не взять. Мнѣ все равно;
 Найти купца не мудрено.
 Одно замѣтилъ я давно,
 Что, какъ зазубрина на плугѣ,
 На книгѣ каждое пятно
 Нѣмой свидѣтель о заслугѣ.

Библиографъ.

Ай, Гумбольдтъ! сказано умно.

Букинистъ.

А публика, небось, не цѣнить!
 Она тогда свой судъ измѣнить,
 Когда пойметъ, что изъ огня
 Попало ей черезъ меня
 Двѣ-три хорошихъ книги въ руки.

Библиографъ.

Цѣна?..

7.

КЪ ПОРТРЕТУ ***.

Развѣнчанъ нами сей кумиръ
 Съ его бездѣйственной фразистою любовью.
 Умны мы стали: вѣрить мѣръ
 Лишь доблести, запечатлѣнной кровью.

8.

ПРАЗДНОМУ.

Что сидишь ты, сложа руки?
 Ты окончилъ курсъ науки,
 Любишь русскій край.

Остроумно, интересно
 Говоришь ты, мыслишь честно —
 Что же? Начинай!

Иль тебѣ все мелко, низко?
 Или ждать труда безъ риска?
 Времена не тѣ.

.....

9.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕНАПИСАННОЙ ПОЭМЫ:

Безъ роду, безъ племени.

Имени и роду
 Богу не скажу.
 Надо—воеводу
 Словомъ ублажу.

„Кто ты?“—Я-то? житель!—
 Опустилъ кулакъ:
 „Кто ты?“—Сочинитель!
 Подлинно, что такъ.

Мѣткое, какъ пули,
 Слово подъ конецъ:
 „Кто ты?“—Бородуля,—
 Прыснулъ! „Молодецъ!“

Я давай Богъ ноги...
 „Съ Богомъ! ничего!
 Наберемъ въ острогѣ
 Помнящихъ родство“.

Третій годъ на волѣ,
Третій годъ въ пути,
Сбился въ снѣжномъ полѣ—
Некуда идти!

Ночи дольше-дольше,
Незамѣтно дней!
Снѣгу больше-больше,
Не видать людей,—

Степью рыщутъ волки,
Съ голоду легки,
Стонуть, какъ на Волгѣ
Лѣтомъ бурлаки.

.

10.

Ни стыда, ни состраданья!
Кудри въ мелкихъ завиткахъ,
Стань волнующійся гибко,
И на чувственныхъ губахъ
Сладострастная улыбка.

11.

Эпитафія.

Зимой игралъ въ картишки
Въ уѣздномъ городишкѣ,
А лѣтомъ жилъ на волѣ,
Травилъ зайчишекъ груды,
И умеръ пьяный въ полѣ
Отъ водки и простуды.

12.

Онъ не былъ злобенъ и коваренъ,
Но былъ мучительно ревнивъ,
Но былъ въ любви неблагодаренъ
И къ дружбѣ нерадивъ.

13.

Скоро—примѣты мои хороши!—
Скоро покину обитель печали:
Вѣчные спутники русской души —
Ненависть, страхъ—замолчали...

14.

Усталъ я, усталъ я; мнѣ время уснуть!
О, Русь! ты несчастна—я знаю;
Но все-жъ, озирая мой пройденный путь,
Я къ лучшему шагъ замѣчаю.

15.

ПОДРАЖАНІЕ ШИЛЛЕРУ.

I.

СУЩНОСТЬ.

Если въ душѣ твоей ясны
Типы добра и любви,
Въ мірѣ всѣ тѣмы прекрасны,
Музу смѣлѣ зови.
Муза тебя посѣтила:
Смутно блуждаетъ твой взоръ!
Въ первомъ наитіи сила!
Брось начатой разговоръ.

II.

ФОРМА.

Формѣ дай щедрую дань
 Временемъ: важенъ въ поэмѣ
 Стиль, отвѣчающій гэмѣ.
 Стихъ, какъ монету, чекань
 Строго, отчетливо, честно,
 Правилу слѣдуй упрочно:
 Чтобы словамъ было тѣсно,
 Мыслямъ—просторно.

16.

ПѢСНЯ.

Всюду съ Музой проникающій,
 Въ домъ заброшенный, пустой,
 Я попалъ. Какъ звѣрь рыкающій,
 Кто-то пѣлъ тамъ за стѣной:

Сборщикъ, надсмотрщикъ, подрядчикъ,

 Я поддецамъ не потатчикъ:
 Выпить, такъ выпью одинъ.

Слѣдственный приставъ и едатчикъ!..
 Оединька, откупа сынъ!..
 Я поддецамъ не потатчикъ,
 Выпить, такъ выпью одинъ.

Прасоль, помѣщикъ, закладчикъ!..
 Ф...—родитель и сынъ!..
 Я поддецамъ не потатчикъ,
 Выпить, такъ выпью одинъ!..

Съ ними не пить, не дружитья!..
 Съ ними честной гражданинъ
 Долженъ бороться и биться!..
 Выпить, такъ выпью одинъ!..

Или негоденъ я къ бою?
 Сбился я съ толку съ собой:
 Горе мое отъ запою,
 Или отъ горя запою?

ЗАТВОРНИЦА.

Сонъ.

I.

Я посѣтилъ заброшенный нашъ садъ,
 Онъ все темнѣй, прохладнѣй съ каж-
 дымъ годомъ,
 Въ немъ семь ключей сверкаютъ и гремятъ,
 Вершины лишь таинственно шумятъ.
 Я ихъ люблю: подъ ихъ зеленымъ сводомъ
 Тиха, какъ ночь, и легкая какъ тѣнь,
 Ты, мать моя, бродила каждый день.

II.

Я былъ тогда ребенкомъ: долго, долго,
 Не думалъ я, родная, ни о чемъ;
 Не ты, не садъ,—меня манила Волга,
 Я съ кручи тамъ катался кубаремъ.
 И лишь зимой въ морозы и мятели,
 Я помню, мы безвыходно сидѣли
 Самъ-другъ съ тобой въ разрушенномъ дому
 (Угрюмый домъ, похожій на тюрьму).

III.

Я проклиналъ докучные морозы,
 Я проклиналъ томительные дни,
 А ты лила невѣдомыя слезы —
 Я лишь позднѣй узналъ, о чемъ они.
 Плачь, громко плачь!.. Хоть словомъ уко-
 ризны
 Безсмысленный гнетъ страданья разрѣши,
 Изгнанница, лишенная отчизны!
 Затворница, забытая въ глуши!

IV.

Въ другомъ краю, не менѣе несчастномъ,
 Но менѣе суровомъ, рождена,
 На сѣверѣ угрюмомъ и ненастномъ
 Въ осьмнадцать лѣтъ ужъ ты была одна.
 Тотъ разлюбилъ, кому судьбу вручила,
 Съ кѣмъ въ чуждый край довѣрчиво пошла,
 Ужъ онъ не твой, но ты не разлюбила,
 Ты разлюбить до гроба не могла...

V.

Зоветь семья: „Твоей-ли вынести груди
 Суровый гнетъ неволи я зимы,
 Гдѣ заодно съ природой стонуть люди?
 Вернись скорѣй,—давно простили мы“.
 Грозить отецъ: „На горе ты бѣжала!
 Припомнишь насъ!..“ Ты гордо замолчала,
 И у тебя—ни друга съ той поры,
 Ни родины, ни брата, ни сестры.

VI.

А новый край? Ты, чистая, святая,
 Ты, кроткая, съ мечтательнымъ умомъ,
 О, что кругомъ ты видѣла, родная...
 Какъ ты была подавлена!.. Какъ громъ
 Гремѣлъ рояль—и голосъ твой печальный
 Звучалъ, какъ вопль души многострадальной,
 Твой первенецъ наслѣдовалъ потомъ.

VII.

„Несчастлива я, обманутая другомъ,
 Но предъ тобой, о, женщина-раба!
 Передъ рабомъ, согнувшимся надъ плугомъ
 Моя судьба—завидная судьба.
 Несчастлива ты, о, родина! я знаю—
 Весь край въ плѣну, весь трепетомъ объять,
 Но край, гдѣ я люблю и умираю,
 Тотъ бѣдный край несчастный во сто кратъ“.

VIII.

Такъ плѣла ты, такъ плакала, родная,
 Въ своей тюрьмѣ, судьбѣ не уступая,
 Чужимъ скорбямъ безсильная помочь,
 А надъ тобой уже висѣла ночь.
 И ничего судьба не уступила—
 Ты деспота покорствомъ не смягчила,
 Ты въ сыновьяхъ опоры и друзей
 Не дождалась... Миръ памяти твоей!..

Эпилогъ.

Ты умерла—тюрьма освободилась,
 И снилось мнѣ—я поселился въ ней,
 Въ груди моей чуть слышно сердце билось,
 Я разомкнуть не въ силахъ былъ очей;
 Но умъ кипѣлъ: съ невѣдомою силой
 И не вопще я звалъ твой образъ милый:
 Незримо ты витаешь надо мной
 И мнѣ поешь съ любовью несказанной:
 „То не тюрьма, а рай обѣтованный —
 Забвеніе, желанное тобой“.

28 января, 1877.

КОНЕЦЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

1845—1877

	СТРАН.		СТРАН.
Предисловіе	V	2) Проводы	19
Биографическій очеркъ	VII	3) Гробокъ	—
		4) Ванька	—
1845.		1851.	
1. Современная ода	1	26. Мы съ тобой безтолковые люди	—
2. Когда изъ мрака заблужденья	—	27. Муза	—
3. Отрадно видѣть, что находить	2	28. Маша	20
4. Пьяница	—	1852.	
5. Пускай мечтатели осмѣяны давно	3	29. Новый годъ	21
1846.		30. Блаженъ незлобивый поэтъ	22
6. Въ дорогѣ	—	31. Застѣнчивость	—
7. Колыбельная пѣсня (Подражаніе Лермонтову)	4	32. Прекрасная партія	23
8. Передъ дождемъ	5	33. Влюбленному	26
9. Огородникъ	—	34. О, пѣсьма женщины, намъ милой	—
10. Тройка	6	1853.	
11. Псовая охота	7	35. Ахъ, были счастливые годы (Изъ Гейне)	27
12. Въ невѣдомой глуши (Подражаніе Лермонтову)	10	36. Последнія элегіи:	
13. Родина	—	1) Душа мрачна	—
14. Секретъ	11	2) Я рано всталъ	28
1847.		3) Пышна въ разливѣ	—
15. Нравственный человѣкъ	13	37. Въ деревнѣ	—
16. Если, мучимый страстью мятежной	—	38. Памяти пріятеля	30
17. Вду ли ночью по улицѣ темной	14	39. Памяти — — ой	—
18. Ты всегда хороша несравненно	—	40. Да, наша жизнь тебѣ мятежно	31
19. Я за то глубоко презираю тебя	15	41. Филантропъ	32
1848.		42. Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго	34
20. Вино	—	43. За городомъ	36
21. Извозчикъ	16	44. Буря	—
22. Поражена потерей невозвратной	17	1854.	
1849.		45. Такъ это шутка? Милая моя	—
23. Я посѣтилъ твою кладбище	18	46. Несжатая полоса	37
1850.		47. Я сегодня такъ грустно настроенъ	38
24. Я не люблю прони твою	—	48. Власъ	—
25. На улицѣ:		49. Свадьба	39
1) Воръ	—	50. Винная ужасами войны	40
		51. Давно—отвергнутый тобою	—
		1855.	
		52. Въ больницѣ	—

	СТРАН.		СТРАН.
53. Саша	42	103. Благодареніе Господу Богу	113
54. Праздникъ жизни—молодости годы	49	104. Орпина, мать солдатская	114
55. ——ву	50	105. Морозъ, Красный-Носъ	116
56. На родинѣ	—	106. Кумушки	131
57. Письма	—		
58. Горяція письма	—	1864.	
59. Гдѣ твое личико смуглое	51	107. Памяти Добролюбова	132
1856.		108. Пригча о Ермолаѣ трудящемся	—
60. Замолчки, Муза мести и печали	—	109. Возвращеніе	—
61. Бнягиня	—	110. Начало поэмы: „Опять она, родная сто-	133
62. Какъ ты кротка	52	рона“	—
63. Самодовольныхъ болтуновъ	—	111. Желѣзная дорога	—
64. Прости!	53		
65. Школьникъ	—	1865.	
66. Забытая деревня	54	112. Крещенскіе морозы	136
67. Поэтъ и гражданинъ	—	113. Кому холодно, кому жарко	137
68. Тяжелый крестъ достался ей на долю	58	114. Газетная	139
69. Гадающей невѣстѣ	59	115. Пѣсня о свободномъ словѣ:	
70. Несчастные	—	1) Размыслный	144
71. Тяжелый годъ—сломилъ меня недугъ	70	2) Наборщики	—
		3) Поэтъ	146
1857.		4) Литераторы	—
72. Тишина	—	5) Фельетонная букашка	—
73. Убогая и нарядная	72	6) Публика	147
		7) Осторожность	149
1858.		8) Пропала книга!	151
74. Размышленія у параднаго подъѣзда	74		
75. Пѣсня Еремушкѣ	76	1866.	
76. Въ столицахъ шумъ, гремятъ витин	77	116. Балеть	—
77. Ночь. Успѣли мы насладиться	—	117. Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣнны	156
		118. Пѣсни:	
1859.		1) У людей-то въ дому	—
78. О погодѣ:		2) Катерина	157
1) Утренняя прогулка	—	3) Молодые	—
2) До сумерекъ	79	4) Сватъ и женихъ	158
3) Сумерки	82	5) Гимпъ	—
		1867.	
1860.		119. Неизвѣстному другу	159
79. Одинокій, потерянный	83	120. Выборъ	—
80. Чтѣ ты, сердце мое, расходилося?	84	121. Судъ	160
81. Демону	—	122. Стихотворенія, посвященныя русскимъ	
82. Знахарка	—	дѣтямъ:	
83. На Волгѣ	85	1) Дядюшка Яковъ	165
84. Рыцарь на часъ	88	2) Пчелы	167
85. Деревенскія новости	91	3) Генераль Топтыгинъ	—
86. Дума	93	123. Эй, Иванъ!	169
		124. Съ работы	170
1861.		125. Медвѣжья охота	171
87. Что ни годъ—уменьшаются силы	—	126. Пѣсня о трудѣ, изъ „Медвѣжьей охоты“	179
88. Плачъ дѣтей	94	127. Пѣсня изъ „Медвѣжьей охоты“	—
89. Крестьянскія дѣти	—	128. Еще тройка	180
90. Похороны	98		
91. Коробейники	99	1868.	
92. Двадцатое ноября 1861 года	108	129. Магъ	—
93. Свобода	—	130. Не рыдай такъ безумно надъ нимъ	181
		131. Душно! безъ счастья и воли	—
1862.		132. Дома лучше!	—
94. Дешевая покупка	109	133. Наконецъ, не горитъ уже лѣсъ	—
95. Литература съ грескучими фразами	110		
96. Стихи мои! свидѣтели живые	—	1869—1870.	
		134. Дѣдушка	182
1863.		135. Страшный годъ	188
97. Зеленый шумъ	—	136. Стихотворенія, посвященныя русскимъ	
98. Что думаетъ старуха, когда ей не спится	111	дѣтямъ:	
99. Въ полномъ разгарѣ страда деревенская	112	I. Дѣдушка Мазай и зайцы	—
100. Надрывается сердце отъ скуки	—	II. Соловьи	190
101. Калистратъ	113		
102. Пожарище	—	1871.	
		137. Недавнее время	191

1871—1872.

	СТРАН.
138. Русскія женщины:	
I. Княгиня Трубецкая	200
II. Княгиня М. Н. Волконская	212
139. Кузнецъ	230

1873.

140. Кому на Руси жить хорошо:	
Прологъ	—
Первая часть:	
I. Пошъ	235
II. Сельская ярмонка	240
III. Пьяная ночь	245
IV. Счастливые	251
V. Помѣщикъ	260
Послѣдныя—изъ второй части	267
Крестьянка—изъ третьей части:	
Прологъ	283
I. До замужества	289
II. Пѣсня	291
III. Савелій, богатырь свиторусскій	294
IV. Демюшка	299
V. Волчица	304
VI. Трудный годъ	308
VII. Губернаторша	310
VIII. Баба притча	314
Ниръ на весь миръ—изъ четвертой части	316
I. Горькое время—горькія пѣсни:	
Веселая	318
Про холода примѣрнаго Якова вѣрнаго	319
II. Странники и богомольцы	322
О двухъ великихъ грѣшникахъ	325
III. И старое, и новое	326
Крестьянскій грѣхъ	—
Голодная	327
IV. Доброе время—добрыя пѣсни	331
Соленая	333
Бурлакъ	335
Русь	—
V. „Удалась мнѣ пѣсенка“	336
141. Дѣтство.—Неоконченныя записки	337
142. Накапуи свѣтлаго праздника.—Изъ стихотвореній, посвященныхъ русскимъ дѣтямъ	338

1874.

143. Утро	340
144. Падъ чѣмъ мы смѣемся	—
145. Поэту.—Памяти Шиллера	341
146. Почлеги:	
I. На постояломъ дворѣ	—
II. На погорѣломъ мѣстѣ	343
III. У Трофима	344
147. Три элегіи	345
148. Упыни	346
149. Элегія	348
150. Горе стараго Наума	349

1875.

151. Современники:	
I. Юбилеры и триумфаторы	354
II. Герои времени	360

1876.

152. Вступленіе къ пѣснямъ 1876—77 годовъ	382
153. Дни идутъ... все также воздухъ душень	—
154. Святелямъ	—
155. Молебень	—
156. Пророкъ.—Изъ Барбѣ	383

157. Друзьямъ	383
158. Музѣ	—
159. Скоро стану добычею тлѣнья	—
160. З—нѣ:	
I. Двѣсти ужъ дней	384
II. Ты еще на жизнь имѣешь право	—

1877.

161. Приговоръ	—
162. Мать.—Отрывки изъ поэмы	—
163. З—нѣ: Пододвинь перо, бумагу, книги!	389
164. Поэту	—
165. Баяшки-баю	—
166. Отвѣзжающему	390
167. Черный день! какъ нищій просить хлѣба	—
168. Великое чувство! у каждыяъ дверей	—
169. М. Е. Салтыкову.—При отвѣздѣ за-границу	—
170. Отрывокъ: Я сбросила мертвящія оковы	391
171. Старость	—
172. Ты не забыта	—
173. Осень	—
174. Мужъ и жена	392
175. Сонъ	—
176. О, Муза, я у двери гроба	—

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1842—1877 гг.

1842.

1. Говорунъ. Записки петербургскаго жителя Бѣлопяткина	395
--	-----

1844.

2. Чиновникъ	404
3. Отрывокъ: Родился я въ губерніи	407

1845.

4. Повости.—Газетный фельетонъ	408
5. Стишки! стишки!	411

1846.

6. Такъ, служба!	—
----------------------------	---

1851.

7. Мое разочарованіе	412
8. Дѣловой разговоръ	413

1852.

9. Старикъ	419
----------------------	-----

1853.

10. Передъ зеркаломъ	—
--------------------------------	---

1854.

11. Признанія труженика	—
12. Четырнадцатое іюня 1854 года	420

1856.

13. Безвѣстень я	421
14. Чуть-чуть не говоря	—

1857.

15. Изъ автобіографіи генералъ-лейтенанта Фѣдора Иларіоновича Рудометова 2-го	—
---	---

	СТРАН.		СТРАН.
	1859.		1876—77.
16. На обѣдѣ въ честь Мартынова	422	26. Изъ записной книжки:	
	1860.	1) Слезы и нервы	433
17. Папаша	—	2) Молодые лошади	434
18. Литературная травля	424	3) На покосѣ	—
19. Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ	425	4) Человѣкъ 40-хъ годовъ	—
	1861.	5) Къ портрету **	—
20. Первый шагъ въ Европу	427	6) Букнисть и библиографъ	435
	1863.	7) Къ портрету ***	—
21. На царя	428	8) Праздному	—
22. Явно родственны съ землей	—	9) Безъ роду, безъ племени. Отрывокъ	—
23. Пѣсня объ „Аргусѣ“	—	10) Ни стыда, ни состраданья	436
	1865.	11) Эпиграфа	—
24. Притча о „Киселѣ“	430	12) Онъ не былъ злобень и коварень	—
	1871.	13) Скоро—примѣты мои хороши	—
25. Сыны „народнаго бича“	—	14) Усталъ я, усталъ . . мнѣ время уснуть	—
		15) Подражаніе Шиллеру	—
		16) Пѣсня: Введу съ Музой прои- кающій	437
		27. Затворница	—

I.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ *).

I Чиновничество.

Говорунъ, 42. Чиновникъ, 44. Пьяница, 45. Отрадно видѣть, что находить, 45. Колебельная пѣсня, 46. Воръ, 50. Маша, 51. Застѣнчивость, 52. Ахъ, были счастливые годы, 53. Въ больницѣ, 55. Утренняя прогулка, 58.—(Всего 11 стихотвореній).

II. Крестьянскій бытъ.

Въ дорогѣ; Огородникъ; Тройка; Такъ служба! (всѣ 46 года). Извозчикъ; Вино, 43. Проводы; Гробокъ; Ванька, 50. Въ деревнѣ; Изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго, 53. Власть; Свадьба; Несжатая полоса, 54. Забытая деревня, 56. Размышленія у параднаго подъѣзда; Пѣсни Еремущкѣ; Ночь, 58. Знахарка; Деревенскія новости; Дума, 60. Крестьянскія дѣти; Коробейники; Похороны; Плачь Дѣтей; Свобода, 61. Литература съ трескучими фразами, 62. Морозъ Красный-носъ; Баллистратъ; Бумажки; Въ полномъ разгарѣ страда деревенская; Что думаетъ старуха; На царя, 63. Орша, мать солдатская; Притча о Ермолаѣ, 64. Пѣсни, 66. Эй, Иванъ! Дядюшка Яковъ; Пчелы; Генераль Тонтыгинъ; Выборъ. Пѣсня о трудѣ; Съ работы, 67. Дѣдушка Мазай и Зайцы; Соловьи; 70. Кому на Руси жить хорошо, 73. Молебень, 76.—(Всего 47 стих.).

III. Помѣщичій бытъ, богачи.

Родился я въ губерніи, 44. Современная ода, 45.

*) Настоящій указатель имѣетъ цѣлю по возможности сгруппировать содержаніе поэзіи Некрасова по ея главнымъ темамъ (годы, поставленные при каждомъ стихотвореніи, указываютъ его эпоху). Точное разграниченіе въ этомъ случаѣ, конечно, невозможно, такъ какъ многія изъ стихотвореній могутъ быть отнесены къ нѣсколькимъ разрядамъ, а потому и мы предлагаемъ только приблизительное раздѣленіе Некрасовской поэзіи на ея группы. Цифры, при стихотвореніяхъ, обозначаютъ года, подъ которыми можно отыскать ихъ въ оглавленіи.

Секретъ; Цесовая охота, 46. Нравственный человѣкъ, 47. Мое разочарованіе, 51. Передъ зеркаломъ; Фиантропъ, 53. Признанія труженника, 54. Книжница; Самодовольныхъ болтуновъ, 53. Размышленія у параднаго подъѣзда, 58. Папаша; Первый шагъ въ Европу, 60. Дешевая покупка, 62. Явно родственны съ землей, 63. Притча о Киселѣ, 65. Медвѣжья охота; Еще тройка, 67. Недавнее время, 71. Постѣдышь, 72. Юбилары; Герои времени, 75. Надъ чѣмъ мы смѣемся, 74.—(Всего 24 стих.).

IV. Родина и Петербургъ.

Говорунъ, 42. Новости, 45. Родина; Новый годъ, 52. На родинѣ, 55. Несчастіе, 56. Тишина, 57. Въ столицахъ шумъ, 58. Утренняя прогулка; До сумерекъ; Сумерки, 59. Дружественная переписка Москвы съ Петербургомъ, 60. Свобода, 61. Пожарище; Благодареніе Господу Богу, 63. Желѣзная дорога; Возвращеніе; Опять она, родная сторона, 64. Крещенскіе морозы; Кому холодно; Газетная, 65. Балетъ, 66. Гимнъ, 66. Душо! безъ счастья и воли: Дома дучше; Наконецъ, не горитъ уже лѣсъ, 68. Накапунѣ Свѣтлаго Праздника; Кому на Руси жить хорошо, 73. Утро, 74. Дни идутъ, 76.—(Всего 30 стих.).

V. Историческія.

Великихъ зрѣлищъ, мировыхъ судебъ; Четырнадцатое іюля 1854 года, 54. Тишина; Изъ автобиографіи ген. Рудомстова, 57. Дѣдушка; Страшный годъ, 70. Русскія женщины, 71—72. Молодые лошади, 76. Осень, 77.—(Всего 10 стих.).

VI. Историко-литературныя.

Дѣловой разговоръ, 51. Блаженъ незлобивый поэтъ, 52. Памяти Асенковой; Памяти Вѣлинскаго, 53.—Тургеневу, 55.—До сумерекъ, 59. Литературная травля, 60. 20-е ноября 1831 г.; Суровъ ты былъ, 64. Пѣсня объ Аргусѣ, 63. Пѣсни О свободномъ словѣ, 65. Судъ, 67. Не рыдай такъ безумно надъ нимъ, 68. Поэту, 74. Пророкъ; Дѣтелямъ; Къ пор-

трегу (двѣ пьесы). 76. Приговоръ, 77. М. Е. Салтыкову.—(Всего 20 стих.).

VII. Автобиографическія.

Стишки! стишки! 45. Подражаніе Лермонтову, 45. Я за то глубоко презираю себя, 47. Поражена потерей невозвратной, 48. Муза, 51. Последнія элегіи, 53. Я сегодня такъ грустно настроенъ, 54. Праздникъ жизни — молодости годы, 55. Безвѣстенъ я; Чуть-чуть не говоря...; Поэтъ и гражданинъ; Замолчки, Муза мести и печали, 56. Одинокій, потерянный; Что ты сердце мое: Демону; На Волгѣ; Рыцарь на часъ, 60. Что ни годъ — уменьшаются силы, 61. Стихи мои! свидѣтели живые, 62. Надрывается сердце отъ муки, 63. Сестрѣ, 63. Ликуетъ врагъ; Гимнъ, 66. Незвѣстному другу, 67. Ушныя, 74. Вступленіе къ пѣснямъ, 76. З—нѣ; Скоро стану добычею тѣвья; Скоро—примѣты мои хороши; Музѣ; Друзьямъ, 76. Изъ поэмы: Мать; Баюшки-баю, 77.—(Всего 33 стих.).

VIII. Женщннѣ.

Когда изъ мрака заблужденія; Пускай мечта-тели осмѣяны давно, 45. Ты всегда хороша несравненно; Если мучимый страстью мятежной; Тду ли ночью по улицѣ темной, 47. Я посѣтилъ твою кладбище, 49. Я не люблю проиіи твоей; Буря (50 и 53 г.); Мы съ тобой безтолковые люди; Маша, 51.

Старики; О, письма женщины намъ милой; Влюбленному; Прекрасная партія, 52. Да, наша жизнь текла мятежно, 53. Такъ это шутка? Милая моя, 54. Давно отвергнутый тобою; Гдѣ твое личико смуглое; Саша; Письма, 55. Тяжелый крестъ.; Какъ ты кротка; Гадающей Невѣстѣ; Княгиня; Тяжелый годъ; 1-я часть Несчастливыхъ; Прости, не помни дней наденны, 56. Убогая и нарядная, 57. Рыцарь на часъ, 60. Первый шагъ въ Европу, 60. Дешевая покупка, 62. Морозъ, 63. Катерина, 65. Пѣсня изъ Медвѣжьей охоты, 67. Мать, 68. Русскія женщины, 72. Крестьянка, 73. Три элегіи, 74. З—нѣ, три пьесы; Слезы и Нервы, 76. Изъ поэмы: Мать; Горящія письма; Я сбросила мертвящія оковы, 77.—(Всего 46 стих.).

IX. Дѣти.

Школьничъ, 56. Сумерки, 59. Крестьянскія дѣти; Плачъ дѣтей, 61. Кумушки, 63. Желѣзная дорога, 64. Дядюшка Яковъ и пр., 67. Дѣдушка Мазай и Зайцы; Соловыи, 70. Дѣтство; Наканунѣ свѣтлаго праздника, 73.—(Всего 13 стих.).

X. Природа.

Передъ дождемъ, 46. За городомъ, 53. Тишина, 57. Надрывается сердце отъ муки; Зеленый шумъ, 63, и—разсѣяно во многихъ большихъ поэммахъ.

II.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

	СТРАН.		СТРАН.
Ахъ, были счастливые годы, см. Изъ Гейне	27	Въ полномъ разгарѣ страда деревенская	112
Ахъ, что изгнанье, заточенье	345	Въ столицахъ шумъ	77
Балетъ	151	Выборъ	159
Баюшки-баю	389	Гадающей невѣстѣ	59
Безвѣстенъ я	421	Газетная	139
Безъ роду, безъ племени	436	Газетный фельетонъ	408
Благодареніе Господу Богу	113	Гдѣ твое личико смуглое	51
Блаженъ незлобивый поэтъ	22	Генералъ Топтыгинъ	167
Буквнисть и Библиографъ	435	Герои времени	360
Буря	36	Гимнъ	158
Бьется сердце безпокойное	345	Говорунъ	395
Бѣлинскому, см. Памяти пріятеля	30	Горѣ стараго Наума	349
Ванька, см. На улицѣ	19	Горящія письма	50
Великихъ зрѣлищъ, мировыхъ судьбъ	345	Гробокъ, см. На улицѣ	19
Великое чувство	390	Давно отвергнутый тобою	40
Вино	25	Даже въ полголоса мы не пѣвали	390
Власть	38	Да, наша жизнь текла мятежно	31
Влюбленному	26	Двадцатое ноября 1861 года	108
Внимая ужасамъ войны	40	Демону	84
Возвращеніе	132	Деревенскія новости	91
Воръ, см. На улицѣ	18	Дешевая покупка	109
Вступленіе къ пѣснямъ 1876—1877 годовъ	382	Дни идуть	382
— — — — — вѣ	50	Дома лучше	181
Всюду съ Музой проникающей	437	До сумерокъ, см. О погодѣ	79
Въ больницѣ	40	Дружеская перенеска Москвы съ Петербургомъ	425
Въ деревнѣ	28	Друзьямъ	383
Въ дорогѣ	3	Дума	93
Въ невѣдомой душѣ	10	Душа мрачна, см. Последнія элегіи	27

	СТРАН.		СТРАН.
Душно! безъ счастья и воли	181	Музѣ	383
Дѣдушка, поэма	182	Мы съ тобой безтолковые люди	19
Дѣдушка Мазай и Зайцы	188	Наборщики	144
Дѣловой разговоръ	413	На Волгѣ	85
Дѣтство	337	Надрывается сердце отъ муки	112
Дядюшка Яковъ	165	Надъ чѣмъ мы смѣемся	340
Если, мучимый страстью мятежной	13	Наканунѣ Свѣтлаго праздника	338
Еще тройка	180	Наконецъ, не горитъ уже лѣсъ	181
Желѣзная дорога	133	На обѣдѣ въ честь Мартынова	422
Забытая деревня	54	На погорѣломъ мѣстѣ	343
За городомъ	36	На покосѣ	434
Замольни, Муза мести и печали	51	На постояломъ дворѣ	341
Застѣчивость	22	На исарнѣ	428
Затворница	437	На родинѣ	50
Зеленый шумъ	110	На улицѣ	19
Зимой играть въ картишки		Начало поэмы: Опять она, родная сторона	133
З—иѣ; Двѣсти ужъ дней	384	Недавнее время	191
„ Пододвинь перо, бумагу, книги	389	Неизвѣстному другу	159
„ Ты еще на жизнь имѣешь право	384	Не рыдай такъ безумно надъ нимъ	181
Знахарка	84	Нескаятая полоса	37
Извозчикъ	16	Несчастные	59
Изъ автобиографіи генерала Рудометова 2-го	421	Ни стыда ни соотраданья	436
Изъ Гейне, см. Ахъ, были счастливые годы	27	Новости.—Газетный фельетонъ	408
Изъ Гейне, см. Душно! безъ счастья и воли	181	Новый годъ	21
Изъ записной книжки	433	Почлеги	341
Имени и роду, см. Безъ роду, безъ племени	436	Ночь. Успѣли мы всемъ насладиться	77
Какъ ты кротка, какъ ты послушна	52	Нравственный челоуѣкъ	13
Калистратъ	113	Огородникъ	5
Катерина	157	Одинокій потерянный	81
Княгиня	51	Онъ не былъ злобенъ и коваренъ	436
Княгиня Волконская	212	О, Муза! я у двери гроба	392
Княгиня Трубецкая	200	О, письма женщины намъ милой	26
Когда изъ мрака заблужденья	1	О погодѣ	77
Колыбельная пѣсня	4	Опять она родная сторона, см. Начало поэмы	
Кому на Руси жить хорошо	230	Орина, мать солдатская	114
Кому холодно; кому жарко	137	Осень	391
Коробейники	99	Осторожность	149
Крестьянка	283	Отрадно видѣть, что находить	2
Крестьянскія дѣти	94	Отрывокъ изъ поэмы: „Безъ роду, безъ пле- мени“	436
Крещенскіе морозы	136	Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаран- скаго	34
Кузнецъ	230	Отъѣзжающему	390
Кумушки	131	Памяти—ой (Асенковой)	30
Къ портрету **	435	Памяти Добролюбова	132
Къ портрету ***	435	Памяти пріятеля, см. Вѣлинецкому	30
Ликуетъ врагъ	156	Панална	422
Литераторы	146	Первый шагъ въ Европу	427
Литература съ трескучими фразами	110	Передъ дождемъ	5
Литературная травля	424	Передъ зеркаломъ	419
Мать.—Отрывки изъ поэмы	384	Письма: Плачь, горько плачь!	50
Мать. Она была исполнена печали	180	Плачь дѣтей	94
Маша	20	Подражаніе Лермонтову, см.: Колыбельная пѣсня	4
Медвѣжья охота	171	Подражаніе Лермонтову, см: Въ невѣдомой странѣ	10
Мое разочарованіе	412	Подражаніе Шиллеру	437
Модебенъ	382	Пожарище	113
Молодые	157	Поражена потерей невозвратной	17
Молодые лошади	434	Послѣднія элегии	28
Морозъ красный-носъ	116	Послѣдышь	267
Мужъ и жена	392	Похороны	98
Муза	19	Поэту: Памяти Шиллера	341
		Поэту: Любовь и трудъ	389
		Поэтъ	146
		Поэтъ и гражданинъ	54

	СТРАН.		СТРАН.
Праздникъ жизни—молодости годы	49	Страшный годъ	188
Праздному	435	Судъ	160
Прекрасная партія	23	Сумерки, см. О погодѣ	82
Приговоръ	384	Суровъ ты былъ	132
Признанія труженика	419	Съ работы	170
Притча о Ермолаѣ трудящемся	132	Сыны народнаго бича	433
Притча о Киселѣ	430	Съителямъ	382
Проводы, см. На улицѣ	19		
Пропала книга	151	Такъ служба	411
Пророкъ	383	Такъ это шутка? Милая мой	36
Прости!	53	Тишина	70
Прощай! завидую тебѣ, см.:—ву	50	Три элегн	345
Псовая охота	7	Тройка	6
Публика	147	Тургеневу, см.—ву	50
Пуškai мечтатели осмѣяны давно	3	Ты всегда хороша несравненно	14
Путевыя записки гр. Гарапскаго, см. Отрывки	34	Ты не забыта	391
Пчелы	167	Тяжелый годъ	70
Пышка въ разливѣ гордая рѣка, см. Послед- няя элегн	28	Тяжелый крестъ	58
Пьяница	2		
Пѣсни	156	Убогая и нарядная	72
Пѣсни о свободномъ словѣ	144	У людей-то въ дому	156
Пѣсня: Всюду съ Музой проникающей	437	Уныніе	346
Пѣсня Еремюшкѣ	76	Усталъ я, усталъ	436
Пѣсня изъ „Медвѣжьей охоты“	179	Утренняя прогулка, см. О погодѣ	77
Пѣсня объ Аргусѣ	428	Утро	340
Пѣсня о трудѣ	179	У Трофима	344
Разбиты все привязанности	74	Фельетонная бувашка	146
Размысленія у параднаго подъѣзда	144	Филантропъ	32
Размысленный	407		
Родился я въ губерніи.—Отрывокъ	10	Человѣкъ сороковыхъ годовъ	434
Родина	200	Черный день! какъ нищій проситъ хлѣба	390
Русскія женщины	88	Четырнадцатое іюня 1854 года	420
Рыцарь на часъ	390	Чиновникъ	404
Салтыкову, М. Е.	52	Что думаетъ старуха, когда ей не спится	111
Самодовольныхъ болтуновъ	42	Что ни годъ—уменьшаются силы	93
Саша	39	Что ты, сердце мое, расходилося	84
Свадьба	158	Чуть-чуть не говоря	421
Свать и женихъ	108		
Свобода	11	Школьникъ	53
Секретъ	116		
Сестрѣ (Аннѣ Алексѣевнѣ Буткевичъ). Посвя- щеніе	436	Бду-ли ночью по улицѣ темной	14
Скоро—примѣты мои хороши	383		
Скоро стану добычею тлѣнья	433	Эй, Иванъ!	169
Слезы и нервы	1	Элегн	348
Современная ода	354	Эпитафія	436
Современники	190		
Соловыи	392	Юбилеры и триумфаторы	354
Сонъ	419		
Старикъ	391	Явно родственны съ землей	423
Старость	110	Я за то глубоко презираю себя	15
Стихи мои! свидѣтели живые	165	Я не люблю проиц твоей	18
Стихотворенія, посвященные русскимъ дѣтямъ	188	Я покинулъ кладбище унылое, см. Двадцатое ноября	108
” ” ” ” ” ”	338	Я посѣтилъ твоё кладбище	18
” ” ” ” ” ”	411	Я рано всталъ, см. Последнія элегн	28
” ” ” ” ” ”		Я сегодня такъ грустно настроенъ	38
” ” ” ” ” ”		Я сбросила мертвяція оковы	391

Въ началѣ тома прилагается: 1) Портретъ А. Н. Некрасова, и 2) его факсимиле.

Типографія М. М. Стасюлевича. Спб. Вас. Остр., 2 линія, 7.

577

574 -

~~Handwritten text, possibly a signature or name, crossed out with a diagonal line.~~

WZSZA SZM
CZNA W KIELCACH
LIOTEKA
102916
L=R

Biblioteka WSP Kielce

0229883